Армагеддон

1|2|3

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ТРИ КНИГИ В ОДНОЙ

Армагеддон

1 | КРУШЕНИЕ АМЕРИКИ
2 | ЗОНА 51
3 | ПОДЗЕМЕЛЬЯ СМЕРТИ

ЭТНОГЕНЕЗ

Юрий Бурносов

Армагеддон

Крушение Америки
Зона 51
Подземелья смерти

Автор идеи
Константин Рыков

Издательство «Этногенез»
Издательство «Популярная литература»
Издательство «АСТ»
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Б91

Книга издана при поддержке деловой газеты ВЗГЛЯД, ДНИ.РУ, RUSSIA.RU

Бурносов, Юрий Николаевич

Б91 Армагеддон: [сборник]. — Москва: АСТ: Этногенез, 2014. — 701, [3] с. *Содерж.: Книга первая: Крушение Америки. Книга вторая: Зона 51. Книга третья: Подземелья смерти.*

ISBN 978-5-904454-88-3 (ООО «Издательско-торговый дом «Этногенез»)

ISBN 978-5-17-083353-5 (ООО «Издательство АСТ»)

Отряд археологов находит в непроходимой мексиканской сельве затерянный город майя. Там, в древней гробнице, ученые обнаруживают глиняный кувшин, запечатанный воском, и серебряную фигурку скарабея, который сдерживал хранившуюся в кувшине смерть. Вирус, получивший название «Армагеддон», превратил треть населения Соединенных Штатов в жаждущих крови безумцев. Эпидемию удалось локализовать, но несколько штатов превратились в Закрытую Территорию.

Русский хоккеист Ростислав Шибанов, фотомодель Атика, девочка-кинозвезда Мидори и чернокожий рэпер Профессор Джей-Ти пытаются вырваться из ада на земле, которым стали США.

Спустя два года команда ученых, возглавляемая Андреем Гумилевым, приступает к исследованию Закрытой Территории. И все это для того, чтобы спасти миллионы людей, раз и навсегда решив проблему вырвавшегося на свободу вируса «Армагеддон».

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-985-18-2711-0
(ООО «Харвест»)

© Рыков К., 2014
© Бурносов Ю., 2014
© Издательство «Этногенез», 2014

Тайна Закрытой Территории

Отряд археологов находит в непроходимой мексиканской сельве затерянный город майя. Там, в древней гробнице, ученые обнаруживают глиняный кувшин, запечатанный воском, и серебряную фигурку скарабея. Лишь один из участников экспедиции, Игнат Нефедов, догадывается, какую силу таит в себе скарабей. Но даже он не знает, что на протяжении многих веков именно скарабей сдерживал хранившуюся в кувшине смерть.

Вирус, получивший название «Армагеддон», превратил треть населения Соединенных Штатов в жаждущих крови безумцев. В руках пораженных вирусом людей — оружие, военная техника и даже ядерные бомбы. Эпидемию удалось локализовать, но несколько центральных и южных штатов превратились в Запретные Территории, границы которых охраняют войска ООН. Никто не знает, что происходит за плотным кордоном войск Североамериканского Альянса.

2014 год. Команда ученых, возглавляемая Андреем Гумилевым, приступает к исследованию Закрытой Территории. Главная цель миссии – поиск вакцины от чудовищного вируса, но у нее есть и другое, секретное задание – обнаружить таинственную «Зону 51», где американские военные хранили тела инопланетян и их летательные аппараты. Именно туда, на бывшую авиабазу ВВС США «Неллис», в недрах которой расположена «Зона 51», приводит судьба вырвавшихся из жуткого города Солт-Лейк-Сити хоккеиста Ростислава Шибанова, фотомодель Атику, тринадцатилетнюю кинозвезду Мидори и чернокожего рэпера по имени Профессор Джей-Ти. Но попасть на Закрытую Территорию куда легче, чем вернуться оттуда. Команде под предводительством «неправильного олигарха» и быв-

шего хоккеиста придется найти останки инопланетян, путешествовать по подземной железной дороге, насмерть биться с генномодифицированными тварями и даже устроить локальную ядерную войну. И все это для того, чтобы спасти миллионы людей, раз и навсегда решив проблему вырвавшегося на свободу вируса «Армагеддон»...

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

КРУШЕНИЕ АМЕРИКИ

ПРОЛОГ	*Город Высоких Сейб*	*9*
ГЛАВА ПЕРВАЯ	*Склеп и кувшин*	*26*
ГЛАВА ВТОРАЯ	*Через фронтир*	*46*
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	*Заложники Неверлэнда*	*66*
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	*Катастрофа*	*88*
ГЛАВА ПЯТАЯ	*Демон Невады*	*93*
ГЛАВА ШЕСТАЯ	*Рейдеры*	*112*
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	*Шибанов*	*131*
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	*Уотерхоул*	*139*
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	*В осаде*	*164*
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	*Священный Город Святых*	*188*
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	*Это не сказка...*	*211*
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	*Итог один – смерть*	*222*

КНИГА ВТОРАЯ

ЗОНА 51

ГЛАВА ПЕРВАЯ	*Побег верхом на «призраке»*	*231*
ГЛАВА ВТОРАЯ	*Были сборы недолги...*	*252*
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	*На земле и под землей*	*268*
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	*«Илиада»*	*286*

ГЛАВА ПЯТАЯ *Летучий Голландец и Крысиный Король* 294
ГЛАВА ШЕСТАЯ *Полет нормальный* 313
ГЛАВА СЕДЬМАЯ *Голгофа* 322
ГЛАВА ВОСЬМАЯ *За периметром* 342
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ *Спаситель* 357
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ *Ловушка* 382
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ *«Чому я не сокіл...»* 399
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ *Зеленое море тайги* 417
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ *База Неллис* 434

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОДЗЕМЕЛЬЯ СМЕРТИ

ПРОЛОГ *Слуги Болон Окте* 457
ГЛАВА ПЕРВАЯ *Карты на стол* 475
ГЛАВА ВТОРАЯ *«Друзья» встречаются вновь* 495
ГЛАВА ТРЕТЬЯ *Досадные потери и полезные приобретения* 513
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ *Спуск в темноту* 536
ГЛАВА ПЯТАЯ *Ужас подземных тоннелей* 557
ГЛАВА ШЕСТАЯ *Сквозь страх* 582
ГЛАВА СЕДЬМАЯ *Мышеловка* 605
ГЛАВА ВОСЬМАЯ *Наверху* 632
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ *Путешествие с «Чарли»* 646
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ *Отступать некуда* 671
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, ОНА ЖЕ ПОСЛЕДНЯЯ *Исцеление* 691

Книга первая

КРУШЕНИЕ АМЕРИКИ

«Всякий раз, когда я вспоминаю о том,
что Господь справедлив, я дрожу за свою страну»
Томас Джефферсон, третий президент
США,
автор Декларации независимости

ПРОЛОГ

Город Высоких Сейб

Юкатан, Мексика, 829 год н.э.

Вырывать сердца – нелегкая работа.

Это только в молодости кажется, что нет ничего проще, чем стоять на вершине пирамиды, облаченным в одеяние из перьев, и под крики толпы поднимать высоко над головой бьющееся, еще живое сердце жертвы. Алые капли благодатью богов падают тебе на лицо, ноги омывает восторг и ужас собравшихся внизу людей. Крестьян, купцов, воинов, знатных господ – тебе все равно. В этот момент для тебя даже сам правитель города – не более чем прах под сандалией. Ты – больше чем человек, ты – рука богов. В молодости это чувство завораживает, наполняет ощущением всевластия, придает сил, необходимых, чтобы выдерживать длинную, многочасовую церемонию под палящим солнцем...

В старости все не так.

Болят руки, которые приходится долго держать над головой. Болезнь, которую лекари называют «костяной червь», поселилась в суставах и потихоньку грызет их. Пальцы, скрюченные и плохо гнущиеся, могут не удержать сердце жертвы, а это ясный знак немилости богов.

Два Тростника очень боится выронить сердце из рук.

Два Тростника стар. Он живет на этом свете так долго, что помнит дни, когда в Городе Высоких Сейб правил свирепый Господин Пакаль, каждый год снаряжав-

ший походы на земли соседей и приводивший в город тысячи пленных. Два Тростника учился тогда в жреческой школе и мог только завидовать тем, кто вырывал сердца этим пленникам. Подумать только, какую милость богов можно заслужить, принеся в жертву тысячу человек зараз!

Боги и правда были благосклонны к Господину Пакалю и Городу Высоких Сейб, но сейчас Два Тростника понимает, что его зависть была глупа. Приносить жертвы – тяжелая работа, ничем не легче, чем ломать камень в карьерах или прокладывать дороги в джунглях.

Особенно, когда жертв так много.

Сегодня их тысяча семьсот.

Тысяча семьсот сильных мужчин, покрытых шрамами и татуировками. Нет среди них вопящих женщин и несмышленых детей. Только мужчины, достойные предстать перед Великим Владыкой Севера, жестоким Болон Окте.

Пятьдесят лет назад Два Тростника гордился бы тем, что ему выпала такая честь – отправить к Владыке Севера целую армию. Но сейчас он стар и думает только о боли в суставах и о том, чтобы не подвели изъеденные костяным червем пальцы.

Тысяча семьсот жертв – это тысяча семьсот ударов ножом. Любой мясник свалится с ног после первой тысячи. Но он, Два Тростника, Говорящий с Богами, не имеет права даже на один неточный удар.

Да, младшие жрецы раскладывают жертву на Кровавом Столе и держат за руки и за ноги так, чтобы кожа на груди натянулась, как барабан. Да, обсидиановые ножи острее любых других, они легко перерезают подброшенный в воздух волос. Да, Два Тростника упражнялся в своем искусстве всю жизнь, и никто не сравнится с ним в умении рассечь грудь жертвы так, чтобы трепещущее сердце само выскочило из-за ребер в подставленную ладонь.

Но тысяча семьсот ударов!

А он уже старик. Достаточно дрогнуть руке, и обсидиановое лезвие сломается о твердую грудину. Или разрез будет нанесен на два пальца ниже или выше, и сердце придется выковыривать из скользкого клубка внутренностей. Церемония замедлится, а это может прогневить Владыку.

Два Тростника не смеет даже подумать о том, что произойдет, если Болон Окте разгневается.

Самый страшный из Четырех Близнецов, хранящих стороны света, Черный Владыка, Дуновение Смерти. Бог, которому когда-то посвятил себя Два Тростника. Бог, от которого зависит решение – стереть род людской с лица земли или же подождать еще один цикл.

Приближается срок, предсказанный мудрецами прошлого. Исполняются предначертания, и появляются великие знамения. В ночном небе багряной змеей сверкает комета, вода в источниках стала белой, как женское молоко, и горькой на вкус. Над южными горами блестят сполохи, будто на вершинах бьются закованные в золотую броню великаны.

Надвигается конец бактуна[1]. Рассчитанный великими магами прошлого, он неизбежен, как неизбежна смерть. Прошлые циклы заканчивались наводнениями, сметавшими с лица земли все живое, или пожарами, от которых трескались даже скалы. Какую кару изберет для людей Болон Окте на этот раз, Два Тростника не знает. Все, что он может сделать, – это умолять Черного Владыку об отсрочке.

Поэтому он старается изо всех сил. Он уже сбился со счета, лица тех, кого кладут перед ним на Кровавый Стол, сливаются в одну искаженную криком маску.

---

[1] Долгий Счет позволял индейцам заглядывать далеко в будущее. Он состоял из серии периодов, отсчитываемых по возрастанию, начиная с одного дня. Система была такая:
20 кин – 1 уйналь (20 дней)
18 уйналей – 1 тун (360 дней)
20 тунов – 1 катун (7200 дней или 19,7 года)
20 катунов – 1 бактун (144 000 дней или 394,3 года)
13 бактунов составляли Великий Цикл, или Солнце. 13 бактунов – это 1 872 000 дней или примерно 5130 лет. В мифологии майя насчитывалось Пять Великих Солнц. Эпоха каждого Солнца заканчивалась мировой катастрофой.

Рука с обсидиановым ножом поднимается и падает, поднимается и падает. Два Тростника торжествующе вскидывает над головой очередное трепещущее сердце и слышит восторженный рев толпы у подножия великой пирамиды.

Горячие капли падают ему на лицо, и он чувствует, как где-то в невообразимой дали жадно облизывается ненасытный Болон Окте.

Может быть, сегодня он смилостивится, думает Два Тростника. Если у меня хватит сил довести дело до конца... если я не допущу ошибки, и если не сломается нож. Впрочем, Черному Владыке неизвестна жалость и снисхождение. Нет, я напою своего господина кровью сильных мужчин, и он опьянеет и махнет рукой на жалкий человеческий род. Не будет же пьяница разбивать о стену кувшин, в котором осталось еще немного хмельного?

Что за мысли, одергивает себя Два Тростника. Думать о Владыке Севера как о жалком пьянице, – какая дерзость! А что если он заглянет ко мне в душу?

Но в следующий миг он понимает, что Болону Окте совсем неинтересно, что происходит в человеческой душе. Так же, как ему самому не приходит мысль заглянуть в душу муравья, перебегающего лесную дорогу. Раздавить сандалией – пожалуйста. Придумать изощренную казнь для всего муравейника – легко. Но вот интересоваться тем, что там себе думает жалкий муравей? Смешно.

И Два Тростника продолжает свою работу. Вздымается и опускается рука с зажатым в ней обсидиановым ножом. Брызжет теплая кровь.

Грохочут ритуальные барабаны.

Урчит от наслаждения Болон Окте.

Что бы сказал Великий Ураган, думает Два Тростника. Он не одобрял кровавых жертв, может быть, потому, что сам прошел через смерть и знал ей цену. Но Правитель мертв, он лежит в мраморном ящике в потайной комнате в толще пирамиды и не может вы-

сказать своему старому другу ни одобрения, ни порицания.

Перед глазами Два Тростника встают картины прошлого. Он видит лицо Правителя, прекрасное и мудрое, со скошенным назад лбом и большим благородным носом. Он вспоминает события, сотрясавшие его землю полвека тому назад...

Господину Пакалю наследовал его племянник, Правитель Ягуар. Несмотря на грозное имя, он был человеком миролюбивым и благодушным и почти не вел завоевательных войн. В дни больших праздников к великой пирамиде сгоняли полсотни, в лучшем случае – сотню выловленных в лесу дикарей. Ясно, что такая скупость не могла понравиться богам, и они покарали Правителя Ягуара.

Правитель умер, поскользнувшись на ступенях своей купальни. Неудивительно, если учесть, что он был сильно пьян, а телохранители оказались нерасторопны. Их первыми и принесли в жертву – уже на следующее утро.

Городом стал править четырехлетний сын Ягуара, носивший имя Великий Ураган. Пока же Великий Ураган бегал по двору, запуская воздушных змеев, государственные дела взял в свои руки регентский совет, куда вошел и недавно ставший Говорящим с Богами Два Тростника.

В совете было пять человек, и все они были согласны с тем, что боги хотят новых жертв и новой крови. К несчастью, это было единственное, в чем регенты сходились, – во всем остальном договориться им не удавалось.

Родственник покойного Ягуара, владетельный Семь Оленей настаивал на том, чтобы ввести новый налог – по ребенку с каждой крестьянской семьи, где насчитывается больше трех детей. Это, по мнению Семь Оленей, значительно увеличило бы количество приносимых в жертву и заодно вселило страх в про-

столюдинов, которые за последнее время слишком уж расплодились.

Старший Писец Белого Дворца возражал – городу, мол, нужны каждые рабочие руки, крестьян лучше использовать на государственных работах, а в жертву следует приносить лесных дикарей, как это делалось при предыдущем правителе, только в десять раз больше.

«Откуда же их взять в десять раз больше, если при Ягуаре последних выловили? – кричал, брызгая слюной, старый Дождевая Черепаха, один из дядьев Великого Урагана. – Надо идти воевать, захватывать пленников, как это делал Господин Пакаль! И прежде всего надо покончить с Городом Тысячи Попугаев, мерзостью перед лицом богов!»

Двадцать лет назад Дождевая Черепаха прибыл в Город Тысячи Попугаев свататься к дочери местного правителя, Зеленой Ящерке. Второй претендент на руку красавицы, молодой и богатый весельчак, зазвал Черепаху к себе во дворец, до бесчувствия напоил перебродившим соком агавы и велел своим слугам разрисовать тело соперника срамными рисунками, после чего Черепаху голым выгнали из дворца и отправили бродить по улицам города. Эту историю знали все, поэтому стремление Дождевой Черепахи выступить в поход против Города Тысячи Попугаев удивления ни у кого не вызвало.

Войну начинать надо, соглашался могучий и кряжистый военачальник по имени Три Топора. При мягкотелом Ягуаре воины забыли, какой сладкой музыкой звучат крики побежденных и как приятен дым пылающих вражеских городов. Но Город Тысячи Попугаев – дешевая добыча, там нет ничего, кроме смазливых девок да кактусового вина. Надо идти на восток, на великие города у священных колодцев, на Нефритовый Замок, на Семь Белых Башен! Там сокровища, там склады ломятся от бобов какао, а храмовые хранилища полны нефритовых пластинок и

привезенных с далекого юга золотых украшений. Там изнеженные и слабые воины, что выходят на битву в перьях вместо доспехов. Там мы захватим тысячи и тысячи пленных, и ступени великой пирамиды вновь обагрятся жертвенной кровью!

И Три Топора, говоря это, выразительно постукивал по полу рукояткой своей боевой секиры.

Сам же Два Тростника благоразумно помалкивал. Он был тогда самым младшим в регентском совете и предпочитал слушать, а не говорить.

Пока регенты препирались, на кого из соседей идти войной, война пришла к ним сама. С севера нахлынули орды варваров, жрущих собачатину, и смяли защитников города, как свирепый ветер сметает тростниковую хижину. Три Топора погиб на ступенях дворца, отбиваясь от визжащей толпы варваров. Семь Оленей пытался купить благосклонность завоевателей богатыми дарами, но был убит их вождем. В дверях хранилища свитков пронзили копьем Старшего Писца. Исчез куда-то Дождевая Черепаха. Но Два Тростника варвары тронуть не посмели – когда они поднялись на великую пирамиду, он стоял там, воздев руки к небу, и по лицу его стекали капли жертвенной крови. Перед ним лежало тело четырехлетнего мальчика в богатом платье. У мальчика было вырвано сердце.

Варвары поняли, что Два Тростника принес в жертву самого правителя города, Великого Урагана, и устрашились. Даже они знали, что за такую жертву боги исполнят любую просьбу жреца.

Поэтому вождь варваров не стал сжигать Город Высоких Сейб и даже не увел его жителей в рабство. Он оставил в городе своего наместника, огромного, пахнущего псиной длинноволосого пьяницу, которого все звали просто Нож, а с ним – две сотни воинов. И повернул на восток, покорять Нефритовый Замок и Семь Белых Башен.

А Два Тростника остался служить богам... и воспитывать юного принца, которого старый Дождевая Че-

репаха успел спрятать в подземельях великой пирамиды и переодеть. Принц упирался и плакал, когда с него срывали богатые одежды правителя. А крестьянский мальчик, наоборот, радовался, когда его нарядили в прозрачные ткани и перья.

Но Великий Ураган остался жив, а крестьянскому мальчику Два Тростника вырвал сердце.

Десять лет законный правитель города жил при храме как простой слуга. Два Тростника обучал его грамоте и письму, простому и долгому счету, посвящал в тайны календаря и объяснял, как толковать знаки звездного неба. Но когда юноше исполнилось четырнадцать, он попросил у своего наставника разрешения и ушел в лес искать себе новую судьбу.

Великий Ураган вернулся через два года, окрепший и возмужавший. Он носил шкуру ягуара, убитого им в лесу. Он стал славным охотником, а на руках его белели двенадцать шрамов – по одному за каждого убитого им врага.

В Городе Высоких Сейб по-прежнему правили варвары, и даже самый знатный вельможа должен был кланяться самому ничтожному пожирателю собачатины. Великий Ураган сказал своему наставнику, что хочет сбросить власть северян и восстановить прежнюю династию.

Два Тростника пытался убедить его в том, что это невозможно. Варвары сильны, а жители Города Высоких Сейб уже привыкли к их владычеству. В их сердцах нет отваги, и они не станут сражаться с теми, кто поработил их двенадцать лет назад.

Но Великий Ураган не послушал его. Он собрал отряд из двадцати отважных юношей, раскрыл им тайну своего происхождения и убедил выступить против варваров. Ночью заговорщики ворвались во дворец, в котором некогда родился Великий Ураган, и убили старого пьяницу Ножа.

Слух об этом распространился быстрее, чем пожар в сухом лесу, и Город Высоких Сейб восстал. Оружия у го-

рожан не было, так что варваров убивали чем придется – серпами, мотыгами, строительными молотками. Половина варваров разбежалась, а сотню захваченных в плен Два Тростника принес в жертву на вершине великой пирамиды.

Но прошел месяц, и вождь варваров привел свою орду к стенам Города Высоких Сейб. На этот раз никто даже не пытался сопротивляться. Горожане в страхе бежали, а тем, кто остался, варвары размозжили головы своими длинными дубинками.

Великий Ураган плакал, глядя, как убивают его людей – людей, которыми он правил всего месяц. Когда стало ясно, что город пал, он со своим отрядом пробился сквозь толпу варваров, свирепый, как защищающая своих детенышей пума, и исчез в лесу.

Два Тростника уцелел и на этот раз, хотя его сильно избили и сбросили с великой пирамиды. Любой другой, скатившись вниз по крутым каменным ступеням, расстался бы с жизнью, но не Два Тростника, как видно, хранил его господин, Владыка Севера. Он пришел в себя ночью, когда Болон Окте шагал в звездном небе, высоко подняв хрустальный щит, и стал молиться ему, прося сохранить жизнь Великому Урагану и покарать врагов.

Жрецу казалось, что Владыка ответил, но, возможно, это демоны болезни шептали ему в уши.

Два Тростника болел долго, и не было никого, кто помог бы ему в те дни.

Прошло еще три года, и Великий Ураган вернулся на руины своего города. Он повзрослел и преисполнился мудрости и жестокости. В черных, падавших на плечи волосах его сверкали серебряные нити. С ним было трое уцелевших воинов его отряда и старуха, которую они несли на носилках, словно знатную госпожу.

Два Тростника был рад видеть своего воспитанника живым и невредимым, но старуха не понравилась ему с первого взгляда. Она была крючконосая и злобная, на одном глазу у нее было бельмо. И она не говорила на

языках людей, а Два Тростника знал их много. Он понимал и язык Семи Белых Башен, и язык жителей южных гор, и даже лающее наречие варваров. Но язык, на котором говорила старуха, был ему неизвестен. В нем было много шипящих, отчего старуха напоминала рассерженную змею. Однако Великий Ураган обращался с ней уважительно и делал почтительное лицо каждый раз, когда старухе приходило в голову его позвать.

Своему наставнику принц сказал, что старуха – великая колдунья из далекой страны на юге, что лежит за цепью высоких гор, непроходимыми лесами и полными чудовищ болотами. Там, посреди священного озера, стоит немыслимо древний храм, наполовину вросший в землю, и в нем живут три старые колдуньи, которых жители той страны называют Сестрами Смерти.

Два Тростника, служивший Владыке Смерти Болон Окте, услышал в этих словах ересь, но спорить с принцем не решился, только спросил, зачем он привел с собой одну из Сестер сюда, на развалины Города Высоких Сейб. И Великий Ураган ответил, что замыслил страшную месть пожирателям собак, которые разрушили его наследное владение и убили его подданных. И что теперь судьба варваров – в руках Сестры Смерти.

На этот раз Великий Ураган не спешил. Он посылал своих слуг в разные концы страны, собирая оставшихся в живых жителей Города Высоких Сейб. Всем им он приказывал вернуться туда, где когда-то возвышался его дворец. Прошло полгода, и в город вернулась тысяча человек – в тридцать раз меньше, чем когда-то жило в его стенах.

Едва вернулись последние, Великий Ураган пошел в подземелье, где обитала старуха, и провел там всю ночь. Когда наутро он вышел на дневной свет, в волосах его серебра было больше, чем угля. В руках он держал глиняный кувшинчик, изукрашенный неизвестными письменами. Два Тростника никогда в жизни не видел подобных знаков.

Когда принца спросили, что в кувшине, он ответил – смерть.

А потом велел привести к нему десять девственниц. И это было исполнено.

И каждую девушку отводили в склеп, где стоял кувшинчик, и приказывали заглянуть внутрь. Но кроме девушек, никто не должен был видеть того, что хранилось в кувшине. Говорить же, что они видели, девушкам было запрещено.

А затем Великий Ураган отослал девушек в города, захваченные варварами, где они должны были ублажать пожирателей собачатины и спать с их вождями и командирами. Девушки ушли, и никто больше их не видел.

А сам Великий Ураган сидел в покоях своего разрушенного дворца и принимал своих подданных. Каждому, кто приходил к нему, он возлагал руку на голову и произносил какие-то слова на языке, в котором было много шипящих.

Пришел к нему и Два Тростника, преклонил колени и спросил, что делает его бывший ученик. И Великий Ураган сказал – спасаю свой народ.

И он возложил руку на затылок своему учителю, и Два Тростника почувствовал холод, словно от прикосновения металла. Он осмелился поднять глаза, и увидел между пальцев принца серебристый блеск.

Но больше на его вопросы Великий Ураган не отвечал, только прошептал что-то на чужом наречии. Два Тростника ушел от него, недоумевая. Той ночью он чувствовал себя так хорошо, будто помолодел на двадцать лет, но вскоре забыл об этом – такие страшные события сотрясли землю.

Сначала до его ушей стали доходить слухи – слухи о том, что варвары умирают от какой-то болезни, которую прозвали Веселая Смерть. В заболевших вселялись демоны, и они принимались убивать друг друга с такой охотой, словно это была веселая игра. Родители убивали детей, а дети – родителей. Воины хвата-

лись за оружие и начинали резать своих товарищей. Многих убивали ночью, во сне. Некоторые влезали на крыши домов и, хохоча, перерезали себе горло. Те немногие, кого миновала зараза, погибали от руки обезумевших.

Потом Два Тростника увидел это своими глазами. Толпы безумцев, жаждущих крови, выходили из леса и бросались на штурм городских стен. Их были сотни, а может, и тысячи, но маленькая армия Великого Урагана справлялась с ними без труда – пораженные Веселой Смертью ничего не помнили о дисциплине и сражались каждый за себя. Какое-то время они пытались ворваться в город, а потом просто обходили его стороной и исчезали в лесу.

Были и те, кому посчастливилось уцелеть и сохранить рассудок. Таких Великий Ураган принимал охотно, но с условием – они преклоняли колени, а принц возлагал им руку на голову. Тех же, кто не соглашался, в город не пускали.

Так прошел год, а потом посланные Великим Ураганом разведчики донесли, что варвары исчезли, будто их никогда и не было. Захваченные ими города обезлюдели, лишь кое-где в лесу жили маленькие общины спасшихся от Веселой Смерти. Страна опустела, на многие дневные переходы вокруг лежали покинутые селения и брошенные города.

Жителей Города Высоких Сейб болезнь обошла стороной – ни один человек из тех, кто становился на колени перед Великим Ураганом, не заболел и не сошел с ума.

Тогда принц вновь спустился в подземелье, где жила старуха, но на этот раз пробыл там недолго. Вернувшись, он объявил, что Сестра Смерти покинула их навсегда, и велел замуровать подземелье диким камнем. И Два Тростника украдкой вздохнул с облегчением.

С тех пор прошло много лет.

Великому Урагану удалось вновь отстроить Город Высоких Сейб. Он собрал под свою руку общины выжив-

ших и восстановил Семь Белых Башен и Нефритовый Замок. Он поставил наместниками этих городов своих верных воинов, бывших с ним с самого начала, с той ночи, когда заговорщики убили старого пьяницу Ножа.

Он правил долго и справедливо, и самые искусные камнерезы соревновались в мастерстве, покрывая гимнами в его честь стелы из розового и зеленого камня.

А Два Тростника всегда оставался при нем самым доверенным лицом и Говорящим с Богами. Став правителем, бывший ученик жреца не забыл, кому он обязан жизнью.

Но закончилось время, отмерянное богами, и Великий Ураган умер.

Два Тростника омыл его лицо своими слезами и велел лучшим мастерам изготовить большой ящик из зеленого мрамора. На крышке ящика по его приказу вырезали Мировую Сейбу – дерево, пронизывающее собой все три мира. Под ветвями Мировой Сейбы полулежал Великий Ураган, вкушая сладкое звездное молоко.

Почти пять лет мастера трудились над ящиком, и Два Тростника боялся, что не доживет до конца работы.

Но он все жил и жил, словно Болон Окте в насмешку наградил его бессмертием. Под присмотром Два Тростника рабы уложили истлевшие останки правителя в ящик и задвинули тяжелую крышку, после чего воины убили их и оставили в склепе рядом с саркофагом.

И Великий Ураган обрел покой под сводами великой пирамиды.

А потом пришел страшный год, последний год бактуна, год багряной кометы.

Два Тростника надеялся, что он не увидит конца цикла, но этой надежде не суждено было сбыться. И вот настал день, когда он, старый и слабый, вновь стоит на вершине пирамиды, чтобы отвратить от людей гнев своего господина, Болона Окте, Дуновения Смерти.

И нет никого во всем мире, кто мог бы сделать это вместо него.

У Кровавого Стола – какая-то заминка. Вместо того чтобы растянуть на выпуклом камне очередную жертву, младшие жрецы падают на колени и ползут к ногам дрожащего от нечеловеческого напряжения Два Тростника. Они плачут и стучат головами о гранитные плиты.

С некоторым запозданием Два Тростника понимает, что он только что вырвал сердце последней жертве.

Их было тысяча семьсот, повторяет он себе, не веря. Тысяча семьсот! Я не мог сделать это сам, наверное, мне кто-то помогал...

И тут он понимает, кто ему помогал, и чувствует холод, поднимающийся вверх по позвоночнику. Его тело выгибается и замирает, как натянутая тетива.

А потом он слышит голос Владыки Севера, похожий на рокот грома в ночном небе. Его не могут заглушить ритуальные барабаны.

Болон Окте говорит, но никто, кроме Два Тростника, не слышит ничего – только далекие грозовые раскаты.

Но все видят, что Говорящий с Богами внемлет своему господину, и боятся, и прячут лица. Жрецы отползают от застывшей в трансе фигуры, тихонько подвывая и расцарапывая себе ногтями щеки.

Проходит много времени, может быть, час, и Два Тростника падает, как подкошенный. Болон Окте вышел из него, и теперь он снова человек. Его поднимают и осторожно подводят к краю площадки.

Два Тростника воздевает над головой липкие от крови руки.

– Возрадуйтесь, люди! – кричит он. – Ибо бог простил нас! Владыка Севера доволен принесенной жертвой и не станет карать людей сейчас. Он дал нам время – еще три бактуна! Целых три бактуна вы можете жить, рожать детей и возделывать землю! И только по истечении этого срока гнев Болон Окте падет на головы наших правнуков.

Площадь внизу отвечает радостным гулом голосов.

– Но если вы забудете свои обязанности, кара может настичь вас раньше, – сурово предупреждает Два Тростника. – Вы не должны прекращать приносить богам жертвы, ибо кровь им по вкусу!

Толпа согласно воет.

– Я говорю это, потому что мой срок пришел, – продолжает Два Тростника. – Болон Окте требует меня к себе, и вам придется искать другого Говорящего с Богами. Не забывайте же, что я заповедовал, и гнев богов обойдет вас стороной!

Внизу слышны громкие крики разочарования. Два Тростника знает, что людям будет страшно без него, заступника перед Дуновением Смерти, но воля Болон Окте священна. Такова цена за спасение рода человеческого, и, хотя Два Тростника не понимает, почему Владыка Севера бросил на одну чашу весов его ничтожную жизнь, а на другую – жизнь всех прочих людей, ослушаться он не смеет.

К тому же перед смертью ему предстоит исполнить еще один приказ Болон Окте.

Этой же ночью он велит разобрать замурованный диким камнем склеп страшной старухи, которую Великий Ураган привез когда-то из далеких южных земель.

Когда кладку разбирают, двое рабов, первыми перешагнувшие порог, падают замертво, вдохнув смрадный воздух подземелья.

Два Тростника прикладывает к ноздрям тонкую, пропитанную благовониями повязку и, держа в руке факел, спускается вниз.

На последних ступенях лестницы, скорчившись, лежит старуха. Седые космы ее отросли почти до пят, ногти на руках длиною с початки маиса.

Два Тростника понимает, что Великий Ураган приказал замуровать ее в подземелье живьем.

На низком каменном столе стоит простой с виду глиняный кувшинчик. Сверху на нем лежит серебристая фигурка жука с изогнутыми передними лапами.

Два Тростника перешагивает через высохший труп старухи и осторожно берет в руки кувшин и фигурку. Скрюченные болезнью пальцы болят неимоверно, но он держит свою ношу крепко. Он знает, что если уронит ее, мир погибнет гораздо раньше отпущенного ему богами срока.

Прижимая к груди кувшинчик и жука, Два Тростника, хрипя от боли в суставах, взбирается обратно по лестнице. Когда он выходит из склепа, жрецы бросаются помочь ему, но он отгоняет их гневным движением руки.

Никто не должен прикасаться к нему.

Дальше все происходит, словно во сне. Взяв с собой двух самых сильных воинов, Два Тростника спускается в подземный лабиринт под великой пирамидой. В этих коридорах можно плутать бесконечно, но Два Тростника сам начертил на стенах тайные знаки и без труда находит дорогу. В конце концов он оказывается у каменной двери, закрывающей вход в гробницу правителя.

Воины открывают двери и зажигают факелы на стенах, украшенных фресками. Их отблески играют на зеленой мраморной крышке, на которой изображен Великий Ураган, вкушающий звездное молоко.

Два Тростника приказывает отодвинуть крышку.

От Великого Урагана остались одни кости, завернутые в дорогие ткани. Пожелтевший череп скалится приветливой улыбкой.

Теперь приходит черед самого главного. Того, о чем говорил ему Болон Окте.

Два Тростника забирает у одного из воинов факел, и, недовольно ворча, растапливает на его огне шар пчелиного воска. Воск капает на кувшинчик, покрывая его неровным желтым слоем. Два Тростника достает золотую палочку и пишет на воске один-единственный иероглиф. Потом он погружает в мягкий еще воск серебристую фигурку жука. Теперь кувшинчик надежно запечатан.

Когда придет срок, отпущенный Владыкой Севера, печать будет сорвана, и смерть, таящаяся в кувшине, вырвется наружу.

Но это будет еще не скоро, спустя три бактуна.

Дело сделано, и Два Тростника чувствует себя опустошенным и легким. Он велит воинам вернуть крышку на место, стать на колени и закрыть глаза.

Воины догадываются, что их ждет, но не смеют ослушаться Говорящего с Богами.

Уколы обсидианового ножа точны и милосердны. Густая кровь обагряет плиты подземной усыпальницы.

Совершив это последнее в своей жизни жертвоприношение, Два Тростника ложится рядом с саркофагом, подтягивает ноги к животу и закрывает глаза.

Его господин, Болон Окте, ждет своего верного слугу в небесных чертогах.

«Народы, некогда могущественные, а ныне вымирающие и пришедшие в упадок, Я не вправе продолжать, пока не воздам дань уважения тому, что вы оставили нам»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Склеп и кувшин

Юкатан, Мексика, декабрь 2012 года

Роулинсон смял жестяную банку из-под пива «Текате»[1] и зашвырнул в кусты, спугнув паукообразную чернорукую обезьяну, которая с интересом наблюдала за археологами. Заверещав, обезьяна кинулась наутек, а Роулинсон мрачно вопросил:

– Скажите, только мне кажется, что все мексиканское пиво отдает мочой?

– А я тебе говорил: в любой стране нужно пить и жрать только то, что является для нее аутентичным. То есть в Мексике надо пить текилу и мескаль, а вовсе не пиво. Пиво надо пить в Европе.

Сказав так, Блэки вытер с грязного лба пот и вновь принялся работать ломиком. Широкую каменную плиту они с трудом обнаружили под пластами земли и плотной тропической растительности. После того как ее расчистили, Блэки воодушевленно принялся ковырять плиту ломиком под неодобрительным взглядом Роулинсона, который вообще скептически относился к археологии.

Блэки обливался потом, но местное пиво принципиально игнорировал. Роулинсон пожал плечами и вытащил еще одну банку из портативного холодильника.

---

[1] «Tecate Beer» – один из самых популярных сортов пива в Мексике.

– Может, поучаствуешь немного? – спросил Блэки.

– Смотреть гораздо интереснее, – покачал головой Роулинсон. – К тому же я уверен, что под этой чертовой плитой ничего нет.

– Там пустота, я тщательно простукивал, – возразил Блэки. – Я думаю, что здесь расположен вход в подземный склеп. Да он и должен быть здесь – все пирамиды индейцы строили по примерно одному плану.

– Потому что у них не было архитекторов, которые дерут за это бешеные бабки, как в наше время, – сказал Роулинсон, вскрыл банку и обрызгался пеной.

– Когда Альберто Рус Луилье нашел подземный тоннель в Паленке[1] под Храмом Надписей, ему тоже никто не верил. А там оказался как раз склеп с иероглифами, саркофагом и костями одного из древних правителей.

– Ты кое-что упустил, коллега. Во-первых, Альберто Рус копался там четыре года. Во-вторых, он делал это не самолично при помощи кривого ржавого ломика, а руководил командой рабочих. Ну и самое главное – Луилье работал в Паленке совершенно легально, по линии Национального института антропологии и истории Мексики. Поэтому лично я готов остаться на пару дней, но не больше. Куда-куда, а уж в мексиканскую тюрягу я точно не собираюсь.

– Трусливый гринго[2], – с улыбкой сказал Лафонсо Ченнинг. – Давай твой лом, Алан, я тебе помогу.

Негр взял у Блэки ломик и стал прикидывать, куда бы его всунуть, чтобы плита подалась.

– Да расколи ты ее, – посоветовал Роулинсон. – Ты здоровенный черный парень, если хорошенько врезать, плита и развалится.

---

[1] Условное название развалин большого города майя на северо-востоке мексиканского штата Чьяпас – политического и культурного центра майя в III–VIII вв. Столица Баакульского царства. Тоннель в Храме Надписей обнаружен в 1952 году.

[2] Презрительное латиноамериканское прозвище североамериканцев, в частности, и белых в целом. Произошло от лозунга «Green go!», очень популярного во время оккупации Америкой бывших мексиканских территорий (у американских войск была форма зеленого цвета).

– Ты с ума сошел?! – искренне возмутился Блэки, сидя на камне и тяжело дыша.

– Да здесь и так мало что сохранилось. Чертов городишко старше, чем Ламанай в Белизе, к тому же я уверен: если здесь что и было, то самое ценное разграбили еще конкистадоры, а потом сюда приходили поживиться все, кому не лень.

– Ты забыл, что сказала нам старуха? – послышался сверху голос. По раскрошившимся и сгладившимся от времени ступеням храма-пирамиды осторожно спускались еще трое членов экспедиции – Ломакс, Леттич и русский Игнат Нефедов.

– Ничего я не забыл, tovarishch, – с улыбкой сказал Роулинсон. Он всегда называл русского так, полагая, что это должно раздражать Нефедова, но тому было до лампочки. – У этих чокнутых обитателей сельвы любая гора или ущелье – жилище злых духов, проклятое место. Что тогда сказать о заброшенном городе? И вообще, у вас в России, наверное, фильмы ужасов запрещены?

– Вовсе нет, – Нефедов спустился и помог спрыгнуть Леттичу, который заметно хромал.

– А если нет, то ты должен знать, tovarishch, что в любом мало-мальски достойном фильме ужасов есть такой персонаж, как местный житель, говорящий путешественникам что-то типа: «На вашем месте я бы туда не ездил». А что придумано сценаристами и продюсерами, то, как правило, к реальной жизни отношения не имеет.

– Ты, наверное, и на сигналы светофора не реагируешь? Он ведь тоже говорит что-то типа: «На твоем месте я бы туда не ездил», – сказал негр и громко рассмеялся. Его вяло поддержали, после чего Леттич пожаловался:

– Кажется, я растянул связки.

– Этого только нам и не хватало, – пробормотал Роулинсон, исполнявший в экспедиции функции врача. – Сейчас допью пиво и займусь тобой.

– Не нужно, – сказал русский, прихлопнув на щеке москита. – Там ерунда, разрыва нет… Я уже смазал гелем с ибупрофеном и наложил повязку.

– Спасибо, tovarishch, – отсалютовал ему пивной банкой Роулинсон.

Некоторое время все сидели молча, глядя, как Лафонсо Ченнинг возится с плитой. Нефедов вспомнил пресловутую старуху – сморщенную, темнокожую, облаченную в доходящую до лодыжек полосатую юбку-корте, блузу-уипиль и длинную шаль. Она стояла у обочины дороги, курила трубку и продавала ярко-красные перцы, разложенные на соломенной подстилке, и куски липких сладостей из кактуса. Длинный «лендровер» экспедиции остановился возле старухи, и Роулинсон вступил с ней в длинную сложную беседу, вручив для начала банкноту в пятьдесят песо. Старуха вначале отвечала охотно, даже улыбаясь, потом помрачнела и, собрав в складки шали нехитрый товар, демонстративно убралась прочь.

– Чем ты обидел старую леди? – поинтересовался тогда Лафонсо Ченнинг.

– Она сказала, что нас сожрут гоблины, – развел руками Роулинсон. – Как только я заикнулся про старый город. Я так понял, что туда никто не ходит, и нам там тоже делать нечего. Злые духи, дескать. Проклятое место. Скорее всего, бабка врет. Грех не соврать гринго.

– Может, она просто заигрывала с тобой, а ты не въехал! – засмеялся негр. Роулинсон беззлобно выругался.

Эта история действительно напоминала фильм ужасов, потому Нефедов не придал ей значения. Но сейчас ему стало немного не по себе, хотя остальные по-прежнему относились к мрачному пророчеству наплевательски.

– В самом деле, пирамида очень старая, – нарушил молчание Курт Ломакс. – И очень большая. Эрозия ее сильно разрушила, но даже то, что осталось, впечатляет. Это, конечно, не гватемальский

Эль-Мирадор[1] с его семьюдесятью двумя метрами, но тоже весьма внушительное сооружение. Странно, что его никто не обследовал до нас.

– Ничего странного, – возразил Блэки. – Эта красотка очень хорошо сокрыта от людских глаз. Да и, похоже, слишком давно заброшена. Ее даже ни разу не нарастили.

– Как это? – вытаращил глаза Ченнинг. – Что значит «не нарастили»? Я думал, пирамиды только раскапывают...

– Пирамиды в Мексике есть повсюду. Буквально повсюду. Каждый городок может похвастаться своим «ситью аркеолохико». Самая большая пирамида – Чолула. Это вторая по высоте пирамида в мире после пирамиды Хеопса. А все потому, что это фактически несколько пирамид, построенных одна на другой. Каждый завоеватель считал своим долгом «нарастить» пирамиду. Каждый слой отражает историю завоеваний одних индейских народов другими. Испанские конкистадоры не составили исключения. Миссионеры опасались, что аборигены разрушат их культовые сооружения и для приобщения индейцев к христианству использовали их собственные места поклонения. Другая причина – экономия. Чтоб не тратить время и деньги, для строительства своих церквей и домов они использовали камни индейских пирамид, – пояснил Ломакс.

– А эту вот почему-то оставили как есть, – вздохнул Блэки.

– Боялись злых духов, – захихикал Роулинсон.

На самом деле смешного было мало. Крохотная экспедиция действовала нелегально именно потому, что Министерство общественного образования Мексики наотрез отказывалось давать разрешение на посещение здешних мест. Чиновники ничего не объясняли –

---

[1] Один из крупнейших городов культуры майя. Его руины находятся на севере Гватемалы, близ гватемальско-мексиканской границы. В Эль-Мирадоре сохранились две крупные пирамиды: 55-метровая «Эль-Тигре» и 72-метровая «Ла-Данта», на вершине которой находится храм.

просто отказывали. Случись это в России или Америке, можно было бы подумать, что где-то тут размещены подземные пусковые установки ракет или же секретные исследовательские центры, но в Мексике... Но возможно, власти попросту опасались, что зарубежные археологи попадут в руки партизан-сапатистов[1], которые нет-нет да объявлялись в сельве. В любом случае организатор экспедиции, эксцентричный голливудский продюсер Джордж Либеропулос, не смог решить вопрос законными путями и потому начал действовать нелегально. Разумеется, это наложило отпечаток на состав экспедиции. Серьезными специалистами пришлось пренебречь – вряд ли кто-то из уважаемых исследователей культуры майя согласился бы участвовать в этом сомнительном мероприятии.

Сам Джордж Либеропулос разбирался в археологии на уровне гарлемского торговца хот-догами. Однако спродюсированный им исторический мегаблокбастер «Кортес» едва не переплюнул по сборам кэмероновского «Аватара», и история индейцев майя стала для обогатившегося грека чем-то вроде хобби. Поэтому он отправил в Мексику шесть человек с пожеланием, буквально выражавшимся как «привезите мне что-нибудь этакое, черт возьми!». Примерное расположение пункта назначения хитрый продюсер разнюхал через НАСА, где наловчились находить неизвестные доселе города майя при помощи спутниковых фотографий. Поскольку снимали это спутники-шпионы, информация была засекреченной, но Либеропулос отыскал нужные рычаги.

Археологами как таковыми в экспедиции были трое.

Алан Блэки в свое время копал по линии ЮНЕСКО Хойя-де-Серен в Сальвадоре, работал в мексиканском Чакмультуне, где с ним произошла не очень красивая история, когда Блэки попытался перепродать скрытые

[1] Национально-освободительное движение в Мексике. Название восходит к имени генерала Эмилиано Сапаты – героя Мексиканской революции 1910–20-х годов. Социальная опора движения – бедные индейцы-крестьяне. Сапатисты требуют конституционного закрепления прав коренных народов Мексики. Лозунг сапатистов: «Демократия! Свобода! Справедливость!»

им находки одному ушлому англичанину. После этого Блэки был закрыт путь как в официальные археологические программы, так и в Мексику.

Чарли Роулинсон являлся неплохим специалистом по индейским текстам, но человеком был просто отвратительным со всеми своими глупыми шутками, постоянным брюзжанием и любовью к алкоголю.

Курт Ломакс угодил в состав экспедиции в последний момент. Он знал Мексику как свои пять пальцев, преподавал археологию и историю в университете Джона Хопкинса в Мэриленде, но вряд ли ввязался бы в аферу Либеропулоса, если бы не крупный проигрыш в покер. Причем проиграл несчастный профессор совсем не тому, кому можно было. В итоге Ломакс, с одной стороны, скрывался, а с другой – пытался заработать.

Остальные трое были людьми совершенно разными. Здоровенный чернокожий Лафонсо Ченнинг раньше служил в морской пехоте, что фактически объясняло его роль в экспедиции. Бывший мастер-сержант привел с собой русского Нефедова, с которым познакомился при неясных обстоятельствах во время второй войны в Ираке. С русским вообще было многое непонятно, но все как-то сразу прикинули, что с русскими так и должно быть. По крайней мере, к мировой революции Нефедов не призывал, к русской мафии если и имел отношение, то умело это скрывал, ушанку с красной звездой не носил и на балалайке не играл. В последнее время он получал медицинское образование в Стэнфорде. Правда, для своего возраста Нефедов был уже весьма немолодым студентом, но человек волен учиться хоть до гробовой доски, и на этот факт никто внимания не обращал. Впрочем, о возрасте Нефедова сложно было что-то сказать определенно: в иные моменты русскому можно было дать тридцать, в иные – пятьдесят… В лице его было что-то неуловимое, быстро меняющееся, а молодежная бодрость и склонность к авантюрам успешно сочетались с житейской мудростью.

А вот Фрэнсис Леттич был студентом самым что ни на есть хрестоматийным, которому попросту было нечем заняться, но весьма хотелось приключений и денег, что для человека его возраста вполне простительно. Нефедов исполнял обязанности второго врача, Леттич кашеварил, но вообще-то обоих взяли в экспедицию на универсальную должность «подай-принеси». К тому же оба студента изучали историю Латинской Америки, хорошо знали испанский и умели обращаться с оружием, что в условиях сельвы было немаловажно.

– Неплохо бы пожрать, – заявил Роулинсон, швыряя очередную опустевшую банку вверх по склону и наблюдая, как она, подпрыгивая на камнях, катится обратно.

Нефедов посмотрел на часы:

– Еще рано.

– Слушай, мы же не в летнем лагере для скаутов, tovarishch. Если я хочу жрать, я делаю это, когда мне захочется, а не когда положено по расписанию.

– Возьми в рюкзаке консервы, – сухо сказал Нефедов.

Роулинсон хотел поставить наглого русского на место, но передумал и принялся рыться в поклаже, сложенной в тени дерева каоба, рядом с палатками. Тем временем Ченнинг продолжал трудиться над упрямой плитой и даже вскрикнул от неожиданности, когда та после очередного нажатия ломиком съехала в сторону, открыв темный проем размером с дверцу багажника «шеви-тахо». Внутри было темно, на археологов в буквальном смысле пахнуло вечностью.

– Черт... – зачарованно пробормотал Блэки. – Я же говорил...

Роулинсон бросил рюкзак, схватил мощный фонарь «Хитачи» и бросился вперед, оттеснив плечом хромающего Леттича. Луч света выхватил грубо обработанные стены из ноздреватого камня, пол, сложенный из круглых одинаковых булыжников, покрытых пылевой пудрой...

– Никогда не видел такого покрытия, – заметил Блэки, с интересом разглядывая пол. – Интересно, что это за материал и зачем его обрабатывали подобным образом…

– А его и не обрабатывали, – громко сглотнув слюну, сказал Лафонсо Ченнинг. – Это человеческие черепа.

…Идти по черепам было жутко, но бегать по потолку, подобно мухе, люди не умели. Кости трещали под ногами, оседая и рассыпаясь. Ноги проваливались едва ли не по колено – черепа лежали в несколько слоев. Вместе с хрустом в туннеле слышалось сопение, потому что все надели респираторы, ибо черт его знает, чем можно надышаться в таком месте. В воздухе висела тонкая серая пыль, прихотливо пляшущая в лучах фонарей.

Если бы экспедиция была легальной, разработку коридора вели бы постепенно, расчищая его от костей, нумеруя каждый череп, тщательно просеивая останки. У наших героев не было ни времени, ни желания делать это, хотя Ломакса буквально передергивало от подобного вандализма. Роулинсон насвистывал песенку – что-то из Шакиры, кажется, пока Ченнинг не рявкнул:

– Вы не могли бы заткнуться, сэр?!

– Вот он, черный расизм, – сокрушенно заключил Роулинсон, но действительно перестал свистеть.

Коридор уходил вперед, слегка загибаясь влево. Солнечный прямоугольник входа уже не был виден.

– Я надеюсь, пирамида не рухнет нам на головы? – осведомился негр, который шел впереди рядом с Роулинсоном. В руках он держал бельгийскую автоматическую винтовку FN FAL под натовский патрон 7,62 миллиметра. Оружие экспедиция закупила прямо на месте, у немногословного загорелого мужчины, говорившего с отчетливым немецким акцентом. – По-моему, в Египте фараоны любили делать ловушки для непрошеных гостей, пришедших что-нибудь спереть с их могилок.

– О, да ты читал не только устав морской пехоты! – деланно удивился Роулинсон.

– Я много смотрю телевизор, – индифферентно сообщил Ченнинг, поправляя респиратор. – Канал «Дискавери» в том числе. Так что там с фараонами и их могилками?

– Я не слыхал про такое применительно к майя, – успокоил бывшего морпеха профессор Ломакс. – Египетские пирамиды вообще устроены по иному принципу. Строго говоря, это просто огромные усыпальницы, не более. В отличие от индейских построек, которые прежде всего являлись храмами. Конечно, и тут хоронили представителей знати или видных жрецов, но вряд ли кто-то осмелился бы грабить их могилы во времена расцвета цивилизации майя. То есть ловушки были попросту не нужны.

– Хочется верить, – прогудел чернокожий великан. – Хотя я думаю так: если вы про такое не слыхали, проф, это не значит, что ловушек нет. Это значит, что те, кто в эти ловушки угодил, попросту не сумел потом про них рассказать, вот как я думаю.

Ломакс задумчиво помолчал, потом сообщил размеренным голосом, словно читая лекцию в аудитории:

– Согласно верованиям индейцев майя, души после смерти отправляются в загробный мир в сопровождении собаки-поводыря, прекрасно видящей в темноте. За время путешествия по темным подземным лабиринтам, полным потоков воды и страшных существ – змей, пауков, летучих мышей, скорпионов – душам предстоит пройти множество серьезных испытаний, прежде чем они достигнут загробного мира, Шибальбы, и смогут продолжить свое загробное существование. Некоторые ученые считают, что пирамиды – это надстройки над естественными пещерами, которые являлись порталом в другую, загробную реальность.

– Довольно проповедовать, профессор, а то мне что-то змеи мерещатся под этими черепушками, – прошипел Роулинсон и злобно пнул какую-то крупную кость.

Еще несколько метров треска под ногами и вздымающихся клубов пыли – и археологи оказались в боль-

шом приземистом зале. Массивная каменная дверь была почему-то открыта, стены были украшены разноцветными фресками. Блэки тотчас бросился к ним и, освещая фонарем, забормотал в восхищении:

– Смотрите, смотрите! Сохранность куда лучше, чем у фресок Бонампака[1]! Сцены танца... а вот жертвоприношение... и снова жертвоприношение – видите, жрец держит в руке отрубленную голову, а второй складывает головы в корзину... А это, видимо, вождь или какой-то высокородный горожанин, который наблюдает за жертвоприношением...

– И здесь тоже, – заметил Лафонсо Ченнинг, посветив на противоположную стену. – Я вижу, это был очень просвещенный народ. Сплошная кровища и кишки наружу.

– У майя были весьма оригинальные взгляды на жизнь и смерть, – продолжая разглядывать фрески, пояснил Блэки. – Смерть у майя – скорее символ трансформации, а не физического уничтожения. Есть легенда, которая рассказывает о двух героях-близнецах, игравших в ручной мяч с Владыкой Смерти на свои жизни. Игра была нечестной. Близнецы проиграли и прыгнули в горящую печь. Но на пятый день они воскресли и выплыли из подземной реки в виде сомов.

– Нужно сделать фотографии, – сказал Леттич, снимая с шеи фотоаппарат. – Заказчик будет весьма доволен.

– Я надеюсь, мы сюда еще вернемся более подготовленными. Главное, чтобы Национальный институт антропологии и истории Мексики ничего не узнал, – Блэки с благоговением касался фресок кончиками пальцев. – Однако ты прав, Лафонсо. Здесь действительно чересчур много сцен жертвоприношений. В других городах обычно изображался стандартный набор сюжетов: правитель города, батальные зарисовки, суд над проигравшими или над преступниками... И все в относительно равных пропорциях. Здесь я вижу только жертвоприношения.

[1] Открытые в 1946 году руины города майя, которые прославились благодаря своим настенным фрескам.

– Ничего удивительного, если учесть, что сюда мы пришли по колено в костях, – фыркнув, заявил Роулинсон. – Черт, от этого склепа у меня мороз по коже... Давайте поскорее отсюда сваливать.

– Погодите, Чарли. Вот текст. Посмотрите, что здесь написано, – попросил Леттич, светя фонарем на стену. Роулинсон нехотя подошел ближе и, шевеля губами, стал читать про себя иероглифы.

– Э-э... Я не могу ручаться стопроцентно, тут какое-то неизвестное мне наречие... Но в целом – очередное пророчество, – сказал наконец он. – Если не ошибаюсь, речь идет о том, что конец света откладывается на тысячу двести лет – до дня Четыре Ахау Три Канкин.

– Это как? – недоуменно спросил негр.

– До двадцать третьего декабря текущего года. Не волнуйся, мастер-сержант, профессор Роберт Ситлер съел на этом 2012 году собаку, но так и не сумел накопать более-менее серьезных предостережений по поводу конца света. Все обычно завязано на разночтениях, трудностях перевода, утраченных текстах... Ни один мудрец майя прямо не заявил, что в 2012 году все рухнет в тартарары. В конце концов, масса христианских сект тоже твердила о конце света – кое-кто, кстати, срубил на этом неплохие денежки. Но пока все в порядке.

– С этим я бы поспорил, – вставил русский. – Иногда мне кажется, что конец света давно уже наступил.

– Но мы-то целы, tovarishch, и даже можем выпить немного «Гленфиддиша»[1] за удачное открытие. Знали бы вы, чего мне стоило сохранять эту бутылку, когда я был вынужден пить мексиканскую мочу под видом пива и чертов кактусовый самогон с червями[2].

Роулинсон сокрушенно покачал головой.

---

[1] Сорт шотландского виски.

[2] Имеется в виду мескаль – традиционный для Мексики алкогольный напиток из перебродившего сока агавы. Многие марки мескаля идут в комплекте с мешочком, содержащим смесь соли с высушенными и растертыми гусеницами, живущими в побегах агавы. Эта соль используется для питья мескаля. В бутылку иногда помещается тушка гусеницы, что является исключительно рекламным трюком.

– А это что такое? – спросил Леттич, который шустро бродил по залу, невзирая на хромоту, и щелкал фотоаппаратом. Студент указывал на нечто, напоминающее саркофаг с зеленой мраморной крышкой, украшенной резьбой.

– Погребение, – сказал Ломакс, подойдя и рассматривая находку. – Кто бы мог быть этот господин, который тут изображен… Лафонсо, вы оставили свой чудесный ломик снаружи?

– К сожалению, оставил, проф, – развел руками морпех. – Но я попробую обойтись без него.

Ченнинг опустился на колени рядом с постаментом, уперся громадными ладонями в край мраморной зеленой плиты и, крякнув, сдвинул ее с места. Внутри действительно лежал труп, точнее, то, что от него осталось, – обломки распавшегося от времени скелета. На груди, на истлевшей ткани из волокон юкки, сохранившей местами цвет индиго, стоял небольшой глиняный кувшин, покрытый окаменевшим воском и испещренный иероглифами. Узкое горлышко кувшина закрывал скарабей размером с серебряный доллар, с изогнутыми передними лапками.

В глазах Нефедова что-то мимолетно сверкнуло, сопение респиратора на миг прервалось – русский задержал дыхание. Впрочем, находка вызвала восторг у всех, так что на Нефедова никто не смотрел.

– И что это за бутылка? – гулко осведомился Лафонсо Ченнинг.

– Какой-то ритуальный сосуд, – предположил профессор. Голос его чуть дрожал от осознания увиденного.

Нефедов протянул руку и попытался снять жука, но тот был приклеен чем-то вроде смолы, не утратившей своих свойств за минувшие века.

Сомкнувшиеся на фигурке пальцы словно пронизал слабый электрический ток. Нефедов как-то в детстве попался на уловку старшего товарища и лизнул электроды плоской батарейки, вынутой из радиоприемника. Язык тогда сильно дернуло, а кислый вкус во рту не

проходил с четверть часа. Примерно такое же ощущение он испытал сегодня, но несильный, хоть и неприятный удар только обрадовал Нефедова.

Фигурка оказалась именно тем, что он искал. И что уже отчаялся найти.

– Осторожно, – умоляюще воскликнул Блэки, протягивая руки к кувшинчику. – Давайте вынесем все это наружу!

– Да чего тянуть-то! У нас же не международная экспедиция, которая для музеев бережно каждый черепок хранит. Нужно ведь посмотреть, что там внутри, – сказал Роулинсон. – Снимай пробку, tovarishch. Не тяни. Чувствую, нам за это хорошо заплатят.

Нефедов огляделся – все члены экспедиции выжидающе смотрели на него. Виновато кивнув Ломаксу, русский с усилием сорвал скарабея и положил на плиту.

– Металлическая фигурка... – пробормотал профессор. – А ведь майя – тем более столь древние – с металлами дела вообще не имели. Найденные археологами боевые топоры изготовлялись из сплава меди с оловом или золотом, купленного у южных племен, а наконечники копий и дротиков делали из кремния и обсидиана. Стало быть, фигурка появилась откуда-то со стороны...

Нефедов перевернул кувшин горлышком вниз и осторожно потряс. На ткань высыпалась пригоршня мелкого черного порошка, напоминающего молотый черный перец.

– И все?! – разочарованно спросил Леттич и щелкнул фотоаппаратом. Зажмурившись от яркой вспышки, Нефедов громко чихнул. Движение воздуха взметнуло порошок вверх, и он повис в свете фонарей, как давешняя пыль в коридоре.

– Что это за пакость, проф? – воскликнул негр, отмахиваясь.

– Какие-то органические останки. Возможно, пища... Зерно, вино, да что угодно. Столько веков прошло... Роулинсон, а что написано на кувшине?

– Все то же самое, – сообщил Роулинсон, присмотревшись. – Здесь хранится страшное зло, которое уничтожит тех, кто его выпустит, и весь мир. Обычное дело, дай волю, они бы и на ночных горшках такое писали... Слушайте, если вы закончили, берите свою драгоценную вазу и давайте отсюда выбираться. Мне реально не по себе, плюс в рюкзаке меня ждет тридцатилетний «Гленфиддиш», которым я с радостью поделюсь со всеми желающими, раз уж появился достойный повод. Я лично не вижу тут больше ничего интересного.

– Да, похоже, здесь больше ничего нет. Но потом мы должны все осмотреть более тщательно – возможно, здесь есть какие-то потайные двери или ходы... – аккуратно укладывая кувшин в походную сумку, сказал Ломакс. Металлического скарабея Нефедов спрятал в нагрудный карман куртки, обернув в носовой платок. Фигурка уже ничем не напоминала о своей необычайности, лишь едва заметно вибрировала время от времени – а это вполне могло Нефедову и казаться.

– Завтра, завтра, – поторопил Роулинсон, пробираясь к выходу из склепа. – Скоро уже стемнеет, а мы еще не ужинали.

«Гленфиддиш» в самом деле пришелся весьма кстати. Сидя у костра, археологи ковырялись вилками в банках с тушенкой и передавали бутылку по кругу. Приготовить какой-никакой праздничный ужин Леттич не сподобился – стемнело, к тому же все изрядно проголодались. Подогрели консервы на костре, да и всего делов. В воздухе зудели москиты, не решаясь наброситься на обрызгавшихся репеллентами людей; где-то далеко в чаще сердито и зычно перекрикивались обезьяны-ревуны.

Солнце почти село. Отхлебнув свою порцию виски из пластикового стаканчика, Нефедов поднялся и отошел в сторонку от костра, за корявую и увитую лианами гуайяву, чтобы уединиться по нужде.

Русский сидел на корточках. Прямо над головой, на стволе дерева, трещало какое-то насекомое, вполне удачно имитируя звук бензопилы. Ночная сельва звучала совсем не так, как дневная… В опускающейся темноте сновала, летала, ползала, прыгала, поедала и любила друг друга своя необычная жизнь. Если сейчас из кустов выскочит, к примеру, хищная кошка ягуарунди[1], русскому может прийтись нелегко… Не говоря уже о более крупных когтистых и клыкастых тварях, которые кишели в чаще.

Подумав так, Нефедов потрогал висящий на поясе тяжелый пистолет «Кольт М1911А1», купленный все у того же загорелого немца в числе прочего вооружения. Вытащил из кобуры, повертел в руке, снял с предохранителя.

В тир он ходил регулярно – Нефедову нравилось отношение американцев к оружию, нравилась Национальная стрелковая ассоциация, нравилась нерушимая Вторая поправка («Поскольку для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное народное ополчение, право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям»). Всего этого не было дома, в России. Нефедов искренне считал, что общество, где преступнику добыть огнестрельное оружие легче, чем законопослушному гражданину, нежизнеспособно. И одиннадцатимиллиметровый пистолет в руке придавал ему уверенность в себе, силу, даже мудрость.

Его товарищи удивились бы, узнав, что их второму врачу не раз приходилось стрелять в людей. Впрочем, с того момента, как Игнат участвовал в настоящем бою, прошло уже много лет, а последнее время он лишь дырявил ростовые мишени в тире под одобрительные отзывы инструктора. Когда-то он был готов не раздумывая применить оружие при первой необходимости, но жизнь в благополучной Америке сделала его благодуш-

[1] Хищное млекопитающее семейства кошачьих. Длина тела до 80 см, хвоста до 60 см, высота в холке около 35 см. На людей обычно не нападает.

ным и расслабленным. Поэтому, когда в звенящей ночи сельвы раздался сухой винтовочный выстрел и Фрэнсис Леттич упал лицом в костер, Нефедов растерялся.

Одежда Леттича вспыхнула, отчаянно завоняло паленым волосом. Судя по всему, несчастный студент был мертв; остальные залегли за камнями, бывший морпех наудачу выпустил очередь в темноту.

– Tovarishch! – заорал невидимый Роулинсон. – Ты там живой?!

– Да! – крикнул в ответ Нефедов, хотя кричать, конечно же, не следовало, ведь нападавшие могли притаиться совсем рядом. Подтянув штаны и не разгибаясь, он бросился к костру, с разбегу грохнулся ничком на каменистую почву и подполз к чернокожему здоровяку. Запах горелых тряпок сменился отвратительным смрадом горящего мяса, и Ломакс, не выдержав, поволок труп из костра за ноги. Ченнинг схватил пластиковую канистру с водой и вылил на тело и в огонь, подняв клубы пара и пепла. Костер погас, стало практически темно. Перепуганные выстрелами обезьяны завопили еще пуще прежнего, к ним присоединились разбуженные птицы.

– Что будем делать?! – задыхаясь, спросил Нефедов, лихорадочно застегивая ремень.

Снова треснул выстрел, потом другой, сверху посыпались сбитые листья – стрелок то ли взял слишком высоко, то ли специально пугал. Глаза постепенно привыкали к темноте.

– Непонятно, кто это и сколько их. Стреляли вроде бы оттуда, – махнул рукой Ченнинг. – Тихо! Что-то кричат.

Археологи прислушались. В самом деле, гортанный голос что-то отрывисто выкрикивал в темноте. Это был не испанский язык, и Лафонсо Ченнинг осведомился:

– Чарли, что он говорит? И по-каковски он бормочет?

– Юкатакский язык, один из языков майя, – отозвался Роулинсон, который в пылу сражения не утратил бу-

тылку с «Гленфиддишем». Сделав большой глоток, он добавил:

– Кстати, хренов Мэл Гибсон снял на этом языке свой чертов «Апокалипсис», такое кино про древних индейцев.

– Лекцию прочтешь потом! – рявкнул морпех. – А что он говорит?

– Да несет какую-то хрень, опять по поводу пророчества. Страшная беда, которую мы вынули из склепа. Весь мир погибнет. Предлагает нам не сопротивляться и умереть спокойно, пока еще можно все исправить.

– Скажи им, что мы думаем, – велел Ченнинг. Роулинсон послушно выкрикнул в темноту несколько отрывистых слов. Ответом была тишина – видимо, нападавшие согласились дать пришельцам несколько минут на раздумья.

– Похоже, мы в самом деле влезли в запретное место, – заключил профессор Ломакс. – Теперь зловещее предупреждение старухи обретает смысл. Дело, конечно, не в злых духах, а в фанатизме местных жителей… Те же партизаны-сапатисты запросто могут убить нас и ограбить, и в данном случае легенда о страшной беде, скрываемой в склепе, не хуже любой другой.

– Спасибо, проф, утешили, – мрачно сказал Ченнинг. – Чарли, скажи им, что мы подумали. Пускай убираются на хрен.

– Сейчас, – как ни в чем не бывало согласился Роулинсон и закричал во тьму. Ответом ему снова была тишина, и морпех предложил:

– Они думают, что делать дальше. Самое время линять отсюда. Вон там есть лощинка, я еще вчера тут хорошенько осмотрелся… Давайте туда, только не шумите! Я придержу их на дистанции.

– Я помогу, – неожиданно для себя произнес Нефедов.

– О'кей, русский, – согласился морпех. – Если снова прикроешь мою задницу, как тогда, в Тикрите, с меня бутылка бурбона. Любишь бурбон?

– Предпочитаю скотч.

– Тогда тебе Чарли проставится. Ну, вперед!

Роулинсон не заставил просить себя дважды и резво пополз на четвереньках в указанном Ченнингом направлении, таща за собой рюкзак. За лингвистом устремился Ломакс, следом – Блэки, до сих пор молчавший и выглядевший перепуганным до смерти. Словно среагировав на движение, нападавшие тут же принялись стрелять, причем на сей раз было задействовано не менее шести-семи винтовок. Автоматов у них не было, и Нефедов внутренне порадовался – несколько «калашниковых» против их пистолетов и одной автоматической винтовки Ченнинга не оставили бы им шансов. Как говорили в годы молодости, «тут ваши не пляшут».

– Давай! – крикнул морпех и открыл огонь по сельве, двигаясь одновременно вслед за археологами. Нефедов несколько раз выстрелил из «кольта» и почти с удовлетворением услышал, как кто-то завопил от боли. Впрочем, прислушиваться было некогда, что подтвердил негр, больно ухвативший его за плечо своей лапищей и толкнувший к лощине, потому что нападавшие явно засекли вспышки выстрелов.

Лощина, а точнее, поросший густой травой желоб в крутом глинистом склоне, напоминал трассу для бобслея. Ухватиться было практически не за что, и Нефедов сразу же заскользил вниз, думая лишь об одном – не выронить пистолет. Следом, набирая скорость, пыхтя и отчаянно ругаясь, летел Лафонсо Ченнинг; перепрыгнув через голову русского, мимо пролетел обогнавший его рюкзак, вероятно, прихваченный рассудительным морпехом.

Вслед стреляли, но безуспешно. То ли падение, то ли скольжение закончилось, когда Нефедов врезался в колючий куст, а ему в спину, как танк, въехал Лафонсо Ченнинг. В тыльную сторону ладони, которой русский защищал лицо, впились острые шипы, он с трудом выдрал их из кожи и заторопился на голоса остальных.

За ним, дав длинную очередь вверх по склону, ломился чернокожий морпех.

– Идем на север! – скомандовал профессор, вытирая с ободранной физиономии кровь рукавом. Другой рукой он прижимал к груди сумку с упакованным кувшином.

– Почему именно на север? – несмело спросил Блэки. – Мы можем пойти в Минатитлан, например.

– Минатитлан – это большой город. Нефтеперерабатывающая промышленность, заводы, куча охранников. Нас попросту арестует полиция.

– Я уже говорил, что не хочу в мексиканскую тюрьму, – решительно заявил Роулинсон. – А что на севере?

– На севере – залив Кампече. Мы сможем найти катер или небольшое судно, которое переправит нас в Штаты. Или вы полагаете, что мы явимся в Мехико и купим билеты на самолет? – злобно поинтересовался Ломакс. – Мы нарушили кучу законов. А в Мексике если к чему-то и относятся трепетно, так это к своей культуре и истории. Откуда мы знаем, может, эти ублюдки, которые в нас стреляли, уже сообщили властям!

– Кстати, об ублюдках, – сказал морпех. – Давайте прекратим совещание, проф, потому что они явно идут за нами. На север так на север, лично мне сейчас важнее спасти свою задницу. Давайте за мной, и никому не отставать!

И они, треща ветвями, побежали через сельву.

«Возьми мои листья, Америка, унеси их на Юг, унеси их на Север, Радуйся им, куда бы они ни прилетели, это отпрыски твоего древа»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ВТОРАЯ

Через фронтир

Мексика, декабрь 2012 года

Маленькая рыбацкая деревушка на берегу залива выглядела грязной и безжизненной. Однако впечатление было обманчивым – у причала качались два небольших суденышка, возле домика (всего их было три) отчаянно чесалась тощая собака, бродили разноцветные куры. Порывы ветра доносили обрывки старой песни Рики Мартина, звучащей из охрипших динамиков чьего-то радиоприемника.

– По-моему, то, что надо, – предположил профессор Ломакс, выглядывая из кустов и прячась назад.

– Мне уже все равно, – махнул рукой Роулинсон. – Идемте, наконец, туда, и все решим на месте.

Их осталось четверо – после того, как Алан Блэки угодил в индейскую ловушку и напоролся на острые бамбуковые колья. Они прошили археолога насквозь – чуть ниже левой ключицы, правый бок, правое бедро… Несчастный истошно кричал, помочь ему товарищи не сумели, и Лафонсо Ченнинг сделал то, что мог – выстрелил из пистолета в голову Блэки, прервав мучения. Это случилось на шестой день бегства через бесконечный лес, когда преследователи в очередной раз потеряли их след. С потерей Блэки русский смирился так же спокойно, как и со смертью своего приятеля Леттича. Он понимал – страдать не время, страдать можно потом, а сейчас нужно одно – спастись.

Сдаться властям в самом деле не представлялось возможным, особенно после того, как Роулинсон застрелил молодого индейца, ехавшего на мопеде по лесной дороге. Зачем лингвист это сделал – он объяснить не смог, сказал, что испугался, когда выскочил из сельвы на дорогу и буквально наткнулся на мопед. Оружия у убитого не нашли, он с равным успехом мог оказаться как простым местным жителем, так и одним из неведомых преследователей, прочесывающим окрестности. В прямой контакт с ними члены экспедиции так и не вступили – все ограничивалось перестрелками вслепую. То, как умело противники находили следы, тщательно замаскированные Лафонсо Ченнингом, говорило об их большом опыте и знании сельвы.

Связи не имелось – телефоны остались в одном из брошенных при бегстве рюкзаков, равно как и значительная часть других необходимых вещей, а также продуктов. В единственном сохранившемся аппарате, принадлежавшем Ломаксу, разрядился аккумулятор.

Из-за всего этого в маленьком отряде нарастали неизбежные склоки. Конфликты, как умел, гасил Ченнинг, но и бывший морпех все чаще срывался по самым пустяковым поводам. Роулинсон ныл и злобно шутил, Ломакс трясся над своим кувшином, и только Нефедов вел себя нормально. По крайней мере, ему так казалось. Он даже не реагировал на постоянные приставания Роулинсона по поводу того, сколько людей убил злобный Сталин и не пора ли русским покаяться за преступления коммунистов, как немцы каялись за Гитлера и НСДАП.

Незадолго до того, как они вышли к побережью и обнаружили деревеньку, произошел очередной скандал: Ломакс бросился на Роулинсона после того, как лингвист принялся глумиться над его находкой. Насколько понимал русский, кувшин профессора действительно имел большую ценность – подобных сосудов он в музеях Мексики и Штатов не видел. Несомненно, любопытной была и сделанная на кувшине надпись. Ломакс

надеялся, что внутри осталась и часть высыпавшегося порошка, достаточная для определения его состава.

Лафонсо Ченнинг разрешил ситуацию моментально, всего двумя ударами огромных кулаков. Нефедов сидел в стороне и едва успел упасть на спину, уклонившись от предназначавшегося ему удара. Негр с налитыми кровью глазами склонился над ним и, скрипнув зубами, процедил:

– Извини, русский. Я не хотел тебя бить, только этих двоих. Увлекся...

Нефедов понимающе кивнул, хотя был искренне поражен случившимся. Профессор и Роулинсон тем временем вновь принялись ссориться, осыпая друг друга проклятиями. Ченнинг тяжело покачал головой, плюнул и принялся чистить винтовку.

Вид деревушки всех немного примирил.

– Идем я и русский, – приказным тоном сказал Ченнинг. – Пока не позову, сидите здесь и не высовывайтесь.

Винтовку мастер-сержант брать не стал, спрятав ее в траве. Вместе с Нефедовым они спустились вниз и пошли по глубокому песку к деревушке. Собака подозрительно посмотрела в их сторону, коротко гавкнула и спряталась под причал.

Когда они подошли к ближайшему домику, дверь со скрипом отворилась, и на крыльцо вылез маленький старик. В руке он держал дымящуюся чашку и с интересом смотрел на пришельцев.

– Здравствуйте! – крикнул по-испански Нефедов. – Нам нужна лодка. Мы можем арендовать у вас лодку?

Старик отхлебнул из чашки, шумно прополоскал рот. Потом наклонил голову набок, словно любопытный щенок, и продолжал смотреть на гостей.

– Мы хорошо заплатим, – сказал Нефедов, нарочито жизнерадостно улыбаясь. – У нас есть деньги, много денег.

– У гринго всегда много денег, – молодым громким голосом ответил старик. – В этом нет ничего удивительного, потому что они отнимают их у всех осталь-

ных. Вы хотите кофе? Я сварил отличный кофе. Или, может быть, вы хотите выпить? У меня есть замечательная выпивка, я сделал ее сам.

– Нам нужна лодка, – устало повторил Нефедов. – Эти лодки, которые стоят возле причала, они ваши?

Русский прекрасно понимал, что их вид не вызывает доверия даже у бедного рыбака, улыбайся ему или не улыбайся... Небритые, исцарапанные, в изорванной одежде... Хорошо, что здесь нет телефона, иначе старикашка попросту позвонил бы в полицию. И совершенно правильно поступил бы, честно говоря.

– Одна моя, другая – Фернандо, только он недавно помер. И лодка у него дырявая. А куда вы хотите плыть, гринго?

Они подошли совсем близко к дому. Стало видно, что один глаз у старика – искусственный, бессмысленно глядящий куда-то вверх, что пуговицы на его застиранной рубашке оборваны, а вместо штанов на нем теплые кальсоны, сплошь покрытые пятнами, о происхождении которых лучше было не думать. Отпив кофе, старик продолжил сварливо:

– Я так понимаю, что гринго, которые не хотят купить билет на самолет или большой белый пароход, по каким-то причинам просто не могут этого сделать. Что это за причины? Вы беглые преступники? Вы удрали из тюрьмы?

– Что он городит? – нетерпеливо спросил Ченнинг. Нефедов жестом показал морпеху, что объяснит потом, и честно поведал:

– Нас преследуют... э-э... плохие парни. Мы не преступники, но так получилось. Нам нужно попасть в Соединенные Штаты.

– Это я уже понял. Уж наверное вы собрались не в Гватемалу, хе-хе... – старик противно засмеялся. – Но до Штатов – тысяча километров. Плыть четыре дня, может, больше. Потом нас задержит береговая охрана, а это неприятности. Зачем мне неприятности? Они мне не нужны. Я ловлю рыбу, я стар, мне хватает де-

нег, которые я выручаю с ее продажи. Кофе, собака, выпивка – у меня все есть. Я даже могу снять в городе шлюху, если захочу. Но я уже старый, мне никакого проку в шлюхах, к тому же я имел их за свою жизнь очень много, и хочу сказать, что все одинаковые. Никакой разницы, сеньоры, совершенно никакой.

Судя по всему, старик был настроен поболтать, благо посторонние люди в эту богом забытую деревеньку забредали нечасто.

– Скажи этому старому козлу, что я его пристрелю, а лодку заберу, – угрожающе прогудел Ченнинг.

– Погоди, он просто болтун. Думаю, никуда он не денется.

– Он в любом случае никуда не денется, – заверил мастер-сержант.

– Этот твой черный приятель, он очень серьезный человек, – между тем заметил старик. – Он, наверно, сказал, что хочет меня убить? Ну-ну. Интересно, далеко ли вы уплывете в таком случае? Кроме меня, в деревне никого нет. А чертов пес вряд ли скажет вам, как завести мотор лодки.

– Все будет в порядке, – миролюбиво сказал Нефедов, хотя вредный дед и его начинал раздражать со своими философскими рассуждениями. – Я не верю, что вам не нужны деньги.

– Мне они ни к чему, я же сказал. Но они нужны моему сыну. Херардо приедет ближе к вечеру, и решит, как поступить лучше. Вы можете за это время уйти и попытать счастья где-то еще, а можете остаться здесь и подождать.

– У нас в лесу еще двое друзей. Мы вернемся к ним, а вечером будем тут, когда Херардо приедет… И еще, у вас не найдется немного еды? Мы почти не ели несколько дней…

В самом деле, беготня по сельве, по резко пересеченной местности, требовала крайне много сил и энергии. Поесть же получалось только на ходу, притом спасти удалось лишь малую часть запасов, хранившуюся в двух

рюкзаках. Охота успехов не принесла – во-первых, долго находиться на одном месте и устраивать костер, чтобы приготовить дичь, было весьма опасно, во-вторых, подстрелить им удалось только одну обезьяну, полусырое мясо которой оказалось отвратительным на вкус. Попадавшиеся по пути фрукты голод утоляли слабо.

– Еда, – старик почесал волосатое ухо. – Хорошо, гринго. Сейчас я принесу еду.

Он скрылся в хижине. Собака все так же подозрительно наблюдала за пришельцами из-под крыльца, изредка отвлекаясь, чтобы поймать особенно назойливую блоху.

– Он вызовет полицию, – решительно сказал Лафонсо Ченнинг, вынимая из кобуры пистолет. – Я пристрелю старого урода.

– У него нет телефона, – торопливо дернул негра за рукав Игнат. – Ты видишь – проводов нет!

– Может, у придурка мобильник.

– Откуда? Ты не в Штатах, Лафонсо. Видел деда? У него нет нормальных портков, что уж говорить о мобильнике.

– Действительно, – расслабившись, морпех убрал оружие. – Что-то я туплю, русский. Устал, видать. Старею, старею…

Старик, открыв ногой дверь, вынес глиняный горшок.

– Вот, – сказал он. – Еще теплое. Горшок принесете потом, но прежде заплатите мне десять песо.

Нефедов вручил старику пятьдесят и взял горшок, в самом деле оказавшийся еще теплым. В сосуде плескался рыбный суп, наваристый, с помидорами, острым зеленым перцем и кусками лайма.

– Постой, гринго, – старик метнулся в дом и добавил несколько кукурузных лепешек. – Если не испугаетесь, приходите вечером. Херардо нужны деньги, он еще молод.

…Чарли Роулинсон лежал навзничь среди измятой травы, раскинув руки и глядя в низкое синее небо

остекленевшими глазами. Из горла его, прямо из ямки между ключиц, торчала рукоять охотничьего ножа.

Профессор Ломакс сидел в нескольких метрах от Роулинсона, обняв обеими руками сумку с драгоценным кувшином, и монотонно раскачивался взад-вперед, словно старый еврей на молитве.

– Что тут произошло, твою мать?! – свирепо закричал Ченнинг, схватил Ломакса за воротник куртки и рывком поставил на ноги. Ломакс не сопротивлялся и молчал, потупясь. Мастер-сержант замахнулся, но затем опустил руку и отшвырнул дрожащего профессора в сторону. Ломакс удержался на ногах и прислонился к стволу платана, продолжая баюкать и гладить сумку.

– Они, видимо, снова поругались, – предположил Нефедов.

– И проф прикончил Чарли. Это видно и слепому. Что будем делать дальше, русский? Может, пристрелить профессора? Он же чокнулся. А если он на меня бросится?

– Подожди, – попросил русский и подошел к Ломаксу. Тот стоял, уставясь в землю. Негр тем временем вытащил нож из горла покойника и закинул далеко в кустарник.

– Курт, – осторожно позвал Нефедов.

Профессор искоса посмотрел на русского. В глазах Ломакса и впрямь читалось безумие.

– Курт, зачем вы это сделали?

– Он оскорбил меня, – промямлил профессор. – Этот ничтожный, дрянной алкоголик, которому в другом месте я не подал бы руки, меня оскорбил.

– И вы убили его? За это?!

– Я? – Ломакс вытаращился на Нефедова, рот профессора был приоткрыт, по подбородку текла слюна. – Разве? Нет, я не убивал, как можно... Впрочем, я не помню... Да, вот же он лежит, в самом деле...

Ломакс уставился на разбросавший руки труп так, словно увидел его впервые.

– Как интересно, Нефедов. Зачем я его убил? У меня целый ряд научных работ… Статьи в бюллетене Археологического института, книги… Я не должен был…

– Успокойтесь, профессор, – твердо сказал Нефедов. – Успокойтесь, пожалуйста. Вы хотите есть?

– Да… Да, я очень хочу есть…

– Только после меня, – возразил морпех и принялся пить из горшка прямо через край, быстро прожевывая куски рыбы и овощей. Насытившись, он сунул горшок Нефедову, который достал из рюкзака ложку, вытер о большой лист и протянул Ломаксу:

– Ешьте. Кажется, вечером мы договоримся насчет лодки.

– Лодка… Это хорошо, хотя меня укачивает на воде, знаете ли, – бормотал Ломакс, помешивая суп. Чтобы не мешать профессору обедать, Нефедов отошел в сторонку и тихо обратился к негру, снова чистившему винтовку:

– Лафонсо, он, кажется, действительно не в себе. Но не думаю, что опасен.

– В таком случае я сейчас буду спать, а ты, русский, стереги этого идиота, раз не хочешь его прикончить, – буркнул Ченнинг, заложил руки за голову и закрыл глаза.

Нефедов некоторое время сидел рядом и бездумно рассматривал выцветшую татуировку на бицепсе чернокожего здоровяка. «Semper fidelis» – «Всегда верен», девиз Корпуса морской пехоты США. За спиной неряшливо чавкал Ломакс; русский подумал, что надо бы держать его в поле зрения, и повернулся. В следующий момент его стошнило, потому что профессор ел вовсе не суп. Он стоял на четвереньках над трупом и глодал развороченное, окровавленное горло Чарли Роулинсона.

…Старик с подозрением смотрел на приближающуюся троицу. Рядом с хижиной стоял облезлый фордовский автофургон темно-голубого цвета, слегка покосившийся набок. Заднее правое колесо накачивал

мускулистый мужчина лет сорока в клетчатых шортах и футболке «Лос-Анджелес Лейкерс». Тут же вертелась давешняя собака. Пришельцам она явно доверяла куда меньше, нежели ее хозяева, и снова поспешно спряталась под причал.

– Хай! – сказал болельщик «Лейкерс» по-английски, оставив свое занятие и приветственно подняв руку. – Я Херардо. Эль вьехо[1] сказал, вас должно быть четверо.

Говорил он чисто, почти без акцента.

– Один расхотел ехать, – угрюмо произнес Лафонсо Ченнинг. – Понравилось ему тут у вас в Мексике.

Херардо с уважением посмотрел на бельгийскую винтовку, висевшую у негра на плече, и кивнул на профессора:

– А с этим что?

Руки Ломакса были связаны, а конец веревки держал Нефедов. Сумка с кувшином висела за плечами сумасшедшего.

– Заболел, – коротко сказал морпех.

Херардо пожал плечами.

– Не мое дело, приятель. Заболел так заболел. Эль вьехо сказал, вы хотите в Лос Эстадос Унидос[2]?

– Да, – вступил в разговор Нефедов и поставил на крыльцо давешний горшок из-под супа. Сам он так и не смог съесть ни ложки. – Мы хорошо заплатим.

– Мы можем ехать на машине, – Херардо пнул колесо автофургона. – Плыть морем очень долго и опасно. Береговая охрана.

– А перейти Рио-Гранде – не опасно?

– Меньше опасности. Я много раз ходил туда-сюда, есть человек, который встречает на другой стороне. К тому же вам легче, на той стороне вы уже у себя дома. Это мексиканца могут пристрелить и бросить обратно в реку, а вы – граждане Лос Эстадос Унидос.

– Он верно говорит, – нехотя согласился Ченнинг. – На море могут быть серьезные неприятности, да и

[1] Старик (*исп.*).

[2] Соединенные Штаты (*исп.*).

плыть на такой калоше, что болтается у пирса, придется дня четыре.

– На машине мы доедем за сутки, – пообещал Херардо. – Это хорошая, почти новая машина.

Старик утвердительно закивал. Еще бы, судя по всему, он и купил этот рыдван еще в годы своей молодости.

– Сколько вы хотите за услугу? – спросил Нефедов.

Херардо назвал сумму. Она вполне укладывалась в имевшийся бюджет, но русский на всякий случай набавил пару сотен, сказав, что им понадобятся продукты и вода.

– И немного выпивки, – встрял Лафонсо Ченнинг. – В этой коробке будет чертовски скучно ехать.

Профессор Ломакс в разговоре не участвовал: стоял, потупясь, и что-то еле слышно бормотал себе под нос.

Когда морпех обнаружил, что тот вытворяет, то хотел прикончить профессора, но Нефедов не позволил. Труп Роулинсона они с горем пополам зарыли на холмах, сделав отметку на стволе сосны, однако оба были уверены, что вряд ли когда-либо вернутся на это место.

– Да-да, мы дадим вам еду, – закивал Херардо.

Лафонсо Ченнинг привязал профессора к перилам крылечка и ушел вслед за Херардо в дом – собирать припасы. Старик внимательно таращился на Нефедова, затем вынул из кармана рубахи самодельную сигару, помахал ею – мол, не хочешь ли? Нефедов покачал головой, старик пожал плечами и спрятал сигару обратно в карман.

– У тебя необычный акцент, – сказал он. – Ты откуда?

– Россия.

– О, советский! Я знал одного советского, когда был совсем еще молодой, моложе тебя, и жил в Мехико. Только он был не русский, его звали Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес. Да и про то, что он советский, я только потом узнал – после того, как

Хайме Рамон стукнул ледорубом по голове сеньора Троцкого. Его потом посадили в тюрьму, этого Хайме Рамона. Сеньор Троцкий тоже раньше был советский, но потом что-то наворотил, и Сталин его выгнал сюда. А там уж и Хайме Рамон появился со своим ледорубом.

Нефедов присвистнул.

– Сколько же вам лет?!

– Девяносто три, – самодовольно ухмыльнулся старик. – Я работал у сеньора Троцкого на вилле, в саду. Когда его убили, я потерял работу, пришлось уехать из Мехико. Поэтому я был очень сильно рассержен на Хайме Рамона.

Вероятно, эль вьехо мог болтать еще долго о делах минувших дней, но из хижины вернулись Ченнинг и Херардо с картонными коробками и зеленой пластиковой канистрой литров на двадцать.

– Еда, – сказал Херардо. – И вода. Сейчас я закончу накачивать колесо, залью бензин, и мы можем ехать.

– О'кей, – сказал морпех. – И не забудь остановиться, чтобы купить выпивку. А главное – без шуточек. Если вы с дружками хотите нас ограбить, я вас перебью к чертовой матери. Я был в Заливе и в Ираке, я видел, как хренова Саддама достают из его норы. Это были серьезные противники. Поверь, парень, вам до них очень далеко.

– Нет проблем, сеньор, – ответил мексиканец, прикладывая ладонь к сердцу. – Нет проблем. Но половину денег – вперед.

...Внутри фургона было жарко, а почти все свободное пространство оказалось завалено разнообразным хламом, от старых фанерных ящиков до полиэтиленовых упаковок с рулонами туалетной бумаги.

– Я ей немножко торгую, – с гордостью сообщил Херардо, как только открыл дверцу, и упаковки посыпались из фургона на песок. – Вы, наверно, думаете, что мы здесь подтираем задницу листиками агавы, хе-хе?!

Свет в фургон проникал сквозь узкие плексигласовые оконца под самым потолком. Но в целом, развалившись на мягкой бумаге, ехать можно было даже с известным комфортом. Херардо обещал, что до границы довезет пассажиров без инцидентов, правда, придется обогнуть пару крупных городов вроде Сьюдад-Виктории и Монтеррея. Ченнинг на всякий случай, невзирая на протесты русского, заткнул профессору рот кляпом из пары носков, сказав:

– А если он начнет орать рядом с полицейским участком? Пускай уж лучше сидит так, раз ты заставил меня взять его с собой. Хотя я с удовольствием зарыл бы этого чокнутого рядом с Чарли. Представь, нам еще придется волочь его с собой через Рио-Гранде!

Кувшин лежал рядом с профессором, в сумке. Ломакс вел себя тихо, лишь злобно зыркал глазами по сторонам. Ченнинг выпил пинту какого-то местного виски и дремал. Фургон подбрасывало на колдобинах, древние рессоры скрипели и жаловались на жизнь.

Только сейчас Нефедов вспомнил, что часть экспедиционной добычи находится у него. Вероятно, остальные о ней в суматохе вообще забыли. Отвернувшись так, чтобы негр в случае чего не увидел, Нефедов расстегнул нагрудный карман и достал скарабея, завернутого в носовой платок.

Жук тускло поблескивал в лучах солнца, проходящих через мутный исцарапанный плексиглас. Он был на удивление легкий, словно алюминиевый. Но это не алюминий, в чем Нефедов тут же убедился, попытавшись согнуть тонкую лапку. Похоже на сталь, как и всегда. Хотя на самом деле этот металл никакого отношения к стали не имеет – Нефедов потратил достаточно времени, чтобы изучить состав сплава.

Еще одна находка.

Еще один предмет в его будущую коллекцию.

Исполнение было таким чистым, словно скарабей только что вышел из ювелирной мастерской. Как же он попал в склеп? Может быть, кто-то положил его туда

значительно позже? Но тогда вряд ли уцелела бы дорога из черепов под ногами… Да и запечатанный жуком кувшин явно принадлежал к тому же периоду развития цивилизации майя, что и фрески на стенах…

Ладно, с этим можно разобраться позже, в Штатах. Главное – понять, что эта фигурка умеет. А это бывает иногда едва ли не сложнее, чем ее найти.

Нефедов задумчиво вертел фигурку скарабея в руках и судорожно дернулся, когда черный морпех громко всхрапнул во сне. С Ченнингом тоже явно было что-то не то. Обычно неунывающий, веселый, любящий пошутить морской пехотинец давно сделался раздражительным, жестоким, и Нефедов не без причины побаивался его. Спрятав скарабея в карман, он попытался тем не менее уснуть, но не смог – слишком уж трясло фургон.

Иногда машина останавливалась. Херардо с кем-то разговаривал, возился под капотом, стучал железяками. Однажды что-то сильно проскрежетало по борту фургона, после чего последовала долгая остановка и длительная эмоциональная перепалка; слава богу, обошлось без полиции. Ближе к вечеру, когда в фургоне стало почти темно, дверца открылась и Херардо радушно предложил:

– Можно делать свои дела.

И уточнил для глупых гринго:

– Туалетные дела.

Вокруг был лес, автофургон стоял на узкой асфальтовой дороге. Пели птицы, проезжую часть метрах в ста впереди кто-то резво перебежал – олень? Обезьяна?

– Быстро, быстро, – торопил Херардо.

Вернувшись в фургон, морпех уселся среди упаковок с рулонами и бесстрастно сказал:

– Жрать.

Профессор так и сидел в углу со связанными руками. Вроде бы спал.

Жрать так жрать, подумал Нефедов, хотя мог и обидеться. Он послушно вскрыл банки с консервами, на-

ломал кукурузную лепешку. Поковырялся немного в жирном мясе, попил воды прямо из горлышка канистры, весь облившись на ухабах. Ченнинг безмолвно ел: опустошил свою банку, доел то, что оставил русский. Отвернулся и захрапел. Что ж, лучше пусть спит, так спокойнее…

Через полчаса Нефедов все же задремал и проснулся, когда его довольно грубо подергали за ногу.

– Эй, мы на месте! – негромко сказал Херардо.

Дверца фургона была открыта, за ней виднелась пустынная равнина, покрытая невысокими холмами.

– Рио-Браво-дель-Норте, – махнул рукой Херардо. – Она же Рио-Гранде. Вон, там.

Да, в самом деле, за холмами виднелась река. Мутная, с широкими песчаными отмелями. Нефедов тут же вспомнил, что ежегодно при попытке перебраться в США погибает примерно полтысячи мигрантов, и это только по официальным данным. Они погибают от голода и обезвоживания, могут утонуть, переходя реку, или быть убитыми при задержании. Пограничным службам удается поймать каждого третьего нарушителя. И хорошо, если их поймают на американской стороне…

Впрочем, Игнат знал и то, что Пограничная служба США постоянно жаловалась на недофинансирование и недокомплектацию. В среднем на милю границы приходилось четыре служащих, но большинство из них работало в районах крупных городов. Остальные районы охранялись кое-как, к тому же правительство Мексики не было заинтересовано в сдерживании эмиграции: денежные переводы из США на родину составляли миллиарды долларов в год, кроме того, эмиграция снижала уровень безработицы в стране.

– Пора идти, – напомнил Херардо, озираясь. – Дальше я ехать не могу.

Лафонсо Ченнинг, потягиваясь, выбрался из фургона, почесал в паху и сказал, вскидывая винтовку:

– Беги.

– Что?! – не понял Херардо, недоуменно глядя на чернокожего гиганта.

– Я сказал: беги.

Херардо сообразил, что еще раз переспрашивать явно не к месту, и бросился бежать, петляя между холмами, уродливыми кактусами и невысокими чахлыми кустиками. Ченнинг тщательно прицелился в улепетывающую фигурку и выстрелил.

Боек сухо щелкнул.

Морпех машинально передернул затвор, но винтовка отказывалась стрелять. Да и как бы она это сделала, если ночью Нефедов опустошил магазин? Ченнинг отшвырнул бесполезное оружие и схватился было за кобуру, но его «кольта» там не было. Зато «кольт» был у русского, и смотрел прямо в широкую переносицу негра.

– Я просто хотел сэкономить, – примирительно улыбаясь, развел руками Ченнинг.

– Ты и так сэкономил. Он удрал без памяти. Зачем было еще и стрелять?

– Хорошо, я был неправ, – продолжая улыбаться, сказал морпех. – Опусти пистолет, русский.

– Нет, – покачал головой Нефедов. – С тобой что-то не то, Лафонсо. Давай каждый пойдет своей дорогой. Подними руки.

Негр громко скрипнул белыми квадратными зубами, но руки поднял:

– Давай.

– Профессора я заберу, – сказал Нефедов и крикнул: – Эй, Ломакс! Выбирайтесь наружу! Мы почти уже дома.

– Ты еще руки ему развяжи, – убрав с лица улыбку, посоветовал Ченнинг. – Чтобы он выгрыз тебе горло, как Чарли Роулинсону.

– Я как-нибудь разберусь, – пообещал Нефедов. Краем глаза он видел, как профессор неуклюже вылезает из фургона, потом связанными руками выволакивает за собой сумку с кувшином.

– Удачи, Лафонсо, – сказал русский, свободной рукой схватил конец веревки и стал пятиться, не опуская пистолета и волоча Ломакса за собой. Отойдя метров на двадцать, он увидел, что негр опустил руки и бросился к фургону, видимо, надеясь найти там патроны. Но патронов там не было и быть не могло – ночью Нефедов потихоньку выбросил их в дыру, прогнившую в полу древней автомашины.

Они быстро шли, почти бежали к серо-желтой полосе Рио-Гранде. Сумку с кувшином нес Нефедов. Ломакс то и дело спотыкался и хрипел, но упорно тащился на буксире. К черту, решил Игнат и остановился.

– Сейчас я развяжу вам руки, Курт, – сказал он, глядя в пожелтевшие и загноившиеся глаза профессора. – Вы будете вести себя хорошо? Нам придется переправляться вплавь через реку, со связанными руками вы утонете.

Ломакс часто закивал.

– Да-да... Я понимаю... Спасибо вам, мне уже лучше...

Готовясь отскочить в сторону в любое мгновение, Нефедов осторожно развязал руки Ломаксу, бросил в траву веревку, свернувшуюся петлями наподобие змеи.

– Сумка... я понесу ее... – попросил профессор.

– Ради бога, – Нефедов передал Ломаксу его «прелесть». – А теперь идемте, нечего здесь маячить.

До реки они добрались без приключений. Быстро разделись на песчаной отмели, свернув одежду в узлы, и через четверть часа барахтанья в мелкой прохладной воде были уже на американской территории.

Профессор дрожал на ветру, потешно прыгая на одной ноге и натягивая брюки.

– Куда вы собираетесь? – довольно осмысленно спросил он, застегивая ремень.

– Если ничего не случится – сесть на автобус «Грейхаунда»[1] и поехать в Вегас. У нас есть что пока-

[1] Одна из крупнейших компаний междугородного автобусного сообщения в США.

зать мистеру Либеропулосу. Другой вариант – доехать на автобусе до города, в котором есть прокат автомобилей, взять тачку и двигаться своим ходом. Это предпочтительнее, мы же в Штатах, у нас есть документы и деньги.

– В таком случае я поеду с вами, – сказал Ломакс. Водные процедуры явно пошли ему на пользу; он, кажется, даже ничего не помнил о случившемся, или попросту делал вид, что не помнит. – В любом случае я не умею водить машину, а на автобусе ехать слишком долго.

К небольшому городку на шоссе они вышли через час с небольшим. Шелловская бензозаправка, закусочная «Тако Белл», мотель и автобусная остановка. У дремлющего жирного кассира Нефедов осведомился, когда придет ближайший автобус.

– Через двадцать минут рейс на Сан-Антонио, – сказал кассир, зевая и отгоняя мух картонной мухобойкой.

Купив билеты, Нефедов и профессор умылись и более-менее привели себя в порядок в туалете бензозаправки, приобрели две бутылки минеральной воды, несколько шоколадных батончиков и горячие бурито в закусочной. Тяжело переваливаясь, к остановке подъехал полупустой «грейхаунд», развернулся. Водитель вылез наружу и закурил ментоловый «Салем», с унылым видом протирая зеркало заднего вида.

Мимо прокатила машина дорожной полиции штата, притормозила. Молодой полицейский в широкополой шляпе, в солнцезащитных очках, смотрел прямо на Нефедова, жующего бурито. Игнат напрягся, но мотор взревел, и машина умчалась прочь.

– Идемте в салон, – сказал Ломакс, как всегда, прижимающий к себе сумку.

До Сан-Антонио они в основном спали, прерывая сон лишь на то, чтобы попить минералки или перекусить. В Сан-Антонио Нефедов быстро нашел прокатную контору «Авис», предъявил права и кредитную

карточку, получил ключи от белого «доджа-каравана» и подкатил к профессору, который ждал на лавочке в тени.

– Грузитесь, – пригласил Игнат Ломакса.

Путь до Невады был однообразным и унылым, как любая поездка на автомобиле через южные штаты. Пыль, песок, обилие желтого, красного и оранжевого цветов. Ломакс практически не разговаривал, баюкал свою находку, смотрел в окно. Нефедов думал, что же делает сейчас чернокожий морпех. Разумеется, Лафонсо Ченнинг, как и они, уже в Соединенных Штатах. Скорее всего, он явится к Либеропулосу, чтобы получить свою долю. Что может рассказать Ченнинг? Кому поверит грек-продюсер? В любом случае скарабей и кувшин с иероглифическими письменами у них, а негру попросту нечего предъявить… Хотя скарабей, разумеется, не предназначен для чужих глаз и рук.

Кстати, жук не давал Нефедову покоя. Иногда ему казалось, что металлическое насекомое шевелится в кармане, сучит лапками, пытаясь выбраться. Иногда – что от скарабея исходит ощутимое ласковое тепло, согревающее сердце.

Что он хочет сказать?

Чему научить?

Профессор Ломакс по-прежнему не вспоминал о жуке, будучи полностью поглощен своей сумкой. Когда русский предложил убрать ее в багажник, Ломакс огрызнулся так, что Нефедов хотел вышвырнуть его у первой же заправки, но потом профессор принялся извиняться. Выгонять его Нефедов не стал, однако постоянно напоминал себе, что рядом с ним на переднем сиденье – убийца и сумасшедший.

Милях в пятнадцати от Вегаса Нефедов остановил «додж» и вышел на обочину. Темнело, на окрестности опускалась декабрьская ночь Невады, когда термометр порой опускался ниже нулевой отметки. Впрочем, сейчас было довольно тепло, вдалеке еле слышно выл койот, и на душе у русского было на редкость спокойно.

Нефедов вынул из кармана сложенную ввосьмеро карту, развернул на капоте и подсветил маленьким диодным фонариком. Пожалуй, в Вегас ехать не стоит. Вот Линза, до нее рукой подать... Зачем лишний раз показываться в многолюдном городе? Можно спокойно уйти.

Игнат свернул карту, убрал в карман и сделал несколько шагов в сторону пустыни. Потом оглянулся на автомобиль. Ломакс спал, привалившись виском к запотевшему от дыхания стеклу, чмокая губами и вцепившись в сумку. В остывающем двигателе что-то пощелкивало, мимо пронесся громадный трейлер, украшенный разноцветными огнями, словно рождественская елка.

Русский потер щеки, уколов ладони о многодневную щетину, обошел автомобиль и осторожно открыл багажное отделение. Взял бутылку воды, сунул в карман куртки и пошел в пустыню, медленно, увязая в песке. Он совершенно четко знал теперь, куда идти, знал, что в Вегасе ему делать нечего и Либеропулос обойдется без него.

И без скарабея.

Газета «Las Vegas Review Journal», 21 декабря 2012 года

ПРОФЕССОР АРХЕОЛОГИИ ПРОТАРАНИЛ ШКОЛЬНЫЙ АВТОБУС

Автомобиль «додж-караван» под управлением Курта Делано Ломакса, бывшего профессора истории и археологии университета Джона Хопкинса, на полной скорости врезался в школьный автобус. Ранены шестеро подростков, двое пострадавших находятся в крайне тяжелом состоянии. Профессор Ломакс погиб.

Инцидент произошел около 14:00 по местному времени на Фримонт-стрит. Все раненые – учащиеся средних и старших классов.

Представитель полиции Гордон Валентайн заявил, что Курт Ломакс мог находиться под действием наркотических веществ. В данный момент проводится медицинская экспертиза останков.

Сорокалетний Курт Ломакс работал в университете Джона Хопкинса в течение последних восьми лет, однако в начале 2012 года неожиданно

уехал. По словам преподавателей университета, причиной отъезда их коллеги могли стать крупные карточные долги.

Источник в управлении полиции Лас-Вегаса сообщил, что белый «додж-караван» был арендован в Сан-Антонио неким Игнатом Нефедовым, гражданином России, студентом медицинского факультета Стэнфордского университета. В настоящее время местонахождение Нефедова неизвестно, полиция Лас-Вегаса ведет его поиски.

Газета «The Houston Chronicle», 22 декабря 2012 года

«ХЬЮСТОНСКИЙ АВТОМАТЧИК» ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ

Бывший морской пехотинец, герой войны в Ираке Лафонсо Абрахам ДаМаркус Ченнинг, известный также как «Хьюстонский автоматчик», покончил с собой, взорвав бензозаправочную станцию «Амоко» на Уилкрест-стрит сегодня около 11:30.

До этого в течение двух суток Лафонсо Ченнинг терроризировал Хьюстон, обстреливая общественные места из автоматической винтовки FN FAL бельгийского производства. В результате обстрелов погибло девятнадцать человек, среди которых двое детей, ранено семнадцать, в том числе шестеро сотрудников департамента полиции, двое из которых находятся в реанимации. Попытки задержать «Хьюстонского автоматчика» к успеху не приводили – имеющий большой опыт боевых действий в городских условиях Лафонсо Ченнинг успешно скрывался, чтобы затем нанести новый удар.

Однако сегодня офицер Прайс заметил подозреваемого, когда тот пытался заправить автомобиль бензином. Вызвав подкрепление, офицер Прайс вступил в перестрелку с укрывшимся в здании бензозаправки Ченнингом, которую вел до прибытия подразделения спецназа. В результате попытки штурма преступник произвел подрыв бензоколонки. Никто из полицейских не пострадал.

37-летний Лафонсо Абрахам ДаМаркус Ченнинг уволился из Корпуса морской пехоты США в звании мастер-сержанта. Принимал участие в Войне в заливе, а также в боевых действиях в Ираке. Награжден Бронзовой звездой и медалью «Пурпурное сердце». Чем занимался Лафонсо Ченнинг после увольнения из Корпуса морской пехоты и почему устроил бойню на улицах Хьюстона – на данный момент неизвестно. Полицейское управление Хьюстона ведет расследование.

«Стройно, шагом, друг за другом, приготовьте ваши ружья,
С вами ли ваши пистолеты и острые топоры?»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Заложники Неверлэнда

Калифорния, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года

– Нет, умер он не здесь, – печально говорил Джордж Либеропулос, беря со столика бокал с «Шато петрю» двухтысячного года. – Майкл умер в Лос-Анджелесе, в доме, который снимал в Холмби-Хиллз. Как потом рассказал его личный кардиолог Мюррей, он поднялся на второй этаж и нашел Джексона в постели без сознания, Майкл уже не дышал... Кардиолог начал проводить сердечно-легочную реанимацию, а потом вызвал «девять-один-один». Но было уже поздно, и когда приехали медики, они зарегистрировали остановку сердца.

Продюсер рассказывал с таким видом, словно стоял у постели в последние минуты жизни покойного, а сам был как минимум его близким другом.

– Строго говоря, Джексон умер в медицинском центре Калифорнийского университета, – встрял один из гостей. Либеропулос кротко посмотрел на него, вздохнул и продолжил:

– Я купил это ранчо и постарался все оставить таким, как было при Майкле. Кое-что, конечно, пришлось изменить и подновить, но зато теперь это очень милый и уютный уголок.

«Милый и уютный уголок» представлял собой поместье площадью в одиннадцать квадратных километров, что в пять раз превышало территорию княжества

Монако. За сколько купил его Либеропулос – ходили разные слухи, однако суммы ниже ста миллионов долларов не назывались.

Впрочем, причиной сегодняшней вечеринки были вовсе не очередные поминки по Майклу Джексону, а так и не случившийся конец света по версии индейцев майя. 23 декабря мир не погрузился в огненную бездну, а его не самые лучшие представители даже выпивали и закусывали, радостно отмечая сей факт.

У стола с закусками стояла и, то и дело облизывая толстые губы, наворачивала канапе с черной каспийской икрой разгорающаяся звезда черного рэпа – Профессор Джей-Ти. С виду ему можно было дать не больше восемнадцати, однако, как он пел сам, «в гетто сначала стареют душой». И действительно, внешне спокойный и даже расслабленный рэпер всегда был настороже, зыркая по сторонам, словно ожидая нападения.

Бритый череп, покрытый шрамами, Джей-Ти прятал под капюшоном широкого балахона с черно-белым шахматным узором. Из-под капюшона блестели большие золотые серьги в форме колец, а на груди болтался здоровенный пацифистский знак, инкрустированный маленькими рубинами. Дополняла картину жиденькая, но длинная бородка, заплетенная в косичку и украшенная крупной бирюзовой бусиной.

Запив канапе ледяной русской водкой, Профессор Джей-Ти заметил своего коллегу по цеху, Краша. Краш тоже читал рэп, тоже был перспективным исполнителем и тоже что-то ел, вроде бы салат с омарами.

– Йо, брат! – сказал он, увидав Джей-Ти, и вытер майонез с подбородка. – Тут нехилая жрачка, да?

Джей-Ти подошел ближе, рэперы обнялись.

– Здесь и телки нехилые, – заметил он. – Вон, смотри.

И показал пальцем на девушку, беседующую с парочкой популярных фотографов.

Двадцатилетняя супермодель Атика была одета просто, словно пришла не на VIP-вечеринку, а собралась с друзьями по колледжу на пикник: узкие черные джинсы, короткий голубой топик с физиономией Гомера Симпсона, какие-то совершенно уж легкомысленные матерчатые тапочки. Впрочем, она относилась к той категории людей, которые не имели нужды следовать моде – с определенного этапа мода начинала следовать за ними...

Хрупкая, с фигуркой четырнадцатилетней девочки, Атика носила шикарнейшие длинные черные волосы. На фотографиях в «Вог», «Космополитэн» и «Харперс Базар» они обычно были распущены и ниспадали почти до колен, но сегодня девушка просто замотала их в некое подобие кока, заколов двумя карандашами.

Кожа девушки была смуглой, с нежным оливковым отблеском. Ее предки приехали в Штаты из Египта еще до Второй мировой войны; досужие журналисты выводили родословную Атики от фараонов, другие, из идиотских таблоидов, утверждали, что ее бабка была портовой проституткой в Каире или Александрии, и потому бог весть чьи гены могли смешаться в крови фотомодели. Но главное – у нее были огромные, бездонные глаза, окаймленные длинными черными ресницами.

– Эта черная кошечка давно уже забыла, что она черная, – скептически сказал Краш. – Ты же знаешь, как только черная девчонка разбогатеет, ее тут же тянет на белых мужиков.

– А когда разбогатеет наш брат ниггер, он тут же набивает свой «Кадиллак» белыми цыпочками, – воскликнул Джей-Ти, хлопнул Краша по плечу, и оба захохотали.

– Может, хочешь нюхнуть? – осведомился Краш. – У меня с собой есть.

– У меня тоже есть, – солидно сказал Джей-Ти. – Но еще рановато. Меня после дури иногда так заруба-

ет, что я потом не помню, чего делал. А тут кругом репортеры и другая ботва, не хочу потом видеть в журнале фотку, на которой я блюю, продев башку в сиденье от толчка. И потом, тут столько бухла, что можно утопить в нем это чертово ранчо. Кстати, как тебе оно?

– По-моему, отстой, – произнес Краш, повертев головой по сторонам, словно раньше у него не было времени осмотреться. – Да и что ожидать от чувака, который из черномазого перекрасился в белозадого.

– Отчего и помер. Господь видит правду, брат! Ниггером родился – стало быть, и помирать надо ниггером! Кстати, хорошее название для песни... Ниггером родился, ниггером помрешь... йо, йо!

Профессор Джей-Ти забормотал себе под нос, подбирая подходящую рифму для продолжения, а в зале появилось еще одно действующее лицо, привлекшее к себе внимание.

Русский оказался вовсе не таким здоровенным, как принято думать о хоккеистах. Впрочем, их-то видят в основном в форме, со всеми этими каркасами и защитными щитками, а в светло-голубых джинсах «ливайс» и льняной бежевой рубашке Ростислав Шибанов напоминал скорее киноактера. Коротко остриженные русые волосы, под правым глазом – небольшой шрам, полученный в стычке с защитником «Сент-Луис блюз» еще в самом начале карьеры в НХЛ. Разумеется, шрам легко мог убрать пластический хирург, но хоккеисты – это как раз не киноактеры, они свои шрамы ценят. Именно так сказал двадцатидвухлетний Шибанов в интервью «Чикаго трибьюн», добавив, что к завершению хоккейной карьеры постарается собрать коллекцию повнушительнее.

Сейчас Шибанов восстанавливался после тяжелой травмы ноги, полученной в матче с «Питтсбургом». Врачи пока не допускали его к активным тренировкам, не говоря уже об играх, а вот съездить и немного развеяться разрешили. Впрочем, Ростиславу

было скучновато. Торжественных приемов и подобных вечеринок он не любил, потому что, во-первых, практически не пил, а что здесь делать трезвому человеку? Разве что говорить о спорте, но на таких вечеринках обычно говорят о кино, о музыке, а главное – о деньгах. Деньги то, деньги се, один заработал, другой прогорел... Вон два негра, одетые, как клоуны, таращатся на него – наверное, пытаются вспомнить, кто он таков. Еще бы, они ведь стопроцентно смотрят только баскетбол, о каком хоккее может идти речь?

– Чувак, что это за плесень? Актер, что ли, какой-то? – спросил в этот момент Краш.

– Кажись, спортсмен. Я видал его рожу на обложках спортивных журналов.

– Для баскетболиста низковат.

– Да он, кажется, хоккеист.

– Если он хоккеист, то небось русский или чертов чех.

– А что ты имеешь против чехов или русских? – с интересом осведомился Профессор Джей-Ти.

Краш, чавкая омарами, пояснил:

– Ну, русские вроде как всегда хотели нас завоевать, разве нет? А чехи... Чехи, наверно, им стали бы помогать. В любом случае черным ничего хорошего ждать от них не приходится. Да и хоккей этот – игра для идиотов. Не знаю ни одного черного парня, который интересовался бы хоккеем, а тем более играл бы в эту хрень.

– А как же Пит Уоррелл, «Черная пантера»? – подначивал Профессор Джей-Ти. – А Энсон Картер[1]?

– Это черные парни, которые играли в хоккей? – с недоверием покосился Краш.

– Ага.

– Фигня какая... Наверно, это перекрашенные белые. Как Джексон, только наоборот. Не верю, что

[1] Уоррелл, Картер – известные чернокожие игроки НХЛ.

настоящий ниггер станет бегать по льду с деревянной палкой за круглым куском резины. Ладно, хрен с ним, давай лучше поговорим про свежую десятку синглов. Ты почему съехал на седьмое место, братан?!

Шибанов вышел на балкон и спросил у пробегавшего официанта, где раздобыть холодного пива. Это был единственный алкогольный напиток, который Ростислав хотя бы изредка себе позволял. Официант уточнил, какое именно пиво желает гость – светлое, темное, крепкое, слабое, безалкогольное, сваренное в Штатах, Канаде, Англии, Германии... Хоккеисту пришлось перебить зачитывание списка:

– Светлое, «Молсон»[1].

Через полминуты он уже стоял на балконе и смотрел на ночную Санта-Барбару, ярко сияющую огнями. Внизу кто-то верещал и выл. Шибанов слегка удивился – это явно были не собаки, а более крупные звери. Впрочем, у богатых свои причуды. Дома, в России, сильные мира сего тоже взяли моду заводить себе на даче зверюшку покрупнее – то тигрового питона, то леопарда... В унисон с голосами животных в городе выли автомобильные сирены. Вот полицейская, вот куда-то торопится «скорая помощь», а это – пожарные... Что-то многовато сирен, подумал Шибанов, отпивая пару глотков ледяного «Молсона».

– Эх, – тихо сказал он, – сейчас бы на Волгу...

– Там тоже ночью кричат дикие звери? Вы не бойтесь – там внизу есть зоопарк, он принадлежит хозяину этого дома. Звери все в клетках, и они сытые – я видела, как их недавно кормили.

Только сейчас Шибанов понял, что на огромном балконе он давно не один.

На широких перилах сидела, свесив ноги вниз, маленькая девочка в блестящем платье.

– Привет, мисс, – с улыбкой произнес хоккеист.

---

[1] Сорт канадского пива.

– Привет, – ответила девочка. – Я вас знаю, вы из России. Спортсмен.

– Правильно, – кивнул Ростислав, – я играю в хоккей. А ты что здесь делаешь совсем одна?

– Я не одна. Где-то здесь моя мачеха, но я ее не люблю. К тому же ее интересуют только мужчины, а про меня она, скорее всего, уже забыла. Меня зовут Мидори.

Теперь Шибанов вспомнил, где видел это личико. Мидори Сандзо, звезда прошлогоднего диснеевского блокбастера о девочке, которая попадает в волшебную страну, чтобы спасти своего отца. Двенадцать лет, прическа «паж», огромные черные глаза. Японка по отцу. Во время Второй мировой американцы сажали таких в концлагеря[1]...

– А меня – Ростислав.

– Очень приятно, – сказала девочка, спрыгнула с перил на розовый мраморный пол и неожиданно сделала книксен. – Вам тоже скучно?

– Не то слово, – признался Ростислав. – А уезжать вроде бы рановато, хозяин обидится...

– А я не могу уехать, пока мачеха не решит убираться отсюда. Я могла бы угнать автомобиль, но меня остановит дорожная полиция, будут неприятности. Поэтому я решила посидеть здесь и посмотреть, как звезды отражаются в воде. Но мне не нравится, что все время воют сирены. И в зоопарке кто-то кричит так, словно чувствует приближение беды...

Мидори говорила серьезно, словно старушка. Такое бывает с детьми, рано окунающимися во взрослую жизнь, будь то спорт или шоу-бизнес. А у Мидори, насколько помнил Шибанов из статьи в таблоиде, на все это накладывались еще и семейные проблемы: мать умерла давным-давно, год назад в автокатастрофе погиб отец, а мачехе-опекунше маленькая актриса

---

[1] В 1942 году в специальные лагеря были перемещены около 120 тысяч японцев (из которых 62% имели американское гражданство) с западного побережья США. Во многих публикациях данные лагеря называют концентрационными. В январе 1945 года законы о выселении были отменены.

была нужна исключительно как источник постоянного дохода.

– Когда мы ехали сюда, я видела, как человек разбил витрину кафе, – продолжала Мидори, подойдя ближе к хоккеисту. – Это было маленькое итальянское кафе, с такой красивой зеркальной витриной. Человек взял столик и бросил, он что-то кричал при этом, я не слышала из машины. Зачем он так поступил?

– Может быть, больной, – пожал плечами Шибанов. – Чего только не случается с людьми.

– Может быть, – согласилась девочка. – У него было такое страшное лицо…

Внезапно внутри, в зале, что-то загремело, послышался женский визг, крики.

– Стой здесь! – тотчас велел Ростислав, поставил пиво на перила и вернулся к столам.

Давешние расфуфыренные негры стояли друг против друга. У одного, со здоровенным пацифистским символом на шее, по щеке текла кровь из разодранного уха. Второй держал в пальцах вырванную серьгу и слизывал с нее красную жидкость.

– Что он делает?! – верещала какая-то блондинка в безвкусном леопардовом платье. – Охрана, скорее, скорее сюда!

Двое охранников протиснулись через толпу и попытались осторожно развести чернокожих смутьянов по сторонам, но тот, что был с пацификом, вырвался и закричал:

– Чертов ниггер, ты мне ухо разорвал! Зачем ты, блин, это сделал?!

Второй ничего не отвечал, только злобно смотрел по сторонам. Потом неожиданно извернулся и вцепился зубами в запястье охранника. Тот взвыл, а негр выхватил из его наплечной кобуры «глок»[1] и, быстро отскочив к столам, принялся стрелять вокруг себя. Первая же пуля ударила прямо в лоб верещавшую блондинку,

[1] Марка австрийского пистолета, ряд моделей изготавливается из пластика и композитных материалов.

разнеся ее голову, словно арбуз. Вторая досталась несчастному охраннику, угодив в живот. Толпа с воплями бросилась врассыпную, переворачивая мебель и сбрасывая на пол посуду. По ковру текло, впитываясь и смешиваясь с кровью, пятидесятилетнее шотландское виски.

Через мгновение Шибанов сообразил, что остался стоять, словно статуя, среди общего панического бегства, и представляет собой идеальную мишень. К счастью, чокнутый рэпер стрелял, не целясь. Быстро отпрыгнув за колонну, Ростислав сделал первое, что пришло в голову – схватил с пола бутылку и метнул в безумца.

Тяжелая бутылка угодила рэперу в плечо, он пошатнулся, поскользнулся на груде салата и грохнулся навзничь, выпустив оставшиеся пули в потолок. Посыпалась штукатурка, битое стекло с люстры, к упавшему кинулся охранник и ногой выбил у него пистолет. Потом завернул руки негра за спину и защелкнул наручники.

Шибанов вышел из-за колонны и обнаружил, что в зале не осталось никого, не считая уже упомянутого охранника, двух трупов и второго негра, который, морщась, поливал себе на ухо «Столичную» из литровой бутыли. Этот опасным не выглядел; приложил к уху скомканную салфетку, тут же начавшую краснеть, и заметил со знанием дела:

– Красиво ты его, чувак.

– Я в детстве любил играть в городки, – рассеянно объяснил Ростислав, осторожно обходя распростертое тело блондинки.

– Это что еще за фигня, блин?! – удивился негр.

Ростислав не ответил. В зале появилось еще несколько охранников, тревожно переговаривавшихся по рации. Кто-то вызывал полицию. Прибежал и сам хозяин; пухлый грек с растерянным видом метался среди перевернутых столов, что-то бормоча себе под нос, видимо, молился.

Кто-то дернул Шибанова за рукав рубашки. Он оглянулся и увидел Мидори.

– По-моему, люди сходят с ума, – сказала она. Ростислав поспешил развернуть девочку и увести подальше от мертвых тел, и только тогда спросил:

– Что ты имеешь в виду? Негра? Он, наверное, принял какой-то наркотик…

– Нужно говорить «афроамериканец», – наставительно произнесла Мидори. – Но я не про него. Я про тех людей, которые снаружи.

– Каких людей? – не понял Шибанов. Девочка молча потянула его в сторону балкона.

Сначала хоккеист подумал, что внизу, во дворе, снимают массовую сцену для кинофильма. Но потом он понял, что это не так. Разномастная толпа людей, каким-то образом проникшая на территорию ранчо Неверлэнд, шла на штурм. Шла почти бесшумно, и это было самым жутким. Основная масса плотной толпой валила к дому. Но часть из них вломилась в зоопарк, и стало совсем страшно. Потому что оттуда сразу же послышались истошные крики животных.

Животных, которых убивали.

Возможно, рвали на части.

Ростислава толкнули плечом. Распространяя удушливый запах водки, через перила перегнулся раненый негр и протянул в недоумении:

– Твою мать… Чувак, я на это не подписывался! Я приехал сюда побухать, повертеться перед камерами, может, сбацать пару песен. Что это за хренов бунт?! Там и ниггеры, и белые… А вон с ними коп… Слушай, у вас в России вроде была революция – это тоже так выглядело?

– Она была сто лет назад, – коротко сообщил Шибанов. – Я не застал.

Чернокожего рэпера эта новость, похоже, чрезвычайно поразила, но продолжать дальнейший исторический ликбез помешал огонь, который нападавшие

открыли по балкону, вероятно, заметив на нем людей. Схватив в охапку пискнувшую Мидори, Ростислав бросился в дом. За ним торопился Профессор Джей-Ти, не переставая восклицать:

– Черт! Твою мать! Черт!

– Что там творится?! – крикнул Шибанов, едва не врезавшись в одного из охранников, плотного парня со сломанным носом.

– Не знаю, сэр! – испуганным голосом отозвался тот. – Какие-то волнения... В полиции говорят, что так по всему городу... Вроде в Карсон-Сити и в Солт-Лейк тоже...

– Я же говорил – революция! – заявил негр. – Но все равно ни хрена не понимаю. Еще ладно бы черные погнали белых, это давно пора. Но они там все вместе, и в меня стрелял хренов коп, блин, я сам видел!

– Что бы ни было, отсюда надо уходить, – бросил Шибанов. Мидори вцепилась ему в шею и зашептала:

– Не бросайте меня!

– Кто ж тебя бросит... – обозлился хоккеист. Отметив, что рэпер следует за ним, Шибанов пробежал по длинному коридору и остановился, не зная, куда повернуть. Из открывшейся двери выглянула смуглая девушка и крикнула:

– Сюда! Идите сюда!

Через секунду Атика захлопнула дверь за их спинами и щелкнула замком. Шибанов посадил девочку в кресло у огромного камина и выдохнул:

– Спасибо, мисс... Вы знаете, куда идти?

– Ничего я не знаю, – хмуро произнесла Атика. В руке она держала пистолет, негр одобрительно прищелкнул языком и сказал:

– «Кел-тек» ПФ-9[1]! Хорошая машинка, сестра! Калибр девять миллиметров, а весит всего фунт... Жаль только, всего семь патронов влезает, в серьезном махаче не всегда успеешь перезарядить обойму... У тебя второго такого нет?

---

[1] Марка американского облегченного пистолета.

– Найди себе сам. Я взяла у мертвого охранника.

– А охранника тоже сама завалила?! – вытаращил глаза Профессор Джей-Ти.

– Там, внизу, и без меня была масса желающих это сделать.

– Что происходит? – спросил Ростислав.

– Не знаю... Я была внизу, собиралась уезжать, у меня сегодня еще важная встреча во Фриско... И тут эти люди вломились в дом.

– Я видел их с балкона, – кивнул Ростислав, прислушиваясь к шуму за дверью. Крики доносились издалека, несколько раз грохнули пистолетные выстрелы. Джей-Ти извлек из кармана украшенный драгоценными камнями мобильник и попытался набрать чей-то номер.

– Говорит, нету связи, – сообщил он. – Что за фигня? Как здесь, в Калифорнии, не может быть связи?!

– Это какие-то сумасшедшие... – продолжала Атика. – Они выглядели, как... как звери... Бросались на гостей, вцеплялись им в горло ...

Атика замолчала, видимо, заново переживала уведенное. Ростислав, внимательно слушавший девушку, тронул ее за плечо:

– Как звери, говоришь?

Атика передернула плечами:

– Если бы просто как звери, я бы не так испугалась. Мало ли – может эпидемия бешенства или еще что... Но эти... Они готовы убивать любым способом: у некоторых были ножи, ружья... А потом я увидела, как только что вполне нормальный с виду охранник вдруг вскинулся и набросился на другого, с которым они только что вместе отбивались от толпы. Он его... в общем, он ему снес голову из пистолета, а потом отбросил пистолет, навалился на туловище и... И я подобрала пистолет и спряталась здесь.

– Мы тут как в ловушке, сестра! – недовольно заметил рэпер, бросая на пол окровавленную салфет-

ку. – Надо рвать отсюда когти, пока нас не схватили за задницу. Не знаю как ваши, а мне моя очень дорога.

– Здесь есть второй выход, – Атика показала стволом пистолета на дверь в дальней части комнаты. – Там лестница, но куда она ведет – не знаю…

Комната вообще выглядела нежилой: холодный нечищеный камин, несколько совершенно разнопородных кресел и стульев, треснувшее зеркало, прислоненное к стене… Видимо, в этой части здания Либеропулос еще не успел произвести требуемые переделки. Хотя на туалетном столике валялись какие-то принадлежности – расческа, пудреница, еще что-то явно из женского арсенала. Да и на кровати было смежесмятое постельное белье. Может, это была комната для гостей? Для не очень привилегированных гостей. Или для прислуги. Впрочем, сейчас это меньше всего волновало Ростислава. Вряд ли кто-то мог в данный момент зайти и возмутиться, что нежданные гости заняли его апартаменты.

– Попробуем выбраться. Возможно, там еще никого нет. Эти чокнутые разбираются с гостями, – сказал Шибанов и обратился к девочке-актрисе: – Прости, Мидори, но мы не сможем сейчас найти твою мачеху.

– Черт с ней, – решительно заявила девочка. – Между нами, она была порядочной сукой.

Ростислав открыл рот, а Профессор Джей-Ти громко заржал. Атика тем временем рылась в туалетном столике, потом удовлетворенно хмыкнула и вынула большие ножницы. Подошла к зеркалу, примерилась.

– Что ты делаешь?! – воскликнул Ростислав, но Атика решительно защелкала ножницами. Через минуту ее роскошные черные волосы лежали на деревянном полу, словно шкурки ценных пушных зверей. Сама Атика стала похожа на озорного мальчишку с торчащими во все стороны короткими вихрами.

– Зачем?! – только и спросил хоккеист.

– Длинные волосы теперь мешают. Они за все цепляются, за них легко схватить… Похоже, мир изменился… Значит, пора меняться и мне.

– Давайте линять отсюда, братва, – напомнил негр. – Про прически поговорите после. Кстати, меня звать Профессор Джей-Ти. Можно просто Джей-Ти.

– Атика, – сказала Атика. – Через одну букву «Т», иначе получится название тюрьмы[1]. Ненавижу эту ошибку.

– Мидори, – сказала девочка.

– Ростислав, – сказал Шибанов.

– Вот и познакомились, блин, – заключил рэпер и потрогал разорванное ухо.

…Лестница привела беглецов в подвальное помещение, где стояли распакованные генераторы и большие деревянные ящики с маркировкой «Made in Japan». Слава богу, никого из нападавших здесь не оказалось, видимо, в самом деле они были увлечены охотой на гостей. Что это были за твари и почему они все разом утратили человеческий облик, Ростислав старался не думать. Сейчас нужно бежать, все размышления – после.

Из подвала по небольшой винтовой лесенке они поднялись в темный зал, судя по гулкому эху, довольно большой.

– У меня есть зажигалка, – сообщил Профессор Джей-Ти. Пощелкал ею, зажег желтый огонек, нашел на стене выключатель, повернул рукоятку.

– Смотрите, самолеты! – закричала девочка.

В самом деле, перед ними стояли два самолета, маленькие легкие модели, рассчитанные на пять-шесть человек.

– А толку? – махнул рукой Шибанов. – Надо искать автомобиль.

– Слушай, чувак, – начал сердитым тоном негр, – конечно, вы все думаете, что черномазые – тупые. Одна-

[1] Тюрьма строгого режима Аттика расположена в Нью-Йорке. Была местом известного тюремного бунта в 1971 году.

ко это не так, и у меня есть пилотская лицензия. Любительская, разумеется, но такую каракатицу я свободно могу вести.

– И сколько часов ты налетал?

– Сорок, из них двадцать – с инструктором, остальное самостоятельно. Короче, давайте разбираться, что тут с топливом и как открыть ворота, чтобы выкатиться на взлетную полосу.

– Ты уверен, что нам не проще будет найти машину? – со вздохом уточнил хоккеист.

– Уверен, чувак. И еще, машина, она едет по земле. А на земле, если ты не заметил, – эти злобные уроды. Некоторые с оружием. В самолет попасть куда сложнее, я знаю, о чем говорю.

– Ладно, командуй, – согласился Шибанов. Они с Атикой и Мидори поспешили к противоположным воротам из гофрированного металла, рядом с которыми на стене был укреплен оранжевый щиток. В самом деле, там и оказался запуск механизма открытия ворот, но включать его Ростислав не торопился.

– В чем дело, чувак? – крикнул рэпер, высунувшись из кабины ближнего самолетика, черно-бело-красного. – Открывай хату!

– Вдруг они снаружи?! – возразил Шибанов. – Откроем, когда будем готовы взлететь. У тебя все в порядке?

– Если ты про горючку, то здесь ее полно. Правда, это «пайпер-сенека», я таким не управлял, но они все одинаковые, как одно место у девчонок – если как-то раз в него попал своим болтом, больше уже никогда не промажешь. Простите, сестрицы, – поздновато осекся негр и спрятался в кабине.

– Садитесь в самолет, – велел Шибанов. – Когда заработает двигатель, я открою ворота, подбегу и запрыгну в салон. Если снаружи кто-то есть, они уже не успеют нам ничего сделать.

– Хорошо, – кивнула Атика, на мгновение замялась и сунула Ростиславу пистолет. – Я сняла его с предохранителя.

– Да я и стрелять-то не умею, – растерянно сказал Шибанов, но фотомодель уже бежала к «пайперу», держа за руку Мидори. Они забрались внутрь, затарахтели моторы, провернулись трехлопастные пропеллеры. Ростислав сунул пистолет за пояс, опустил рубильник, под потолком мягко заурчал привод, ворота стали подниматься вверх. И, уже двигаясь навстречу катящемуся самолету, Шибанов понял, что совершил ошибку. И не одну.

Во-первых, взлетная полоса не была освещена. Очевидно, свет включался где-то в другом месте, а не одновременно с открытием ворот.

Во-вторых, на полосе в пределах досягаемости освещения из ангара стоял трактор. Небольшой ярко-зеленый трактор с навесными орудиями и приспособлениями, предназначенный, видимо, для расчистки полосы. Бежать к нему и отгонять не оставалось времени, потому что в открывшиеся ворота с двух сторон ринулись люди. Их рассматривать хоккеисту было уже совершенно некогда, и, отчаянно ругаясь, он вцепился в край открытой дверцы.

– Давай, давай! – заорал Профессор Джей-Ти.

– Трактор! – крикнул в ответ Шибанов, забрасывая тело внутрь кабины.

– Вижу!

«Пайпер», выехав из ворот, круто вильнул и зацепил трактор кончиком правого крыла. Самолетик отчаянно тряхнуло, Мидори взвизгнула.

– Проскочили, блин! – радостно завопил негр. – Йо!

И тут же в не успевшую закрыться дверцу буквально влетел человек. Шибанов, неудобно лежа на спине, согнул в колене больную ногу и с силой ударил незваного гостя в лицо, совсем забыв о пистолете.

– Не надо! – жалобно успел крикнуть тот, вылетая обратно. Покатившееся в темноту тело тут же облепили другие, с окровавленными руками, сжимающими ножи. Ростислав схватился за голову:

– Он был нормальный! Этот человек, он хотел спастись!

– Теперь уже поздно, – холодно сказала Атика, забирая у Ростислава пистолет. – Ты не виноват.

– Его глаза…

– Ты не виноват, – повторила Атика. – Похоже, русские в самом деле такие, как писал ваш Достоевский… Но если ты начнешь посыпать голову пеплом и страдать, мы черта с два спасемся.

– Да, ты, наверное, права, – нехотя согласился Ростислав, закрывая дверцу.

– Кстати, пистолет был снят с предохранителя. Ты вполне мог себе что-нибудь отстрелить, когда засовывал его за пояс, а потом бегал и прыгал.

Ростислав промолчал.

Самолет набирал высоту, и Мидори тихо сказала:

– Смотрите…

Поместье Неверлэнд пылало. В ярком свете пламени видно было, как в стороны разбегаются человеческие фигурки. Одни спасались от огня, другие дрались между собой… Повернув голову, Шибанов увидел, что Санта-Барбара тоже горит – к черному звездному небу поднималось множество столбов дыма и огня. На Сценик-драйв что-то взорвалось, красочно разбросав в стороны искры.

– Это не революция, братва, – печально сказал Профессор Джей-Ти, вцепившийся в штурвал самолета. – Это тот самый конец света, который не должен был случиться. Блин, но мы-то вроде живы?

– С самолетом все в порядке? – спросил Шибанов. «Пайпер» как раз заложил небольшой вираж, и хоккеист увидел, как далеко внизу рушится объятая огнем башенка Церковной Миссии испанских францисканцев.

– Трясет малость, – все так же грустно сообщил рэпер. – Видимо, крыло чуток повредил, когда зацепился за этот долбаный трактор…

– Не отвалится?

– А хрен его знает, чувак… Куда летим-то? Если везде одно и то же…

– Как можно дальше отсюда. Сколько может пролететь этот самолет с полными баками?

– Не помню, чувак… Миль семьсот, небось.

– А, к примеру, до Вегаса сколько?

– Решил перед смертью спустить последние деньжишки, а?! – невесело улыбнулся рэпер. – До Вегаса меньше. Но я могу только примерно определить направление… Радиосвязь не работает.

– Как? Вообще?

– Вообще. Может, рация не в порядке… И бортовой компьютер тоже. То есть я лечу почти вслепую, братва. Наверно, в самом деле лучше было ехать на машине.

– Поздно. Значит, мы летим в Вегас, – решил Шибанов. Негр покосился на него через плечо, скорчил страдальческую рожу, но ничего не сказал.

Вегаса они достигли спустя два часа.

Город выглядел лучше, чем оставленный за бортом Карсон-Сити и покинутая в спешке Санта-Барбара. Башня Стратосфер-Таэур сияла огнями, как и копия Эйфелевой башни, а вот Боулинг-центр горел. Горел и музей Элвиса Пресли, рядом с которым виднелись несколько перевернутых полицейских автомобилей. На бульваре Чарльстон происходило что-то напоминающее массовую драку, из окон верхних этажей отеля «Луксор» на глазах у опешивших беглецов выбросили несколько человек – еще живые, они летели вниз, на мостовую, нелепо дергаясь в воздухе.

Полыхал детский музей «Лид Дискавери»; о том, что там могло происходить сегодня ночью, жутко было даже думать…

– В аэропорту садиться нельзя, – заключил Шибанов, потирая виски. От увиденного и пережитого раскалывалась голова, к тому же отчаянно болела травмированная нога – он разбередил старую рану, выталкивая из самолета спасавшегося мужчину.

Очень хотелось пить, но в самолете не обнаружилось ничего из еды и питья. Судя по всему, он вообще стоял в ангаре частично разукомплектованным, и при более тщательном осмотре Джей-Ти мог это заметить. Но негр не удосужился, и теперь они летели без связи. Впрочем, было ли с кем связываться? В аэропортах могло происходить все, что угодно. И международный аэропорт Маккаран, и аэропорт Гранд-Каньон в Тусейне были опасны, к тому же незадачливый пилот то и дело жаловался на поврежденное крыло. Тряска самолета и в самом деле ощущалась все сильнее.

– Ты хочешь сказать, что мы сядем в пустыне, чувак?! – подозрительно спросил Профессор Джей-Ти.

– В аэропорту могут быть безумцы, – рассудительно сказала Мидори.

Словом «безумцы» они автоматически стали называть злобные толпы внизу, как бы сразу согласившись, что перед ними – именно безумие. Что стало его причиной? «Хреновые флюиды, чувак. Давно было что-то такое в воздухе», – сказал Джей-Ти. «Это может быть эпидемия», – предположила Мидори. «Я не хочу об этом думать», – заявила Атика.

Красавица сидела у окна, держа в правой руке пистолет, а левой перебирая коротко остриженные пряди волос. Шибанов то и дело поглядывал на нее искоса, надеясь, что девушка тоже проявляет к нему интерес. Однако Атике было явно не до хоккеиста. А жаль, подумал Шибанов, все так хорошо начиналось: катастрофа, он в роли спасителя, знакомство, перерастающее… Во что перерастающее? В любовь? С чего бы это вдруг? Да и какой он, к чертям, спаситель… Скорее уж их спасла Атика, даже безалаберный Джей-Ти, а он, Ростислав Шибанов, всего-то выкинул из «пайпера» несчастного, который почти уже спасся… Герой, что тут еще сказать.

– Блин! – заорал не своим голосом Профессор Джей-Ти, отвлекая Шибанова от грустных мыслей и дергая

на себя штурвал. Прямо перед носом самолетика из клубов дыма выскочил ярко-желтый вертолет одного из местных телеканалов. Мигая ходовыми огнями и треща винтом, он промелькнул в считанных сантиметрах ниже, потом неожиданно спикировал вниз и врезался в казино «Четыре королевы», превратившись в огненный шар.

– Черт... Я чуть не наложил в штаны, – признался рэпер, тревожно прислушиваясь к шуму двигателей. – И, по-моему, эта летающая мясорубка нас доконала. Молитесь, сестрицы.

«Пайпер» лихорадочно вибрировал, и Шибанов с ужасом представил, что будет, если сейчас у них отвалится крыло. Даже с парашютами – шансов никаких, а парашютов в салоне не имелось...

Мидори пристегнулась, вцепилась в спинку сиденья и закрыла глаза. По щекам ее текли тоненькие дорожки слез. Атика так и сидела, глядя в окно. Ростислав поразился спокойствию девушки и, хотя это было не к месту, ее неземной красоте.

– Атика... – неожиданно произнес он.

– Что? – спросила девушка, повернувшись.

– Я... В общем, если что-то случится, я хочу, чтобы ты знала...

Шибанов осекся. Девушка выжидательно смотрела.

– А я хочу, блин, чтобы вы держались крепче! – рявкнул рэпер и заорал, перекрывая шум двигателей:

Кто здесь рулит?
Ты делаешь вид, что не знаешь.
Мы здесь рулим!
Ты знаешь об этом, хотя делаешь вид, что не в курсе.
Кто здесь рулит?
Ты делаешь вид, что не знаешь.
Мы здесь рулим!
Ты знаешь об этом, хотя делаешь вид, что не в курсе.
Ты делаешь вид, что не знаешь.
Вот увидишь, я порву этот клуб,

Этот хит принесет мне кучу бабла.
Ты знаешь об этом, хотя делаешь вид, что не в курсе[1].

Самолет, сильно накренившись, миновал границу городской черты и понесся над пустыней. Постепенно серел песок, казавшийся сверху каким-то однородным и гладким, словно теплое покрывало на гигантской кровати. Светало. Справа в отдалении тянулась пропадающая за дюнами линия шоссе, на которой изредка попадались автомобили. Все они стояли и выглядели брошенными. Из города никто никуда не ехал, что очень удивило Шибанова. Возможно, жителей попросту не выпускали вначале полицейские кордоны или Национальная гвардия – это если предположить, что все-таки причиной является эпидемия. А потом, видимо, выпускать стало уже некого...

Но если это эпидемия, почему они целы и невредимы? Не бросаются друга на друга...

Самолет тряхнуло особенно безжалостно, Шибанов едва не треснулся головой о потолок и поспешно пристегнул ремень, поняв, что сидит, как дурень, непристегнутый, и рассуждает о вещах несвоевременных, рискуя свернуть шею в любой момент.

Каменистая поверхность, покрытая чахлыми кустиками, приблизилась и проносилась под самыми шасси самолета, предусмотрительно выпущенными Джей-Ти. Хоккеист глубоко вдохнул и поправил прикрепленный на ремне кожаный футлярчик. Обычно в таких носят мобильные телефоны, но у Шибанова там лежал металлический скорпион – фигурка, которая досталась ему в наследство от деда. Семейный талисман. Он помогал не раз – что если поможет и теперь?

– Держитесь! – закричал рэпер, прервав свою грозную песнь. – Иисус на осле, если мы разобьемся...

[1] Eminem feat. 50 Cent – «You Don't Know», пер. текста сделан лингволабораторией «Амальгама».

Что должен сделать Иисус, если они разобьются, Профессор Джей-Ти сказать не успел. Самолет ударился колесами о неприметный бугорок, подскочил в воздух, снова стукнулся о землю. Поврежденное крыло отвалилось и, кувыркаясь, отлетело в сторону, разбрасывая куски обшивки. Затем несчастный «пайпер» лишился сразу обоих шасси, грохнулся на брюхо и, зарывшись лопастями уцелевшего двигателя на другом крыле, перевернулся.

«О год, крапленый злом и добром, – год зловещих предзнаменований»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Катастрофа

Сколково, Россия, декабрь 2012 года

Андрей Гумилев отложил подготовленную референтами сводку новостей о происходившем в Соединенных Штатах и выключил телевизор, назойливо бормотавший о том же. Происходило нечто ужасное, и это понимали все, включая самих американцев. Президент пытался как-то держать ситуацию под контролем, но все, что удавалось, – это при помощи армии локализовать распространение вируса.

О том, что приходится иметь дело именно с вирусом, выяснилось в первые же часы. Специалисты-эпидемиологи исследовали трупы и живой биоматериал, в результате чего обнаружился доселе неизвестный вирус, который тут же получил сразу несколько названий – от «Армагеддона» до «вируса инфекционной шизофрении», хотя заболевание, которое он вызывал, отличалось от хорошо известной психиатрам болезни. Работа продолжалась ежесекундно, но пока вопросов было больше, чем ответов.

Некоторые люди обладали иммунитетом к вирусу. Один из пяти или шести – это довольно много, если не учитывать, что заболевшие четверо или пятеро всячески будут стараться прикончить этого самого пятого или шестого… Передавался вирус при физическом контакте, но в ряде случаев – и воздушно-капельным путем, правда, на очень близком расстоянии. Без но-

сителя он чувствовал себя прекрасно, стало быть, мог долго «прятаться», выжидая, когда придет жертва. Особенно нравились вирусу условия, в которых он сейчас и находился: сухой и теплый климат пустыни.

Гумилев включил монитор и посмотрел на карту Америки.

Невада, Юта, Колорадо, Нью-Мексико, Аризона... Часть Калифорнии, где Арни Шварценеггер успел решить вопрос жестко, но эффективно. Пока грустные сведения поступали только об этих шести пострадавших штатах, которые уже окрестили Закрытыми Территориями. В самом деле, военные практически перекрыли границы штатов, все более-менее значимые транспортные магистрали, а специальные отряды патрулировали их с воздуха. О том, что происходит с нарушителями карантинного режима, не сообщали, но Гумилев и так знал – тех, кто не хотел возвращаться обратно, уничтожали. Слишком высокой была цена ошибки. Так поступали и с теми, кто был явно заражен, и с теми, кто был с виду здоров. Кстати, инкубационный период точно определить пока не удалось – но в большинстве случаев люди заболевали буквально молниеносно, а определенная часть оставалась здоровыми, но являлась смертельно опасными носителями.

Изучение пойманных больных показало, что они вовсе не являются безумными, как подозревалось поначалу. У зараженного словно атрофировались все чувства и желания, кроме стремления убивать и разрушать. При этом они совершали абсолютно осмысленные действия – могли пользоваться оружием, управлять транспортом, обслуживать себя. Самое же печальное было в том, что зараженные, за редким исключением, не трогали друг друга, словно бы имея некую скрытую систему «свой – чужой». Более того, они иногда действовали согласованно. Сумели уничтожить релейные станции сотовой связи. Взорвали электростанцию. Они словно организованно воевали с обычными, здоровыми, нормальными людьми.

Мировое сообщество понимало истинные размеры грозящей опасности. Никаких осуждающих выступлений о «ненужной жестокости» и прочих неуместных вещах не прозвучало. Канада и Мексика предложили содействие живой силой и техникой для блокирования Закрытых Территорий. Европейский союз и Россия также предложили помощь, но руководство Соединенных Штатов пока молчало. Впрочем, все прекрасно понимали, что остановить распространение вируса можно будет только сообща. Последней же новостью стало решение Техаса об отделении, с которым ничего нельзя было поделать.

Судя по всему, Соединенные Штаты понемногу переставали существовать в своем нынешнем виде.

Без стука, как разрешалось только при крайне важных делах, вошел Синцов. Молодой талантливый вирусолог и микробиолог получил карт-бланш сразу же, как только Гумилев узнал о жуткой эпидемии в Америке. Судя по синякам под глазами, Синцов уже давно не спал. Он устало опустился в кресло и сказал:

– Андрей Львович, пока ничего.

Речь шла о биоматериале, который должны были доставить из Хьюстона. Разумеется, со всеми возможными и невозможными предосторожностями, потому что исследования разрешалось проводить только на территории Соединенных Штатов. Гумилев поступал в данном случае не вполне законно, но иного способа не имелось – он хотел, чтобы вирус изучался в его российских лабораториях, заметно лучших по своим возможностям, нежели американские.

Собственно, практически все имеющиеся у него данные по вирусу «Армагеддон» Гумилев тоже получил незаконно – через хорошо оплачиваемого инсайдера в Центре контроля и профилактики заболеваемости США. Теоретически Центр был и так уполномочен Всемирной организацией здравоохранения для рассылки образцов в научные учреждения разных стран, но в данном случае все установки оказались отменены.

– Подождем, Игорь, – мягко сказал Гумилев. – Ты бы отдохнул пока. Видишь же – все только начинается. Без нас им все равно не обойтись, они фактически теряют десятую часть штатов, притом с огромной территорией. И еще неясно, что там себе думают Флорида, Луизиана, Орегон и Аляска, которые могут пойти вслед за Техасом.

Синцов все так же устало молчал. Отличный специалист, которого Гумилев с великими трудностями переманил в свою вотчину из Государственного научного центра вирусологии и биотехнологии «Вектор» в Новосибирске, он вообще был немногословен и по возможности старался излагать свои соображения на бумаге и в виде компьютерных файлов.

– Поспи часика три-четыре. Если будут новости, тебя сразу известят.

– Хорошо, Андрей Львович, – покорно согласился Синцов, поднялся и ушел. Сразу после этого позвонил Чилингаров.

– Привет, Артур Николаевич, – сказал Гумилев, глядя на карту США, которую так и не убрал с монитора.

– Видел, что происходит? – спросил Чилингаров.

– Видел.

– Плохо дело. Как думаешь, до нас не дойдет?

– Сделаем все, чтобы не дошло, – твердо сказал Гумилев. – Там уже не до хрестоматийного гуманизма, полагаю, это и американцы понимают, и все остальные.

– Сколько жертв, – печально проговорил полярник. – Сколько жертв…

– Будет еще больше. Тем, кто останется в изоляции, очень не повезло. Конечно, будет гуманитарная помощь, какие-то телодвижения со стороны ООН, но… Пока не появится лекарство – территория закрыта.

– Закрытая Территория, так все уже и называют, – согласился Чилингаров. – Откуда же эта дрянь взялась-то?

– Кто бы знал, Артур Николаевич… Судя по тому, что американцы этого не ожидали – скорее всего, это не их секретная разработка. Чья-то чужая – возможно.

– Терроризм? – предположил Чилингаров. – Помнишь историю со скважиной «Бритиш Петролеум» в Мексиканском заливе. Сначала тоже думали, что оно само… А там не так все просто оказалось.

– Да уж, только-только расхлебали последствия – и вот тебе. Не везет американской администрации.

Чилингаров помолчал. Слышно было, как потрескивает табак, когда полярник затягивается сигаретой.

– Я вообще-то удивлен, что ты еще не в Америке, – сказал он наконец. – По всем приметам ты уже давно должен быть там.

– Закрыта Америка, – покачав головой, словно Чилингаров мог его видеть, ответил Гумилев. – Ты же знаешь – никого туда не пускают. Аэропорты закрыты, море – тоже… Конечно, если нажать на все рычаги, я бы туда пробрался. Но что потом? Там практически война, Артур Николаевич. С другой стороны, я думаю, что рано или поздно все равно туда полечу. Нужно найти лекарство.

– Думаешь, оно есть?

– Лекарство есть от всего. Главное – его разработать.

– Ну, ни пуха, коли так, – сказал Чилингаров. – Будут новости – звони.

– Договорились! – сказал Гумилев.

«Доверчиво ластясь ко мне, шелестя у ног моих пеной,
Затем поднимаясь к ушам и мягко всего захлестнув,
Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть.
И этого я не забуду»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ПЯТАЯ

Демон Невады

Невада, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года

Шибанов выбрался из самолета и лег на песок, глядя в мутное утреннее небо. Несмотря на зимнее время, в Неваде было тепло – около двадцати градусов по Цельсию, но ночью температура опускалась почти до нуля, и спину изрядно холодило.

Слава богу, все оказались целы. Профессор Джей-Ти вдобавок к пораненному еще в Неверлэнде уху раскроил о приборную панель лоб и потерял свой пацифистский знак. У Мидори, судя по характерным симптомам, была трещина в ребре, и Ростислав дал ей таблетку обезболивающего и наложил импровизированную повязку, сделанную из рукавов рубашки. Атика и хоккеист пережили авиакатастрофу без потерь, хотя несчастный «пайпер» был так искорежен, что, казалось, выжить не должен был никто. Видимо, сыграло свою роль и то, что горючее было на нуле, иначе случился бы пожар.

– Блин, как же трещит голова, – пожаловался рэпер, сидящий рядом на округлом валуне. – Щас бы пивка или немного травки…

– У нас нет воды, – печально сказала Атика. – Нужно поискать воду.

– Нужно идти к городу. Точнее, не к городу, а к какой-либо цивилизации. Бензозаправка, кафе, – предложил Шибанов нерешительно. Он не был уверен, стоит ли сейчас искать пресловутую цивилизацию. Цивилизация – это люди, а люди – это, скорее всего, опасность. Сначала неплохо бы разобраться, что происходит.

– Хорошо, что сейчас не лето, хотя бы не так жарко… – жалобно сказала Мидори. – И еще я думаю вот что: там, на шоссе, я видела машины. В машинах может быть еда, вода и оружие.

– Учитесь у девчонки, – воскликнул негр, поднимаясь с камня. – По ходу, без оружия нам точно не обойтись, а пушки, которая у тебя, сестра, явно недостаточно.

– Прекрати называть меня сестрой! – сердито заявила Атика. – Думаешь, мне нужны такие братья?

– Напрасно ты так, – с укоризной и обидой пробормотал Джей-Ти. – Настали тяжелые времена, черные должны быть вместе. Вот увидишь, после такой фигни, которая случилась, в первую очередь достанется черным.

– Отстань, – буркнула Атика. Она помогла девочке подняться, отряхнула с длинного, усыпанного блестками платья песок и приставшие травинки.

– Шоссе вроде бы там, – сказал Шибанов, припоминая. При посадке самолет сбило с курса и перевернуло, но вроде бы он не ошибался.

– И держи наготове пушку, сестр… короче, на тебя вся надежда, – примирительно добавил негр и забормотал себе под нос:

Чувак, красный цвет – цвет крови на моей руке.
Черный – цвет ствола в моей ладони.
И зеленый – цвет шелковой нити,
которая растет сама по себе, как дреды на африканцах.
Легкие полны дымом от травы.
Камуфляжные костюмы и ботинки.

Что-то среднее между N.W.A. и Public Enetу.
Я черный, как Стив Бико.
Был выращен людьми в гетто.
Срал я на копов, вы знаете, как мы делаем это[1].

Шибанов все же немного не угадал направление, и на шоссе они выбрались позже, чем он полагал. В пределах видимости стояла лишь одна брошенная машина – серебристый «лэндкрузер», к которой они и направились.

– Стойте, – сказал внезапно рэпер. – Там, кажись, валяется какой-то чувак. Похоже, дохлый.

– Я не боюсь покойников, – отозвалась Мидори. Она стойко переносила боль, старалась не отставать и вообще вела себя молодцом. Шибанов подумал, что с переломом ребра или двух девочка стала бы для них обузой. Пришлось бы ее нести... Не бросать же, само собой. А судя по тому, что происходит вокруг, нормального доктора они встретят нескоро, если встретят вообще. Хотя должны же быть какие-то передвижные лагеря для беженцев, полевые госпитали, палатки... В фильмах герои рано или поздно к ним приходят. Обязательно приходят.

– На здоровье, крошка. Я ничего не имею против дохлого чувака, куда хуже, если он будет живой. С живыми в последний день у меня как-то ни хрена не задалось, блин.

Но покойник оказался именно покойником. Он лежал возле приоткрытой передней дверцы «лэндкрузера» и выглядел ужасно – кто-то обгрыз на руках мертвеца пальцы. Других ран видно не было.

– Да, бедняга, видать, помер сам, – заключил Профессор Джей-Ти, присев на корточки возле трупа. – А гребаные койоты объели ему пальцы. Ну-ка, что тут у нас...

---

[1] Dead Prez – «I'm a African», пер. Темный.

С этими словами рэпер залез в карман рубашки мертвеца. Извлек зажим с пачкой купюр, водительское удостоверение, сотовый. Включил, послушал.

– Ни хрена. Связи как не было, так и нет.

– Зачем тебе деньги? – спросил Шибанов с неприязнью.

– Ну ему-то они точно не нужны, разве нет? – осведомился Джей-Ти. – А мне, может, пригодятся. А вот часики у чувака – дерьмо, штамповка. «Пульсар». Хотя вроде при бабках, и тачка ничего. Не понимаю я таких людей. Черный никогда не надел бы такие поганые часы, имея новенький «крузер».

– Интересно, он был нормальный или безумец? – спросила Мидори, которую, судя по всему, мародерская выходка рэпера вовсе не покоробила. Девочка бродила вокруг машины, с интересом ее осматривая и прижав ладонь к больному месту.

– Теперь не понять, – сказала Атика, а негр добавил:

– Когда они дохлые, крошка, то все одинаковые. Я не про нормальных и безумцев, я про людей в целом.

– Да ты философ, – криво усмехнулся Ростислав. Рэпер пожал плечами:

– Жизнь в гетто многому учит. Ладно, вы как хотите, а я полезу в машину и посмотрю насчет пожрать, бухла и прочего.

Забравшись в «лэндкрузер», негр принялся возиться там, потом вылез обратно и показал две бутылки минеральной воды, пачку пшеничных крекеров и банку колы.

– Держи, – сказал он, вручая Атике продукты. Потом опять нырнул в автомобиль, чтобы появиться с автоматом Калашникова. Это была старая модель, с деревянным прикладом, который не складывался и не отсоединялся. В другой руке Профессор Джей-Ти держал запасной магазин.

– Швейная машинка еще та, – с гордостью заявил рэпер. – Правда, потаскали ее изрядно, видать, не одного

бедолагу завалили... Интересно, где этот мужик его взял? Оружие, прямо скажу, не его типа.

– Дай-ка сюда, – сказал Шибанов и бесцеремонно забрал автомат у негра. Тот от подобной наглости оторопел и даже ничего не возразил. Зато Атика поинтересовалась:

– Ты что, соврал мне, когда сказал, что не умеешь стрелять?

– Из пистолета сроду не стрелял, – честно признался Ростислав. – А из автомата в школе стрелял, в юнармейском кружке. Это вроде скаутов.

– Говорил мне старина Краш – русские спят и видят, чтобы кого-то на хрен завоевать, – сказал Джей-Ти. – Ладно, автомат русский, ты тоже русский, тебе и в самом деле сподручнее. Я с таким тоже дело имел, но не люблю здоровенные дуры – куда лучше хороший пистолет.

– Будет тебе пистолет, – сказал Ростислав и прикрыл глаза ладонью от неожиданно взвившегося мелкого песка. Было похоже, что надвигается песчаная буря, и это первый ее порыв, еще слабый.

– Что за черт?! – воскликнул Джей-Ти.– Только торнадо нам не хватало.

Песок взмывал с обочины и кружился, ограничивая видимость несколькими футами. Внезапно из желтокоричневой кутерьмы раздалось вкрадчивое хихиканье, пугающее и потустороннее. Мидори вцепилась в ладонь Атики, Шибанов передернул сухо клацнувший затвор автомата.

– Я в машину, – быстро сказал негр, – а вы как хотите.

Хихиканье раздалось совсем близко, и прозвучало оно до того жутко, что через пару секунд все уже сидели в салоне «лэндкрузера». Там было жарко, кондиционер не работал, а когда Джей-Ти попытался завести двигатель, тот провернулся и затих.

– Бензин на нуле, – постучал рэпер пальцем по датчику на приборной доске и заблокировал двери.

В борт джипа врезался такой сильный заряд песка, что машина закачалась на рессорах. Или это был не ветер с песком?!

– Я кого-то видела! – воскликнула Атика, поднимая пистолет. На лице девушки был написан панический ужас.

– Не стреляй, дура! – испуганно крикнул негр. – Стекло разобьешь на хрен! Только попробуй…

Тут рэпер застыл с открытым ртом, потому что увидел, кто метался в песчаной пурге за стеклом.

Существо напоминало обезьяну величиной с павиана и было покрыто короткими редкими волосами серого, пыльного цвета. Сейчас оно сидело на корточках в паре футов от автомобиля и скалилось, не обращая ни малейшего внимания на бурю. Из разинутой пасти с желтыми клыками доносилось отвратительное хихиканье. Оно словно бы забиралось через барабанные перепонки в мозг, отдаваясь там бесконечным эхом.

Шибанов потряс головой и взял с колен большой, неудобный автомат. Покосился на негра – Джей-Ти так и сидел, раззявившись, бородка с бирюзовой бусиной мелко тряслась. Девочка всхлипывала, но больше всего Ростислав боялся, чтобы Атика не сделала какую-нибудь глупость со своим пистолетом.

Мотая головой, словно лошадь, которую донимают слепни, хоккеист пытался отогнать назойливое хихиканье, подавляющее волю, заставляющее сесть, сложить руки и ждать, ждать неизвестно чего.

Ты слабый, что ты можешь сделать?

Сиди и жди, жди…

Шибанов изо всех сил прикусил нижнюю губу, в рот хлынула кровь. Потом поднял автомат, уперев приклад в плечо, и левой рукой быстро нажал кнопку стеклоподъемника. Стекло с жужжанием уехало вниз, в лицо тут же впилась горсть песка, щедро брошенная ветром в салон, тварь снаружи подпрыгнула на месте, словно подпружиненная, и Ростислав выстрелил.

Стрелял он из неудобного положения, ствол увело вверх и вбок – короче, Шибанов промазал. Зато треск выстрелов в ограниченном пространстве салона заставил прийти в себя остальных.

– А-а-а! – заорал Профессор Джей-Ти. – Ты в кого стреляешь, мать твою?!

– Ты его видел? – спросил Ростислав, поднимая стекло и пытаясь что-нибудь рассмотреть в суете песчинок.

– Кого, обезьяну? Ну. Вот как тебя. Наверное, удрала из зоопарка в Вегасе, тварь. Кстати, у тебя на роже кровь.

Ростислав утерся тыльной стороной ладони.

– Это была не обезьяна, – покачала головой Мидори. – Я хорошо рассмотрела – обезьяны не такие.

– Э, крошка, я видел таких парней, которые в три раза пострашнее любой обезьяны, – начал было рэпер, который, похоже, после пережитого стресса болтал еще больше, чем обычно. – Был у нас парень по кличке Мистер Фри, так этот ниггер…

– Погоди, Джей, – оборвал скороговорку Профессора Ростислав. – Вы слышите?

– Да, хихикает, – подтвердила Атика и поежилась. – Словно гипнотизирует.

– Я же говорю, это никакая не обезьяна, – повторила Мидори.

Шибанов пытался поймать за окнами движение, блеск жадных голодных глаз, взмах волосатой когтистой лапы. Тщетно, невидимая тварь лишь продолжала хихикать, выманивать.

Откройте двери.

Вам уже все равно, вы слабые, вы умрете.

Откройте двери, выйдите.

Шибанов поудобнее перехватил автомат и неожиданно наткнулся ладонью на футлярчик с талисманом. Футлярчик едва заметно вибрировал – или это только казалось организму, перенакачанному адреналином.

– Сидите здесь, – сказал Ростислав и открыл дверь. Вслед что-то заполошно забормотал Профессор Джей-Ти, но русский не слушал. Он, щурясь, обошел машину спереди, заметив сквозь лобовое стекло, что Атика страхует его, двумя руками держа пистолет.

Что-то метнулось сзади, у багажной двери. Всего лишь перекати-поле, уродливое колесо из травы и прутьев, ударившееся о бампер.

А вот теперь уже точно – хихиканье раздалось прямо за спиной. Шибанов резко повернулся, прижавшись спиной к автомобилю, но не успел: тварь прыгнула на него, целясь схватить зубами за горло. Все, что смог сделать Ростислав, так это поднять автомат для защиты. Зубы с хрустом впились в древесину приклада, горящие красные глаза были прямо напротив глаз Шибанова, из пасти воняло тухлятиной. В живот впились когти задних лап – словно кошка, тварь пыталась выпустить противнику кишки. Не тут-то было – удары пришлись на широкий ремень с армейской пряжкой, как-то купленный Ростиславом в Москве. Передними лапами чудовище больно цеплялось за плечи, Шибанов пытался отпихнуть его, толкая автомат, но безрезультатно.

Тут что-то грохнуло над самым ухом, в лицо брызнула густая горячая жидкость, и Шибанов съехал по борту машины, даже не успев сообразить, что его противник куда-то делся. Автомат с изгрызенным прикладом упал на камни, и сразу несколько рук потащили хоккеиста в пахнущую дезодорантом внутренность салона.

– Я его подстрелил, йо! – радостно приговаривал негр, пока Атика вытирала с лица Шибанова сгустки крови и какой-то желтой дурно пахнущей жидкости. Ростислав отстранился, глотнул воды из протянутой Мидори бутылки и поинтересовался:

– Кто стрелял?

– Я стрелял, чувак! Я вижу – эта сволочь тебя уже начинает помаленьку жрать, а сестра… в общем, си-

дит и смотрит. Я тогда взял у нее пистолет, опустил чуток стекло и – бац! бац! Прямо в лобешник этой гадине.

– Спасибо, – пробормотал Ростислав, который почему-то надеялся, что стреляла Атика.

– Я не смогла выстрелить, – грустно сказала девушка. – Он будто говорил мне: «Брось, не стреляй... Это не поможет...».

– Во, а я – бац! бац! И в лобешник! – опять влез Джей-Ти. – С тебя простава, чувак! Как только найдем супермаркет. Кстати, у тебя губа распухла. Рожа еще та, скажу честно.

– А буря-то стихает, – заметила Мидори.

Действительно, мельтешение песка за окном почти прекратилось, вновь стала видна пустыня с порослью засохшего кустарника. На обочине краснела большая лужа крови, пятна поменьше размером уходили вдаль, теряясь в ложбинке.

– Удрал, – гордо сказал рэпер. – Я думал, сдох. Но и так сойдет. Точно вам говорю, это была обезьяна. Я смотрел по «Энимал планет» про таких. Очень похожи, блин.

Они выпили еще воды, пустив по кругу бутылку, после чего Шибанов сказал:

– Надо идти. Будем искать машину на ходу, продукты и оружие. Не знаю, куда мы потом поедем, но сидеть на месте – еще хуже.

– Э, а ты типа у нас теперь командир, да? – усмехнулся Профессор.

– Какая разница, – пожал плечами Ростислав. – Просто надо что-то делать.

– Да я ничего. Можно оставить пистолет у себя?

– Оставляй, – сказала Атика. – У тебя в самом деле лучше получается. Я делала это только в кино.

– Для черного парня оружие – это жизнь, – наставительно произнес рэпер.

Буря окончательно утихла, и они пошли по шоссе в сторону города. Еще один автомобиль встретился им

через полмили – съехавший с шоссе и уткнувшийся радиатором в кустарник старенький «фольксваген-битл». В нем не нашлось вовсе ничего полезного, зато имелись бензин и карта в бардачке. Джей-Ти сел за руль, ворча по поводу того, что европейцы всегда делали не машины, а коробки для китайской жратвы, в которые не запихнуть и кошку, завел мотор и задним ходом выбрался на трассу.

Дальше они ехали несколько миль, останавливаясь, чтобы проверить брошенные машины. В двух пикапах и «додже» они не нашли ничего, кроме сигарет и бутылки имбирного эля, зато в доме на колесах «виннебаго» был полный холодильник еды. Он уже успел подтечь без подпитки от электричества, но испортиться ничего не испортилось. Хозяев «виннебаго», как и других автомобилей, они не нашли.

Внутри дома на колесах Мидори взяла с диванчика большого розового зайца, ласково погладила по ушам и посадила на место.

– Мы можем остаться здесь. Немного отдохнуть, – сказала Атика, копаясь в аптечке. – Надо обработать все ваши синяки и ссадины.

– Синяки? У меня половина уха на хрен оторвана, а ты говоришь – синяки! – возмутился Джей-Ти. – И на лбу дырка... Все равно ехать на этой штуке нельзя, проколото хреново колесо, а запаски нету, я поглядел. Давайте пожрем и решим, что делать дальше.

Атика быстро собрала на стол, поджарила на газобаллонной плитке яичницу с беконом и помидорами. Рэпер нашел в шкафчике початую бутылку неплохого бурбона, а пивные банки из обычного холодильника переложил в портативный, засыпав кубиками льда.

– Вот это дело, – заявил он, делая большой глоток янтарной жидкости из стакана, пока Атика обрабатывала его ухо и лоб. – Не так все и хреново, братва. Этих

ублюдков здесь вроде не видно, в городе, что ли, кишат... Чертову обезьяну я прогнал, может, уже сдохла в пустыне. Предлагаю двигаться на восток, в Финикс.

– Мы не знаем, что в Финиксе, – напомнил Ростислав.

– А почему нам тогда не послушать радио и не узнать, что в Финиксе?

Шибанов едва не хлопнул себя по лбу. В машине явно было радио, и в доме на колесах оно тоже было, под потолком на кронштейне плюс ко всему был прикреплен маленький телевизор «Сони». Он поискал пульт, не нашел, дотянулся до кнопки пальцем. Экран засветился, потом на нем появилось заснеженное и размытое изображение – диктор что-то говорил, звук терялся за помехами.

– Попробуй радио, – предложил Джей-Ти, но сделать они этого так и не успели, потому что Мидори спокойно сказала:

– Смотрите, к нам едет полиция.

Полицейский автомобиль со знаками полиции штата Невада на дверцах и разбитым блоком мигалок на крыше остановился метрах в двадцати от «виннебаго». Из него долгое время никто не выходил, потом водительская дверца открылась.

– Все в порядке, офицер! – крикнул Ростислав, укрываясь за высоким бортом дома на колесах. – Вы в самом деле полицейский?

– Офицер Манчини! – послышалось в ответ. – Вы нормальный, надеюсь?

– Э-э... Да, а вы?

– Я тоже. Чем докажете?

Ростислав растерянно посмотрел на Атику, стоявшую рядом. Неожиданно девушку оттер плечом Профессор Джей-Ти (возможно, здесь сыграл свою роль бурбон), вышел из-за «виннебаго» и громко сказал:

– Мы тут все нормальные, офицер. Ненормальные с вами не стали бы разговаривать.

– Ерунда, – возразил коп, показываясь из машины. В руке он держал штатный полицейский револьвер. – Со мной с утра один болтал-болтал, а потом стал палить из дробовика.

– Ты его прикончил, надеюсь? – осведомился рэпер.

Офицер Манчини выразительно хмыкнул. Теперь было видно, что это совсем молодой парень, который явно за последние пару дней был испуган чаще и сильнее, чем за всю жизнь до этого. На форменной куртке темнели пятна, брюки были разорваны на колене.

– Хотите перекусить? – доброжелательно спросил Ростислав. – Мы как раз собирались. Заодно расскажете, что у вас тут происходит. Я – Ростислав Шибанов.

– Если бы я сам знал, мистер Шибанофф, – грустно произнес коп. Он засунул револьвер в кобуру, забрал из автомобиля укрепленный в держателе дробовик и обошел «виннебаго». Заметив Мидори и Атику, удивился:

– О, да у вас тут целая компания! Это ваш «виннебаго»?

– Нет, нашли на трассе. Решили немного здесь задержаться… Хотя это выглядит не совсем законно, понимаю…

Манчини криво усмехнулся Ростиславу:

– Законы, похоже, несколько видоизменились. По крайней мере, в академии меня учили совсем другому.

Они поднялись внутрь, и Манчини принялся за еду. Видно было, что коп давно не ел; хрустя огурчиками, он жаловался:

– Нас экстренно выгнали на дежурство, всех, даже тех, кто был в отпуске… Ничего не объяснили – сказали, что начались беспорядки, что чернома… – он осекся и виновато оглянулся на рэпера. – …Простите, афроамериканцы грабят бутики на бульваре Чарльстон. Там в самом деле творилось бог весть что, я

потерял напарника, который погнался за одним козлом, тащившим из разбитой витрины драгоценности… Потом стало еще хуже. Нас вернули обратно, кого смогли найти, поручили блокировать выезды из города. Если что – открывать огонь на поражение по всем, кто ведет себя агрессивно. Прибыли люди из ФБР, которые ни с того ни с сего затеяли перестрелку с нашими… Короче, ночью я попытался выбраться к границе штата, но там всех останавливают военные, открывают предупредительный огонь. Я сам видел, как они расстреляли микроавтобус с мексиканской семьей, который отказался остановиться.

– Но почему они стреляли в людей?! Почему не помогали им?! – возмущенно воскликнула Атика.

– Насколько я понимаю, это что-то вроде эпидемии. Боятся распространения заразы.

– А почему не болеем мы?!

– Не знаю. Я же не медик, мисс, – виновато пробормотал коп, уставясь в тарелку с яичницей.

– И вы вернулись в город?

– Нет, помотался еще немного по проселкам. Везде то же самое – в одном месте меня обстреляли с армейского вертолета, так, для острастки. Но если бы поехал дальше – уверен, сейчас бы тут с вами не сидел. Военные настроены серьезно.

– Не много же ты нам рассказал, парень, – уныло сказал Профессор Джей-Ти, взбалтывая в бутылке остатки бурбона.

– А я вас, кажется, знаю, – присмотревшись, обрадовался коп. – Вы же рэпер, верно? Не помню только, какой у вас псевдоним.

– Можно просто Джей, – милостиво разрешил негр.

– Мой двоюродный брат вас очень любит. Правда, родители ему запрещают слушать такую музыку. В другой ситуации я взял бы у вас автограф, но сейчас не знаю, уместно ли… Тем более брат живет в Галвестоне, а со всеми этими закрытыми границами я даже не знаю, когда смогу туда попасть…

– Ну, автограф-то не сгниет, верно? – заулыбался рэпер. – Давайте блокнотик, у копов всегда есть такие блокнотики, куда они с грозным видом чего-то пишут. И пусть пацан не слушается своих стариков, придумают тоже: запрещать…

Манчини вручил Джею-Ти блокнот, в котором тот коряво расписался, уточнив, как зовут брата. Того звали Боб.

– Значит, границы на юге и востоке закрыты? – уточнил Шибанов, когда рэпер завершил свою приятную миссию.

– Судя по всему, да. Я пытался связаться с нашими, но диспетчер в участке не отвечает. Не знаю, что и делать. Ехать домой толку мало, я живу один, волноваться не за кого. Пытаться покинуть штат я больше не рискну. Остается обосноваться где-то здесь, но не в Вегасе, Рино или других крупных городах. Там ад.

– Мы кое-что видели с самолета, – согласно кивнул рэпер. – Жуткая хрень.

Коп деликатно не стал уточнять, с какого именно самолета это видели и куда он делся потом.

– Оставайтесь с нами, – предложила Атика. – Рядом с полицейским мне будет спокойнее.

Ростислава почему-то больно укололи эти слова, хотя виду он не подал. Да и Манчини в самом деле производил приятное впечатление: мускулистый, стройный, с открытым добродушным лицом и черными блестящими волосами. Возможно, в самом деле все наладится в ближайшее время, и полицейский в компании окажется полезен…

– Присоединяйтесь, – сказал Ростислав, окончательно переборов себя. – К тому же вы хорошо знаете штат, в отличие от нас.

Полицейский доел яичницу, поблагодарил Атику и спросил:

– У вашего «виннебаго» спущено колесо?

– Нет запаски, – пояснил Шибанов.

– Тут дальше по трассе небольшая ремонтная мастерская. Возможно, там найдется то, что надо. Я бы на вашем месте не бросал такую машину.

– Значит, надо съездить и посмотреть. Но... еще одно: вы давно видели безумцев?

– Давно. Такое впечатление, что они все в городе – кроме тех, кто пытался вырваться за блок-посты на границе. Между нами, мне показалось, что среди них было как раз очень немного безумцев...

– И военные все равно стреляли в людей, – с горечью сказала Атика. Она обняла Мидори, которая все это время сидела тихонько и слушала.

– Я не знаю, что происходит. Если правительство так поступает, значит, есть серьезные причины. Мы не больны, не бросаемся друг на друга, у нас есть оружие и машины. Значит, мы должны выжить. И поможем выжить другим.

Манчини говорил так, словно пытался убедить сам себя. Вышло у него, честно говоря, не очень, потому что грустные карие глаза копа выдавали его истинные мысли: прежний мир рухнул, и что вырастет на его обломках, сегодня не предугадать никому.

– Куда вы предлагаете ехать? – спросила Атика, продолжая обнимать Мидори.

– У моего друга есть домик в Шелл-Крик Рейндж[1]. Иногда мы с парнями ездим туда на пикник, остальное время он стоит пустой. Но там вполне можно жить, хотя в горах нынче прохладно. Есть печка, запас дров... А самое главное – у меня есть ключ. Там, мне кажется, будет куда проще, чем недалеко от города.

– Что ж, отдых в горах – далеко не самое плохое, что могло случиться.

– Тогда едем в мастерскую подбирать вам колесо. Здесь слишком спокойно, мистер Шибанофф, и это мне не нравится, да и дом на колесах слишком вызывающе торчит возле дороги.

---

[1] Горная цепь в штате Невада, место расположения национального парка.

– Вы думаете, он привлечет безумцев?

– Он привлечет людей, мистер Шибанофф, – многозначительно сказал коп. – А люди сегодня все стали в той или иной степени безумцами.

Оставив автомат Профессору Джею-Ти, хоккеист и коп погрузились в полицейскую машину и уехали за колесом, наказав, если что, закрыться в фургоне и отстреливаться. Проводив взглядом удаляющуюся точку машины, рэпер покачал головой и сказал Атике, моющей посуду:

– Ох уж мне эти белые... У него есть ключ. Кому на хрен нужен ключ, когда вокруг творится такое? Главное, чтобы этот дом не приглядел кто-нибудь до нас, а уж войти-то мы и без ключа сумеем. Верно, крошка?

Негр подмигнул Мидори.

– Я думаю, что в любой дом лучше входить при помощи ключа, Джей, – солидно сказала девочка и занялась розовым зайцем.

Тем временем Ростислав Шибанов рассказывал полицейскому историю с хихикающей тварью. Тот внимательно слушал и качал головой.

– На самом деле эта история с отгрызенными пальцами мне что-то напоминает, – сказал он, сворачивая с трассы на проселок, упирающийся в металлический сарай, возле которого стояли несколько автомашин в полуразобранном состоянии. – Вроде бы находили тела... Но я простой патрульный, я не в курсе занятий отдела убийств. Вы уверены, что это действительно не обезьяна?

– По-моему, никакая не обезьяна. И звуки, которые она издавала. Они словно бы гипнотические.

– Я уже ничему не удивляюсь, – вздохнул офицер. – Но самое плохое, что у нас нет связи. Радиоприемник молчит, такое впечатление, что кто-то глушит прием передач. Зачем? Чего мы не должны знать?

Шибанов молчал.

– А вы в хорошей форме, – одобрительно заметил коп. – Качаетесь?

– Я спортсмен. Хоккеист.

– К сожалению, не мой вид спорта. Бейсбол и только бейсбол. Болею за «Доджерс».

Полицейская машина остановилась возле поставленного на четыре кирпича облупленного «меркури», и Манчини опустил стекло.

– Эй, Тодд! – крикнул он и пояснил Ростиславу: – Вроде все в порядке, как обычно... Тодд может валяться пьяный, потому и не отзывается. Тодд!!!

Однако никто не появлялся. Коп вручил Ростиславу дробовик, сам достал револьвер и сказал:

– На всякий случай прикрывайте меня.

Возле мастерской было тихо, только ветер хлопал ржавой дверцей древнего автомобиля. На скамеечке у сарая валялся заляпанный машинным маслом номер «Хастлера»[1] с грудастой брюнеткой на обложке, на гвоздике висел старый радиоприемник «Филко» из зеленого выцветшего пластика. Пейзаж был совершенно безжизненный.

– Тодд! – окликнул Манчини.

– По-моему, здесь пусто.

– Может, он за каким-то чертом уехал в город, – предположил коп. – Это не помешает нам найти колесо, но слишком уж здесь спокойно... Да и дверь бы он закрыл.

Похоже, Манчини не любил спокойствия. Подняв револьвер, словно на учениях, он вошел внутрь сарая, благо дверь была действительно распахнута настежь. Шибанов последовал за копом и постоял немного, чтобы глаза привыкли к полутьме после уличного яркого солнца.

– Тодд, – снова позвал полицейский. В углу, за составленными один к другому снятыми капотами, что-

[1] Популярный журнал для мужчин.

то завозилось. Шибанов вскинул дробовик, но из-за капотов выскочил облезлый койот, оскалился и испуганно метнулся в дверь.

– Этих тут полно развелось в последние годы, – сказал коп. – Раньше было меньше. Надеюсь, он там не Тоддом завтракал?

Нет, трупа Тодда не обнаружилось. Искать его в других местах тоже не пришлось, потому что Тодд объявился сам, прыгнув на спину полицейскому со стеллажа над капотами. Судя по всему, он выжидал там, пока Манчини не нагнется и не опустит свой револьвер. Шибанов стрелять не мог – дробь угодила бы в полицейского.

Тодд истошно визжал, пытаясь задушить Манчини. Полицейский хотел было выстрелить в прицепившегося автомеханика, но тот выбил револьвер из руки. Шибанов выбрал удачный момент, занес дробовик и огрел Тодда прикладом по спине. Механик свалился на земляной пол, и коп принялся охаживать его ногами до тех пор, пока Ростислав не оттащил Манчини в сторону.

– Сволочь… – бормотал полицейский, поднимая потерянную в драке шляпу и отряхивая с нее ржавую пыль. – Тоже один из них… Никогда не знаешь заранее, пока тварь не бросится.

Шибанов тем временем связал руки и ноги валявшегося без сознания Тодда кусками электропровода. Механик оказался загорелым тщедушным старичком лет семидесяти и лежал сейчас, бессильно приоткрыв беззубый рот.

– Он живой? – с опаской спросил Ростислав.

– Какая разница? – зло сказал Манчини. – Если живой, его надо прикончить. Или вы собрались взять пленного, мистер Шибанофф?

– Но… Это же больной…

– Это монстр. Опасное животное, – произнес Манчини, сощурив глаза. – Вдвойне опасное тем, что у него есть остатки разума. Если его отпустить, он мо-

жет убить кого-нибудь. Если его забрать с собой, кто с ним будет возиться? В один прекрасный момент он вырвется, а у нас есть женщина и ребенок. А по дорогам их сейчас бродят тысячи – вы собираетесь открыть для них летний лагерь?

Вот как, отметил про себя Ростислав, уже «у нас». Быстро же он обвыкся.

– Если вам неприятно смотреть – выйдите, – сказал коп, проверяя револьвер. Ростислав вскинул на плечо дробовик и вышел. Сзади сухо треснул выстрел, потом Манчини завозился в глубине гаража с какими-то железками. Вышел, катя перед собой колесо.

– Кажется, то, что надо, – как ни в чем не бывало, сказал он. – Грузите его в багажник, я прихвачу еще парочку, на всякий случай.

Протектор колеса был испачкан свежей кровью.

«Мне любо глядеть на звезды и полосы и слушать оркестр, играющий «Янки Дудль»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рейдеры

Невада, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года

Ростислав Шибанов сидел на плоской крыше «виннебаго» и глядел на расстилавшуюся перед ним не менее плоскую равнину, вдали переходящую в горы. Если бы не полоса дороги, пейзаж был бы таким же, как, наверное, тысячу или даже десять тысяч лет назад.

Ошибается ли он в Манчини? Добродушный и перепуганный, вчера в гараже он вел себя совсем иначе. Возможно, безумного старика-механика в самом деле следовало убить, но полицейский сделал это как-то уж очень… напоказ что ли… Или это была спонтанная реакция на все пережитое?

Ростислав вспомнил рассказ приехавшего копа.

«Со мной с утра один болтал-болтал, а потом стал палить из дробовика… Ты его прикончил, надеюсь?» И выразительное хмыканье Манчини.

Конечно, молодой коп мог и соврать для престижа. Рэпер это оценил. И все равно Шибанов чувствовал, что с Манчини не все в порядке. Нет, он не безумец, но – не в порядке. И оставлять с ним Атику и Мидори он боялся.

Тем не менее сейчас в доме на колесах мирно спали все трое, а Профессор Джей-Ти заливал горючее в бак. Здесь уже поживились до них, но в цистерне кое-что осталось, а вот магазинчик при бензоколонке разграбили подчистую, а что не могли унести, то растоптали и разбили. Возможно, это было делом рук

безумцев, но с тем же успехом так могли поступить обычные люди. Чтобы не оставлять никому.

Шибанов слышал, как Профессор Джей-Ти речитативом выдает старую песню группы Public Enemy:

Элвис был героем для многих,
Но я его никогда не ценил, видишь ли,
Как пить дать, этот козел был расистом,
Что ясно как белый день,
В жопу ж его с Джоном Вэйном в придачу!
Ведь я Черный и гордый,
Я готов и я крепок, к тому же я набрался сил,
Большинство моих героев не найти на марках.
Оглянись назад, и ты обнаружишь
Одних только белых на протяжении 400 лет,
если внимателен.
«Не унывай и будь счастлив»[1]
Эта песня стала номер один.
Черт, если скажу так, можешь вмазать
мне прямо сейчас.
(Пойми!) Пускай эта вечеринка будет правильной,
В самую точку! Давайте!
Что нам надо сказать?
Вся власть народу без промедления!
Чтобы все поняли,
Чтобы боролись с властью![2]

За первый день пути они не раз встречали «обычных». Те ехали в автомобилях, шли пешком по обочине или вдали, параллельно дорогам. Чем дальше от крупных дорог, тем больше попадалось людей. Но никто не заговаривал с ними – одни смотрели вслед с завистью, другие – с ненавистью. Даже на попытки Манчини вступить в беседу они никак не реагирова-

[1] «Don't Worry, Be Happy» – название песни американского музыканта Бобби Макферрина и содержание ее посыла («Не унывай и будь счастлив!»). Песню ненавидят многие черные рэперы, считая ее квинтэссенцией примирения с расизмом.

[2] Public Enemy – «Fight The Power», пер. Wow-One.

ли, лишь один мужчина злобно пробормотал что-то о копах, расстрелявших его семью в Рино.

Иногда над пустыней пролетали военные вертолеты или самолеты с эмблемами ВВС США. Дважды с вертолетов сбрасывали ящики с гуманитарными грузами – в первом были медикаменты, из которых они взяли немного, второй упал далеко от трассы и был расхватан небольшим отрядом, шедшим на север. Когда место падения уже скрылось из виду, в той стороне раздались выстрелы.

Несколько раз попадались и безумцы. Двое из них, коренастый мужчина в остатках дорогого костюма и женщина средних лет в костюме для джоггинга, свернули из пустыни на трассу и долго бежали за фургоном, бросая камни и крича что-то бессвязное.

Потом подросток выстрелил в Шибанова из охотничьего ружья, выскочив из-за перевернутого на обочине трейлера. Не попал; возможно, он даже не был безумцем, просто перенервничал. Но в целом Манчини, видимо, оказался прав – большинство зараженных осталось в городах, где хранились запасы продовольствия и оружия, а главное – под рукой все еще имелись потенциальные жертвы. Разумеется, тысячи здоровых прятались в своих квартирах и офисах, но им ничего не светило.

Помочь им не мог никто. Высадка десанта грозила заражением высадившихся, точно так же взятые на борт здоровые с виду люди могли оказаться носителями вируса.

Из редких пробивающихся сквозь помехи радионовостей беглецы узнали, что от Соединенных Штатов отделился Техас, что в Калифорнии удалось навести порядок, потеряв часть штата, включающую в том числе Санта-Барбару и поместье Неверлэнд. Постоянно передавались воззвания президентской администрации, обещавшей в ближайшее время решить проблему и найти вакцину, призывавшей хранить терпение и принимать все горести и лишения с достоинством.

Шибанову было особенно интересно, что произошло с военными базами, оказавшимися на Закрытой Территории. А их было предостаточно – базы ВВС Неллис и Хилл Эйр, Аоури и Форт Карсон, Академия военно-воздушных сил в Колорадо и даже таинственная «Зона-51», на которой еще с сороковых годов якобы хранились космические корабли пришельцев. Скорее всего, что-то успели вывезти, часть личного состава – эвакуировать, благо вирусу на базы проникнуть было посложнее, чем в другие места. Но ведь там много чего осталось. Например, боевые самолеты или ядерные ракеты. По словам Манчини, безумцы часто вели себя вполне рационально, использовали оружие, могли вести машины... Что может помешать им сесть в боевой самолет и сбросить ядерную бомбу? Понятное дело, на границе такой самолет собьют, но что мешает в приступе безумия «уронить» ее на тот же Лас-Вегас?

Это было еще одной причиной уехать подальше от крупных населенных пунктов.

– Эй, чувак! – позвал снизу Профессор Джей-Ти. – Ты там наблюдаешь за окрестностями или передергиваешь затвор?

– Наблюдаю, – поспешно отозвался хоккеист, подтягивая поближе лежащий на крыше «калашников». – А что такое?

– А то, что к нам приближается тачка, и я ее вижу, а ты – ни хрена!

Ростислав обернулся и в самом деле увидел в миле от них ползущий в облаках пыли мини-вэн. Он спустился по лесенке с фургона и постучал в окошко. За стеклом появилась сонная физиономия Манчини.

– У нас гости! – крикнул Шибанов. – Выходи!

Через минуту полицейский уже стоял рядом с ним, держа в руках дробовик.

– Я пока не буду высовываться, – сказал коп.

Грязно-белый полноприводный «понтиак-монтана» не торопясь подъезжал к «виннебаго». Было видно троих, сидящих внутри мини-вэна; вроде бы одна из них –

женщина. Ростислав высунулся из-за фургона и поднял автомат, показывая, что вооружен. Этот жест вряд ли станет лишним, подумал он, и, видимо, угадал – «понтиак» остановился довольно далеко, из задней дверцы вылез человек и пошел к ним, подняв руки. Это ничего не значило – оружие вполне могло быть у оставшихся в салоне.

– Стой! – крикнул Шибанов. – Что вам нужно?

– Горючее не повредило бы! – весело отозвался пришелец, одетый в кожаные брюки и джинсовую куртку. Ноги в ковбойских сапогах из змеиной кожи лихо щелкнули каблуком о каблук.

– Мы последнее высосали, извини, – сказал Профессор. – Больше тут и нет ни хрена.

– А вы куда направляетесь?

– А вам какая разница? – спросил Шибанов.

– Я просто спросил, мужик. Никаких проблем, – покачал головой ковбой. У него были длинные рыжие волосы, собранные в хвост, глаза скрывали черные солнцезащитные очки. – А вы не продадите нам немного топлива?

– Смысл? Деньги мало чего стоят.

– Это верно, но я бы заплатил жратвой. Или выпивкой, если угодно.

– Прости, дружище, но у нас впереди много миль пути и почти сухие баки, – развел руками Ростислав. – С продуктами у нас как раз более-менее нормально, а вот с бензином…

– Ладно, без обид, – все так же весело согласился ковбой. – Удачи вам. Может, еще встретимся.

Он повернулся и зашагал к мини-вэну. Как только ковбой сел в машину, она лихо развернулась и помчалась прочь, подскакивая на неровностях дороги.

– Назад они поехали более резво, – задумчиво сказал Манчини.

– А мне не понравился его базар, – скривился рэпер. – «Может, еще встретимся». По мне, так это прозвучало как угроза. Это дерьмо из южных штатов со

всеми так разговаривает, не говоря уже про черных. Видали, как он на меня посмотрел?

– Он был в темных очках, Джей, – попытался успокоить негра полицейский. – Как бы мы могли увидеть, как он на тебя посмотрел?

– Да я видел через очки, – настаивал Профессор, размахивая шлангом насоса. – Эти любители овец спят и видят, как бы вздернуть ниггера. Давайте отсюда поскорее убираться, пока он не вернулся с дружками.

– Может, их всего трое и есть.

– В самом деле, поторопимся, – поддержал рэпера Шибанов. – Торчим здесь, как чирей на одном месте.

– Что у вас случилось? – спросила Атика, выглядывая из фургона и сонно моргая.

– Ничего, были гости, хотели купить бензин. Сейчас поедем, – успокоил ее Профессор.

Вел Манчини, а хоккеист с негром сидели на диванчике у заднего окна и пили баночное пиво. Шибанов здраво рассудил, что тренировки его ожидают очень нескоро, а пара банок в день для его физической формы сущая чепуха. К тому же пиво быстро закончится – заводы не работают, а старые запасы рано или поздно испортятся.

– Небось думаешь о том же, о чем и я, чувак? – поинтересовался Джей-Ти, сминая опустевшую банку.

– О чем же?

– О том, что все это уже было в кино. Помнишь, «Ночь живых мертвецов»[1] и прочую фигню? Когда эти парни выбираются из своих могил и бродят по стране, хватая живых. А живые вместо того, чтобы объединиться и врезать им по протухшим задницам, дерутся между собой. Помню, я смотрел и хихикал – уж больно потешные были эти мертвецы, которые еле-еле ковыляли и бормотали: «Мозги! Мозги!».

---

[1] «Ночь живых мертвецов» (Night of the Living Dead, 1968) – культовая лента режиссера Дж.Ромеро, ставшая родоначальником своеобразного поджанра фильмов ужасов – о восставших мертвецах или зомби. До этого существовали и другие фильмы о зомби, но ими непременно управлял жрец вуду. Имеет несколько сиквелов.

Рэпер показал восставшего мертвеца довольно искусно, и Мидори, наблюдавшая за ними, засмеялась.

– Мне предлагали сняться в одном из сиквелов «Живых мертвецов», – сказала она. – Дочерью главного героя. Я не стала читать весь сценарий, но начинается с того, что люди плывут на катере по Миссисипи и ищут место, где пристать.

– Видишь, все это уже было, – поднял палец Профессор. – Мы сейчас тоже плывем и ищем, где пристать. А пустыня или Миссисипи – какая, на хрен, разница...

– В кино герои всегда спасаются, – неуверенно сказал Шибанов.

– А вот и нет! В «Ночи живых мертвецов» нормального такого черного парня прикончили ни за что, когда он почти спасся. Застрелил козел, похожий на того, что клянчил у нас бензин. В сиквелах тоже заканчивалось уныло. Эй, крошка, ты не заглядывала в конец сценария, чем там у тебя все кончилось?

– Я же говорю – сценарий не дочитала. Меня пригласили в продолжение «Трансформеров».

– Я тоже мечтал сняться в кино, но так и не успел, – развел руками негр и уставился в окно, что-то заметив. – Слушай, мне кажется, или сзади кто-то едет?

Ростислав присмотрелся и увидел, что «виннебаго» нагоняют сразу два автомобиля. Один из них вроде был давешний мини-вэн, а второй покрупнее, здоровенная полноприводная дура вроде «шевролестаркрафт».

– Рик! – крикнул он Манчини. – По-моему, нас преследуют давешние гости!

– Точно? – отозвался полицейский. – Может, они просто едут в ту же сторону?

– Не знаю, но они прибавляют скорость.

«Виннебаго» мчался по каменистой дороге, постепенно уходящей в горы. Особо здесь не разгонишься, тем более на поворотах, прикинул Ростислав. С другой стороны, широкий дом на колесах не позволял преследователям пойти на обгон.

– Мидори, ложись на пол! – велел он, наблюдая, как преследователи приближаются. – Атика, пистолет!

Рэпер опустил стекло и закашлялся от летевшей внутрь пыли. По задней стенке барабанили мелкие камешки. «Шевроле» прибавил ходу и громко, назойливо засигналил. Сколько человек внутри, Шибанов не видел, мешали тонированные стекла. «Понтиак» держался сзади, там, кажется, по-прежнему было трое.

«Шевроле» продолжал сигналить, держась на дистанции метров в пятнадцать. Потом из окошка высунулась черная физиономия в бейсболке и закричала:

– Остановитесь, надо поговорить!

Бейсболку сдуло встречным ветром и бросило под колеса «понтиака». Негр выругался.

– Что кричишь, брат?! – завопил в ответ Профессор Джей-Ти, выставляя в окно дробовик. – Мы тут спешим!

– Стойте! – снова закричал негр, никак не реагируя на появление рэпера. Потом, решив, что переговоры закончены, прибавил скорость. «Шевроле» попытался обойти «виннебаго» справа, но Манчини следил за ситуацией в зеркала заднего вида и тут же вильнул. «Шевроле» отстал, полицейский крикнул:

– Стреляйте!

Атика послушно выстрелила из пистолета, пуля чиркнула по крыше «шевроле». Из люка в крыше внедорожника тут же появился человек и открыл огонь из автомата, целясь по задним колесам «виннебаго». Профессор выпалил в ответ, человек исчез так же молниеносно, как и появился, то ли успев спрятаться, то ли получив заряд дроби. Впрочем, крови на белой крыше «шевроле» видно не было.

Шибанов стал бить короткими очередями по радиатору машины. Разлетелись фары, отвалился и коротко прогрохотал под колесами бампер. Кто-то выставил из люка автомат и принялся стрелять наудачу. Две пули пробили стенку фургона чуть выше окна, еще одна разбила экран телевизора, посыпалось стекло.

– Мидори, не вставай! – Ростислав понял, что игры закончены, и дал очередь в лобовое стекло «шевроле». Автомобиль сразу же занесло, развернуло, в бок ему врезался «понтиак», перевернул. В скрежете металла обе машины тут же остались далеко позади, а потом и вовсе пропали из виду, когда Манчини свернул.

– Все целы?! – крикнул он из-за руля.

– Все, – отозвалась Атика. – Мы их остановили!

Неожиданно полицейский съехал с дороги и ударил по тормозам.

– Ты с ума сошел, чувак?! – испуганно вскричал негр. – Надо делать ноги, пока они далеко.

– Они столкнулись, я видел, – сказал Манчини, вылезая из-за руля. – Надо пойти и разобраться, кто они такие и что им нужно.

– Их больше, чем нас!

– Но зато они нас не ждут. Притом, возможно, они пострадали в аварии. Расти, ты со мной?

– С тобой, – кивнул Ростислав, хотя задумка копа не казалась ему такой уж обязательной к исполнению. Однако он не мог допустить, чтобы Манчини пошел один.

– Отлично. Джей?

– Куда я денусь, блин, – проворчал в сердцах негр. – С вами своей смертью не помрешь, это точно.

– Отдай Атике дробовик, возьми у нее пистолет, – велел полицейский. – Атика, если вдруг они появятся, стреляй. Но не думаю, что появятся – они там весьма серьезно столкнулись.

К месту аварии они пошли по вершинам холмов, окаймлявших дорогу. Картина предстала внушительная: «шевроле» лежал на боку, четверо, в том числе женщина, безуспешно пытались его поставить на колеса «на раз-два», еще один сидел в стороне и бинтовал ногу. Поодаль лежал труп, накрытый куском брезента.

– Преимущество у них так себе, – прошептал Манчини, осторожно выглянув из-за куска скальной породы и спрятавшись обратно. – У того, что пытается пере-

вернуть машину, автомат висит за спиной. Тот, что сидит, положил пушку рядом, его нужно убить первым. Остальные не успеют вынуть свои пистолеты.

– Это обязательно – убивать?

– Они стреляли в наш «виннебаго». В нем были Атика и Мидори, если уж тебе наплевать на собственную шкуру. Я не собираюсь устраивать здесь мирные переговоры, Расти. Только на моих условиях.

– Хорошо, – скрепя сердце, согласился Шибанов.

– Попадешь из автомата?

– Попаду, – сказал Шибанов.

Он тщательно прицелился. Четверка продолжала возиться с перевернутым «шевроле», сидящий закончил бинтовать ногу и теперь критически осматривал завязанный узел. Это был давешний ковбой с длинными волосами, собранными в хвост. Человек, который, в принципе, ничего плохого им не сделал: довольно мирно поговорил, а потом ехал в машине, из которой никто не стрелял…

Но рядом с ним на земле лежала автоматическая винтовка М-16. И он мог подхватить ее в любой момент. Поэтому Ростислав вдохнул, задержал на мгновение дыхание и на выдохе дал короткую очередь.

Как минимум одна пуля попала ковбою в грудь, точнее, в шею между ключицами. Человека отбросило назад на пару метров, остальные тут же прыснули в стороны от «шевроле», но выскочивший из укрытия полицейский закричал:

– Управление полиции Лас-Вегаса! Всем оставаться на местах, оружие не трогать! Поднимите руки так, чтобы я их видел!

Все четверо послушно подняли руки. Ковбой умирал и хрипел, дергая ногами; скошенные каблуки ковбойских сапог чертили в красноватой земле глубокие борозды. Подобные серые сапоги из змеиной кожи, со скошенными вперед каблуками «бульдог» носили ковбои, выступающие на родео с лассо – один из них и рассказал Ростиславу, в чем тут фишка. Оказалось, та-

кая скошенная форма каблуков помогает крепче упираться в землю, чтобы смирить заарканенного бычка.

– Трейси, он сильно мучается, – сказала женщина. Она была похожа на мексиканку, потасканная, непонятного возраста от двадцати до пятидесяти. Типичная бродяжка, каких можно встретить под мостом или у вентиляционной шахты метро, попивающими дешевое красное вино из больших бутылок, спрятанных в оберточную бумагу. – Шлепните его, что ли, сэр.

– Расти, – коротко намекнул Манчини.

Шибанов покачал головой.

– Я его снял, но я не палач.

– Черт, что за мелодрама, он ведь все равно подохнет, – сказал коп и выстрелил, буквально на миг переведя ствол своего револьвера на лежащего. Каблуки прочертили последнюю борозду и остановились.

– Кто вы и откуда? – громко спросил полицейский. – Руки не опускать, если кто-то пошевелится – стреляю. Джей, проверь, кто там под брезентом.

Рэпер осторожно, словно покойник мог на него наброситься, ногой откинул брезент с трупа. Там лежал негр, потерявший бейсболку. От лица у него практически ничего не осталось, но никаких других негров здесь просто не было. Шибанов понял, что это он убил его, когда стрелял в лобовое стекло «шевроле». Второй. Нет, третий, если считать мужчину в ангаре на ранчо Неверлэнд…

– Мертвый ниггер, – доложил Джей-Ти полицейскому, не сводившему взгляда с четверки, и подобрал автоматическую винтовку убитого ковбоя.

– Это Эдгар, сэр, он из Вегаса. Был охранником в «Четырех королевах», – торопливо пояснил мужчина в клетчатых шортах и футболке с рекламой пончиков. Он выглядел в компании немного лишним – трое остальных явно не принадлежали даже к среднему классу, у этого же была внешность успешного риэлтора, потрепанного невзгодами последних дней. Очки в тонкой золотой оправе съехали на кончик носа.

– С Эдгаром уже все ясно, а вот кто вы такие?

– Путники, – с вызовом сказал широкоплечий мужчина в рваной армейской куртке. На поясе у него висели два здоровенных пистолета, которыми он бы с удовольствием воспользовался, случись такая возможность. – Ехали по дороге, вы начали в нас стрелять.

В самом деле, подумал Шибанов, Атика выстрелила первой, хоть и не попала толком.

– А вы с радостью ответили, – усмехнулся Манчини.

– Мы защищались.

– О, вы защищались. У вас как-то слишком много оружия для защиты. Еще раз спрашиваю: кто вы такие? Что вам здесь нужно?

Люди молчали. Коп досадливо покачал головой и выстрелил в ногу тому, что стоял крайним справа – толстяку в джинсовом комбинезоне. Оглашая окрестности истошными воплями, толстяк рухнул на землю и принялся корчиться. Мужчина с двумя пистолетами дернулся было, но Манчини выстрелил еще раз, пуля пробила крышу «шевроле» сантиметрах в десяти от его плеча.

– Хорошо стреляешь, коп, – похвалил мужчина. Толстяк жалобно повизгивал.

– В академии был первым. Прострелить ногу и тебе, или расскажешь все без боли и крови?

– А что тут рассказывать? Мы ездим по дорогам, собираем, что плохо лежит. Жить-то надо. Чокнутых мочим. Толковых парней берем с собой.

– И много у вас толковых парней?

– Достаточно. Вы бы тоже сгодились.

– Макриди не возьмет копа, – покачала головой женщина.

– Заткнись, Бетси! – рявкнул широкоплечий, но было поздно.

– Макриди? Стало быть, у вас есть босс, и он не здесь. Любопытно, – сказал полицейский. – И какие у вас цели?

– Выжить, – просто ответил мужчина.

– Мы никому не причиняли зла, – принялся объяснять очкастый риэлтор, переступая с ноги на ногу, словно хотел отойти по малой нужде. – Мы только искали продовольствие и всякие нужные вещи.

– Где у вас база? Раз есть босс, значит, должна быть и база.

Теперь Манчини обращался к очкастому, который и без запугивания был готов рассказать все.

– У нас нет базы как таковой, сэр. Есть трейлер и несколько больших машин. Банковские фургоны. Они перемещаются, а наш отряд – и другие вроде нашего – как бы разведчики.

– Ты идиот, Гофер, – сказал широкоплечий.

– А ты, похоже, нет. Но ты мне больше не нужен, – сказал полицейский и дважды выстрелил ему в грудь и в живот. Широкоплечего ударило о крышу автомобиля и он сполз по ней, оставляя кровавый след. Женщина прижала ладони ко рту, сдерживая рыдания – возможно, убитый был ее мужем или другом. Или одним из многочисленных мужей и друзей.

– Сколько вас, Гофер?

Гофер, то есть Суслик, явно было кличкой, весьма подходящей тщедушному очкарику.

– Я не знаю… Я никогда не видел всех сразу. Думаю, человек пятьдесят, сэр.

Манчини присвистнул и переглянулся с Шибановым. Толстяк тихонько плакал, даже не думая о том, чтобы вытащить из кобуры у себя на ремне пистолет.

– Джей, забери у них оружие, – велел коп Профессору. Рэпер, стараясь не испачкаться в крови, забрал «беретту» у толстяка, оба пистолета и еще одну М-16 у широкоплечего и какую-то блестящую никелированную пушку у Бетси. У очкастого оружия не оказалось.

– Вы собирались нас убить? Я не у тебя спрашиваю, – цыкнул коп на открывшего было рот Гофера и обратился к женщине. – Ну, говори. Собирались?

– Главный был Трейси, – пожала плечами женщина. Шибанову показалось, что в ее грязных крашеных волосах что-то копошится, и хоккеиста передернуло от омерзения. – Я не знаю, как бы он решил. Вообще мы редко убивали.

– Мы их отпускали, сэр, – добавил виноватым тоном Гофер.

– Предварительно ограбив, не так ли?

Гофер съежился, но полицейский больше не стал никого трогать. Молча кивнув Ростиславу на пленников, он вместе с негром обыскал машины. Найденные рюкзаки положил на обочину, взял у рэпера блестящий пистолет Бетси, буркнул: «Дерьмо», сноровисто расстрелял шины на всех восьми колесах и зашвырнул оружие куда-то за холм. Слышно было, как пистолет катится вниз по осыпающимся камням.

– Убирайтесь вон, – велел он Гоферу. – В машине есть аптечка, можете забинтовать этого придурка… Далеко до вашего Макриди?

– Миль пятьдесят-семьдесят к югу, не меньше.

– Может, и доберетесь…

Женщина опустилась на колени возле стонущего толстяка и стала осматривать рану. Манчини вскинул рюкзак на плечо, бросил другой хоккеисту – не ожидавший этого Ростислав еле успел поймать. Джей-Ти сложил трофейное оружие и боеприпасы в третий, пустой.

– Лучше бы нам никогда больше не встречаться, – сказал на прощание полицейский и пошел по дороге, не оглядываясь. Шибанов встретился глазами с Бетси, зачем-то кивнул и пошел вслед за копом.

Его догнал Джей-Ти, бренча амуницией.

– Слушай, он охрененно крутой, этот легавый! – восхищенно прошептал рэпер. – Видал, как он разобрался с этими лохами?! Даже не зачитал им права.

– …И стрелял в безоружных, – тихо ответил Ростислав.

– Чувак, тут война, если ты не заметил. Был бы ты в гетто…

– Отстань ты от меня со своим гетто! – рявкнул Шибанов так, что негр отшатнулся. – Не жил ты в Кирове при Ельцине.

– А что такое Киров? – только и смог пробормотать опешивший рэпер…

«Виннебаго» выглядел покинутым, но Атика тут же появилась из-за груды камней в нескольких футах от дома на колесах. За ней выглянула мордочка Мидори, блестки платья ослепительно сияли на солнце. Боль в треснувшем ребре ее больше не беспокоила, не потребовалось даже обезболивающее, запасливо прихваченное Ростиславом в разграбленной аптеке вместе с антибиотиками, аспирином, бинтами и прочим медицинским скарбом.

– Надо найти девочке нормальную одежду, – сказал Манчини, подходя к фургону и кладя рюкзак на ступеньку. – Тут все же не бульвар Сансет.

– Все в порядке? – осторожно спросила Атика, почему-то глядя на Шибанова. Видимо, на лице у хоккеиста было написано, что не все, далеко не все теперь в порядке. Тем не менее он улыбнулся и сказал:

– Все хорошо. Наши победили.

Негр уже возился в холодильнике – видимо, хотел вознаградить себя холодным «будвайзером» за успешное участие в боевой операции.

– Разберите, пожалуйста, что там в рюкзаках, – попросил коп Атику и Мидори, после чего поманил Ростислава пальцем:

– Расти, нужно поговорить.

Они отошли за кабину, в тень, и Манчини протянул хоккеисту открытую пачку сигарет. Ростислав покачал головой:

– Не курю.

– Напрасно, хорошие сигареты… Слушай, Расти, я тебя не совсем понимаю. Ты вроде был не против, когда меня позвали присоединиться к вашему отряду. В гараже Тодда ты повел себя немного неправильно,

ну да ладно, я списал на аффект. Но сегодня… Ты не хочешь испачкать руки?

– Я не понимаю, зачем нужно было убивать этого Трейси, ковбоя, – упрямо сказал Шибанов.

– Затем, чтобы этот ковбой Трейси не убил меня, тебя или нашего черномазого приятеля.

Слово «черномазый» неприятно кольнуло Ростислава.

– Джей уже черномазый?

– Извини, – пробормотал Манчини, закуривая. – На самом деле я спокойно к ним отношусь, но работа в участке… Это, считай, профессиональный термин.

– Ладно, проехали. Так что я сделал неправильно?

– Ты свалил грязную работу на меня. Подстрелил ковбоя, но добивать не стал. Хотя понимал, что рана смертельная. Тебе было бы легче, если бы он сдох там в страшных мучениях?

– А зачем ты застрелил второго? Для чего ранил толстяка, он был явно безобиден?

– Ты сам ответил на свой вопрос, Расти. Второй был опасен, он рано или поздно выкинул бы какую-то штуку. Толстяка я ранил, чтобы напугать остальных. Если ты не заметил, я всего лишь прострелил ему мякоть икры. Даже кость, полагаю, не задел.

Шибанов молчал, ковыряя ногтем отслоившуюся чешуйку серебряной краски на радиаторе.

– Я хочу попросить об одном, Расти. Я против тебя ничего не имею, но я – коп. А ты – хоккеист. Остальные вообще не в счет, включая Джея с его постоянными россказнями о подвигах в гетто, в котором он, по-моему, и не жил-то сроду. Поверь, я лучше знаю, когда нужно стрелять.

Полицейский внимательно смотрел на Ростислава, не обращая внимания на длинный столбик пепла, собравшийся на кончике сигареты. Наконец столбик отвалился и упал на песок.

– Я понял, – глухо произнес Шибанов. – Но я не привык убивать, Рик. Одно дело – заехать кому-то в челюсть на хоккейной площадке. Это часть шоу, мне за него

платят. И совсем другое – убивать людей. Причем не из чувства самосохранения, это я еще мог бы понять… Просто убивать. По ситуации. Потому что так лучше.

Манчини с сожалением раздавил окурок о бампер «виннебаго» и сказал:

– Убийство тоже стало частью шоу, Расти. Шоу, главный приз в котором – не миллион баксов, а твоя жизнь.

И тут внутри фургона громко завизжала Мидори. Оттолкнув полицейского, Ростислав бросился туда и влетел в дом, едва не застряв в дверном проеме:

– Что?! Что случилось?!

Девочка стояла, испуганно прижав ладони к губам. Перед ней на полу, среди вещей, высыпанных из рюкзака – подтаявших шоколадных батончиков, презервативов, патронов, дешевых газовых зажигалок и банок с консервами, – лежала связка человеческих ушей, покрытых запекшейся кровью.

– Я же сказал – шоу, – бесстрастно закончил их прерванную беседу Рик Манчини, поднимая уши за бечевку и выбрасывая их вон.

…Четверо суток спустя Ростислав Шибанов лежал, укрывшись за толстым стволом упавшего бука. Он не мог поднять головы, потому что на малейшее движение стрелок, засевший в охотничьем домике, реагировал моментально. Последняя пуля вспорола кору совсем недалеко от его головы, и теперь хоккеист вжимался в землю, чтобы спрятаться от снайпера.

Рядом, у вывороченного корневища, свернулся клубком Манчини. Коп был ранен – собственно, с его ранения и начался обстрел, когда они осторожно пробирались по тропинке. Втягивая сквозь зубы холодный воздух, полицейский пытался определить, насколько опасна полученная рана. Весь бок его темно-зеленого свитера стал черным от крови.

– По-моему, сквозное… – прошипел Манчини, глядя на окровавленные пальцы. – Надеюсь, внутренности не задеты… только почему же так больно, черт его по-

дери?! Кровь темная... по-моему, это означает, что повреждена печень...

– Держись, Рик... Может, это кто-то из твоих любителей пикников?

Полицейский помотал головой.

– Я не знаю...

– Эй, там! – заорал Шибанов, надеясь, что в домике его слышно. – Это Рик Манчини из управления полиции Лас-Вегаса!

Ответом ему был еще один выстрел, на этот раз не прицельный, осыпавший их сбитой хвоей.

– Перестань, Расти, – прохрипел коп. – Я не полицейский... Даже если там сидит кто-то из тех ребят, он меня не узнает...

Шибанов опешил.

– Не полицейский?! Но форма...

– Все наоборот, Расти. Я карточный шулер и преступник. Меня вез в участок коп по имени Рик Манчини после того, как поймал меня во время ограбления бутика «Тиффани»... Но потом в машину врезался грузовик, копа выбросило наружу, он свернул шею... Я открыл наручники, надел его одежду, влез в другую полицейскую машину и поехал к границе, слушая переговоры по рации...

Он тяжело дышал, на губах показалась кровь.

– Мое настоящее имя – Джерри Романо... Но коп из меня получился неплохой, правда?

Романо улыбнулся. Ростислав прислушался – не подкрадывается ли к ним кто-нибудь по тропе или через лес со стороны домика. Нет, тихо – видимо, стрелок решил не рисковать и засесть в обороне.

– Когда я вас встретил, вы даже не посмотрели на мои документы, вам хватило нашивки на форме.

– А как же ключ?!

– Да нет у меня никакого ключа, Расти... Какие, твою мать, в это время могут быть ключи?! Здесь уйма этих домиков, мне приходилось бывать тут пару раз... Разве трудно выбить дверь?!

Романо болезненно поморщился и сплюнул кровавый сгусток.

– Похоже, дело дрянь, – пробормотал он. – Прости, что вас обманывал… Вроде все было хорошо, да ведь?

– Все было отлично, Рик… то есть Джерри. Ты нам очень помог.

– Жалко, мало с вами побыл… И почти влюбился в эту девчонку… в Атику…

Романо снова улыбнулся.

– Надо же… неплохой коп получился, а? Отец был бы рад, он всегда хотел видеть меня в форме, но увидел только в хлопчатобумажном костюме исправительной колонии для мальчиков…

Романо закрыл глаза.

– Джерри! – позвал хоккеист.

Романо молчал. Потянувшись к его руке, Ростислав попытался нащупать пульс, но пульса не было. Тогда он закричал невидимому снайперу:

– Все, я ухожу! Я ухожу, не стреляй!

Снайпер молчал. Может, он вообще был немым или не понимал по-английски – по пути им не раз попадались мексиканцы и китайцы. Шибанов подполз ближе к Романо, рискуя получить пулю, и проверил пульс на шее.

Джерри Романо был окончательно и бесповоротно мертв. Шибанов прикрыл его карие глаза, удивленно смотрящие куда-то на верхушки сосен на Шелл-Крик Рейндж, и пополз по едва заметной тропинке вниз, туда, где стоял «виннебаго» с Профессором, Атикой и Мидори.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шибанов

Невада, Соединенные Штаты, январь 2013 года

...Нет, вовсе не этого я ожидал, когда подписывал контракт с клубом НХЛ. А ведь столько было поставлено на карту: даже от двух матчей за сборную пришлось отказаться, потом из-за этого возникли трения с ее руководством, с Олимпийским комитетом России... Но НХЛ есть НХЛ, тем более деньги по контракту предлагались весьма приличные, в российских клубах такого не заработаешь. А после первого же отыгранного сезона – съемки в рекламе, покупка дома, лимузина... Шикблеск, как говорится.

Глупо, конечно. Но очень хотелось почувствовать, каково это – быть звездой.

Между нами говоря, очень хреново ей быть. Нет, деньги и слава – вещи приятные, но становишься другим, сам того не замечая. Все чаще говоришь маме: «Я потом перезвоню, сейчас занят», и не перезваниваешь...

А вездесущие журналисты со своими фотоаппаратами? Ни пожрать, ни искупаться, ни с девушкой познакомиться...

А уж когда чемпионом мира стал в составе сборной России, тут вообще такое началось... В кино даже позвали сниматься. Про хоккей, правда, но какой я актер? Даже в школьной самодеятельности только раз играл. Кошку в «Репке». Роль без слов, еще и хвост случайно оторвала мышка, когда репку тянули.

Поэтому, когда я получил травму, даже обрадовался: появилась возможность от всего отдохнуть. И дернул же черт поехать в этот Неверлэнд, приняв предложение грека-продюсера! Собирался же домой, в Киров – маму навестить, с друзьями встретиться, тупо сходить

на Вятку, пивка попить с вяленой рыбкой… В Америке, кстати, с этим делом плохо. Не пьют у них пива с рыбой. И в Европе не пьют. Привез племяш воблы, американцы были в ужасе. «Дэд фиш[1]», говорят, носы морщат.

И вот съездил, получите-распишитесь. Развеялся.

Ладно, главное – жив. Всегда думал, а что стану делать, если попаду в экстремальную ситуацию? Фильмы всякие смотрел – типа «Я – легенда», «Книга Илая», «Дорога»… «2012» еще было кино, дурацкое до припадков, но смешное местами, там русский мафиози забавный… И, кстати, Лас-Вегас под землю провалился, только Эйфелева башня мелькнула. Не везет Лас-Вегасу, ни в кино, ни в реальности.

Еще я в «Фоллаут» играл. Там герой ходил по пустошам, отбивался от рейдеров и зомби, собирал всякий полезный хлам. И что в результате? Хожу по пустошам, отбиваюсь от рейдеров и зомби, собираю всякий полезный хлам. Полный «Фоллаут» и есть… Вместо зомби – сумасшедшие, вот и вся разница. Ну, еще радиации нету. Здесь нету, точнее, потому что уже есть места, где ее предостаточно. Не обошлось без взрывов… Мутантов тоже нет, но за мутантов сойдут опять же чокнутые.

И каково тебе внутри компьютерной игры, Шибанов?

Хреново внутри компьютерной игры, Шибанов. И даже сохраниться нельзя перед прохождением опасного уровня. И чит-коды не работают. И подсказку в интернете не поищешь.

Ладно, живы будем – как-нибудь проживем. Дед на моем месте небось уже обустроился бы с удобствами, он был мужик обстоятельный, тертый. Он бы и в одиночку продержался, не то что с компанией. А я вот не знаю. Одному-то плохо, и не только потому, что отбиться сложно или спину некому прикрыть. Сдуреешь один. Завоешь…

---

[1] Мертвая рыба (*англ.*).

А компания подобралась отличная, право слово. Всем дай бог такую компанию. Как там дед все время цитировал?

...И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои – дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».
И, вздохнув, отстала Смерть.

Поэму Твардовского про Василия Теркина дед наизусть знал и постоянно вворачивал оттуда куски по случаю. За дедом и я выучил помаленьку... В школе даже, помнится, читал с выражением на торжественном вечере по случаю Дня Победы.

Дед говорил, что Теркина во время войны лично знал. Врал, поди: Теркин же персонаж литературный, то есть вымышленный... Хотя у деда не разберешь, где он врал, а где правду говорил. Сунул как-то нос в его чемоданчик – был такой фанерный, кожей обтянутый, трофейный вроде, дед там всякие документы свои хранил... Уши до сих пор болят, как вспомню. А помер дед – и чемоданчик куда-то делся. Зарыл он его, что ли? Вполне мог.

Про что то бишь я? А то на деда отвлекся.

А, да – про компанию. Компания что надо, даром что совершенно случайная.

Вот, к примеру, негр. Мне с самого приезда вдалбливали, что правильно говорить «афроамериканец», хотя какой он «афро», если Африку только по телевизору видел? Нас с детства приучили, что негр – он и есть негр. «Хижина дяди Тома». Черная кожа у человека – стало быть, негр, и никто, наверно, сроду не обижался, пока этого «афроамериканца» не придумали. Сами-то они меж собой запросто – «ниггер», «черномазый»,

а попробуй ты случайно где-то помяни, что у кого-то кожа другого цвета – беда, отмазываться замучаешься. Брякнул как-то на пресс-конференции про игрока: «Один из лучших чернокожих хоккеистов». Что было! Едва ли не в расизме обвинили… Списали на то, что русский, из диких, мол, краев, у них там негров нету почти, не привыкли с ними правильно обходиться.

А по мне, выдумки это все. Вон Джей-Ти взять – парень как парень, и все эти его разговоры про расизм, про то, как черных белые гнобят – часть имиджа. Положено так. Рэп на этом построен, там все тексты про гетто, про перестрелки, про наркоту, про злобных копов… А ведь сам Джей в этом гетто, скорее всего, бывал только проездом. Мне приходилось видеть настоящих деятелей из гетто, так то обычные преступники, которые цветом кожи не различаются.

Сначала не понравился он мне со всеми этими фитюльками и висюльками. Думал я, что и сам Джей – такая же пустышка. А он самолет вытянул и потом вел себя как мужик. Дед бы одобрил. Я бы такого Джея на половину ребят из команды не променял бы… Еще бы сквернословить его малость отучить, все же девчонки постоянно рядом, цены бы ему не было.

Кстати, о девчонках. Боевые девчонки нам попались! Атика вообще молоток, никогда бы не подумал, что модельки на такое способны. Собачки, рюшечки, каблучки, – это да, а тут сразу пистолет раздобыла, их, считай, спасла в Неверлэнде… И умная, хотя, вроде, обычно модельки дуры. На уме опять же собачки и рюшечки, ну, мужики еще… А к этой не подступишься. Хотя выбора особенного вроде и нет – я да Джей-Ти. Может, он ей ближе? Все-таки африканские корни у обоих, хотя про Атику сразу и не скажешь… Да нет, на Джея она особенно не смотрит, относится сугубо как к товарищу по несчастью…

Эх, Шибанов, Шибанов!

А к тебе она, можно подумать, иначе относится?! Давай-ка ты заканчивай выдавать желаемое за дей-

ствительность. Это опять же только в кино прекрасная героиня влюбляется в прекрасного героя. А тут не кино, да и ты не герой, к тому же далеко не прекрасный. Обычная вятская рожа, она, небось, к таким и не привыкла, вращаясь в своем бомонде.

Хотя что греха таить, влюбился ты, Шибанов, по уши. Как последний мальчишка. И, судя по всему, совершенно бесперспективно влюбился. Уж проще дождаться, пока Мидори повзрослеет, наша маленькая смелая Мидори.

Что-то я не о том думаю. Тут надо думать, как выжить, что дальше делать. Похоже, никто со стороны помогать не собирается, только на себя и приходится надеяться. Интересно, надолго это все? А главное – что в остальном мире творится? Может, уже везде так? Сигналы глушат, информация – урывками, пока, кажется, все нормально в России, но мало ли. А там ведь мама, родственники... Думают, наверное, переживают, волнуются, что со мной. Приучил прогресс, что в любой момент из любого места позвонить можно. Сто пятьдесят лет назад письмо отсюда месяц бы шло, а то и два, если не все три. И ничего, жили люди. Любили друг друга, деловые вопросы решали...

Несколько раз пробовал звонить, и домой, и менеджеру, и просто девять-один-один – нет связи. Рухнула цивилизация. Электричества, и того нет, хотя по идее электростанции должны работать, та же самая Боулдер-Дэм, крупнейшая в Штатах гидроэлектростанция... Или специально отключили? А может, диверсия?

Этак я черт знает до чего додумаюсь. Хотя с вирусом вроде идея верная – эти чокнутые друг от друга перезаразились. А у нашей четверки, видимо, иммунитет. Повезло, ничего не скажешь. Везет, как утопленникам.

Хорошо, пускай это все надолго. Что будет с чокнутыми? Передохнут, не умея себя обслужить? Да нет, они действуют довольно осмысленно, просто бешеные. А пожрать всегда найдут, с горя сожрут кого... Тьфу, дрянь какая в голову-то лезет!

Если не передохнут, значит, так и будут на всех бросаться. Хотя и обычные люди, не чокнутые, только так бросаются. Борьба за выживание, ничего не поделаешь. Цивилизация осталась в прошлом, теперь отношения простые, примитивные. Никогда не думал, что мне придется в человека стрелять – а пришлось. И никакие слюнтяйские переживания не возникают, поди ж ты! Сначала, конечно, хреново было, это я только виду не показывал. А потом усвоил: или ты, или тебя. Звериный принцип, но что ж поделать, если по-другому нельзя? Если бы по-другому, так и валялся бы в том же Неверлэнде, ну, может, дня три протянул бы сверх того… Многие, которые вдоль шоссе гниют, тоже были добрые и правильные.

Жалко полицейского… Черт, хотя какой он полицейский, жулик он… А парень неплохой оказался, запутавшийся просто. И жестокость эта его, наверное, оправданная. Наперекосяк идет со всем, чему меня всю жизнь учили, но все равно в чем-то Манчини был прав. Как он там сказал? «Шоу, главный приз в котором – не миллион баксов, а твоя жизнь». И не только моя, братан. Теперь за мной и старина Джей, и Атика, и Мидори.

Нет, я в командиры не лезу. Я и в команде капитаном не был никогда, не умею руководить и не люблю. Но сейчас, выходит, я старший. Не Джей же, в конце концов…

Ладно, старший, что делать-то дальше будем? Фургон у нас есть, бензин пока не перевелся, оружие тоже имеется, хотя попадись нам серьезный отряд – бой будет недолгим. Наверное, живым нельзя сдаваться, тем более девчонкам… Но бог его ведает, изменилось же все. Может, девчонкам как раз можно. Их не тронут, будут этими… как их… наложницами? Зато живы, сыты, заботиться о них будут.

Нет, Атика так не сможет. И Мидори, девочка непростая и циничная, тоже не сможет.

Или это я опять сам себя убеждаю?

А вот тебе, Шибанов, и задача: чтобы не ломать голову, попросту не допускай подобной ситуации. Штат большой, места всем хватит, а если штат к тому же не один – и подавно. Обязательно появятся люди, которые начнут объединяться. Против чокнутых, против бандитов-рейдеров. Мало, что ли, порядочных людей сейчас вот так же, как они, шляются по дорогам? Рано или поздно где-то осядут, вместе-то попроще и обороняться, и пропитание добывать.

Но пока главное – не стоять на месте. Двигаться. Жаль, «виннебаго» старенький уже, мотор постукивает, греется... Навернется в неподходящий момент или в неподходящем месте – пиши пропало. На трассе новый такой не сразу найдешь, а в города соваться – себе дороже, там безумцы правят. Что ж поделать, пока фурычит дом на колесах, будем ехать, а проблемы решать по мере их поступления...

Оружие бы раздобыть, вот что. Почему-то во всех книгах и фильмах – и про смертельный вирус, и про зомбаков, и про нашествие инопланетян – бедолаги вроде нас тут же находят целый арсенал. А на самом деле ничего толком и не попадается. Оружие или на военных базах, или у полицейских, или в частных домах хранится – в сейфах, в оружейных шкафах, которые без ключа не так-то просто открыть. И это в Америке, где на душу населения, включая младенцев, приходится минимум по одному стволу.

С водой и едой тоже надо что-то придумывать. Насосы работали от электричества – поэтому источников воды почти не осталось, а запасы в виде фасованной по бутылкам и канистрам скоро закончатся. Точно так же и пища: консервы еще туда-сюда, а хлеб, овощи, фрукты, мясо испортятся, если уже не испортились. Растить новый урожай некому и негде, а надеяться на гуманитарную помощь – глупо, потому что все равно на всех не хватит. И еще поди ее найди, эту гуманитарную помощь... Видали уже, какая свара была, когда с вертолета контейнеры сбрасывали.

Наверное, на севере немного не так, там все же есть плодородные районы. Фермер из меня, правда, неважный, но на даче родители заставляли работать, кое-что помню. Как сорняки дергать, как картошку сажать. До севера, конечно, еще нужно добраться, и вовсе не факт, что нас там ждут с распростертыми объятиями. За плодородную землю, за урожай, за дрянные консервы, даже кошачьи или собачьи, скоро начнется самая настоящая война.

А в Атику я, похоже, все-таки влюбился. Нашел же время, ничего не скажешь. Со стороны, наверно, виднее, надо у Джея спросить. Хотя на смех же поднимет, гангстер доморощенный. Или полезные советы начнет давать, издеваться.

Может, все ей сказать? Набраться смелости и выложить, а там будь что будет... Да ну, не сумею же. Я и на пресс-конференциях тех же двух слов связать не мог, терялся, а тут надо говорить о таких важных вещах. Не письмо же ей писать, как Онегин Татьяне...

Когда я вообще последний раз влюблялся? В школе, по-моему, в десятом классе? В Ирку Свиридову, рыженькая такая, конопатая... Потом и времени не было с этим хоккеем, тренировками, даже дед все подкалывал: «Смотри, внучек, заиграешься с клюшкой, забудешь, зачем своя собственная клюшка надобна». Не забыл, конечно, но и ничего серьезного не случилось. Нет, девушки-то были, как без девушек. И в России, и в Штатах. На день, на два. Но чтобы по-настоящему, чтобы хотелось бежать навстречу, чтобы считать часы и минуты – не было такого. А тут посмотрит своими глазищами – и дрожь пробирает, ноги ватные делаются. Может, колдовство? Мало ли что там у них в Египте придумали.

Ладно, как говорится, «будем посмотреть». Если влюбился – значит, влюбился. А нет – само отвалится. В любом случае вопрос как-то разрешится, раз уж мы вместе и надолго.

А пока жить надо. Жить. А там и с любовью разберемся.

«Развалины зданий и кварталы домов больше всех живых городов на земле»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уотерхоул

Невада, Соединенные Штаты, март 2014 года

Атика допила кофе и поставила чашку на полку, не ополаскивая – с водой опять было плохо. Скважина то выдавала наверх тройную норму, то практически иссякала. Доктор Салазар сказала, что есть какие-то проблемы с подземной рекой, и весь городок боялся, что вода исчезнет. Исчезновение воды означало бы, что надо искать новое место для жилья, а найти его крайне нелегко.

– Расти… – тихонько позвала девушка, наклонившись над постелью. Она давно уже звала Ростислава на американский манер, хотя имя Расти происходило изначально вовсе не от Ростислава.

Шибанов спал, неуклюже закрывшись руками от солнечного света, как делают обычно дети и кошки.

– Расти… – чуть громче позвала Атика и поцеловала его в висок.

Шибанов встряхнул головой и открыл глаза.

– Ты просил разбудить тебя в семь, – напомнила Атика. – Я дала тебе пятнадцать минут сверх нормы. Вставай, кофе готов!

– Я же просил в семь, – деланно проворчал Ростислав, выбираясь из-под одеяла. – Или у вас в Египте принято не слушаться мужей?

– А у вас в России принято бить мужей скалкой, – засмеялась Атика. – Я помню, ты сам рассказывал мне анекдот, где муж поздно возвращается домой.

– У тебя и скалки-то нет, а туда же, – расхохотался и Ростислав. Он принялся умываться над пластиковым ведерком, стараясь не расплескивать воду мимо – после умывания ее можно было использовать для других целей.

Атика смотрела на сильное тело мужа, на перекатывающиеся под светлой кожей мускулы, на пулевой шрам, полученный при давнем нападении рейдеров, на след от самодельной пики безумца, оставшийся после набега в Рино за лекарствами… Это был совсем не тот Расти, которого Атика встретила в поместье Неверлэнд. Тот остался где-то там, на дорогах южной Невады, в брошенном на обочине «виннебаго», изношенный двигатель которого в один прекрасный день все же пришел в негодность.

Больше года они скитались по Закрытой Территории. За год можно забыть многое. Атика забыла, что такое съемки для журналов и портфолио, забыла щелканье фотокамер, ехидные вопросы на пресс-конференциях и похабные предложения голливудских кинопродюсеров в обмен на роль в очередной картине. Она забыла платья от Балансиага и туфли от Маноло Бланик, хотя при желании могла бы иметь их даже больше, чем раньше. Но сейчас ценились не туфли на шпильках, а удобные и прочные ботинки. Не воздушные полупрозрачные платья, а грубые джинсы и рубашки, а порой и бронежилеты.

И она влюбилась в Ростислава.

Точнее, это Ростислав влюбился в нее… В первый раз у них все случилось как раз в «виннебаго», когда дом на колесах стоял, спрятанный в небольшой горной лощине и заваленный ветвями для маскировки. Профессор Джей-Ти бродил снаружи, отбывая свои два часа дежурства, а Мидори мирно спала в отсеке над водительской кабиной.

Атика с наслаждением сбросила ботинки, подвигала пальцами ног.

– Ты не возражаешь, если я не стану надевать пижаму? Жарко… – светским тоном спросила Атика.

Ростислав хмыкнул. Пижамы и пеньюары – это были какие-то давно забытые слова из прошлой жизни. Атика стащила с себя джинсы и расстегнула рубаху. Ростислав украдкой поглядывал на нее в ожидании, когда она ляжет, укутавшись в простыню и уткнувшись носом в стенку. Ему нравилась ее совершенная фигура, которая за эти месяцы утратила рафинированную томность модели и налилась упругой силой. Если поначалу ему хотелось только оберегать и защищать Атику, то теперь он чувствовал нечто иное. Атика заметила, что Ростислав за ней наблюдает, сбросила рубаху, оставшись в одних трусиках, и демонстративно потянулась. Ростислав нахмурился и отвернулся. Она явно дразнила его, наверняка догадывалась, что нравится ему. Да и как она могла не нравиться?

– А у тебя разноцветные глаза, – неожиданно сказала Атика. – Раньше я не замечала… Как такое может быть?!

– Я ношу линзы. Вернее, носил… У старых вышел срок, а новые взять негде.

– Ты плохо видишь?

– Нет, вижу я хорошо, просто не люблю привлекать к себе лишнее внимание, вот и носил обычные зеленые без диоптрий. Мне и так хватало забот с папарацци и прочей газетной шантрапой. Да и стеснялся, если честно… В детстве дразнили…

Атика сочувственно улыбнулась и сказала:

– У моей бабушки тоже были глаза разного цвета…

И снова потянулась, еще более демонстративно, чем в первый раз.

Ростислав поднялся с колченогого складного стульчика и неловко стукнулся головой о полку. Чертов дом на колесах всем был хорош, кроме тесноты.

Атика захихикала.

– Ничего смешного, – буркнул Ростислав и тоже начал раздеваться. В другое время он бы взял плед, да завалился спать на полу прямо в одежде. Но в тот день было особенно жарко, Ростислав сварился бы в своей амуни-

ции. Да и на диванчике все же помягче будет. А отдохнуть надо как следует – так уговаривал себя Ростислав, повернувшись спиной к Атике и снимая штаны.

Атика лежала на спине, закинув руки за голову. Она так и не укрылась простыней.

Атика думала о том, что можно постараться растянуть этот миг блаженства, когда все так зыбко, неизвестно, но замешано на коктейле взаимного интереса. Краткий миг наслаждения тем, что можно не переступить грань. Волнующее чувство – это не просто дружеский интерес, а нечто более интимное. Можно оставить как есть, и этот интерес тихо угаснет. Можно подогреть его намеками и провокационными фразами и увести в стремительно развивающуюся страсть. А можно рассудительно оставить на уровне крепких дружеских отношений и взаимопонимания. Атика никак не могла решить – чего же ей хочется больше. Она привыкла, что Ростислав – друг. Такой надежный и сильный. Но в то же время она чувствовала, что их дружба вот-вот перейдет в другое качество. И тогда неизвестно – что будет.

Ростислав осторожно лег рядом и зажмурился. Потом подумал, что это довольно глупо и, открыв глаза, покосился на девушку. Атика лежала с закрытыми глазами. Ростислав повернулся было на бок, спиной к ней, но сна не было ни в одном глазу. К тому же он точно знал, что и Атика не спит. Ростислав повернулся к девушке и сердито спросил:

– Ты меня дразнишь, что ли?

Атика распахнула свои миндалевидные глаза и удивленно уставилась на него. Ростислав смутился:

– Извини. Я просто… в общем, извини.

Атика положила свою руку ему на плечо:

– Да ничего…

Ее ладонь была прохладная, но Ростислава словно обожгло, он физически ощутил, как от ладони Атики внутрь его потек жар, заставляя быстрее биться сердце, затуманивая мозг.

– Атика... – прошептал Ростислав и, взяв ее руку в свою, поднес к губам. Узкая смуглая ладонь с тоненькими пальчиками... Ростислав вдруг внезапно понял, как давно ему хотелось вот так взять и перецеловать каждый пальчик, каждую родинку. Даже въевшаяся грязь под ногтями его умилила – сколько приходится терпеть девочке, которая была создана совсем для другого – для дорогих маникюрных салонов, для бассейнов с прохладной голубоватой водой, для... да мало ли для чего. Атика внезапно резко перевернулась и нависла над ним, опираясь на руки, глаза ее сузились:

– Не смей меня жалеть!

– Я и не думал, – тихо сказал Ростислав и потянул девушку к себе.

Спустя мгновение они самозабвенно целовались, руки Ростислава ерошили ее короткие волосы, скользили вдоль спины и ниже. Ему хотелось почувствовать ее всю, обнять, заслонить собой от мира... Гибкое тело Атики мгновенно и чувственно реагировало на прикосновения и ласки, словно и она ждала этого очень и очень долго.

Два часа пролетели так быстро и незаметно, что они чуть было не пропустили возвращение Профессора...

– Привет! – сказала Мидори, входя в комнату и оторвав Атику от воспоминаний.

Девочка выросла за этот год, почти догнав ее. Видимо, японские гены отца в части роста не срабатывали. Мидори и пострижена была так же, как Атика – коротко, под мальчишку. На поясе тринадцатилетней девочки висел небольшой «браунинг», подарок Роя Кларка. Следом за Мидори вошел и сам Кларк, чтобы тут же обрушиться на табурет и заявить в своей обычной манере:

– В этом доме наливают пожрать?

Ростислав вытерся полотенцем и, качая головой, достал из шкафчика бутылку «Джим Бим» и налил в стакан на два пальца. Кларк благодарственно кивнул и одним глотком выпил спиртное. Глядя на его крас-

ное, бугристое лицо, можно было подумать, что Рой Кларк – обычный алкоголик. Но эта доза виски была его единственной выпивкой на весь начинающийся день.

Бывший водитель-дальнобойщик Кларк как-то незаметно стал лидером общины Уотерхоул. Его здоровенный «кенворт» с прицепом сейчас являлся частью стены, окружающей городок вокруг водяной скважины. Довольно правильный квадрат примерно пятьсот на пятьсот метров был собран из трейлеров, карьерных самосвалов и автобусов, проемы заполнены разным металлическим мусором и затянуты стальной сеткой. По углам высились сторожевые башенки с пулеметными турелями, а из ворот в случае нужды всегда мог выехать их последний довод – бронеавтомобиль «хамви» с сорокамиллиметровой автоматической пушкой. Снаружи возле ворот стоял танк М60, который выглядел весьма угрожающе – посторонним незачем было знать, что двигатель танка не работал, а весь его боекомплект ограничивался тремя зарядами для орудия. Пулемет с него был снят и укреплен на одной из башенок.

Таких маленьких фортов в труднодоступных местах пустыни было много, но связи они между собой практически не имели. Редкие торгово-обменные операции происходили случайным образом, не говоря уже о попытках объединения с целью отражения атак рейдеров.

А рейдеров в пустыне хватало. Старый знакомый Шибанова, Карл Макриди, ухитрился собрать небольшую армию, в том числе включающую некоторое количество бывших военных и вполне серьезную технику. Против таких сил у Уотерхоула попросту не было шансов, но Макриди не обращал пока внимания на подобные городишки, имея куда более серьезные цели в виде крупных городов. В крупных городах была своя проблема – тысячи безумцев, которые оказались не совсем-то и безумцами. Осенью прошлого года кто-

то – то ли в самом деле сумасшедший, то ли несколько офицеров, зараженных вирусом и ухитрившихся сговориться – попытался запустить с секретной базы несколько ракет с ядерными боеголовками. Системы ПВО Североамериканского Альянса сбили их, и ракеты упали, едва успев взлететь. Поэтому сразу несколько мест на Закрытой Территории превратились в радиоактивные проплешины, где не осталось ничего живого, а то, что там обитало, живым не поворачивался назвать язык. К счастью, все такие пятна были далеко от Уотерхоула, однако многие климатические изменения, вызванные взрывами, сказывались и здесь, начиная прежде всего с песчаных бурь.

Попытки выйти на связь с Большой землей заканчивались неудачей – Закрытую Территорию словно старались не замечать. Границы по-прежнему были перекрыты, там установили роботизированные системы, реагирующие даже на койотов и кроликов, и о мыслях удрать с проклятых земель все давно забыли. Изредка над Территорией появлялись самолеты и вертолеты с гуманитарными грузами, однако после того, как несколько машин было сбито, гуманитарку стали сбрасывать значительно реже. Кто сбил – те же больные военные или же нормальные военные, которые все равно, как известно, в массе своей чокнутые, – не знал никто. Кстати, немногочисленную авиатехнику, оставшуюся исправной на Территории, тоже сбивали – на сей раз с другой стороны, поэтому всякие попытки полетов быстро прекратились.

Складывалось впечатление, что Закрытая Территория стала чем-то вроде самостоятельного государства, с которым никто не хочет знаться и чьи границы закрыты в обе стороны, вроде Северной Кореи при династии тиранов Кимов. Разница заключалась в том, что тирания подразумевает жесткую власть, а на Закрытой Территории единой власти не было и быть не могло.

Маленькие городишки вроде Уотерхоула чаще всего были чем-то вроде коммун. Однако встречались и ма-

ленькие поселения с совершенно иным управлением – одни походили на гитлеровскую Германию, другие – на благостно-нелепые идеи утопистов. Первые жили долго и частенько побеждали вторых.

В Солт-Лейк-Сити располагалось, по сути, настоящее государство. Во главе его стоял человек, называющий себя Мастером; ходили слухи, что он то ли бывший министр, то ли бывший сенатор. Вернуться оттуда было еще более сложным делом, чем попасть туда. Поговаривали, что в Солт-Лейк-Сити возродился рабовладельческий строй, а множество научных и технических достижений человечества, кроме военных, объявлено выдумками Сатаны.

Ко всему этому следовало добавить кочевые рейдерские банды, остающиеся «сами по себе», стаи безумцев, которым не хватило места в больших городах, случайные компании деградировавших едва ли не до дикости людей. Кое-где, по слухам, процветал каннибализм, хотя фактических свидетельств не существовало. С другой стороны, как они могли существовать, если свидетели закончили свой жизненный путь в котле с похлебкой или на гриле?

Новостей в Уотерхоуле не было уже шестой день. В последний раз сюда наведались несколько рокеров, «Ангелов Ада», которые колесили по пустыне в поисках приключений на самодельных багги. «Ангелы» рассказали, что Макриди со своим войском разгромил довольно крупное поселение на месте тренировочного лагеря Национальной гвардии к юго-востоку отсюда.

– По-моему, они вполне могут двинуться сюда, – сказал один из «ангелов», тощий бородач в проклепанной куртке и с татуировкой в виде свастики на лбу. – Я бы на вашем месте, ребята, не сильно расслаблялся.

И «ребята» не расслаблялись. Усилили ночные посты на башенках, послали двух парней на квадроциклах «ямаха» объезжать окрестности, хотя бензин был на вес золота. Никаких следов Макриди.

Потому Кларк пребывал в хорошем расположении духа. Потирая объемистое пузо, он добродушно поинтересовался:

– Слушай, Расти, а что ты хранишь в этом футлярчике, который постоянно болтается у тебя на ремне?

– Амулет, – ответила за Ростислава девушка.

– И чего он означает?

– Любой амулет в первую очередь приносит своему обладателю счастье. Расти, покажи Рою скорпиончика.

Шибанов не любил демонстрировать посторонним свой талисман, но Рой Кларк на роль постороннего годился не вполне. Именно он сочетал их с Атикой браком. Кларк не стал тогда тянуть с церемонией и попросту спросил: «Согласны стать мужем и женой?» «Да», – хором ответили Ростислав и Атика. «Ну так и будьте, за чем дело стало? У нас в Неваде с этим всегда обстояло без особенных хлопот[1]», – заключил Кларк и предложил отметить появление новой семьи.

Шибанов расстегнул кнопки футлярчика на поясе джинсов и показал Кларку металлическую фигурку. Бывший дальнобойщик осторожно взял ее в руки, повертел, укололся о торчавшее жало и, ойкнув, вернул.

– Где взял-то?

– От деда осталось.

– Дед колдун был, что ли?

– Нет, военный. Хотя, может быть, и колдун немножко...

– У моей бабушки тоже была подобная фигурка. Обезьянка, – сказала Атика, но Шибанов пропустил ее слова мимо ушей, потому что ему вспомнился дед.

Дед Саня воспитывал юного Ростислава, пока отец с матерью мотались по далеким гарнизонам – профессия военного была в семье Шибановых наследственной. Здоровенный, всегда бреющийся наголо дед напоми-

[1] Согласно местным законам, в Лас-Вегасе свадебные церемонии проходят двадцать четыре часа в сутки. При этом период ожидания для подавших заявление отсутствует, более того, жених и невеста могут даже не выходить из машины.

нал Ростиславу Юла Бриннера, голливудского актера с русскими корнями. Как-то Ростик сказал об этом деду, полагая, что тому подобное сравнение будет приятно, но дед только рассердился.

– Ты божий дар с яичницей не путай, – наставительно сказал он, – этот твой Юл, он кто? Обычный одесский биндюжник. А я потомственный казак с Таганрога. Чуешь разницу?

Каждое утро дед Саня целый час делал зарядку с гантелями и Ростика к этому приучил. Ростислав хорошо помнил, как дед на спор подтягивался на турнике пятьдесят раз – а было ему в то время хорошо за восемьдесят. Могуч был дед Саня, могуч и крепок, как вековой дуб. Он всегда казался Ростиславу вечным – смерть просто не осмелилась бы приблизиться к такому молодцу. Поэтому, когда дед вдруг заговорил с ним о наследстве, Шибанов-младший сначала подумал, что он шутит.

Но дед был серьезен, как никогда. Он позвал четырнадцатилетнего Ростика в свою комнату, велел сесть в кресло и, открыв шкаф, вытащил деревянный, обклеенный картинками из старых советских журналов сундучок.

Сундучок не вызывал у Ростислава никаких добрых чувств. Дед хранил в нем целую груду орденов и медалей, которые почему-то никогда не надевал, даже на День Победы. Когда Ростику было лет семь, он без спросу полез в сундучок, но рассмотреть там ничего не успел – дед бесшумно подошел к нему со спины, взял за ухо железными пальцами и вывел из комнаты. Потом взял широкий армейский ремень и несколько раз врезал Ростику пониже спины. Эта простая воспитательная мера надежно отбила у Ростислава желание повторно заглянуть в сундучок, и теперь он предсказуемо напрягся.

– Ростислав, – строго сказал дед, открывая сундук, – я скоро умру.

– Да ты что, дед! – опешил Шибанов-младший. – Что ты говоришь-то такое?

– Молчи, пацан, – дед Саня рылся в сундучке, звеня медалями. – Сказал – умру, значит, умру. Всему свое время, как говорил один старый еврей, время собирать камни, и время их разбрасывать. Страшного в том ничего нет, я и так уже пережил всех, с кем когда-то вместе под пули ходил. Последним вон академик[1] умер, тоже долго продержался, хотя и давили его, суки, со всех сторон. Но он молодец, пробился все же, я его даже по телевизору несколько раз смотрел...

Ростислав не понимал, о чем говорит дед – про свои военные приключения тот никогда не рассказывал, и никаких академиков до того момента не упоминал.

– Вот оно, – удовлетворенно пробормотал дед Саня, извлекая из сундучка какой-то кожаный мешочек. – Вот оно, твое наследство, Ростислав.

– Что это? – удивился Ростик.

– Предмет, – веско ответил дед Саня. Развязал шнурок, стягивавший горловину мешочка, и осторожно вытряс на ладонь небольшую серебряную фигурку скорпиона. Но держать в руках ее не стал, положил на газету и газету уже пододвинул к внуку. – Возьми его и носи при себе. Поможет.

– В чем?

– В чем нужда будет, в том и поможет. Может, в спорте чемпионом стать, может, науку какую превзойти. Но только если ты его достоин будешь, понял? Плохим людям он не помогает.

Ростислав осторожно взял скорпиона в руку и укололся об острый хвост. Фигурка приятно холодила пальцы.

– И не показывай его никому. А особенно – не дари.

– Не дарить?

– Украсть или отобрать у тебя его не смогут. А вот если ты его сам кому подаришь, особенно если девке, беда будет.

---

[1] Лев Гумилев не был академиком, Шибанов называет его так в шутку.

– Почему это?

Дед ответил не сразу. Потом тяжело поднялся и подошел к стеллажам, на которых стояли разные военные мемуары и книги по истории.

– Предмет этот, – сказал он наконец, – принадлежал одному хорошему человеку, поэту. Хранил его во всех передрягах, и на войне, и в Африке. А потом этот человек подарил его одной вертихвостке, которая тоже стишками баловалась...

– И что с ним случилось? – тихо спросил Ростислав. Скорпион в его руке казался живым.

– Шлепнули его как белогвардейский контрреволюционный элемент, – отрезал дед. – А вертихвостка эта уехала в Париж и прожила до девяноста лет, печалей не зная. А не подарил бы он ей скорпиона – глядишь, и сам бы жив остался, и сколько бы стихов еще хороших написал...

К стихам дед Саня был всегда неравнодушен, цитировал классиков к месту и не к месту.

– Как же он у тебя-то оказался, деда?

– Так и оказался, – неизвестно отчего помрачнел дед. – Когда немцы Париж взяли, один штандартенфюрер скорпиона у этой вертихвостки забрал. Ну, ему-то это, положим, не помогло, скорпион только хорошим людям помогает... А уж у штандартенфюрера и я позаимствовал, только это позже было, уже под конец войны.

– И как он тебе помогал? – продолжал любопытствовать Шибанов-младший.

– А никак. Я ж его силой взял, а так он не работает. Но тебе по наследству передать могу, на это запретов никаких нет.

– А почему мне, а не отцу? – не унимался Ростислав.

– Потому что за отца твоего я и так спокоен, – отрезал дед. – Он мужик правильный, военная косточка, ему никакой предмет не нужен. А насчет тебя сомнения у меня имеются. А проследить, чтобы ты человеком вырос, я уже не успею...

Ростик забрал скорпиона и спрятал его в ящике стола. А три месяца спустя, когда он был на спортивных сборах, дед умер – неожиданно, во сне. Словно остановился заведенный восемьдесят семь лет назад часовой механизм, до того работавший без сбоев...

– А мой талисман вон стоит, на улице, – пригорюнившись, сказал Кларк. – Почитай, все штаты проехал, включая Аляску, а теперь – кусок стенки. Хотя все лучше, чем если бы в каньоне сгнил или на трассе сгорел. Пользу приносит, как ни крути.

Грузный дальнобойщик поднялся.

– Ладно, пошел я. Расти, не забудь сменить своего приятеля на башне.

Приятелем на башне был Профессор Джей-Ти, которого теперь уже никто не называл Профессором, особенно с учетом того, что в Уотерхоуле имелся настоящий профессор – доктор биологии Джулия Салазар.

Шибанов снял с крючка автомат – тот самый «калашников», с погрызенным тварью прикладом. Кстати, о хихикающем чудовище Ростислав потом слыхал не один десяток рассказов. Кто-то явно привирал и сам твари не видел, другие видели, но издали, и только один мексиканец столкнулся с ней лицом к лицу, потеряв в результате маленького сына и жену. Мексиканец говорил об этом случае только однажды, сильно напившись, и называл пустынную тварь не иначе как дьяволом, который влезает человеку в мозг, чтобы потом съесть его душу и пальцы.

– Он пришел из Ада, – бормотал мексиканец, сжимая в руке бутылку с дешевой текилой. – Есть такие места, где Ад совсем близко. Стенку в наш господень мир можно проткнуть пальцем... А нынче мы все в собственном Аду, так почему дьяволу не ходить сюда на обед?

Джей-Ти обрадовался, когда Ростислав по шаткой металлической лесенке взобрался на башню.

– Я думал, ты опять проспишь, чувак, – сказал он. – Конечно, кому еще работать, как не бедному ниггеру, пока белый человек дрыхнет.

«Бедный нигтер» теперь мало напоминал того расфуфыренного типа в широченных штанах, бесформенном балахоне и увешанного побрякушками, с которым Шибанов когда-то познакомился в Неверлэнде. Правда, одну серьгу рэпер все же сохранил, но одет был просто и практично – в плотный комбинезон цвета хаки и высокие туристические ботинки со шнуровкой.

На небольшой площадке башенки размещался армейский пулемет М240, укрепленный на хитроумно сделанной вращающейся турели. На всех башнях пулеметы были разные, какие попались под руку. Тут же висел колокол, а еще часовому полагалась рация на аккумуляторах, которые заряжались от самодельного ветрового генератора.

– Иди завтракай, бедный ниггер, – велел Шибанов, хлопая приятеля по заду.

– Оставь эти штучки для своей жены, извращенец! – выкрикнул Джей-Ти, скатываясь вниз. – Или она тебе не разрешает? Прекрасно понимаю Атику, тоже мне, связалась с белым. То ли дело черные парни! Пожалуй, я навещу ее, пока ты там таращишься на стервятников!

Шибанов беззлобно ругнулся и сделал вид, что целится в негра из пулемета. Хохочущий Джей-Ти скрылся за углом строительного вагончика, в которых жили почти все обитатели Уотерхоула, включая семейство Шибановых. Рой Кларк обустроился в кабине своего тягача, то есть фактически в крепостной стене. Еще у некоторых имелись подобия домов, собранные из деревянных щитов, фанеры и листов гофрированного железа. Иногда Ростислав с ужасом думал, что бы случилось, произойди все это на Аляске.

– Расти! – позвали его снизу.

Это оказалась доктор Салазар. Немолодая, но все еще привлекательная женщина, до эпидемии она

преподавала в университете штата. Накануне «конца света» Салазар уехала по делам в частный колледж Сьерра-Невада на границе с Калифорнией, оставив семью в Вегасе. Она смогла вернуться туда лишь через три дня, чтобы увидеть, что их дома больше нет, а на пепелище кем-то сложена пирамида из обглоданных человеческих костей. Поговаривали, что у нее роман с Кларком, но никаких видимых подтверждений тому не имелось. Сейчас Джулия Салазар выглядела крайне взволнованной.

– Что случилось, доктор? – отозвался Ростислав.

– Фил случайно поймал своим сканером радиопереговоры разведчиков Макриди. Они совсем рядом, возле Ред-Сендс.

Ред-Сендс – так назывался мертвый городок в нескольких милях от Уотерхоула. Там жило человек двадцать, и в один прекрасный день все куда-то исчезли, оставив массу полезных вещей, которые в случае ухода обязательно унесли бы с собой. Это породило массу легенд, основная параллель проводилась с таинственной историей колонистов, бесследно исчезнувших с острова Роанок в Чесапикском заливе между 1587 и 1590 годами. Грешили и на безумцев, и на неведомых мутантов, которые якобы делали набеги из радиоактивных зон, хотя Салазар уверяла, что мутации не могли произойти так быстро. Люди пропали, даже не забрав оружие и продукты. Один из пулеметов на башнях Уотерхоула был как раз из Ред-Сендс, Шибанов сам снимал его с тамошней установки над хлипкими воротами. Сейчас руины мертвого городка были окончательно разграблены, а сам он наполовину занесен песком.

– Рою сообщили?

– Рой как раз и просил позвать тебя. Он в штабе.

Штабом назывался школьный автобус, стоявший примерно посередине городка и служивший для общественных мероприятий.

– Я только что заступил, – развел руками Ростислав.

– Сейчас придут Атика и Мидори, они тебя подменят. Спускайся.

Атика и Мидори всегда и везде старались ходить вместе. Их отношения ни в коем случае не были отношениями старшей и младшей подруги; полнейшее равноправие, хотя поначалу многие считали Мидори кем-то вроде дочери Атики. Детей в городке вообще было мало…

В штабе, за импровизированным столом из алюминиевого листа, сидели Кларк, Фил Гибсон, Герберт Красный Олень и Лайонел Ульрих. Красный Олень был индейцем из племени лакота, а Ульрих – капитаном Национальной гвардии, по совместительству владельцем писчебумажного магазинчика в Остине[1]. Стоило ли пояснять, что и от магазинчика, и от Остина к этому времени уже мало что осталось.

– Садитесь, Шибанофф, – сухо произнес Ульрих. Капитан был желчным, вечно недовольным мужчиной с больным желудком. Он как раз расстелил на столе карту штата.

– Они говорили, что миновали Ред-Сендс, – повторил Фил Гибсон, видимо, для только что пришедшего Ростислава. Чернокожий пожилой телемастер был очень учтивым и вежливым человеком, постоянно боявшимся кого-то случайно обидеть. Из разного барахла он собрал сканер радиочастот, который иногда работал.

– Сколько их? – спросил Ульрих.

– Откуда же мне знать… – виновато сказал Фил. – Они общались через позывные, первый был Ли, второй – Грант.

– Генералы Гражданской войны, – понимающе кивнул Кларк.

– Тот, который Грант… Он и был у Ред-Сендс… Так вот он сказал, что здесь поблизости есть еще один городишко, неплохо бы туда заглянуть и посмотреть, что там да как. Собирался сделать это к вечеру.

---

[1] В Национальной гвардии США служат резервисты.

– Интересно, чем он планирует заниматься до вечера, – пробормотал Шибанов. Ульрих кисло посмотрел на него и ткнул пальцем в карту:

– Вот здесь – Дублин, они могли сначала поехать туда. Для мобильной группы на вездеходах это недалеко.

– Значит, нам нужно выслать им навстречу небольшой отряд. Для перехвата, – предложил Кларк.

– Затем мы и пригласили Расти, – сказала доктор Салазар. Она стояла у дверей, словно не считала возможным участвовать в мужском военном совете, но все прекрасно слышала. – Братья Райт отдадут ему и Джею-Ти свои квадроциклы.

– И что они сделают, если там будет пара джипов или броневик? У Макриди полно военных «хаммеров».

Разумеется, это сказал капитан Ульрих.

– Расти? – Джулия Салазар вопросительно повернулась к Шибанову.

– А что хотели предложить вы, капитан? – поинтересовался в ответ Ростислав. – Если мы не перехватим разведчиков, они вернутся к Макриди и скоро явятся сюда с основными силами. Если перехватим – Макриди может подумать все, что угодно, особенно если пропажу разведчиков обставить как следует.

– Я в принципе согласен с вами, Шибанофф, – сказал Ульрих, сделав физиономию еще кислее. Ростислав думал, что такое невозможно.

– Я тоже, – прогудел Красный Олень, который все это время молчал, картинно сложив руки на груди.

– В таком случае нам нужно выезжать. Думаю, рации брать не стоит – нас с тем же успехом перехватят люди Макриди, как только что поступил с ними старина Фил.

– Логично, – признал Ульрих. – Но возьмите с собой еще пару человек. На квадроциклах по два места.

– Это снизит скорость, капитан, – возразил Ростислав. – Вполне возможно, нам придется удирать что есть мочи.

Ульрих пожал плечами, демонстрируя, что на данном этапе он умывает руки и Шибанофф с негром могут погибать, как им заблагорассудится. Кларк шумно почесал в паху (он не мог избавиться от этой дурной привычки многих дальнобойщиков, а остальные старательно делали вид, что не замечают) и посоветовал:

– Возьмите пару РПГ[1]. Чертовски мощные штуки, на случай, если бандиты Макриди и вправду будут на броневиках.

– Хорошо, Рой, – сказал Шибанов. – Я пошел будить Джея-Ти.

Сказать, что негр был возмущен – значит, не сказать ничего.

– Чувак! – орал он, прыгая по своему тесному вагончику в одних белых боксерских трусах. – Я проторчал целую вахту на вышке, как хрен на морозе! Только я съедаю пару сандвичей и забываюсь тяжким сном, как ты приходишь и, блин, трясешь меня за плечо! Тебе что, некого с собой взять?!

– Ладно-ладно, – Шибанов примирительно поднял руки. – Спи дальше. Я возьму кого-нибудь из Райтов.

– Что? Этих сопливых недоносков?! Ты с ума сошел, белый. Погоди, я схожу в сортир, оденусь и поеду с тобой, иначе твоя жена будет плакать на могилке, а мне придется ее утешать что есть сил. Ты, поди, будешь против?

– Еще как, – согласился Ростислав.

– Тогда иди к воротам, я сейчас приду. Пушку брать?

– Бери. Кларк обещал нам пару РПГ в придачу.

---

[1] Правильнее – РПГ-7. Российский ручной противотанковый гранатомет для стрельбы активно-реактивными (с ракетным двигателем) гранатами. Предназначен для борьбы с танками, самоходно-артиллерийскими установками и другой бронетехникой противника, может быть использован для уничтожения живой силы противника, а также для борьбы с низколетящими воздушными целями. Принят на вооружение в 1961 году. Эффективно использовался практически во всех вооруженных конфликтах с момента его появления. Является наиболее распространенным и узнаваемым ручным противотанковым гранатометом в мире. Благодаря модернизации боеприпасов представляет существенную опасность для современных бронированных целей, поэтому остается востребованным и в наши дни.

– РПГ – это хорошо. Русские умеют делать всякую фигню, которая убивает, – одобрительно закивал Профессор и принялся искать брюки среди массы разбросанных по вагончику вещей.

Близнецы Райт стояли возле своих бесценных квадроциклов и мрачно ковыряли в носах.

– Смотри, Расти, если угробишь мою тачку, я найду твою могилу и навалю на нее огромную кучу, – пообещал Юджин Райт. Братцы раньше были отъявленными хулиганами и завсегдатаями воспитательных заведений, несмотря на достаточно нежный возраст. С тех пор они малость посерьезнели, но все равно оставались редкостными подонками без надежд на исправление.

– А я заберу себе твою вдову. И вообще, лучше бы мы сами поехали, – сказал Кевин Райт, угрюмо глядя сквозь грязные перепутанные дреды на Кларка, принесшего два ручных противотанковых гранатомета.

Шибанов не стал вступать в спор с дефективными. Он сказал Кларку, что на минутку отлучится, и поспешил в свой дом. Кларк крикнул вслед, щелкая чем-то на гранатомете:

– Даю двадцать!

– Я уже знаю, – сказала Атика, обняв его на пороге.

– Рой дал мне двадцать минут…

– Я пойду погуляю, – заявила Мидори, которая, оказывается, все слышала. Ростислав поймал себя на мысли, что краснеет, хотя девочка жила с ними и спала в отдельной комнате, все прекрасно понимая.

Мидори проскочила мимо них и унеслась куда-то между вагончиками. Шибанов закрыл дверцу на засов и повторил:

– Двадцать минут, любимая…

– А в первый раз у нас было два часа, – напомнила Атика.

Ростислав закрыл ей рот поцелуем. В первый раз им не хватило и двух часов – после они несколько дней ходили наэлектризованные, боясь случайно прикоснуть-

ся друг к другу – словно от этого мог произойти взрыв. А может, так оно и было.

Ростислав был счастлив, что это ощущение взаимной тяги, желание обнять, прикоснуться, прижаться – было между ними всегда. И он очень надеялся, что так будет и впредь. Любую свободную минуту они старались быть вместе.

Хоть времени было катастрофически мало, Ростислав очень медленно и нежно расстегивал на Атике одежду, покрывая ее шею, плечи, руки поцелуями. Ростислав опустился на колени и взялся за ремень на ее джинсах. Атика прикрыла глаза, положила руки Ростиславу на затылок. Он как всегда почувствовал, что от ее ладоней пошел жар, растекаясь по его телу. Ростислав подхватил возлюбленную на руки и отнес на кровать.

– Какая же ты невыносимо красивая, – шептал Ростислав, прикасаясь губами к ее прохладной смуглой коже.

– Как я соскучилась, любимый, – шептала Атика ему в ответ.

Время рвануло вперед, оставляя ощущение, что его прошло много, бесконечно много. Их близость каждый раз потрясала их самих – казалось, что за минуты они проживают целую жизнь. Что может быть желаннее партнера, друга, возлюбленного, говорящего на одном с тобой глубинном языке понимания?

Они лежали рядом в восхитительном изнеможении. Атика водила кончиками пальцев по груди Ростислава, едва касаясь его разгоряченной кожи. Он закрыл глаза, наслаждаясь этим мгновением, наполненным спокойствием и умиротворенностью. Лежал бы так и лежал часами, днями. Но нужно было спешить. Как там говорил Иисус Лазарю? «Встань и иди»?

– Встань и иди, – громко сказал сам себе Шибанов. Атика с удивлением посмотрела на него и тихонько засмеялась:

– Никогда не думала, что мой муж и господин – сын бога.

В этот момент «сын бога» запутался в штанине и грохнулся на пол, больно ударившись копчиком.

...Джей-Ти ждал у ворот и лениво препирался с близнецами. Завидев Ростислава, он тут же выдал:

– Белый и есть белый: раз-два, и побежал. Не понимаю девчонок, которые женятся на белых. Там и смотреть-то не на что, не говоря уже насчет заняться сексом.

Близнецы заржали, несмотря на то, что под слоем загара и грязи сами были вполне белокожими. Подошел Ульрих, выдал маленькую карту с самолично сделанными пометками, пожевал тонкими синеватыми губами и сказал:

– Удачи вам, Шибанофф.

– Спасибо, сэр, – ответил Ростислав и отдал честь. Гранатометы уже были приторочены к «ямахам», для каждого полагалась пара зарядов. Шибанов также взял свой «калашников», а Джей-Ти – автоматическую винтовку М-16, плюс у обоих имелись пистолеты и по паре ручных гранат.

– Жилеты наденем сразу? – спросил негр.

– Береженого бог бережет, – сказал Ростислав.

Они натянули кевларовые бронежилеты, надели шлемы с противопылевыми масками и очками. Кларк махнул рукой, зашипела гидравлика, и ворота стали медленно открываться.

Шибанов оседлал квадроцикл и погазовал для пробы. Двигатель работал, как часы: что-что, а ухаживать за своей техникой близнецы Райт умели. Собственно, раньше они промышляли в том числе кражей различной мелкой техники, так что руку набить успели.

– Если не вернемся до заката, значит, дело плохо, – сказал хоккеист. Кларк покачал головой:

– Вы уж вернитесь.

– Всякое бывает, Рой. Если что, считайте меня коммунистом.

– Зачем? – удивился Кларк.

– А, ерунда. Русская традиция, – улыбнулся Шибанов и выехал за ворота, плавно обогнув корму стоявшего там танка. Кевин Райт успел крикнуть вслед какую-то гадость, а может, напутствие, но Ростислав уже ничего не слышал.

Негр нагнал его на вершине ближайшего бархана и пристроился рядом. Сейчас они ехали в Ред-Сендс, поскольку парни Макриди недавно вертелись где-то там. Ветра не было, стоял полный штиль, и найти их по следам колес не составляло особого труда.

По песку впереди неторопливо прошествовал хиламонстр – ядовитая ящерица с красивой яркой окраской. Кларк утверждал, что раньше их было куда меньше, как и койотов. Что поделать, цивилизация понемногу отступала, а пустыня – наступала, потому что ее ничего не сдерживало.

Слева промелькнул остов сгоревшей автомашины – память о не столь давнем визите рейдеров, который был успешно отбит. Банда была маленькой, и справиться с ней не составило труда – один автомобиль подбили из пушки «хамви», три других удрали. Эта маленькая победа шумно праздновалась, но все понимали, что Уотерхоул как боевая единица мало чего стоит. Основную часть населения городка составляли женщины и пожилые мужчины, в крайнем случае – малолетние проходимцы вроде братьев Райт. Все они в случае нужды могли держать в руках оружие, проходили под руководством капитана Ульриха стрелковую подготовку, но против сильного противника вряд ли бы выстояли. До сих пор им, видимо, просто везло. Шибанов надеялся, что повезет и сейчас: они либо уведут разведчиков в сторону, «перенацелив» на кого-то из соседей помощнее, либо уничтожат. Первый способ был довольно подлым, второй – маловыполнимым, но у них за спиной были люди, которые надеялись на Расти и Джея. Зависели от них.

Иногда Шибанов думал, что будет, если его убьют.

Вообще-то он размышлял об этом, еще будучи хоккеистом. Страшные истории о солнечных артериях, случайно перерезанных коньком, о шоке, полученном при попадании шайбой в сердце, о смертельных переломах в столкновении с бортом или противником... Но там смерть являлась глупой случайностью. После побега с ранчо Неверлэнд она сделалась постоянным спутником и таилась за каждым углом.

Конечно, Ростислав боялся смерти. Его пугал не моментальный уход из жизни – это, наверное, так же молниеносно, как щелчок выключателя и гаснущий свет, – а мучения – например, получить пулю в живот и остаться лежать в пустыне, на ночном холодеющем песке, слыша, как к тебе крадутся падальщики, чтобы начать пожирать еще живое тело. Еще он боялся попасть в руки к безумцам – он видел то, что осталось от тел таких неудачников, и представлял, что они пережили перед тем, как умереть. Сильнее всего Шибанов боялся оставить одних Атику и Мидори. Конечно, в случае чего в Уотерхоуле их никто не обидит, но жизнь велика, а Уотерхоул не вечен. Поэтому надо выжить.

Талисман-скорпиончик был тут как тут, в футляре на ремне. Атика убедила мужа, что амулет в самом деле приносит ему удачу, помогает в жизни. По ее мнению, такие вещи, передаваемые из поколения в поколение, собирают в себе их мудрость и опыт; другое дело, сумеешь ли ты ими правильно воспользоваться. Но это уже, как говорится, твои проблемы.

Ростислав часто вынимал скорпиона из его обиталища и рассматривал, даже при помощи мощной лупы. Ни клейма производителя, ни какого-нибудь микроскопического значка мастера он не нашел. Стереться они не могли – металл был очень прочным. Как-то в Нью-Йорке он почти решился показать фигурку ювелиру и попросить сделать анализ металла, но в последний момент передумал. Больше того, Ростиславу показалось, что фигурка сама этого не хочет, и он ее послушался.

– Это, брат, штука важная. Береги ее, – говорил дед, ничего не объясняя. Шибанов-внук и берег.

Наконец, после долгой унылой езды и однообразного пейзажа, вдали черной точкой показался Ред-Сендс. Джей-Ти помахал рукой, делая знак остановиться. Шибанов притормозил и заглушил мотор.

– Предлагаю в сам город не соваться, а обогнуть его. Ты, чувак, слева, а я – справа.

– Может, все-таки осмотрим? – усомнился Ростислав.

– На хрена, братан? Вдруг там кто-нибудь поселился?

«Где крещеного человека долго не бывает, там и чему другому поселиться невелик труд», – вспомнилась Шибанову какая-то старинная книжка, прочитанная в детстве. Вряд ли в брошенном Ред-Сендс поселились привидения или вурдалаки, но вот стая безумцев вполне могла, равно как и отряд бродяг, приметивших пустующие домишки. Быть зарезанным по глупости, выполняя важное задание для города, Ростислав не планировал.

– О'кей, – сказал он. – Ты – справа, я – слева, встречаемся с той стороны.

Рэпер, выбросив из-под колес квадроцикла целый шквал песка, помчался в своем направлении. Шибанов торопиться не стал – сверился с картой, поправил слегка разболтавшееся крепление гранатомета и только тогда тронулся с места.

Он медленно проехал метрах в сорока от ржавых стен Ред-Сендс, собранных, как и в Уотерхоуле, из кусков кровельного железа, оградительной сетки, автобусов, грузовиков и даже длинной цистерны, отполированной до зеркального блеска. Несмотря на полное безветрие, в городе что-то брякало, постукивало и подвывало, словно сквозняк.

Ростислав пригнулся к рулю «ямахи», готовый в случае малейшей опасности умчаться прочь. Но никто в него не стрелял и никто на него не бросался. Квадроцикл миновал покосившуюся решетчатую башенку, и Шибанов увидел своего спутника. Квадроцикл негра

стоял в ложбине между двумя песчаными дюнами, а сам Джей-Ти что-то рассматривал, нагнувшись. Заметив Шибанова, он поманил его рукой.

В песке лежал труп.

Довольно свежий, насколько в этом разбирался Ростислав. Понятное дело, что на горячем песке тело остывало достаточно долго, но зато и разлагалось быстро. Этот покойник был свежим, человека убили от силы пару часов назад.

– Смотри, что за хрень, – сказал негр, показывая на руки трупа. На них не было пальцев.

«Где осажденная крепость, бессильная отбросить врага?»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В осаде

Невада, Соединенные Штаты, март 2014 года

– Наш старый знакомый? – задумчиво произнес Шибанов, озираясь.

– Не исключено. Пальцы обгрызены на хрен, хотя это мог сделать и койот.

Но оба прекрасно понимали, что изуродовал тело вовсе не койот. Ростислав осмотрел мертвеца: хорошая походная одежда, добротные ботинки «докерс», большой охотничий нож в чехле, пустая кобура из-под чего-то крупнокалиберного, в карманах – всякие обычные мелочи. Изможденным не выглядит, скорее наоборот, умер оттого, что ему свернули шею, на которой Ростислав заметил следы царапин, словно от острых когтей.

– Он пришел оттуда, – Джей-Ти указал на цепочку следов, уходящую за холм. Рядом со следами «докерсов» все было испещрено другими, похожими на отпечатки босых ног, хаотичными, будто их обладатель беспорядочно прыгал вокруг идущего или бегущего человека.

– Точно, та самая тварь. Далековато она забралась от Вегаса, – заметил негр.

– Нынче мы все в собственном Аду, так почему дьяволу не ходить сюда на обед? – повторил Шибанов слова пьяного мексиканца.

– Чего?

– Рассуждаю вслух, Джей.

– Тогда нормально. А то я думал, ты превратишься в чертова проповедника, – озабоченно сказал негр. –

Я их страсть как не люблю, даже черных. Как только какой-то чувак начинает мне втолковывать про Ад и Рай, я стараюсь поскорее сделать ноги. Берегу мозги, вот как.

Они поехали по следам и примерно через полторы мили наткнулись на лагерь.

Несомненно, он принадлежал людям Макриди. Джип в маскировочной пустынной окраске, с пулеметом Мк.48 на турели в люке, и багги-пескоход на высоких толстых колесах. В стороне был разложен маленький костерок, уже погасший, рядом валялись так и не вскрытые банки с мясными консервами и пара бутылок пива. Хозяев всего этого, в отличие от банок, весьма умеючи вскрыли. Три тела были вспороты от горла до низа живота, так, что наружу торчали белые взломанные ребра, внутренности разбросаны вокруг. Слышно было жужжание насекомых, облепивших трупы.

– Смотри... Та же фигня, – промямлил Джей-Ти.

Да, та же самая фигня. Шибанов видел – у всех троих отсутствовали пальцы.

– Эта сволочь положила четырех бойцов Макриди. Они даже не успели выстрелить.

– Да уж, – согласился негр, поддевая ногой винтовку «ремингтон». Ствол ее был согнут почти под прямым углом. – Слушай, чувак, я не понимаю, как мы-то в свое время уцелели?!

– Не знаю, Джей, – покачал головой Шибанов. На самом деле он подозревал, что может как-то сопротивляться гипнотической силе хихикающего демона, но почему – даже не догадывался. Эти люди сопротивляться не смогли и были жестоко убиты.

– Может, он до сих пор тут? – шепотом спросил рэпер, пригибаясь.

– Вспомни – он приходит с песчаной бурей. Ты тогда назвал ее торнадо. Сейчас все тихо.

– Все равно мне тут не по себе, чувак. Давай отсюда валить. Покойники эти, не люблю я их. Как на бойне, блин. Так и жду, что оно снова захихикает.

– Секунду. Машины можно забрать потом, но давай их хотя бы обыщем.

Автоматы, пистолеты, патроны, ящик с лентами к пулемету… Сухой паек, канистры с водой и бензином – все это отлично пригодится городу. Шибанов захлопнул дверцу джипа, и тут громко запищала рация. Не их рация – они не брали с собой «уоки-токи».

Звук исходил со стороны лежавших у костра трупов. Ростислав нашел в нагрудном кармане бородача латиноса продолговатый пластмассовый брусочек, вопросительно посмотрел на Профессора. Тот пожал плечами – сам, дескать, решай. Ростислав нажал кнопку и нарочито невнятным голосом сказал:

– Прием.

– Грант? Что случилось? Почему не выходишь на связь?

– Грант мертв, – сказал Ростислав все так же невнятно, стараясь держать микрофон подальше от лица. – На нас напали.

– Кто напал? С кем я говорю?

– Безумцы, здесь их целая толпа! Я удрал… Ли, здесь опасно!

Невидимый Ли что-то повелительным тоном закричал в ответ, но Ростислав с размаху треснул рацию о крыло джипа. В стороны полетели куски пластмассы.

– Задурил им башку, ага, – одобрительно заухмылялся Джей-Ти. – Про чокнутых это ты хорошо. Ладно, поехали домой. Я, блин, реально боюсь.

– Эх, зря я рацию разбил… – запоздало сказал Шибанов. – Могла пригодиться…

Ворота уже были открыты – дозорные на башнях заметили своих и сигнализировали Кларку. Рой сам встречал их со всем штабом – Ульрих, доктор Салазар, Гибсон, вечно молчащий Красный Олень. Тут же были любопытные, не занятые на работах, и неизменные братья Райт, которые сразу бросились осматривать ненаглядные квадроциклы. Атика бросилась Ростиславу

на шею, словно он отсутствовал с неделю. Мидори радостно улыбалась.

– Милая, мне нужно поговорить с Роем, – сказал Шибанов, осторожно высвобождаясь от объятий жены. – Идемте в «грейхаунд», Рой. Парни, не разгружайте технику, возможно, мы сейчас поедем обратно.

Последнее было сказано уже Райтам, которые пытались снять с багажника гранатомет.

В автобусе Шибанов рассказал все о найденных мертвых разведчиках Макриди и о том, что попытался ввести противника в заблуждение.

– Они могли поверить и пока не соваться сюда. Могли не поверить, тогда они вышлют другой отряд. В любом случае предлагаю поскорее забрать две машины и остальные трофеи, а тела хорошенько спрятать.

– Снова этот пустынный демон, – пробормотал Кларк, гулко постукивая пальцами по листу алюминия, заменявшему стол. – Я-то думал, это все сказки.

– Не сказки, – возразил Шибанов. – Я его тоже видел.

– Ты мне не рассказывал, – поднял укоризненные глаза бывший дальнобойщик.

– Не считал нужным. В конце концов, все истории про демона касались юга Невады. А теперь, получается, он здесь.

– А если это были безумцы? – предположил Ульрих.

– Безумцы сожрали бы припасы, как вариант – забрали бы оружие, если не совсем отмороженные. Даже могли угнать технику. А здесь – все цело. Да вы сами увидите, сейчас мы с братьями Райт съездим туда и пригоним автомобили с грузом.

– С этими молокососами? – усомнился Ульрих, не любивший отсутствия дисциплины, которое для Райтов было образом жизни.

– Они нам нужны только как водители, сэр, – сказал Шибанов. – Только туда и обратно.

– Хорошо, – решил Кларк, – отправляйтесь. Будем надеяться, что Макриди клюнул и отправится в какое-

нибудь другое графство. Не все ли ему равно, в конце концов.

– Нам неизвестны его планы, – разумно заметил Ульрих. – Возможно, он собирается стать властелином Территории. Из его радиообращений, которые мы время от времени слушаем, это вполне проистекает.

– Нынче не об этом речь. Езжайте, Расти. Мы вас ждем.

Братья-разбойники наотрез отказались пускать за руль Джея-Ти и Ростислава, показывая какие-то древние царапины на рамах «ямах» и клевеща, что это заслуга их дурного вождения. Плюнув, Шибанов сел позади Юджина, негр – за спиной Кевина, и они во второй раз за сегодняшний день выехали из городка.

Ред-Сендс миновали по широкой дуге; суеверные Райты охотно слушали страшилки о пустынной нечисти и радостно им верили. Лагерь нашли быстро.

– Holy shit! – воскликнул Юджин Райт, осеняя себя крестным знамением. – Кто это их так подрал?

– Звери, – не стал вдаваться в подробности Шибанов, снял с крепления на борту джипа лопату и швырнул Юджину. – Копайте яму, поглубже. Надо зарыть трупы.

Поднимался ветер, и это было весьма кстати: он заметет автомобильную колею, и разведчикам Макриди, если что, будет трудно найти машины и тем паче увидеть, куда они направились из мертвого лагеря.

С могилами справились быстро, сволокли туда покойников, причем Кевин Райт немного поблевал, вызвав ехидные насмешки братца. Зарыли. Ветер все усиливался, кидаясь песчаными зарядами и колючими мотками перекати-поля. Загрузив припасы и валявшееся у костра оружие в джип, Шибанов тревожно огляделся вокруг. С ветром мог прийти хихикающий демон, следовало поторопиться. Но Ростислав решил поступить несколько иначе, как только обнаружил в специальном чехольчике на приборной доске багги еще одну рацию, ранее незамеченную.

– Парни, гоните обратно машины, а мы на ваших квадроциклах немного попатрулируем, пока не началась буря, – приказал он близнецам. Те для виду поворчали, хотя погонять на джипе и багги явно были не прочь, затем поссорились из-за того, что кому вести, получили по шее от Ростислава и уехали – Юджин на багги, Кевин на джипе. А может, и наоборот: близнецов частенько путали.

– Что ты задумал, чувак? – подозрительно спросил Джей-Ти, когда автомобили скрылись за дюнами. – Если ловить эту тварь, то я не стану.

– Погоди, – отмахнулся Шибанов и включил найденную рацию, обернув ее носовым платком для искажения голоса. В сочетании с завыванием ветра это должно было дать хороший эффект. – Ли? Ли, это Грант.

– Грант? – ожил динамик. – Какого черта! Сказали, что ты покойник.

– Кто сказал?

– Я не понял… Кажется, Фрэнки. Типа на вас напали безумцы, всех перебили, а он сбежал.

– Чертов Фрэнки в самом деле сбежал, я не знаю, где он… Безумцев было человек триста, Ли! Давно столько не видел. Многие с оружием, какая-то кочующая стая… Я на багги, пытаюсь выбраться к вам.

– Мы в десяти милях от точки встречи, где именно ты находишься?

– Я… Э-э…

Шибанов замешкался. Негр смотрел на него, держа винтовку наготове.

– Грант? Это точно ты? – озабоченно спросил Ли. Видимо, дело было не в голосе – сама манера разговора Ростислава не походила на покойного Гранта, черт бы его побрал.

Шибанов отключился. Надуть никого не удалось – какие-то силы армии Макриди двигались сюда. «Мы в десяти милях от точки встречи», – сказал Ли. А где точка встречи? Может быть, лагерь и был точкой встречи, раз уж разведчики расположились здесь?

Что ж, придется продолжить работу, которую они уже начали.

– Поедем искать Макриди, Джей, – сказал Шибанов, забираясь на квадроцикл. Ветер усиливался.

– Черт. Мог бы предупредить, чувак. Я бы попрощался с Минни.

Минни – так звали девушку Джея-Ти, миниатюрную негритянку лет шестнадцати. До эпидемии отношения с девушкой такого возраста стоили бы рэперу тюремного срока и прочих неприятностей, но только не сейчас. Закон остался в прошлом, и порой в этом не было ничего плохого.

История Минни запросто сгодилась бы голливудским продюсерам. Она с отцом, пилотом-частником, пыталась спастись из Колорадо на маленькой «сессне». Однако на границе их перехватил армейский вертолет, велел развернуться, а когда отец не послушался предупреждения – сбил.

После падения из шести человек, находившихся в самолете, выжила только Минни. Ее подобрали какие-то парни на мотоциклах, увезли с собой, хотели изнасиловать, но не успели – появились полицейские и прикончили парней. С полицейскими Минни поехала в некий временный лагерь, но стоило туда приехать, как на лагерь напала толпа безумцев, превратив развернутые шатры и полевой госпиталь в смешанную с кровавым мясом груду тряпок. Но Минни удалось спастись снова – на грузовичке Фила Гибсона, чернокожего телемастера. С Гибсоном она попадала в целый ряд безвыходных ситуаций, но снова и снова спасалась, пока не оказалась в Уотерхоуле. Когда Минни увидела Джея-Ти, то едва не упала в обморок: девушка была его фанаткой и ежедневно писала ему письма в числе тысяч таких же фанаток, которые рэпер, конечно же, не читал.

Тем не менее их отношения были нежными и вполне настоящими, хотя официально Минни до сих пор жила у Фила, заменившего ей отца.

– Зачем прощаться? Мы вернемся.

– Я теперь всегда прощаюсь, братан, когда уезжаю. И утром попрощался, а когда поехали во второй раз, то прикинул: блин, всего-то надо забрать трофейную технику, зачем опять ее будить... Ладно, если что, гореть тебе в аду, белый.

Эту угрозу Джей-Ти сопроводил яркой белозубой улыбкой, но Ростислав видел, что его товарищ огорчен.

– Как ты думаешь, где они, Джей?

– Ну, я так прикидываю, чувак, что у них там большие тачки, правда? Даже если это просто крупный отряд, а не основные силы хренова Макриди. А большие тачки обычно стараются по максимуму ехать по шоссе, а не через холмы и пустыню. Шоссе тут есть, оно дерьмовое, но местами еще не занесено песком. Значит, они там.

– Я тоже так думаю, – сказал Шибанов, сворачивая карту. – Едем к шоссе по кратчайшему пути. Надеюсь, мы их встретим. Хорошо, что не оставили гранатометы.

– Дай бог, чтобы они нам не пригодились, – сварливо проворчал Джей-Ти.

Как бы то ни было, на колонну армии Макриди они наткнулись через полчаса с небольшим. Первым машины заметил Джей-Ти и успел свернуть между двумя торчавшими из земли скальными выступами до того, как его засекли. Ростислав повторил его маневр.

Вместе они осторожно выглянули из-за скалы.

Четыре армейских «хамви», в том числе один с безоткатным орудием на прицепе, длинный бронетранспортер, четыре переделанных в боевые разномастных джипа с пулеметами, трехосный грузовик с тентом и эмблемами Национальной гвардии на дверцах кабины, багги. Для основных сил Макриди, безусловно, маловато, но для Уотерхоула и этого достаточно. Армия рейдеров, видимо, хорошо представляла себе, что такое маленький Уотерхоул. Не первый и не

последний городок, на который они планировали нападение, и боевой опыт научил их правильно рассчитывать силы.

– Что будем делать? – спросил Джей-Ти. Он старался выглядеть невозмутимым, но голос заметно подрагивал.

– Атакуем и стараемся нанести максимальный ущерб. Потом удираем домой. У них из скоростных машин только багги, остальные нам не конкуренты... Распаковывай гранатометы.

– Может, удерем? Встретим их дома.

– Нет, Джей. Мы встретим их здесь, пока они не ожидают. А потом удерем, как ты и предлагал.

Колонна не торопилась, медленно переползая с еле заметного под песчаными заносами шоссе на бездорожье. Шибанов взял тяжелый РПГ и прицелился в передний «хамви». Это серьезное оружие он знал только в теории, потому что тратить на занятиях драгоценные заряды Ульрих не разрешал.

– Стреляй в замыкающую машину, – сказал Шибанов. Негр кивнул.

Оба РПГ выстрелили практически одновременно. Шедший впереди «хамви» исчез во вспышке, затем снова появился, кувыркаясь и разбрасывая ошметки пламени. Джей-Ти промазал – граната унеслась куда-то в пустыню, оставляя дымный след. Багги вывалился из строя и помчался, огибая скалы. Шибанов поспешно зарядил гранатомет и выстрелил в бронетранспортер, угодив в заднее колесо. Туда же, судя по всему, попал и Джей-Ти. После этого по скалам, за которыми они прятались, открыли шквальный огонь.

– Поехали! – изо всех сил закричал Шибанов. Он прыгнул на свой квадроцикл, завел мотор и оглянулся.

Чертова «ямаха» Джея не заводилась. Негр растерянно посмотрел на Ростислава.

– Сюда! – крикнул Шибанов, хлопая по сиденью ладонью. Джей побежал к нему, сел сзади, и вовремя – из-за поросшей кустарником дюны вырулил багги.

Квадроцикл помчался по пустыне, наперерез несущему песок ветру. Шибанов впопыхах забыл надеть маску и нахватал полный рот песка; отплевываясь, он кое-как напялил ее и оглянулся через плечо. Багги не отставал, за скалами, где остановилась колонна рейдеров, что-то дымно горело.

– Почему они не стреляют?! – прерывисто дыша, крикнул в самое ухо Джей-Ти. Словно спохватившись, с багги открыли огонь. Насколько успел заметить Ростислав, за ними гнался обычный двухместный вариант, значит, стрелял пассажир. Водителю на такой местности не до стрельбы. Судя по звуку, оружие было не слишком внушительным – типа израильского автомата «узи».

– Гранату! – бросил он Джею.

– Что?

– Гранату! У тебя на поясе!

– А! – сообразил негр, отцепил с ремня ручную гранату, выдернул чеку и бросил назад. Через несколько секунд рванул взрыв, но багги, мастерски вильнув, продолжал преследование.

Джей-Ти швырнул вторую гранату и зашарил по бокам Ростислава, ища его арсенал. Багги успешно ушел и от второго взрыва.

– Твою мать! – вскрикнул рэпер, обхватив Шибанова руками. – В меня попали!

– Держись, ниггер!

Удерживая руль «ямахи» одной рукой, Ростислав ощупью нашел свою гранату, зубами выдрал кольцо и, не глядя, бросил назад. Квадроцикл кидало в стороны, и Шибанов молился об одном – не перевернуться.

Впереди показался Рэд-Сендс. Дорога стала поровнее, «ямаха» начала набирать скорость, понемногу отрываясь от более тяжелого багги. В полуразрушенной стене брошенного городка-крепости Шибанов увидел пролом, вполне подходящий для того, чтобы туда проскочить. Мотор взревел, когда Ростислав круто вывернул влево, всем телом удерживая равно-

весие. Джей-Ти тяжело мотался за спиной, постанывая. Значит, живой, подумал Ростислав. Только бы не свалился...

Квадроцикл влетел внутрь пролома, промчался по короткой улочке и свернул между двумя мятыми трейлерами. Притормозив, Ростислав спрыгнул с сиденья и поволок за собой товарища. Рэпер неуклюже свалился на правый бок, и «ямаха» тут же со скрежетом врезалась в опору сторожевой вышки. Вышка со скрежетом начала падать, но Шибанову некогда было разглядывать произведенные им разрушения. Он потащил негра в распахнутую дверцу трейлера, едва не поддавая ногой для скорости.

Внутри трейлера жутко воняло тухлятиной – то ли исчезнувшие хозяева где-то оставили еду, то ли какой-то обитатель пустыни заполз сюда, чтобы издохнуть. Внутренность трейлера была распотрошена, даже обивка зачем-то содрана со стен. Толкнув Джея на откидное сиденье, Ростислав сорвал с плеча автомат и прислушался.

Вышка рухнула, на высокой ноте, как струна, лопнул один из удерживающих ее тросов. В этот же момент в проулке показался один из преследователей, в ярко-красной бандане на длинной, как огурец, голове. Он осторожно шел, пригнувшись и оглядываясь, и был легкой добычей, но Шибанов не мог стрелять – второй удерет на багги. Следовало дождаться двоих.

– Джей! Твой выход! – негромко сказал он рэперу.

– Что ты задумал?! – Джей-Ти, скорчившись от боли, уставился на него.

– Выходи наружу. Давай, не бойся! Скорее, нам надо выманить второго!

Рэпер потряс головой, словно отказываясь верить в то, что слышит. Затем, похоже, понял, что замыслил русский, но все равно таращился с сомнением.

Рейдер тем временем остановился и заглянул в окно другого трейлера. Он выглядел крайне озабоченным.

– Давай! – Шибанов помог Джею подняться и толкнул к дверям.

– Ненавижу тебя, белый! – прошипел Джей-Ти и, постанывая, заковылял наружу. Рейдер не замечал его, глядя совсем в другую сторону, пока негр не позвал жалобно:

– Эй, приятель!

Рейдер быстро развернулся, выставив перед собой ствол «узи», потом расплылся в щербатой улыбке:

– А где второй?

– Смылся, с-сука… – простонал Джей-Ти. – Бросил меня…

– Эй, Снейк! – громко крикнул рейдер, не сводя глаз с Джея. – Тут раненый ниггер, второй смылся. Думаю, Картер скажет нам спасибо за такой подарок!

– Иду, – еле слышно отозвался Снейк. Первый рейдер, не опуская «узи», мелкими осторожными шагами направился к Джею-Ти. Он был прекрасной мишенью, но стрелять было рано – Снейк еще не присоединился к напарнику.

– Братан, у тебя есть аптечка? – умирающим голосом спросил негр. На взгляд Ростислава, он немного переигрывал.

– Вот моя аптечка, – ответил рейдер, имея в виду «узи».

Из-за угла показался Снейк. У него на голове тоже была бандана, только оранжевая. В руках – дробовик.

– И в самом деле, ниггер, – удивился он, подняв выцветшие брови.

Это были последние слова незадачливого Снейка. Выждав, пока оба рейдера окажутся на одной линии, Шибанов нажал на спусковой крючок. Тот, что в красной бандане, падая, сшиб Снейка, которому тоже досталось несколько пуль. Снейк успел выстрелить в ответ, но заряд дроби ушел вверх, не причинив никому вреда.

Шибанов выбежал из трейлера и проверил, что с нападавшими. Оба были мертвы. Если бы его попросили

вновь повторить такой трюк – срезать одной короткой очередью двоих противников – черта с два у него получилось бы.

– А если бы он в меня попал, а?! – возмущенно кричал тем временем Джей-Ти. – Этот хрен с «узи» направил свою трещотку прямо на меня, блин! Если бы он перед тем, как сдохнуть, прострочил меня насквозь?

– Про это я не подумал, – честно сказал Шибанов, чем поверг негра в такое изумление, что тот замолчал. – Идти можешь?

Джей-Ти кивнул. До самого багги он не промолвил ни слова, и лишь устроившись на пассажирском сиденье и пристегнув ремень, буркнул:

– Ловко ты их. Небось и в хоккей неплохо играл.

– Куда тебя ранили? Давай перевяжу.

– Уж потерплю как-нибудь до настоящего врача, – заявил Джей-Ти, и они поехали домой.

В Уотерхоуле их встретили настороженно, танк начал поворачивать свою приплюснутую башню, но потом рассмотрели в бинокль и открыли ворота.

Близнецы Райт тут же завопили по поводу угробленных квадроциклов, но Кларк грубо прикрикнул на них. Доктор Салазар и плачущая Минни потащили раненого Джея в медпункт, а капитан Ульрих спросил:

– Наткнулись на основной отряд? Сколько их?

Шибанов вкратце доложил обстановку, добавив:

– Один «хамви» мы точно вывели из игры. Еще повредили бронетранспортер, но не знаю, серьезно ли. В любом случае, это был только передовой отряд, и сюда они, скорее всего, доползут.

– Фил, – сказал Кларк Гибсону, – накормите людей. Потом, возможно, будет уже некогда.

– Я займусь расстановкой на стене, – деловито сообщил Ульрих и ушел. Капитан знал свое дело и здесь в советчиках точно не нуждался.

– Отдохни, пока есть время, – велел Кларк Ростиславу.

Времени не было, Шибанов прекрасно это понимал, но все равно пошел в свой вагончик. Его встретила Мидори.

– А где Атика? – спросил Шибанов, снимая с плеча автомат и вешая на привычный крючок.

– В медпункте, сейчас придет... Она была у скважины, сказали, что вы приехали, один раненый...

В вагончик ворвалась Атика.

– С тобой все в порядке?! – воскликнула она в тревоге, схватив мужа за руку и поворачивая, словно ища раны, которые он от нее прятал.

– Все хорошо, это Джея зацепило. Кстати, что с ним?

– Доктор Салазар сказала, что ерунда. Пуля в...

Атика замялась.

– В заднице? – безмятежно уточнила Мидори. Все трое расхохотались.

Ростислав стоял на мостике, окружающем «крепостную стену» изнутри, и смотрел в прорезь амбразуры. Самой колонны еще не было видно, но пыль вдалеке ясно показывала ее приближение.

– У меня плохие предчувствия, – сказал стоявший рядом с Шибановым Кларк. – Даже если удастся отбросить этот отряд, Макриди приведет сюда основные силы. Рано или поздно.

– Отступать некуда, Рой. Может, он плюнет и отправится искать более легкую добычу.

– Я знаю, Расти. Но вариант отступления тоже надо рассматривать. Конечно, нас могут принять в каком-то из дружественных городков к западу, но ненадолго. Каждый сам за себя.

– Каждый сам за себя, – согласился Шибанов, продолжая напряженно вглядываться в пустыню. – Получается, Макриди действует верно. Он хотя бы собирает вокруг себя людей, пока остальные грызутся между собой.

– Ты хотел бы уйти к Макриди? – серьезно спросил Кларк.

Ростислав вспомнил гирлянду из человеческих ушей, болтающуюся в руке фальшивого полицейского Рика Манчини, и покачал головой.

– То-то и оно, Расти. То-то и оно. Кем станет у солдат Макриди Атика? А Мидори? А Минни? Проститутками? Да половина наших им не нужна – старики, немолодые женщины… Я сгожусь как механик, и то не факт. У них нет нужды в пешках, пешки сами сбегаются к ним за подачкой.

– Есть Солт-Лейк-Сити, – помолчав, напомнил Шибанов. – О нем рассказывают много разного, но там хотя бы какое-то подобие государства.

– Оттуда не возвращаются. А это означает, что либо там чересчур хорошо, либо…

Бывший дальнобойщик замолчал, вглядываясь в приближающегося врага. Рядом на стене монтировали снятую с броневичка сорокамиллиметровую автоматическую пушку – как движущаяся боевая единица один «хамви» Уотерхоула ничего не значил против отряда Макриди. Внизу, в прикованном к месту танке, сидел капитан Ульрих с тремя снарядами.

Подъезжающие цепью машины противника уже были хорошо видны даже без биноклей. Внезапно они остановились, из цепи выехал один из джипов и направился к городку. В окно кто-то высунул руку с белой тряпкой, развевающейся на ветру.

– Парламентер, – удивился Кларк. – Может быть, еще не все потеряно?

Джип подъехал совсем близко, когда с одной из вышек в мегафон заговорил металлическим голосом Красный Олень:

– Остановитесь и выйдите из машины! Повторяю: остановитесь и выйдите из машины!

Джип послушно остановился. Из пассажирской дверцы спереди выбрался человек в военной форме, даже каска имелась на голове, и, не опуская белого куска ткани, остановился у радиатора. Никаких звукоусили-

тельных приборов у него не было, и он развел руками – что делать дальше?

– Герб! Скажи ему, пусть идет к воротам! – крикнул на вышку Кларк.

– Идите к воротам. Вас не тронут, – бесстрастно продиктовал индеец.

Человек в каске о чем-то посовещался с сидящими внутри машины и направился к воротам. Белой тряпкой он, похоже, на ходу вытирал с лица пот.

– Идем, – бросил Кларк, спрыгнув с мостика вниз. Шибанов спрыгнул следом, едва не столкнувшись с Джеем-Ти.

– Только ни о чем не спрашивай! – предостерегающе поднял розовые ладони негр. Ростислав с улыбкой подмигнул и заспешил к воротам.

Их открыли ровно настолько, чтобы парламентер мог войти внутрь, и сразу же закрыли.

– А у вас здесь уютно, – сказал парламентер, аккуратно складывая свой белый флаг и убирая его в карман куртки. Это оказался светлокожий человек средних лет с ухоженными усиками. Он поправил очки в тонкой золотой оправе и выжидающе огляделся в поисках главного. Главный был тут как тут.

– Представьтесь для начала, – сказал Кларк сухо.

– Лейтенант Дональд Смоллвуд, – отрекомендовался парламентер. – Командир мобильного отряда Республиканской армии.

– Республиканской армии, вот как, – усмехнулся бывший дальнобойщик. – Что-то я не помню, чтобы Макриди о таком говорил в своих радиообращениях.

– Название принято совсем недавно, – с достоинством сказал Смоллвуд. – Я уполномочен от лица командующего Республиканской армией генерала Эрвина Макриди предложить вам сдаться. После капитуляции поселения мы обещаем сохранить всем жизнь. Ваше оружие, продукты питания, горючее, вода и прочее переходят в собственность Республиканской армии и будут распределяться согласно правилам, установленным в ней.

– Интересно было бы познакомиться с правилами, – заметил Шибанов.

Лейтенант изучающе посмотрел на него, снова поправил очки и продолжил, проигнорировав реплику:

– Комендантом поселения буду назначен я.

– А зачем? – спросил Шибанов. – Насколько я понимаю, принцип так называемой Республиканской армии – забрать все, что есть, и двигаться дальше, чтобы награбить еще. Вы же не собираетесь заниматься здесь, скажем, сельским хозяйством?

– Вы кто? – со вздохом обратился к нему лейтенант.

– Лейтенант Шибанов, – не удержался Ростислав.

– Лейтенант, вы слишком много знаете, как я посмотрю.

– Я быстро учусь. Как и вы… Гофер?

Парламентер опять привычным движением поправил очки и улыбнулся одними губами:

– А я-то пытался вспомнить, где раньше вас видел… Неожиданная встреча, ничего не скажешь.

– Расти, ты знаешь этого типа? – недоуменно спросил Кларк.

– Итак, продолжим, – сказал лейтенант. – Вы согласны капитулировать?

– Какие у вас гарантии?

– Никаких. Вы либо капитулируете и остаетесь живы, но подчиняетесь новым законам и правилам, либо погибаете. Тем, кто выживет в случае штурма, я ничего гарантировать не могу и подавно.

– Послушай, Гофер, – мягко произнес Шибанов, беря лейтенанта за рукав и разворачивая к себе. – Убирайтесь отсюда, пока не поздно. Может быть, вы и возьмете Уотерхоул. Но делить награбленное будут далеко не все ваши бандиты. И ты в том числе, я об этом позабочусь лично.

– Не смейте меня трогать! Я парламентер! – взвизгнул лейтенант, вырывая рукав из пальцев Ростислава. Перед русским сразу предстал тот, прошлый Гофер: трясущийся очкарик в шортах и футболке с рекламой

пончиков, переминающийся с ноги на ногу, словно из боязни обмочиться.

Вокруг засмеялись.

– Идите себе, сэр, – вежливо сказал Фил Гибсон, подталкивая парламентера к вновь приоткрывшимся воротам. – Идите. Скажите своим, может, они передумают и поедут по домам.

Однако по лицу Гофера-Смоллвуда было ясно, что он ничего никому не скажет.

– Секунду, Фил, – попросил Ростислав и остановил лейтенанта. – Что все же случилось? Мне в самом деле интересно.

– Что случилось? – повторил Смоллвуд. – Что случилось… Ваш приятель, тот, полицейский… Он показал мне, как нужно теперь жить. В заново сложившихся условиях.

– Он не был полицейским, – сказал Шибанов.

– То есть?

– Он был обычным преступником, который переоделся в форму копа. Неплохим человеком, да, но – преступником. А кем были вы? Риэлтором?

– Как вы угадали? – лейтенант сделал было еще шаг к воротам, но замер.

– Интуиция, – сказал Ростислав.

Гофер повернулся и вышел. Пошел к джипу, потом ускорился и побежал трусцой. Шибанов подумал, что лейтенант отчаянно удерживается, чтобы не оглянуться назад через плечо. С вышки кто-то презрительно заулюлюкал.

– Ты не ответил, Расти, – сказал бывший дальнобойщик. – Знал этого типа?

– Встречались. Тогда он был никем. Думаю, мы правильно поступаем, что не сдаемся армии, в которой такие лейтенанты, Рой.

– Тогда идем на стену, потому что вот-вот начнется самое интересное. Хочешь хлебнуть?

Кларк протянул Шибанову початую бутылку виски.

– Ты уже принял дневную норму, Рой, – с улыбкой сказал Ростислав. – А я не пью.

– Сегодня особенный день, Расти, – с такой же улыбкой сказал Кларк. – А в Раю виски точно нет. Там только амброзия, а я не уверен, что мне она понравится. Наверное, чересчур сладко.

Ростислав взял бутылку и сделал большой глоток.

Противник выжидал. Во время своего визита в Уотерхоул лейтенант Смоллвуд имел возможность рассмотреть вблизи танк и вышки с турельными пулеметами. Что еще в запасе у защитников городка, они даже не представляли. Вероятно, сейчас шли активные переговоры с генералом Макриди по поводу того, начинать штурм или ждать подкрепления.

– А что если они развернутся и уберутся восвояси? – с надеждой предположил Фил Гибсон. Он взобрался на мостик вместе с Минни и Джеем-Ти, который заметно хромал, но на невинный вопрос Ростислава «болит ли боевая рана?» так окрысился, что Шибанов от греха отошел подальше.

– Они никуда не уйдут, Фил. Что там с детьми?

– Сидят в автобусе. Если что, мы сломаем заднюю стену, они успеют уехать. Вряд ли эти негодяи нас собираются окружать, их не так уж много.

– Хорошо. Кажется, они начинают.

В самом деле, цепь машин противника начала двигаться. Перед этим из покрытого тентом грузовика вылезли пехотинцы, человек двадцать, и рассредоточились на местности, а еще несколько человек отцепили безоткатное орудие и принялись его устанавливать.

– Следите по флангам, пехота может попытаться проникнуть незаметно, – велел Кларк.

Видимо, рейдеры сообразили, что с танком что-то не так, иначе не наступали бы столь решительно. Правда, они не учли других сюрпризов, приготовленных защитниками Уотерхоула. И поняли это, когда один из джипов провалился в замаскированную яму. Машина рухнула вниз, вертикально вонзившись в дно. Вокруг засуетились, и тут же немного левее провалился «хамви».

На стенах радостно завопили, но наступающие тоже не были идиотами. Бросив безнадежно застрявшую технику, они пустили вперед солдат, прощупывающих дорогу, и благополучно миновали еще несколько ловушек. Бронетранспортер, который если и пострадал от выстрелов РПГ, то незначительно, въехал на холм и открыл огонь из автоматической пушки, пристреливаясь.

В этот момент в игру вступил капитан Ульрих, бывший владелец писчебумажного магазинчика. Танк повернул башню и выстрелил. Снаряд ударил в нескольких метрах от бронетранспортера.

– Мимо! – выдохнул Фил Гибсон, прижав к груди винтовку.

С вышек открыли огонь из пулеметов, заработала недавно установленная автоматическая пушка, несколько темно-зеленых фигурок упало. Огонь перенесли на безоткатное орудие. Один из джипов остановился, потом сдал назад. Бронетранспортер продолжал палить, с грохотом обрушилась правая пулеметная вышка Уотерхоула. Кто-то дико закричал от боли, голос был женским. У Ростислава кольнуло сердце, но он знал, что и Атика, и Мидори – не на стене, они ждут штурма внизу.

И тут со второго выстрела Ульрих накрыл бронетранспортер. Боевая машина окуталась клубами дыма, а когда он рассеялся, стало видно, что бронетранспортер разъехался, словно жаба. Башня отсутствовала, а по склону катилось горящее колесо.

На стене снова завопили, кто-то фальшиво запел американский гимн, его подхватили. Танк выпустил третий снаряд, целясь в приближающийся «хамви», но опять промазал. Теперь танк был бесполезен, но нападающие этого не знали – «хамви» шустро развернулся и помчался назад.

Начала отступать и пехота, укрываясь за дюнами. Кое-кто полз по-пластунски, вокруг вскипали песчаные фонтанчики от пуль. Несколько фигур так и осталось валяться, то ли раненые, то ли убитые. Безоткатка

так ни разу и не выстрелила – видимо, снаряды автоматической пушки защитников Уотерхоула серьезно ее повредили. Короче, по очкам пока уверенно вел городок.

– Похоже, мы их сделали, – признал Кларк. – Интересно, надолго ли?

– Они ждут подкрепление, – проскрипел Ульрих, вылезший из ставшего никчемным танка и незаметно взобравшийся на стену. – Не хотят зря рисковать. Куда им торопиться?

– Прожектора работают? – осведомился Кларк у Фила. Гибсон закивал:

– Все шесть, если что, ночью будет светло, как днем.

Но они пришли раньше, еще при свете дня, и прожектора Фила Гибсона не понадобились.

У армии Макриди было достаточно танков. Спустя три часа два «абрамса» выползли на пригорок, где еще истекал черным дымом подбитый БТР, и расстреляли неподвижного собрата у ворот Уотерхоула. Потом они сбили оставшиеся вышки и медленно, с достоинством поползли к городку.

– Вот теперь нам кранты, – заключил Рой Кларк, пока доктор Салазар перебинтовывала ему раненую руку. – Если кто-то хочет покинуть город, я не возражаю. Женщины и дети в автобусе могут отправляться уже сейчас. Минни, ты старшая.

Минни заплакала. Фил Гибсон рассеянно погладил ее по голове.

– Фил, разбирай заднюю стену, – велел Кларк. – Сам садись за руль, вези их, пока хватит горючего.

– Да, сэр! – отозвался Фил.

Шибанов тем временем безуспешно пытался остановить пехоту, сменив упавшего мертвым возле автоматической пушки товарища. Набегающие фигурки рейдеров падали под огнем со стен городка, но против танков защитники Уотерхоула не могли сделать ничего. Ростислав видел, как из ворот выбежал Красный Олень со связкой гранат, как он полз по песку и по-

дорвал один танк. Второй раздавил индейца, словно змею на дороге.

Видел, как близнецы Райт отстреливались плечом к плечу из пистолетов до тех пор, пока их не расстреляли в упор превосходящие силы армии Макриди, ворвавшиеся через сломанные ворота в городок.

Видел, как Джулия Салазар бросилась с мачете на пехотинца, и тот проткнул ее штыком.

Видел, как капитан Ульрих с двумя гранатами в руках ждал возле штабного «грейхаунда» и взорвал гранаты, когда вокруг него собралось десятка полтора рейдеров.

Шибанов высматривал лейтенанта Гофера, чтобы исполнить обещанное, но тот либо намеренно прятался, либо просто находился в другом месте. Плюнув на поиски бывшего риэлтора, Ростислав уже готовился дорого продать свою жизнь, отстреливаясь с крыши одного из вагончиков, когда его буквально сдернул оттуда за штанину Рой Кларк.

– Расти! – крикнул он, размахивая забинтованной рукой, на которой проступали кровавые пятна. – Быстро в мою «Мадонну»!

Шибанов подумал, что в пылу сражения бывший дальнобойщик спятил. Мадонной он называл свой тягач, ныне составляющий неотъемлемую часть крепостной стены Уотерхоула.

– В «Мадонну»! – кричал Кларк. – Там твои и Профессор! Бензина хватит, чтобы уйти!

– Что?! – заорал в ответ Ростислав. Звуки боя уносили обрывки фраз Кларка.

– Уезжайте на «Мадонне»! Она на ходу, я берег пятьсот литров с самого начала! Остальные уже уехали в автобусе с Филом, но твои отказались. Быстрее, мы все равно проиграли! Вы должны спастись!

Шибанов, не находя слов, обнял краснолицего дальнобойщика и бросился к «Мадонне». В самом деле, Атика и Мидори уже сидели в кабине. У обеих в руках были пистолеты.

– Где Джей? – крикнул Ростислав.

– Ищет Минни, – отозвалась Атика.

– Черт… Минни уехала с детьми и Филом! Я сейчас вернусь!

Ростислав побежал, петляя между жилыми вагончиками, к задней стене. Она и в самом деле была разобрана, а у выломанного куска ограждения рыдал Джей-Ти. Шибанов вздернул его за шиворот и закричал в самое ухо:

– Не ныть! Минни спаслась вместе с детьми, ты тоже должен спастись! Вспомни гетто, ниггер!

Кто здесь рулит?
Ты делаешь вид, что не знаешь.
Мы здесь рулим!
Ты знаешь об этом, хотя делаешь вид, что не в курсе.
Кто здесь рулит?
Ты делаешь вид, что не знаешь.
Мы здесь рулим!

– Мы здесь рулим, – послушно повторил негр, размазывая слезы по грязному лицу.

– За мной! Быстро!

Усевшись за руль «Мадонны», Шибанов все равно не верил, что тягач сможет вырваться из западни. Вокруг стрекотали автоматные очереди, что-то рвалось, раскидывая обрывки человеческих тел… Но мощный двигатель заработал, стоило повернуть ключ зажигания, и Ростислав нажал на газ.

Колеса провернулись в песке, «Мадонна» дернулась, но разнокалиберные крепления не пускали ее.

– Не едет! – заорал Джей-Ти.

– Сейчас поедет, – процедил сквозь зубы Шибанов, вдавливая в пол педаль газа и дергая рукоять рычага. Кларк не признавал автоматической коробки передач – на его «Мадонне» стояла обычная.

С ужасающим скрипом огромный тягач выдрался из стены Уотерхоула, потащив за собой куски стальной

сетки и листов металла. Вся эта мишура осыпалась с него на ближайших ста метрах, а нападающие даже не среагировали – они были слишком заняты штурмом, чтобы обращать внимание на отдельный удравший автомобиль. В зеркало заднего вида Ростислав увидел взметнувшийся над городком огненный шар – это Кларк взорвал бензохранилище, как и обещал сделать в критической ситуации.

Их дома больше не существовало.

Нужно было искать новый.

«Вместо дыханья – хрип, глаза уже остекленели,
но борется жизнь упорно»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Священный Город Святых

Юта, Соединенные Штаты, март 2014 года

...У костра сидел пузатый старик в мятой широкополой шляпе и полотняных штанах, а молодой парень арабской внешности жарил над углями куски мяса, насаженные на металлический прут.

– Привет, – сказал старик, что-то жуя. – Куда путь держите?

– В Солт-Лейк-Сити, – осторожно ответил Шибанов. Атика прижалась к его плечу.

– Славное место, славное. Однако идти вам еще далеко. Хотите перекусить?

– Нам нечем заплатить за еду. Мы всего лишь хотели спросить дорогу.

– Платить за еду вовсе не обязательно, юноша, – сказал старик, продолжая жевать. – Разве мы не добрые самаритяне, чтобы делиться тем, что у нас есть, безвозмездно? Не правда ли, Карим?

Парень кивнул, будучи поглощен своим занятием.

– Карим – мусульманин, но я убедил его, что есть одна лишь истинная вера – в господа нашего Иисуса. Вы имеете что-нибудь против?

– Ни в коем случае, – сказал Ростислав.

Старик ему определенно не нравился, но это было так называемое «первое чувство». Шибанов сам придумал такое определение и старался по возможности гасить его, потому что оно зачастую было ошибочным. В конце концов, сам он тоже выглядел

весьма подозрительно с точки зрения нормального человека.

– Я жую табак, это мой маленький грех, – посетовал тем временем старик и сплюнул в огонь длинную струю густой слюны. – Раньше говорили, что от этой дурной привычки случается рак полости рта или рак губы. Но господу виднее, потому что он не наказал меня за все мои без малого семьдесят лет. Хотя он при этом забирал тысячи младенцев, посылая им опухоли мозга. Господу виднее, да.

– Иисус велик, – пробормотал с явным акцентом Карим, поворачивая мясо над угольями. Капающий жир громко зашипел.

– Все хорошо, – шепнул заметно нервничающей Атике Ростислав. Он опустился на корточки напротив старика, Атика села рядом по-турецки. Вкусно пахло жареным мясом. Потрескивали угольки.

– Сейчас все будет готово, – радушно сказал старик, поймав голодный взгляд Шибанова. – О, я не представился… Меня зовут Авессалом.

– Библейское имя, – наудачу сказал Шибанов, полагая, что настолько нелепое имя просто не может не иметь отношения к Библии. В религии бывший хоккеист разбирался примерно так же, как и в ядерной физике.

Старик захихикал, схватившись за грудь, и его смех напомнил Шибанову пустынного демона.

– Верно, верно! Авессалом, сиречь третий сын Давида от Маахи, дочери Фалмая, царя Гессура. За бесчестие сестры Фамари он убил брата Амнона, потом восстал против отца, был разбит, во время бегства запутался длинными волосами в ветвях дерева и был убит. Но у меня короткие волосы.

Сказав так, старик демонстративно снял свою нелепую шляпу, под которой оказалась лысина, окаймленная седым цыплячьим пухом.

Шибанов деланно засмеялся. Старик не нравился ему все больше. Он подумал, что зря пошел на свет ко-

стра, и уж тем более напрасно взял с собой Атику. Но внизу, у подножия холма, их ждали Джей-Ти и Мидори. Если что, они придут на помощь. Или дождутся их, чтобы пойти дальше.

– Мясо готово, – сообщил Карим, пластмассовой вилкой стаскивая истекающие соком и жиром куски на поднос с логотипом «Макдоналдса».

– Присоединяйтесь к трапезе, как я уже предлагал, – сказал Авессалом, надевая шляпу. Табачную жвачку он сплюнул в ладонь и убрал в пластиковый пакетик. – Разве мы не добрые самаритяне, чтобы делиться тем, что у нас есть, безвозмездно?

«Это он уже говорил», – подумал Шибанов. Но особенных причин волноваться бывший хоккеист НХЛ все равно не видел. Да, старичок слегка не в себе. Да, он сбрендил на религии, что в сложившейся ситуации куда лучше, чем если бы он был сбрендившим на самозащите и оружии. А самое главное, пресловутого оружия нигде не было видно. В то время как у Ростислава на плече висел «калашников», в кобуре ждал своего часа пистолет, да и Атика в случае чего могла поддержать огнем. Не говоря уже о Джее-Ти и Мидори, которые сразу включатся в перестрелку, если она начнется.

Карим протянул Шибанову пластиковую тарелочку, на которую переложил с подносика пару кусков мяса.

– У нас нет хлеба. Я давно уже его не ел, – печально поведал Авессалом, принимая свою порцию. – Но у меня есть виски, а его делали из зерна. Стало быть, в какой-то степени это тоже хлеб. Выпьете? Это еще один мой маленький грех, но ведь и господь наш Иисус начинал с того, что на свадьбе превратил воду в вино. Кабы он был против, то превратил бы вино в воду, не правда ли?

– Совершенно с вами согласен, – сказал Шибанов и взял протянутую стариком поллитровую стеклянную фляжку «Баллантайна». Запасы спиртного, как он уже успел заметить, сохранились вопреки ожиданиям куда

лучше, чем запасы продовольствия. Разумеется, в первую очередь это было связано с тем, что спиртное не портилось.

– Вы не боитесь ходить по пустошам вдвоем? – спросила Атика, держа двумя пальцами кусок мяса и аккуратно дуя на него.

– Но ведь и вы ходите по пустошам вдвоем, – Авессалом зашипел, обжегшись горячим жиром. – Опять же сказано у Матфея: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я среди них». Или вы собрались не во имя Его?

Ростислав промолчал. Мясо было вкусным, хорошо прожаренным – Карим знал свое дело, как любой восточный человек. Не хватало хлеба, но глоток виски пришелся весьма кстати. Отхлебнув, Шибанов вернул флягу старику, который тут же к ней присосался.

– Очень вкусно, – похвалила Атика, с наслаждением вгрызаясь в свой кусок. – Это оленина?

– Это божья тварь, милая, – сказал Авессалом. – Вот что самое главное. Кстати, вы можете взять немного мяса с собой; наши запасы все равно испортятся, потому что у нас нет холодильника.

Они отужинали, передавая бутылку по кругу. Впрочем, «по кругу» было громко сказано: Карим не пил совсем, а Атика сделала лишь пару небольших глотков. Когда тарелки опустели, а бутылка подошла к концу, Шибанов спросил:

– И все-таки, что это за дичь?

– Это самая главная дичь на свете, – торжественно произнес Авессалом, завинчивая крышечку.

– И какая же?

– Человек.

Атику тут же вырвало. Ростислав еле сдержал рвоту, нащупывая пистолет и расстегивая кобуру. Авессалом тем временем встал на колени в свете костра и заговорил хорошо поставленным, красивым голосом:

– И глаголет Левит, глава двадцать шестая: «Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то

и Я пойду против вас и поражу вас всемеро за грехи ваши, и наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет; если же вы укроетесь в города ваши, то пошлю на вас язву, и преданы будете в руки врага; хлеб подкрепляющий истреблю у вас; десять женщин будут печь хлеб ваш в одной печи и будут отдавать хлеб ваш весом; вы будете есть и не будете сыты. Если же и после сего не послушаете Меня и пойдете против Меня, то и Я в ярости пойду против вас и накажу вас всемеро за грехи ваши, и будете есть плоть сынов ваших, и плоть дочерей ваших будете есть; разорю высоты ваши и разрушу столбы ваши, и повергну трупы ваши на обломки идолов ваших, и возгнушается душа Моя вами; города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши, и не буду обонять приятного благоухания жертв ваших; опустошу землю, так что изумятся о ней враги ваши, поселившиеся на ней; а вас рассею между народами и обнажу вслед вас меч, и будет земля ваша пуста и города ваши разрушены».

– Аминь! – закричал Карим, падая ниц.

– А разве не говорил господь наш Иисус Христос: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов! Пиите от нея вси: сия есть Кровь Моя Новаго Завета, я же за вы и за многия изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание»? – продолжал Авессалом, воздев руки к черным небесам.

Атика содрогалась от рвотных спазмов. Ростислав трясущейся рукой наконец выволок из кобуры пистолет, но тут над его головой грянул выстрел, и старик с пробитой головой завалился назад. Карим вскочил, бросившись в темноту, но второй выстрел настиг и его. Араб шумно покатился вниз по склону, ломая ветви падуба, и никто не пошел проверять, жив ли он.

Стало совсем тихо, лишь потрескивал костер и где-то далеко завывал койот. Джей-Ти вышел из темноты,

поблескивая драгоценными камнями на своей единственной серьге.

– Я никогда не верил этим дерьмовым проповедникам, – сказал он, поднимая выпавшую из руки Авессалома недопитую флягу «Баллантайна». – А этот к тому же белый. Черномазые проповедники хотя бы хорошо поют. А тетки еще и пляшут в церкви.

Ростислав погладил по спине трясущуюся Атику. Внезапно ему сделалось совсем плохо; вскочив, Шибанов бросился к краю оврага и наткнулся на поблескивающие в свете костра свежие кости. Судя по размеру черепа, это был ребенок.

Тут Шибанова вывернуло, после чего он потерял сознание.

Очнулся Ростислав оттого, что в рот ему текла едкая жидкость. Закашлявшись, он оттолкнул от своих губ сосуд и перекатился набок.

– Живой, – удовлетворенно заключил склонившийся над ним негр. – А я думал, сдыхаешь.

– Это его виски?! – прохрипел Шибанов, едва удерживающийся от новых спазмов. – Выбрось...

– С какого хрена, чувак?! – возмутился Джей-Ти. – Тут написано: «Сделано в Шотландии». Вряд ли этот поганый людоед нассал в бутылку. С другой стороны, я не уверен, что какой-нибудь мой прадед, живя в Африке, не жрал время от времени врагов, которых приканчивал своим каменным топором или чем там они мочили друг друга. Братан, будь попроще!

– Пошел ты в задницу, Джей, – пробормотал Шибанов и засмеялся. Джей-Ти подхватил:

– А этот-то, этот, Авессалом, мол, волосами зацепился, а у меня волосы короткие! И помогла ему плешь? Хренушки!!! Всю башку ему разнесло!

Негр с сожалением допил остатки и бросил бутылку в затухающие уголья костра.

Кстати, я обыскал обоих. Ни черта, даже дрянного двадцать второго калибра, и того нет. У араба был

большой нож, видать, им они и управлялись. С божьей помощью, хе-хе…

Атика так и не пришла толком в себя. Она брела рядом с Ростиславом, вцепившись обеими руками в его локоть, глядя прямо перед собой и не отвечая на вопросы. Мидори, напротив, интересовалась, на что похоже человеческое мясо, вкусное ли оно, правда ли, что имеет сладковатый привкус. Девчонка договорилась до того, что Шибанов грубо прикрикнул на нее, после чего Мидори шла на несколько метров позади и ни с кем не разговаривала, надув губы.

Джей-Ти, как обычно, сосредоточенно бормотал:

Всю жизнь меня считали отбросом.
Я обманывал мать, даже воровал у нее.
Преступление за преступлением,
от наркотиков к вымогательству.
Прости меня за мое неуважительное отношение,
прости мою ложь.
Моей младшенькой – восемь месяцев,
ее сестренке – два года.
Кого винить за них обоих (нет, ниггер, только не тебя).
Клянусь, я хочу перерезать себе вены,
чтобы это дерьмо закончилось.
Приставить Магнум к голове, грозя нажать курок,
и сделать это, чтобы
постель окрасилась в красный цвет.
Я доволен, я мертв, никчемный обкуренный урод.
Стресс усиливается, я не могу, я не могу поверить,
что у меня в голове мысли о самоубийстве[1].

– Джей, богом прошу, заткнись, – устало сказал Шибанов. – Без тебя тошно, а песенка твоя далеко не позитивная.

[1] The Notorious B.I.G. – «Suicidal Thoughts». Пер. MarS.

– А я что? А я ничего, чувак. Это старина Ноториус[1]. Кстати, его замочили, как любого толкового ниггера. Я тоже как-то прикидывал: вот разбогатею, стану знаменитым, и меня сразу замочат, словно Ноториуса или Тупака Шакура[2]. Или посадят в тюрягу белые, как Тайсона.

– Если я правильно помню, Тайсон был сам виноват[3]. Он же кого-то изнасиловал, разве нет? – осторожно уточнил Шибанов.

– Это все белые придумали, – со знанием дела заявил Джей-Ти. Ростислав махнул рукой и не стал больше спорить.

После побега из городка Уотерхоул, разоренного Республиканской армией генерала Макриди, прошло без малого три месяца. Трейлер, ту самую «Мадонну», которую так любил Рой Кларк, им пришлось бросить на шоссе, как только в баках иссякло горючее. Оставив машину, они решили идти к Солт-Лейк-Сити, потому что там царил порядок. Хуже, чем в пустыне, просто не могло быть.

Как же они заблуждались...

Хотя Солт-Лейк-Сити частенько называли Священным Городом Святых, название в буквальном переводе означало «Город у Соленого Озера». Действительно, так оно и было: город раскинулся в долине большого озера. Сама долина сразу после Ледникового периода была заполнена водой, здесь находилось описанное геологами озеро Бонневиль. Пласты его донных отложений до сих пор видны на холмах, выстилающих долину. Однако со временем озеро практически высохло,

[1] The Notorious B.I.G. (1972–1997), псевдоним американского рэпера Кристофера Джорджа Латора Уоллеса. Убит во время так называемой «войны побережий», развязанной двумя кланами рэп-исполнителей.

[2] Тупак Амару (1971–1996), американский рэпер, киноактер и общественный деятель. Попал в Книгу рекордов Гиннесса как самый успешный хип-хоп артист. Убит в ходе «войны побережий», убийство Ноториуса B.I.G. якобы явилось ответом на смерть Шакура. Первый рэпер, которому поставили памятник.

[3] Легендарный боксер Майк Тайсон имеет за плечами три уголовные судимости, в т.ч. в 1992 году – за изнасилование черной «Мисс Америки».

оставив насыщенные солями воды – Большое Соленое Озеро.

Город у озера был основан в 1847 году религиозной группой мормонов – членов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Мормоны, ведомые своим лидером Бригамом Янгом, отправились на поиски удаленного местечка, подальше от мирской суеты. Согласно легенде, Бригам Янг увидел долину во сне, и когда наяву его взору предстала Долина Соленого Озера, воскликнул: «Это оно».

– Это оно! – крикнул и Профессор Джей-Ти, когда впереди показался город на берегу озера, блестящего под лучами закатного солнца.

– Был здесь? – спросил Шибанов, вытирая со лба обильный пот.

– Не-а. Тут, чувак, живут мормоны. Я ничего не имею против нескольких жен, как у них обычно заведено, но чо-то маловато я видал черных мормонов. Да и остальные их порядки мне не нравятся. Ниггеру нечего делать в таком месте.

Город заметно пострадал, но большая его часть, прилегающая к озеру, осталась практически невредимой. Ростислав вспомнил Солт-Лейк-Сити до эпидемии – да, вон Храмовая площадь со штаб-квартирой, собором Церкви Святых последних дней. Раньше здесь ежедневно выступал на закате дня всемирно известный хор. На таком выступлении Шибанова познакомили с писателем Дэном Брауном, автором «Кода Да Винчи», который изучал здесь символы мормонской культуры. Ростислав потом пробовал читать его книги, начал пару, но бросил – нудные. Интересно, что сейчас поделывает Браун? Может, тоже где-то ходит в поисках крова и пищи?

Вообще на Закрытой Территории должно было находиться довольно много известных личностей, куда более известных, чем сам Шибанов или Джей-Ти. Актеры, политики, спортсмены, писатели, музыканты. В том же Вегасе постоянно кто-то тусовался… Однако

никого из них встретить пока не пришлось. Или великим не досталось своей доли иммунитета, и теперь они бесились в каменных лабиринтах больших городов, отыскивая новые жертвы?

– С виду городишко вполне ничего, – заметил тем временем Джей-Ти, критически оглядывая пейзаж. В самом деле, город выглядел неживым, но почти целым в своей главной части. Стена из бетонных блоков, выстроенная вокруг, говорила о предусмотрительности местных жителей. В паре мест на стене Ростислав заметил движение.

– Решайте, – сказал Шибанов, когда они присели на лавочку на автобусной остановке. – Мы можем пойти в Солт-Лейк, но вы слышали, что говорят об этом месте.

– Хуже, чем в пустыне, не будет, – устало произнесла Атика. – Возвращаться нельзя, идти можно только вперед. Говорили, что здесь настоящее государство. Я не могу больше идти, Расти... Я хочу есть.

– Я тоже хочу есть, – сказала Мидори. Это было вполне понятно, с учетом того, что последним их ужином был полусырой койот, подстреленный и зажаренный на костре сутки назад. Собственно, и патронов у них осталось всего ничего – пара обойм для пистолетов и полупустой магазин для «калашникова» с погрызенным демоном прикладом. Был еще «браунинг» Мидори, который она свято хранила и не доверяла никому.

– Итак, мы идем в Солт-Лейк, – подвел черту Шибанов.

– А что нам остается, чувак? – это был Джей-Ти. – Вряд ли нам там выдадут благотворительный суп и по телке на брата... простите меня, девочки... но я уже устал таскаться по горам. Тем более я уверен, что там не жрут людей. Что угодно, но только не жрут людей.

– Хорошо, – сказал Ростислав. – Идем.

Без помех они прошли часть разрушенного города, по которому явно когда-то стреляла артиллерия. Руины магазинов были опустошены, над дверью одного

из них болтался полуистлевший человеческий скелет, подвешенный за шею.

– Хреновые тут флюиды, брат, – заметил Джей-Ти.

– Ну, это еще не город, – возразил Ростислав. – И потом, могли вздернуть мародера или убийцу. Вот и висит в назидание.

На улицах стояли брошенные автомобили – некоторые почти целые, другие изрядно «раскулаченные». Из пыльных витрин печально смотрели манекены.

Когда впереди за перекрестком улиц показалась стена, сложенная из бетонных блоков, Ростислав напрягся. В памяти сразу же всплыли все истории, услышанные им от скитальцев по Закрытой Территории. Одни ни в коем случае не велели соваться в Солт-Лейк-Сити, другие называли это место землей обетованной, куда, к великому сожалению, пускают далеко не всех...

Вблизи стена выглядела еще внушительнее, чем издали. Куда там Уотерхоулу с его разномастными железяками.

Шибанов перевесил старый добрый «калашников» с плеча на грудь в тот самый момент, когда из-за угла здания с перекошенной вывеской «Кафе Италиано» выехал «хаммер». Из машины с редкой прытью выскочили трое человек с автоматами, один из которых крикнул:

– Стоять! Откуда вы? – спросил человек в камуфляже. Он выглядел как самый настоящий военный: в добротной форме, кевларовом шлеме со щитком, никак не походя на бандитов псевдогенерала Макриди, даже на нарочито военизированного Гофера.

– Уотерхоул, – устало сказал Ростислав. – Маленькое поселение в пустыне. Нас захватила Республиканская армия. Спаслись четверо.

– Положите оружие на асфальт, – приказал человек в кевларовом шлеме. Ростислав положил «калашников», оглянулся на своих и кивнул. Атика и Мидори расстегнули ремни с кобурами, Джей-Ти возился чуть дольше.

Из «хаммера» появился еще один солдат, быстро все подобрал и унес в машину.

– А вот теперь позвольте приветствовать вас в Солт-Лейк-Сити, – тем же бесстрастным голосом сказал человек в камуфляже. – Я – капитан Долтри. Добро пожаловать, дамы и господа.

И, сказав это, капитан Долтри довольно неприятно рассмеялся.

Их не обижали. Посадили в затентованный кузов японского грузовичка и куда-то повезли. Даже не связали. Вместе с ними сидел охранник, упитанный белобрысый парень, к которому тут же привязался с расспросами Джей-Ти.

– Слышь, чувак! – сказал он добродушно. – Как тут у вас жизнь? У нас там разное рассказывали, но людям верить, сам знаешь, себя не уважать. Мамаша учила меня: «Если хочешь составить о чем-то мнение, не спрашивай у людей, а посмотри сам, пни ногой».

– Заткнись, ниггер, – лениво произнес охранник.

– Ты назвал меня ниггером, чувак?! – возмутился Джей-Ти. – Он назвал меня ниггером, вы слышали? Да какое имеешь право ты, белобрысая задница…

Негр не успел договорить, потому что охранник заехал ему прикладом винтовки в челюсть.

– Сиди тихо, ниггер, – сказал он в завершение. – С такими, как ты, у нас не церемонятся.

В этот момент Шибанов понял, что они зря пришли в Солт-Лейк-Сити. Но было уже слишком поздно. Когда же он наконец научится понимать, что ждет впереди? Сначала история с безумным людоедом-проповедником, теперь вот это…

В прорези тента мелькали дома, деревья, припаркованные автомобили. Город за стеной выглядел так, словно здесь ничего не произошло. Правда, почти все прохожие были в форме и с оружием, но и в том же Уотерхоуле редко кто расставался с пушкой, даже ложась спать. Пару раз Ростислав заметил бронетехнику,

а на некоторых домах торчали стволы зенитных установок, хотя над Территориями давно уже почти никто не летал.

– Куда нас везут? – не выдержав, спросил Шибанов.

– Куда надо, туда и везут, – буркнул белобрысый, почесывая нос-картошку. Потом присмотрелся и спросил:

– Слушай, ты мне кого-то напоминаешь. Ты не играл в американский футбол?

– Я играл в хоккей, – сказал Ростислав.

– Точно! – белобрысый обрадованно хлопнул себя по колену. – То-то я смотрю, знакомое лицо! А за кого шайбу гонял?

– За «Нью-Джерси», – Шибанов заставил себя приветливо улыбнуться.

– Точно! – заорал белобрысый. – Ты русский, да?! Шаманов!

– Шибанов, – поправил Ростислав, внутренне сетуя на то, что один из немногих его встреченных поклонников оказался идиотом и расистом.

– Точно! Шибанов! Черт, я помню, как на чемпионате мира вы надрали задницу этим гребаным канадцам! Слушай, я никогда не мог подумать, что увижу такого человека...

Теперь в голосе белобрысого звучало нескрываемое благоговение. Этим нужно было воспользоваться, и Ростислав тут же спросил:

– Тебя-то как зовут, приятель?

– Стив, – расплылся в улыбке белобрысый. – Стивен Шоу. Я-то сам в хоккей не того, но в бейсболе был неплохим бэттером. Однако хоккей люблю. Мы с батей обычно возьмем пивка и смотрим, а мамаша ворчит – делом бы занялись, дескать... Газон там, то-се... А батя ей: «Пошла ты в задницу, Мэри Сью! Мы с сыном хоккей смотрим!».

– Стив, а можно тебя спросить, куда нас везут?

– Да к Мастеру, – тут же ответил белобрысый. – Обычно всех, кто приходит, везут к Мастеру.

– И много народу приходит?

– Когда как. Раньше много было, но их пулеметами отгоняли. Чокнутые лезли, а там разберись поди, кто в самом деле чокнутый, а кто не до конца... Сейчас мало народу приходит, поэтому кого гонят, кого, как вас, пускают в город. А там уже смотрят – пригодятся или нет.

– А почему нас пустили, сэр? – спросила Мидори. Белобрысый замешкался, словно раздумывая, стоит ли здесь с кем-то разговаривать, кроме хоккеиста, но все же ответил:

– Ну, вы не чокнутые – раз. Не бандиты – два, хотя бандитов тоже иногда пускают. И вообще компания у вас занятная, такие велено забирать.

– А ваш Мастер, он не устает беседовать со всеми прибывшими? Дело-то к ночи.

– Мастер никогда не устает и никогда не спит, – сказал Стив Шоу. В голосе его прозвучали страх и почтение. – Он скажет, что с вами делать. Прости, но я больше не могу с тобой разговаривать. Мы подъезжаем.

Грузовичок остановился, и белобрысый коротко сказал:

– Выходим.

Он даже попытался помочь Атике вылезти из кузова, но девушка брезгливо отдернула руку. Шибанов огляделся: грузовичок стоял посередине огороженного каменной стеной двора. Кладка была старой, видимо, какое-то историческое здание; по ней прихотливо вился густой плющ. Возле стены стоял белый «роллс-ройс», под капотом которого возился человек в спецовке, насвистывая почему-то гимн Армии спасения[1].

– Ага, вот они, – сказал уже знакомый всем капитан Долтри, выходя из арки. – Еще раз добро пожаловать.

– Вы и есть Мастер?! – наивно удивилась Мидори, внимательно разглядывая капитана.

[1] Международная миссионерская и благотворительная организация, существующая с середины XIX века и поддерживаемая протестантами-евангелистами.

Долтри нахмурился, потом перевел взгляд на белобрысого:

– Ты им уже все разболтал?

– Я только… – пробормотал виновато Стив Шоу, но капитан его перебил:

– Ты пойдешь на гауптвахту, придурок. За свой длинный язык. Ты что, гребаный экскурсовод? Простите, мэм… – повернулся он к Атике.

Шоу скис.

– Шагом марш! Доложишь сержанту Клементи, он с тобой разберется.

– Есть, сэр… – промямлил Шоу и побрел прочь.

– Так что с нами-то? – напомнил о себе Шибанов.

– Сейчас я провожу вас к Мастеру. Идите за мной.

…В полутемной зале, куда привели четверку, стояло кресло наподобие трона. В кресле сидел седой человек с пронзительными глазами, которого Шибанов явно где-то видел. Ростислав никогда не интересовался американской политикой, но Мастер оказался ему знаком. В самом деле, как и говорили – то ли министр, то ли сенатор… На нем были безукоризненный черный костюм, белая рубашка, синий шелковый галстук. У стен застыло человек десять автоматчиков. Маленький столик стоял по правую руку от кресла Мастера. На нем лежала стопка старых газет, рядом стояла статуэтка Богоматери – с виду золотая, но вполне могла быть мексиканской или китайской копеечной поделкой.

– Приветствую вас в Солт-Лейк-Сити, – торжественно произнес Мастер, и его слова гулко отдались под высокими сводами. – Капитан, я думаю, черномазого можно сразу увести. И снимите с него побрякушки.

– Что?! Чего?! – закричал было Джей-Ти, но его уже поволокли прочь охранники.

– Это наш друг! – возмутился Шибанов. – Что с ним будет?!

– Ничего страшного, – мирно сказал Мастер и улыбнулся. Он напоминал дедушку, беседующего со внуками. – Негр должен работать на общее благо. Ему найдут

достойное занятие. Это угрожало и вам, мисс, – обратился он к Атике, – но пред вашей красотой я падаю ниц и не могу отдать такого распоряжения.

– Я не мисс, – сурово ответила Атика. – Я миссис. Миссис Атика Шибанофф. Вот мой муж.

– Шибанофф... Русский?! – удивился Мастер, встал с кресла и подошел ближе. Вгляделся в лицо Ростислава. – Русский... Что ты здесь делаешь? Из эмигрантов?

– Нет, я приехал сюда работать. Я играл в хоккей, – честно признался Шибанов. Он не видел смысла врать, к тому же информацию при желании ничего не стоило проверить.

– Хоккей... – задумчиво повторил Мастер, возвращаясь на свой трон. – Это хорошо. Хоккей – интересная игра. Правда, она давно превратилась в постановку. Скажи мне, ты дрался в игре честно? Я имею в виду моменты, когда вы охаживали друг друга по морде.

– Когда как. Иногда для вида, иногда – всерьез.

– Впрочем, это неважно, – сказал Мастер. – Мы не для того здесь собрались. Кстати, я хотел вам представить полковника Роулинсона. Полковник, выйдите к нам, прошу.

Из тени к креслу, где сидел Мастер, вышел человек, похожий на мумию. Его горло от воротника форменной куртки до самого подбородка было замотано пожелтевшими бинтами, серая кожа на лице высохла и отслаивалась чешуйками, а волосы напоминали мочало. Роулинсон напоминал ракового больного в четвертой стадии, стоящего одной ногой в могиле. От полковника одуряюще пахло лосьоном, но искусственный запах свежести не мог перебить естественного запаха гниения и разложения.

– Меня зовут Роулинсон, tovarishch. Полковник Чарльз Роулинсон, – сказал человек с забинтованной шеей скрипучим, натужным голосом. – Я очень рад видеть у нас в гостях русского. Я уже сталкивался с одним. Он меня обманул. Убил и бросил умирать.

– Мы не имеем к этому никакого отношения, – возразил Шибанов.

– Кто знает, кто знает... – полковник сел на складной стульчик рядом с креслом Мастера, напоминая средневекового шута. – Мастер, вы здесь говорили о хоккее и о схватках. У меня есть предложение немного развлечься.

– Слушаю вас с нетерпением, – благосклонно сказал Мастер.

– Разрешить русскому сразиться с одним из моих людей, сэр?

– Спросим у него. Слышали, мистер Шибанофф? Хотите встретиться с парнем полковника? – с надеждой поинтересовался Мастер. – Не скрою, от этого во многом зависит ваше будущее.

– Готов, – сказал Шибанов, потому что ему больше нечего было ответить. – Надеюсь, сражаться придется не в настольный хоккей? Терпеть его не могу.

– Браво, браво, – Мастер засмеялся и даже хлопнул еле слышно в ладони.

– Хорошо, tovarishch, – с удовлетворением произнес и Роулинсон. – Русские – храбрые, я в этом никогда не сомневался. И, отвечая на ваш вопрос: нет, это будет не настольный хоккей. Куда интереснее.

Он повернулся и крикнул:

– Позовите Сонни!

Атику и Мидори автоматчики отвели в сторону, освободив таким образом место, готовое стать рингом. Сонни, очевидно, требовалось некоторое время на подготовку, потому пауза затянулась.

– Скажите, Мастер, я могу задать вам пару вопросов, пока мы ничем не заняты? – довольно нахально спросил Шибанов. Мастер пожал плечами:

– Отчего же нет? Только, прошу вас, обращайтесь ко мне «сэр».

– Хорошо, сэр. Я безусловно знаю вас. Где я мог вас видеть?

– О, я ждал этого вопроса. Дело в том, мистер Шибанофф, что отвечать на него бессмысленно. Та прошлая жизнь бесповоротно закончилась. О причинах столь

плачевного конца можно рассуждать бесконечно, но я привык следовать исключительно фактам. Потому я – Мастер, и только Мастер. Человек, который щелкает здесь пальцами, а все присутствующие обязаны спросить, насколько высоко они должны подпрыгнуть.

Это была фраза из какой-то книги, боевика, прочитанного Шибановым года три тому назад.

– Тем не менее, – упрямо продолжал Ростислав, – вы ведь были сенатором, сэр?

– Был, – кивнул Мастер. – Но сената Соединенных Штатов в его привычном виде нет, есть жалкая пародия на него в Североамериканском Альянсе, который сам по себе – жалкая пародия на Соединенные Штаты, за которые я отдавал жизнь. Стало быть, можно считать, что я сложил полномочия.

– И строите здесь то общество, которое вам нравится? В котором люди обязаны спрашивать, насколько высоко им подпрыгнуть?

– Найдите место и постройте другое, – предложил Мастер. – Я, как видите, так и сделал. И вы пришли ко мне, а потому извольте подпрыгивать.

– Спрашивать, насколько высоко, я все равно не стану.

– Именно сейчас мы это и проверим.

– Сонни готов, сэр! – известил полковник Роулинсон, поправляя свои бинты.

В зал вбежал Сонни, одетый только в боксерские шорты. Соперник Шибанова был бос, худощав, мал ростом и быстр в движениях. В жилах его явно текла азиатская кровь. Казалось, что против бывшего хоккеиста, привыкшего к силовой борьбе, он не выстоит, но Ростислав прекрасно понимал, что находится в невыгодном положении. На хоккейной площадке он боролся против таких же парней, стоявших на коньках, облаченных в щитки и шлемы, плюс ко всему рядом находился судья, который был готов разнять их, если драка переходила все правила приличия.

Сейчас перед ним был убийца. Шоу закончилось. Оно давно должно было закончиться, но до сих пор продолжалось, если верить покойному Рику Манчини, он же Джерри Романо.

– Выстоишь против Сонни, tovarishch? – спросил полковник Роулинсон, поглаживая ладонями бинты на шее, словно боясь, что они расползутся, и мертвая плоть выскользнет из-под них.

– Посмотрим, – сказал Шибанов, прикидывая.

– Вы можете снять одежду, которая вам мешает, – сказал Мастер. – Как видите, пока мы стараемся соблюдать правила. Вот-вот это прекратится.

– И так сойдет, – буркнул Шибанов. В самом деле, тяжелые ботинки снимать не следовало – они, конечно, замедляют движение, зато берегут ногу и усиляют удар. Сонни был бос, но Ростислав отлично представлял себе, что за страшное оружие – босая нога каратиста.

– Тогда деритесь.

В малолетстве Шибанов ходил по улицам Кирова и не раз нарывался на гопоту. Гопота отличалась как раз быстродействием. Нет, избиению предшествовал разговор на тему «а ты откуда?», «а кого тут знаешь?», «а дай рублей десять», «а сиги есть?», но заканчивалось все банальной дракой. И, поскольку за гопников часто стояли серьезные пацаны, отсидевшие в колонии и умевшие драться, Ростислав усвоил простые уроки деда Сани.

– В драке, внук, выбирай главного, – говорил дед, сворачивая самокрутку. С некоторых пор он курил только самосад, утверждая, что от покупных сигарет «не стоит». – Вальнешь главного, остальные растеряются. Тогда бей самого мелкого, сильно бей, чтобы кровью умылся и заорал. Это вроде психологической атаки. А дальше действуй по обстоятельствам.

Но сейчас против Ростислава вышел один боец. На этот случай у деда была своя метода.

– Если выходишь один на один, забудь все правила, – учил дед Саня, выпуская желтые клубы махороч-

ного дыма. – Это не бокс с братьями-кубинцами, не Олимпийские игры. У мужика что важнее всего? Яйца, внучек. Бей по яйцам. Схватится за них – в глаза коли пальцами. В колено, в голень бей ногой, если не босиком, а то пальцы себе выбьешь. Короче, выживай.

Шибанов прекрасно понимал, что перед ним – не уличная шантрапа, насмотревшаяся фильмов с Ван Даммом и Джеки Чаном. Такого против него не выпустили бы. Но слова деда вертелись в мозгу плотным хороводом, и как только Сонни, легко подпрыгивая на пружинистых ногах, подобрался на подходящее расстояние, Шибанов врубил по яйцам.

Сонни легко ушел от удара, снисходительно улыбнувшись.

Ростислав выжидал. Противник явно выбрал защитную тактику, учитывая телосложение бывшего хоккеиста. Он прыгал туда-сюда, двигал кулаками, обмотанными эластичной лентой, и улыбался. Эта улыбка бесила Шибанова сильнее всего, но он старался не обращать на нее внимания.

– Эй, что за балет?! – крикнул Мастер. – Деритесь уже наконец!

В его голосе слышалось равное недовольство как Ростиславом, так и своим собственным бойцом. Сонни встрепенулся и пошел в атаку. Он явно был специалистом по восточным единоборствам, но против лома нет приема. Эту поговорку вспомнил Шибанов, схватив стоявший у стены канделябр и запустив его во врага.

Сонни увернулся, а полковник Роулинсон хрипло закричал, придерживая бинты:

– Не по правилам!!!

– Правил нет, полковник, – возразил Мастер, который теперь искренне наслаждался зрелищем. – Бой начался, а в бою правил нет, и это главное правило. Вы не должны забывать об этом.

– Да, сэр, – виновато отозвался полковник.

– К тому же Сонни – боец, дравшийся за деньги, а мистер Шибанофф – всего лишь хоккеист.

Роулинсон молчал, повесив голову.

Ростислав тем временем чудом увернулся от очередного удара. Чертов Сонни мельтешил перед глазами Шибанова в диком танце, перемещаясь почти незаметно, появляясь то там, то здесь. Это был противник высокого класса, особенно для Ростислава, весь опыт которого в подобных делах заключался в уличных драках. Похоже, Сонни наслаждался беспомощностью Шибанова и разрешал ему немного поиграть и подергаться перед неизбежным финалом.

Ростислав глубоко вдохнул и провел руками по бедрам. Ладонь проехалась по кожаному футляру на ремне, в котором покоилась фигурка скорпиона. Все тело словно пронзил электрический ток. Мышцы налились силой, в глазах что-то вспыхнуло, осветив самые дальние углы полутемного помещения, и Шибанов прыгнул вперед. И сразу получил удар по лицу, зубодробящий, безжалостный, едва не погасивший сознание.

Тем не менее Шибанов выдержал. Он лишь отшатнулся и снова бросился в атаку, потому что Сонни этого не ждал. Азиат явно надеялся, что русскому досталось на славу, и готовился добивать его.

Таранная атака Ростислава не удалась – в последний момент Сонни потерял равновесие, но не упал. Удар кулака Шибанова он отбил легко, точно так же парировал и второй. Но третий – тот, которому учил дед, – бесславно пропустил.

Сонни согнулся, и Шибанов, понимая, что другого случая ему уже не представится, с размаху нанес удар коленом в лицо. Сонни упал на спину, Шибанов, вспомнив увиденные по телевизору соревнования по кетчу, с размаху прыгнул ему коленями на грудь. Под коленями хрустнуло, Сонни замолотил руками по полу и замер. Изо рта широкой струей хлынула кровь.

Мидори победно завизжала.

– Отлично, – сказал Мастер, медленно хлопая в ладоши.

Шибанов застыл над распростертым безжизненным телом, сплюнул выбитый зуб, запрыгавший по каменным плитам пола.

– Ты победил, русский, – с удовлетворением произнес Мастер. – Я всегда знал, что вы хорошие бойцы, и потому вас следует опасаться. К великому сожалению, меня никто не слушал. Сейчас мы расплачиваемся за это.

– Я выиграл, – просипел Ростислав. – Что я получу?

– За это ты получишь возможность выбора, русский, – сказал Мастер, приглаживая ладонями свой седой ежик волос. – Ты, верно, думал, что получишь свободу? Нет, русский. Ты в Америке, а Америка – это страна великого обмана, как ни печально. Потому ты получишь только возможность выбора, и больше ничего.

Ростислав молчал. Все его избитое тело болело, и он боялся посмотреть на Атику и Мидори, стоявших справа. Подбежавшие люди в форме утащили тело Сонни, схватив его за ноги. Тут же появился сутулый негр с ведром и шваброй, принялся торопливо замывать кровь с камней.

Шибанов был уверен, что его противник мертв.

– Ты готов сделать выбор, русский?

– Это зависит от того, что за выбор вы имеете в виду, – сказал Шибанов, закашлялся и выплюнул кровяной сгусток.

– Выбор – он и есть выбор, – ответил за Мастера Роулинсон. – Его можно делать или не делать. Когда ты спрашиваешь, какой именно выбор ты готов сделать, это уже совершенно другой выбор. Выбор между выборами, если ты еще не понял.

Мастер глухо засмеялся.

– Вот за что я люблю этого человека, – сказал он. – За то, что умеет красиво, но запутанно говорить, и за то, что не любит мексиканское пиво, потому что оно отдает мочой. Я тоже так считаю.

– Вам так часто приходилось пить мочу, сэр, что вы легко распознаете ее вкус? – спросил Шибанов, не удержавшись.

Мастер нахмурился, а потом снова расхохотался.

– Я положительно люблю русских, – заявил он. – Шутит он, видите ли. Хорошо, что мы не начали с ними воевать раньше, чем это могли себе позволить. С такими замашками они нас победили бы в два счета. Черт, да я видел это во Вьетнаме, где вьетконговские ублюдки были во всем натасканы советскими инструкторами. Парни из «зеленых беретов» рассказывали мне, как поймали одного комми. Что они с ним только не делали, а он лишь кричал «fuck you», пока не сдох. Великая страна, великая нация. Жаль, что ее изгадили либералы. Мы могли бы сговориться. Теперь уже поздно, да…

– Так что за выбор? – напомнил Шибанов.

– Выбор простой, – сказал Мастер. – И сейчас ты узнаешь, в чем там соль.

«Нерушимые договоры, богатства, тайна,
Вечный прогресс, космос и современные открытия.
Вот она, жизнь...»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Это не сказка...

Сколково, Россия, март 2014 года

– Здравствуйте, Владимир Владимирович, – сказал Гумилев, когда на экране появился Путин.

– Здравствуйте, Андрей Львович. Какие у вас новости, успехи в отношении работ по «Армагеддону»?

– Более-менее обнадеживающие. Действующей вакцины пока нет, но мы, кажется, на верном пути.

– Это хорошо, – сказал Путин. – Это очень хорошо. А как вы посмотрите на то, чтобы возглавить специальную миссию ООН, которую планируется разместить в штате Айдахо?

Гумилев замялся. Информация для него была совершенно новой, за что он тут же решил взгреть своих соответствующих сотрудников, в том числе отвечающих за ооновские каналы.

– Вижу, вы не в курсе этих планов, – правильно понял ситуацию Путин. – Неудивительно, потому что пока никто не знает. Даже, собственно говоря, в самой ООН знают два-три человека, включая генерального секретаря. Сегодня утром я беседовал с президентом Североамериканского Альянса, они согласны. База будет размещена в Твин-Фоллз, основные заботы по ее обустройству и содержанию возьмет на себя Россия. Но это не главное, Андрей Львович. Главное то, что нам дают разрешение на работы внутри Закрытой Территории.

Гумилев едва удержался, чтобы не выкинуть какую-нибудь мальчишескую штуку. Он надеялся, что рано или поздно об этом договорятся, но новость пришла неожиданно. Андрей тут же решил, что по такому случаю не станет наказывать тех, кто прошляпил ооновские инсайды.

– В таком случае эффективность работ многократно вырастет, – сказал он, стараясь выглядеть по возможности спокойнее. Судя по внимательному и добродушному взгляду Путина, это ему удалось. – Единственная просьба: номинальным руководителем миссии должен быть другой человек.

– Основания? – коротко спросил Путин.

– Я не люблю быть на виду. И потом, руководитель миссии будет заниматься неизбежной хозяйственно-бытовой рутиной, утрясать неизбежные мелочные проблемы с американцами, устраивать бесконечные пресс-конференции…

– А вы, я так понимаю, хотите работать, что называется, «в поле»?

– Хочу, Владимир Владимирович.

Путин помолчал.

– Почему-то я не удивлен, – сказал он наконец с легкой улыбкой. – Кого предлагаете на должность руководителя? Раз уж сами отказались, помогайте с кадрами. Знаю я вас, все равно протащите нужную кандидатуру.

– Нет-нет, пусть руководит кто-то из заметных фигур с мировым именем. Академик, например. А у меня сотрудники узкопрофильные, не заместителя же по административно-хозяйственной части на такой пост предлагать.

– Хорошо, Андрей Львович. Найдем вам академика. Ну, и поскольку я вам сделал сейчас такой сюрприз, сами понимаете, что не так уж все будет просто.

Этого следовало ожидать, но Гумилев не боялся новых неожиданностей. Разумеется, договоренность о разрешении на работы внутри Закрытой Территории была достигнута не просто так.

– Я готов, Владимир Владимирович, – сказал Гумилев.

– В таком случае к вам сегодня в шестнадцать тридцать приедет от меня человек, который введет в курс дела. Фамилия – Решетников. Не удивлюсь, если вы и сами многое знаете по данному вопросу, но так будет лучше. Можете пригласить на встречу пару своих специалистов, но учтите, что тема щекотливая. Скажем так – американцы не в курсе этих нюансов. И еще – скоро вам придет один файл, просмотрите его. Вам пригодится.

...«Джон Сидни Маккейн III родился 29 августа 1936 года на американской военно-морской базе Коко-Соло в зоне Панамского канала. Окончив в 1954 году епископальную среднюю школу в Александрии (штат Вирджиния), пошел по стопам отца и деда: оба они были адмиралами ВМС США. В 1958 году окончил Военно-морскую академию США в Аннаполисе (штат Мэриленд). Успехи в учебе были у него довольно скромными: в рейтинге успеваемости курса он занимал одну из последних строчек.

В 1958 году Маккейн поступил на службу в военно-морскую авиацию. Принял участие во Вьетнамской войне. В 1967 году силы ПВО Северного Вьетнама сбили самолет Маккейна над Ханоем. Молодой офицер оказался в лагере для военнопленных. Там он провел пять с половиной лет, подвергаясь унижениям и пыткам. Его жизнь спасло лишь то, что отец Маккейна, адмирал Джон Маккейн-младший, командовал американскими силами на Тихом океане, и вьетнамцам стало об этом известно. Военнопленному было предложено досрочное освобождение, но он отказался. Под пыткой Маккейн подписал признание, которое вьетнамское командование использовало в пропагандистских целях: «Я грязный преступник, совершивший акт воздушного пиратства». Одним из последствий пребывания Маккейна в плену стала его преждевременная седина – впоследствии из-за нее он, бурно включив-

шись в политическую жизнь США, получил прозвище Белый Торнадо.

По возвращении в США Маккейн занял должность офицера по связям ВМС с Сенатом. В 1974 окончил Национальный военный колледж в Вашингтоне. Вышел в отставку в 1981 году. Имеет несколько военных наград: орден «Бронзовая звезда», крест «За летные боевые заслуги», орден «За боевые заслуги», орден «Пурпурное сердце», орден «Серебряная звезда».

После непродолжительной работы в компании своего тестя – «пивного барона» Джеймса Хенсли –Маккейн начал политическую карьеру. В 1982 году как член Республиканской партии был избран от штата Аризона в Палату представителей, а затем, в 1986 году, – в Сенат. В 1996 году Маккейн участвовал в президентской кампании своего друга – республиканского кандидата Боба Доула, а двумя годами позже решил попробовать свои собственные силы в президентской гонке. В 2000 году он принял участие в республиканских праймериз, но проиграл губернатору Техаса Джорджу Бушу-младшему».

– Если не ошибаюсь, Буш потом говорил, что Маккейн – именно тот человек, который им необходим как президент, который может принимать твердые решения и не будет пасовать перед лицом опасности, – сказал Санич.

– Два сапога пара, – кивнул Гумилев и продолжил чтение присланного файла.

«Сенатор от Аризоны известен как один из ведущих «ястребов» – еще со времен конфликта в Косово, когда он упрекал администрацию Билла Клинтона за недостаточно решительные действия против сербского правительства. Маккейн не только выступал против вывода американских сил из Ирака, но и призывал к увеличению контингента в этой стране.

С приближением президентских выборов 2008 года Маккейн оказался потенциальным республиканским фаворитом. В июне 2006 года по рейтингу популярно-

сти он оставил позади вероятного демократического кандидата – сенатора Хиллари Клинтон. Голосовал за запрет абортов, против контроля над стрелковым оружием, за использование смертной казни, поддерживал программу противоракетной обороны.

Завоевал репутацию одного из главных «русофобов» США. Маккейн утверждал, что Россию – страну, в которой «крайне слабы проблески демократии» и которая сотрудничает с Ираном, – не следует допускать в клуб ведущих развитых стран, «Большую восьмерку». Известен как защитник антироссийски настроенных режимов на пространстве бывшего СССР. В 2005 году выдвинул Виктора Ющенко и Михаила Саакашвили на получение Нобелевской премии мира. Заверял руководство Грузии, что США непременно защитят эту кавказскую страну от имперских амбиций Москвы.

Потерпел поражение на всеобщих выборах 4 ноября 2008 года, набрав 47 процентов голосов против 51 процента у Барака Обамы.

После эпидемии вируса «Армагеддон» Маккейн находился в Солт-Лейк-Сити (штат Юта), неоднократно обращался к президенту и правительству США с требованием принятия еще более жестких мер. Заявлял, что эпидемия является частью биологической войны против США, развязанной Россией и Китаем. После апреля 2013 года о Маккейне ничего не известно; по слухам, он по-прежнему находится в Солт-Лейк-Сити, являясь главой самопровозглашенной Республики Солт-Лейк».

– Довольно подробная сводка, – вежливо сказал Санич, внимательно глядя на физиономию Маккейна, появившуюся на экране монитора. – Но какое отношение она имеет к нашей деятельности, Андрей Львович?

– Это нам объяснит человек, которого мы ждем. Кстати, где это он?

Гумилев посмотрел на часы – шестнадцать двадцать пять. За окном шел проливной дождь, крупные капли стучали по стеклу.

– Пробки, – сказал Санич, в кабинете которого они сидели. – Даже с мигалками все равно опоздает, там черт знает что творится. Нанороботов делаем, а Москву от пробок разгрузить не можем.

– Не ворчи, Олег, – попросил Гумилев. – Москву от пробок пускай мэр разгружает, а я уж лучше по привычке буду нанороботами и искусственными интеллектами заниматься. С ними проще.

Пискнул сигнал.

– Андрей Львович, к вам товарищ Решетников. Назначено на шестнадцать тридцать, – сказала секретарша Санича, на армейский манер именующая всех «товарищами».

– Пусть заходит, Наташа.

В кабинет вошел высокий мужчина лет сорока пяти в промокшем плаще бежевого цвета и такой же мокрой шляпе.

– Здравствуйте, – сказал он. – Ах, извините. Какой же я рассеянный. Нужно было оставить в приемной на вешалке.

Вернувшись, он еще раз извинился и представился:

– Решетников, Константин Кириллович.

– Я – Андрей Львович, – сказал Гумилев, – а это мой руководитель службы безопасности. Полагаю, можно ввести в курс дела еще и его.

Подавая руку, Гумилев сочувственно заметил: «Промокли-то как».

– Пока от метро добежал... Льет как из ведра, – ответил Решетников.

Гумилев и Санич переглянулись. Мужик, судя по всему, был толковый, добрался на монорельсе, минуя пробки. Хотя человек явно не последний – судя по возрасту и внешности, скорее всего, генерал. Фамилию Гумилев раньше не слыхал, хотя и не взялся бы утверждать, что знает всех генералов спецслужб. Потом можно было проверить, однако вовсе не факт, что Решетников вообще назвался настоящей фамилией.

Высокий, полный, с улыбчивым круглым лицом, Олег Санич производил впечатление добродушного увальня. В действительности это был жесткий и цепкий профессионал, прошедший две локальные войны капитаном, а затем майором Главного разведывательного управления Генштаба. После тяжелого ранения, полученного в бою с боевиками «Аль-Каиды», Санич был вынужден выйти в отставку. Травма позвоночника не позволяла ему поддерживать физическую форму постоянными тренировками, отчего майор очень переживал. Гумилев, искавший специалиста, который мог бы возглавить службу безопасности его растущей империи, сделал Саничу предложение, от которого тот не смог отказаться – стать «экспериментальной моделью» для лаборатории, занимавшейся разработкой искусственных имплантантов. В течение двух лет Олегу заменили поврежденные позвонки на металлокерамические детали, вшили в мышцы специальные электростимуляторы, увеличивающие силу и быстроту реакции, усовершенствовали вестибулярный аппарат, слух и зрение. Теперь коллеги, уважительно посмеиваясь, называли Санича Робокоп, но он, кажется, не имел ничего против.

Санич и Решетников пожали друг другу руки.

– Если не секрет, почему мы встречаемся не в вашем кабинете, а в кабинете товарища Санича? – напрямую уточнил Решетников, приглаживая ладонью седоватый ежик волос.

– Здесь удобнее во всех отношениях, – сказал Гумилев. Решетников пожал плечами – мол, хозяин – барин, сел на гостевой кожаный диванчик и сказал:

– Итак, вы уже проинформированы о том, что в штате Айдахо, а конкретно – в городке Твин Фоллз, планируется разместить базу специальной миссии ООН. Руководитель миссии пока не утвержден, – тут Решетников выразительно посмотрел на Гумилева, – но этот вопрос будет решен в ближайшие сутки. Не буду ничего сейчас говорить о том, что касается научно-

исследовательских работ на Закрытой Территории. Не стану утомлять вас и анализом обстановки на Территории – вы, верно, и сами прекрасно знаете, что там происходит. К тому же аналитическую записку и целый ряд дополнительных материалов мы уже переслали на ваш адрес, Андрей Львович. Вы уж потом ознакомьтесь.

– Непременно, – кивнул Гумилев.

– Наша встреча касается тех функций миссии, о которых американская сторона не имеет ни малейшего представления. Само собой, подавляющее большинство членов миссии тоже не в курсе, включая будущего руководителя. Обо всем будете знать лишь вы двое плюс – уже непосредственно перед выполнением задания – те люди, которых вы сочтете нужным привлечь в любой форме.

Сочетание «выполнение задания» в устах представителя спецслужб звучало несколько угрожающе. «Привлечь в любой форме» почему-то сразу ассоциировалось у Гумилева с приставленным к чьему-то лбу пистолетом.

– Как вам известно, – продолжал Решетников, усаживаясь поудобнее, – штат Айдахо граничит со штатом Невада, который нынче входит в Закрытую Территорию. Это один из самых спокойных штатов, контроль границы давно уже не выявлял попыток проникновения. Население самоорганизовалось, решает свои проблемы самостоятельно. Частично вымерло.

Что ж, он называет все своими именами, подумал Гумилев. Краем глаза он заметил, как Санич наморщил лоб.

– Простите, я все-таки коснулся анализа обстановки… Так получилось, что именно в штате Невада располагается объект, который нас интересует. В обычное время посетить его не представлялось никакой возможности, а сейчас все складывается совсем иначе. Речь идет о так называемой Зоне Пятьдесят один.

Гумилев удивленно поднял брови:

– Так это не сказка?

– Зона Пятьдесят один располагается на территории военной базы Неллис, – бесстрастно, как на лекции, начал Решетников. – Площадь – сто пятьдесят пять квадратных километров. Находится рядом с высохшим озером Грум-Лэйк, между мертвыми городами Аламо и Рэйчел. До мая тысяча девятьсот пятьдесят пятого года входила в состав испытательного полигона Военно-морских сил США, на котором проводились подземные ядерные испытания. Материалы аэрокосмической съемки я вам передам отдельно, как старые, так и сделанные после две тысячи двенадцатого года. В пятьдесят пятом году авиаконцерн «Локхид» выбрал это место для испытаний легендарного самолета-шпиона U-2. Место как нельзя лучше подходило для подобных работ: безжизненный «лунный» ландшафт на высоте полутора километров от уровня моря, абсолютно гладкое пятикилометровое русло высохшего озера, отрезанного от внешнего мира высокими горными хребтами. Полеты гражданских самолетов запрещены в связи с проводимыми в этом районе ядерными испытаниями, полное отсутствие местного населения – сами понимаете, идеальное место для сохранения секретов. В начале семьдесят седьмого года здесь же, за десять лет до официального обнародования, впервые подняли в воздух штурмовик-невидимку F-117A, разработанный по технологии «Стелс». Некоторые из разработчиков утверждали, что идеи этой технологии, как и некоторые другие, использованные в самолетах B-2 и F-117A, были, так сказать, заимствованы у разбившихся НЛО.

Решетников сделал паузу, понимая, что по ходу его повествования у слушателей могут возникнуть вопросы.

– Прошу прощения, – сказал Санич, – но ведь американские власти постоянно опровергали эту информацию. Клинтон, если не ошибаюсь, даже устраивал что-то вроде расследования, а перед эпидемией на базу даже возили экскурсии.

– А вы бы хотели, чтобы американцы во всем признались? Что же до Клинтона, то этому саксофонисту-неудачнику даже свои ничего не стали сообщать. Экскурсии – да, возили, но вовсе не на базу. Экскурсантам показывали старый ядерный полигон с воронками, который к непосредственно Зоне Пятьдесят один никакого отношения не имеет.

Подождав пару секунд и поняв, что больше вопросов пока нет, Решетников продолжил:

– Информацию пришлось собирать буквально по крупицам, причем нам изрядно навредили всевозможные уфологи со своими выдумками. Если же объединить имеющиеся сведения, картина выглядит примерно так: основные генетические исследования и сравнительный анализ биологической структуры землян и инопланетян проводились именно на подземной базе в Зоне Пятьдесят один. Около десяти лет назад появилась информация о расположении такого центра в городе Дьюлс, штат Нью-Мексико, но мы полагаем, что утечка была организована преднамеренно, чтобы отвлечь внимание от Зоны Пятьдесят один. Верхние три уровня комплекса занимают служба безопасности, коммуникации, жилые помещения, управление, бюро и лаборатории. Четвертый и пятый уровни отведены для экспериментов по контролю над разумом и изменению генетического строения людей так, чтобы они могли работать в опасных условиях. Здесь же проводились опыты по вживлению в мозг людей особого рода имплантантов, так называемых транспондеров – микропередатчиков, позволяющих на любом расстоянии контролировать поведение человека.

– Радиогипнотический интерцеребральный контроль, – кивнул Гумилев. – Об этом я слышал.

– На этом же уровне отрабатывались методы клонирования. На шестом уровне находится так называемый «зверинец» для подопытных. Самый нижний, седьмой уровень – холодильная камера. Все эксперименты проводились в рамках особо секретных программ Агент-

ства перспективных оборонных исследовательских проектов США. Всего на базе было занято около трех тысяч ученых и двух тысяч человек обслуживающего персонала. Что с ними сейчас – неизвестно, хотя определенная активность на территории базы присутствует.

– И что требуется от нас? Вообще-то я, конечно, специалист по искусственному интеллекту и даже по контролю над разумом, если угодно, но не вижу связи… Наша задача – победить вирус, и я не понимаю, при чем тут… Вирус – инопланетный?!

– Такое тоже не исключено. Однако дело не только в вирусе.

– Нам что-то нужно забрать из базы? – в некотором недоумении поинтересовался Гумилев.

– Нет, – возразил Решетников. – Дело в том, что до Зоны Пятьдесят один могут добраться другие люди, из Солт-Лейк-Сити. Люди Джона Маккейна, досье которого вы сегодня получили. Есть такая информация, и это очень опасно.

– И мы…

– И вы должны будете уничтожить Зону Пятьдесят один.

«Не для того произведен ты на свет матерью и отцом, чтобы стать прахом, но для того, чтобы стать Личностью. Не для того ты рожден, чтобы стать человеком нерешительным, но чтобы принимать решения»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Итог один – смерть

Юта, Соединенные Штаты, март 2014 года

– Может быть, вы хотите немного передохнуть? – уточнил Мастер, нахмурившись и стряхивая с плеча своего безукоризненного костюма невидимую соринку. – Мы никуда не торопимся.

– Хотите предложить мне отужинать вместе? – снова съехидничал Шибанов.

– Отужинать, пожалуй, вполне хорошая идея, – согласился Мастер и прикрикнул на негра, все еще старательно возившего шваброй по каменному полу:

– Убирайся вон, Абрахам!

Негр тут же собрал свое нехитрое хозяйство и, кланяясь, исчез в неприметной нише, закрытой черной занавесью.

– Полковник, распорядитесь. Мы поужинаем вдвоем с нашим гостем, – попросил Мастер. – Прямо здесь, пусть принесут стол и два кресла.

Роулинсон замешкался – вероятно, в его обязанности не входило заниматься подобными вещами – но встал со своего стульчика и, обдав Шибанова очередной волной смеси лосьона и тухлятины, скрылся за той же занавесью, что и негр-уборщик.

– А девушки?

– О девушках позаботятся, – успокоил Мастер. – Не переживайте, мистер Шибанофф, с ними все будет в

порядке. Уж что-что, а лгать я даже в Сенате не научился, поэтому совершенно искренен с вами. Эй, сержант! Отведите этих леди в столовую и окажите им настоящее южное гостеприимство, вы же из Джорджии, если не ошибаюсь?

– Так точно, сэр! – обрадованно отозвался сержант, польщенный тем, что Мастер помнит о его происхождении.

– Вино можете взять из моих личных запасов, – добавил Мастер.

Шибанов успел поймать взгляд Атики, когда ее вели мимо, и ободряюще подмигнул. Жена грустно улыбнулась в ответ.

– Давно поженились? – тоном старого друга, не видевшего тебя с колледжа, спросил Мастер. Глаза его почему-то были такими же грустными, как улыбка Атики.

– Меньше года.

– Красивая девушка. А вторая? Она слишком взрослая, чтобы быть вашей дочерью, даже от первого брака.

– Так получилось, что мы путешествуем вместе. Мы… Мы оказались в одной лодке, когда все началось. Ну, вы понимаете.

– Понимаю, – серьезно сказал Мастер. Шибанов заметил, что на отсутствие обращения «сэр» всесильный правитель Солт-Лейк-Сити больше не реагировал. Может быть, не так все плохо? С человеком, которого планируют прикончить, редко садятся поужинать. Мир возвращается в средневековье, и поединок с покойным Сонни – тому доказательство. Поединок Шибанов выиграл, теперь понять бы, что имеется в виду под выбором, который его ожидает.

– Вы до сих пор не хотите мне ничего объяснить? – спросил на всякий случай Шибанов, когда два солдата приволокли стол красного дерева на гнутых ножках, пару мягких кресел и начали расстилать белоснежную скатерть. – Я имею в виду, что за выбор меня ждет по окончании трапезы?

– Тогда этот выбор потеряет свой смысл, – возразил Мастер. – Любой выбор особенно ценен лишь тогда, когда он быстр. Если человеку разрешить думать долго, он чаще всего выбирает неправильно. Уж поверьте, в своей долгой жизни я видел тому массу примеров. Самый примитивный: вы ведете шайбу, у вас есть выбор – отдать пас товарищу по команде или ударить по воротам. На решение – мгновения, иначе у вас попросту отберет шайбу защита противника. Верно? Садитесь, мистер Шибанофф, вот ваше кресло.

– Верно, – согласился Шибанов, садясь.

Роулинсон не появлялся, видимо, обидевшись, что не приглашен к трапезе. Оно и к лучшему, потому что Шибанову не хотелось ужинать в присутствии этого ужасного типа, похожего на живой труп. Автоматчики так и стояли у стены, а на столе быстро появлялись блюда, приносимые двумя пожилыми негритянками в таких же белоснежных чепчиках и передничках, как и скатерть. Прямо постановка «Хижины дяди Тома», которую Ростислав как-то видел в Кировском ТЮЗе.

Он надеялся, что с Атикой и Мидори все хорошо. Нужно отвлечься от дурных мыслей и поесть. Это было еще одним правилом деда: «Солдат никогда не отказывается, если можно пожрать, поспать и помыться в бане». Шибанов подозревал, что в списке деда имеется еще один пункт, который он попросту не стал озвучивать малолетнему внуку. В любом случае жареные цыплята на блюде пахли просто восхитительно.

– Берите, берите цыпленка, – одобрительно закивал Мастер. – Я люблю, когда они зажарены вот так, с корочкой. Недавно вычитал где-то, что на Юге их называли «рваные парнишки». Правда, учитывая, что вы только что потеряли зуб, есть их будет несколько… э-э… неудобно…

– Я справлюсь, – успокоил хозяина Шибанов, отламывая ножку. Он положил себе печеного картофеля, салата из шинкованной капусты, маринованную сви-

ную ножку и вареный початок кукурузы. Ужин был тяжеловат для непривычного человека, но притом прост и вкусен. Да что там, Ростислав так не ел с незапамятных времен.

– Раньше в России был любопытный способ определить, хорош ли работник, которого нанимают работать в поле и по хозяйству, – неожиданно начал рассказывать Шибанов, хрустя салатом. – Его сажали за стол и смотрели, сколько съест. Много съел – хороший работник, надо брать.

– Занятно, – вежливо посмеялся Мастер, наливая белое вино в бокалы. – Вероятно, для России это применимо, но только не у нас. Черные привыкли трескать за обе щеки, а потом заваливаться кверху пузом на солнце и ничего не делать. Беда в том, что у нас теплая страна.

Шибанов не стал возражать. Вино оказалось ледяным, слегка ударило в голову. Ныла воронка от выбитого зуба, и в самом деле немного мешавшая есть, но в сравнении с наслаждением от ужина это была сущая ерунда.

– Вашим дамам подали примерно то же, – сообщил Мастер с заботой. – Еще у них будет сладкое. Я его не ем, но могу распорядиться, чтобы вам принесли.

– Нет, спасибо, – помотал головой Ростислав. – Того, что на столе, вполне достаточно.

Далее они ужинали молча. Тишина стояла и в зале, лишь иногда поскрипывали или позвякивали амуницией торчавшие у стены автоматчики. Вначале Шибанов ощущал спиной их взгляды, как любопытные, так и неприязненные, но быстро привык и перестал обращать внимание.

– Долтри доложил, что вы прибыли из очередного поселения, разгромленного армией Макриди, – сказал Мастер, когда ужин подошел к концу и давешние негритянки принялись сноровисто убирать со стола посуду. Интересно, когда капитан успел это сделать? Он вроде бы не разговаривал с Мастером...

– Да, маленький городок. Даже не городок, а лагерь на водяной скважине.

– Я пытался связываться с ним, с этим Макриди. Очень любопытный человек. Но слишком самостоятельный. Понял, что я готов сотрудничать с ним только как с подчиненным, и прекратил переговоры. Его можно понять: Закрытая Территория велика. Прежде чем мы неизбежно пересечемся, пройдет много времени…

– А кто он, этот Макриди? Я слышал всякое: генерал, глава мафиозной группировки, начальник полиции Юмы…

– Макриди-то? По моим данным, источнику которых я не склонен не доверять, Макриди владел несколькими гаражами. Покупал и продавал подержанные автомобили.

– Вот как, – Шибанов покачал головой. – Что ж, это многое объясняет.

– Что именно? – заинтересовался Мастер.

– Долго рассказывать.

Мастер явно остался недоволен ответом, но настаивать не стал. Стол унесли, оставив кресла, хотя Мастер вернулся на свой трон.

Появился и Роулинсон, демонстративно проигнорировав свободное кресло рядом с Шибановым, за что Ростислав ему был благодарен. С собой Роулинсон принес плоскую бутылку с чем-то темным. Мастер покосился на него, но не возразил. Видимо, выпивать «на рабочем месте» полковнику дозволялось из медицинских соображений.

– Сержант, приведите леди! – крикнул Мастер. – Надеюсь, они уже поужинали.

– Есть, сэр! – отозвался сержант из Джорджии.

Ростислав терялся в догадках, что же случится дальше. Мирная беседа расхолодила его, съеденный ужин мягкой тяжестью лежал в желудке. А если еще одна драка или что-нибудь пострашнее? Шибанов машинально погладил футлярчик на ремне, и это движение не утаилось от Мастера.

– Что там у вас? – спросил он быстро. – Оружие?

– Нет, – сказал Шибанов и достал скорпиона. Наверное, не время и не место, но он хотел именно сейчас прикоснуться к прохладному металлу. Да и фигурка была всего лишь талисманом, безобидной штучкой…

– Семейная ценность? – уточнил Мастер, даже не попросив подержать скорпиона.

– Вроде того.

– Я что-то подобное видел в Мексике, – проскрипел Роулинсон со своего стульчика. Впрочем, он тоже не особенно заинтересовался талисманом русского.

Привели Атику и Мидори. Девушки выглядели немного спокойнее, чем прежде. Ростислав издали показал жене скорпиона – мол, не бойся, он со мной.

– Итак, все снова в сборе. Дайте мне ваш пистолет, полковник, – сказал Мастер.

Роулинсон всем телом повернулся к нему.

– Что?

– Дайте мне ваш пистолет, полковник, – не меняя интонации, сказал Мастер.

Роулинсон вытащил из кобуры тяжелый «дезерт игл» и подал Мастеру рукоятью вперед.

Шибанов сидел, не понимая, что эти двое перед ним разыгрывают.

– Держите, мистер Шибанофф.

Мастер протягивал Ростиславу пистолет. Ростислав отрицательно покачал головой.

– Ваши люди начнут стрелять, как только я его возьму.

– Нет, мистер Шибанофф. Мои люди начнут стрелять, если вы вздумаете убить меня. Но я хочу предложить вам совершенно иной вариант. Вот стоят две человеческих самки. Выберите одну из них.

– То есть?!

– Одна останется жить. Ей будет предоставлено все, что только может предоставить Солт-Лейк-Сити. Другую вы должны убить. Сделайте свой выбор. Считайте это входной платой. Вы сильный человек, я вижу. Вопрос теперь в том, насколько вы сильны.

Шибанов оглянулся. Атика заплакала. Мидори держалась, она даже нашла в себе силы подмигнуть Ростиславу, бедная девочка…

– Вы чудовище, Мастер, – сказал Ростислав. – Вы знаете об этом?

– Знаю ли я?! – горько рассмеявшись, спросил седой человек в кресле и положил пистолет на столик. – Знаю ли я?! Я каждое утро вижу себя в зеркале, когда бреюсь. Мне этого достаточно, русский. Итак, вы готовы сделать выбор?

– А если я откажусь?

– Если вы откажетесь, мы убьем обеих, – просто сказал Мастер. – Это нам ничего не будет стоить, кроме пары истраченных патронов. Конечно, я буду сожалеть, но вина-то в первую очередь будет лежать на вас.

Полковник Роулинсон сделал большой глоток из бутылки и хрипло засмеялся. Наверное, так смеялась бы ожившая мумия: плоско, картонно, выталкивая из горла давно забытые звуки.

– Если вы собираетесь выстрелить в меня или в Роулинсона, или в любого из охранников, вас убьют до того, как успеете это сделать. Если же вы окажетесь слишком шустрым, то кого-то застрелите, но после этого в любом случае убьют ваших женщин. Обратите внимание, русский: я гуманен. Я мог бы отдать их своим солдатам или рабам, которые нашли бы им применение на пару часов. Но итог один – смерть. А я считаю, что она должна наступать благородно и быстро.

Ростислав молчал.

– Ну?

Мастер снова протянул «дезерт игл», вопросительно глядя на своего гостя.

– Хорошо, – сказал Ростислав Шибанов и взял пистолет. – Я сделал свой выбор.

Книга вторая

ЗОНА 51

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Побег верхом на «призраке»

– Дайте мне ваш пистолет, полковник, – сказал Мастер.

Роулинсон вытащил из кобуры тяжелый израильский «дезерт игл» и подал Мастеру рукоятью вперед.

Шибанов сидел, не понимая, что эти двое перед ним разыгрывают.

– Держите, мистер Шибанофф.

Мастер протягивал Ростиславу пистолет. Ростислав отрицательно покачал головой.

– Ваши люди начнут стрелять, как только я его возьму.

– Нет, мистер Шибанофф. Мои люди начнут стрелять, если вы вздумаете убить меня. Но я хочу предложить вам совершенно иной вариант. Вот стоят две человеческих самки. Выберите одну из них.

– То есть?!

– Одна останется жить. Ей будет предоставлено все, что только может предоставить Солт-Лейк-Сити. Другую вы должны убить. Сделайте свой выбор. Считайте это входной платой. Вы сильный человек, я вижу. Вопрос теперь в том, насколько вы сильны.

Шибанов оглянулся. Атика заплакала. Мидори держалась, она даже нашла в себе силы подмигнуть Ростиславу, бедная девочка…

– Вы чудовище, Мастер, – сказал Ростислав. – Вы знаете об этом?

– Знаю ли я?! – горько рассмеявшись, спросил седой человек в кресле и положил пистолет на столик. – Знаю ли я?! Я каждое утро вижу себя в зеркале, когда бреюсь. Мне этого достаточно, русский. Итак, вы готовы сделать выбор?

– А если я откажусь?

– Если вы откажетесь, мы убьем обеих, – просто сказал Мастер. – Это нам ничего не будет стоить, кроме пары истраченных патронов. Конечно, я стану сожалеть, но вина-то в первую очередь ляжет на вас.

Полковник Роулинсон сделал большой глоток из бутылки и хрипло засмеялся. Наверное, так смеялась бы ожившая мумия: плоско, картонно, выталкивая из горла давно забытые звуки.

– Если вы собираетесь выстрелить в меня, или в Роулинсона, или в любого из охранников, вас убьют до того, как успеете это сделать. Если же вы окажетесь слишком шустрым и кого-то застрелите, то после этого в любом случае убьют ваших женщин. Обратите внимание, русский: я гуманен. Я мог бы отдать их своим солдатам или рабам, которые нашли бы им применение на пару часов. Но итог один – смерть. А я считаю, что она должна наступать благородно и быстро.

Ростислав молчал.

– Ну?

Мастер снова протянул «дезерт игл», вопросительно глядя на своего гостя.

– Хорошо, – сказал Ростислав Шибанов и взял оружие. – Я сделал свой выбор.

Глубоко вдохнув, он щелкнул флажковым предохранителем и поднял тяжелый полуторакилограммовый пистолет.

У Шибанова был только один выстрел. Всего один прицельный выстрел, сильная отдача «игла» не позволила бы ему тщательно прицелиться еще раз. Он имел дело с такими пистолетами и прекрасно понимал свои возможности.

На счастье, Ростислав попал. Тяжелая пуля «магнум» ударила в ржавый блок, на котором была укреплена система из пяти огромных люстр, висящих под потолком. Блок являл собой часть механизма, который помогал поднимать и опускать люстры, чтобы чистить их, менять лампочки и проводить прочую профилак-

тику. Его Ростислав заметил еще за едой, украдкой разглядывая помещение.

Блок разлетелся в стороны, и пять люстр с ужасающим скрежетом обрушились вниз. Одна из них пришлась аккурат в то место, где недавно стоял стол, за которым чинно ужинали Шибанов и Мастер, заставив последнего испуганно отшатнуться и закрыть лицо руками. Две люстры грохнулись об пол, разбросав вокруг осколки лампового стекла и хрусталя, еще две – крайние – упали в боевые порядки охранников. Впрочем, Ростиславу некогда было разглядывать последствия причиненных им разрушений. Он в два прыжка обогнул стол, успев крикнуть своим девицам: «За занавеску!» – после чего схватил Роулинсона за обмотанную бинтами шею и поволок за собой, уперев ствол пистолета в висок полковника. Конечно, хватать нужно было самого Мастера, но тот уже забрался под свой трон и явно не выбрался бы оттуда быстро и без сопротивления.

Мидори и Атика, натренированные за время своих странствий по руинам Америки быстро реагировать и ориентироваться в пространстве, бросились к малозаметной деревянной двери. Это был чистой воды экспромт, причем экспромт опасный – Шибанов не ручался, что за занавеской не окажется обычный чулан, куда и скрылся давеча негр-уборщик. Однако выбирать не приходилось. Девушки исчезли за черной завесой, и только теперь опешившие охранники принялись стрелять, делая это довольно сумбурно. Как ни крути, свою армию Мастер набирал с бору по сосенке. Скорее всего, большинство ее составляли гражданские люди, в лучшем случае – бойцы Национальной Гвардии, служившие в регулярных войсках в незапамятные времена.

Ростислав, таща за собой упирающегося и смердящего полковника, успел заметить, как от «дружественного огня» упали двое охранников с правой стороны, а Мастер шустро вылез на четвереньках из-под трона, отчаянно крича:

– Прекратить! Не стрелять!

За занавеской оказался широкий коридор, и Шибанов поспешил по нему, не отпуская Роулинсона и изредка придавая ему ускорение пинками под зад. Коридор закончился еще одной дверью, за которой открылся двор, ярко освещенный укрепленными на столбах фонарями. Судя по густому плющу на каменных стенах и белому «роллс-ройсу», это был тот самый двор, куда их привезли перед визитом к Мастеру.

– В машину! – быстро велел Ростислав, рассудив, что Мастер вряд ли боится угона, а потому дверцы должны быть открыты и ключ оставлен в замке зажигания. Его ожидания оправдались. Роулинсона запихали на заднее сиденье, словно тряпичную куклу, Шибанов вручил Атике пистолет, а сам сел за руль. Двигатель завелся мгновенно, «роллс-ройс» прыгнул вперед и через пару секунд выбил деревянные ворота. С радиатора отлетел фирменный шильдик, в мягком верхе салона застряла пробившая его острая щепка, но в остальном машина, кажется, не пострадала. Автомобиль, освещая дорогу мощными светодиодными фарами, помчался по улице, которая постепенно уходила вниз.

Ночной Солт-Лейк-Сити был безлюден, – наверное, здесь действовал комендантский час. Четкого плана действий у Шибанова не имелось, но он рассчитывал как минимум укрыться где-нибудь в руинах, а потом уже пешком попытаться выбраться с охраняемой территории. Что делать с Джей-Ти, Ростислав не знал – оставалось надеяться, что бывшему рэперу не придется слишком худо, потому что спасти его пока не представлялось возможным.

Винить и проклинать себя за то, что они вообще влезли в Солт-Лейк-Сити, тоже было не время, да и ни к чему. Что сделано – то сделано, надо исправлять ситуацию.

Поскольку их никто не преследовал, Ростислав сбавил скорость. Самым глупым сейчас было бы вмазаться в стену какого-нибудь здания, и тогда весь побег насмарку…

Насколько Шибанов помнил, такой «фантом дропхед» разгонялся по трассе до двухсот пятидесяти километров в час, но здесь гонять было негде и незачем.

– И что вы думаете делать дальше, tovarishch? – ехидно поинтересовался сзади полковник Чарльз Роулинсон, когда Шибанов свернул в темный проулок и остановился.

– А что бы вы посоветовали?

Шибанов опустил стекла, потому что салон уже наполнился неприятным запахом, исходящим от Роулинсона, – смесью дорогого лосьона и разлагающейся плоти. Сидевшая рядом Мидори тут же высунула голову наружу.

– Сдайтесь, – хрипло сказал полковник. – Мастер оценит вашу находчивость. Думаю, никаких наказаний не последует.

– Нет уж, полковник. Этот вариант я даже не рассматриваю. Как мы можем выбраться из города? Учтите, я по натуре человек добрый, но могу сделать вам очень больно. У меня нет совершенно никаких поводов гуманно к вам относиться.

– Справедливо. Но больно вы мне не сделаете, tovarishch. Вы не знаете, что такое боль. А я... Я – знаю.

Полковник произнес эти слова с горьким сарказмом. Видимо, этот человек был очень серьезно болен, и Ростиславу на миг даже стало его жалко и захотелось отпустить. Но эту крамольную мысль он решительно отмел и сказал:

– Я постараюсь открыть перед вами новые горизонты в области таких познаний. Вы готовы нам помочь?

– У вас в любом случае нет шансов, – пожал плечами Роулинсон. – Это, по сути, крепость. Стены охраняются. «Роллс» – тяжелая машина, но выездные ворота вы ей не пробьете. К тому же по пути вы не раз нарветесь на патрули. Странно, что не нарвались до сих пор, это я спишу на удачное стечение обстоятельств. А если учесть, что уже объявлена тревога...

– Мастер готов пожертвовать вами?

– Мастер готов пожертвовать всеми. Разумеется, он будет недоволен, если вы меня прикончите. Но отпускать вас со мной в качестве заложника не станет, уверяю, tovarishch.

– По-моему, этого вонючку все же надо пристрелить, – со свойственной ей прямотой заметила Мидори. – Пользы от него никакой, а дышать в салоне невозможно.

Роулинсон захихикал – звучало это так, словно кто-то пытается запустить старый заржавленный мотор.

– Девочке не откажешь в рассудительности. Давайте же покончим с этим, tovarishch, а далее вы можете ехать дальше, чтобы убедиться в правдивости моих слов.

– Убирайся, – решительно сказал Шибанов, вылез из-за руля и открыл дверь.

– Что?! – не понял полковник. Атика и Мидори смотрели на Ростислава с явным недоумением.

– Убирайся! – повторил Шибанов, откидывая водительское кресло, потому что у «фантома» было всего две дверцы. Полковник не спеша выбрался из автомобиля, отряхнулся и произнес, склонив плешивую голову набок:

– Неожиданно. Что ж, я постараюсь замолвить за вас словечко.

Сказав так, Роулинсон повернулся и зашагал прочь, постепенно исчезая в темноте.

– Ну и зачем ты это сделал? – разочарованно спросила Атика, выбираясь из машины.

– Хватит с нас бесполезных убийств. Давайте решать, что делать дальше.

– А что решать? Приступ пацифизма у тебя прошел? Тогда рванули дальше! – сердито сказала Мидори.

Шибанов покачал головой:

– Полковник прав, на машине нас быстро засекут. Предлагаю передвигаться пешком, сориентироваться, где крепостная стена, а там уже подумать, как смыться за периметр.

– Получается, Джея-Ти мы бросаем? – уточнила Мидори, нехотя вылезая из салона автомобиля.

– Пока мы ничего не можем сделать… Вернуться назад – значит, добровольно сдаться. Мы ведь даже не знаем, где его держат.

– Хорошо, – сказала Атика и вздохнула: – Бедный Джей… Как-то он там…

– В какую сторону двигаемся? – деловито спросила Мидори.

– В ту же, в какую ехали, – пожал плечами Шибанов.

– О'кей. – Мидори села за руль и лихо начала разворачивать машину. – Надо запутать следы, ждите, я скоро.

«Роллс» пронесся мимо Атики и Шибанова и свернул на дорогу.

Затем несколько часов они плутали, пробираясь по ночным улицам, прячась от патрулей. В самом деле, им повезло – после того, как они бросили автомобиль, им несколько раз попались «хаммеры» с установленными прожекторами, а также несколько пеших групп. Отбиться в случае чего шансов не имелось – один «дезерт игл» с восемью патронами в обойме против автоматических винтовок или пулемета «хаммера» ничего бы не сделал. Однако до руин добраться удалось без осложнений. На пустынных улицах было относительно чисто, как минимум в той части города, которая казалась населенной: двери крепко заперты, окна первых этажей аккуратно забиты досками. Окна же верхних этажей были плотно занавешены, хотя Мидори пару раз замечала мерцающий огонек за занавесками. Вся компания тут же прижималась к стенам домов и старалась двигаться как можно тише и незаметнее. Ростислав дважды забирался по пожарным лестницам на крыши зданий, чтобы сориентироваться на местности и не кружить по Солт-Лейк-Сити, но толку от этого было мало. К сожалению, никто из троих города не знал. Еще больше осложняла задачу темнота.

Но двигались они, похоже, в правильном направлении. Вскоре дома приобрели гораздо более обветшалый вид, мусора под ногами поприбавилось и продвигаться стало труднее – нет-нет да треснет оглушительно под ногой в темноте какая-нибудь пластмасса. Атика едва не сломала ногу, когда из арки наперерез им с топотом бросилось что-то неразличимое в темноте. Судя по размерам, это была крупная крыса или кошка. Хотя последнее – вряд ли. Но Атика инстинктивно отшатнулась и попала ногой на корпус разбитого телевизора. Нога с треском провалилась, и если бы Шибанов вовремя не подхватил падающую Атику, то весь поход для них мог бы закончиться плачевно. Атика еле слышно застонала:

– Нога!

Шибанов поднял Атику на руки и огляделся.

– Так, пора слегка передохнуть, – сказал Ростислав и двинулся к ближайшей выбитой двери.

Мидори подобрала с потрескавшегося асфальта старую жестяную банку и запустила внутрь – все тихо. Они осторожно вошли в разрушенное здание.

– С виду бывший ресторанчик, – сказала Атика, как только глаза привыкли к темноте.

Шибанов усадил супругу на какую-то железяку, которая оказалась пивным кегом, и, достав из кармана зажигалку, посветил на ногу Атики.

– Убери сейчас же! – зашипела Мидори. – Ты нас спалишь!

– Все-все, – примирительно сказал Ростислав, пряча зажигалку. – Надо же было посмотреть – насколько серьезна рана и можем ли мы двигаться дальше. В принципе – можем.

– А что, если пересидеть тут до утра? – деловито предложила Мидори. – Утром появятся жители, мы будем не так заметны среди них… Тогда и разберемся, что к чему.

– Я думаю, здесь тоже не дураки обитают. Патрули будут знать, кого искать. Или думаете, мы не настолько приметная троица?

– Я согласна с Расти, – сказала Атика. – Нас сразу же поймают. Нужно делать что-то прямо сейчас.

– Тогда давайте захватим патрульный «хаммер», – просто ответила Мидори, поправляя стянутые резинкой волосы.

...Профессор Джей-Ти сидел под замком в комнате, более всего напоминающей тюремную камеру. Одна ее стена представляла собой металлическую решетку со сдвижной дверью, а внутри находились двухъярусная кровать с тощими матрасами, приделанный к стенке столик и унитаз за ширмочкой.

После того как седой человек по кличке Мастер велел охранникам «увести черномазого», Джея-Ти привели сюда, сняли с него все оставшиеся украшения и заперли. Побегав по камере и покричав угрозы, бывший рэпер успокоился и сел, чтобы обдумать сложившееся положение.

От печальных мыслей его отвлек негр, стучавший по прутьям решетки. Это был пожилой сутулый мужчина с седым венчиком волос на голове. В руках он держал металлическую миску и стучал ею по решетке.

– Меня звать Абрахам, – без обиняков представился негр. – Велено принести тебе пожрать. Будешь?

– Еще бы, – буркнул Профессор и взял просунутую через специальное продолговатое отверстие миску с едой. Это оказался подсохший чизбургер, початок вареной кукурузы и немного жареного картофеля.

– Жри. Сейчас кофе принесу, – пообещал Абрахам и ушел, громко шаркая ногами по бетонному полу.

Джей-Ти уселся за столик и принялся за еду. Несмотря на свое унылое положение, он не мог не признать, что давно уже не ел такой приличной пищи, пусть даже все было холодное и не совсем свежее. Он управился довольно быстро и, когда Абрахам вернулся с дымящейся кружкой, уже облизывал пальцы.

– Быстро ты схавал пайку, ниггер, – с явным одобрением заметил Абрахам, забирая пустую миску и пере-

давая кофе. Кофе оказался очень сладким, даже приторным, притом низкого сорта, но нынче и такой был сродни бальзаму. Прихлебывая и обжигаясь, Джей-Ти вернулся на свою койку, сел и обнаружил, что Абрахам за ним с интересом наблюдает.

– Что тебе? – спросил бывший рэпер.

– Откуда ты взялся? Чего приперся сюда? Думал, тут рай? – ворчливо спросил Абрахам.

– Мало ли что я думал… А что, здесь ад?

– Да нет, не ад, – равнодушно пожал плечами пожилой негр. – Будь ты белый, так и совсем неплохо. Но черным тут несладко, приятель. Мать мне рассказывала, как они жили на Юге в те времена, когда все делилось на «Для белых» и «Для цветных»: магазины, рестораны, автобусы, даже скамейки. У нас примерно то же самое. Потому, приятель, ни хрена ты не правильно угадал, когда поперся в Солт-Лейк.

– Ясно, – кивнул бывший рэпер, делая последний глоток. – Кстати, меня зовут Джей-Ти. А ты здесь чем занимаешься? И что со мной дальше будет?

– Я тут занимаюсь всем, – сказал Абрахам. – Подметаю, убираю, мою пол, жрать вот приношу, если надо… Нормальная работка для черномазого, ага? То же будет и с тобой, если не станешь рыпаться. Будешь иметь кусок хлеба и даже немного виски по праздникам и выходным.

– А если стану рыпаться?

– Тогда тебе придется худо. Пошлют на тяжелые работы, где подгоняют уже не криком или тумаками, как меня, а кнутом. Если не остепенишься – могут и повесить. На моей памяти, а я тут полгода, человек десять вздернули. Не считая тех, кого на месте шлепнули.

– Да у вас тут весело, – произнес Джей-Ти, возвращая кружку. – А моих друзей ты не видел?

– Белый парень и две девки, одна желтая, вторая вроде как мулатка? Видел, отчего же не видеть. Парень подрался с Сонни и уделал его, Сонни подох. Мне пришлось кровищу замывать.

– Какой Сонни?!

– Был тут один драчун. Мастер свел его с твоим приятелем, типа проверить, не тонка ли кишка. Тот Сонни и прибил. Переломал все ребра.

– Молодец, Расти! – Джей-Ти даже подпрыгнул, издав воинственный клич, словно на бейсбольном матче или боксерском поединке. – И что с ним сделали?

– Не знаю. Когда я в последний раз его видел, он жрал с Мастером, сидя за столом. Девок куда-то увели.

– Что с ними будет?

– Откуда мне знать. Белого могут взять в солдаты, девок – отправить в монастырь, или на кухню, или ублажать офицеров... Мало ли. Как решит Мастер, а у него наперед не угадаешь.

– Я этого Мастера где-то видел... – задумчиво произнес Джей-Ти, прищурившись. – В политике я не секу, брат, но он вроде из ихних. У всех политиков противные рожи.

– Ты угадал, но мне пора идти. Еще хватятся, а я тут с тобой трещу.

Абрахам медленно зашаркал прочь по коридору, оставив Профессора в одиночестве.

Подкрепившись, Джей-Ти почувствовал себя более уверенно. Порадовали его и новости о друзьях. У Расти все хорошо, если уж он ужинает с местным паханом, с девочками тоже все в порядке... если не вспоминать слова Абрахама про «ублажать офицеров», но не все ведь кончается обязательно плохо?

Черт с ним, решил Джей-Ти. Если надо притвориться послушным и учтивым черномазым, который говорит всем «да, сэр» и «что вам угодно, масса?», он может немножко поиграть. В конце концов, гангстер из него на сцене получался вполне убедительный. Можно, конечно, устроить тут борьбу за права афроамериканцев, но Абрахам вряд ли врет насчет здешних порядков, а попасть на виселицу в планы Джея-Ти не входило.

Часы у Джея-Ти тоже забрали, но он догадывался, что уже стояла глубокая ночь. Профессор улегся на

койку, подложив под голову руки за неимением подушки, и задремал, рассудив, что утро вечера мудренее. Впрочем, поспать ему не удалось, потому что появился Абрахам, который зашипел:

– Вставай! Вставай!

– Что еще случилось?! – недовольно спросил Джей-Ти, садясь на койке.

– Твой приятель удрал.

– Расти?! Как?!

– Не знаю. Устроил стрельбу, захватил в заложники полковника Роулинсона и смылся вместе с бабами на машине. Везде переполох, на меня все равно никто не обращает внимания, я и пришел тебе сказать. Поди, рад?

– Конечно!

– А зря. Поскольку ты из их компании остался один, несладко придется. Ладно, я пошел, а ты подумай, что дальше делать.

Абрахам ушел, лениво волоча за собой швабру, а Джей-Ти заметался по тесной камере. В самом деле, обстоятельства складывались для него как нельзя хуже. Снова подергав решетку, он занялся запиравшим ее замком. Замков полагалось два: врезной и навесной, продевающийся в специальные петли. Сейчас навесного не было – то ли его потеряли, то ли не стали заморачиваться с двумя замками, посчитав, что пленный и так никуда не денется.

Ощупав и осмотрев врезной замок, Джей-Ти задумался. Хотя большая часть его улично-гангстерской жизни была специально выдуманной для публики легендой, кое-чему он в свое время научился. В том числе искусству работать отмычкой, пусть никогда и не применял этого умения на практике.

Маркус Мэйн, по сложным родственным взаимоотношениям считавшийся дядюшкой Джея-Ти, научил его мастерству взломщика в промежутке между двумя тюремными отсидками.

– Ты не думай, старина, что я советую тебе залезть в магазин или взломать чей-нибудь сейф, – наставитель-

но говорил Маркус, попивая из бутылки дешевое калифорнийское красное вино. – Нет, если ты будешь заниматься такими вещами, то закончишь как я, в тюряге. А ты пацан способный, у тебя другой путь. Но уметь открыть замок без ключа иногда нужно. Скажем, тебя ни за что зацапали копы. Потом они разинули рты и пошли жрать пончики, а ты сидишь в машине, скованный наручниками. Сейчас я покажу тебе, как открыть наручники булавкой – а булавку, чтоб ты знал, нужно всегда носить с собой, прицепленной к одежде. Лучше – несколько булавок.

Дядюшка Маркус открывал и закрывал бог весть откуда имевшиеся у него наручники, после чего заставлял это делать Джея-Ти. Точно так же они попрактиковались на автомобильном замке старого маминого «датсуна» и на дверных замках. У Джея-Ти получалось плохо, после чего дядюшка махнул рукой и сказал:

– Ни черта из тебя не выйдет взломщика, Джей. Ну, оно и к лучшему. Пойду-ка я лучше куплю еще винища...

Из следующей отсидки дядюшка Маркус не вернулся, потому что его прирезали в тюремной драке бритоголовые парни из арийского братства. Науку работы с отмычками продолжить оказалось некому, и Джей-Ти благополучно забыл все ее азы. Вернее, думал, что забыл. Сейчас он пытался вспомнить уроки дядюшки, и небезуспешно. Он понял, что перед ним за замок и как его вскрыть...

Времени терять нельзя: пока все заняты поиском удравшего с девчонками Ростислава, о надежно запертом в камере узнике никто не вспомнит. Но чем открыть замок? Джей-Ти порылся в карманах, но не нашел ничего подходящего. Пожалел, что не следовал заветам дядюшки Маркуса и не прицепил к одежде несколько булавок. Попытался поискать под койкой – вдруг там завалялось что-то оставшееся от предыдущих узников. Вспомнил даже, что один из передних

зубов, который он выбил во время пустяковой автомобильной аварии в Висконсине, установлен на титановом штифте. Почти прикинул, как выбить зуб, чтобы использовать штифт, но потом громко шлепнул себя по лбу и сказал с улыбкой:

– Вот же я идиот.

Охранники, которые обыскивали Джея-Ти и отнимали у него сохранившиеся за время скитаний побрякушки, не польстились на проволочный браслет. Браслет представлял собой несколько колец из анодированной стальной проволоки, ценности не имел и был дорог бывшему рэперу исключительно как подарок давнего приятеля, умершего от лейкемии. Когда-то Джей-Ти даже украсил браслет золотыми бусинами, потом, когда они надоели, бусины убрал… Но браслет-то остался!

Сняв его, Джей-Ти принялся сгибать и разгибать проволоку, пока не разломил одно из колец на две части. Вспоминая уроки дядюшки, изготовил из куска проволоки некое подобие отмычки и начал возиться с замком, то и дело прислушиваясь, не идет ли кто по коридору.

Замок не поддавался. Взломщика из Джея-Ти и в самом деле не вышло бы, прав был дядюшка Маркус… Выругавшись, бывший рэпер отшвырнул в сторону проволоку и опустил руки. Что же делать? Время уходит. Если охранникам Солт-Лейк-Сити не удастся поймать Расти, то они скоро придут сюда и займутся им. Просто от злости.

Джей-Ти снова выругался.

– Чего это ты, приятель? Моя мамаша заставляла за такие слова вымыть рот с мылом и прочитать десять страниц из Библии.

Абрахам заглядывал в камеру из-за угла, расплывшись в щербатой улыбке.

– Что, поймали?! – тревожно спросил Джей-Ти.

– Кого? А, белого парня с девчонками? Нет, еще ловят. Но не уверен, что у них получится удрать из го-

рода. Я вообще давно не видел, чтобы все так переполошились.

– Слушай... – Джей-Ти помолчал, пожилой негр внимательно смотрел на него в ожидании. – А мне никак нельзя отсюда удрать?

– Хм... – нахмурился Абрахам. – Ключей у меня нет, если ты вдруг про них.

– А сломать замок ничем нельзя?

– Замок? Если только у тебя есть отмычка.

– Отмычка у меня есть, – признался Джей-Ти. Уборщик выглядел вполне доброжелательным, да и терять уже было нечего. – Только ни хрена не получается...

– Ты что, сидел? – спросил Абрахам.

– Н-нет...

– А я сидел. В Сан-Квентине, в Синг-Синге...[1] Давай сюда свою отмычку.

Джей-Ти нашел на полу выброшенную в сердцах проволочку и протянул Абрахаму. Тот со знанием дела повертел ее в руках, что-то поправил сильными пальцами и всунул в замок. Щелчок, еще один...

– Готово, – с чувством собственного достоинства произнес негр, сдвигая дверь в сторону. – Вали отсюда, приятель.

– А ты как же?!

– А я останусь. Все равно никто не подумает, что я тебе помог. Меня почти не замечают, и это хорошо. Кстати, дай-ка я закрою дверь обратно. Пусть эти сукины дети подумают, как это ты так выбрался из закрытой камеры, словно Гудини[2].

Джей-Ти оглядел коридор. В обе стороны тянулись такие же камеры, совершенно пустые. Абрахам закрыл замок, а импровизированную отмычку сунул в карман.

– Куда мне идти? Что посоветуешь?

– А вон туда, – махнул рукой Абрахам. – В конце дверь, она не закрывается. Там будут мусорные

---

[1] Сан-Квентин, Синг-Синг – известные американские тюрьмы.

[2] Гарри Гудини (1874–1926) – знаменитый американский иллюзионист, прославившийся сложными трюками с побегами и освобождениями.

баки, если получится и никто не засечет – перелезай через забор. Дальше сам. Если собираешься идти к озеру – двигай на север, там есть указатель на перекрестке. Точно так же поймешь, где остальные части света. Если тебя поймают, про меня ни слова, понял!

– Сдурел? – обиделся Джей-Ти. – Ладно, спасибо за помощь, Абрахам. Если доведется, постараюсь отплатить тебе тем же.

– Удачи, парень.

Бывший рэпер пожал уборщику руку и направился в указанном направлении. Действительно, снаружи стояли несколько мусорных баков, от которых воняло тухлятиной. Вокруг никого не было. Не теряя времени попусту, Джей-Ти взобрался на бак, ухватился за край кирпичной стены, подтянулся и огляделся.

За стеной была темная улица. Где-то далеко слышались звуки сирен, на стенах мелькал отсвет прожекторов. А здесь была тишина. Видимые в свете луны дома выглядели заброшенными, посередине проезжей части ржавели несколько автомобилей со снятыми колесами. Похоже, в этой части города никто не жил. Почти никто – поправился Джей-Ти, заметив маленького чернокожего пацана, с интересом наблюдавшего за ним из-за помятого «Понтиака».

Бывший рэпер перебрался через стену, спрыгнул вниз и, добродушно помахав пацану рукой, отправился на север, к озеру Солт-Лейк.

...Патрульный «хаммер» остановился. Из открывшейся дверцы спрыгнул человек в форме и, держа наготове М-16, осторожно двинулся к лежащей в свете прожектора женской фигуре.

Из другой дверцы вылез еще один, громко спросив:

– Что там такое, Клем?

– Баба, – отозвался первый. – Не пойму, живая или нет...

– Из тех, что мы ищем?

– Не видно. Она мордой вниз лежит.

Клем подошел поближе и аккуратно потыкал лежащую стволом винтовки. Второй сделал шаг вперед.

– Мертвая?

– Сейчас... – Клем закинул винтовку на плечо и опустился на корточки. В тот же момент Шибанов бросился из темного проулка к «хаммеру» и с размаху припечатал второго члена экипажа грудью к борту автомашины. Подобные столкновения с учетом массы и разгона Ростислава на хоккейном корте часто заканчивались для того, в кого он врезался, переломами ребер. На солдате Мастера был надет кевларовый бронежилет, но от удара воздух выбило у него из легких. Рывком развернув солдата лицом к себе, Шибанов коротко ударил его в лицо, отправив в нокаут.

Клем хотел было вскочить, но ему в живот уперся пистолетный ствол. Быстро перевернувшись, Мидори с улыбкой произнесла:

– Приве-ет!

Клем молчал, боясь пошевелиться и зная, что при выстреле в упор из «дезерт игла» бронежилет его не спасет.

Атика, выскользнувшая из того же темного проулка вслед за мужем, быстро освободила обоих солдат от оружия. Затем Ростислав велел им раздеться. Точнее, второй до сих пор валялся без чувств, и снимать с него обмундирование пришлось все тому же Клему.

– Не стреляй, крошка, – робко попросил Клем, зябко ежась в грязной майке и белых боксерских трусах перед Мидори, не опускавшей пистолета. У второго трусы оказались розовыми в цветочек и с кружевами по краю, что заставило Ростислава усомниться в моральных качествах армии Солт-Лейк-Сити. Правда, отношение к геям в армии США было вполне терпимым еще до Катастрофы, так что ничего удивительного...

– Надевай, – кивнул Шибанов на кучу одежды. Атика, брезгливо морщась, натянула на себя куртку и брюки

Клема, который был поменьше и посубтильнее своего спутника. Ростислав напялил второй комплект, заставил Атику надеть бронежилет, затем связал солдатам руки и ноги специальными пластиковыми полосками, обнаруженными в бардачке «хаммера».

– В какой стороне ближайший выезд из города? – спросил он у Клема.

Тот молчал, и тогда Ростислав поманил к себе Мидори. Девочка подошла и направила в лицо Клему пистолет, держа его двумя руками.

– Мы торопимся, – пояснил Ростислав. Клем испуганно заморгал глазами и сказал:

– Ближайший – если сразу свернуть направо и проехать мимо большого торгового центра... потом налево...

– Охрана?

– Шесть человек... сейчас, наверно, б-больше, потому что объявлена т-тревога... из-за вас...

– Ворота укреплены? На таран сможем взять?

– Нет-нет, – замотал головой Клем. – Ворота крепкие, «хаммером» вы их не выбьете...

– Как еще можно выбраться из города?!

Клем судорожно сглотнул.

– Как еще можно выбраться из города?! – угрожающе повторил Ростислав. Мидори щелкнула предохранителем.

– Н-никак... Только через ворота...

Ростислав пожал плечами и заткнул Клему рот кляпом, свернутым из его же носка. Они оттащили солдат подальше в проулок, после чего Ростислав сел за руль. Атика в форме поместилась рядом, Мидори – позади. Прожектор они тут же вырубили, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Отлично сработали, – заключила Мидори. Шибанов не уставал удивляться способностям девчонки, но еще больше – ее милой кровожадности. Пожалуй, в этом мире Мидори прижилась куда быстрее и комфортнее, чем они все. Дети адаптируются быстрее? Может быть. А может, японская кровь. Самурайские гены.

– Отлично-то отлично, – сказал он, – но что теперь делать? У нас есть «хаммер» с пулеметом, есть две автоматические винтовки, пистолеты. Но взять штурмом ворота мы не сможем – нас расстреляют из гранатомета или перебьют поодиночке, если мы попытаемся прорваться без машины.

– Значит, надо найти другой путь. – Атика поправила ремешок шлема. – Это все-таки не крепость, а простой город. Вернее, кусок простого города, огороженный стеной. Не везде же они охрану выставили?

– Может, и не везде, но, не зная ничего, мы очень рискуем. В конце концов, расставить посты так, чтобы перекрывать весь периметр стены, труда не составляет.

Мидори заерзала на заднем сиденье:

– Неужели нет способа?

– Есть, – неожиданно осенило Ростислава. – Канализация!

– Канализация? – одновременно переспросили девушки.

– Я с детства увлекался хоккеем. Соответственно – зимними Олимпийскими играми. Помню много всякой ерунды обо всех «белых Олимпиадах», само собой запомнилось... Так часто бывает – что-то полезное запомнить трудно, а разная белиберда хранится в голове на каких-то специальных полочках... Так вот, я читал, что когда в Солт-Лейк-Сити была зимняя Олимпиада, все канализационные люки на улицах города подключили к единой сети оптико-волоконной связи, позволяющей из командного центра контролировать их положение в реальном времени. Понятное дело, что эта система давно уже не работает, скорее всего, ее сразу после Олимпиады демонтировали. Но канализация-то осталась! А ведь эти подземные коммуникации проложены подо всем городом и соединены между собой!

– Не может быть, чтобы их не охраняли, – усомнилась Атика.

– А зачем охранять? На самом деле крепость Мастера предназначена для защиты извне, и уже во вторую очередь – для того, чтобы не позволить кому-то отсюда сбежать. Да я и не думаю, что отсюда многие бегут. Скорее всего, население очень даже счастливо.

– Ну, это их проблемы, – проворчала Мидори и хмыкнула. – Значит, полезем в дерьмо?!

– Да. Бросаем машину, ищем ближайший люк и спускаемся под землю. Единственная сложность – нельзя потерять направление, иначе будем кружить по тоннелям бесконечно. Мидори, в бардачке я видел маркер, возьми его. Пригодится ставить отметки.

– Есть! – воскликнула девочка.

– В таком случае идем искать торговый центр, он будет отправной точкой. Как там сказал наш приятель Клем? От него налево. Вот и постараемся сделать то же самое, но только под землей.

Атика вздохнула:

– Бросаем машину и уходим?

– Зачем идти? До центра мы можем с комфортом доехать на «хаммере», никто не обратит внимания. Подумают, что патруль, тем более зря вы, что ли, надевали форму этих ублюдков?

– Иногда я тебя боюсь, Ми, – со смехом призналась Атика и обняла девочку.

Торговый центр они нашли сразу, его трудно было не заметить. Попавшиеся навстречу два таких же «хаммера» их не остановили, лишь помигали фарами. Маскировка работала исправно.

Огромное здание было, разумеется, заброшено. Без огромных стеклянных блоков оно выглядело уныло и напомнило Ростиславу замороженное строительство начала века в Москве. Такие же пустые бетонные блоки, правда огороженные забором, на котором время от времени появлялись яркие граффити. Все граффити были на английском языке, чтобы выдержать стиль. А ведь граффити именно в том виде зародились в Америке, в Нью-Йорке, как часть хип-хоп культуры.

И те граффити на российских стенах заимствовали их стиль.

Ростислав вздохнул. Мидори же с грустью посмотрела на развороченный автомат «кока-колы» на входе – ей вдруг отчаянно захотелось глотнуть этой известной всему миру газировки. А ведь ее придумали тоже в Америке… Сглотнув слюну, девочка сердито отвернулась – она давно дала себе слово не поддаваться мимолетным слабостям.

Погруженные почти в одни и те же мысли, они молча доехали до въезда на стоянку, которая находилась под зданием центра. Шлагбаум давным-давно кто-то снес, и Шибанов, не останавливаясь, поехал вниз.

Загнав машину на стоянку, где она не слишком выделялась среди десятков брошенных еще во время Катастрофы автомобилей, они принялись искать канализационный люк. Он обнаружился здесь же, на стоянке, недалеко от распахнутых и покореженных дверей лифта. Сдвинув тяжелую крышку, Ростислав посветил вниз фонариком, найденным в «хаммере». В глубину уходили вмурованные в стену металлические скобы, метрах в пяти виднелось бетонное дно трубы.

– Спускаемся, – сказал он. – Атика, ты первая, потом Мидори, а я закрою за нами люк. Незачем оставлять такие явные следы. Хотя сюда вряд ли кто заглядывал уже кучу времени. И вряд ли заглянет.

– Надо было снять с джипа пулемет, – укоризненно сказала Мидори.

– Он весит килограммов сорок, и без станины отдача унесет меня в Монтану. Поэтому обойдемся тем, что у нас есть.

Шибанов передал жене фонарь, и та, цепляясь стволом винтовки за стенки узкого люка, полезла вниз. Подождав, пока за Атикой последует Мидори, Ростислав спустился следом и задвинул крышку.

Солт-Лейк-Сити исчез.

Теперь они были под землей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Были сборы недолги...

– Вот, – сказал начальник службы безопасности Олег Санич, садясь в кресло и кладя на стол перед Гумилевым тонкую пластиковую папку. – Вся группа в сборе. Я имею в виду, группа, которая будет работать непосредственно на интересующем нас объекте. Остальная часть специальной миссии ООН будет утверждаться академиком Делиевым, как вы и просили.

– Да, – кивнул Гумилев, – мы особо обсудили этот вопрос с Владимиром Владимировичем. Тем более в сложившейся ситуации... До научной части у меня явно руки не дойдут, хотя, если честно, было бы весьма любопытно. Впрочем, оставим это Игорю Синцову, на то он и микробиолог плюс вирусолог.

– Кесарево – кесарю, – поддакнул Санич. Гумилев с интересом посмотрел на него и раскрыл папку. Невзирая на упреки за старомодность – мол, в век компьютеров перелистывать бумажки просто глупо, – он любил читать важные документы именно с листа, а не с экрана.

– Это кто? – сухо спросил Гумилев, помахав в воздухе первой страничкой.

– Я... – смущенно произнес Санич.

– А я-то думаю, кто такой! А заранее согласовать со мной ты не собирался?

– Я подумал, что автоматически должен лететь с вами... В конце концов, меня должность к этому обязывает. Я вас одного не отпущу, Андрей Львович. Хватило с меня Арктики...

– Хорошо, хорошо, – примирительно сказал Гумилев и, не читая, перевернул лист с данными по Саничу.

– Володя Лобачевский, – прокомментировал Санич следующего кандидата. – Вы его знаете, из моих. Бывший десантник, капитан.

– Лобачевского знаю, толковый мужик, – согласился Гумилев. – Великому математику Лобачевскому не родственник?

– Нет, Андрей Львович, – с улыбкой ответил Санич. – Не вы первый спрашиваете.

– Этого берем. Та-ак… – Гумилев взял очередную страничку. – Оксана Иванова.

– Наш новый кадр. Уникальная девушка, мастер спорта по трем видам единоборств, рукопашному бою, отличный стрелок… Переманил из очень серьезной конторы. Даже поссорился с хорошими людьми, пришлось потом поляну накрывать совершенно астрономическую, чтобы не обижались за кражу ценных кадров.

Иванова была красивой. Даже очень красивой. С короткой мальчишеской стрижкой, немного нагловатым выражением лица типа «Да, я такая, и чо?!», едва заметным шрамом на правой скуле. Тридцать лет. Поди ж ты, а больше двадцати не дашь…

– Не боишься, Олег? Сам знаешь, куда отправляемся…

– Вот и проверим, Андрей Львович. Под мою личную ответственность.

– Ты часом не влюбился?! – подмигнул Гумилев. Санич покраснел и возмущенно воскликнул:

– Что вы такое говорите?! Да если бы и так, чего бы я тогда с собой ее тянул в такое пекло?!

– Ладно, – заключил Гумилев. – Коли под твою ответственность, то берем… Слушай, давай я пролистаю твоих бойцов, а? Ты их лучше знаешь, чем я, тебе и карты в руки. Если что не так – на месте и взыщу, ты меня знаешь. Договорились?

– Договорились. – Санич обошел стол, встал рядом с Гумилевым, наклонился и пролистнул несколько страниц. – Моих тут пятеро, не считая меня самого… Чтоб знали – там среди них Грищенко.

– Старый знакомый! – Гумилев вспомнил капитана, с которым искал в тайге пропавшую жену Еву. Человек был весьма толковый, и Гумилев поручил тогда Саничу любыми путями забрать Грищенко к себе. Санич забрал, многократно хвалил бывшего капитана, но работал Грищенко на объекте в Сибири и с Гумилевым ни разу больше не пересекся. Вот, стало быть, и выпал случай…

– А вот это – ученые, – продолжал Санич. – Те, которые пригодятся именно нам, а не миссии ООН и академику Делиеву.

– А вот и ученые… из пробирки извлеченные… – рассеянно пробормотал Гумилев нехитрый стихотворный экспромт. Он прекрасно понимал, что без ученых в Зоне 51 ему делать нечего, но внутренне опасался брать с собой необстрелянных гражданских людей. Рисковать собой он мог, имел право, а вот подставлять под удар других… Да, есть понятия «долг» и «обязанность». Но следовало признать, что с Закрытой Территории могут вернуться не все. А могут и все не вернуться. Нет, пессимистом Гумилев себя не считал, но и сквозь розовые очки смотреть на жизнь разучился давно и бесповоротно.

– Нестор Тарасов… – Гумилев внимательно рассматривал симпатичное, но немного усталое лицо. Двадцать пять лет. Сотрудник вирусологической лаборатории. Ни разу не попадался на глаза, хотя Гумилев, конечно же, и не мог знать всех своих сотрудников, тем более низшего звена. – Кто рекомендовал?

– С учеными сложнее, Андрей Львович. Вначале я отбирал по чисто физическим параметрам. Специально провели ряд тестов – разумеется, ничего не объясняя, просто, дескать, нужда возникла. Потом устроили спартакиаду по отделам. Оно и полезно – кто жирок подрастряс, кто мышцы накачал чуток… А уже после всего этого я тех, кто проходил по всем пунктам, обсудил с начальниками отделов, лабораторий, секторов. Отобрали уже с профессиональной точки зрения всех, кто мог пригодиться согласно вашей разнарядке. Вот

набрали. Тарасов, в частности, специализируется по онкологии, добился уникальных результатов, его шефу слов не хватало его расхваливать.

– Онкология? А зачем нам онкология?

– Это у него побочное. На самом деле специалист по вирусам. Классный специалист. Плюс хорошее знание английского.

– Хорошее знание английского, не говоря уж о русском, должно быть у любого образованного человека, – наставительно произнес Гумилев. – Твои бойцы, кстати, когда начнут массированно изучать языки? Ты мне давно обещал. Выполнил? А, Робокоп?

– Мы помаленьку уже начинаем, Андрей Львович, – сказал, кашлянув, Санич. Гумилев прекрасно понимал, что начальник службы безопасности врет, но журить его не стал, не время. Тем более теперь, раз Гумилев показал, что помнит о своем внесенном вскользь пожелании, то Санич исполнит его непременно и на двести процентов.

– Берем Тарасова, раз такое дело… Кто у нас следующий? Следующий у нас Игорь Синцов. Ну, этот «Армагеддоном» занимается с самого начала, его грех не взять.

На Гумилева глянуло длинное сухое лицо психолога Артемьева. Его он хорошо знал.

– Артемьев? Я думал, он не пройдет тесты по физподготовке и врачебный осмотр.

– Как видите, прошел.

– Сложный человек, но полезный. Ой, помотает он нам нервы… Но с ним лучше, чем без него. Рад, что Артемьев прошел. Я, грешным делом, его даже и приглашать не стал, думал, пожилой человек.

– Этот пожилой человек, Андрей Львович, при мне на спор пятьдесят раз подтянулся.

– Ну так и молодец. Э-э… А это еще кто? Ксенобиолог…[1] Я вроде бы всех наших ксенобиологов знаю.

---

[1] Ксенобиология – наука о формах жизни внеземного происхождения.

– А это и не наш. Прикомандирован лично Решетниковым.

– Индро Вессенберг... Эстонец?

– По отцу. Там все написано.

– Если это человек Решетникова, написанному можно и не верить. Хотя что это я, эстонец так эстонец. Хоть папуас, лишь бы специалист был хороший. Ишь ты, он еще и криптозоолог![1] С учетом того, что нас может ожидать в Зоне Пятьдесят один, весьма и весьма благодарен Решетникову.

– Кстати, он звонил недавно. Сказал, что с нами не летит, прибудет в Твин Фоллз немного позже. Из прочего – с нами очень просился Дмитрий Краснов. Тот, который вас в свое время взорвать хотел.

– Я помню, Олег. Обижаешь. И что с ним?

– Не прошел по физике. Сердчишко у парня не ахти... – сокрушенно развел руками Санич.

– Вылечить. Если нужно – сделать пересадку. Скажи... Впрочем, не надо, я сам распоряжусь. А пока его можно приставить к Делиеву, у академика есть чему поучиться. Они будут под надежной охраной, надеюсь, там ничего серьезного не случится. Естественно, на Закрытую Территорию мы его не возьмем ни под каким соусом.

Гумилев еще раз пролистал страницы папки и вернул ее Саничу, сказав:

– Не буду я все подробно читать. Одних и без того хорошо знаю, других ты хорошо знаешь, третьих – как этого Вессенберга – нам все равно навяжут. На чем летим, разобрались?

– Военный борт. АН-124-210 «Руслан», тяжелый дальнемагистральный транспортник. Вылет с военного аэродрома Сеща в Брянской области. Вы летите с нами или на собственном «джете»?

– Знаю такой аэродром. Конечно, лечу вместе со всеми. Когда определится точное время вылета, про-

[1] Криптозоологи – люди, занимающиеся поиском животных, которые в биологии считаются легендарными, вымершими или несуществующими, как, например, динозавры, чупакабра или снежный человек.

информируй. И скажи там, пусть машину подают. Покачу домой, обещал Маруську в цирк сводить.

...На сцене прыгал разноцветный клоун в огромных башмаках и с красным носом. У клоуна не получалось сыграть на рояле – то из-под клавиш брызгали ему в лицо струйки воды, то вместо музыки слышалось разъяренное мяуканье, и из инструмента выбегала целая стая кошек, а в конце концов рояль и вовсе развалился, после чего шпрехшталмейстер выгнал клоуна вон, а бутафоры унесли черные доски за кулисы.

Маруся весело смеялась и скакала на кресле рядом с Гумилевым, хлопая в ладоши. Периодически она пихала отца локтем в бок:

– Па! Смешно же!

Гумилев вымученно улыбался и тихо говорил дочери:

– Марусь, я, наверное, старый для этого и этих шуток не понимаю. Это же для детей...

На что Маруся, хитро улыбаясь, заявила:

– Да знаю я, что для детей! Я этот номер видела, когда мне еще три года было! Мы еще тогда в цирк с мамой ходили... – И осеклась, помрачнела, закусила губу.

Гумилев расстроился – называется, привел ребенка в цирк порадоваться. Почему ж всегда все наперекосяк?! Но пока думал, что сказать и не уйти ли вообще, Маруся оживилась и снова хохотала над тем, как потешная болонка отбирала у бутафора кольца и еще какие-то причиндалы, которые он раскладывал на арене для следующего номера. Гумилев облегченно вздохнул и мысленно пообещал сделать дочери какой-нибудь подарок, какой только попросит. Тем более что вскоре им предстояло расстаться, и кто знает – надолго ли...

Сам Гумилев цирк никогда не любил: животные казались ему уставшими и измученными, шутки – несмешными, выступления гимнастов и разных там фо-

кусников – неинтересными. Но Маруся все это любила, и Гумилев старался по возможности ходить с ней.

– Ты чего такой задумчивый, папа? – заботливо спросила Маруся, пока сцену готовили к выступлению эквилибристов.

– Работы много, милая. Скоро полетим в Америку, нужно серьезно подготовиться.

– Это туда, где все люди болеют?

– Да. Мы хотим им помочь. Придумаем лекарство, ну и еще кое-что надо там сделать. Опередить злых людей, пока они не совершили очень плохой поступок.

«Что я делаю?! – подумал Гумилев мимолетно. – Рассказываю восьмилетней девочке о секретном проекте».

– Папа! Ты прямо со мной как с маленькой разговариваешь – «злые люди»! Кто они? Бандиты? Или преступники?

– Не знаю, Марусь. Честно не знаю – бандиты они, преступники или вообще непонятно кто такие... Давай не будем об этом. Считай, я ничего не говорил, ладно?

Маруся нахмурилась:

– Нет, папочка, не ладно. Я буду волноваться. А если эти «злые» будут в вас стрелять? Между прочим, в кино злые всегда стреляют, – сказала Маруся. Она действительно смотрела очень много фильмов, старых и современных. Ева в свое время пыталась это ограничивать, но потом... Потом Гумилев решил, что умный ребенок сам разберется, что ему смотреть, а что – нет. Разумеется, всякую заведомую эротику с порнографией он отсек, зато исторические фильмы, боевики, фантастику и даже разный там артхаус разрешал.

– Если злые будут в нас стрелять, мы будем стрелять в них, – ответил Гумилев. – К сожалению, жизнь – такая штука, что иногда приходится стрелять.

– Ух ты! А можно мне с тобой полететь в Америку?

Гумилев улыбнулся.

– Нет, Марусь, никак нельзя. Во-первых, туда летят только взрослые, которые будут заниматься определенной работой. Кто-то – вирусы исследовать, кто-то – придумывать лекарство, кто-то – наблюдать за экологией, готовить еду, ремонтировать технику. Во-вторых...

– Я тоже умею готовить еду! – возмутилась Маруся. – Я позавчера борщ варила!

Результатом приготовления борща стали до потолка загаженная кухня и примерно пол-литра неаппетитной на вид густой бурды, которую Гумилеву пришлось съесть, рассыпаясь в благодарностях. Справедливости ради следовало сказать, что бурда оказалась неожиданно вкусной, хотя и на редкость неприглядной.

– Ты же не все умеешь готовить. А вдруг кто-то борщ не захочет, а захочет гречневую кашу?

– Нет, кашу я не умею, – подумав, сказала Маруся. – И стрелять я тоже пока еще не умею.

– Вот видишь!

– Ладно, тогда обещай мне, что ты будешь там себя хорошо вести, поможешь, кому надо, и прилетишь обратно. А злых, если попадутся, вы застрелите.

– Обещаю! – сказал Гумилев, торжественно поднимая руку. – А теперь давай смотреть дальше, а то мы разговариваем и другим мешаем.

Эквилибристы вертелись на каких-то блестящих приспособлениях под рукоплескания публики, а Гумилев просчитывал в уме, все ли необходимое ушло в погрузку. Здоровенный «Руслан» мог поднять сто пятьдесят тонн груза – вроде бы предостаточно, но это как поездка в командировку: все равно забудешь или зубную щетку, или бритву. Разумеется, какое-то оборудование предоставляла принимающая сторона, но беда была в том, что часть груза никак не предназначалась для глаз американцев.

Особенно это касалось оружия и полевой амуниции. После длительных консультаций с Решетниковым было решено брать с собой только американское

стрелковое оружие. Во-первых, оно не вызывало излишних подозрений. Во-вторых, в случае соприкосновения с вероятным противником давало возможность использовать трофейные боеприпасы. Накануне вылета Санич должен был провести специальный курс стрелковой подготовки со всеми членами группы. Тото удивятся господа ученые, подумал Гумилев. А может, и не удивятся. Они ведь прекрасно представляют себе, куда летят и что их там может ждать. Закрытая Территория – это, по сути, сплошная ловушка, где на тебя могут напасть все кто угодно, от диких зверей до одичавших людей.

С американской стороны, по информации все того же вездесущего Решетникова, их должны были сопровождать федеральные агенты Ковальски и Маккормик. Официально об этом заявлено еще не было, но какие-то неведомые источники уже были в курсе. Конечно же, ни Маккормика, ни Ковальски с собой в Зону 51 брать не собирались. Точно так же пока не был решен вопрос о переброске группы в Неваду на базу Неллис. Гумилев не представлял себе, что придумали ребята Решетникова – угон вертолета или пеший поход. Чего-чего, а бардака на границе с Закрытой Территорией не наблюдалось – периметр жестко отслеживался на предмет проникновения инфицированных. Помимо сухопутных патрулей, вертолетов и беспилотников незримую границу уже пару месяцев охраняли «Итеры».

Название «Энергетически автономного тактического робота» (Energetically Autonomous Tactical Robot), разработанного компанией Robotic Technology еще в 2009 году, для удобства было сокращено до многозначительного EATR (почти что eater, по-английски – «едок»). «Итер» был способен находить и заглатывать биомассу и извлекать из нее энергию, используя различные органические источники. Он мог питаться и традиционными видами топлива, причем почти любыми – бензином, керосином, дизелем, нефтью, пропаном, углем. Но изначально робот был рассчитан на

пожирание животной органики – в частности трупов людей и животных.

В мирное время определенные этические нормы не позволяли запустить «Итеров» в широкое производство и тем более – в активное использование. Роботы-людоеды еще на стадии разработки вызвали нездоровый ажиотаж, когда информация просочилась к газетчикам. Но после Катастрофы выбирать не приходилось. Североамериканский Альянс решился на использование «Итеров» после того, как в одной из частей Национальной Гвардии, охранявших периметр, поднялся бунт – гвардейцы отказались стрелять в людей, просивших помощи.

С «Итерами», по информации опять же Решетникова, возникла масса проблем. Некоторые отрубились и начали существовать автономно, не подчиняясь приказам операторов. Другие перестали распознавать сигнал «свой – чужой», устраивали перестрелки с гвардейцами и солдатами регулярной армии. Третьи вели себя пристойно, но иногда «сходили с ума» – в том же Айдахо, куда предстояло лететь Гумилеву, робот прямо на базе сожрал трех солдат и капрала.

– Папочка, папочка! – закричала Маруся, отвлекая Гумилева от мыслей о плотоядных роботах. – Купи мне такого котика!

На арене лохматый манул прыгал через кольцо.

– Купим, – рассеянно пообещал Гумилев. – Только пообещай, что на руках не будешь таскать, он кусучий.

– Хорошо, не буду! – радостно закивала Маруся.

Что-то там еще было насчет одичавших пум, вспомнил Гумилев применительно к «котику». Даже не просто одичавших, а мутировавших. Самка пумы рожает четырежды в год, сущее раздолье для мутаций…

Из цирка он ехал все в той же задумчивости, автоматически отвечая на Марусины вопросы, порой совершенно невпопад.

– Папа! Так что, купишь мне котика? Ты пообещал!

– Да-да, – рассеянно сказал Гумилев.

– Тогда почему мы уже подъезжаем к дому? – требовательно спросила Маруся.

– Как почему? – растерялся Гумилев. – Потому что уже поздно и…

– Ничего не поздно! Мне же нужен кто-то, кого я буду воспитывать, пока ты будешь в Америке!

– Маруся, я же не сегодня уезжаю в Америку… Да и где мы сейчас найдем тебе манула?! Это не быстро делается. Мне нужно позвонить специальным людям…

Маруся хитро улыбнулась:

– Да ладно, пап, не нужен мне манул. Раз он кусучий. Давай купим просто котика в торгошке, это же рядом. Там есть такой отдел, где рыбки продаются, птички и котики!

Но зоомагазин в торговом центре уже закрылся, и через стекло на посетителей грустно смотрели хомячки, белые мыши, махонький кайман и три шиншиллы. Котят не было совсем, но Маруся все равно расстроилась. Пришлось Гумилеву клятвенно пообещать дочке, что завтра, прямо с утра, они отправятся за котенком в магазин.

Дома Гумилев отправил Марусю умываться и надевать пижаму, сказав, что скоро зайдет пожелать спокойной ночи. И тут же набрал Санича.

– Олег, выручай. Маруське срочно кот понадобился, воспитывать его будет, пока я в отъезде.

– Да без проблем, Андрей Львович. А какой кот? Породистый?

– Она вообще манула хотела, в цирке на мою голову увидала. Но манула, пожалуй, все-таки не надо. Да и вообще возни с этими породистыми… Ну их. Пусть будет обычный котенок. Посимпатичнее найди, да и все. Только надо, чтобы он утром здесь уже был, к тому времени, как она проснется.

– Сделаем, Андрей Львович. Знаю я, где кота взять. И то, хорошее дело – некогда девочке скучать будет с котом-то.

Гумилев положил трубку и тяжело вздохнул. Им тоже скучать не придется и без всяких котов…

Маруся уже лежала в своей кроватке, чинно сложив руки на одеяле. Гумилев улыбнулся – до чего послушными делает детей обещанный подарок... Он пожелал дочке спокойной ночи.

– Спокойной ночи, папочка! Хороших снов! – прощебетала Маруся свою традиционную ночную формулу. Но хорошие сны Андрею Гумилеву не снились. Снились человекоподобные роботы, пожирающие вопящих людей, простирающиеся до горизонта руины и выжженные кукурузные поля.

Утром Гумилева разбудил радостный Марусин визг. Затем дверь в его спальню распахнулась, и Маруся, вереща от счастья, стала тыкать Гумилеву в нос какой-то крошечный пушистый комок. Гумилев сел в постели, протер глаза.

– Папа! Папа! Он круче манула в стотыщпийсят раз! Можно, я назову его Мурзик?

– Ну-ка, покажи мне, что тут еще за Мурзик...

Маруся положила котенка ему на ладонь, где он, собственно, целиком и уместился. Из мягкого рыжего меха на Гумилева уставились два синих и неожиданно наглых глаза.

– Какой же он Мурзик? – удивился Гумилев. – Откуда ты вообще это имя взяла? Так котов, по-моему, с прошлого века не называют. Простенько как-то.

– А что, по-твоему, его нужно назвать Иннокентий Павлович? Или Даниил Андреевич?

– С чего это ты решила, что я думал так назвать кота? – опешил Гумилев.

– А у моего знакомого кошку звать Аделаида Петровна. Может, ты тоже думаешь, что котов так нужно называть!

– Нет-нет. Мурзик, так Мурзик, – сдался Гумилев, и Маруся, схватив котенка, понеслась его кормить.

Гумилев еще возился с выборкой из свежих газет, подготовленной референтом, когда ожил селектор.

– К вам господин Вессенберг.

– Пропустите, – велел Гумилев, сразу вспомнив эстонца-ксенобиолога.

Вессенберг вошел, благоухая дорогим парфюмом. Он был такой же, как на фотографии, только светлые волосы длиннее раза в два, чем там. Очки в тонкой золотой оправе были, скорее всего, с простыми стеклами, без диоптрий, просто для красоты. Пижон, решил Гумилев.

– Милости прошу, – сказал он, радушно указывая на кресло.

Вессенберг сел и только тогда сказал:

– Здравствуйте, господин Гумилев.

– И вам не болеть, – сказал в ответ Андрей. – Могли бы известить о визите.

– Я знаю, что вы не щепетильны в данных вопросах, – с едва заметным прибалтийским акцентом произнес Вессенберг. – К вам можно попасть практически с улицы.

– Теперь уже нет. Слишком много людей приходили просить денег. Из них деньги по-настоящему были нужны одной десятой, и это в лучшем случае. Один, не поверите, просил на новый «майбах».

– Дали?

– Дал. В лоб.

– Разумное действие.

Гумилев посмотрел на часы – девять с небольшим. Потом оценивающе глянул на кипу документов. На Вессенберга.

– Пьете? – спросил он. – Я не алкоголик, с утра обычно не пью, но вчера прочел в газете, что старушка в Великобритании дожила до ста десяти, каждое утро выпивая сто граммов виски. Таков рецепт ее долгожительства.

– Мы совершенно не старушки, потому предлагаю выпить по сто пятьдесят, – не чинясь, сказал эстонец.

Гумилев достал из ящика стола – на самом деле это был скорее встроенный бар – бутылку «макаллана» и налил в стаканы на три пальца. Чокнулись, пригубили.

– Хорошее начало, – отметил эстонец.

– Вы в самом деле ксенобиолог? – напрямую спросил Гумилев, ставя стакан прямо на стопку бумаг.

– Ну не понарошку же.

– Нет, я не в том смысле... Видите ли, даже у меня в штате есть несколько ксенобиологов. Более того, они даже изучают определенные вещи. Вполне материальные. Но толку от этого я не вижу. Поэтому и спрашиваю, перефразируя, – вы настоящий ксенобиолог?

– Я неоднократно работал с вполне материальными объектами, – уклончиво ответил Вессенберг. – Не могу рассказать вам более детально. Может быть, потом. На месте.

– На месте, я надеюсь, у нас будут под рукой свои материальные объекты, если вся информация о Зоне Пятьдесят Один окажется реальной... Вы сами-то верите?

– Отчего же не верить. Свято место пусто не бывает. Нет дыма без огня.

– Вы, часом, еще не филолог? Пословицами разговариваете.

– Хобби, – с виноватой улыбкой сказал Вессенберг. – Я их коллекционирую. Поневоле запоминаю и использую в повседневной речи.

Эстонец-ксенобиолог разговаривал довольно странно, словно компьютер. Эта манера Гумилева не покоробила, а, напротив, позабавила. Он был уверен, что плохого человека Решетников в группу не посоветует. Эксцентричного – да, запросто. Но и сам Гумилев был эксцентричным, с точки зрения других. Рыбак рыбака видит издалека? Черт, вот и он заговорил пословицами. Неужто заразно?!

– И почему вы ко мне пришли?

– Представиться. И сообщить, что в группе я буду являться вашим непосредственным заместителем.

– А вот это мне уже не нравится, – насупился Гумилев. – У меня есть Санич. Человек, прошедший огонь, воду и медные трубы. Робокоп, которому я всесторон-

не доверяю. Вас же я, простите, при всем уважении вижу в первый раз.

– Я ожидал такое непонимание, – с готовностью закивал Вессенберг, вертя в пальцах стакан с «макалланом». – Решетников предупреждал меня, что вы сложный человек. Однако вы не должны забывать, кто стоит за организацией вашего, э-э, анабазиса[1]. Поэтому у нас есть определенные просьбы и условия.

– Черт с вами, – сказал Гумилев сурово. – Кто вы по званию хотя бы?

– Ксенобиолог, – расплылся в широчайшей улыбке эстонец. – А Санич?

– Начальник службы безопасности, – парировал Гумилев.

– Таким образом, кадровый офицер у нас в составе группы только один – Решетников.

– Не понял. Решетников идет с нами, но мой заместитель – вы?

– Я только что об этом сообщил. Так будет удобнее во всех отношениях.

Гумилев решил, что сейчас задавать еще какие-то вопросы бессмысленно, – его посетитель слишком уклончив и осторожен, лучше уж потом поговорить с более открытым для диалога Решетниковым. Заместитель так заместитель, какая разница, в конце концов.

– Как вас, простите, по имени-отчеству? Я видел личное дело, но запамятовал.

– Индро Юльевич.

– Очень приятно. Андрей Львович. Итак, вы пришли представиться и сообщить, что у меня появился заместитель. Ваши функции в группе?

– Все, что касается Зоны Пятьдесят один и того, что мы в ней обнаружим. Организационная часть полностью остается за вами.

– Туда еще пробраться надо, – задумчиво произнес Гумилев. – Вы же не думаете, что это будет легкая пе-

[1] Анабазис (*греч.*) – отступление, военный поход из низменной местности в более возвышенную.

шая прогулка? Я видел результаты спутниковой съемки – база не безжизненна, там кто-то есть. И этот кто-то вряд ли ждет нас с распростертыми объятиями.

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, Андрей Львович.

Вессенберг поставил недопитый стакан на край стола.

– Собственно, у меня все, – сказал он. – Если возникнут вопросы, всегда можете связаться со мной через Решетникова. Если нужно будет подъехать – я тут же подъеду.

– В таком случае не смею вас задерживать.

Гумилев поднялся из-за стола и проводил гостя. Когда Вессенберг вышел, он вернулся, нажал кнопку селектора и произнес:

– Олег, зайди, пожалуйста. И захвати дело эстонца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На земле и под землей

Признаться, в канализации Ростислав Шибанов сроду не был.

В детстве имел такой шанс, когда, играя в войнушку, убегал от «немцев» и наступил на люк, который рабочие халявно прикрыли какими-то тонкими дощечками. Провалившись, Ростислав уцепился за край люка и так висел, оглашая окрестности тоскливыми воплями. «Немцы» с перепугу смылись по домам, решив, что Ростик убился, поломал себе все ноги и орет перед смертью. Не исключено, что тем бы и закончилось, но мимо шел пьяненький мужичок, который извлек будущую звезду НХЛ из люка, надрал уши и дал прощальный поучительный пендель, сказавши:

– В другой раз под ноги смотри, лишенец!

Дальнейшее знакомство Шибанова с канализационными системами заключалось в чтении «Отверженных» Гюго. Описание мрачных парижских недр, по которым Жан Вальжан тащит раненного на баррикадах во время восстания 1832 года Мариуса, поразило Ростислава до глубины души. Вот и сейчас он подсознательно ожидал увидеть обросшие мхом и плесенью кирпичные стены, позеленевшие скелеты, прикованные цепями в зарешеченных нишах…

А ничего такого не обнаружилось. Сухие коридоры с проложенными по стенам кабелями и трубами напоминали обычный подвал какого-нибудь учреждения. Видимо, непосредственно как канализация они уже давно не использовались, с самой Катастрофы, а дожди промыли стоки, унеся почти весь мусор.

Стараясь сохранять выбранное направление, Шибанов пошел вперед по узкому коридору, освещая его трофейным фонариком. По идее, здесь имелось ава-

рийное освещение, но оно вряд ли работало, да и как его включить, Ростислав не представлял.

Девушки шли следом, тихо перешептываясь. Как и Шибанов, они тоже вряд ли когда-либо бывали в канализации. Мидори довольно долго не могла поверить, что им не приходится брести по колено в дерьме. Да и вообще, наученная горьким опытом последних лет жизни, она постоянно ожидала, что мир встанет с ног на голову и какая-нибудь дрянь случится непременно. Так что тихие и чистые подземные коридоры ее только больше настораживали.

Они продвигались довольно быстро, останавливаясь только для того, чтобы Мидори поставила очередную отметину маркером на стене.

– Я читала, что в канализационных коммуникациях водятся аллигаторы, – вполголоса произнесла Мидори, озираясь по сторонам.

– Это газетные утки, – сказал Шибанов. – Хотя както в Нью-Йорке, кажется, действительно поймали в канализации крокодила. Но он был маленький и убежал совсем недавно. А долго жить и тем более размножаться они в таких местах не могут, ученые это регулярно объясняют, а газетчики регулярно придумывают очередную страшилку.

– А, нет! Я не в газете читала, меня приглашали сниматься в таком кино, – припомнила Мидори. – Не помню уже, что там пошло не так. Роль охотника за крокодилом должен был играть Джейсон Стэтхэм.

Шибанов уже привык к рассказам Мидори о ее неудавшихся кинопроектах. Иногда он подозревал, что девочка все выдумывает, но, с другой стороны, был в курсе, что таких неснятых картин в Голливуде тысячи.

– Судя по всему, фильм не стали снимать, потому что крокодил отказался работать со Стэтхэмом? – уточнил он.

Мидори и Атика захихикали, потом жена Ростислава со вздохом пожаловалась:

– Очень хочется есть…

– Вы же поели в гостях у Мастера.

– Да я понимаю, но… Наверное, это нервное.

– Вот, – сказала Мидори, чем-то зашуршав. – Батончики. Они довольно старые, но думаю, есть можно. Шоколад же не портится?

– Где ты их взяла? – удивилась Атика.

– В джипе, в бардачке. Эти уроды плюс ко всему оказались еще и сладкоежками.

– Расти, хочешь кусочек? – спросила Атика. Ростислав покачал головой и, продолжая шагать, предупредил:

– Насколько я помню, шоколад все-таки портится. Батончику минимум два года. Вы с ним поаккуратнее.

Прозвучало это строго, но Шибанов знал, что никто батончиком не отравится. Скитания, во время которых приходилось питаться просроченными консервами, собачьим и даже крысиным мясом, дали хорошую тренировку их желудкам.

С батончиками девушки разобрались мгновенно. Ростислав про себя отметил, что у них нет воды и нет даже емкости, куда можно было бы ее налить, если вдруг вода обнаружится. Наверное, в «хаммере» валялась какая-нибудь канистра или термос, но не возвращаться же теперь наверх…

Интересно, что там поделывают людишки Мастера? Шибанов, за последние пару лет нахватавшийся основ боевой тактики, оценивал их действия довольно скептически. Хотя оно и понятно: основные силы, бывшие кадровые военные, видимо, стерегут стены или отбивают атаки рейдеров, если таковые случаются. Возможно, даже наносят какие-то превентивные удары, патрулируют прилегающие территории. Именно так в свое время рассказывали Ростиславу те, кто бывал в Солт-Лейк-Сити. Вокруг же Мастера сидят обычные полицаи, которые могут стукнуть по зубам человека, имея на поясе пистолет, а на плече – штурмовую винтовку. Бойцы из них никакие, и Мастер это, вполне возможно, поймет после случившегося побега.

Наверное, рвет и мечет, подумал Ростислав и улыбнулся.

Мастер не рвал и не метал.

Он стоял на балкончике третьего этажа и смотрел на просыпающийся город: черные силуэты мертвых небоскребов, далекое соленое озеро, мечущиеся по улицам лучи фар патрульных автомашин. Никаких следов беглецов не обнаруживалось, по крайней мере, Мастеру о них до сих пор никто не доложил.

Рядом в шезлонге сидел полковник Роулинсон и пил джин «Бомбей» прямо из горлышка бутылки.

– Радуетесь, что живы? – поинтересовался Мастер без особенного любопытства. Он давно уже понял, что полковник – человек непростой, и чувства, свойственные простым людям, Роулинсону не свойственны. Мастер и сам был человек непростой, что греха таить, но Роулинсоном порой втайне восхищался, хотя никогда не признался бы в этом. Потому, кстати, Роулинсон и оставался при нем кем-то вроде советника, хотя явно был способен на большее.

– Скажем так – не сильно опечален этим событием. А вот вы должны радоваться. Порой вас заносит, сэр. Подобные эксперименты ни к чему хорошему не приведут. Он мог бы выстрелить в вас.

– Не успел бы.

– В блок, крепящий эти чертовы люстры, он выстрелить успел.

– Потому и успел, что никто не сообразил, что он затевает.

– Вот-вот, а потом начался кавардак, эти идиоты едва не перестреляли друг друга, а вся троица благополучно сбежала. На вашем же «роллсе». Сколько раз я говорил, что нужно усилить внутреннюю охрану?

– Прецедентов не было, полковник... – покачав головой, сказал Мастер. – Теперь, разумеется, усилим. Дайте распоряжение капитану Долтри.

– Долтри такой же идиот, как и остальные... – с омерзением произнес Роулинсон. – Я давно уже заметил: если нужно завалить какое-то важное дело, надо поручить его военным.

– Лучшие, к сожалению, сейчас дерутся с Макриди.

Войска так называемой Республиканской армии генерала Эрвина (по другим данным, его звали Карл) Макриди доставляли массу хлопот Солт-Лейк-Сити. Что обидно, до Катастрофы Макриди был самым обыкновенным торговцем подержанными автомобилями. Это подтверждало сентенцию Роулинсона про то, как нужно заваливать важные дела, потому что штатская крыса Макриди организовал вполне боеспособную группировку, легко подминающую под себя «свободные города» и более мелкие псевдоармейские образования. Штурмовать Солт-Лейк-Сити они пока не решались, потому что на Закрытой Территории хватало добычи. Но и Макриди, и Мастер понимали, что рано или поздно им придется разобраться, кто здесь главный. И старались по возможности наносить друг другу мелкие, но болезненные уколы.

– Сэр? – заискивающе-вопросительно произнес человек, вышедший на балкон сквозь высокие двойные двери.

Мастер оглянулся – это был капитан Долтри. Легок на помине...

– Что у вас, капитан?

– Боюсь, еще одна неприятность, сэр... – капитан замялся. Квадратное лицо его выглядело бесстрастным, но Мастер знал, что Долтри боится.

– Выкладывайте, не тяните.

– Черномазый удрал.

Роулинсон отвратительно захихикал.

– Каким образом? – холодно поинтересовался Мастер.

– Не знаю. Замок закрыт, а негра в камере нет. Последним, кто его видел, был Абрахам, приносил ему пожрать, потом забирал посуду. Словно в воздухе растворился, сэр.

– Роулинсон! – Мастер повернулся к полковнику. – Заканчивайте надираться джином, пусть даже очень хорошим, и займитесь делом, которое вам по вкусу. Дано: пустая камера, запертый замок, отсутствующий чернокожий. Решение загадки за вами. И не забудьте, что на днях нужно будет решить проблему с Лос-Аламосом.

– Охотно займусь, – согласился полковник, неуклюже выбираясь из шезлонга. Бутылку он поставил на пол и, случайно задев, разлил ароматную голубую жидкость, но даже не обратил на это внимания. – А про Лос-Аламос я всегда помню, сэр.

Долтри переминался с ноги на ногу, ожидая распоряжений для себя.

– Я вами недоволен, капитан! – сурово сказал Мастер. – Замените всех, кто сегодня упустил пленников, – я имею в виду всех, кто был в зале. Отправьте в патруль за периметр, подальше. С вами я разберусь позже. Исполняйте! Если будут новости, докладывайте немедленно.

– Есть, сэр!

Долтри, заметно обрадованный тем, что расправа отложена, убежал. Роулинсон подошел к перилам балкона и посмотрел вниз, где суетились охранники, подъезжали и отъезжали автомобили.

– Вы не торопитесь, я вижу, – заметил Мастер.

– А куда торопиться? Если негра в камере нет, то его там все равно нет. Дайте подышать свежим воздухом.

Мастер хотел было поиронизировать на предмет неожиданной любви полковника к свежему воздуху, но тут неожиданно вернулся Долтри.

– Вы просили докладывать немедленно, сэр…

– Нашли?!

– Нет, сэр. Они захватили «хаммер», оружие и обмундирование. Двух наших людей связали и бросили в проулке. «Хаммер» мы пока не нашли…

– Обоих расстрелять, – не раздумывая, приказал Мастер. – Ищите машину. Задействуйте всех, кого сочтете нужным. Быстро!

– Есть, сэр!

– А вы займитесь, наконец, этим чертовым негром! – еле сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, сказал Мастер полковнику. – Я хочу знать, черт побери, куда он делся!

Джей-Ти сидел в заброшенном сувенирном магазинчике и высматривал, нет ли здесь чего полезного. Погромы, случившиеся в дни Катастрофы, и тщательные зачистки магазинов, особенно продуктовых и скобяных, регулярно производимые потом, миновали эту небольшую лавочку по причине полной непригодности ее ассортимента. Умирающему куску цивилизации ни к чему оказались пластиковые макеты мормонского молельного дома Табернакл и собора Солт-Лейк, равно как и карты Большого Соленого Озера или легкой железной дороги Метролинк. Джей-Ти перевернул пол-лавочки вверх дном, тщетно пытаясь найти карту самого Солт-Лейк-Сити, но кроме дурацких открыток с панорамой города на фоне горы ничего не нашел.

Все, что обнаружил Джей-Ти, это завалившийся под груду туристических брошюр складной нож с символикой зимних Олимпийских игр 2002 года. В качестве оружия – крайне сомнительно, но ничего другого под рукой не было.

Светало, и бывший рэпер задумался, как поступить дальше. Судя по слою пыли и целым рыболовным сетям паутины, в сувенирную лавчонку давно никто не забредал, поэтому можно было провести день здесь. С другой стороны, несколько раз осторожно выглядывая наружу, он заметил, что чернокожих на улицах довольно много. Видимо, в этом районе города они и живут. А для белого, как известно, все негры – на одно лицо. Тем более для белого, который негров не любит, – а Джей-Ти пока сталкивался здесь только с подобными.

Выбравшись из магазинчика и чуть-чуть изменив внешность, можно было спокойно добраться до озе-

ра, не привлекая особого внимания. С внешностью Профессор справился легко: нахлобучил на голову зеленую бейсболку с эмблемой национального парка Антилоуп, надел дешевые солнцезащитные очки с пластмассовыми стеклами. Сверху полевой куртки пришлась как нельзя впору широкая майка с логотипом яхтклуба Солт-Лейк. Немного разорванная по шву, она не заинтересовала мародеров и валялась на пустой полке.

– Вряд ли у них тут всем раздали фотороботы, правда, братан?! – спросил сам у себя Джей-Ти и, оглядевшись, выскользнул из магазинчика.

Никто не обратил на него внимания. Бывший рэпер угадал верно: в данной части города было организовано негритянское гетто, которое охранялось спустя рукава. Хорошего здесь было мало, но, имея кусок хлеба и даже выпивку по праздникам, как говорил старый Абрахам, чернокожие предпочитали эти нехитрые блага сомнительным перспективам выживания за пределами города. Разумеется, кто-то убегал, кого-то ловили и наказывали, но в целом гетто жило своей собственной, довольно спокойной жизнью. В конце концов, рассуждали многие его обитатели, их деды и прадеды как-то ведь жили в годы оголтелого расизма южных Штатов. Что поделать, если время повернулось вспять? Правильно, устраиваться по мере возможностей.

И Клем, и Роулинсон могли дать полезный совет Ростиславу и его спутницам – уходить именно через гетто. Но Роулинсон просто умолчал об этом, а Клем даже и не подумал, да и знать не знал. Поэтому Шибанов с девушками двинулись к свободе сложным путем, а Джей-Ти – довольно простым.

Он шел по растрескавшемуся тротуару, поглядывая по сторонам. Навстречу попадались в основном пожилые женщины, спешившие по хозяйственным делам, и детишки, мал мала меньше. Дети были одеты в разномастные обноски, один карапуз сидел на кевларовом

армейском шлеме, который, судя по всему, заменял ему горшок.

Наверное, здесь можно было укрыться, найти оружие, пищу, узнать дорогу. Но Джей-Ти давно уже разучился вот так запросто доверять незнакомым людям, независимо от того, какого цвета у них кожа. Скорее всего, за его шкуру уже назначили награду, и не факт, что первый же черный брат, к которому он обратится с просьбой, не сдаст его солдатам Мастера за галлон виски или несколько банок консервированных бобов.

– Нет уж, на фиг, – пробормотал Джей-Ти, поправляя сползавшую бейсболку, которая была ему великовата. И только тогда обнаружил, что за ним наблюдают.

Давешний пацан, что ночью засек его лихой побег из кутузки, ехал по противоположной стороне улицы на раздолбанном велосипеде. Джей-Ти узнал его по приметной прическе – голова пацаненка была местами выбрита, но выбрита весьма затейливо – под футбольный мяч. Тот мяч, который для соккера, а не для нормального американского футбола.

Велосипед был собран из разноцветных частей. Судя по раме, изначально это был «швинн» – Джей-Ти тоже катался на подобном лет в десять. Заметив, что Джей-Ти его засек, пацан развернулся и собрался было удрать, но бывший рэпер приветливо подмигнул ему и поманил пальцем.

Пацан уезжать не стал, но стоял, держа ногу на педали.

– Иди сюда, чувак! – позвал Джей-Ти. – Я ничего плохого тебе не сделаю.

– Откуда я знаю? – резонно спросил пацан.

– Я тебя первый раз в жизни вижу, зачем бы я тебе делал плохое?

Логики в этом умозаключении содержалось маловато, но пацану хватило. Он подъехал ближе и продолжал медленно двигаться параллельно идущему Джею на таком расстоянии, чтобы тот не успел его схватить.

– Тебя как звать?

– Шеммонд, – сказал пацан.

– Красивое имя. А я – Джей-Ти.

– Тоже ничего, – снисходительно сказал пацан. Ржавая велосипедная цепь отчаянно скрипела.

– И хаер у тебя прикольный. Кто тебя так подстриг? Брат?

– Сестра, – с гордостью сказал пацан, – это она сама так придумала!

– Да ладно? – поразился Джей-Ти. – Девчонка, а в футболе шарит?

– Она играла за школьную команду.

– Только ни фига это не футбольный мячик у тебя на голове, чувак, – наставительно заявил Профессор. – Это мяч для соккера. Девчонкам он, может, и сойдет, а пацан должен любить американский футбол. «Нью-Йорк Джетс», «Канзас Сити Чифс», «Индианаполис Кольтс»... Вот это для американских пацанов, а в соккер пусть играют девчонки и европейцы.

– Да пошел ты, – обиженно сказал пацан и явно собрался отвалить. Джей-Ти поспешил исправить положение:

– Стой, стой! Да черт с ним, с соккером. Классный причесон, клево.

Пацан передумал уезжать, но смотрел подозрительно.

– Слушай, мне помощь нужна, – сдался Джей-Ти.

– Я так и думал. Я видал, как ты удрал из Обезьянника.

– Обезьянника? Это почему вы его так называете?

– Как это почему? Там же одни белые, в этом большом доме.

– Слушай, – серьезно произнес Джей-Ти. – Белые – такие же люди, как ты или я. Среди них полно хороших и достаточно плохих. Вот скажи, среди черных много ублюдков? Таких, которые своему же брату готовы сделать гадость?

– Хватает, – признал Шеммонд.

– Та же фигня и с белыми, братан. Ладно, об этом мы как-нибудь позже побеседуем, а пока мне нужно отсюда свалить.

– А что ты натворил? Замочил кого?

– Нет, просто я пришел с запада, и город мне не понравился. А меня хотели здесь оставить против моей воли. А я этого, братан, очень не люблю.

– Кажись, понял. Это твои кореша удрали? Копы их искали всю ночь, злые были, как собаки.

– Мои.

– Белые небось?

– Один белый, его жена – такая же, как мы. Еще одна девчонка – частично японка.

– Японок я люблю, – мечтательно сказал Шеммонд, и Джей-Ти едва удержался, чтобы не рассмеяться, потому что пацан внешне тянул максимум лет на десять. – Их вроде пока не поймали. А ты чего не с ними?

– Меня посадили отдельно.

Джей-Ти проворно оглянулся по сторонам. Заболтавшись со своим новым приятелем, он совсем расслабился. Слава богу, никто внимания на них не обращал. Вот если появится патрульный автомобиль, придется прятаться… Но, видимо, у патрулей были дела в других местах.

– Так чем тебе помочь, братан? – деловито спросил пацан, подъезжая почти вплотную. Видимо, решил, что враг обитателей Обезьянника может являться для него только другом.

– Да слинять мне надо из города. Сказали, лучше сделать это по озеру. Правда или нет?

– По озеру можно слинять. Там охраны нету. И забора тоже. Если взять лодку и поплыть типа ловить рыбу… – задумчиво предположил Шеммонд. – Рыбы тут почти что и нету, вода в озере слишком соленая, но некоторые ниггеры ловят. Жрать-то надо.

– А где взять лодку?

– Украсть, ясное дело. – Пацан посмотрел на Джея-Ти с недоверием. – Слушай, ты точно крутой?

– Крутой, крутой, – заверил Профессор. – Можешь не сомневаться.

И прочитал из старой песни Public Enemy:

Пока черные музыканты потеют,
И размеренные рифмы гремят.
Дайте нам то, что мы хотим.
Дайте нам то, что нам надо.
Наша свобода слова – это свобода или смерть:
Мы должны бороться с властью!
Я хочу услышать ваше
«Боритесь с властью!».

Без практики Джей-Ти подрастерял свое мастерство читать рэп, пару раз довольно позорно запнулся, но пацан был в экстазе.

– Фигасе! – вытаращив глаза, пробормотал он. – Да ты круче Фифти Цента! Сам сочинил?

– Сам, – на всякий случай соврал бывший рэпер, потому что песня была старая и Шеммонд ее, скорее всего, не слышал.

Тот тут же подтвердил:

– У меня есть несколько рэперских дисков, но слушать такое копы не позволяют. И электричество у нас дают редко, а батарейки давно все кончились. А ты давай сворачивай вон туда, я знаю, где Брюс прячет свою лодку на озере. Это хорошая лодка, если белые узнают, то отберут ее. Лучше ты ее украдешь, чем белые.

Пожав плечами, Джей-Ти свернул в указанном направлении. Это был нежилой квартал, почти полностью выгоревший – вместо деревянных домов стояли черные каркасы, под ногами скрипели уголья.

– Тут все сгорело, еще когда чокнутые бегали, – пояснял Шеммонд. Он слез с велосипеда, потому что ехать по пепелищу было неудобно, и вел его, держа за руль. – Потом чокнутых по большей части перестреляли, несколько раз они еще нападали на нас, но их отбили. Сейчас или передохли сами, или в другой город ушли. Давно уже не видел чокнутого.

– А твои родители где?

– Мать на плантации, а отца нету. Чокнулся, его и замочили.

Пацан поведал об этом трагическом событии обыденно, словно колонка происшествий в газете. Да ведь так оно все и было, вспомнил Джей-Ти. Два года назад – а словно лет десять прошло… И убивали именно так – пока зараженный не успел убить тебя. Шибанов как-то сказал ему, что эпидемия в США унесла меньше жизней, чем унесла бы эпидемия в России, потому что там нельзя свободно продавать гражданам оружие. Поэтому здоровым нечем было бы защититься от больных.

Профессор не мог представить себе государство, в котором нельзя свободно купить пистолет, чтобы защищать себя. Ростислав тогда развел руками и сказал, что это тот случай, когда и у Америки есть чему поучиться. Дальше они принялись спорить, забрались в дебри политики и экономики (причем оба разбирались в ней на довольно потешном уровне), плюнули и решили больше подобных диспутов не устраивать.

Вспомнив об оружии, Джей-Ти сказал:

– Я пустой, чувак. Пушку можешь достать?

Шеммонд закатил глаза.

– Я что, оружейный магазин? Знаешь, что бывает, если у меня найдут пушку?!

– Насколько я помню, раньше из этого тоже ничего хорошего не выходило, если пушка незаконная, – согласился с пацаном Джей-Ти. – И тем не менее?

– Тебе же даже нечем со мной расплатиться, – прищурился Шеммонд. Велосипед, подскочив на крупной головешке, громко дзинькнул звонком, спугнув стайку каких-то птиц, сидевших на каркасе дома.

– Ножик хочешь?

Пацан критически осмотрел средство оплаты, ногтем проверил остроту лезвия и сунул ножик в карман.

– Идет. Мне все равно ствол не нужен, только неприятности с ним, да и большой… Отдача очень силь-

ная. Только за ним нужно съездить. Ты пока спрячься, братан.

– Где?

– Сейчас покажу.

Джей-Ти привел его к ряду приземистых строений, расположенных не слишком далеко от берега озера. Была видна гладкая поверхность воды, небольшие ржавые кораблики, вытащенные на берег, перевернутая набок белоснежная яхта, зарывшаяся мачтой в прибрежную смесь песка и соли.

– Тут сиди, – Шеммонд по-хозяйски подтолкнул рэпера к сложенной из бетонных плит будочке. Если, как предположил Джей-Ти, когда-то этот комплекс строений был частным яхт-клубом, здесь должен был находиться пост охраны.

Внутри будочки ничего не было, потому он сел на пол и принялся ждать. Своего рода лотерея – вернется ли Шеммонд? А если вернется, принесет ли пушку? А что будет, если он вернется не один?

Хорошо бы Расти и девчонок не поймали. Наверное, ему так все легко и удалось именно потому, что головорезы Мастера отвлеклись на них... Еще бы – Расти ушел с боем, угнал машину. Такое не простят. А он, Джей-Ти, – просто еще один черномазый, о побеге которого даже не факт что уже известно.

Сняв нелепые очки, Профессор аккуратно положил их на подоконник, а сам привалился к стене и закрыл глаза. Уже несколько часов он был совершенно один, тогда как с самого бегства из Неверлэнда они практически не расставались. И Джей-Ти отвык от одиночества. Сейчас он чувствовал это особенно остро.

Направление они выдерживали, благо трубы и коридоры не слишком петляли. Мидори делала пометки, хотя Ростислав надеялся, что возвращаться не придется.

Пару раз им пришлось преодолевать вброд заполненные мутной водой провалы в полу – результат от-

сутствия профилактических работ и дождей. Пить эту воду, конечно же, не следовало.

Атика явно устала и весьма заметно стала прихрамывать. Значит, все-таки потянула связки – отметил Ростислав и постепенно замедлил ход. Атика ничего не заметила, а Мидори, улучив момент, показала ему глазами на ногу Атики и одобрительно кивнула. Девчонка держалась, как всегда, молодцом, по дороге старалась занять Атику разговорами, зная, что так меньше обращаешь внимания на боль.

– Если бы не эта фигня с Катастрофой, я, наверное, в армию пошла, – доверительно сообщила она Атике.

– Ты? В армию? – засмеялась Атика. – Ты же актрисой собиралась быть. Зачем бросать такую прибыльную профессию?

– Актрисе армия тоже не помешала бы. Между прочим, тогда меня чаще бы приглашали на роли – ведь не надо было бы нанимать дублерш всяких, если я и сама могу сальто крутить и прочие трюки делать.

– В армии не трюкам учат, – заметил Шибанов.

– А то я не знаю, чему там учат! – огрызнулась Мидори. – Некоторое время она молчала. Затем тихо сказала: – Я в армию хотела, чтобы себя научиться защищать. От всяких…

– От всяких кого? – удивился Шибанов. – Ты же еще мелкой школьницей была, когда все это случилось… А потом всегда рядом с нами, тебя никто не обижал.

– А ты думаешь, в школе мало всяких уродов было? – возмутилась Мидори. – У меня одноклассник один был… урод. Меня к нему приставили помогать с учебой…

– Серьезно? У вас тут такое тоже было? А я думал, только у нас, – поразился Ростислав.

– Какое? – не поняла Мидори.

– Что к разным уродам отличников приставляли с учебой помогать.

– Не знаю, как у вас, а в нашей школе почему-то это было. Вот навязали мне этого урода, прихожу я к нему,

а он дверь закрыл и говорит: «Хорошо, что ты пришла! У меня есть топор. Поиграем в расчлененку?»

Ростислав и Атика одновременно прыснули со смеху.

– Ничего смешного, – строго сказала Мидори, сама еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться.

– А ты что? – спросила Атика.

– Я что? Я ему кулаком в солнечное сплетение засветила, а потом ему пришлось выучить наизусть всю поэму Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

Тут уже Ростислав и Атика расхохотались так, что по коридору заметалось эхо. Да и Мидори тоже рассмеялась. Но их веселье продолжалось недолго.

В квадратной комнате наподобие коллектора им попался человеческий скелет. Он лежал, скорчившись в углу, некоторых костей недоставало. Никто не испугался – такого добра они насмотрелись на Закрытой Территории предостаточно – и скелетов, и трупов на разных стадиях разложения... Шибанов внимательно осмотрел останки и предположил:

– Давно лежит, по-моему. Может, во время начала эпидемии забился сюда и умер с голоду.

Но потом им попалось еще несколько скелетов – как целых, так и разбросанных на несколько ярдов. Вперемешку с костями валялись куски одежды, обувь, в одном месте – полицейский револьвер без патронов, в другом – разбитый радиоприемник... У шестого по счету костяка Мидори остановилась, наклонилась и сказала:

– По-моему, его кто-то грыз.

– Что?! – переспросил Шибанов.

– По-моему, его кто-то грыз, – повторила Мидори.

Ростиславу сразу же представились морлоки, существа из романа Уэллса «Машина времени», ушедшие жить под землю и питавшиеся мясом оставшихся наверху жителей... Скривившись – всплывет же не ко времени дрянь всякая, – Шибанов поторопил Мидори, потянув ее за руку:

– Давайте не будем задерживаться, раз такие дела.

А еще через пару сотен ярдов Ростислав Шибанов предостерегающе поднял руку.

– Слышите?! – шепотом спросил он.

Впереди, в глубине коридора, что-то происходило. Шуршание, перешептывание, царапанье... Словно орда мерзких гномов выбралась из своих каменоломен, чтобы напакостить людскому племени. В далеком шипении и шуршании чувствовалась несомненная угроза, мало того, оно явно двигалось им навстречу, и Шибанов снял с плеча М-16.

– Что это?! – так же шепотом спросила испуганная Атика.

– Не знаю...

– Я видела ответвление, это шагов тридцать назад, – сообщила Мидори. Бывшая кинозвезда выглядела спокойной, тяжелый пистолет не дрожал в ее руке.

– Откуда мы знаем, что там, Ми?

– По крайней мере, там тихо, – резонно заметила девушка.

Они вернулись к ответвлению, шорох и шуршание следовали за ними по пятам, оставаясь пока за пределами света фонарика. В боковом коридоре обнаружилась пластиковая дверь с зарешеченным окошечком. Она была заперта, но врезной замок выглядел весьма хлипким.

– Укроемся здесь, – решил Шибанов. – Если что – попробуем выбраться наверх, это похоже на какой-то запасной выход.

Дверь в самом деле вылетела от удара плечом. За ней были уходящие вверх ступеньки. Пристраивая дверь на место, Ростислав услышал, как таинственный звук еще приблизился. Он выглянул в коридор, поднял фонарик и отшатнулся от отвращения.

Захлопнув дверь, Шибанов привалился к ней спиной.

– Нужно чем-то ее укрепить, – выдохнул он.

Девушки не стали задавать вопросов – изобретательная Мидори тут же взяла у Атики М-16, уперла прикладом в ступеньку, а стволом – в дверную ручку.

– Придется бросить, – вздохнула она. – Что там?

– Крысы, – коротко сказал Ростислав.

Сотни серых грызунов бежали по коридору. Шибанов навсегда запомнил их сплошной шевелящийся ковер, круглые уши, похожие на человеческие, отблескивающие красным глаза, острые зубы. Серая крыса – тварь, обитающая везде, кроме Антарктиды.

Что вспугнуло или приманило их? Может быть, движение – канализация выглядела так, словно людей здесь не было уже очень давно. Те же несчастные, чьи скелеты они видели в коридоре, становились для крыс лакомой добычей. Нет ничего удивительного, что грызуны так быстро среагировали и явились позавтракать…

Дверь уже ощупывали тонкие крысиные пальцы, скреблись и царапались. Зверьки злобно пищали, понимая, что добыча рядом, вкусно пахнет, но добраться до нее нельзя.

Затем они азартно принялись грызть дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Илиада»

Гумилев всматривался в лица членов группы, собравшейся в малом конференц-зале.

Сам он сидел, что называется, в президиуме – за легким пластиковым столом, размещенным на невысоком подиуме. Рядом с ним озабоченно листал папку с бумагами Санич.

Члены группы рассредоточились по залу, собравшись, так сказать, по интересам. Люди Санича сидели с левой стороны, в ряд, торжественные, словно готовясь к вручению правительственных наград, и о чем-то вполголоса переговаривались. Посередине был Грищенко, который приветливо поглядывал на Гумилева.

Ученые сидели справа. Тарасов и Синцов вдвоем, на первом ряду кресел, за ними – критично озирающийся Артемьев, на значительном расстоянии от него – Вессенберг.

Ну вот, мрачно подумал Гумилев, уже начинаются проблемы. То, что вояки сидят отдельно, в принципе, принимается – у них будут свои собственные функции, ученые для них – объект защиты. А вот Артемьев, как и ожидалось, оригинальничает. И Вессенберга его парни пока не приняли, что ожидаемо, но нежелательно. Как бы там ни сложилось впоследствии, не надо бы вот так сразу показывать, что мы – сами по себе, а ты в нашу песочницу не лезь.

Эстонец, казалось, не обращал на это никакого внимания. Он добродушно разглядывал стены конференц-зала, сделанные из панелей мореного дуба, потом поймал взгляд Гумилева и улыбнулся.

Саничу Вессенберг не понравился. Еще больше ему не понравилось то, что неведомый ксенобиолог будет заместителем Гумилева. Не он, боевой робокоп Санич,

не даже сотрудник спецслужб Решетников, а ученый. Притом настолько несолидного вида – длинные волосы, пижонские очочки.

«Павиан белобрысый» – так охарактеризовал Санич эстонца в приватной беседе с Гумилевым после того, как Вессенберг приходил к нему отрекомендоваться.

Усилия ребят Санича ни к чему особенному не привели – Вессенберг был тем, кем он есть, то бишь ученым редкой и в чем-то даже шарлатанской специальности. Отчасти известный в таких же кругах за рубежом, автор нескольких брошюр, изданных малым тиражом в частных мелких издательствах. Холост, родители живут в Пскове, пенсионеры.

Решетников при всей доверительности их отношений объяснять тоже ничего не стал.

– Это лучший специалист, – коротко пояснил он Гумилеву. – Если все, что мы собираемся там найти, на самом деле существует, то без него не разберемся. Извините, Андрей Львович, но я сам поначалу был против, а потом понял, что Вессенберг необходим. В любом случае мешать он не будет.

Вессенберг снова улыбнулся, видимо ожидая, что Гумилев сделает это в ответ. Но Гумилев отвернулся к Саничу и тихо произнес:

– Начинай, что ли.

– Прошу внимания! – с готовностью сказал Санич. В зале затихли. – Сегодня мы собрались, чтобы ознакомиться с данными операции «Илиада». Вам уже было сообщено заранее, но повторюсь для тех, кто вдруг не осознал всей серьезности – после текущей беседы вы уже не покинете территории комплекса и не будете иметь возможности связаться с родными и близкими. Скорее всего, послезавтра с утра мы отправляемся на аэродром, откуда вылетим в Соединенные Штаты.

Про Соединенные Штаты все знали давно, потому что международная миссия в Айдахо давно стала объектом газетных статей и телерепортажей. Гумилев устал отбиваться от журналистов, приказав в

конце концов пресс-службе на все вопросы отвечать «Без комментариев». СМИ подергались немного и отстали.

А вот про вторую часть, а именно проникновение на территорию Зоны 51, не знал никто. Кроме Санича, Решетникова и, как ни печально, Вессенберга.

– Личные вещи с собой вам не пригодятся, – продолжал Санич. Гумилев укоризненно посмотрел на начальника службы безопасности, и тот, поняв, как двусмысленно прозвучала его фраза, тут же поправился: – Я не в том смысле, что... ну, вы поняли... а в смысле, что члены группы будут обеспечены всем необходимым с учетом наших целей и места пребывания, а также из расчета общего груза.

Ученые заулыбались забавной оговорке Санича, воякиси дели спокойно.

– Если есть вопросы, поднимайте руки, – предложил Санич.

Руку поднял Вессенберг.

– Почему именно «Илиада»? – поинтересовался он, поправляя свои пижонские стеклышки.

– Разрешите, я отвечу, – вступил в игру Гумилев. – Видите ли, одно время я пытался ввести в своей... э-э... организации схему, используемую в некоторых зарубежных спецслужбах, – когда компьютер выбирает случайное слово для наименования проекта или операции. Вроде бы так теряются все ассоциации, которые могут возникнуть в случае, если название придумывает человек. Но после того, как компьютер предложил назвать одну из программ по исследованию проблем омоложения организма «Харон», а проект по поддержке талантливой молодежи в одном из лицеев – «Лопух», я это нововведение отменил. «Илиадой» операция названа потому, что это одна из моих любимых книг – вы, верно, заметили ее на моем рабочем столе во время прошлого визита.

– Но, насколько я могу знать, в данном случае как раз работает ассоциация. «Илиада» – это произведе-

ние о путешествии, войне, секретной операции данайцев...

– Вы считаете, если бы моей любимой книгой было, скажем, «Великое путешествие кроликов» Ричарда Адамса[1], ассоциации бы не наблюдалось?

– Вопрос снимается, – с улыбкой сказал Вессенберг.

Тарасов что-то зашептал на ухо Синцову, косясь на эстонца.

– Если вопросов больше нет, разрешите приступить к информационной части.

Санич нажал кнопку. Шторы за спиной у них разъехались, загорелся экран, на нем появились кадры космической съемки: похожее на неровный осколок зеркала озеро, окруженное горами.

– Перед нами – высохшее озеро Грум-Лэйк, возле которого на территории военной базы Неллис располагается так называемая Зона Пятьдесят один, – начал Санич, выйдя из-за стола и взяв указку. До мая тысяча девятьсот пятьдесят пятого года база входила в состав испытательного полигона Военно-морских сил США, на котором проводились подземные ядерные испытания...

Гумилев не слушал Санича, потому что все эти данные прекрасно знал. Он наблюдал за своими будущими спутниками, прикидывая, правильный ли выбор сделал. Даже самые свежие данные не проливали света на то, что происходит на территории Зоны 51 и непосредственно объекта S-4. Там могли остаться военные. Базу могли захватить инфицированные, могли – обычные люди, попавшие туда в поисках убежища. Все три варианта гарантировали проблемы... Ладно, решил он, посмотрим, что будет дальше.

– Самые разные источники утверждают, что сюда с конца пятидесятых годов постепенно стали пере-

[1] «Великое путешествие кроликов» («Watership Down») – эпический роман Р. Адамса об удивительном путешествии кроликов, которые вынуждены покинуть свой город из-за развернувшегося строительства и отправиться в долгое и опасное странствие в поисках нового дома. Другие названия в русском переводе: «Корабельный холм», «Удивительные приключения кроликов».

мещаться работы по исследованию внеземных технологий с базы Райт-Паттерсон, штат Огайо. О том, что в Зоне 51 испытываются инопланетные аппараты, потерпевшие крушение в конце сороковых годов в штате Нью-Мексико, в свое время в доверительной беседе признался физик Отто Краузе, – продолжал Санич. – Целью программы, по его словам, было создание двигателей, аналогичных тем, что установлены на летающих тарелках. Через увеличительную оптику металлические тарелки над Грум-Лэйк не раз видели участники ядерных испытаний в Неваде.

Оксана Иванова что-то сказала сидящему рядом Грищенко. Майор – так решил звать его по старой памяти Гумилев – согласно кивнул. Удивленными вояки не выглядели, потому что за время работы у Гумилева привыкли, что многие фантастические вещи вовсе таковыми не являются. Доклад же Санича, построенный на суммированных фактах и точных описаниях, был привычен и понятен их армейской натуре. Нужно захватить объект? Хорошо, для исходных данных нужны координаты, места проникновения, вероятное количество противника. То, что хранится на объекте, уже второстепенно.

– Бывший сотрудник спецподразделения ВМС Дерек Хенесси, служивший на объекте Эс-четыре, рассказывал: «На объекте, не считая самого верхнего, вырубленного в скалах, имеется четыре подземных этажа. Там находятся ангары, связанные друг с другом лифтами, с помощью которых летающие тарелки доставляются на поверхность». На третий и четвертый уровни допускались только люди со специальными полномочиями. Каждый из них имел специальную магнитную карточку, кроме того, специальные сканирующие устройства проверяли их отпечатки пальцев и рисунок радужной оболочки глаза. Хенесси, охранявший лифт на втором подземном уровне, не знает, что находится на более глубоких этажах. Зато он дал детальное описание второго уровня и нарисовал подробный план

его помещений. Он рассказал, что в девяти ангарах в то время находилось семь «летающих тарелок». С помощью гидравлических систем их с какими-то целями периодически поднимали на верхний этаж. – Санич сделал небольшую паузу, словно наслаждаясь вниманием слушателей, и продолжал: – Хенесси обозначил на схеме место, где в специальных контейнерах хранились тела инопланетян. «Стеклянные трубы высотой сто восемьдесят и шириной шестьдесят сантиметров стояли вплотную друг к другу. Они все одинаковые, и существа, находившиеся в них, тоже выглядели одинаковыми. Я не знаю, какого они пола, так как цилиндры посредине были прикрыты кольцом из алюминия. Цилиндры стояли на постаменте из черного полированного камня высотой тридцать сантиметров и были заполнены раствором, в котором плавали тела. Эти существа имели худощавое телосложение, сужающиеся к подбородку головы и длинные руки. Глаза в складках. Век не видно. У них была сероватая пигментация кожи, они совершенно безволосые. Голубоватые углубления вместо ушей, две щели вместо носа и одна вместо рта. Похоже, у них нет ни сосков, ни пупка, во всяком случае, я их не видел. Но я помню, как кто-то сказал, что у них совершенно не такое, как у нас, строение тела».

В зале наконец-то зашептались. Санич, не обращая внимания, продолжал рассказывать про то, как американцы пытались скрывать сведения о Зоне, и о том, кто собирается наложить на них руки. О самопровозглашенной Республике Солт-Лейк слышали все, хотя писали о ней все меньше и меньше – Закрытая Территория была недоступна для журналистов, а стало быть, не являлась поставщиком достоверных новостей. Североамериканский же Альянс не считал Республику законным государством и старался всячески блокировать информацию со своей стороны.

– Итак, вы понимаете, что от нас требуется, – обратился Гумилев к собравшимся, когда Санич за-

кончил свое выступление, выключил экран и закрыл шторы. – Пробраться на территорию Зоны Пятьдесят один, попытаться разобраться с тем, что мы там обнаружим, а затем уйти, уничтожив остальное. Операция очень сложная, потому что мы не знаем, что происходит на территории Зоны. Возможно, там вообще никого нет, хотя данные космической съемки фиксируют некие перемещения. Возможно, нас встретят во всеоружии. Послать более крупный отряд мы не имеем возможности – Североамериканский Альянс любезно пригласил нас для медицинских исследований, но ни за что не разрешит нам попасть на этот объект. Разумеется, вы имеете право отказаться – я не вправе вас осудить. Уверяю, что никаких репрессий в случае отказа не последует. Все мы люди, у всех есть семьи, родные, планы на будущее. Это не оборона Москвы в сорок первом, когда врага нельзя было пропустить дальше. Хотя в каком-то смысле это почти то же самое.

В зале молчали. Вессенберг по-прежнему улыбался, словно бы Гумилев рассказал нечто смешное. Грищенко смотрел в пол. Румяный Антон Миллерс, бывший офицер-десантник, задумчиво грыз ноготь. Насколько помнил Гумилев из досье, Миллерс два месяца назад женился. Еще один безопасник, Максим Дербенев, что-то записывал в блокнот.

– Я так понимаю, никто не отказывается? – уточнил Гумилев, выждав достаточную паузу. – Спасибо. Я верил в вас. Однако вопросов я услышал мало. Всем все понятно?

– Андрей Львович, вы уж простите, что я так упрощаю, – сказал, не поднимаясь, пожилой Артемьев. – Но мы же видим, что все решится только на месте. Чего же воду в ступе толочь? Лично я лучше пойду в тире немного позанимаюсь, благо домой меня уже не отпустят.

– Логично. Что ж, тогда не смею никого задерживать, – развел руками Гумилев. – Вас известят, в какой

день и во сколько мы встречаемся на вертолетной площадке.

– У меня вопрос, – неожиданно сказала Оксана Иванова, когда все уже встали и начали пробираться к выходу. – Какие гарантии, что наш противник не успеет добраться до базы раньше нас?

– Никаких. – Гумилев покачал головой. – Больше того, возможно, они уже там побывали. Хотя, по данным Решетникова, Республика Солт-Лейк слишком занята сейчас вооруженными столкновениями с армией Макриди – одним из наиболее серьезных военизированных формирований на Закрытой Территории. С другой стороны, это противостояние может подтолкнуть Мастера к отправке отряда на базу в поисках... э-э... новых технологий. Как вы понимаете, это чревато большой бедой.

– Вы говорите о Маккейне? – уточнила Иванова.

– Я говорю о Мастере, – сказал Гумилев.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Летучий Голландец и Крысиный Король

Шеммонд вернулся спустя час с небольшим. Солнце уже поднялось довольно высоко, никто Джея-Ти в его укрытии не тревожил. Лишь пробежала мимо бродячая собака, удивив бывшего рэпера – как это ее до сих пор не съели?!

Пацан явился уже без велосипеда. Он постоял на открытом месте, внимательно осматривая окрестности, и только потом рысцой побежал к будке. Хвоста за ним вроде не наблюдалось. Не подвел, стало быть.

– Вот пушка, братан! – сказал Шеммонд, вытаскивая из-под ремешка штанов большой револьвер. Это оказался здоровенный «Кольт-Анаконда», дорогущая и смертоносная игрушка, способная стрелять мощными патронами «магнум» калибра 44 миллиметра. Судя по внешнему виду, мальчик тщательно за ним ухаживал. Джей-Ти отщелкнул барабан – все шесть патронов находились на месте, в своих гнездах.

– Больше нету, – виновато шмыгнув носом, сообщил Шеммонд. – Я его у покойника забрал, давно еще. Его люди Мастера ловили и подстрелили, он потом помер в развалинах. Там, может, и запасные патроны были, но я побоялся искать по карманам, вдруг схватит и станет кровь сосать… Сейчас бы не побоялся, конечно.

– Спасибо, чувак, – с чувством сказал Джей-Ти и пожал пацану руку. Тот буквально засветился от счастья, но тут же смутился, принял серьезный вид и все тем же деловым тоном промолвил:

– Я еще пожрать принес.

Это оказалась банка дешевого колбасного фарша, такой раньше покупали бездомные, и Джей-Ти в рот бы его не взял. Как, однако, изменились с тех пор его вкусы, подумал бывший рэпер, чувствуя, как рот на-

полняется слюной. Вчерашний ужин, казалось, всосался работающим в экстренном режиме организмом без остатка.

– Присоединяйся, – велел Джей-Ти, дергая за колечко и вскрывая банку. – Можно пальцами.

– Зачем же пальцами, – солидно возразил мальчишка. – У меня есть четкий складной нож.

...Лодка неведомого Брюса оказалась стекловолоконной трехместной плоскодонкой с двигателем «эвинруд», заботливо укрытой различным мусором в нескольких ярдах от берега. Заметить ее случайно было практически невозможно. На борту красовалось написанное через трафарет синей краской название: «Летучий Голландец». То ли Брюс был начитанным, то ли от предыдущего хозяина осталось.

– И что, работает? – недоверчиво спросил Джей-Ти, кивая на испачканный маслом и местами поржавевший двигатель.

– А то! Только бензина нету. Брюс его где-то здесь прячет, недалеко.

– И ты не знаешь, где именно?!

– Не-а... Щас найдем, братан, не мельтеши, – успокоил Шеммонд.

Приступив к поискам, они обнаружили жестянку с бензином под останками пирса, над которым угрожающе кренился небольшой портовый кран. Жестянка оказалась полна, и Джей-Ти, открутив завинчивающуюся крышку, перелил топливо в бак.

– Брюс, поди, расстроится, – предположил Джей-Ти, пытаясь столкнуть лодку с отмели.

– Тебе нужнее, да и с рыбой хреново, – просто сказал Шеммонд и стал помогать. Вдвоем они спустили плавсредство в маслянистую, полную соли воду. Когда она дошла до колен, Джей-Ти запрыгнул в лодку и попытался завести мотор.

– Погоди!

Джей-Ти удивленно воззрился на мальчишку. Тот немного посопел и опустил глаза.

– Что не так? – заволновался Джей-Ти.

– Ты это… напиши мне слова песни, – попросил пацан, неловко вытаскивая из кармана огрызок карандаша и помятые бумажки. – Ну, как мы должны бороться с властью.

Джей-Ти хмыкнул, огляделся нервно, но не выполнить просьбу мальчишки не мог. Даже если сейчас выскочат автоматчики из-за всех прибрежных валунов. Быстро нацарапав на бумажке слова, бывший рэпер сунул листки ему в руку и снова принялся за мотор.

Тот кашлянул пару раз, но потом на удивление послушно завелся.

– Прощай, чувак! Привет сестре! – крикнул бывший рэпер.

Мальчишка помахал ему вслед и побрел к берегу.

– Не было бы у тебя мамаши и сестры… – с сожалением пробормотал Джей-Ти, провожая взглядом маленькую фигурку, ковыляющую среди мусора к развалинам клуба. Он понимал, что на пустошах с ребенком пришлось бы тяжело, но и оставлять Шеммонда здесь, в этом странном мирке, не хотелось. Успокаивало лишь то, что пацан, кажется, отчетливо представлял себе, что нужно делать, и вряд ли здесь задержится.

«Летучий Голландец» уверенно шел, рассекая острым носом низкую волну, но разгоняться Джей-Ти не спешил – мало ли что за два года могло здесь затонуть. Стеклопластик не выдержит, если на полной скорости наткнуться на корпус утопшего корабля или какое-нибудь бревно. А кораблекрушение в его планы никак не входило.

Солт-Лейк-Сити оставался позади – мрачные заброшенные небоскребы, полуразрушенный собор, мертвая прибрежная полоса… Впереди рос остров Антилоуп, где находился одноименный парк штата. Остров Джею был ни к чему, он даже не знал, что там сейчас находится и живы ли еще антилопы и бизоны, которые там обитали. Если и живы, то идут на стол Мастеру и его прихлебателям, а значит, туда плыть не надо.

Джей принялся помаленьку отворачивать от острова, уходя на запад, подальше от населенных мест. На моторных лодках он плавал всего лишь пару раз и не представлял, хватит ли на такое путешествие бензина, но надеялся, что в крайнем случае возьмется за весла, валявшиеся на дне «Летучего Голландца».

Отойдя подальше от берега, Профессор увеличил скорость. Никаких патрульных судов в пределах видимости он не обнаружил. Наверное, нападения с воды Мастер не боялся, потому что у противника не имелось боевых кораблей должного размера. Высадить на побережье десант еще можно, а вот доставить, к примеру, танк – уже никак. В то же время защитники Солт-Лейк-Сити могли встретить вражескую флотилию артиллерийским огнем еще на подходе. Макриди это должен был понимать и вряд ли сунулся бы с этой стороны.

– Черт, я рассуждаю, как хренов полководец, – проворчал Джей-Ти.

В этот момент лодка подскочила на волне, и бывший рэпер едва не свалился в озеро. В последний момент уцепившись за борт, он выругался и оглянулся.

Примерно в миле от него шел небольшой корабль, бывшее прогулочное судно, с укрепленным впереди рубки крупнокалиберным тяжелым пулеметом на треноге.

– Нормально я попал, – сказал Джей-Ти и вытащил из-за пояса револьвер.

Крысы пытались ворваться внутрь, а Шибанов безуспешно старался открыть дверь наверху. Эта, в отличие от нижней, пластиковой, была металлической. Отсутствие замка не помогало – дверь приоткрывалась лишь сантиметров на двадцать, отвориться дальше ей что-то мешало. Сколько Ростислав ни ударял по ней всем корпусом, ничего не выходило. Мидори, наблюдавшая за вторжением крыс, крикнула:

– Они сейчас будут здесь!

– Стреляй! – крикнул в ответ Ростислав.

Послышались выстрелы из М-16, истошный визг... И в тот же момент сквозь приоткрытую щель, возле которой стоял Шибанов, в узкий коридорчик ворвался настоящий шквал. Сверкание глаз, когтей и зубов в свете фонарика заставило Ростислава отшатнуться и прижаться к стене, а вот Атике не повезло – от удара разномастной шерстяной волны она упала на колени и закрыла голову руками. Мидори внизу развернулась, но Шибанов успел крикнуть:

– Не стреляй!

Судя по всему, крысы успели уже прилично прогрызть дверь, потому что стая кошек, бросившаяся в канализацию сверху, буквально пробила пластик. Тотчас же в коридоре началась беспощадная бойня. Истошно верещали крысы, завывали и орали коты, время от времени о дверь что-то тяжело ударялось.

– Откуда их столько? – спросила Атика, поднимаясь. На лице ее краснели несколько царапин, одежда в паре мест была разорвана когтями. Кошки сделали это не со зла – просто спешили на битву с исконным врагом. Кстати, судя по удалявшемуся шуму, крысы сдавали позиции.

– Если в канализации существует такое количество крыс, почему бы наверху не существовать тем, кто их ест? – вопросом на вопрос ответил Шибанов. – Видимо, у кошек есть свои разведчики. Они узнают, когда в подвале собираются крысы, и спускаются навести порядок.

– Ты серьезно, Расти?! – недоверчиво покосилась Атика, вытирая со щеки струйку крови.

– Вполне. Животные гораздо умнее, чем мы думаем. А если судить по тому, что случилось за последние два года, – и подавно умнее...

Он еще раз на всякий случай толкнул заблокированную дверь. Безуспешно.

– Здесь мы не пройдем, – покачал головой Ростислав.

– По-моему, крыс они прогнали. Мы можем пойти дальше по канализации, – предложила Мидори. Ей

тоже слегка досталось, а левую штанину кошки располосовали по всей длине.

– Ну-ка... – Шибанов спустился вниз и выглянул в коридор. Подгрызенная крысами и выломанная затем кошками дверь валялась на бетонном полу. В коридоре там и сям лежали крысиные трупы, попались и несколько погибших кошек. Сидели здесь же и несколько живых – пока соратники преследовали противника, эти лентяи уже лакомились добычей.

– Ну и ну, – только и смог сказать Ростислав. Из-за его плеча выглянула Атика.

– Ой, сколько они перебили... А вон котик еще живой... Бедненький...

«Еще живой котик» представлял собой рыжую бандитскую морду с погрызенными в минувших драках ушами. Сейчас он вроде бы не особенно пострадал – на короткой шкуре сочились кровью несколько укусов, но ничего серьезного не произошло. Умирать кот не собирался, скорее отдыхал после боя. Покосившись на людей, он с трудом поднялся, уселся поудобнее и стал вылизываться.

– Все с ним в порядке. Идем, пока никакая новая напасть не приключилась, – поторопил Шибанов. Но Атика и, кто бы мог подумать, Мидори уже хлопотали вокруг раненого. Кот принимал уход снисходительно, иногда на всякий случай прижимал уши. А после того, как девушки его погладили, кот бесцеремонно забрался на колени к Атике и громко заурчал. Ну все, девчонок теперь за уши не оттащишь, печально подумал Шибанов. И его опасения немедленно подтвердились.

– Можно мы его с собой возьмем, милый? – просительно протянула Атика.

– Расти, он классный! – поддержала Мидори.

– Вы с ума сошли? Кто его будет тащить?!

– Я, – одновременно сказали девушки.

– Тьфу ты... – рассердился Шибанов. – Это же кот. Он тут живет. У него тут друзья, родственники. Еды вон полный подвал.

Но девушки наперебой начали его убеждать:

– Расти, ты посмотри, он же совсем домашний! Смотри, как ластится, с нами хочет!

– Да, он точно не против. Он, наверное, по людям сильно соскучился… И потом, он же нас спас.

– Не он один, – буркнул Ростислав, внутренне уже смирившись и надеясь лишь на то, что кот удерет по дороге. Как он и думал, ему всучили вторую М-16, и кота на руках понесла супруга. Рыжий бандит уткнулся носом куда-то ей под мышку и вроде бы дрых. Его новые хозяйки обсуждали, как назвать кота, и почему-то остановились на претенциозной кличке Крысиный Король.

– Он же не крыса, – увещевал Ростислав, брезгливо пробираясь среди разбросанных на полу серых трупиков. Нескольких грызунов, которые, даже будучи полудохлыми, злобно щелкали зубами и угрожающе пищали, пришлось добить каблуком ботинка.

– Он король крыс, Расти. Видел, как он погнал этих маленьких ублюдков? – возразила Мидори.

Шибанов далее спорить не стал, про себя назвав кота просто Крыс. Что-то в этом было, особенно после сегодняшней схватки двух армий.

На поверхности они оказались неожиданно. Миновали поле боя, причем коты, видимо, погнали разбитую крысиную орду какими-то незаметными ходами, потому что по дороге больше не попадались. Прошли полузатопленный участок, бредя по пояс в холодной вонючей воде. Пробрались через завал – потолок просел и треснул, засыпав путь грунтом, так что несколько метров пришлось ползти по-пластунски. Проснувшийся кот пролез сам, но на той стороне завала тут же запрыгнул на руки Мидори – ехать в качестве багажа Крысу явно нравилось.

Когда Ростислав уже собрался объявлять очередной привал и доесть единственный оставшийся батончик, они пришли к развилке. Куда идти, Шибанов не представлял – никаких указателей на стенах не наблюда-

лось. Он уже хотел бросить жребий, как вмешалась Атика:

– Расти, давай пустим кота. Может, он почует выход.

Крысиный Король посидел немного на полу в свете фонарика, уже начинающего тускнуть. Потом закинул ногу за ухо и принялся мыться.

– Долго будем ждать? – скептически поинтересовался Ростислав.

Кот, словно услыхав его, прервал свой нехитрый туалет и трусцой побежал в правый коридор. Через несколько минут он привел их к двери. Замок был открыт, дверь – тоже, сквозь щель пробивался серый свет.

– Осторожно. Мы не знаем, что там наверху, – вполголоса предупредил Ростислав. – Оставайтесь здесь, я посмотрю. Не хватало еще нарваться на патруль или выбраться возле постоянного поста.

Кот попытался последовать за ним, но Мидори успела подхватить его на руки. Крыс тут же уснул.

Ни патруля, ни постоянного поста охраны снаружи не оказалось. Дверь выходила на поверхность на склоне небольшого холма, на котором находилось заброшенное строение – то ли небольшая фабрика, то ли станция очистки. Неподалеку виднелась асфальтированная дорога, возле которой на боку лежал желтый школьный автобус. За ним начиналась пустыня, а за пустыней – горы.

– Кажется, мы вышли в удачном месте, – сказал Ростислав с облегчением.

Из двери показались Атика и Мидори с котом.

– Где это мы? – спросила Шибанова жена.

– Ума не приложу. Главное – мы выбрались из Солт-Лейк. Где-то на юге, если я все-таки не перепутал направление под землей.

– И что это означает? Назад в Неваду?!

– Почему бы и нет? – неожиданно сказала Мидори, поглаживая блаженствующего кота. – На севере нас

пристрелят с вертолета пограничники Альянса. Мы слышали об этом множество историй. В Солт-Лейк-Сити мы уже были, я лично туда возвращаться не намерена. Можно, конечно, попытать счастья в Аризоне, но я давно ничего не слышала об Аризоне. На дороге почему-то о ней говорят редко.

«На дороге» давным-давно стало устоявшимся термином. Многочисленные путники, спасавшиеся от остатков банд чокнутых, от рейдеров, от простых бандитов, иногда пересекались на просторах Закрытой Территории, а именно – «на дороге». Дорога была средством массовой информации, газетой, телевидением и интернетом в одном лице. Все новости узнавали только на дороге. Правда, за эти новости порой приходилось заплатить провизией, оружием, а то и жизнью. Но таковы были сложившиеся правила.

– Неплохо бы кого-нибудь встретить и узнать, что происходит, – задумчиво сказала Атика.

– Тогда нужно двигаться к дороге. Надеюсь, по пути мы не наткнемся на посланцев Мастера. Мы все-таки совсем недалеко от города.

– Интересно, как там Джей. Надеюсь, его не обижают.

Ростислав в этом уже не был уверен. Непредсказуемый Мастер мог отыграться на Профессоре за их бегство. Рэпера было искренне жаль, и Шибанов мысленно пожелал ему удачи, надеясь, что их пути непременно пересекутся.

Корабль пытался догнать лодку, но то ли был чересчур перегружен – ведь установка крупнокалиберных пулеметов на этом легком прогулочном судне изначально явно не планировалась, то ли «Летучий Голландец» был намного легче, и даже поношенный «эвинруд» позволял ему развивать приличную скорость. Преследователи пока не стреляли, вероятно рассчитывая рано или поздно догнать беглеца. Джей-Ти не был уверен, что они знают, кого именно ловят. Как сказал Шеммонд, некоторые негры ловили здесь рыбу, хотя

в соленой воде ее водилось маловато. Может быть, на корабле просто хотели подразжиться свежим уловом или надавать по башке слишком досужему черномазому, чтобы не заплывал далеко.

В любом случае начинать палить из «анаконды» не следовало. Присев на скамью, Джей-Ти пригнулся и крепче ухватился за рукоять мотора.

– Эй, придурок! – заорали с корабля в мегафон. Наверное, его долго не могли найти, поэтому до сих пор молчали. – Ты, на лодке! Тормози, иначе мы откроем огонь!

Джей-Ти обернулся и неопределенно помахал руками, мол, не слышу ни хрена!

– Тебе говорят, клоун! – рассердились на корабле. – Глуши мотор!

Джей-Ти вздохнул. Теперь они точно не отделаются. Он заложил крутой вираж и по прямой пошел к видневшемуся очень далеко западному берегу озера. Корабль последовал за ним. По палубе забегали фигурки, одна встала у пулемета. Еще двое держали в руках черточки автоматических, а то и снайперских винтовок – отсюда не было ясно видно.

– Если у вас там снайпер, парни, то я в глубокой заднице, – пробормотал Джей-Ти. От пули не убежишь.

Почему-то рэперу вспомнился его первый концерт в маленьком клубе на окраине. Он очень боялся, потому что на той же сцене должен был выступать известный исполнитель с тремя дисками, прикативший на розовом «Мерседесе» с приборным щитком из чистого золота. Больше всего Джей-Ти опасался, что его освищут – зрители в таких клубах отличались простотой выражения эмоций, по слухам, кого-то даже замочили за то, что песня не понравилась. Но все прошло отлично, а приехавший вместе со звездой продюсер подошел к Джею, угостил виски и предложил завтра заехать к нему в звукозаписывающую фирму и подписать контракт.

С тех пор все шло замечательно до тех самых пор, пока черт не занес Джея-Ти в поместье «Неверлэнд»

в тот самый момент, когда его вздумали штурмовать гребаные заразные психи. Что бы ему стоило улететь в Вашингтон или, скажем, Новый Орлеан?

– Последний раз предупреждаем! – хрипло завопили с корабля-преследователя.

Что-то они долго его предупреждают. Это может означать лишь одно – на корабле поняли, кто в лодке, и хотят поймать его и доставить Мастеру живьем. Вот уж нет.

Джей-Ти взвесил в руке револьвер. Шесть патронов. Хороших патронов «магнум», но это чересчур мало. Даже если он ухитрится подстрелить одного или двух людей на корабле, к пулемету встанет еще кто-нибудь, их же там человек пять, а то и поболее. Он даже не мог попасть в мотор, хотя теоретически, маневрируя на большой скорости вокруг корабля, это можно было устроить. Беда в том, что это не лодка, как у него, – мотор скрывался внутри корпуса. А вот если они попадут в «эвинруд»...

На корабле словно прочли мысли Джея и дали пристрелочную очередь. Она прошла далеко за кормой «Летучего Голландца», но Профессора это не успокоило. Он принялся вилять, лихорадочно думая, что делать. Догнать его не могут, значит, разобьют мотор. Вот вам и легкая добыча, парни. Негритос на дырявой лодке.

А ведь у них тоже не крейсер, неожиданно сообразил Джей-Ти.

И решительно сбавил ход.

На корабле, наверное, решили, что беглец захотел сдаться. Пулеметчик для острастки выпустил вторую очередь, на сей раз левее курса «Голландца», в мегафон закричали:

– Встань и подними руки!

– Щас, разогнался, – мрачно сказал Джей-Ти и прицелился в носовую часть догоняющего корабля немного выше ватерлинии.

Сорок четвертый калибр, насколько он помнил, оставлял здоровенные дыры в чем угодно – хоть в

человеке, хоть в легком корабельном алюминии. Из шести выстрелов он попал четыре раза, что на такой скорости было очень неплохо. На корабле поначалу попрятались, потом поняли, что беглец палит черт знает куда, заулюлюкали в микрофон и дали очередь выше головы Джея. Но потом корабль стал заметно отставать. Встречные волны, в которые зарывался нос глубоко сидящего в воде преследователя с четырьмя пробоинами, заливали трюм. Идиоты на палубе засуетились, кто-то выпалил из автомата вслед уходящему Джею, потом ожил пулеметчик, но тут же прекратил огонь, – видимо, ситуация была даже хуже, чем ожидал Профессор, и идиотам стало не до стрельбы.

Когда он в последний раз оглянулся на корабль, тот криво торчал из воды, задрав корму. Несколько фигур взобрались на рубку.

– Если не потонете, Мастер вставит вам во-от такущий пистон! – мстительно пообещал Джей-Ти и больше уже не оборачивался.

К западному берегу он доплыл уже ближе к вечеру. Мотор несколько раз вырубался, причем однажды пришлось провозиться с ним минут сорок, а под конец закончился бензин. Пришлось идти на веслах, и Джей с непривычки сильно натер ладони.

Он подумал, что выволакивать «Летучего Голландца» на берег бессмысленно. Лодка ему больше не понадобится, бензина в ней нет. Если Брюсу повезет, то рано или поздно ее прибьет назад, а если нет... Если нет, не видать старине Брюсу свежей жареной рыбки.

Выбравшись на каменистый склон, Джей-Ти уселся на плоский валун и печально осмотрел стертые руки. Потом повертел в руках тяжелый кольт с пустым барабаном. Выбросить? Нелепо, все-таки оружие. Но где найти для него патроны? Джей почти уже решился спрятать револьвер под тем же валуном, где сидел, но передумал. Выглядел кольт весьма угрожающе и в качестве пугача вполне годился. А там, может, и патронами

разжиться удастся. На пустошах можно найти самые неожиданные вещи в самых неожиданных местах – Джей до сих пор помнил, как с полгода назад, заглянув в почтовый ящик возле давно заброшенного городка на шоссе, нашел там несколько банок бобов, мясных консервов, консервированных мандаринов и бутылку бренди, а в довесок – две ручные гранаты и маленький пистолет неизвестной ему европейской марки с запасной обоймой. Тогда у них был праздник…

Джей-Ти вспомнил Расти, девочек и пригорюнился. Они хотя бы вместе, а он совсем один на этом дурацком голом берегу. Даже «Летучего Голландца» уже отнесло ярдов на сорок. Отчаянно хотелось пить, и вид огромного озера с тошнотворно-соленой водой раздражал.

Бывший рэпер поднялся и пошел прочь, но далеко уйти ему не пришлось.

– Кто это у нас тут? Никак, шпион мормонов?!

Они организовали засаду очень грамотно. Четыре человека, и Джей-Ти не заметил ни одного, пока они не поднялись из-за камней. Все в оранжево-желтом пустынном камуфляже, с автоматами, направленными на Джея.

– Я не шпион, – миролюбиво сказал бывший рэпер, поднимая руки. Раз речь зашла о шпионе мормонов, стало быть, он попал к солдатам Макриди. Не самый плохой вариант, вот только начало разговора ему не нравилось.

– А что здесь делать обычному человеку? И откуда ты взялся? – спросила женщина, уже немолодая, с мексиканскими чертами лица.

– Я удрал из Солт-Лейк-Сити на лодке.

– Что, там так плохо?

– Мне не понравилось.

– И где твоя лодка?

– Бросил на берегу. Вернее, возле берега. Бензин в моторе кончился, обратно плыть я не собирался, поэтому она где-то там плавает.

– Где-то там плавает… – повторила женщина. Видно было, что она не доверяет пленному. – Что у тебя за поясом? Осторожно вынь и брось на песок.

Джей-Ти выполнил приказ. Человек с рыжей бородкой быстро поднял револьвер, осмотрел и сказал:

– Пустой сорок четвертый, из него недавно стреляли.

– В кого стрелял? – равнодушно продолжила свой допрос женщина.

– В корабль из Солт-Лейк-Сити. Они меня преследовали, что же я должен был, сдаваться?

– Корабль… Джин, ты что-то говорил о пулеметных очередях со стороны озера?

– Да, было такое, – согласно кивнул чернокожий с «ингрэмом» в руках. – Вроде крупный калибр.

– И как тебе удалось уйти от крупного калибра?

– Я их потопил на хрен, – сказал Джей-Ти, прекрасно понимая, что ему не верят.

Женщина улыбнулась, остальные захохотали.

– Брат, ты потопил военный корабль Мастера из револьвера? – уточнил Джин, качая головой. – Я слыхал, как люди брешут, но до тебя им далеко.

– Это была обычная прогулочная калоша, – попытался объяснить Джей-Ти. – Никакой брони. А у меня все-таки сорок четвертый «магнум».

– Из сорок четвертого рано утром кто-то перестрелял трех парней из разведотряда, – устало произнесла женщина. – Не так уж далеко отсюда. Ты вполне мог за день добраться, и в эту историю я верю больше, чем в морской бой.

– Эй, люди! – заволновался Джей-Ти. – Я не шпион! Смотрите, у меня даже ноги еще мокрые, я слезал с лодки и шел к берегу!

– Если даже и мокрые, что из того? – скептически спросил рыжебородый.

– Может, ты не слушал мамочку и писал против ветра, вот и надул себе на ботинки, – добавил чернокожий Джин. Все, кроме женщины, снова засмеялись.

– В машину его, – велела женщина.

Не позволяя опустить руки, Джея-Ти отвели за ближайшую скалу, где в тени редких деревьев стоял грузовик. Небольшая фермерская модель, перекрашенная в маскировочный цвет и усиленная бронелистами.

– В кузов. – Джин легонько толкнул Профессора в спину. Тот послушно забрался в закрытый брезентовым тентом кузов и сел на какие-то ящики.

– На пол! – Рыжебородый столкнул его с ящиков.

Женщина и третий мужчина сели в кабину. Мотор завелся, грузовик стал разворачиваться.

– Сейчас, братан, мы отвезем тебя во временный лагерь, – пояснил зачем-то Джин, хотя Джей-Ти ни о чем его не спрашивал. – Там с тобой поговорит босс и решит, чего делать. Но хорошего не жди – в последнее время много потерь, а тут ты со своим сорок четвертым. Еще и разведчиков убили. Хреновое дело, уж поверь.

– Заткнись, Джин, – вяло и беззлобно сказал рыжебородый.

Грузовичок ехал достаточно долго, но через откинутую заднюю часть тента Профессор видел только пыль, вздымающуюся из-под колес. Бежать было бессмысленно – что можно сделать голыми руками против двух автоматов?.. Может, удастся что-то объяснить? Про Макриди ходили разные слухи, но вдруг он не настолько сдвинутый, как Мастер?

Джей-Ти попросил попить, рыжебородый молча протянул ему пластиковую флягу. Вода была теплой, с привкусом химии, – видимо, ее чем-то обеззараживали. Напившись, Джей-Ти поблагодарил рыжебородого, но тот снова промолчал. Джин таращился на пленного, потом не выдержал и спросил, как его зовут.

– Джей-Ти, – сказал Профессор.

– А я Джин. Юджин, точнее. Имечко редкое для черного, да?

Джей-Ти пожал плечами.

Потом грузовик остановился, и ему велели выходить. Очевидно, это и был временный лагерь, устроенный в

небольшой рощице, окруженной с трех сторон скальными выступами. Особо разглядывать Джею было некогда, но он успел заметить два танка и несколько разномастных бронемашин, а также артиллерийские орудия, прицепленные к грузовикам «РИО», на которых обычно возили Национальную Гвардию. Судя по аппетитному запаху, где-то рядом работала полевая кухня.

Бойцы, прилично экипированные, как и те, что его задержали, не обращали на пленного внимания. Рыжебородый и Джин провели Джея мимо зеленого трейлера с крупными красными крестами на борту в большую штабную палатку, где за складным столом сидел человек в настоящей генеральской форме. Джей-Ти не служил в армии и не разбирался в званиях, но много раз видел генералов в кино и знал, что на погонах у них должны быть большие серебряные звезды. У этого типа они были, по четыре штуки на каждом погоне.

На вид Макриди можно было дать лет сорок пять. Бледное, гладко выбритое лицо, большие карие глаза, достойные фотомодели, узкий подбородок, тонкие губы. Генерал смахивал на симпатичного киноактера, который играет полководца в боевике про Вторую мировую, про какой-нибудь «День Д» или там Иводзиму.

– Задержали недалеко от озера, сэр, – доложила женщина, неслышно вошедшая в палатку вслед за ними. – При нем был револьвер сорок четвертого калибра, пустой, из которого недавно стреляли.

– Ну и зачем вы расстреляли парней из нашей разведки? – мягко поинтересовался Макриди.

– Я никого не расстреливал. Я сбежал на лодке из Солт-Лейк-Сити, отстреливался от корабля, который за мной гнался.

– Утверждает, что потопил его, – вставила женщина.

Макриди улыбнулся, отчего лицо его сделалось еще приятнее.

– На войне бывает и не такое, – сказал он, кивая головой. – Я слышал и видел более необычные вещи.

Джей-Ти едва удержался, чтобы не расплыться в ответной улыбке. Если Макриди ему поверит…

– Это не все, сэр, – сурово сказала женщина. – Я вспомнила этого человека. Я видела его давно, два года назад.

– Вот как? Это интересно, Бетси. Где, при каких обстоятельствах?

– В Неваде, сэр. Мы на двух машинах преследовали по вашему приказанию дом на колесах, кажется, «виннебаго». Они открыли огонь, сбили нас с шоссе. Потом застрелили двоих, третьего пытали – с ними был коп, он прострелил ему ногу. Выясняли, кто мы и откуда, кто нас послал… Со мной был капитан Смоллвуд, он может подтвердить.

– Пригласите Смоллвуда, капрал, – распорядился Макриди. Джин мгновенно выбежал из палатки. – Вот незадача. Со старыми врагами мы обычно не церемонимся, как и с новыми. Видите, как причудливо переплетаются человеческие судьбы?

– Вижу, не слепой, – буркнул Джей-Ти. Теперь и он вспомнил ту встречу на дороге. Вшивые и грязные бандиты, с которыми Манчини не стал церемониться. Теперь один из них капитан, да и Бетси, кажется, не из рядовых… Стоп, Смоллвуд? Черт, это же тот урод, который приходил предлагать капитуляцию в Уотерхоул!

Подозрения Джея подтвердились, когда капитан Смоллвуд вошел в палатку. Те же усики, те же золотые очки, разве что немного отъелся. А на трассе, когда он стоял, обмочив штаны, его звали Гофером.

– Привет, Гофер, – сказал Джей-Ти, потому что терять было уже нечего. – Как дела, чувак?

– Полагаю, дальнейшее опознание бессмысленно? – уточнил Макриди.

– Да, этого человека я знаю, сэр, – кивнул Смоллвуд, внимательно посмотрев на Джея. – Впервые я видел

его на дороге вместе с лейтенантом Мартинес. Затем – в городке, уже не вспомню названия... Вы посылали меня парламентером.

– Вот как. Последовательный, упорный враг, – произнес Макриди, наставительно подняв палец. – Зачем вас послал Мастер?

– Никто меня не посылал, понял, чертов клоун! Думаешь, если ты надел генеральский мундир, так сразу стал генералом?! Я видел, как один ниггер наширялся и надел костюм Бэтмена, но Бэтменом он так и не стал – прыгнул с балкона и разбился на хрен в лепешку, его лопатой собирали на носилки! – Джей понимал, что его понесло, но злоба на нелепость последних событий не давала остановиться. – Капитаны, лейтенанты... Ты небось слишком много играл в компьютерные игрушки, когда сидел у себя в офисе? Кем ты был, пока все это не началось? Бухгалтером? Продавцом в магазине сельскохозяйственных товаров? А твои капитаны и лейтенанты небось жрали тухлую пиццу из мусорных контейнеров или сидели за изнасилование малолетних?

Джей хотел сказать что-то еще, но только махнул рукой. Макриди выслушал его внимательно, потом спросил:

– У вас все? В таком случае будем считать, что право на последнее слово вы использовали. Возможно, я поступил бы более гуманно, возьми мы вас в плен на поле боя. Но поскольку вы прибыли сюда со шпионской миссией, да к тому же виноваты в гибели трех разведчиков, к которым, как я понимаю, следует приплюсовать еще убийство два года назад двоих наших людей из команды Смоллвуда и Мартинес...

Генерал не договорил. Поднявшись и одернув и без того безукоризненно сидевший на нем мундир, он вышел из палатки. Остальные двинулись за ним, Джей чувствовал, как в спину ему между лопатками воткнулся ствол автомата.

– Во-он тот холм, – указал Макриди в наступающих сумерках. – Смоллвуд, помните, что мы сделали с чело-

веком, которого наши враги прислали отравить колодец в Форт-Грин?

– Так точно, сэр, помню, – отозвался капитан.

– Полагаю, эту поучительную процедуру следует повторить. Распорядитесь, чтобы плотник все приготовил, а когда я решу оставить это место, солдатам будет на что посмотреть.

– А что с ним делать до тех пор, сэр? – осведомился капитан Смоллвуд.

– Покажите ему южное гостеприимство, капитан. Гуманизм не бывает излишним, тем более если человека ожидает подобная смерть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Полет нормальный

Разговор с губернатором Айдахо, куда предстояло отправиться в ближайшем будущем, состоялся наутро после общего собрания по операции «Илиада». Гумилева разбудил референт, сказав:

– Андрей Львович, с вами хочет говорить губернатор штата Айдахо. Соединять или сказать, что вас нет на месте?

– Соединяй, конечно.

Гумилев сел на кровати, стряхивая остатки сна. Снилась какая-то страшная дрянь, поэтому он был даже рад, что его разбудили. В последнее время ему почти каждую ночь снилось черт знает что. Иногда он даже вскакивал и потом долго не мог понять, где находится. Нервишки стали сдавать…

– Алло? Мистер Гумилев? – раздался в трубке жизнерадостный голос.

– Да, мистер Джонсон. Доброе утро.

– Это у вас в Москве утро, но я не мог откладывать. Я еще раз хочу уточнить, устраивает ли вас Твин-Фоллз? Понимаю всю важность миссии, я хотел бы со своей стороны обеспечить все необходимое для ее успешного проведения. Мы выделим вам отель «Ами-тель Инн». Полагаю, вам будет там очень удобно. Я уже распорядился, чтобы вам выслали все материалы, фотографии и прочее. Если будут особые пожелания, мы их непременно учтем.

Гумилев спросонья попытался вспомнить, что он уже знает о Твин Фоллз. Маленький туристический городок, чуть больше сорока тысяч населения, вокруг – достопримечательности типа Шошонского водопада… Недалеко от границы… Тихое и спокойное место… Да какая разница, в самом деле? Какие еще могут быть

особые пожелания? Там и так небось готовы встречать миссию ООН во всеоружии.

– О'кей, мистер Джонсон, – сказал он. – Но я думаю, никаких особенных пожеланий не будет, мы же все-таки едем работать, а в этом плане, как мне сообщили, все уже подготовлено.

– Отлично, мистер Гумилев! Если возникнут какие-то вопросы, обращайтесь напрямую ко мне. Все контактные данные будут в отправленных вам материалах.

– Спасибо, мистер Джонсон. Всего доброго!

Гумилев положил трубку.

Штат Айдахо входил в Североамериканский Альянс, но во многом был, по сути, самостоятельным государством. Он не стала отделяться, как это сделал Техас, но независимость его была немногим меньше. Несмотря на близость к Закрытой Территории, штат Айдахо сохранил неплохо развитую сельскохозяйственную базу и теперь кормил половину Североамериканского Альянса.

Разумеется, правительство Североамериканского Альянса с радостью согласится передать право принять миссию ООН Айдахо, как верно сказал в телефонном разговоре Джонсон. Меньше головной боли. Если что-то случится, всегда можно сказать, что виноват губернатор со своей независимостью. Если же все пройдет успешно – Айдахо часть Альянса, стало быть, его руководство и есть молодцы.

Гумилев принялся одеваться, потому что день планировался сложный и суетливый. Необходимо было окончательно согласовать вылет рейса с членами группы и оборудованием, переговорить с целым рядом чиновников и людей из спецслужб, дать последние указания своим бойцам. «Своими бойцами» Гумилев мысленно называл всех, кому предстояло участвовать в операции «Илиада»: и сотрудников Санича, и ученый люд.

Наскоро перекусив овсянкой и морковно-сельдереевым соком, в холле Гумилев наткнулся на Марусю.

– Папочка, ты куда?!

– Ты чего так рано? Спи давай, у тебя же каникулы.

– Я не хочу спать. Когда спишь, ничего интересного не происходит, если только во сне. А во сне – оно же не по-настоящему… Лучше я что-нибудь сделаю хорошее.

– Полей цветы у меня в кабинете, – попросил Гумилев.

Маруся сморщила нос.

– Разве это хорошее? Цветы у тебя и так специально поливают.

– А ты полей, и тот, кому положено специально поливать, в это время отдохнет.

– Хорошо, папочка, – кротко сказала Маруся.

Гумилев усмехнулся – такой послушной дочь бывала редко, обычно все происходило совсем наоборот. Если с раннего утра дочери, которой положено спать на каникулах вволю, внезапно хочется сделать что-то полезное, значит, дело тут нечисто. Гумилев пристально посмотрел на дочь и грозно произнес:

– А ну, признавайся! Что вы с Мурзилкой натворили?

Но Маруся неожиданно по-взрослому сказала:

– Да ничего, пап. Мурзик спит, это я специально рано встала, чтобы тебя увидеть.

Гумилев растерялся. Он привык, что Маруся легко относится к его отъездам-приездам, к всевозможным задержкам на работе и прочим сложностям. А сейчас явно происходило что-то не то. Повзрослела дочь – печально подумал Гумилев и провел рукой по светлой Марусиной макушке. Маруся подняла на него серьезные глаза:

– А ты скоро улетишь в Америку?

– Вот сейчас поеду и все узнаю, – пообещал Гумилев.

– Привезешь мне оттуда чего-нибудь?

– Я же буду в пустыне. Там ничего нет.

– Привези тогда кактус. В пустыне же есть кактусы?

– Кактус привезу, – согласился Гумилев и подумал, что нужно бы заранее дать поручение купить кактус и спрятать где-нибудь до его возвращения.

Поцеловав Марусю, он спустился вниз и сел в машину.

– Давай в министерство обороны, – велел Гумилев водителю. – А пока я там буду возиться – это на час, а то и полтора, – съезди в какой-нибудь цветочный магазин и купи большой кактус.

– Хорошо, Андрей Львович, – сказал водитель. – А какой именно? Они разные бывают, кактусы.

– Пустыню видел по телевизору? Вот такой и купи. Главное, побольше.

Когда машина подъехала к министерству обороны, Гумилев сказал водителю:

– Отбой по кактусу.

– Понял, Андрей Львович.

– Сам привезу. Настоящий. Из пустыни…

Вылетать пришлось в тот же день вечером, потому что согласовалось все неожиданно быстро. Часть груза, принадлежащую миссии ООН, отправили еще днем, а скарб гумилевской «Илиады» находился в Сеще в ожидании группы. До Сещинского аэродрома добрались на вертолете, и теперь Гумилев стоял возле огромного «Руслана» и смотрел, как бортовые передвижные краны загружают на нижнюю палубу самолета вездеходы. Это были специальные машины на базе армейских «Тигров», доработанные и модернизированные в гаражах гумилевской конторы его специалистами. В опломбированных контейнерах, помимо научной аппаратуры и других причиндалов, хранилось оружие и обмундирование. А пока все члены группы были одеты в одинаковые темно-зеленые комбинезоны, на груди – нашивки с фамилиями на русском и английском, на рукаве – голубые флажки ООН.

Вессенберг о чем-то разговаривал с Артемьевым, оба курили: эстонец сигару, а Артемьев тоненькую папироску, он их набивал сам. Вояки держались вместе, тоже переговаривались, потом Санич побежал к самолету за что-то ругать аэродромных работников.

– Давно я не летал на таком мастодонте, – сказал Решетников. Он стоял рядом с Гумилевым и тоже был одет в темно-зеленый комбинезон.

– Я вообще на таком не летал, Константин Кириллович.

– Ничем не отличается от простого лайнера, разве что комфорта поменьше. У них там есть на верхней палубе кабина для сопровождающих, туда нас и посадят. Стюардесса, ясное дело, не положена.

– Ну, на этот случай у нас с собой все припасено, – подмигнул Гумилев.

К ним подошел командир корабля, невысокий подполковник.

– Заместитель командира авиаполка Синицын, – шепнул Решетников.

– Все готово, товарищи, – сказал подполковник. – Погрузка идет к концу, можете занимать свои места. С погодой вроде все порядке, тьфу-тьфу.

– Есть, товарищ Синицын, – отозвался Гумилев. – Через минуту рассядемся. В Америку прибудем по графику?

– Если ничего не случится, – развел руками подполковник и снова плюнул через левое плечо.

Кабина для сопровождающих оказалась достаточно уютной. Гумилеву приходилось летать на обычных военных бортах, и в памяти навсегда остались их холодные полутемные салоны с приделанными к стенкам жесткими сиденьями. Здесь, как и говорил Решетников, все напоминало обычный авиалайнер. Усевшись, Гумилев поерзал, устраиваясь поудобнее, и объявил:

– Поскольку полет предстоит долгий, разрешаю это дело отметить. Но только после того, как взлетим, и в разумных пределах. То, что каждый с собой чего-то да протащил, я в курсе. Надеюсь, это будет первым и последним нарушением полученных инструкций.

Он оглянулся – все улыбались, только Грищенко отчего-то покраснел. Видимо, слишком много всего с собой нагрузил.

Синицын объявил по радио, чтобы приготовились к взлету. Гумилев пристегнул ремень, а Решетников выглянул в иллюминатор и зябко поежился:

– Сколько раз летаю, и всегда боюсь. Дернул меня черт как-то прочесть книгу «История авиакатастроф»... Весьма жуткое чтение, уверяю. А больше всего, знаете, пугает, если, например, управление откажет. То есть самолет может еще долго лететь, но сесть – уже никак. Был случай в Японии, они несколько часов так болтались, пока в гору не врезались.

– Найдете же вы о чем рассказать на взлете, – с деланной укоризной сказал Гумилев, который на самолетах летать вовсе не боялся. – Вероятность погибнуть на земле, в автокатастрофе, куда выше, чем разбиться на самолете.

– Это все инсинуации, – возразил Решетников. – А если посмотреть с другой стороны, то примерно один из двух миллионов полетов заканчивается катастрофой, тогда как у автомобилистов – одна из восьми миллионов поездок. И где выше вероятность?

– Надеюсь, у нас сегодня не двухмиллионный полет, – буркнул Гумилев, и «Руслан» начал разгон по взлетной полосе.

Гумилев неоднократно наблюдал за пассажирами в поездах и всегда удивлялся их поведению. Расположившись на своем месте в купе или плацкарте, они тут же начинали выкладывать на стол жареную курицу в фольге, вареные яички, картофелины, огурцы и помидоры, кое-кто ставил бутылку водки. Как только поезд трогался, большинство начинало раздирать на части курицу, чистить яйца или нарезать помидоры. Любители выпить бежали к проводнице за стаканами, если забыли вдруг купить одноразовые.

Самое смешное, что многие из этих людей только что, максимум час-полтора назад, уже перекусили дома «на дорожку» и выпили «за счастливую поездку». Но видимо, что-то такое есть в человеческой

натуре, что заставляет в путешествии развлекаться едой.

Члены «Илиады» исключением не были. Запасливый Грищенко в самом деле расстарался – копченое сало, какие-то соленья, домашняя колбаса, здоровенные помидоры «бычье сердце», даже неизменная курица. Остальные не отставали, только у Ивановой были какие-то худосочные бутерброды с торчавшими листьями салата, да эстонец вообще ничего не ел.

Гумилев и Решетников ограничились сотней граммов коньяка.

– Интересно, по прилету будет банкет? – спросил Решетников.

– Наверное, да. Губернатор Джонсон производит впечатление весьма радушного человека. Да и во время эпидемии себя хорошо проявил, не стал ждать, пока из администрации президента начнут ценные указания давать. В итоге спас множество людей.

– Я слышал, но лично с ним сталкиваться не приходилось…

– Мне тоже не приходилось, только по телефону общались. Вот и столкнемся. Ну да бог с ним, с банкетом. Что будем делать с транспортом? Как и планировали, выдвинемся на вездеходах через периметр якобы с исследовательскими целями, а потом исчезнем?

– На мой взгляд, наиболее приемлемый вариант.

– Вы по-прежнему против вертолета?

– Решительно против. Я уже говорил, что у обитателей Закрытой Территории есть средства противовоздушной обороны. По земле передвигаться значительно безопаснее, хотя и медленнее.

– То-то, что медленнее. И пропасть сложнее. А вертолет… тут-то как раз и можно сослаться на средства ПВО.

– Давайте все же решим на месте. Действуя по обстоятельствам.

– Да я понимаю, – сказал Гумилев. – Просто подумал, что каждый день на счету.

Он встал из кресла и прогулялся по проходу. Бойцы предложили угоститься, Гумилев вежливо отказался и подошел к Вессенбергу, который читал книгу.

– А что граф Суворов ничего не ест? – шутливо поинтересовался Гумилев.

– Что? Почему Суворов? – эстонец оторвался от книги.

– Была такая старая телевизионная реклама, вы, наверное, не видели. Суворов там отвечал, что до первой звезды, дескать, нельзя.

– Почему нельзя кушать до первой звезды? – удивился Вессенберг.

– Пост был, – объяснил Гумилев. – Но в самом деле, почему не едите?

– Спасибо, я кушал в столовой незадолго до вылета. Еще не время. Ешь вполсыта, пей вполпьяна – проживешь век дополна.

– Какой вы... продуманный, Индро Юльевич, – добродушно улыбнулся Гумилев. – Что читаете, если не секрет?

Вессенберг вместо ответа закрыл книгу и показал обложку.

– «Великое путешествие кроликов»?!

– Я не читал. Хотел понять смысл вашей шутки тогда, на встрече. Теперь понимаю. Очень хорошая книга, я вам благодарен за рекомендацию.

– Не стоит, – сказал Гумилев и вернулся на свое место.

– Странный человек, – заметил он, садясь.

– Какая наука, такой и человек. Представьте себе, что вы постоянно имеете дело с формами жизни неземного происхождения. Станешь тут странным.

– Вессенберг постоянно имеет дело с формами жизни неземного происхождения?! – Гумилев поднял брови. – Я полагал, что он чистый теоретик.

– Не совсем, – уклончиво сказал Решетников. – У нас есть кое-что... еще со времен Сталина... Разумеется, это очень высокий уровень секретности, да и есть некоторые нюансы... в общем, нечего там особенно ис-

следовать. Это еще одна из причин, почему нам нужна Зона Пятьдесят Один. Уж не знаю почему, но в этом смысле американцам повезло больше.

– Понял, – сказал Гумилев.

Аэропорт Твин Фоллз был предназначен для местных рейсов на небольших «Эмбраерах» и физически не мог принять такую машину, как «Руслан». Сесть громадный самолет еще мог, но для взлета единственная посадочная полоса была слишком короткой. Однако стараниями все того же Джонсона полосу в кратчайшие сроки укрепили и удлинили еще тогда, когда окончательное решение о принятии миссии еще не было принято. Хитрый губернатор выбил на это деньги из правительства Альянса, здраво рассудив, что русские, может, и не прилетят, но хорошая взлетно-посадочная полоса на дороге не валяется.

К сожалению, губернатор не смог лично встретить миссию; его чиновники пообещали, что Джонсон наведается непосредственно в Твин Фоллз, где их уже ждет гостиница «Америтель Инн». Там же миссию ООН ожидали прикрепленные к ней агенты Пол Ковальски и Шон «Буч» Маккормик, прибывшие из Вашингтона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Голгофа

Фургончик остановился, дико заскрипев изношенными тормозами, в полуметре от Шибанова, который уже собрался было отскочить. Ростислав опустил винтовку и подошел к открывшейся дверце, из которой вылезал вислоусый старичок в огромной стетсоновской шляпе.

– Ты еще кто такой? – сварливо спросил дед и прищурился. Лицо его было сложным переплетением морщин, из которых торчал бугристый нос. – У тебя глаза разного цвета. Это подозрительно.

– Я не сделаю вам ничего плохого, – поторопился объясниться Ростислав. – Мы и не ожидали, что встретим автомобиль…

– Автомобили сейчас тут редко ездят, это ты верно сказал, парень. Но это ни хрена и не автомобиль. На таком автомобиле только чертям в аду в сортир ездить. Потому у меня его никто и не отнимает. Я тоже никому не нужен, потому и живой. Воевать староват, отобрать у меня нечего…

– А бензин? – деловито спросила Мидори, которая вместе с Атикой тоже подошла к фургончику и стояла рядом, с винтовкой наперевес.

– А у меня нету бензина, – хитро улыбаясь, сказал старичок. – Это электромобиль, заряжается от солнца. Я всем показываю пустой бак, он специально приделан, и говорю, что остались капли. А кому нужен такой жуткий рыдван без бензина? – Старик гордо подбоченился. – Панели батарей стоят на крыше. Я, знаете ли, изобретал на досуге, пока эта страна не провалилась в тартарары. Имею несколько патентов. Правда, ими сейчас можно только подтереться, если они еще уцелели в моем домике в Элко.

– А старичок-то по части ругательств даст фору Джею, – шепнула Ростиславу Атика.

– Я все слышу, – сказал старичок. – Вылезайте уж все из кустов, чего прятаться, раз тут еще какой-то Джей имеется.

– Джей, к сожалению, не здесь... – Шибанов протянул руку. – Меня зовут Расти. Это Атика, моя жена. Это – Мидори.

– Оливия! Оливия, вылезай! – вместо того, чтобы представиться, громко закричал дед. Боковая дверца фургона с грохотом отъехала в сторону, и с подножки с достоинством спустилась маленькая старушка в такой же стетсоновской шляпе, правда украшенной искусственной выцветшей розой. В руках она держала дробовик стволом вниз.

– Это Оливия, моя супруга. А я – Ромео Грэнджерфорд.

Только теперь старик пожал руку Шибанову.

– Что это за молодые люди? – поинтересовалась старушка. Она была такая же древняя и морщинистая, как и ее муж, в мешковатом джинсовом комбинезоне и домашних тапочках на босу ногу.

– Господь их ведает, Оливия, – сказал Ромео. – Остановили нас.

– С утра останавливают уже третий раз, – недовольным тоном произнесла Оливия. – Хорошо хоть не стреляют.

– Третий раз? – переспросил Ростислав. – А кто останавливал и где?

– Известно кто, солдаты, – махнул рукой старичок. – Вернее, эти олухи, которые считают себя солдатами. Видите ли, у них посты. Когда я служил в Корее, в восьмой армии генерала Риджуэя, это да, мы были солдаты! А здесь какой-то сброд с оружием.

Насколько Шибанов помнил, корейская война была в начале пятидесятых годов двадцатого века. Получалось, что деду Ромео уже за восемьдесят. Собственно, так он и выглядел.

– Так что вам надо? – спросил дед.

– Воды. А вообще, наверное, на юг, – сказал Шибанов. – В Неваду.

Ростислав и девушки пробирались по пустынной местности уже несколько часов, и Шибанов сам себе удивился, что у него еще хватило выдержки на светскую беседу со старичком, когда всем, включая кота, пить хотелось невыносимо.

Оливия засуетилась и вытащила из фургона пластиковую бутыль с мутноватой водой и мисочку, в которую плеснула немного коту. Такого наслаждения от глотка воды, пусть даже грязноватой, пресной и теплой, Ростислав не испытывал, казалось, никогда в жизни. Девушки, напившись, горячо благодарили старичков.

– А вы куда направляетесь? – наконец смог продолжить беседу Шибанов.

– Мы едем в Неваду, но не уверен, что хотим вас подвезти, – нахмурился дед. – Сами понимаете, что вдвоем с Оливией нас никто не трогает, а если увидят вас, да еще с оружием…

– Ромео, мы непременно обязаны подвезти этих молодых людей! – безапелляционно заявила Оливия и принялась чесать за ухом кота, который высунул морду из-под куртки Мидори, где спал. – Не будут же они идти пешком по этой ужасной дороге.

– Вот всегда так, – буркнул Ромео так, чтобы его слышал только Шибанов. – Если бы я сказал, что вас нужно взять, она бы стала пилить меня, что я собираю по дороге всякое отребье… Старая грымза постоянно говорит мне назло.

По довольному виду старичка Ростислав понял, что именно по этой причине он и отказывался посадить их в фургончик.

Внутри фургончика оказалось уютно. Шибанов поместился впереди, рядом с Ромео, а девушки – сзади, в украшенном вышитыми салфетками салоне, вместе с Оливией. Та сразу принялась радушно угощать их обедом, сетуя, что остался только вчерашний жареный

койот. Койота по достоинству оценили все, включая Крысиного Короля. Ему положили изрядную порцию, и вообще придали статус почетного гостя. Оливия непрестанно умилялась, говорила, что самое хорошее, что с ними случилось за последние полгода, – это вот этот милый котик. Крыс не возражал, сыто облизываясь. В благодарность за угощение он позволил себе немного полежать на коленях Оливии, но вскоре перебрался к Атике и тут же уснул.

– Вы едете в Неваду в какое-то конкретное место? – спросил Ростислав, обгладывая тонкое ребрышко и выкидывая его в открытое окно.

– Знаешь, Расти, я объехал уже все эти чертовы штаты. Могу сказать одно – везде хреново. – Старичок со скрежетом переключил рычаг коробки передач. – Нахлебники вроде нас с Оливией никому не нужны. Приходится охотиться или чинить что-то нужное за еду... В Неваде мы не были с год, вот и решили посмотреть, что там. Говорят, в Вегасе до сих пор полно больных.

Ростислав подумал, что давно уже не слышал выражения «больные» применительно к инфицированным. Чокнутые, психи, дебилы... Хотя они в первую очередь действительно больные. И если бы не иммунитет, он был бы с ними.

– Зачем же туда ехать?

– А заодно и проверим, – задорно сказал старичок. – Там хотя бы нет войны, насколько я знаю. Такой, как у нас между этим хреновым Макриди и этим хреновым Солт-Лейк-Сити. В сам Вегас мы, понятное дело, соваться не станем, в больших городах делать нечего. А вот в маленьких можем и пригодиться.

– Жили мы как-то в маленьком городе... Уотерхоул, может, слыхали?

– Не слыхал, – признался Ромео. – Мало ли их возникало и исчезало. А ты-то кем был, пока не началась эта кутерьма?

– Хоккеистом.

Шибанова давно уже никто не спрашивал, чем он занимался раньше, в мирное и тихое время. Это перестало интересовать людей, всех куда сильнее занимало, что человек может сейчас. Хорошо ли он стреляет. Может ли отремонтировать двигатель автомобиля, заменив его части снятыми с другого, порой совсем иной марки. Умеет ли вкусно приготовить крысу, койота, ящерицу. Примеров было достаточно: тот же Макриди, скорее всего, действительно торговал подержанными автомобилями, а трусливый Гофер был риелтором.

На деда слова Шибанова не произвели впечатления.

– Небось неплохо платили, – только и сказал он, объезжая перевернутый ржавый пикап. – А девчонки?

– Моя жена фотографировалась для журналов.

– Голая, что ли? – заинтересовался Ромео, но остыл, когда узнал, что Атика фотографировалась одетой для рекламы. Никак не заинтересовало старичка и то, что Мидори была довольно известной киноактрисой.

– Я кино давно не смотрю, – заявил дед. – Раньше еще были некоторые толковые картины с Джоном Уэйном, Оди Мерфи... Рейган неплохо играл, потом зачем-то поперся в президенты, как будто ему там медом намазали. А дальше началась сплошная белиберда. – И заключил: – Странно, что вы вообще живые до сих пор. Совершенно никчемные у вас профессии, парень.

Знал бы ты еще, кто был Джей-Ти, подумал Шибанов.

Джей-Ти лежал в запертом армейском фургоне. Свет еле-еле проникал туда сквозь узкие вентиляционные отверстия под самым потолком, но разглядывать в фургоне все равно было нечего. Подстилка в виде тонкого матраса, армейское синее одеяло, подушка. По нужде Джея-Ти выводили в кусты под конвоем двух охранников – один стоял перед ним, второй за спиной. Впрочем, о стыдливости бывший рэпер давно позабыл, как и о нормальных туалетах с унитазом и биде.

В еде ему не отказывали. Жареное мясо, зеленый горошек, пюре из вареной репы с большим количеством подливки, апельсиновый джем, белые сухари, свежая вода, даже немного разбавленного виски. Виски Джей-Ти пить не стал, решив, что голова должна быть ясной.

Макриди готовил ему что-то ужасное, это было понятно по выданным капитану Смоллвуду указаниям и по тому, как грустно посматривали на узника охранники. Бояться Джей не боялся, но умирать не хотелось. Жаль, что ему так и не удалось встретиться с друзьями. Дай бог, чтобы хоть у них все сложилось хорошо.

Джей-Ти потянулся, поднялся с матраса и принялся бегать туда-сюда по фургону. Залязгал засов, дверь приоткрылась, в щель просунулась морда сержанта-охранника.

– Ты чего тут скачешь?

– Разминаюсь, – сказал Джей-Ти и начал приседать.

– Сумасшедший, – пожал плечами сержант и вновь закрыл дверь.

Сбежать возможности не представлялось – фургон ногтями не проковыряешь, при выводах в туалет строго охраняли, даже еду просовывали под дулом автомата. Наверное, Джея считали за особо опасного шпиона Солт-Лейк-Сити и обращаться с ним велели соответственно. Макриди если и был ублюдком, то очень осторожным и умным ублюдком.

Наприседавшись и наотжимавшись до тех пор, пока с него в три ручья не полил пот, Джей-Ти сел прямо на металлический пол в позу лотоса и стал ждать, что будет дальше. Он почти впал в некоторое подобие транса, когда принесли ужин. Принес его капитан Смоллвуд.

– Насколько я помню, приговоренным к смерти полагается сделать особый заказ, – сказал капитан, ставя поднос рядом с Джеем. Сквозь приоткрытую дверь за ними бдительно наблюдал сержант. – Я читал, что один

человек заказал пять банок маринованных огурчиков, а другой – одну оливку с косточкой. У нас, к сожалению, уже не самая свободная страна в мире, поэтому я позволил себе сделать выбор самому. Надеюсь, ты останешься доволен.

Ужин и в самом деле был что надо. Жареный цыпленок с хрустящей корочкой, как любил Джей. Маринованные огурчики, только не пять банок, а пять штук на блюдечке. Салат из шинкованной капусты с морковью, жареная картошка, пакетик кетчупа, красное яблоко. И бутылочка ржаного виски.

– Отлично, – сказал Джей-Ти и, не меняя позы, взял цыпленка и отломил сочную ножку. Оторвав зубами кусок мяса, он принялся жевать его. Потом взял пластиковую ложку с прорезями, которую можно использовать как вилку – он знал, что такие дают в тюрьме, – и подцепил немного салата.

– Вкусно? – с неприкрытым радушием осведомился капитан, садясь рядом на матрас.

– Отлично! – повторил Джей-Ти, хрустя салатом. Потом поймал ускользающий огурчик, сунул в рот, снова заел цыпленком.

– Я думаю, что человеку в самом деле нужно доставить радость перед тем, как посылать его на смерть, – философски рассуждал капитан Смоллвуд. – В этом я полностью согласен с генералом Макриди. Смерть вообще чудовищна, и брать на себя нелегкое бремя распоряжаться человеческими жизнями – это не для каждого. Вы согласны со мной?

Джей-Ти молча кивнул, поливая картошку кетчупом.

– Я уверен, что у вас найдется для меня доброе слово, когда вы встретитесь с Господом. То, что мы делаем, вся эта жестокость, которую мы допускаем сегодня, – вынужденные меры. Такова жизнь, – вздохнул Смоллвуд, – и мы не можем вести себя иначе, потому что в противном случае победит хаос.

На зубах у Джея хрустнула бедренная косточка цыпленка, и он принялся ее старательно обгладывать.

– Буду искренен, я поделился собственным офицерским пайком, – доверительно сказал капитан. – Хотелось сделать вам приятное.

– Спасибо, кэп, – сказал Джей-Ти и вонзил в глаз Смоллвуду острый конец цыплячьей косточки. Капитан завопил и покатился по полу. Перепуганный сержант выпустил очередь в потолок фургона, тут же покрывшийся пробоинами, кто-то другой сунулся внутрь и поволок корчащегося и кричащего Смоллвуда прочь. Джей-Ти захохотал, размазывая по лицу кетчуп, словно кровь. Нет, он не сошел с ума, он смеялся над глупым риелтором, думавшим, что прощение можно купить горстью картошки и пятью огурцами.

Смоллвуда вытащили, дверь захлопнули, но еще слышно было, как он визжит и бьется. Джей постарался успокоиться, понимая, что этот его смех может перейти в банальную истерику. Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, потряс головой и спокойно принялся доедать свою прощальную трапезу.

Больше его никто не беспокоил до самой ночи. Спать Джей не лег, понимая, что за ним придут до рассвета, иначе зачем совестливому Смоллвуду было устраивать ужин смертника?

По крыше забарабанил дождь, через пробоины, оставленные автоматной очередью в потолке, закапала вода. Джей накинул на плечи одеяло.

Снаружи послышались голоса, кто-то скомандовал:

– Открывайте.

Это оказался сам генерал Макриди. В накидке-дождевике, каске и в сопровождении нескольких автоматчиков. Поодаль стоял грузовик.

– Когда я узнал о том, что случилось с капитаном Смоллвудом, решил, что сам должен присутствовать, – сказал Макриди. – Напрасно вы так поступили. Капитан был добрым человеком.

– Был?! – переспросил Джей, пока ему связывали за спиной руки.

– Э-э... Я бы сказал, что сейчас капитан несколько не в себе, – поправился Макриди.

Джей осклабился:

– Надеюсь, он чокнулся насовсем.

Макриди глубоко вздохнул, словно сожалея о столь неуместном поведении пленного, и велел посадить его в грузовик.

Вместе с Джеем в тесный кузов набились еще пятеро с автоматами. По тенту продолжал стучать дождь, и бывший рэпер вспомнил старую примету, которую частенько повторяла его старая бабушка: «Дождь в дорогу – это хорошо».

– Куда уж лучше... – пробормотал себе под нос Джей-Ти.

– Что ты там бормочешь? – окрикнул его один из охранников.

– Молюсь, блин, – огрызнулся Джей-Ти.

Когда они подъехали к холму, уже почти стемнело, и его вершину пришлось освещать фарами грузовика и джипа, на котором приехал Макриди. С холма был хорошо виден временный лагерь Республиканской Армии, но не он привлек внимание Джея, а новенький крест, вкопанный в глинистую почву. Крест был сколочен из толстых брусьев; сколочен не абы как, а с умением и старанием.

Значит, вот что они придумали. Джей-Ти стиснул зубы.

– Я специально исследовал подробности распятия Иисуса Христа, – произнес Макриди. Он был все в той же накидке и каске, хотя дождь почти утих. Рядом стоял унылого вида мужчина в наглухо застегнутом плаще, из-под которого был виден воротничок священника. – Там есть интересные нюансы – евангелисты утверждают, что Иисуса прибили к кресту гвоздями, два гвоздя – в ладони, и один – в скрещенные ноги. Но многие исследователи утверждают, что человеческое тело под своей тяжестью не сможет удержаться на гвоздях, вбитых в ладони. Гвозди или выскочат из древесины, или

разорвут плоть. Много говорилось и о специальной подставочке для ног, которая то ли была, то ли нет на Голгофском кресте… Я убедился, что вопросы действительно серьезные, и потому разработал систему, при которой тело отлично держится на кресте, а распятый долго не умирает. Милосердные римляне перебивали им кости голени – без опоры на ноги в таком положении очень трудно дышать, и человек умирал от недостатка кислорода. По-моему, это лишнее.

Здоровенный капрал положил на мокрую траву звякнувший сверток, развернул его. Внутри оказались длинные гвозди и молоток. Джей-Ти невольно зажмурился, но собрался и вновь открыл глаза.

– Давайте, – велел своим людям генерал.

Джею-Ти развязали руки и потащили к кресту. Он не сопротивлялся, не желая доставлять удовольствие этому мерзавцу.

– Вас на всякий случай привяжут, это необходимо, – крикнул Макриди. – Заметьте еще и то, что Иисус нес свой крест на Голгофу самостоятельно. Вас я от этой неприятной обязанности избавил.

Джея в самом деле привязали поперек груди, укрепив ноги на пресловутой подставочке. Тот же здоровенный капрал взобрался на стремянку, и тут уж Джей-Ти не смог отказать себе в том, чтобы пнуть ее свободной пока ногой. Капрал тяжело грохнулся о землю.

Макриди покачал головой:

– Вы все норовите испортить.

Джей-Ти даже удивился, когда вторично взобравшийся на стремянку капрал вбил первый гвоздь, в правую руку. Да, было больно, но совсем не так больно, как он ожидал. Бывший рэпер обратил внимание, что один из державших его молодых солдат отвернулся, не в силах смотреть.

– Это ты, что ли, плотник? – стараясь говорить ровно, спросил Джей-Ти капрала.

– Я, – буркнул тот, переставляя стремянку к другой руке и выбирая гвоздь.

– Иисус тоже был плотником, ты знаешь об этом?

Капрал промолчал.

Второй гвоздь вошел больнее. Видимо, он задел одну из ладонных костей, и Джей-Ти не смог сдержать стон. Отворачивавшийся солдат не выдержал и, потеряв сознание, сполз вниз. Второй закричал:

– Помогите кто-нибудь, мне его тяжело держать!

Помог один из автоматчиков, в котором Джей узнал рыжебородого, задержавшего его на берегу озера.

– Надеюсь, тебе дали за меня медаль? – спросил Джей. – Или вам выдают в награду жратву?

Рыжебородый прикусил губу. Похоже, солдатам не нравилось то, что делает генерал. Но Джею было на них плевать, тем более он обезумел от боли, когда капрал занялся ногами. Сердце колотилось, словно готовясь пробить грудную клетку и выскочить наружу, и Джей изо всех сил старался не закричать и не потерять сознание. У него еще много времени впереди, чтобы болтаться тут без чувств в ожидании ворон.

Он даже не понял, когда державшие его солдаты отошли в сторону. Открыл глаза, когда услышал вкрадчивый голос священника:

– Ты не хочешь исповедаться, сын мой? Не хочешь поговорить со мной?

Джей-Ти помотал головой. Даже такое движение послало по всему телу новую волну ошеломительной боли. Из глаз текли слезы, смешиваясь с каплями вновь усиливающегося дождя.

– Тогда я прочту тебе псалом, – торжественно сказал священник, поднял глаза к небу и начал: – Блажен муж, который не ходил на собрание нечестивых, и не стоял на пути грешных, и не сидел в обществе губителей, но в законе Господнем воля его, и закону его он будет поучаться день и ночь. И будет он как дерево, посаженное у истоков вод, которое плод свой даст в свое время, и лист его не опадет. И все, что он ни делает, будет успешно. Не так нечестивые, не так: но они – как прах, который сметает ветер с лица земли! Посему

не устоят нечестивые на суде и грешники – в собрании праведных. Потому что знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет.

– Пошел ты в задницу, святой отец, – громко произнес Джей-Ти. Священник ничего не сказал и, перекрестив его, смиренно удалился к джипу.

– Прощай, – сказал генерал Макриди. – Завтра с утра моим солдатам будет на что посмотреть. А потом и твоим хозяевам из Солт-Лейк-Сити, когда они обнаружат труп. Хотя, если тебе повезет, они могут найти тебя еще живым. Видишь, я честно даю тебе шанс.

С этими словами Макриди забрался в джип. Взревев моторами и надымив, обе машины уехали, и Джей-Ти остался на вершине холма один.

– Знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет… – пробормотал Джей последние слова священника. – Если бы оно так…

Электромобильчик Ромео Грэнджерфорда преодолел крутой подъем и начал спускаться. Ростислав внимательно осматривал открывшийся перед ними пейзаж, но ничего любопытного не обнаружил. Пустыня и пустыня, горы на горизонте, полузасыпанное песком шоссе…

– Ты не гони, не гони, – пожурил сидевшего за рулем Ростислава старичок-изобретатель. – Рессоры старые, ступицы тоже старые и покрышки старые, а камеры еще хуже… На скорости что-то полетит, начнем кувыркаться. Зря я, что ли, выживал во всем этом дерьме, чтобы убиться в автокатастрофе?!

– Так нормально? – Шибанов послушно снизил скорость, хотя электромобильчик больше пятидесяти миль в час вообще не развивал, разве что под горку.

– Так нормально, – сварливо сказал дед.

Сделав короткую ночевку, они продолжали свой путь в Неваду. Мидори спала прямо на полу, в обнимку с котом, а старуха рассказывала изнемогающей Атике бесконечную историю о несчастной судьбе некоей сво-

ей подруги Мэгги-Сью, которая потеряла во Вьетнаме одного за другим троих женихов. Периодически старуха начинала перемывать кости несчастной Мэгги, которая в отсутствие женихов гуляла напропалую, но потом спохватывалась и возвращалась к лирической линии.

– Без выпивки тяжело, – уныло сказал Ромео, дергая себя за вислые прокуренные усы.

– А что вы не сделали перегонный аппарат? У нас в России много у кого такие есть.

– У меня тоже был. Что я, по-твоему, совсем дурень, если машину на солнечных батареях сумел собрать, а бухло сварить не сумел? Была у меня дома такая штука, и в машине здесь была, да старуха заставила выбросить. Она у меня трезвенница, видите ли. Да и перегонять особенно нечего. Этим надо серьезно заниматься, сырье отыскать, да где тут... Может, в Неваде чего сообразим.

Но в Неваде ничего им сообразить не удалось, потому что через десяток миль у машины отлетело правое переднее колесо. Ростислав в тот момент в очередной раз сбросил скорость, следуя совету Ромео, и только поэтому фургончик удержался на дороге и не перевернулся. Тем не менее его сильно занесло и поставило поперек проезжей части. Отскочившее колесо укатилось на обочину и, подпрыгнув на камешке, упало на бок.

– Твою мать! – отчаянно ругалась трезвенница Оливия, вылезая из машины и поправляя свою шляпу. Мидори держала вцепившегося в нее и шипящего Крыса. Атика помогала выбраться старику, который сильно ушиб колено и хромал.

К счастью, никто серьезно не пострадал. Чертыхающийся Ромео и Ростислав осмотрели машину и сообща пришли к выводу, что починить фургончик невозможно.

– Придется идти пешком, – смирившись с неизбежностью, сказал старичок. – Вечного двигателя изобре-

сти нельзя, вечную машину – и подавно... Угораздило же нас сломаться в таком диком месте.

– Истинно наказывает Господь! – заявила Оливия, не объяснив, за что Господь их наказывает. Старичок почему-то принял это на свой счет и насупился.

– Давайте разгружать тачку и прикидывать, что забрать с собой, а что оставить.

С собой забрать получилось не так уж много. Многочисленные полезные для Ромео вещи в повседневной жизни, а тем более посередине пустыни, были ни к чему. Взяли всю воду, продукты, оружие и боеприпасы, аптечку с медикаментами, маленькую походную плитку с двумя газовыми баллонами, кое-что из одежды. Хромавшему старику Ростислав смастерил тросточку из снятого рычага переключения передач и какой-то тяги, валявшейся в багажнике среди запчастей.

Кота, чтобы не таскать на руках, посадили в импровизированный рюкзак, сделанный из вязаных занавесочек Оливии. Старик было предложил вести кота на веревочке, но тот возмущался, ложился на спину и задирал вверх все четыре лапы, показывая, что он не какая-нибудь тупая собака, чтобы надевать поводок. В итоге кота понесла Оливия, которой досталось меньше всех груза – тощий и поджарый Крыс весил немного.

Вначале они шли вдоль шоссе, а когда брошенный фургончик исчез из виду, Ромео сверился с картой и предложил свернуть.

– Тут была старая дорога. Ее уже нет, но мы можем срезать и выйти к заброшенному шахтерскому городку. Может, там найдется вода. Любая – я придумаю способ, как ее опреснить или очистить. Если воды не найдем, то в любом случае срежем приличный кусок и снова выйдем на трассу.

Старичок говорил дело, и они свернули, ориентируясь в дальнейшем по солнцу и горам. Безлюдный однообразный пейзаж угнетал; Ромео взялся было рассказывать байки из жизни, но, во-первых, слишком много

врал, а во-вторых, они как-то не воспринимались спутниками. До шахтерского городка они добрались еще засветло, но солнце уже готовилось опуститься в раскаленный песок.

– Воды нет, – объявила Мидори, забравшись на покосившуюся водонапорную башню. Насос был снят, скважина, очевидно, пересохла, и вообще городок забросили лет тридцать назад, если судить по уцелевшим вывескам и рекламным щитам.

Собственно говоря, городком эти две пересекающиеся улицы сложно было назвать даже в далекие времена его процветания. Сейчас же он годился разве что для съемок малобюджетных ужастиков. Скрипучие дома, ужасающего вида самосвал с поднятым когда-то, да так и замершим навеки кузовом, искореженный велосипед, висящий на худосочном дереве.

– Здесь можно хотя бы переночевать с комфортом, – сказала Атика, осматриваясь.

Ростислав обнял уставшую жену и засмеялся:

– Интересно, пару лет назад ты могла бы назвать комфортом дом без окон и дверей, продуваемый всеми ветрами?

Однако, вопреки словам Шибанова, им посчастливилось найти довольно надежный дом с дверью и практически без окон – здесь когда-то находился маленький бар, судя по уцелевшей стойке и руинам древнего музыкального автомата «Вурлитцер». На стенах висели выцветшие рекламные плакаты – «Кэмел» без фильтра, какие-то давно почившие в бозе сорта пива, автомобили АМС «Гремлин», которые, если Ростислав не ошибался, не выпускались аж с 1978 года. На узком подоконнике стояла оловянная пепельница в виде раковины, забитая окурками, тянущими на археологические экспонаты.

Старичок облазил все углы и выгнал пару притаившихся там гремучек, сообщив, что «эти суки меня не кусают, видать, знают, что я уже полвека женат и яд на меня не действует». Оливия комментировать слова супруга не стала, но сердито надулась.

На ночлег расположились кто где мог. Ростислав сел у закрытой двери, которая исполняла весьма условные функции при наличии витрины с почти полностью выбитыми стеклами. Но врагов в этом месте ожидать не следовало – диким зверям здесь просто нечего делать, рейдерам – и подавно, а полулегендарные мутанты обитали дальше к северо-востоку. Тем не менее запертая на засов дверь давала ощущение спокойствия, и Ростислав сам не заметил, как задремал.

Проснулся он от кошачьего воя.

Крыс стоял перед дверью, почти рядом с Шибановым, вытянув шею и подняв правую лапу, словно собака, учуявшая дичь. Хвост был задран трубой, а из широко раскрытого розового рта вырывался угрожающий вопль.

Мидори и Атика тоже проснулись, только старички продолжали безмятежно похрапывать.

– Он что-то чует… – прошептала Атика, подтаскивая к себе лежавшую на присыпанном песочной пудрой дощатом полу винтовку М-16.

Кот прислушался, потом взвыл пуще прежнего. Так делали коты, когда вызывали на бой себе подобных, Ростислав много раз такое видел, когда жил пацаном в Кирове. Чего-чего, а уж бездомных и дворовых кошек там хватало. Но Крыс не просто злился. Он был испуган.

– Может, пума? – предположил Шибанов, снимая с предохранителя автомат. – Или койот…

– Сейчас я выгляну и скажу.

Никто ничего не успел предпринять, как Мидори встала, перешагнула через спящего Ромео и осторожно выглянула через мутное, чудом уцелевшее стекло витрины.

– Ничего, – сказала она, продолжая вглядываться в темноту. – Темно очень… Расти, брось мне фонарик.

– Я сейчас сам выйду и посмотрю, – проворчал Ростислав, сердясь на себя за то, что уснул.

– Ты что, не смотрел фильмы ужасов? – уставилась на него Мидори. – Там всегда фигня начинается с того, что один из героев говорит, что он сходит и посмотрит. Его, само собой, по сюжету съедают.

– Мы не в кино. И вообще, прекрати мерить все своей киношной линейкой! – неожиданно для себя окрысился Шибанов. – Тоже мне, Эдит Пиаф!

– Эдит Пиаф была певицей, милый, – попыталась успокоить его Атика, но Шибанов не слушал и рявкнул:

– Хорошо, Мэрилин Монро! Анжелина Джоли! Джулия Робертс!

Мидори вопреки ожиданиям не обиделась. Она отошла от витрины и села на свое место, снова перешагнув через храпящего старичка.

– Иди, – сказала она. – Но лучше бы ты этого не делал.

Ростислав осторожно отодвинул засов и вышел на крыльцо. Под ногами скрипнули доски, и Шибанову показалось, что на этот звук ответил другой, где-то за углом дома, который он еле-еле мог разглядеть в темноте. Звездное небо было закрыто клочковатыми тучами, а включить фонарик значило сделать себя мишенью. Поэтому Ростислав спустился с крыльца и огляделся.

Мертвый шахтерский городок молчал. На легком ветерке покачивалась жестяная табличка возле водонапорной башни, на которой уже ничего нельзя было прочесть из-за облезшей краски. Поскрипывал флюгер на здании конторы.

Стоп.

Когда Ростислав вышел, ветерка еще не было.

Неожиданно налетевший порыв поднял песчаную пыль и бросил ее в лицо Шибанову. Успев зажмурить глаза, он принялся отплевываться. Что-то это все напоминало…

Два года назад. Недалеко от Лас-Вегаса. Тогда все только началось, они были растеряны, они не знали, что делать… Именно тогда они услышали это от-

вратительное хихиканье. Все четверо – Ростислав, Джей-Ти, Атика и Мидори – стояли возле брошенного «лэндкрузера». Точно так же начиналась песчаная буря, песок взмывал с обочины и кружился, ограничивая видимость несколькими футами. Тут-то из желтокоричневой кутерьмы и раздалось внезапно вкрадчивое хихиканье, пугающее и потустороннее. И точно такое же хихиканье Шибанов услышал сейчас.

Или ему показалось?

Два года назад Шибанову помог скорпион. В последний раз он показывал его Мастеру, и талисман, похоже, снова помог. А сейчас? Может быть, скорпион поможет и сейчас?!

Ростислав отступил к крыльцу, снова огляделся, прикрывая глаза от летящего песка. Все новые и новые песчаные заряды летели из темноты, рассыпались, ударяясь о деревянные стены домика. Никого не было видно, но отдаленное хихиканье по-прежнему звенело у Шибанова в ушах.

Не раздумывая более, он юркнул внутрь и быстро захлопнул дверь. Лязгнул засов. Шибанов включил фонарик.

– Что там?! – испуганно спросила Атика. Старички тоже проснулись и тревожно смотрели на Ростислава.

– Старый знакомый, – сказал Шибанов. – Помните обезьяну возле Вегаса? Два года назад?

– Эта тварь?! Но она же…

– Нет, она не сбежала из зоопарка, как полагал Джей-Ти. И это вообще не обезьяна.

Крыс взвыл, словно подтверждая слова Ростислава.

– Тогда у нас было мало оружия, а сегодня – достаточно. Отобьемся, – уверенно заявила Мидори.

– Вы вообще о чем? – спросил Ромео. – Нас неплохо бы ввести в курс дела.

– Кого-то надо застрелить, – пояснила ему супруга, сжимая в руках дробовик.

– Сидите и ничего не делайте, – сурово приказал Шибанов. Он расстегнул заветный чехольчик на поя-

се. Скорпион удобно лег в левую ладонь, наполнив ее успокоительным теплом. Похоже, эта тварь его чувствует. Может быть, она уйдет с миром, как в прошлый раз?

Кот снова завыл, мелко дрожа. Выпущенные когти глубоко впились в пол. И в этот момент в дверь постучали. Вежливо, тихо – тук-тук-тук! Подождали немного и снова постучали.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; Да приидет Царствие Твое; Да будет воля Твоя и на земле, как на небе, – забормотала старуха, одновременно целясь в дверь из дробовика.

Муж схватил оружие за ствол и нагнул вниз, прошипев:

– Дура, ты же выбьешь дверь к чертям собачьим!!!

– Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого… – продолжала бормотать Оливия, и чтение «Отче наш» поддерживалось ритмом постукиваний в дверь. Казалось, непрошеный гость издевался.

Когда замолкла молитва, прекратился и стук. А потом послышалось знакомое хихиканье. Атика в ужасе зажала уши ладонями, а Ромео поднялся и, пошатываясь и оступаясь, двинулся к двери. Шибанов остановил его, но старик, глядя перед собой невидящими глазами, попытался обойти Ростислава. Проклятый гипноз начинал действовать.

Шибанову ничего не оставалось, как отвесить старику изрядную пощечину. Оливия ахнула, но отшатнувшийся и едва не упавший Ромео затряс головой и вполне осмысленно воскликнул:

– Какого хрена?!

– Отступаем, – сказал Шибанов. – Там сзади была еще одна дверь.

Действительно, за стойкой бара находилась «Г»-образная подсобка, в которой имелась еще одна дверь. Когда Ростислав проверял ее перед тем, как заселить-

ся на ночь в заброшенный бар, она была заперта на огромный ржавый висячий замок.

Хихиканье возобновилось, глаза Ромео снова стали затуманиваться. Шибанов решительно схватил старика за плечо и подтолкнул к двери. За ним последовала супруга. Атика и Мидори быстро собирали разбросанные по полу вещи.

– Бросайте! – крикнул Ростислав, когда в дверь за его спиной глухо стукнуло. Потом толстая фанера прогнулась, по ней проползли четыре черные полоски, превращаясь в сквозные царапины, сквозь которые торчали острые изогнутые когти. – Бросайте все, кроме оружия!

Мидори подхватила кота, который не стал сопротивляться, и выбежала вслед за стариками. Шибанов потащил за рукав непослушную Атику, успевшую тем не менее взять сумку с продуктами. Стены домика тряслись, с перекосившейся полки посыпались пустые бутылки и какая-то проржавевшая утварь.

– Оливия! – заорал он, врываясь в подсобку. – Сбейте замок!

Старушка послушно выпалила из своего дробовика, который вместе с замком снес половину двери. Шибанов ногой распахнул ее остатки и замер на пороге. Помимо темноты, в которой мелькал мечущийся песок, внутри было что-то еще. Что-то зыбко подрагивающее, словно воздух над раскаленным асфальтом, рождающий миражи. Что-то едва заметно искрилось, переливалось… Но это выглядело куда менее угрожающим, чем взревевшее позади чудовище, судя по грохоту, уже оказавшееся внутри. Поэтому Шибанов крикнул:

– Вперед! Быстрее!

И первым шагнул в проваливающуюся под ногами пустоту, таща за собой жену.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

За периметром

Твин Фоллз выглядел обычным американским городком. При ближайшем рассмотрении, правда, можно было заметить, что некоторые дома закрыты, а окна забиты деревянными щитами, лужайки не выкошены, почтовые ящики забиты так и не полученной корреспонденцией. Многие уехали из города после эпидемии, другие погибли во время нее, когда принимались радикальные меры. Тем не менее Твин Фоллз жил, и в отеле «Америтель Инн», где остановилась миссия, к русским отнеслись радушно и уважительно.

Ученые сразу развернули в предоставленных им помещениях лаборатории. Конечно, большая часть разместилась в привезенных с собой и выделенных американской стороной герметичных блоках, откуда во внешний мир не могла просочиться никакая зараза. Электрики еще возились с подключением системы к городской линии энергоснабжения, а кое-кто из команды академика Делиева уже начинал работать.

Губернатор появился буквально на полчаса, выпил с Гумилевым, Делиевым и мэром Твин Фоллз по бокалу муската, еще раз попросил обращаться к нему в любое время и по любому важному вопросу и не стесняться, после чего улетел на вертолете. Из уклончивых комментариев мэра следовало, что на севере возникли какие-то проблемы – с одной стороны, бушевали лесные пожары, с другой – оживились мелкие банды, то и дело напоминавшие о себе еще со времен эпидемии. Некоторым жителям, очевидно, не нравилась мирная обстановка в Айдахо.

В нескольких километрах от охраняемого периметра была разбита база для группы Гумилева. На свой страх

и риск он выпросил у военных вертолет – транспортно-десантный «Сикорский С-92». Вроде бы он предназначался для полетов исключительно «до» периметра, но Гумилев строил на эту мощную машину, вмещающую двадцать четыре человека, совсем иные планы. Решетников понял, в чем дело, но молчал.

Бойцы «Илиады» переместились на базу почти сразу же, не успев насладиться прелестями отеля «Америтель Инн». Время было дорого, и, как пояснил Геращенко, «надо еще пообжиться».

Гумилев пока остался в гостинице. Как только он освободился от «официальной части», то сразу позвонил Марусе.

– Как ты там, моя хорошая?

– Привет, папочка! – затараторила Маруся. – А мы с нянечкой ходили в театр смотреть «Приключения Чиполлино»! В детстве, помнишь, я ужасно переживала. А сейчас посмотрела взрослыми глазами, и ты знаешь – принц Лимон такой смешной! А синьор Помидор такой дурак!

– Ну конечно, взрослыми глазами-то все по-другому, – засмеялся Гумилев. – А как там твой пушистый воспитанник?

– Ой, папочка, Мурзик совсем не умеет мяукать! Он рычит, мурлыкает и укает!

– Укает?

– Да, садится передо мной и говорит «ук»! Как будто икает. Так смешно! А еще он все время в дверь ванной стучится, пока я там моюсь, и рычит!

– Может, он тоже хочет мыться? – предположил Гумилев.

– Да нет же, папа! Будто не знаешь, что коты моются языком! Это Мурзик боится, что я там могу утонуть! Поэтому я его пускаю в ванную. Он сидит в корзинке для белья и следит, чтобы со мной было все в порядке.

– Я смотрю, не ты кота, а он тебя воспитывает?

– Не воспитывает, а присматривает! А что ты там делаешь, в Америке? Вас президент встречал?

– Нет, президент нас не встречал. Даже губернатор нас не встречал, только заехал потом ненадолго и сразу улетел по делам.

– Все взрослые постоянно улетают по делам, – ворчливо, как старушка, сказала Маруся. – Когда я стану взрослой, я не буду никуда улетать по делам.

– К сожалению, не всегда получается так, как нам хочется… – начал было Гумилев, но осекся, подумав, что сегодня можно обойтись без философских разъяснений. А когда после еще нескольких минут веселого разговора с Марусей положил трубку, его обожгла мысль, которую он упорно отгонял от себя со времени вылета из Сещи. А что, если он не вернется?

Маруся, конечно, не пропадет. Есть друзья, родственники, но… Как она останется без отца? Сначала мать, потом он…

– А для этого нужно вернуться, – жестко сказал сам себе Гумилев. Хотел только подумать, но произнес вслух, а вошедший в «штабной» номер Решетников переспросил:

– Простите, вы мне, Андрей Львович?

– Нет, Константин Кириллович, это я сам с собой. Рефлексирую, как и полагается русскому интеллигенту в энном поколении… Кстати, у меня тут предложение возникло.

– Внимательно вас слушаю, – сказал Решетников, приглаживая, по своему обыкновению, ладонями седоватый ежик волос.

– Давайте мы уже с вами перейдем «на ты». Не покоробит?

– Ни в коем случае. В смысле, ни в коем случае не покоробит. Тем более бывают ситуации, когда «на вы» просто некогда и нелепо обращаться. А мы с вами руками и ногами именно в такую ситуацию и лезем. Я сам хотел предложить, но постеснялся.

– Тогда надо… Ну, на брудершафт.

– Не вопрос, – Решетников подошел к мини-бару, извлек две бутылочки «Джонни Уокера», протянул одну

Гумилеву, ловко скрутив головку, и улыбнулся. – Только целоваться не будем.

Они чокнулись и выпили. Острый зерновой вкус виски обжег язык, и Гумилев зачем-то решил для себя, что там, на Закрытой Территории, пить не будет. Это, в конце концов, не Арктика с ее морозами. А нервы успокаивать нужно другими способами. Грустно это, что любит русский человек ссылаться на такие вещи: беда у меня, выпить надо. А ты не допускай беды, чтобы пить за нее не пришлось! На радостях пей. Нужно Санича предупредить, чтобы с бойцами переговорил. И ученым тоже объяснить. С этими сложнее, конечно, но одернуть не мешает.

Гумилев, видимо, крепко задумался, потому что Решетников окликнул его:

– Андрей Львович!

– А? – очнулся Гумилев.

– Ты тут, а вроде и не тут. Отдохнешь, может?

– Может, и отдохну. Надо еще кое-какие вопросы порешать, тогда и прилягу.

Но прилег он только за полночь, вопреки данному себе приказу выпить еще две таких же маленьких бутылочки. Гумилев просто не мог заснуть, а засыпая, сделал себе поблажку – мы же еще не там…

Около девяти утра «Сикорский» уже высаживал их на площадку возле базы. Гумилев спрыгнул из вертолета первым, за ним выбрался, широко зевая, Нестор Тарасов. Парень выглядел спокойнее остальных – то ли решил себя так поставить, то ли в самом деле имел железные нервы. Даже пижон-эстонец, «павиан волосатый», зыркал из-под своих очков с видимой опаской. А что ты хотел, уважаемый? Рядом периметр, за периметром – Закрытая Территория, а на них чего только нет.

Неподалеку от посадочной площадки замерли, бессильно опустив загребущие руки, «Итеры» – те самые плотоядные роботы, которые помогали охранять периметр. Всего их было шесть, у одного американские

техники как раз меняли колесо, другой был покрыт вмятинами от пуль. Видно, «Итерам» за периметром приходилось несладко.

Гумилев знал, что атаки на периметр закончились давно. Инфицированные оказались вовсе не такими безумцами, как казалось всем поначалу. Немотивированная ненависть не перекрывала в них инстинкт самосохранения и не позволяла забыть навыки владения оружием и техникой. Наиболее безмозглых – а были, конечно, и такие – перебили в первые же дни, некоторую часть – потом, во время попыток перейти периметр, а оставшиеся затаились. Точно так же поступили те, кто не был инфицирован или же был инфицирован, но не заболел. Вообще существовали подозрения, что иммунитетом к «Армагеддону» обладает куда большее количество людей, чем считали ученые, но кто из них оставался опасным носителем вируса – просчитать не представлялось возможным. Тесты, которые делали сначала, не оправдывали себя, и Гумилев в принципе понимал правительство Североамериканского Альянса, перешедшего от научных исследований к превентивным мерам.

Над головой пролетел беспилотник, потом второй. Они возвращались на аэродром для обслуживания. Насколько знал Гумилев, использовались как управляемые операторами самолетики, так и роботы, наподобие «Итеров» сами принимавшие решения.

Тарасов стоял возле пятнистых палаток базы и тоже пялился на «Итеров».

– Что, заинтересовались? – спросил Гумилев, подойдя к нему.

– Только читал про них, Андрей Львович, – сказал Нестор. – Видеть не видел ни разу.

– Еще насмотритесь. Раньше их в Айдахо не было, но буквально пару месяцев назад привезли большую партию.

– Помните, у Айзека Азимова Законы роботехники?

– Нет, к сожалению… Напомните, если не сложно?

– «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому и Второму Законам», – процитировал Тарасов, совсем по-детски наморщив лоб. – По-моему, в данном случае эти законы не работают.

– Азимов был фантастом, а мы в реальности... Как сами-то, готовы к экспедиции?

– Я всегда готов, Андрей Львович. Как пионер.

– Пионеров помните? – удивился Гумилев.

– Нет, конечно, не помню я пионеров, – улыбнулся Нестор. – Читал много. Кстати, не уверен, что нужно было эту организацию так уж прямо и разгонять. Много полезного делали. Их же потом даже возрождать пытались, только назывались они по-другому... как это... скауты?

Гумилев невольно улыбнулся – все перемешалось в умах молодого поколения, а объяснять – так еще больше запутать. Та история, которой они жили, теперь уже вовсе и не та. Переписали все несколько раз, кому как больше нравилось.

– А вы были пионером, Андрей Львович?

– Был.

– Расскажете как-нибудь? – загорелся Нестор.

– Может быть, может быть... – уклончиво сказал Гумилев. – Ладно, увидимся позже. Сегодня пробный выезд за периметр.

Пробный выезд был запланирован на полдень. Модернизированные «тигры» были уже подготовлены; в первый сели Гумилев, верный Санич, майор Грищенко, Иванова, Нестор Тарасов и Вессенберг. Во второй – все остальные, старшим был Решетников. По идее, как заместитель Гумилева, старшим во второй машине должен был стать эстонец, но Гумилев помнил, что он

приступает к этим обязанностям только на территории Зоны 51, а они пока находились за пятьсот километров от нее.

В идеале «тигры» вмещали по девять человек плюс грузовой отсек, но в этих моделях герметичные грузовые отсеки были расширены, ибо в них планировалось транспортировать для последующих исследований инфицированных – живых или мертвых.

– Мы даем вам окно на полчаса, сэр, – рапортовал американский майор. – Потом снова закрываем периметр и ждем условного сигнала в оговоренное время. Если сигнал не поступит, ждем еще два часа, сэр. Потом вы считаетесь пропавшими. Возвращение будет возможно только после подтверждения полной безопасности.

– Есть, – кивнул Гумилев. Как он усвоил из случайно услышанных разговоров между американцами, его почему-то считали «русским бригадным генералом». Гумилев ничего против не имел.

Черта пересечения периметра была невидимой. Это не государственная граница, и отмечена она была весьма условно – башенками автоматических пулеметов и пушек, спрятанными в зарослях и среди камней. По бездорожью «тигр» шел резво, Санич за рулем даже начал насвистывать вальс из древнего по нынешним меркам фильма «Берегись автомобиля!», но потом они выскочили из редкого кустарника на раскрошенное шоссе, и начальник СБ примолк.

Перед ними были следы первых дней инфекции и последующих попыток прорыва. Сквозь небольшие пуленепробиваемые оконца «тигра» были видны сгоревшие и перевернутые автобусы, полные почерневших скелетов. Смятые и насквозь пробитые снарядами вертолетных пушек легковушки. Детская коляска и лежащая рядом бутылочка для молока. Врезавшийся вертикально в землю пассажирский самолетик мест на двенадцать. «Скорая помощь», уткнувшаяся радиа-

тором в кусты, рядом валяются покрытые темными пятнами носилки.

– Неужели они не могли без этого обойтись? – тихо промолвил Нестор Тарасов.

– Настоящее показывает, что они поступили правильно, – сказал Гумилев. – Остановили возможных носителей ценой гибели неинфицированных. Тут сложная дилемма… Убить одних, чтобы спасти других.

– Не по-людски это, – пробурчал Грищенко, морщась.

– Мы не у себя дома, майор. Им виднее. Да и как оно было бы в России? Откуда нам знать?

Грищенко не ответил. Гумилев и сам иногда задумывался, а как оно было бы в России? И ответа не знал.

Свернув направо, «тигры» поехали по шоссе, то и дело огибая или объезжая по обочине мертвую технику. Попались даже несколько танков – разбитых, с сорванными башнями. Видимо, какая-то воинская часть пыталась вырваться из смертельно опасной зоны.

По плану бойцы «Илиады» собирались посетить небольшой городок, в котором, по данным беспилотных разведчиков, наблюдалась кое-какая жизнь. Трудно было понять, нормальные люди там живут или же больные. Периметр был хоть и невидимым, но жестко закрытым – американские военные сами за черту не совались и пресекали любые попытки пересечь границу изнутри. Уточнять, кто там ломится, никто не собирался, стреляли на поражение. Отсюда и практически полное отсутствие информации. Однако Гумилев надеялся, что можно будет взять кого-то для исследований. Если это будет нормальный, пусть даже инфицированный человек – ему же лучше. Если больной – что ж, тому все равно.

Гумилев нащупал пересохшими губами наконечник, укрепленный внутри шлема и идущий от баллона с витаминизированным лимонным соком, сделал несколько глотков. Сегодня они были в специальных бронекостюмах, разработанных все теми же гумилевскими умельцами. Созданные наподобие летных скафандров,

они позволяли существовать совершенно автономно от внешней среды. Это гарантировало непроникновение вируса при контакте с инфицированными и больными, кроме тех случаев, когда бронекостюм был поврежден. Повредить его, честно говоря, было трудновато, он держал даже пулю – определенных калибров и с определенного расстояния.

Колеса еле слышно прошуршали по поваленному дорожному знаку. Звуки плохо проникали в наглухо закрытую машину, и Гумилев велел Саничу включить микрофоны. Мало ли что полезного можно услышать.

Звуков прибавилось – шум деревьев, урчание мотора второго «тигра», шедшего за ними по пятам, крики и пение птиц. На животных вирус никак не действовал, а если и действовал, то людям через них не передавался. Иначе Америка уже вымерла бы, оставшись населенной лишь ордами сумасшедших, терзающих друг друга. Хотя терзающих ли? В своем безумии многие уживались друг с другом, словно чуяли, что они – такие же.

Много, много непонятного было с этой эпидемией. Гумилев до сих пор не мог четко очертить для себя этические границы последствий «Армагеддона». Правы были американцы или нет? Сейчас он ответил Тарасову, не задумываясь, а если задуматься?

– Подъезжаем, – сказал Санич, который следовал ГЛОНАССу – другие системы спутниковой навигации на Закрытой Территории не работали. – Осталось пять кэмэ.

Городок уже был виден вдалеке, потому что «тигры» спускались с холма по извилистой дороге. Как он назывался, Гумилев не помнил, да это было и не важно. По оперативным данным, ряд таких городков после эпидемии самопереименовался, другие вообще оказались стерты с лица земли.

Этот выглядел безжизненным. Одинаковые домики, которые кажутся аккуратными только издали, на улицах – машины. А вон целый участок выгорел, тор-

чат черные стропила, закопченный камин с трубой… Словно на архивных фотографиях деревень, сожженных гитлеровцами в Великую Отечественную.

– Притормози, Олег, – велел Гумилев, когда они проехали указатель, определяющий границу города. «Добро пожаловать». Нижняя часть, на которой значилось, куда именно добро пожаловать, была оторвана, явно целенаправленно.

«Тигр» бесшумно остановился, рядом, немного не доехав «голова в голову», затормозил второй. Сидевший за рулем Миллерс показал большой палец – мол, все в порядке, следуем за вами. Рацию они пока принципиально не включали на случай, если у местных мог оказаться сканер-перехватчик.

– Загоняй машину туда, где зелень погуще, – сказал Гумилев Саничу. – Пойдем пешком.

Когда они вышли из «тигра» и остановились среди буйной растительности, почему-то сразу вспомнился «Сталкер» Тарковского. Танки, сплошь покрытые травой. Никаких танков здесь не было, но мир выглядел новым, свежим и нетронутым. Как ни странно, даже позитивным.

– Мы не собирались идти пешком, – с укоризной сказал Решетников, подойдя вплотную.

– Нас сразу засекут. Даже если не подумают, что мы из-за периметра, все равно попрячутся.

– Или нападут.

– Или нападут, – согласился Гумилев. – Мы сюда все же не в классики приехали играть, Константин…

У машин Гумилев оставил Иванову и Вессенберга. Оба явно остались недовольны, но Оксана не стала спорить из субординации, а Вессенберг, похоже, из вредности. Он демонстративно сел на подножку и принялся дочитывать про своих кроликов. Гумилев сузил глаза – он не одобрял такой подход, не на пикник же приехали. Но говорить Вессенбергу ничего не стал.

Гумилев взял наизготовку свой М-4. Эти автоматы им выдали американцы – надежная конструкция, дав-

но уже принятая как единая для всех американских сил специальных операций. Основными отличиями М-4 от М-16 был ствол меньшей длины и выдвижной телескопический приклад, потому что вначале планировалось вооружать ими только экипажи боевых машин. Таким образом, нелегально привезенные с собой вместе с научной аппаратурой М-16 можно было не тащить, но кто же знал заранее…

Шелестела листва, шуршала высокая трава под ногами. Если бы не сложные фильтры, наверное, пахло бы цветами… Словно на пикник.

– Движение справа, – отрапортовал Лобачевский, взглянув на биоиндикатор. Еще одна разработка гумилевских лабораторий, которую собиралось купить министерство обороны, но пока все еще думало и проводило испытания. Тем временем ученые выдали усовершенствованный образец. Шесть штук «Илиада» взяла с собой, сейчас использовали два.

– Слишком маленький объект, – отозвался Грищенко.

Из кустов выскочил перепуганный енот и помчался прочь, высоко подпрыгивая среди зарослей. Кто-то – голос Гумилев не угадал – разочарованно выругался.

– Не стреляем, пока не поймем, что это необходимо, – предупредил Гумилев. – Только при реальной угрозе. Не хватало нам еще воевать с енотами или опоссумами.

– Слышали?! – грозно поставил точку Санич, дабы показать, кто тут главный по военным вопросам.

Показались первые окраинные дома. Городок был не из самых бедных, – возможно, тут жили сотрудники аэрокосмических предприятий или каких-то подобных перспективных контор. Заросший водорослями бассейн, поваленный гриль, красный «БМВ» с разбитым лобовым стеклом на подъездной дорожке… Скелет. Маленький, с продавленными ребрышками грудной клетки. Вот тебе и позитивный мир, черт бы его побрал…

– Ребенок, – пробормотал Лобачевский, тоже заметивший скелет.

– Привыкайте, – сжав зубы, сказал Гумилев. – Не то еще увидите.

– Прямо двадцать метров два объекта, – доложил Грищенко, исправно наблюдавший за биоиндикатором. – Я так понимаю, вон за тем домом с бежевыми стенами.

Санич тут же взял руководство на себя:

– Антон, Макс, Витя – со мной. Остальные на месте.

– Можно я тоже? – высунулся из-за спины Миллерса Тарасов.

– Я сказал – остальные на месте!!! – рявкнул Санич.

Гумилев застыл с поднятым автоматом, потому что тоже рефлекторно двинулся за первой группой. Четверо сотрудников службы безопасности исчезли за живой изгородью, направляясь к упомянутому дому с бежевыми стенами.

– Кстати, мы остались без биоиндикатора, – как бы между прочим заметил Нестор Тарасов. Гумилев не мог не отметить, что молодой ученый прав. Нестор попрежнему выглядел крайне спокойным, словно не раз уже бывал в переделках, хотя по данным предоставленного Саничем досье он даже не отбывал срочную службу по состоянию здоровья. Потом, если верить медицинским тестам и нормативам по физподготовке, здоровье наладилось.

– Занять круговую оборону, – скомандовал Решетников, и Гумилев был ему за это благодарен, потому что сам не додумался. Благодарность Гумилева выросла через пару минут, когда через кустарник с той стороны, откуда они только что пришли, бросились три человека. Это были типичные безумцы, больные люди, которые жаждали только одного – убивать. Гумилев за считаные доли секунды успел рассмотреть и выпученные в злобе глаза, налитые кровью, и грязные неухоженные волосы, и оружие в руках с обломанными желтыми ногтями.

Решетников снял первого, с садовыми вилами, направленными прямо в грудь опешившему Артемьеву. Остальных двух хладнокровно застрелил Тарасов – прямо в лоб, словно стрелял по ростовым мишеням в тире.

– Я думаю, что так надежнее, – сказал он, поймав через стекло шлема взгляд Гумилева. – Я видел в фильмах про зомби. Нужно разрушить мозг.

Наверное, Нестор Тарасов был прав, потому что у двух убитых им сумасшедших в руках было куда более серьезное оружие, чем вилы: израильский «узи» и помповое ружье «моссберг». Только сейчас до Гумилева дошло – ведь он видел, что в руках у «зомби»! Видел даже ногти, но не среагировал…

Сквозь кусты уже ломился Санич со своим отрядом.

– Живы… – облегченно выдохнул он. – А мы там двоих взяли…

– Кого взяли? – спросил Гумилев голосом, не обещавшим ничего хорошего.

– Двоих… пациентов. Обездвижили, все, как полагается…

– А мы вот не обездвижили, как видишь. Палили боевыми.

Гумилев не мог сказать, что сожалел об убитых. Но вели они себя глупо, и ошибка Санича, который не оставил здесь человека с биоиндикатором, могла стоить очень дорого. Себя Гумилев тоже винил – сэкономил, пытался сохранить ценные приборы. На будущее нужно оставить два резервных, а с собой брать четыре, причем выдать их не только безопасникам, но и ученым.

– Кто стрелял? – с интересом осведомился Грищенко, разглядывая валяющиеся трупы.

– Я, – выступил вперед Тарасов.

– Метко и грамотно, – похвалил майор.

Остальная пара безопасников страховала собравшихся – мало ли кто прибежит на выстрелы.

– Олег, грузи улов, – распорядился Гумилев.

Из-за кустов потащили запеленутых в сетки и обездвиженных капсулами с миорелаксатором больных. К черту больных, подумал Гумилев, теперь они – объект «Б», как об этом договорились еще в Москве. Слово «больной» тут неуместно.

Когда объекты «Б» уложили в «тигры», в каждый по одному, Гумилев сказал:

– Едем обратно.

– У нас еще огромный лимит времени, – напомнил Решетников. – Я уж не говорю о двух резервных часах.

– Я считаю, что первый блин вышел комом, – сухо сказал Гумилев. – Поэтому мы едем назад. Программа-минимум выполнена, ученым будет чем заняться, а нас ждет разбор полетов.

По возвращении они передали так и не пришедшие в себя объекты в специальные камеры. Одну из них трейлер повез в Твин Фоллз, вторая осталась на базе, на поживу Синцову. Его Гумилев с «разбора полетов» отпустил, а остальным устроил разнос, начав с Санича.

Покрывшийся красными пятнами начальник службы безопасности неуклюже оправдывался:

– Я не учел... Мы раньше не работали с биоиндикаторами... И вообще, Андрей Львович, может быть, лучше совсем без ученых? Так мы справимся без потерь...

– Насчет того, что не работали, – я виноват. Точно так же я виноват в том, что взяли с собой только два биоиндикатора из шести. Куда их беречь? На будущее, кроме Решетникова, Тарасова, Вессенберга и Ивановой, всем выговор. Если мы хотим жить – больше так поступать не должны.

Следующий выезд за периметр был запланирован на утро. Гумилев поехать не смог, потому что прибыл мэр с группой американских ученых, их нужно было встречать, изображать радушие, обсуждать общие темы. А когда «тигры» вернулись, уже по лицу Санича Гумилев понял: что-то случилось.

– Тарасов пропал, – убитым голосом произнес Олег. – Мы и выехали-то недалеко, пошли обследовать трейлерный поселок, там никого не нашли, пустой совершенно. На выходе уже Тарасов и Иванова пошли с одной стороны трейлера, я с павиан… простите, с Вессенбергом – с другой. Иванова выходит, пропал, говорит, Тарасов.

Гумилев поймал настороженные взгляды американцев и, выдавив из себя улыбку, промахал рукой:

– Все в порядке! Никаких проблем, немного подвела техника.

Американцы заулыбались в ответ и продолжили переговариваться между собой.

– Искали? – спросил Гумилев.

– Искали! Биодетекторы молчат, никаких следов…

– Хорошо, – сказал Гумилев, помолчав. – Пока никуда сообщать не станем. Может, он еще вернется.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Спаситель

Джей-Ти был все еще жив.

Наверное, виной тому – именно виной, потому что он отчаянно хотел умереть, – были непрекращающиеся дожди. Измученное тело получало влагу, не дающую ему погибнуть.

Иногда он совсем не чувствовал рук, иногда боль накатывала так, что Джей-Ти терял сознание. Приходя в себя, он видел все тот же пейзаж, все те же тучи над головой. Уход армии Макриди он пропустил, иначе прокричал бы им с вершины холма пару ласковых, хоть и не был уверен, что внизу его услышат.

Вороны пока не появлялись – не исключено, что тоже из-за дождя. Вспомнив умозаключения генерала насчет распятия Христа, Джей попытался сорвать руки с гвоздей, но не смог – было чересчур больно. Грудь стягивала веревка, ног он вообще не ощущал, как будто их ампутировали под наркозом.

Несколько раз Джей пробовал петь. Он вспоминал хиты Ice Cube, Тупака, Ноториуса, Ghetto Boys, Ice-T, даже House of Pain, несмотря на то, что они были белые, ирландцы и вроде бы, кажется, коммуняки. Но когда понял, что не так четко начитывает текст, как делал в былые времена со сцены, а еле слышно хрипит, бросил это занятие. Он даже не смог бы отпугивать так ворон. Впрочем, птицы игнорировали его черное тело, хотя воронам-то, казалось бы, какая разница?

Процесс умирания оказался совсем неинтересным. Таким его Джей-Ти не представлял, нет. Никаких галлюцинаций, никакой жизни, которая пролетает перед глазами, как об этом пишут в книгах. Боль, боль и еще раз боль. В те редкие моменты, когда она уходила, Джей ловил губами капли дождя или наблюдал

за тучами, ползущими по низкому небу. Он никогда раньше не думал, что в Юте выпадает столько дождей. Или его отвезли в другой штат? Неважно, все равно кругом чертова пустыня, даже если ее не видно за деревьями…

Когда на склоне холма появился человек в скафандре, напоминающем одежду астронавтов, Джей-Ти обрадовался. Может, это долгожданная галлюцинация и все скоро кончится?!

Но это была вовсе не галлюцинация. Откинув прозрачное забрало своего шлема, человек присвистнул, сказал что-то на неизвестном Джею языке и принялся рыться в ящичке, укрепленном на поясе скафандра. Затем он подошел к кресту и сделал укол в бедро Джея-Ти. То, как игла пронзает тело, бывший рэпер не почувствовал, но зато через несколько секунд перед его глазами все помутилось, поплыли разноцветные круги, и Джей-Ти успел мысленно поблагодарить человека в скафандре астронавта за то, что наконец умирает.

…В рот лилась кислая, освежающая жидкость. Закашлявшись, Джей-Ти пробормотал:

– Черт… Я думал, что амброзия на вкус вроде молочного коктейля. Ванильного, не клубничного.

– Ты не в раю, – послышался голос. – И это не амброзия, а лимонный сок.

Джей-Ти открыл глаза.

– И где я, на хрен?!

– Да почти там же, где и был.

Человек, который сказал это, сидел на корточках рядом с Джеем, а сам Джей лежал под плотной листвой кустарника все на той же вершине холма. Ему даже виден был крест. На кресте никого не было. Значит, это не душа отлетела от тела, с удовлетворением подумал Джей-Ти и повернул голову к спасителю.

– Какого черта ты меня снял, чувак? – осведомился Профессор. – Я спокойно себе подыхал, а ты пришел и снял меня. Зачем тебе это понадобилось?

– Считай, что у меня такая карма, – сказал человек. Это был тот самый астронавт, который сделал Джею укол, а когда Джей отрубился, стащил его с креста. Наверное, муторное было занятие, потому что спаситель выглядел уставшим.

– Я тебе, конечно, благодарен, и все такое. – Джей попробовал пошевелить руками или ногами, но не смог. То ли все отнялось, то ли до сих пор действовало обезболивающее. – Но что мне теперь делать? Ходить я не могу, руками делать тоже ничего не могу, даже задницу подтереть. На кой я нужен такой даже самому себе?

– Успокойся, – печально произнес спаситель. Говорил он с легким акцентом, примерно таким же, как Расти Шибанофф. – Я тебя вылечу.

– Доктор, блин, Дулиттл...[1] – проворчал Джей-Ти и снова уплыл в небытие.

Когда он очнулся в следующий раз, дождь уже перестал. Светило солнышко, и очень сильно хотелось в туалет по-маленькому. Спасший Джея незнакомец по-прежнему сидел рядом и что-то рассматривал, держа на ладони.

– Эй, кекс! – окликнул его Джей.

Незнакомец встрепенулся и спрятал свою цацку в кармашек скафандра. Шлем был открыт, и Джей-Ти подивился, зачем он вообще его таскает. Поди, неудобно шляться с такой-то кастрюлей на голове.

– Ты со станции «Мир»?

– Бредит, – пробормотал незнакомец сам себе.

– Ни хрена я не брежу, а хочу поссать! – искренне возмутился Джей-Ти. – Если ты снял меня с креста, хотя бы расстегни мне штаны. Христу было проще, на картинах он в одной набедренной повязке, а у меня тут «молния».

– Сам расстегни, – безразлично сказал спаситель.

– Чем?! Ушами, чувак?! Или бровями?!

---

[1] Доктор Дулиттл – герой популярных детских книг Хью Лофтинга, в переводе Корнея Чуковского превратившийся в доктора Айболита.

– Посмотри на свои руки и не ори попусту.

Джей-Ти поднес ладони к глазам и остолбенел. Вместо огромных дыр, заполненных запекшейся кровью, он увидел лишь бледные шрамы. Когда-то его в детстве укусил соседский спаниель, шрам на голени остался точно такой же.

– Не понял... – промямлил Профессор. – Сколько времени прошло?!

– День. Почти.

– И я... А как ты...

– Кстати, ты можешь ходить, – все так же безразлично и устало произнес незнакомец. – Встань и иди. Талифа куми[1].

– Шутишь, блин?!

Незнакомец промолчал, поэтому Джей-Ти плюнул и встал сначала на четвереньки, а потом – на ноги. Что с ногами, бывший рэпер видеть не мог, потому что спаситель замотал их кусками его собственной футболки. Той самой, которую Джей нашел в заброшенной сувенирной лавчонке в Солт-Лейк-Сити перед тем, как встретить маленького проходимца Шеммонда.

– Классные лекарства у вас в России, – только и смог сказать Джей.

Ноги побаливали, но идти Джей мог, а потому отошел чуть подальше и сделал все свои дела. С удовлетворением он обнаружил, что за время распятия не обмочился и не обделался, – наверное, организму просто было не до этого. В любом случае новые штаны было бы найти здесь весьма проблематично.

Спаситель со скукой на лице наблюдал за своим пациентом, а когда Джей проковылял обратно и сел под куст, лениво поинтересовался:

– И кто тебя так?

– Армия Макриди, – честно признался Джей.

– Слыхал... А что ты им сделал плохого?

---

[1] Талифа куми – повеление встать, сказанное по-арамейски; библейская цитата, приписываемая Иисусу, воскресившему дочь «одного еврейского старшины, начальника синагоги».

– Да ни хрена, чувак! Просто попался на пути, а у них там обнаружилась парочка уродов, с которыми мне пришлось столкнуться раньше. Они решили, что я шпион, и прибили меня к кресту, словно долбанного Иисуса. Видит бог, я этого ничем не заслуживал.

– В Нюрнберге многие тоже так говорили.

– Чего? В каком Нюрнберге? Который в Пенсильвании?[1] У меня там тетка живет... Кончай говорить загадками, братан. Ты не ответил – ты со станции «Мир»? Она что, навернулась где-то здесь?

– Станции «Мир» давно нет, ее затопили в океане. Есть МКС, но я не оттуда. Я из России.

– О! Я так и знал! И я знал одного чувака из России!!! – обрадовался Джей-Ти, всплеснув руками. – Расти Шибанофф, он хоккеист! А что ты делаешь здесь, русский? Вы нас захватили, пока я сидел в плену? Раньше я бы не обрадовался, но теперь считаю, что давно пора.

– Никто никого не захватывал, – сказал спаситель. – Я ученый. Мы прилетели разобраться, что тут у вас происходит. Но ты лучше ничего больше не спрашивай, если хочешь, чтобы все закончилось хорошо.

– Я молчу, молчу.

Джей и вправду посидел молча, но недолго, потому что не удержался и спросил:

– А кого вы назначите президентом США? Горбачева?

Спаситель посмотрел на него странными глазами и расхохотался. Он хохотал, утирал слезы тыльной стороной ладони, потом набирал новую порцию воздуха и вновь хохотал. Отсмеявшись, он покачал головой и сказал:

– Постарайся сильно не напрягать ноги и найди какую-нибудь обувь. Можешь протирать шрамы чем-нибудь спиртосодержащим, хотя сомневаюсь, что ты такое найдешь. А если найдешь, то, полагаю, выпьешь. Все, мне пора.

---

[1] В американском штате Пенсильвания действительно есть город Нюрнберг.

Человек в скафандре встал, и только сейчас Джей-Ти заметил, что у него за спиной висит автоматическая винтовка типа М-16, но покороче, а на поясе – кобура с пистолетом.

Точно, подумал Джей-Ти. Русские нас захватили, иначе на кой бы ученому оружие. Да и на кой ему спасать распятого негра, разве что по велению Красного Креста. Джей-Ти где-то слыхал, что с пленными захватчики должны обращаться хорошо, иначе... что иначе, Джей не знал, да и знать не хотел. Захватили так захватили. Что ж, поделом, допрыгались.

– Спасибо, – сказал он. – Скажи хоть, как тебя зовут, братан. Я вот буду Джей-Ти.

– Не стоит, – махнул рукой русский. – Имя мое тебе тоже ни к чему. Не ходи за мной.

Он зашагал вниз по склону. Джей-Ти выждал немного и, когда русский скрылся в зарослях можжевельника, пригнулся и прокрался следом. Проследить за спасителем оказалось нетрудно, потому что он даже не стал проверять, исполнил ли Джей-Ти его просьбу. По тропинке русский спустился с холма и углубился в заросли, в сторону, противоположную той, где размещался временный лагерь армии Макриди.

Бывший рэпер прятался за стволами и валунами до тех пор, пока человек в скафандре не вышел на большую каменистую проплешину, где скрываться было уже негде. Потому оставалось издали наблюдать, что же он станет делать.

Немного постояв и словно прислушиваясь, русский двинулся к дальнему краю проплешины, где в известняковом склоне чернело что-то наподобие пещеры. Именно туда, в зияющий проем, человек в скафандре и влез.

Подождав немного, не выглянет ли он обратно, Джей-Ти спустился вниз и, поскальзываясь на камнях и шипя от боли, которой время от времени отзывались его многострадальные ноги, добрался до пещеры. С виду ничего особенного, обычная дырка в земле, с потолка свисают корешки, пахнет сыростью.

Джей-Ти прислушался, но из пещеры не доносилось ни звука. Зато треснула ветка у него за спиной, в можжевеловых зарослях, переплетенных вьюнком.

Джей тревожно обернулся. Не хватало, чтобы вернулись головорезы Макриди… Нет, второй раз пришпилить его к кресту у них не получится!

Ветка снова треснула, дрогнули вершины молодых лиственниц. Кто-то пробирался через заросли, не особенно скрываясь, а значит, был уверен в себе, человек это или зверь. И Джей-Ти счел за лучшее спрятаться в пещере, прикинув, что русский, если попадется на пути, вреда уж точно не причинит. Иначе зачем «астронавту» было его спасать и лечить?

Согнувшись в три погибели, чтобы не треснуться башкой, Джей-Ти полез в прохладную темноту. Через несколько шагов свет от входа стал меркнуть, пришлось пробираться на ощупь. Нужно было напроситься идти с русским, подумал Джей, у того небось фонарик. В животе урчало – лимонный сок только встревожил желудок, который теперь отчаянно требовал чего-то посерьезнее.

– Эй! Русский! – негромко позвал Джей-Ти в надежде, что тот ушел недалеко.

Никто не отвечал.

Джей сделал еще несколько шагов, касаясь ладонями стенки пещеры, а потом перед глазами у него что-то вспыхнуло, и пол словно расступился под ногами. Измученному организму этого было достаточно, чтобы Джей-Ти вырубился.

– Ну, и где мы? – спросил Ромео Грэнджерфорд.

Все пятеро – точнее, шестеро, если считать кота по кличке Крысиный Король – стояли целыми и невредимыми среди нагромождения коричнево-рыжих скал. Никаких следов мертвого шахтерского городка в тусклых предрассветных сумерках не наблюдалось.

– Ума не приложу, – признался Шибанов, по-прежнему сжимавший в руках М-16. – Это совершенно другое место.

– Я вижу, что другое. Как мы сюда попали, вот что я хотел бы знать.

– Эта тварь, которая хихикает… Она гналась за нами. А когда мы выскочили через заднюю дверь, почему-то оказались здесь.

– Мы вообще на Земле? – Мидори обнимала кота, который вел себя спокойно, сидел и вертел головой. – Я читала сценарий, в котором люди вот так попали на другую планету. Еще, говорят, есть параллельные миры, туда тоже перемещаются совершенно случайно.

– Типун тебе на язык, детка, – сердито произнес старичок. – Я читал про такую хрень в дешевых журнальчиках, ну, в которых публикуют статьи типа «Я беременна от инопланетянина». И потом, вон Большая Медведица.

Ромео ткнул корявым пальцем в звездное небо.

– Мало ли, – сказала Мидори, – может, у них тут тоже есть Большая Медведица. Так что это еще не доказательство!

Ромео неодобрительно уставился на Мидори. Под его суровым взглядом девочка отступила и пожала плечами:

– Как хотите. Я только предположила.

– А не надо, – веско сказал старик. – И без всяких дурацких фантастик дерьма на нашу шею хватит.

– Нас куда-то выбросило… С дверью было что-то не так, – Шибанов вспомнил искристую темноту и зыбкое дрожание воздуха.

– А с этой тварью, которая хихикала? Да она влезла мне в чертовы мозги! – потрясая кулаком, заявил старичок. – Я чувствовал, как иду к ней навстречу… А потом ты, парень, дал мне по морде, и я малость пришел в себя.

– Рассказывали, что когда все только началось, какие-то сумасшедшие военные пытались запустить ракеты с ядерными боеголовками. Их сбили, и они упали где-то в Неваде или Аризоне… Может, по-

сле взрывов образовались дыры в пространстве? – предположила Атика. – Я помню, когда мы жили в Уотерхоуле, об этом постоянно рассуждала доктор Салазар.

– Я так думаю, неважно, что это, – заключил Ромео и взял из рук своей супруги дробовик. – Главное, что мы не провалились в Ад. Прикиньте, если нас перебросило куда-нибудь в нормальное место? Флорида, например. Я ничего не имею против Флориды. Правда, у меня нет плавок, но это фигня.

– Во Флориде, по-моему, нет таких гор, – заметила Оливия.

– Хорошо, в Монтану. Против Монтаны я тоже ничего не имею.

– Посидите здесь и разберитесь, что мы успели спасти из припасов, а я поднимусь повыше и посмотрю, что вокруг, – предложил Ростислав.

– Я с тобой, – сказала жена.

– Нет, дорогая, оставайся здесь.

С этими словами Шибанов принялся взбираться вверх по осыпи. Он подумал, что в последнее время был слишком черствым с Атикой. Понятное дело, что во время побега не до любви, но и до этого они вели себя скорее как товарищи по несчастью, чем как муж и жена. Когда они занимались сексом в последний раз? Два месяца назад? Три?

Неужели когда-нибудь все это закончится? У них будет дом, машина, бассейн, лужайка, по которой с лаем будет бегать золотистый ретривер? Они смогут завести детей? Или до конца своих дней придется бродить, глядя на разрушающиеся города, на умирающую цивилизацию, осознавая, что где-то за тысячу километров люди живут прежней, обычной жизнью?

Ростиславу приходилось видеть, как люди сводят счеты с жизнью. Чаще всего это были те, кто потерял близких родственников, но случалось, что вешались и стрелялись те, кто слишком много думал. Сидит человек, размышляет – день, два, а на третий, глядишь, пу-

стил себе в висок пулю. Сейчас Шибанов понял, о чем именно думали эти люди.

Нет, рано или поздно все наладится. Найдут лекарство от вируса, снова откроют границы. Если нужно, пусть даже устроят что-то вроде резервации, они с Атикой готовы остаться здесь. Но пусть снова будет электричество, супермаркеты, кино и телевидение, нормальная пища… Да пусть и ненормальная, гамбургеры какие-нибудь дурацкие. Картошка фри с кетчупом, «Макмаффин», мексиканская еда… Черт возьми, тот же хоккей! Хотя играть Ростиславу уже не придется, форму растерял, не говоря о многочисленных повреждениях. Впрочем, если обратиться в серьезную клинику…

Помечтать Шибанову не удалось, потому что он споткнулся о какой-то металлический предмет. Это оказалась ржавая шахтерская каска, судя по виду, очень старая. Осмотревшись, Шибанов обнаружил несколько покосившихся деревянных столбов, торчавших из земли, и перевернутую вагонетку с еле заметной надписью «Шахта Келли». А вот и вход, наглухо заколоченный досками. Видимо, шахту закрыли очень давно, потому что доски совсем сгнили.

Обойдя по дуге вход в шахту, Ростислав взобрался еще выше и оказался на небольшом плато. Слева и сзади высились горы, справа расстилалась темная долина, а впереди… Впереди была жизнь. По крайней мере, именно так Шибанов назвал про себя мерцающие дальние огоньки, без сомнения имевшие прямое отношение к электричеству.

Радоваться было рано – что, если это уже за периметром? Тем не менее Ростислав взбодрился, потому что у них появился какой-то ориентир. Следовало посоветоваться со стариком.

– Потеряно больше половины боеприпасов, часть продуктов. Вода осталась только во флягах, – нарочито сухо доложила Атика, когда Шибанов вернулся. Ишь, обиделась, что не взял с собой, подумал он и начал рассказывать о том, что видел.

– Огоньки, говоришь... – задумчиво протянул Ромео. – И шахта Келли... Что ж, насколько я понимаю, мы по-прежнему в Неваде. Я когда-то работал картографом, в шестидесятых...

– И где именно мы в Неваде?

– Это так называемые горы Конюха. А долина, которую ты видел, – долина озера Грум. Озера как такового давно нет, высохло и засолилось, и те огоньки – скорее всего, база ВВС Неллис.

– Неллис?! – удивился Шибанов. – Если не ошибаюсь, это там находится Зона Пятьдесят один?

– Где правительство прячет дохлых инопланетяшек? Она и есть, парень, – мрачно сказал Ромео.

– Но это же ерунда, – убежденно произнесла Атика. – Это все из разряда сценариев, которые читала Мидори. На самом деле там, наверное, кто-то уцелел, военные или гражданский персонал... Если мы пойдем к ним, нас же не тронут?

– Милая, ты помнишь, что рассказывал Манчини о базах, где сидят чокнутые вояки? Именно такие и запускали ядерные ракеты, о которых ты говорила. Нас могут перестрелять просто так, для профилактики. Даже если военные вполне нормальные, это сверхсекретный объект. Туда никогда никого не пускали. Не думаю, что нам будут рады.

Шибанов взял сухарь, который протягивала Оливия, и принялся грызть.

– Жаль, карта осталась в рюкзаке, – сказал Ромео. – Но, если я правильно помню, тут вблизи ничего больше и нет. Налево лесистые горы, через которые мы с Оливией вряд ли переберемся. На севере был городок Рэйчел, но это уже далеко за территорией базы. К тому же там и раньше-то жило человек пятьдесят никому не нужных ублюдков, сомневаюсь, что он существует до сих пор. На востоке ближайшие города – это Аламо и Ричардвилль, но это совсем уж далеко, да и тащиться опять придется через горы и ущелья.

– А на юге? – спросила Мидори.

– На юге, детка, вообще ничего нет. Кратеры, оставшиеся после испытаний ядерного оружия, свалки токсичных и радиоактивных отходов, города-мишени для учебных бомбежек, заброшенные военные аэродромы… Короче, все то, за что господь наконец-то проклял Америку. Если у дьявола есть задница, то мы сейчас в самой ее дырке.

– Ромео Грэнджерфорд, если ты не перестанешь сквернословить, я надаю тебе оплеух, – пообещала Оливия.

Старик хмыкнул, но тут же продолжил:

– Хотим мы того или нет, но придется тащиться на эту долб… прости, Оливия… на базу Неллис.

– Не проще ли сходить на разведку и посмотреть, что там происходит? – Шибанов дожевал сухарь и сделал глоток воды из фляжки. Нужно экономить, хотя, судя по лесистым горам, тут могут быть ручьи и родники. – Зачем рисковать всем?

– Разумно, – согласился старик. – Вот с тобой и пойдем.

– Ромео Грэнджерфорд! – металлическим голосом произнесла Оливия.

– Ромео, вы же сами сказали – по горам лазить вы уже староваты. А до базы, насколько я понимаю, миль десять, не меньше, и это только по долине. А ведь еще нужно спуститься вниз.

– Хорошо, хорошо, – проворчал старик, то ли убоявшись жены, то ли внимая доводам Ростислава. – Буду сидеть здесь и ждать.

– А вот теперь я точно пойду с тобой! – заявила Атика, и по ее лицу видно было, что отрицательный ответ не принимается.

Шибанов развел руками:

– Что с тобой поделать, идем. Но давай дождемся утра и еще раз попробуем все рассмотреть при солнечном свете. А пока можно и подремать.

– Никогда не знал, что попаду на старости лет в «Сумеречную зону»[1]. – Эти слова старого Ромео были по-

[1] «Сумеречная зона» – культовый американский мистический сериал, первый сезон которого был снят в 1959 году.

следним, что слышал Ростислав, обняв Атику и проваливаясь в сон.

– И что ты думаешь по этому поводу, Буч? – спросил Ковальски, аккуратно завинчивая пробку на бутылке с имбирным элем.

– По поводу русских? – Шон «Буч» Маккормик оторвался от своего iPad и взглянул на напарника. – Думаю, они прилетели совать свой длинный нос туда, куда не следует. Русские всегда хотели добраться до наших секретов, а сейчас для этого самое подходящее время.

– Это я и без тебя знаю, Буч, – усмехнулся Ковальски. – Меня интересует другое: что нам с ними делать.

Агенты сидели в своем фургончике – небольшом, но хорошо оборудованном. Стоимость фургончика, внешне напоминавшего обычный дом на колесах, превышала восемь миллионов баксов – в основном за счет хитрой электронной начинки. Специальная система искажения сигналов обеспечивала обитателям трейлера стопроцентную защиту от любой прослушки.

– Выполнять приказ начальства, – пожал плечами Маккормик. – Что же еще?

– И как ты собираешься его выполнять, когда этот чертов русский генерал даже разговаривать с нами не желает? Начальство, если ты помнишь, предполагало, что мы будем сопровождать русских во время их вылазок на Закрытую Территорию.

Маккормик помнил.

Две недели назад его и Ковальски неожиданно вызвал к себе сам Директор. Для Бюро, где строго соблюдалась корпоративная иерархия, это был почти беспрецедентный случай. Конечно, после дела Али Хаваса и предотвращения грандиозного теракта в Нью-Йорке напарники высоко продвинулись в иерархии ФБР, но все-таки не достигли таких заоблачных высот, на которых задания агентам дает сам Директор. Поэтому и Буч, и Ковальски, естественно, волновались.

Директор принял их более чем радушно. Даже зная, что главный человек в Бюро – адвокат с тридцатипятилетним стажем, сделавший себе карьеру на умении очаровывать присяжных, трудно было отделаться от впечатления, что он искренне рад видеть именно их – Ковальски и Маккормика. А когда Директор открыл бутылку виски тридцатилетней выдержки и щедро плеснул в бокалы специальных агентов драгоценного напитка, стало окончательно ясно, что Бучу и Полу собираются сделать предложение, от которого нельзя отказаться.

«Плохо дело, – подумал тогда Маккормик, – в голливудских фильмах в такой ситуации героям поручают спасти мир...»

Но мир спасать не потребовалось.

– Парни, – сказал Директор, когда виски был надлежащим образом продегустирован, – не мне вам объяснять, что с этой чертовой эпидемией мы оказались по уши в дерьме.

Ковальски с готовностью кивнул.

– Когда вы были подростками, парни, вам приходилось драться на улице? – спросил Директор.

– Само собой, сэр, – усмехнулся Ковальски.

– Тогда вы помните, что в каждой уличной банде есть самый большой парень. Его боятся, но только пока он стоит на ногах. Если такому парню бросится под ноги какой-нибудь юркий малец, он вполне может потерять равновесие и упасть. А как только он окажется на земле, его несложно будет одолеть даже мелким шакалам – если их будет много и они будут действовать согласованно.

– Вы это к тому, сэр, что нас свалили? – осторожно спросил Маккормик.

– Точно, Буч, – Директор ненавязчиво продемонстрировал, что знает даже кличку, которую специальному агенту дали в Академии ФБР в Куантико. – Эта эпидемия была подножкой, и ее нам поставили преднамеренно.

– Кто же ее поставил, сэр? – подался вперед Ковальски.

Директор печально улыбнулся:

– Боюсь, это были те же ублюдки, которым вы не позволили развернуться в Нью-Йорке пять лет назад.

– Колумбийцы?

– Ну, колумбийцы среди них тоже есть. Но вообще-то это целый террористический интернационал. Мы проглядели врага, парни. И теперь из самой сильной страны мира мы превратились в чертов Альянс, от которого все норовят откусить кусок пожирнее.

Ковальски сжал свой бокал с такой силой, что у него побелели костяшки пальцев.

– Противник планирует новые теракты, сэр?

– Не все так просто, Пол, – отечески потрепал его по плечу Директор. – Нам предлагают помощь... вроде бы совершенно искренне. Обещают найти вакцину, которая покончит с эпидемией раз и навсегда, позволит открыть Закрытую Территорию. Но бесплатный сыр, парни, бывает сами знаете, где.

– В мышеловке, – быстро, точно на экзамене, отозвался Ковальски.

– На помойке, – негромко сказал Маккормик.

– Точно, – усмехнулся Директор. – Я говорю о миссии ООН, которую возглавляет академик Делиев. Наш «русский отдел» проверил – он и вправду ученый с мировым именем и, вполне возможно, действительно хочет помочь. Но с ним зачем-то летит русский миллиардер Гумилев, который пять лет назад устроил всю эту заварушку в Арктике. Помните ту историю?

Разумеется, агенты ее помнили. Потому что проклятые колумбийцы, захватившие музей Метрополитен и Карнеги-холл, выдвинули очень странные требования: чтобы ВВС США на десять дней прекратили все полеты над Арктикой. А на Северном полюсе тем временем разворачивались события, которые сделали бы честь любому голливудскому блокбастеру. И в центре этих

событий находился таинственный русский миллиардер Андрей Гумилев...

– Опять этот парень? – нахмурился Маккормик. – Что ему здесь нужно?

– Отличный вопрос, Буч, – засмеялся Директор. – Когда я получил досье русской группы, то первым же делом спросил себя именно об этом. И, подумав как следует, решил: можно смело ставить никель против ста баксов, что этот русский опять затевает какую-то заваруху. Иначе зачем бы он тащил с собой в Америку целую кучу вояк и шпионов?

– Вояк и шпионов? – с довольно глупым видом переспросил Ковальски.

– Именно, Пол. Вот список членов группы Делиева. – Директор взял со стола два отпечатанных на принтере листа и протянул агентам. – Желтым цветом помечены сотрудники спецслужб и бойцы спецподразделений. Их шестеро. Из так называемых «ученых», отобранных лично Гумилевым, десять прошли специальную подготовку по системе русского спецназа. Ну и вдобавок ко всему с Гумилевым летит некто Константин Решетников, высокопоставленный офицер русской военной разведки.

Маккормик внимательно изучал список фамилий, большую часть которых он не смог бы выговорить, не сломав язык. Артемьев, Грищенко, Лобачевский... На самом деле его интересовало только одно: откуда у Директора столь подробная информация о группе, которая еще проходила тренировки в Москве?

– Хуже всего то, что они собираются проводить свои «исследования» в районах, имеющих стратегическое значение, – продолжал Директор. – Я уверен, что они намерены проникнуть на такие объекты, как, например, авиабаза Неллис в Неваде.

– Но там ведь... – начал было Ковальски и осекся.

– Совершенно верно, агент, – голос Директора звучал теперь почти торжественно. – Зона Пятьдесят один. «Страна Грез».

– Простите, сэр, – смущенно спросил Ковальски, – а что, там действительно держат... держали... инопланетян?

Директор снисходительно улыбнулся:

– Я не знаю, агент. Это уровень секретности, к которому я не имею доступа.

– Даже вы? – простодушно удивился Пол.

– Даже я, – значительно произнес Директор. – Но это и не важно. Ведь вы же не сомневаетесь, что на авиабазе Неллис и без инопланетян хватает секретов, которые совершенно не обязательно знать русским?

– Разумеется, сэр. Но как же мы позволили им...

– Вернемся к началу, Пол. Мы – большой парень, которого сбили с ног. Америка сейчас не так сильна, чтобы запрещать что-то делать людям, которые называют себя ее друзьями и выражают готовность помочь. Но и позволить им хозяйничать у нас дома мы не можем. И здесь я крепко на вас рассчитываю. Вы отлично поработали в Нью-Йорке с колумбийцами, надеюсь, что и с русскими в Неваде у вас проблем не возникнет.

– Ты понял, Буч, во что нас втянули? – обиженно проговорил Ковальски, когда агенты шли по безлюдной ночной стоянке к своим припаркованным в престижном секторе «С» машинам. – Мы должны шпионить за чертовыми русскими, но не имеем права даже погрозить им пальцем, если они будут делать что-то не так! Я ни разу еще не получал такого ублюдочного задания!

– А ты думал, старик станет переводить свой драгоценный «Чивас» просто так, от нечего делать? – Маккормик вытащил из кармана брелок сигнализации своего «Доджа Вайпер». – Да, задание тухлое, что и говорить, зато, если мы его выполним, вполне можем рассчитывать на повышение. Шеф четко дал понять, что в качестве бонуса один из нас получит должность начальника регионального отделения, а второй – целый отдел в штаб-квартире.

Сигнализация тихонько пискнула. Ковальски, как обычно, неодобрительно покосился на пижонскую

тачку напарника – Маккормик успел купить ее четыре года назад, за месяц до того, как в Детройте сошел с конвейера последний экземпляр легендарной модели, выкрашенный золотой краской.

– Но на твоем месте я подумал бы о другом, Пол. – Маккормик распахнул дверцу автомобиля, но не спешил лезть в салон. – Откуда у старика такая подробная информация по русской группе.

Несколько секунд Ковальски лихорадочно соображал. Потом треснул себя крепкой ладонью по лбу.

– У шефа есть информатор в команде русских!

– Ставлю никель против ста баксов, что есть, – повторил слова Директора Буч. – А это хоть и не превращает наше задание в экскурсию в Шангри-Ла, но основательно отбивает запашок тухлятины...

И вот теперь оба специальных агента сидели в своем хай-тек фургончике в ожидании визита русского «крота». Ковальски потягивал имбирный эль, до которого был большим охотником, Маккормик просматривал отчеты осведомителей на своем iPad. Осведомителей у него было трое – уборщица столовой, в которой обедали русские, шофер одного из грузовиков, выделенных мэром Твин Фоллз в помощь миссии ООН, и охранник палаточного городка. Толку от всех троих было как с козла молока, но Маккормик всегда очень тщательно относился к своим обязанностям.

– Так что же нам с ними делать, Буч?

– Лично я, – задумчиво проговорил Маккормик, – с удовольствием устроил бы им аварию где-нибудь на Закрытой Территории. Аварию, после которой они вернулись бы домой изрядно пощипанными. Может быть, это отбило бы у них охоту совать свой нос в чужие дела.

– Сомневаюсь, – покачал головой Ковальски. – Это профессионалы, у них есть задание, и они будут его выполнять во что бы то ни стало. Не знаю, что должно произойти, чтобы они приняли решение прекратить

активные действия... Может быть, если бы что-то случилось с этим Гумилевым...

Маккормик отложил iPad и с интересом взглянул на напарника.

– А что, это неплохая идея... вот только старик потом нам головы оторвет.

– Если мы облажаемся – непременно оторвет, – согласился Ковальски. – А если сделать все чисто, обставить как несчастный случай – за что тогда отрывать? Брать нас на Территории русские все равно отказываются...

– Пожалуй, ты прав, – начал Маккормик, но замолчал, потому что в этот момент раздался стук в дверь. Стучали условным стуком – три-два-два. Пришел русский «крот».

Ковальски мягко и бесшумно, как кот, поднялся с кресла и подошел к двери трейлера, встав сбоку. В руке его как по волшебству появился большой черный «Магнум».

– Входите, – сказал Маккормик приветливо, – не заперто.

Дверь отворилась, и гость осторожно перешагнул порог. Снаружи царила непроглядная южная ночь, и одетая во все черное фигура гостя казалась на ее фоне еще более плотным сгустком тьмы.

– Уберите оружие, Ковальски, – тихим голосом попросил гость на безупречном английском. – Я не желаю вам зла, но когда-нибудь могу совершенно случайно сломать вам руку.

– Мера предосторожности, – буркнул Пол, убирая «Магнум» и отходя обратно к столу.

Гость осторожно притворил дверь.

– Присаживайтесь, прошу вас, – Буч встал и пододвинул к столу кресло на колесиках. – Надеюсь, вас никто не видел?

– Вы меня и сейчас не видите, – усмехнулся гость.

Маккормик прикусил губу. Лицо «крота» скрывала тонкая маска из черной ткани. Помимо всего прочего,

ткань меняла тембр голоса гостя, делая его неузнаваемым.

– Что ж, похвальная предусмотрительность. – На самом деле Буч так не думал.

Его нервировало, что за все те дни, когда миссия находилась в Твин Фоллз, им с Ковальски так и не удалось установить личность «крота». Полная секретность – таково было условие, которое работавший на Директора ФБР русский поставил агентам в первую же их встречу. С тех пор он каждый раз приходил в черном, скрадывавшем очертания фигуры комбинезоне и черной маске. Единственное, за что могли зацепиться Ковальски и Буч, был рост – и то при условии, что «крот» не пользовался специальными вставками в ботинки, подобными тем, которые любил президент Франции Саркози.

– У меня есть кое-какие новости, – произнес гость, игнорируя приглашение сесть в кресло. – Во-первых, сегодня на Территориях произошло ЧП. Пропал один из ученых, Нестор Тарасов. Гумилев принял решение не сообщать об инциденте ни академику Делиеву, ни американской стороне.

– Как это – пропал? – не понял Ковальски. – Они что там, бродят в одиночку, как полные психи?

– Нет, передвижение в одиночку строго запрещено. Тарасов пропал, несмотря на то, что шел в паре. Пропал бесследно.

Гость специально подчеркнул последнее слово, и по спине у Маккормика прошел холодок.

– Вообще-то это неплохой предлог для того, чтобы увязаться наконец с ними, – проговорил Ковальски. – Мы – федеральные агенты, и исчезновение иностранного ученого на Закрытой Территории находится в нашей непосредственной компетенции...

– Гумилев будет скрывать исчезновение Тарасова до последнего, – возразил гость. – Но завтра он наверняка бросит на Территории все свои резервы – будет искать пропавшего ученого.

– И что в этом такого? – прищурился Маккормик.

– Возможно, вы еще об этом не знаете, – в голосе гостя послышалась едва уловимая насмешка, – но майор Магдоу принял решение снова запустить на Территорию «Итеров». О, нет, это не связано с исчезновением Тарасова, тем более что майор о нем ничего не знает. Рутинная операция, военные проводят такие рейды раз в месяц, для профилактики. Но мне почему-то показалось, что сейчас это совпадение может оказаться для вас кстати.

– Неужели? – спросил Маккормик, про себя подумав: «Мысли он читает, что ли?».

– Впрочем, я могу и ошибаться. В таком случае забудем все, о чем мы сейчас говорили.

Гость повернулся и, не прощаясь, вышел из фургончика. Ковальски фыркнул и плотно закрыл дверь трейлера.

– Строит из себя крутого, – неодобрительно заметил он. – Вот будет забавно, когда в конце операции я стяну с него этот черный чулок и взгляну на его рожу...

– Боюсь, это будет не слишком забавно, Пол. – Маккормик барабанил пальцами по краю стола. – Что-то подсказывает мне, что этот русский не даст снять с себя маску добровольно. А ссориться с ним мне почему-то не хочется...

Он поднялся с кресла и подошел к окну. Отдернул шторку, выглянул наружу. Там, как и следовало ожидать, было темно.

– Знаешь, Пол, мне в какой-то момент показалось, что этот русский «крот» читает у нас в головах. Во всяком случае, у меня.

– Да? – Ковальски скорчил саркастическую гримасу. – И что же он там прочитал, в твоей голове? Расписание заездов на ипподроме Лорел?[1]

Маккормик действительно любил по выходным поиграть на тотализаторе, причем обычно ему везло – у него был нюх на лошадей.

---

[1] Лорел (Laurel Park Race Course) – один из лучших ипподромов США, расположен в окрестностях Вашингтона.

– Завтра на Территорию выйдут «Итеры», – не обращая внимания на иронию напарника, сказал Буч. – А мы с тобой имеем право доступа в их ангары.

– Что ты задумал, Буч?

– Ничего особенного, приятель. Всего лишь маленький сюрприз для наших русских друзей.

Гумилев шагал взад-вперед по палатке в напряженной тишине. Он уже выслушал доклады всех, кто принимал участие в экспедиции, потерявшей Тарасова, и теперь думал, что делать.

– Вы точно ничего больше не припомните? – остановившись, спросил он Оксану Иванову.

– Нет, Андрей Львович. Ничего. Я шла первой, Тарасов – за мной. Когда я в очередной раз обернулась, его уже не было.

– И никаких звуков борьбы?

– Никаких.

– Мы тщательно осмотрели трейлерный поселок, – убитым голосом проговорил расстроенный Санич. Он уже подробно доложил о принятых мерах, и теперь повторялся, но Гумилев не стал его останавливать. – Потом осмотрели еще раз, проверили везде, куда только могли забраться. Совершенно безлюдное место, видно, что там давно уже никто не жил. Что могли, разграбили еще в две тысячи двенадцатом.

– Получается, Нестора похитили, – заключил Синцов. Он из всей группы был наиболее дружен с Тарасовым и теперь очень переживал. Собственно, переживали все, потому что добродушного и умелого Нестора уважали, особенно после того, как он фактически спас группу при нападении безумцев.

– С какой целью? Потребовать выкуп? Но это нелепо, Игорь. – Гумилев сел на раскладной стульчик и сложил руки на груди. – Хотя… Мало ли что можно потребовать с нас. Лекарства, продовольствие, оружие…

– Странно, что он не сопротивлялся, – сказал Лобачевский. – Вроде крепкий парень и стреляет отлично. К тому же Оксана ничего не слышала.

– Ладно, – Гумилев снова встал. – Американская сторона пока ничего не знает. Предлагаю сейчас совершить внеплановый выезд в следующем составе: я, Санич, Грищенко, Иванова, Дербенев.

– Простите, а как же мы? – вскинулся Артемьев, задрав бородку, которую начал отращивать еще задолго перед вылетом. – Мы тоже имеем право принимать участие в поисках…

– Пропал человек, Петр Петрович. Это чрезвычайное происшествие. И поедут те, кто имеет поисковые навыки, не говоря о боевой подготовке. Ученым в данном случае делать там совершенно нечего. У вас есть материал, займитесь объектом. В конце концов, «Илиада» «Илиадой», а непосредственных исследований вируса и его действия никто не отменял. Поняли?

– Понял, – недовольно проворчал Артемьев.

– Вот и выполняйте.

Гумилев понимал, что чересчур строг с пожилым психологом, но сейчас нужно было поступать именно так. И ни в коем случае не допускать разброда и шатаний, тем паче если Нестора Тарасова все же не удастся найти. Хоть бы какой-то след нащупать… нет ничего хуже неизвестности. Даже мертвое тело и то немного успокоит людей.

– Олег, готовь «тигра», – бросил Гумилев Саничу. – Я одеваться.

– Да что его готовить, он всегда готов, – сказал Санич, но послушно вышел из палатки и направился к машинам.

Американский майор Магдоу, тот самый, который считал Гумилева «русским бригадным генералом», для вида немного поупирался – все-таки выезды должны быть плановыми, любая самодеятельность ведет к неприятностям. Гумилеву пришлось долго и убедительно врать насчет «одного весьма любопытного места», которое срочно нужно осмотреть. Почему срочно – придумать он не сумел, но Магдоу неожиданно отвязался и сказал, что выпустит «тигра» по обычной программе:

время возвращения плюс два часа, после чего группа считается пропавшей.

– Кстати, мы снова выпустили «Итеров», – предупредил майор. – На вашей машине и костюмах укреплены датчики «свой-чужой», но будьте поаккуратнее, сэр. Не доверяю я этим людоедам.

– Хорошо, майор. Спасибо за предупреждение, – поблагодарил Гумилев.

«Тигра» провожали все оставшиеся члены группы, кроме Артемьева. Психолог демонстративно сидел в трейлере и пытался общаться с запертым в специальном боксе объектом «Б», которого привезли в прошлый раз. Артемьев справедливо полагал, что осмысленные и тем более групповые действия больных говорили о наличии у них способности к общению.

Дорога была знакомой до городка, в котором поймали объектов. Здесь «тигр» не стал спускаться с холма в лощинку, а свернул направо и поехал в гору. Вокруг бушевала зелень, и у Гумилева появилось ощущение, что он едет на горный курорт. Какие места испортили...

Промелькнула триангуляционная вышка, Санич сказал, крепко держа руль:

– Сейчас будет поворот на поселок.

Это подтвердил указатель «Trailer Park», а затем показался и поселок – довольно беспорядочное сборище длинных трейлеров. Одни стояли на полуспущенных колесах, другие – на деревянных чурбаках. Поодаль ржавели раскулаченные еще в девяностые годы прошлого века старые автомобили, виднелись пустые собачьи будки – возле одной валялся собачий скелет на цепи и в ошейнике. Покосившаяся детская горка красно-оранжевого цвета. Свалка мусора почти рядом с жильем.

«Тигр» остановился у детской горки. Гумилев выбрался наружу вслед за безопасниками.

– Вон там мы шли, – показала рукой Оксана Иванова. – Я впереди, Тарасов – за мной.

– Идемте посмотрим, – сказал Гумилев. – Максим, останьтесь охранять машину. И следите за биоиндикатором.

– Хорошо, Андрей Львович. – Невысокий плотный Дербенев кивнул.

Они двинулись по маршруту, указанному Ивановой. Серебристые трейлеры, покрытые пятнами ржавчины, были действительно разграблены, вокруг валялась домашняя утварь, какие-то тряпки, детские игрушки. Дорожки успели зарасти крапивой, бурьяном и ядовитым плющом.

– Интересно, здесь змеи есть? – поинтересовался Грищенко, осторожно раздвигая высокие стебли травы.

– Змея костюм не прокусит, майор, – успокоил Санич, поглядывая на свой биоиндикатор. Он тоже звал Грищенко майором, собезьянничав у Гумилева. Получалось что-то вроде официальной клички.

– Я не в том смысле. Я чисто с природоведческой точки зрения.

– Змеи везде есть, кроме Арктики и Антарктиды, – сказал Гумилев.

Они шли, пока Оксана Иванова не остановилась. В бронекостюме женщина ничем не отличалась от остальных членов группы, да и без него телосложением скорее напоминала мальчишку-подростка.

– Вот. Здесь я оглянулась, и Тарасова уже не было.

Гумилев подошел ближе. Ничего подозрительного. Вдаль от окраины поселка уходила все та же высокая трава, переходящая в редкую поросль толокнянки, сумаха и вечнозеленых карликовых дубов.

– Ничего не понимаю, – сказал Санич, громко сопя. – Словно испарился. Бермудский треугольник, да и только.

– Давайте еще раз прочешем поселок, – без особой уверенности приказал Гумилев, но его приказ тут же отменили выстрелы, раздавшиеся с парковочной площадки, где они оставили «тигр» и Максима Дербенева. Гумилев взглянул на свой биоиндикатор – только один мерцающий зеленый кружок… В кого он стреляет?!

В этот момент выстрелы прекратились, и до членов группы донесся душераздирающий вопль. Так люди кричат только в миг своей смерти.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ловушка

Джей-Ти лежал, уткнувшись лицом в короткую жесткую траву. Открыв глаза, он увидел крупного жука, который полз по своим делам в нескольких дюймах от носа бывшего рэпера. Было светло, а значит, он находился не в пещере.

Перевернувшись на спину, Джей обнаружил, что на небе ярко светит солнце, веет ветерок, а валяется он на склоне абсолютно незнакомой ему горы.

– Что за фигня? – пробормотал Джей, садясь. Неужели он действительно помер, и вот так выглядит рай, а вся история с русским была предсмертным бредом?

– Тогда какого хрена в раю делаешь ты, приятель?! – спросил Джей-Ти у жука. – Что-то я не слыхал про рай для насекомых.

Потом он посмотрел на свои ладони. Бледные шрамы никуда не делись, а если попробовать сжать кулаки, то внутри больно покалывало. Ноги были замотаны все теми же кусками футболки из Солт-Лейк-Сити, и разматывать их Джей-Ти не стал.

Горный пейзаж, окружавший его, мог с равным успехом принадлежать любому штату. Однако здравый смысл говорил, что Джей находится в Юте, где и висел недавно на кресте. Как вариант: когда он влез в пещеру, то все-таки треснулся башкой о потолок, вырубился, а потом русский вытащил его наружу и приволок сюда. Ну и бросил, ясное дело. Что взять с русского?

Поднявшись, Джей-Ти сделал несколько шагов и понял, что идти вполне может, пусть даже ноги побаливают. Интересно, что за чудесными лекарствами его вылечил русский? Мало того что Джей уже собрался помирать, даже после снятия с креста с такими травмами он помер бы без антибиотиков, операций и про-

чих врачебных примочек. А тут – словно только что из дорогой клиники. Один знакомый Джея, наркодилер, однажды разбился на своем «Феррари», так врачи собрали его буквально из кусочков. Но валялся он в больнице больше года, а потом еще долго ездил на коляске для инвалидов, с моторчиком.

– Если попаду в аварию, обращусь к русским, – пообещал жуку Джей и стал спускаться по склону.

Внизу нашлась очень старая заросшая тропинка. Тропинка в любом случае означала, что по ней куда-то когда-то ходили какие-то люди. Ни еды, ни воды, ни оружия у Джея не было, потому он подобрал толстую суковатую палку. С горя ее можно было использовать вместо дубины. Правда, руки сжимались не в полную силу, и удар такой дубинкой вряд ли свалил бы даже ребенка, но ведь совсем не обязательно доводить все до драки.

Поросший травой и кустарником склон сменился скальными выступами, под ногами захрустели мелкие камешки. Тропинка почти пропала, потом снова объявилась, петляя между уродливыми утесами. В тени одного из них Джей-Ти остановился, чтобы передохнуть, и забормотал рэп одной из своих любимых групп – Wu-Tang Clan:

– Эй, эй, зацените текст,
который мы с парнями прочитаем.
Трава в косяке, бутылка пива в руке,
в колонках долбит музон.
Мы смеялись над всеми девчонками, что
проходили мимо.
Болтали, обсуждали с пацанами дела.
(Эй, Ра, помнишь того парня, которого ты
завалил?)
Ага, он попытался убежать, но далеко не ушел,
потому что я свалил его с ног, хе-хе...[1]

[1] Текст песни Wu-Tang Clan «Tearz».

Тут он почувствовал, как в ухо упирается холодный оружейный ствол, и услыхал ехидный голос:

– А вот если я сейчас свалю тебя с ног, красавчик, что ты тогда забормочешь?

Джей-Ти выронил из руки свою корявую дубинку и сказал, стараясь не двигаться:

– Слушай, старина, не надо стрелять. Меня в последнее время уже пытались убить, притом куда более хитрым способом. Будет некруто, если ты попросту разнесешь мне башку.

– Тогда подними руки и медленно-медленно повернись. Если ты будешь делать это недостаточно медленно, я нажму на курок, и твоя голова улетит в чертов Мичиган.

Джей-Ти выполнил приказание и медленно, очень медленно, повернулся, чтобы увидеть старика с вислыми усами. Древний дед в ковбойской шляпе наставил на него дробовик и хищно скалился.

– Эй, дедан, ты зачем тычешь в меня этой штукой? – оскорбился Джей. – Я тебя в первый раз вижу, ничего тебе не делал, шел себе мимо…

– У тебя уж больно подозрительная рожа, – сказал старик. – Я не расист, у меня даже были черные приятели, вполне приличные люди, с которыми приятно было поесть барбекю и попить холодного пивка на лужайке за домом. Однако у них были симпатичные рожи, а у тебя – подозрительная. Чего ты тут вынюхиваешь?

– Я не вынюхиваю, а иду себе тихонько.

Джей прикинул, получится ли выбить у старика дробовик. Нет, тот держал оружие крепко, да и выстрелить мог быстрее, чем Джей бросится…

– Хорошо. Сейчас ты тихонько пойдешь впереди, не пытаясь удрать. Я покажу тебя своим друзьям, и все вместе мы решим, чего с тобой делать.

– Только не споткнись ненароком, – попросил Джей-Ти.

Старичок мерзко засмеялся.

Идти, на счастье, пришлось сравнительно недалеко. Один раз старик чертыхнулся, и Джей-Ти похолодел, представив, как ему в спину влетает заряд дроби и вылетает уже спереди вместе с кишками, сердцем, желудком и легкими. Но все обошлось, и вскоре они пришли к лагерю старого бандита.

Обещанных «друзей» Джей-Ти там не увидел, лишь сидела на камне старуха в такой же шляпе, как у деда. Старуха уставилась на бывшего рэпера, словно узрела черта на своем туалетном столике.

– Это еще кто?! Зачем ты приволок сюда этого проходимца? Один такой же выхватил у меня сумочку, когда я выходила из супермаркета!

– Это был не я, мэм, – учтиво сказал Джей-Ти.

– Да, тот выглядел еще более погано, – признала старуха, оглядев добычу. Старик стоял в сторонке, не опуская дробовика.

– А где все остальные? – спросил он.

– Девочка выгуливает котика, а наша парочка еще не вернулась с разведки, – ответила старуха.

Е-мое, да их тут аж пятеро, подумал Джей. Старикашки с виду зловредные, любопытно, каковы остальные.

Из-за скалы выбежал рыжий кот, увидел незнакомца и, присев на задние лапы, стал на него пялиться не хуже старухи. Вслед за котом выскочила девчонка и остолбенела.

– Джей!!! – завопила она.

– Ми!!!

Джей-Ти заключил Мидори в объятия. Старички переглянулись, старуха приложила к глазам кружевной платочек и сказала прочувствованно:

– Похоже, они были в долгой разлуке. Ромео, ты молодец, что вновь соединил их сердца!

Старик покраснел, откашлялся и сплюнул, что-то ворча себе под нос.

Неприязнь Оливии сменилась радушием, Джей ел сухари с вяленым мясом опоссума и расспрашивал,

что происходило с друзьями в его отсутствие. Мидори коротко описала их побег, путешествие по канализации, встречу с крысами и знакомство с котом и четой Грэнджерфордов. Затем она рассказала, как заночевали в мертвом шахтерском городке и, столкнувшись со старым хихикающим знакомым, угодили сюда.

– Со мной, по-моему, что-то похожее стряслось, – ничуть не удивившись услышанному, поведал Джей-Ти. – В смысле, я про то, как сюда попал. Вошел в пещеру, провалился куда-то, очухался на склоне. В каком-то фантастическом кино я такое видал, там мужик ходил туда-сюда через дырку в пространстве. После того, чего я насмотрелся за два года, удивляться ничему не нужно.

– А что у тебя с руками? – заботливо спросила Мидори.

– Долгая история, потом расскажу... – отмахнулся бывший рэпер, разрывая зубами жесткое пахучее мясо. Мидори было надула губы, но тут вернулись Ростислав с Атикой, и опять начались объятия. Старуха снова прослезилась.

– Под такое дело надо бы выпить, да нечего, – разумно заметил старик.

Теперь уже пришлось рассказывать Джею. Если его плавание на «Летучем Голландце», описанное в юмористических тонах, вызвало смех, то с распятием так не вышло, как ни старался Джей-Ти смягчить повествование. Девушки вместе со старухой тихонько плакали, дед чертыхался, а Шибанов сжал губы так, что они побледнели. Когда он добрался до таинственного русского, исцелившего его, Шибанов не поверил.

– Когда это случилось?

– Вчера... Вот следы. – Джей-Ти выставил перед собой ладони.

– Стигматы![1] – благоговейно произнесла бабка.

[1] Стигматы – болезненные кровоточащие раны, открывающиеся на теле некоторых глубоко религиозных людей и соответствующие ранам распятого Христа.

– Такое впечатление, что зажило очень давно, – сказала Атика, осторожно водя пальцем по бледным шрамам. – Этого просто не может быть.

– Русский сказал, что он ученый. Мало ли что таскают с собой русские ученые. В конце концов, они первыми запустили в космос спутник, собаку и человека. С чего бы таким умным типам не придумать лекарство, излечивающее раны в руках и ногах за полдня? И потом, вас же не удивляет то, как мы все попали на эту гору? Хотя история такая же нереальная, как мои раны.

– Это ты верно сказал, – закивал старичок. – Мир катится к чертям собачьим, и скоро они через эти дырки полезут к нам, если уже не вылезли.

– А что за разведка? Куда вы ходили, Расти? – спросил Джей-Ти.

– Если тебе еще не сказали, Джей, мы в Неваде. Какие-то горы севернее Лас-Вегаса. Вокруг сплошная пересеченная местность, а впереди – долина, в которой находится Зона Пятьдесят один. Вот за ней-то мы и наблюдали.

– Зона Пятьдесят один? – выпучил глаза Профессор. – Та самая, что в кино? Еще компьютерная игруха была, там ходишь по подвалам и мочишь пришельцев.

– Та самая. Уж не знаю, как там насчет пришельцев, но военная база точно имеется. Я видел несколько самолетов на взлетной полосе, кучу зданий, ангаров, какие-то баки и цистерны, радиомачты… А главное, там есть люди. Ночью в нескольких местах горел электрический свет, а сейчас мы с Атикой засекли, как они там ходят.

– И что нам это даст? Военные тут же поставят нас к стенке или посадят в карцер.

– Нужно еще убедиться, военные ли там. И в любом случае идти больше некуда.

– Стоило ли тогда удирать от Мастера? – вздохнул Джей-Ти. – Я бы сейчас подметал себе спокойно двор вместе со старым Абрахамом, жрал гамбургеры…

– У меня, к сожалению, таких перспектив не было.

– Тогда кончай болтать, давай мне какую-нибудь пушку, и пойдем.

– Вот так, в этом тряпье?! – Шибанов показал на замотанные обрывками футболки ступни рэпера.

– У вас тут не обувной магазин, как я понимаю.

– Ромео, – обратился к старичку Шибанов, – вы не можете придумать что-нибудь для нашего друга? Вы же изобретатель.

Старичок задумался, теребя усы.

– Если вы переложите все из вон того рюкзака в вон тот, и освободите его, я что-нибудь придумаю. А ты, Оливия, дай-ка мне свою самую толстую иголку. Я знаю, что ты захватила их с собой, когда мы бросили электромобиль.

Старуха, сердито пыхтя, вытащила откуда-то из-за пазухи комбинезона коробочку с нитками и иголками. Атика вручила Ромео опустошенный рюкзак.

– А теперь не мешайте, – велел старик и занялся работой.

Атика потянула Шибанова за рукав:

– Не хочешь прогуляться со мной, милый?

Шибанов очень даже хотел. Мидори, понимающе хмыкнув, помахала им рукой. Джей-Ти проводил взглядом удаляющуюся парочку и спросил Мидори:

– Ты почему не назвала кота Джеем?

– Слишком много чести, – фыркнула девочка.

– Вот погоди, на досуге научу его мне подпевать, – пригрозил Джей-Ти.

– Да он и без тебя неплохо умеет. Если бы не его дикий ор, мы бы, может, оказались не тут, а в желудке хихикающей твари.

– Вот! А я что говорю! Это наш брат рэпер! Дай-ка я с ним поближе познакомлюсь.

Мидори протянула Крыса Джею, и через секунду с изумлением наблюдала картину, как здоровенный парень сюсюкается с котом, словно пятилетний ребенок. Крыс, впрочем, от почесываний за ушками и потока

ласковых слов тут же разомлел, вытянул лапы и довольно заурчал.

Из кусков рюкзака, ремней и толстого резинового днища Ромео Грэнджерфорд сшил при помощи лески вполне приличные ботинки. Выглядели они диковато, но как обувь вполне годились, а для удобства Ростислав намотал на ноги Джею-Ти останки все той же многострадальной футболки.

– Называется «портянки», – объяснил он, с гордостью взирая на дело рук своих. – Дед в свое время научил их наматывать, я уж думал, не пригодится никогда.

Пройдясь туда-сюда и даже подпрыгнув, отчего сразу же напомнила о себе боль в ступнях, Джей-Ти благодарно пожал руки Ромео и Шибанову.

– Я готов. Пойдемте смотреть на пришельцев.

– Да нет там, скорее всего, никаких пришельцев, – скептически махнул рукой Ростислав и вручил бывшему рэперу пистолет.

Таким образом, Атика и Шибанов были вооружены винтовками М-16, Оливии вернули ее любимый дробовик, а у Мидори, Ромео и Джея-Ти были пистолеты. Соответственно разделили боеприпасы, чтобы у каждого они имелись под рукой.

В глубине души Ростислав надеялся, что на базе их встретят мирно. Места здесь глухие, вряд ли персоналу приходилось так уж часто встречаться с теми же рейдерами – дорожные бандиты предпочитали добычу попроще. Точно так же нечего было здесь делать и противоборствующим армиям Мастера и генерала Макриди. Мастер, кажется, вообще никуда далеко не высовывался из своей крепости в Солт-Лейк-Сити.

Спустившись от заброшенной шахты вниз, они обнаружили едва заметную дорогу. В полумиле на развилке торчала бетонная будка контрольно-пропускного пункта, но она выглядела покинутой и безжизненной.

– Давайте держаться ближе к горам, – предложил Джей-Ти. – Если что, будет проще удирать, а так мы словно муравьи на тарелке.

Идти приходилось медленно, потому что старички постоянно отставали. Шибанов хотел было предложить им подождать в укромном месте, но передумал, потому что Оливия и Ромео наверняка встретили бы эту идею в штыки.

Постройки базы постепенно приближались. На таком расстоянии они выглядели безлюдными, ограждение из металлической сетки было местами прорвано, некоторые столбы повалены. Если на базе кто-то и жил, ее полной жизнеспособностью он явно не озаботился. Это укрепило Ростислава во мнении, что военной дисциплины в обычном смысле этих слов там нет. Хорошо это или плохо, скоро выяснится.

Они миновали первые здания базы – строения неизвестного назначения. Прошли по краю огромного карьера, в котором застыли накренившиеся экскаваторы; за карьером виднелись топливные цистерны и большие бензозаправщики для самолетов. Обошли кладбище списанной техники, где трейлеры и микроавтобусы стояли вперемешку с бронетранспортерами и автопогрузчиками. Справа показалось что-то похожее на огромную авторемонтную мастерскую, а за ней начинались ангары.

– «Ангар Восемнадцать», было такое кино, – припомнил Джей-Ти. – У них там хранилась летающая тарелка. В кино обычно все врут, получается, никакой тарелки там нету.

– Да не нужна нам никакая тарелка, – сказал Ростислав. – Нам нужна еда, нужна вода. Возможно, транспорт.

– Вон сколько его, транспорта. – Джей-Ти показал на автомобили у мастерской. – Небось и горючка найдется, если поискать. По-моему, никто их даже не охраняет. Вы точно уверены, что видели здесь людей?

– Уже нет, – неуверенно признался Шибанов. – На таком расстоянии… Может, показалось.

– Ну и чего мы ждем, Расти? Оставим здесь девчонок и стариков, а сами быстренько потопаем на базу и посмотрим, кто там сидит. Если кого встретим – проведем переговоры. Судя по всему, народу тут немного, если вообще есть.

– Атика, поменяйся, пожалуйста, с Джеем оружием, – попросил Ростислав жену. Она передала негру М-16. – А теперь идите вон туда, видите, на пригорке? Что-то наподобие водяных цистерн. Укройтесь там и ждите, а мы с Джеем сходим к ангарам разведать. В самом деле, нелепо тащиться всей компанией. Если вдруг не вернемся через час – уходите на север.

– Но... – жалобно посмотрела на мужа Атика. – Как же...

– Я сказал – уходите. Надеюсь, все будет хорошо, но лучше предусмотреть все варианты.

– Тогда будь осторожнее, Расти. – Атика поцеловала мужа в щеку.

Джей-Ти подмигнул Мидори:

– А ты не хочешь меня поцеловать, крошка Ми?

– Если вернешься, почему бы и нет? – залихватски подбоченясь, сказала Мидори.

Шибанов отпустил приятелю легкий подзатыльник:

– Вообще-то в Штатах за такое сажают. Ей всего четырнадцать.

– Скоро пятнадцать. – Мидори нахально высунула язык.

– Ведите себя приличнее, мисс! – вспыхнула старуха.

Теперь Мидори до возвращения разведчиков была обеспечена душеспасительная нотация.

Угрюмые коробки ангаров надвигались на Джея-Ти и Ростислава Шибанова с каждым шагом. Вдоль стен сиротливо стояли буксировщики, электрокары, джипы. Электрические провода и кабели кое-где были оборваны – наверное, бурей, – лампы в фонарях разбиты. Через асфальтовое покрытие дороги то

и дело проносились, как пыльные призраки, уродливые шары перекати-поля. База Неллис выглядела мертвой и заброшенной, а единственными звуками, доносившимися до ушей приятелей, были поскрипывание плохо прикрытой двери и завывание ветра в проводах.

– Жутко здесь, – поежился Джей-Ти.

Шибанов не мог с ним не согласиться. Он повидал много покинутых городов, где на улицах валялись скелеты. В одном местечке в опустевшей школе по какой-то причине до сих пор регулярно срабатывал электрический звонок, возвещая о переменах и началах уроков детям, которые никогда уже не придут; в другом на въезде, как предупреждение, висели на телеграфных столбах полусгнившие мертвецы. Но безлюдная военная база, титаническое сооружение за тридевять земель от ближайших населенных пунктов, нагоняла ни с чем не сравнимую тоску.

– Слушай, до меня только сейчас дошло, – сказал негр, шаркая по асфальту подошвами своих рюкзачных «кроссовок». – Всю эту хрень построили, чтобы воевать с вами. Сколько же миллионов долларов они во все это вбухали?!

– Я думаю, не миллионов, – вздохнул Ростислав. – Я думаю, миллиардов.

– Тем более! И потом, когда ваш Горби угробил Советский Союз, можно было все это снести и построить тут чертов Диснейленд. Воевать вроде как стало не с кем, ведь верно? Не думаю, что какие-нибудь сумасшедшие арабы представляют такую серьезную угрозу. Да, они врезались в Торговый центр и все такое, но это ж дебильные террористы. Против них ядерными ракетами и реактивными самолетами воевать не станешь.

– Видишь ли, Джей, военные очень любят тратить деньги. Все эти танки, самолеты и ракеты для них, как игрушки для ребенка. Генералы – это злые дети, большинство из которых, наверное, били и

обижали во дворе. Поэтому теперь им хочется командовать, играть мускулами и пугать друг друга. И я думаю...

Внезапно Ростислав замолчал и остановился. Джей-Ти вопросительно посмотрел на приятеля.

– Мне кажется, я кого-то видел, – произнес Шибанов. – Вон там, у бульдозера.

Желтый японский бульдозер «комацу» стоял, подняв тяжелый нож, поперек дороги. Видимо, он направлялся к соседнему недостроенному ангару, когда что-то случилось, и бульдозерист бросил машину.

Джей-Ти присмотрелся, но ничего не увидел. На выхлопную трубу «комацу» села маленькая пестрая птичка, посидела пару секунд, потом вспорхнула.

– Нет там никого.

– Может, показалось. – Ростислав помассировал пальцами веки. – Надеюсь, это не привидения и не инопланетяне.

– Тьфу на тебя, – разозлился Джей-Ти. – Хватит уже меня пугать!

– О, бесстрашный гангстер боится мозгососов с Марса?! – беззлобно рассмеялся Шибанов. – Кстати, вот тебе идея для концепции альбома. Когда будет возможность, запишешь штук десять треков и назовешь все это типа «Джей-Ти против космических оккупантов». Детям понравится.

– Когда-нибудь я не посмотрю, что ты такой здоровый, и стукну тебя по башке, – пообещал Джей-Ти.

Они обошли бульдозер, за которым действительно никто не прятался, и свернули налево. Далеко впереди виднелось большое строение с крупными цифрами «18» на стене.

– Не врали, – заметил Джей-Ти. – В самом деле есть такой ангар.

– Сейчас и проверим, стоит там летающая тарелка или нет.

Но до ангара-18 они не дошли. Хлопнул выстрел, и в асфальт в шаге впереди ударила пуля. Джей-Ти от нео-

жиданности подскочил и завертелся на месте, а Шибанов, напротив, застыл.

– Не стреляйте! – крикнул он. – Мы всего лишь хотели получить помощь! Если вы против, мы сейчас же уйдем!

– Не торопитесь, tovarishch, – послышался знакомый им обоим голос. До отвращения знакомый. – Не нужно торопиться. Мы и без того расстались и с вами, и с вашим товарищем при весьма печальных обстоятельствах. Надеюсь, наша нынешняя встреча окажется более теплой.

Полковник Роулинсон выступил из-за угла ближайшего административного здания, держа в руке поднятый стволом вверх пистолет. Из укрытий вокруг вышли еще несколько человек, на крыше стоял, опираясь на одно колено, снайпер. Видимо, он и сделал предупреждающий выстрел.

– Добро пожаловать в Зону Пятьдесят один, tovarishch. И ты, чернокожий воин, тоже. У меня нет предрассудков относительно вашего племени, в отличие от многоуважаемого Мастера.

– Может быть, мы все-таки уйдем? – на всякий случай уточнил Ростислав, хотя заранее знал ответ. – У вас свои дела, у нас – свои. Мы здесь случайно.

– Нет-нет, вы же просили помощи. Как офицер и джентльмен, я не имею права вам отказать. – Роулинсон привычным жестом поправил повязку на горле. Он выглядел все так же плохо, из-под каски свисали пряди бесцветных волос, кожа на лице шелушилась. – К тому же вы, tovarishch, отнеслись ко мне снисходительно, когда вытолкали из украденного «роллса». Я обязан отплатить тем же. Посему положите оружие на землю, пока я не дал команду стрелять.

Шибанов положил свою М-16 на асфальт, то же сделал и Джей-Ти. Сопротивляться было бесполезно, их тут же изрешетили бы автоматчики Роулинсона, не говоря о снайпере или снайперах, которые могли прятаться на крышах других ангаров.

– Через час мы не вернемся, и они уйдут. Надеюсь, Ромео выведет их из долины, – прошептал Джей-Ти.

Они медленно пошли навстречу полковнику.

– Как видите, мир тесен. Особенно если он заключен в пределы Закрытой Территории, – с пафосом произнес Роулинсон, обдавая их запахами лосьона и мертвечины.

Солдаты продолжали целиться в Ростислава и Джея; видимо, после побега они считались особо опасными.

– Что вы собираетесь с нами сделать? – спросил Шибанов.

– Ничего особенного. У нас несколько иные цели, и ваше появление стало приятным сюрпризом, не более. Уверяю, мы вас тут никак не ожидали увидеть и специально не искали. Посидите пока под замком... Вашего чернокожего приятеля Абрахама здесь нет, отпереть его будет некому.

– Что с ним?! – воскликнул Джей-Ти.

– К сожалению, Мастер распорядился его повесить. Я рекомендовал не быть таким строгим, все же старик долго держался, пока раскололся, но вы же успели узнать Мастера...

– Сволочь, – прошипел Джей-Ти, сжав кулаки.

– Да, вам должно быть вдвойне обидно, потому что Абрахам погиб зря – вы-то снова в наших руках. А теперь позвольте полюбопытствовать, где ваши прекрасные спутницы? Думаю, где-то здесь, недалеко.

– Мы оставили их в Юте, – сказал Ростислав.

– Зачем же врать? Вы не оставили бы их в Юте ни в коем случае. Собственно, мои люди уже прочесывают местность. Полагаю, их вот-вот найдут.

Подтверждая слова Роулинсона, со стороны водяных цистерн донеслось несколько выстрелов. Хлопнул дробовик, потом начали стрелять из пистолетов, застрочили автоматные очереди. Ростислав молниеносно схватил полковника за горло, обмотанное бинтами, но тут же отлетел в сторону, когда в плечо ударила пуля

снайпера. Джей-Ти успел подхватить друга и не дал ему упасть.

– Не волнуйтесь, – прохрипел полковник. – Я дал указания брать их живыми. Если что-то пойдет не так – сами виноваты.

– Я вас убью, – стиснув зубы от боли, процедил Шибанов. Сквозь пальцы ладони, которой он зажимал рану, текла кровь, пропитывая рукав куртки. – Я вас убью, полковник или кто вы там на самом деле.

– Да на здоровье, – грустно сказал Роулинсон и подал знак солдатам.

Тут же на головы Ростислава и Джея-Ти обрушились удары прикладов, и бесчувственные тела поволокли прочь.

Отдаленная стрельба продолжалась.

Укрывшись за толстыми железными станинами, на которые опирались водяные баки, Атика перезаряжала пистолет. Пустая обойма звонко ударилась о цемент.

– Выходите! – крикнул кто-то из нападавших. – Мы не будем стрелять!

Ромео Грэнджерфорд очень неприлично выругался и выстрелил на голос.

– Перестань сквернословить! – воскликнула старушка.

Именно бдительная Оливия засекла солдат, цепью поднимавшихся по склону. Здраво рассудив, что добра от них ждать не следует, особенно после далекого винтовочного выстрела где-то на базе, старушка выпалила в ближайшего из дробовика. Часть заряда пришлась на бронежилет, но примерно треть угодила в лицо и напрочь снесла нижнюю челюсть. Раненый и сейчас орал не своим голосом, и Оливия решила, если все будет хорошо, потом за него помолиться.

Из-за пригорка вылетела дымовая граната и, ударившись оземь, выпустила едкие желто-зеленые клубы. Атика зажала рот ладонью, из глаз потекли слезы. Мидори запихнула кота поглубже под куртку.

– Сдавайтесь! – в дымном тумане совсем рядом возникло несколько фигур в касках.

Ромео, прижавшись спиной к станине, выстрелил в упор, одну из фигур швырнуло на землю. Очередь из автомата прострочила старика от левого плеча к бедру, и он тоже упал.

– Ромео!!!

Маленькая старушка, словно фурия, появилась из дыма рядом с убитым мужем. Загрохотал дробовик, ближайшего солдата буквально отшвырнуло назад, второго развернуло, и он с воплем схватился за брызжущее кровью запястье – кисть левой руки словно ветром сдуло.

– А, черт! – крикнул третий, отшатываясь и стреляя.

Оливия выронила «моссберг», прижала руки к груди. Джинсовая ткань комбинезона из светло-голубой быстро становилась черной.

– Господи, мы с Ромео идем к тебе, – пробормотала старушка, улыбнулась и упала рядом с телом мужа.

Атика подняла пистолет, но на них с Мидори уже смотрело с десяток автоматных стволов. Человек, убивший Оливию, подошел ближе, разгоняя ладонью дым перед глазами. Это оказался капитан Долтри, который доставил их в Солт-Лейк-Сити.

– Мерзкие сучки, – сказал он злобно. – Из-за вас я потерял троих!

Атика и Мидори молчали. Солдат забрал у них пистолеты, принялся обыскивать. Сунув руку под куртку Мидори, он тут же заорал и выдернул ее обратно, всю располосованную и окровавленную. Следом высунулся Крыс и угрожающе зашипел.

– Да я тебя… – начал было солдат и занес руку, но Мидори холодно сказала:

– Выдеру глаза, урод.

Солдат замер. Капитан Долтри сокрушенно покачал головой и распорядился:

– Флинн, Янсен, этих – к полковнику. И осторожнее, эти амазонки могут попытаться удрать.

– А кота, сэр? – спросил поцарапанный.

– От этого кота больше толку, чем от пары таких, как ты, – сердито оскалился Долтри. – Кота не трогать. Таунсенд, разберитесь с ранеными. Что там с Шоу?

– Шоу помер, сэр, – отозвался некто, невидимый за начавшим рассеиваться дымом. – У него половины морды нету…

– М-да… – Капитан посмотрел на трупы стариков. – Этих похоронить.

– Зачем, сэр?! – удивился поцарапанный.

– Потому что я так приказал. Поторопись, если не хочешь, чтобы тебя похоронили вместе с ними. Шоу и остальных наших – в отдельную могилу. И прочтите какую-нибудь молитву, я не знаю, что там полагается.

– Да, сэр. Все понятно, сэр.

Долтри еще раз взглянул на мертвую старушку, так и не выпустившую из рук дробовик, снова покачал головой и стал спускаться вниз по склону. Вслед за ним повели Атику и Мидори.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Чому я не сокіл...»

«Тигр» стоял с распахнутой дверью, а метрах в двадцати от него огромный робот разделывал тело несчастного Дербенева. Два манипулятора запихивали в топливоприемник оторванную ногу, а еще два алчно рылись в распоротом животе. Самое жуткое заключалось в том, что Дербенев был еще жив – за треснувшим стеклом шлема моргали выпученные глаза и кривился в крике рот.

Не раздумывая, Гумилев упал на колено и выпустил длинную очередь в грудь безопасника, прервав его мучения. Потом укрылся под прикрытие ржавого «форда», и вовремя – тонкую сталь корпуса прошила очередь крупнокалиберных пуль «Итера». Робот, бросив добычу, откатился в заросли и открыл огонь из своих пулеметов.

– Что за черт?! – закричал сквозь грохот выстрелов подползший к Гумилеву Грищенко. – Он же свой!

– Сбой системы! – заорал в ответ Гумилев, вжимаясь в землю, потому что чертов робот на сей раз взял ниже. Одна из пуль гулко ударила в обод колеса и отрикошетила, на излете стукнувшись о шлем Андрея.

– Отводи людей! – крикнул Гумилев майору.

Тот закивал и пополз обратно. Остальных не было видно – попрятались кто где, потому что бронекостюм не мог выдержать калибр «Итера».

Выстрелы прекратились. Видимо, робот оценивал обстановку и раздумывал, продолжать бой или отступить. Повредить его без тяжелого оружия, к примеру гранатомета, было сложно.

– Санич! Олег! – позвал Гумилев.

– Слушаю!

– Попробуйте обойти его с другой стороны и бейте по глазам, по объективам! Они защищены, но может, получится ослепить.

– Есть!

Гумилев осторожно выглянул из-за колеса автомобиля, готовый сразу нырнуть обратно. «Итер», заурчав моторами, перекатился за массивный бронированный «тигр». Нашел убежище, гадина. Значит, отступать не планирует, решил, что справиться с противниками ему вполне по силам. Интересно, какой у него боезапас? Учитывая возможность длительной автономности, должен быть большой…

Тах-тах-тах-тах!

Гумилев юркнул за колесо, «форд» под ударами пуль закачался на скрипучих рессорах. Откуда-то слева послышались одиночные выстрелы из М-4 – в игру вступил Санич. Конечно, попасть в маленькие объективы будет трудновато, к тому же «Итер» мог прикрывать их специальными броневыми веками…

– Понаделали людоедов, – буркнул Гумилев. – Законы роботехники, так их за ногу… «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред»… Вот, полюбуйтесь!

Операция, похоже, летела ко всем чертям. За три вполне легальных выезда они ухитрились потерять двоих. И, не дай бог, потеряют сегодня кого-то еще…

Робот продолжал полосовать трейлеры очередями, иногда затихая на мгновение, чтобы то ли перезарядить пулеметы, то ли осмотреться. Обойти его сзади? Но на «Итерах» предусмотрен круговой обстрел, «мертвых» секторов там нет…

И все-таки, неужели нельзя обдурить железяку? Осколочные гранаты не помогут, корпус им не пробить, а на колесах стоят самозатягивающиеся покрышки… Гумилев напряженно думал, Санич продолжал постреливать. И тут в наушнике раздался голос, который Андрей никак не ожидал услышать.

– Андрей Львович? Это Тарасов.

– Нестор?! – воскликнул Гумилев. – Ты где?!

– Я здесь, рядом. Все вижу, что происходит.

– Что случилось?

– Долгая история. Андрей Львович, я вот что хочу предложить. Открывайте ураганный огонь по роботу, отвлеките его.

– И что дальше?

– Дальше действовать буду я. Видите дерево? С двумя вершинами, толстое?

– Вижу.

Дерево находилось в тылу у «Итера».

– Я за ним.

– Хорошо, Нестор. Готовься. Санич?!

– Я.

– Открываем все вместе огонь по роботу. Можно неприцельно, главное – отвлечь его. На раз-два-три, пошел!

Четыре автомата ударили по «тигру», за которым прятался робот. «Итер», как показалось Гумилеву, сначала опешил, потом частично выдвинулся из убежища и стал обороняться, развернув в сторону нападавших еще и кормовой пулемет. На это и рассчитывал Тарасов. Выскочив из-за дерева, он сломя голову кинулся к роботу, вскочил на платформу и принялся выламывать из гнезда один из пулеметов.

Робот почувствовал, что попал впросак. Плюнув на вражеский огонь, он выехал из-за «тигра» и завертелся волчком, пытаясь сбросить Нестора.

– Не стрелять! – закричал Гумилев, боясь, что шальная пуля попадет в Тарасова. Но бойцы и без того прекратили огонь, наблюдая, как ученый борется с «Итером». Крепко вцепившись в пулемет, Нестор держался. Тогда робот изменил тактику и помчался прочь, по дороге. Что он планировал сделать, осталось загадкой.

Нестор, держась одной рукой, колотил прикладом по крышке моторного отделения. Когда ему удалось немного ее сдвинуть, отцепил с пояса гранату, сорвал

кольцо и сунул ее в отверстие, после чего спрыгнул со мчащегося «Итера» и покатился по гравию.

Граната рванула в недрах хитроумной машины еле слышно. Робот на ходу подпрыгнул, пошел юзом, из вентиляционных щелей вырвались языки пламени. Упав на бок, «Итер» заскользил по дороге и врезался в бетонное ограждение.

Гумилев подбежал к Нестору первым и помог подняться.

– Цел?!

– Цел, – кряхтя, сказал Тарасов. Левой рукой он придерживал правую и болезненно морщился. – Кажется, вывихнул.

Санич с безопасниками тем временем добивали робота. «Итер» так и лежал на боку, уткнувшись бесполезными теперь стволами пулеметов в землю. Внутри что-то потрескивало и стрекотало, манипуляторы ерзали в тщетной попытке встать на колеса. Грищенко по примеру Нестора отодрал еще какой-то щиток и сунул туда пару гранат. Безопасники бросились к обочине и залегли.

Этот взрыв был куда громче и заметнее. Корпус робота треснул, один из пулеметов, кувыркаясь, отлетел в сторону и грохнулся на крышу «тигра», а сам «Итер» перевернулся вверх колесами. Пасть топливоприемника открылась, словно рот покойника.

– Людоед чертов… – пробормотал Гумилев. – Олег, набери из «тигра» бензина, облей его и подожги!

«Тигр», к которому они вернулись, сильно пострадал. Очевидно, робот застал Дербенева врасплох. Бедняга понадеялся на определитель «свой-чужой» и не ожидал нападения. Сидел, открыв дверцу… В результате пулеметные очереди развороти ли приборный щиток, снесли рулевое колесо. Грищенко, осмотрев машину, развел руками:

– Придется на своих двоих.

– Зачем на своих двоих? Вызывай американцев, пусть присылают вертолет.

– Полеты же запрещены, Андрей Львович…

– А ехать сюда они и подавно не согласятся! Вызывай немедленно! У нас раненый и убитый, причем убил его американский робот! Скажи, что в случае отказа я свяжусь с губернатором, а если понадобится – лично с президентом Альянса! В конце концов, группе был выделен вертолет, значит, в экстренном случае его можно использовать! Средств ПВО здесь нет, здесь вообще ничего нет, я гарантирую!

– Хорошо, – Грищенко стал вызывать базу.

На дороге жирно чадил горящий «Итер». Санич и Волкова упаковывали в специальный мешок изуродованный труп Дербенева. Такие мешки входили в штатное снаряжение «тигра», и Гумилев надеялся, что они им не пригодятся. Вот и не пригодились… Хорошо хоть Нестор нашелся.

Тарасов стоял в стороне, баюкая вывихнутую руку, которую Оксана подвесила на перевязь.

– Спасибо, Нестор, – сказал Гумилев, подойдя к нему. – Ты появился как раз вовремя.

– Не за что, Андрей Львович. Я и так вас подвел.

– Так что произошло? Куда ты пропал?

– Я… Я не могу объяснить, Андрей Львович.

– Не понял.

– Нет, я не в этом смысле! – заторопился Нестор, видя, что Гумилев нахмурился. – Я не могу объяснить, потому что сам не знаю! Шел за Ивановой, немного отстал и… словно куда-то провалился. Ничего не помню. Очнулся – грохот, я на земле лежу, выглянул – перестрелка… «Тигр» наш стоит. Я вас и вызвал.

– Совсем ничего не помнишь?

– Совсем ничего, Андрей Львович. Как будто потерял сознание.

– Если бы ты здесь валялся, мы бы тебя нашли. Биоиндикатор высветил бы.

– Да я понимаю, что меня еще Санич нашел бы… Но правда ничего не могу объяснить. Честное слово. Может быть, какая-то аномалия?

– Ладно, Нестор, поговорим дома. Я очень не люблю загадок.

– Я тоже, Андрей Львович, – виновато сказал Тарасов.

Грищенко все-таки удалось убедить майора Магдоу прислать вертолет. «Сикорский» известил о своем прибытии нарастающим шумом винтов, а потом появился из-за холмов и опустился неподалеку от расстрелянного «тигра». Двигатель пилот выключать не стал, погрузка прошла в хорошем темпе, и через минуту вертолет взмыл над трейлерным поселком. На полу в проходе лежал пакет с трупом Дербенева.

– Я нарушил все мыслимые инструкции, сэр! – отчитывал Гумилева негодующий майор Магдоу. – Пилот отказывался лететь, пока мистер Решетникофф не выдал ему ваш спецкостюм, да и то ему теперь придется провести несколько дней в карантине!

– Пилоту я выплачу премиальные, – сказал Гумилев, барабаня пальцами по крылу грузовика. В кузов солдаты как раз грузили цинковый гроб с телом Дербенева. Американская сторона заикнулась было о проведении вскрытия и прочих полагающихся процедур, но Гумилев заявил, что не станет предъявлять претензий к производителям «Итера» и Пентагону, и те угомонились. Даже раздобыли где-то российский флаг, чтобы накрыть гроб.

– Мистер Гумилефф! – Лицо майора пылало от гнева. – У себя дома вы, я знаю, очень богатый человек! Возможно, в Российской Федерации богатые люди могут позволить себе делать все, что угодно, если в силах за это заплатить! Но пилот Камура – мой человек, сэр, а за своих людей я несу ответственность!

– Как и я за своих, мистер Магдоу, – устало произнес Гумилев. Грузовик посигналил; Андрей положил руку на плечо майора и отвел в сторону. Тот покосился, но не сопротивлялся. Магдоу вообще нравился Гумилеву – не лез не в свои дела, относился к обязанностям серьезно, был уважаем подчиненными да и с русскими довольно быстро нашел общий язык. – У меня погиб

боец, ученый был ранен. Мы потеряли транспортное средство – кстати, уничтоженное пулями американского боевого робота-разведчика. Нужно было эвакуироваться, и в сложившихся условиях я не мог выбираться с группой пешком или ждать, пока приедет второй «тигр».

– Я понимаю, сэр, – остывая, произнес Магдоу. – Но хотел бы получить гарантии, что подобное не повторится. Вертолет может использоваться только вне пределов периметра.

– Давайте поступим так, майор, – мягко сказал Гумилев. – Относительно использования вертолета я сам все улажу с губернатором или, если необходимо, с генералом Хардисти, который курирует миссию. Если ваш пилот согласится транспортировать нас на Закрытую Территорию, я отдельно обговорю с ним вопрос оплаты. Если он откажется – пилотировать вертолет будет мистер Решетникофф, который имеет соответствующие документы. Я могу быть вторым пилотом, в России я управлял различными типами вертолетов, у меня шесть штук собственных.

– Если я получу приказ от генерала Хардисти – безусловно, – сдался майор. – Но до того вы сможете выезжать за периметр только на автомобиле.

– Договорились.

Пока они разговаривали, на территорию базы въехала черная автомашина, из которой вылезли федеральные агенты Пол Ковальски и Шон «Буч» Маккормик. Они помахали перед носом дежурного сержанта своими удостоверениями и поспешили навстречу Гумилеву.

– У вас потери?! – с ходу начал Маккормик.

– Откуда вам известно? – спросил Гумилев. Чего-чего, а уж такой информированности ФБР он не ожидал. Сообщил Магдоу? Но они только что сели… Кто-то из персонала? Или, не дай бог, свои?! Нет, «крыс» в группе быть не должно. Это нереально.

– Так что, потери? – повторил вопрос Маккормик.

– Это касается только моей группы, – отрезал Гумилев. – Пока мы не разберемся, я ничего не хочу комментировать.

– Мы не журналисты, сэр, – прищурившись, сказал Ковальски. – Есть определенные вещи…

– …Есть определенные вещи, в которые вы не будете совать свой нос, пока я вам не разрешу сам или пока мне не прикажет оказывать вам содействие генерал Хардисти! Именно через него я осуществляю все сношения с правительством Североамериканского Альянса, который, бесспорно, вы здесь представляете. Честь имею!

Сказав так, Гумилев пошел было к палаткам, но остановился, обернулся и сказал:

– Сегодня неудачный день для того, чтобы вы тут вертелись. У нас погиб товарищ. Я не угрожаю, я просто вас предупреждаю. Надеюсь, вы читали Достоевского?

Ковальски посмотрел ему вслед и озадаченно спросил у Маккормика:

– Что это он? Про Достоевского?

– Это автор романа, в котором студент убил старуху топором.

– Намек тонкий, – оценил Ковальски. – Ладно, поехали отсюда. Видать, мы и вправду не ко времени.

– Твою мать, как же мне надоела эта работа! – театрально воскликнул, обращаясь к небу, федеральный агент Маккормик.

Вернувшись в палатку, Гумилев подозвал Грищенко и тихо сказал:

– Майор, я понимаю, что сейчас не время, но для вас есть особое задание. Сегодня, когда будем поминать Максима, вы должны напоить Магдоу и подружиться с ним.

– Я же английский знаю плохо, Андрей Львович, – пожаловался Грищенко, не став спрашивать, зачем это понадобилось.

– Неважно.

– А Магдоу не пьет. То есть, возможно, и пьет дома, на День благодарения или какие там у них праздники типа нашего двадцать третьего февраля… Но на службе ни-ни. Он даже солдат гоняет за пиво, хотя у них вроде разрешено после службы.

– Вот и постарайтесь.

Поминки были, что называется, походными. Сидели в палатке, за составленными вместе столиками. Дербенев был из новых сотрудников СБ, никто не успел с ним близко познакомиться, но в любом случае он – один из них. И он погиб. Каждый ощущал на себе часть вины за смерть Максима, хотя виноват, конечно же, был он сам. Плюс несовершенная система «Итера».

Из членов группы отсутствовал Синцов, который уехал в Твин Фоллз по срочному вызову академика. Американцы притихли, зная, что русские поминают погибшего. База словно вымерла, только Магдоу заглянул, чтобы выразить официальные соболезнования.

– Садитесь с нами, майор, – попросил Гумилев, указывая на свободный стульчик рядом с Грищенко. – У нас не принято вот так зайти и сразу уйти. Нужно проводить человека в последний путь.

– Да, сэр. – Магдоу сел на указанное место и одернул мундир. Грищенко тут же налил ему «Столичной», которую Гумилев специально заказал в Твин Фоллз. Американец хотел было возразить, но Грищенко посмотрел на него так выразительно, что Магдоу тяжело вздохнул и взял стаканчик.

– Ну, за тех, кого с нами нет… – сказал Гумилев. Все встали и, не чокаясь, выпили. Магдоу только пригубил, но Грищенко укоризненно покачал головой – мол, за такой тост нужно до дна.

Магдоу крякнул и выпил.

Гумилев посидел еще немного, поковырялся вилкой в еде, после чего встал и извинился, сославшись на дела.

– Разрешаю продолжать, но в разумных пределах. Мистер Магдоу остается за старшего. Вы не возражаете, майор?

Майор вроде бы возражал, но Грищенко уже дружески обнял его за плечи, другой рукой подливая майору водки.

– Нестор, можно вас на минутку?

– Разумеется, Андрей Львович.

Вместе они вышли из палатки в теплую американскую ночь. Глубокое ночное небо было чистым, ярко сияли звезды, но Гумилев с тоской подумал о том, что звезды здесь не те, совсем не те, что дома. Как там Маруся? С новым питомцем ей, конечно, некогда скучать, но отца котенок не заменит, как ни крути. Хотя в последнем разговоре голос дочки был веселым, Гумилев все равно чувствовал, что Маруся преувеличенно бодрится. Словно чувствует что-то...

Гумилев с трудом отогнал навязчиво-тревожные мысли и потянул Нестора подальше от палатки. Он не хотел, чтобы у кого-то была возможность слышать предстоящий разговор.

Рука у Тарасова все еще была на перевязи. Весь день члены группы приставали к нему с расспросами, но Нестор только разводил руками: ничего не помню... «Упал, потерял сознание, очнулся – гипс». – сразу вспомнился Гумилеву старый советский фильм «Бриллиантовая рука». Не доверять ученому он не мог – Нестор выглядел слишком уж растерянным и виноватым. В результате все сошлись на том, что Тарасов просто отчего-то вырубился, закатился в траву или канаву, а биоиндикатор по какой-то причине его не засек.

Однако Гумилев хотел разобраться и потому пригласил Тарасова побеседовать.

– Давайте напрямую, Нестор. В то, что вас биоиндикатор не заметил в травке, я, разумеется, не очень верю. Как я понимаю, и вы тоже. Вы говорили об аномалиях. Владеете какой-то информацией?

– Я одно время увлекался подобными вещами, Андрей Львович, – с готовностью принялся рассказывать Нестор. – И могу сказать, что в Америке часто фиксировались подобные вещи. Например, несколько детей таинственно исчезли, обходя угол одного из домов в местечке Дэвилс-Гэйтс в Калифорнийском национальном заповеднике ангелов. Свидетели утверждали, что один из мальчиков исчез из прямой видимости прямо на глазах у всех присутствующих. Каждый раз тщательные исследования окрестностей не давали ни малейшего намека на причину исчезновения. В других штатах, в том числе и здесь, в Айдахо, люди пропадали среди бела дня, выйдя покормить скотину, отправившись за покупками в лавку, которая находилась через несколько домов…

Гумилев поморщился. Все эти «факты» были весьма сомнительными, масса похожих случаев была описана и в российских изданиях, специализирующихся на аномальных явлениях. К сожалению, разговор пошел не в том ключе, в котором рассчитывал Гумилев. Но Нестор, похоже, искренне верил в газетные утки. Гумилев вздохнул:

– Можно найти множество простых и разумных объяснений этим исчезновениям.

– Да-да, «бритва Оккама», – согласился Тарасов. – Если какое-то явление может быть объяснено двумя способами, например, первым – через привлечение сущностей A, B и C, а вторым – через A, B, C и D, и при этом оба способа дают одинаковый результат, то сущность D лишняя, и верным является первый способ.

– Короче говоря, самое простое объяснение чаще всего и есть правильное.

– Но, к сожалению, далеко не всегда так бывает, согласитесь, Андрей Львович. Иначе многие научные исследования потеряли бы смысл.

– Я-то согласен, но хотел бы точно знать, что с вами произошло. Может, постараетесь еще раз вспомнить?

– Нечего вспоминать, Андрей Львович. Я пытался, и не раз. Мне самому любопытно… Могу лишь сказать как врач, что ровно никаких последствий не ощущаю. Даже когда очнулся, чувствовал себя хорошо. После обморока такого не бывает.

– Загадали вы задачку, Нестор… – проворчал Гумилев. – Хорошо, идите в палатку, отдыхайте…

– Я посижу тут немного, Андрей Львович. Подумаю. Может, что и вспомню.

– Было бы неплохо… – сказал Гумилев и удалился.

Нестор сел на подножку джипа и тихо произнес:

– Если бы я знал, откуда здесь Линза… Я и сам ничего не почувствовал, хотя должен был… И Хранителя не было, а какая Линза без Хранителя?! Это даже не Линза, а какой-то направленный прорыв, ведь я вернулся в то же место, откуда выскочил. Эх, Андрей Львович, Андрей Львович… есть такие вещи, к которым принцип «бритвы Оккама» неприменим.

Уже за полночь вернулся из Твин Фоллз Синцов. Гумилев встретил его машину у въезда на базу. Микробиолог выглядел сияющим, несмотря на все печальные события последних дней.

– Андрей Львович, тест сработал! – закричал он и выскочил из джипа, не дожидаясь, пока автомобиль остановится. – Я привез результаты!

– Наконец-то! – обрадовался и Гумилев. Разрабатываемый тест должен был выяснить, может ли исследуемый человек быть носителем вируса или обладать к нему иммунитетом. Несмотря на кажущуюся простоту, тест до сих пор не хотел работать как следует. И вот сейчас Синцов привез результаты по всем членам группы.

– Идем, Игорь, идем. – Гумилев взял Синцова за локоть и повел к своей палатке. Включил светильник, кивнул на стул: – Садись.

Синцов сел и сказал:

– Вы, Андрей Львович, полностью невосприимчивы к вирусу!

– Хорошо, а кто еще?

– Вессенберг и Санич. Иванова и я можем быть носителями, но сами не заболеем. Остальные… остальные заразятся.

– Ладно хоть так…

– Тест пока получается очень сложным и дорогим. В полевых условиях проводить невозможно. Наши парни совместно с американцами и японцами уже разрабатывают экспресс-лабораторию, но не уверен, что опытный образец появится в ближайшее время.

– Что ж поделать… – Гумилев потер подбородок и отметил про себя, что ему не мешало бы побриться. – Все равно данные очень полезны. Мы с Саничем и Вессенбергом, получается, можем больше не таскать на себе костюмы повышенной защиты. И то хлеб. А что с вакциной?

– Топчемся на месте, – сразу угас микробиолог.

– А вот это плохо.

Оба замолчали. Снаружи донеслось отдаленное пение. Два голоса нестройно и печально выводили:

– Дивлюсь я на небо та й думку гадаю:
Чому я не сокіл, чому не літаю,
Чому мені, Боже, Ти крилець не дав?
Я б землю покинув і в небо злітав!
Далеко за хмари, подалі від світу,
Шукать собі долі, на горе – привіту,
І ласки у зірок, у сонця просить,
У світі їх яснім все горе втопить.

Собственно, выводил только один голос, а другой подпевал что-то несусветное, умудряясь тем не менее иногда попадать в мелодию и в рифму.

– Это еще что такое? – удивился Синцов.

– Дружба народов, – сказал Гумилев. – Не обращай внимания, так надо.

С утра пораньше Гумилев выхлопотал у генерала Хардисти разрешение использовать вертолет за пери-

метром. Генерал был вдохновлен результатами, полученными миссией академика Делиева, и даже не особенно спорил.

– Вот только проблемы с пилотом… – сказал он.

– Не беспокойтесь, господин генерал, пилот у нас имеется. К тому же я неплохо пилотирую сам.

– Замечательно! Но помните, вы делаете все на свой страх и риск. Лично я бы не советовал. В свое время мы потеряли там немало самолетов и вертолетов. На Закрытой Территории осталось слишком много различного оружия, в том числе «стингеры», самоходные зенитные установки… В результате пришлось свернуть гуманитарные программы. Эти безумцы сбивали даже беспилотники!

– Я знаю, господин генерал.

– В таком случае еще раз повторю: на ваш страх и риск. Командованию ПВО я дам указания, хотя они уже давно никого не сбивали – попытки перелета через периметр прекратились примерно через полгода.

Поблагодарив Хардисти, Гумилев отключился. Теперь нужно было все уладить с Магдоу.

Майор выглядел очень хорошо с учетом того, что вчера они с Грищенко пили часов до четырех. Как будто и не пил, подумал Гумилев, и только когда подошел вплотную, понял, что Магдоу держится нечеловеческим усилием воли.

– Доброе утро, сэр, – выдавил из себя майор.

– И вам доброе утро! Я только что разговаривал с генералом Хардисти, он разрешил использовать «Сикорский». С нашим пилотом.

– Я запрошу подтверждение, но уверен, что вы меня обманывать не станете… Ох…

Пошатнувшись, майор потер висок и тут же выпрямился, опомнившись. Видать, американцу было совсем худо.

– Что, плохо? – сочувственно поинтересовался Гумилев. Какой жестокий человек Грищенко, нельзя же так…

– Да, сэр, – признался майор. – Что вы делаете в таких случаях?

– Идите к Грищенко, он вам объяснит.

– Виктор? Но он, видимо, еще спит, сэр, и я не могу его будить... – начал было Магдоу и осекся. Грищенко в одних трусах делал возле своей палатки приседания и выглядел до омерзения бодрым. Поймав взгляд Гумилева, он приветственно замахал руками. Гумилев в ответ показал большой палец.

– Идите-идите, – поторопил он Магдоу. – Скажите Грищенко, что сегодня день отдыха, но пусть будет поаккуратнее.

– Да, сэр.

И майор зашагал к палаткам, слегка покачиваясь.

– Чего это он? – Решетников, совершающий утреннюю пробежку, притормозил возле Гумилева.

– Напился вчера. Вернее, Грищенко его напоил по моей просьбе.

– А зачем?

– Да теперь уже, получается, напрасно... Я рассчитывал, что мы втихомолку сможем использовать вертолет. По дружбе, так сказать. Нам же главное – взлететь, а за периметром никто контролировать машину уже не сможет... А тут Хардисти официально разрешил, зря поили бедолагу. Вот послал к Грищенке, пусть его похмелит. Сальцем угостит, у него даже соленые огурцы, по-моему, есть из домашней контрабанды.

– Все-таки выбил вертолет... – нахмурился Решетников, который был против перелета к Зоне Пятьдесят один по воздуху.

– Константин Кириллович, а что делать? На машинах мы будем тащиться, как улитки. Притом второй «тигр» брошен на Территории, эвакуировать его бессмысленно, там все разбито. А брать машину у американцев нежелательно, даже если они раздобудут нам что-нибудь с аналогичным уровнем защиты.

– Мы потеряли Дербенева, – напомнил Решетников. – А если вертолет собьют?

– Да не собьют его. Почти два года – ну хорошо, полтора – в воздушное пространство над Закрытой Территорией никто не совался. После того, как там наколотили разведчиков и посбивали гуманитарные транспортники. За это время те, у кого остались средства ПВО, явно расслабились. Не думаешь ли ты, что они там несут круглосуточное дежурство? Ну услышат вертолет, выскочит кто-нибудь со «стингером» или «джавелином»[1], если он под рукой... Пока глаза продерет, мы уже из зоны видимости выйдем.

– Твоими бы устами да мед пить, Андрей Львович. Хорошо, а как ты продумал возвращение? Насколько я помню, у этой модели «Сикорского» дальность полета – как раз до базы Неллис.

– Во-первых, это все же база ВВС, там можно найти топливо. Во-вторых, ты помнишь нашу задачу? Ты сам мне ее озвучивал.

– «Вы должны будете уничтожить Зону Пятьдесят один». Разумеется, помню.

– Вот именно, Константин. Не вывезти, а уничтожить. Именно для этого мы взяли с собой взрывчатку, которую сработали мои парни и которая значительно мощнее гексогена, астролита и октонитрокубана. А когда мы выполним задание, тогда и будем решать, как выбираться.

Решетников молчал, глядя на носки своих кроссовок. По лицу стекали капельки пота.

– Может быть, мы хотя бы не станем брать полный состав группы? – предложил он.

– Нет. Перед тем как уничтожить базу, мы должны ее осмотреть.

– Перед тем как уничтожить базу, мы должны на нее проникнуть и, вполне вероятно, захватить, – поправил Гумилева Решетников. – Захватить с боем. И потом уже изучать то, что там находится.

---

[1] «Джавелин» – британский переносной зенитно-ракетный комплекс.

– Вот потому нам и нужны все. Я понимаю, после гибели Дербенева настроения изменились. Но Дербенев виноват сам. Он нарушил инструкцию и потому сейчас летит в цинковом ящике в Москву. Мне его искренне жаль, но, по-моему, только теперь люди поняли, что они не на прогулке. В каком-то смысле смерть Дербенева даже помогла. Во время операции каждый будет стараться выжить.

Решетников снова молчал. Думал, сопоставлял. Гумилев поискал глазами майора Магдоу, но не нашел, – видимо, он уже проходил курс лечения в палатке Грищенко. Мимо с речевкой прорысили американские солдаты, на бегу отдав честь. Гумилев, памятуя давнее правило «К пустой голове руку не прикладывают», просто помахал ладошкой.

– Ладно, Андрей. Ты главный, тебе решать. Москва одобрит любое твое решение, иначе сюда послали бы другого. И все равно не перестаю тебе удивляться, уж извини. Зачем человек твоего положения, твоего уровня, твоего… достатка, что ли, играет в Индиану Джонса? Ты мог бы нанять профессионалов, рекомендовать кого-то другого. А ты сразу согласился.

– Видишь ли, Константин… – Гумилев замялся, формулируя то, что хотел сказать. – Видишь ли, меня попросил человек, которого я уважал, уважаю и всегда буду уважать. Но даже если бы попросил не он, я все равно полетел бы сюда. Я привык все делать сам. Даже то, что сам мог бы не делать – а я могу вообще ничего не делать, как ты верно заметил, при моем положении и достатке. Но если я посылаю людей туда, где им грозит опасность, я считаю, что должен быть рядом с ними. Например, в Арктике. Или в Сибири, когда исчезла моя жена. Мне не восемьдесят лет, я не инвалид, я сильный, тренированный мужик. Поэтому я здесь.

Решетников кивнул, соглашаясь.

– А знаешь, я сначала не хотел с тобой лететь.

– Почему?

– Да именно потому: положение, достаток… Ожидал увидеть этакого самодура, которому захотелось поразвлечься. Тебя многие таким считают, если вдруг не в курсе.

– В курсе, в курсе. Помню, как писал «Желтый экспресс», когда пропала Ева: «Человек, поменявший семейное счастье на деньги и акции». Надеюсь, ты был приятно удивлен?

– Был, не скрою. И надеюсь, что я до сих пор не ошибся, и ты точно знаешь, что делаешь.

– Я всегда точно знаю, что делаю, – сказал Гумилев. – Вот только, к сожалению, далеко не всегда получается так, как я хочу…

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Зеленое море тайги

Наверное, во время существования базы ВВС Неллис здесь была гауптвахта. Шибанов не знал, есть ли вообще такое понятие, как гауптвахта, в вооруженных силах Соединенных Штатов, но что еще могло располагаться в этом унылом квадратном помещении без окон, с двумя койками и унитазом? Унитаз, кстати, работал, следовательно, коммуникации базы до сих пор функционировали. Впрочем, сюда было вбухано столько денег, что все вполне могло работать в автоматическом режиме. Может, вода будет литься, а электричество – включаться еще лет через сорок, когда ангары обрушатся, а по взлетным полосам станут бегать пумы и койоты...

Ростислав посмотрел на повязку, на которой проступили кровавые пятна. Перед тем как посадить в камеру, ему оказали первую помощь – залили рану обеззараживающим средством и забинтовали. Пуля прошла навылет и не задела кость, тут ему повезло. В остальном же все было очень плохо.

– Не переживай, Расти, – сказал Джей-Ти, прекрасно понимая, что за мысли гложут его друга. – Возможно, они отбились и ушли в горы.

– Возможно... А возможно, погибли. Ты не поверишь, что значила для меня Атика, Джей.

– Я знаю, как ты ее любил. Зачем рассказывать?

– А Мидори... Мидори я воспринимал иногда как дочь. Хотя какой из меня отец, я ненамного ее старше...

– Не дай господь кому-нибудь такую дочку, как наша крошка Ми, – не смог сдержать улыбку Профессор.

Оба они очнулись уже здесь, когда в лицо им плеснули холодной водой. Потом санитар обработал рану Ростислава, и дверь за ним закрылась.

– Нужно было идти кому-то одному, – расстроено сказал Шибанов. – Это я, идиот, все придумал…

– Кто же знал, что мы встретим здесь этого хренова вонючего зомби?! – воспротивился Джей-Ти. – Я до сих пор не понимаю, как он сюда попал. Не на самолете же прилетел!

Неожиданно в замке громко провернулся ключ, и в камеру вошли Атика и Мидори. Ростислав без слов вскочил, бросился к жене и прижал ее к груди, Атика зарыдала. Джей-Ти не остался в стороне и обнял Мидори, но тут же отскочил, потому что из-под ее куртки завопил прищемленный Крысиный Король.

– Трогательно, – сказал Роулинсон, за спиной которого маячили автоматчики. – Весьма трогательно.

Его присутствие заметили только сейчас.

Ростислав, не выпуская жену из объятий, спросил:

– А где остальные?

Атика, всхлипывая, гладила повязку на его руке.

– Остальные? Вы имеете в виду бойкую чету старичков? О, они пали смертью храбрых. Я не перестаю удивляться вам и вашим людям, tovarishch. Долтри сказал, что они были стары, как Мафусаил, но положили четверых солдат.

– Они просто были очень хорошие люди, полковник. Хорошие и добрые люди. В отличие от ваших кровавых негодяев.

– Кровавые негодяи, это надо же… – Роулинсон сделал вид, что аплодирует. – Красиво. Нет, в самом деле, я удивлен. И даже опечален, потому что совершенно не хотел лишних жертв. Мы предлагали сдаться, но в ответ получали только пули. Пришлось действовать соответственно.

– Теперь-то что вам надо?

– Ничего. Я уже сказал, что оказался здесь по другим делам и никак не планировал обнаружить здесь ваш небольшой отряд. Конечно, Мастер будет весьма счастлив встретиться с вами снова, но пока вы можете спокойно сидеть здесь и отдыхать. Скоро вам принесут

еду. Тут несколько тесновато, но, уверен, вместе вам будет лучше. Или хотите, расселю вас в другие камеры? Мальчики туда, девочки сюда… А можно и по парам, если угодно.

– Нам и так хорошо, – с ненавистью глядя на Роулинсона, сказал Джей-Ти. – И, когда в следующий раз придешь, купи одеколон посильнее.

– Да?! – удивился полковник и громко потянул носом воздух. – Ничего не чувствую. Сходите к доктору, приятель. Говорят, обонятельные галлюцинации – один из ранних симптомов опухоли мозга.

С этими словами Роулинсон подал своей свите знак, и они покинули помещение. Снова защелкал ключ, поворачиваясь в замке.

– Ты сильно ранен, милый? – тихо спросила Атика, вытирая слезы рукавом.

– Ерунда… А Грэнджерфорды в самом деле погибли?

– Да, этот ублюдок не врет, – ответила Мидори, поглаживая кота. – Они убили Ромео и Оливию. Капитан распорядился их похоронить.

– Какой капитан?

– Тот, что нас привез к Мастеру. Долтри, кажется, его фамилия.

– И этот здесь! – возмутился Джей-Ти. – Хренов убийца детей и стариков! Чертов расист! Когда я до него доберусь, то засуну его прямо в задницу этому вонючему разлагающемуся полковнику!

Мидори уставилась на Профессора и громко расхохоталась.

– Чего?! Чего я такого сказал?! – удивился Джей-Ти, потом до него дошло, и он тоже рассмеялся. Им вторили Атика и Ростислав. Качая головой, бывший рэпер пробормотал:

– Думаю, старики были бы довольны, знай они, что мы сейчас не рыдаем, а смеемся. Это были весьма жизнерадостные старые калоши.

Мидори выпустила Крыса из-за пазухи. Кот деловито обошел все помещение и, запрыгнув на унитаз,

непринужденно справил нужду. Шибанов с Джей-Ти обалдели, а Мидори радостно захлопала в ладоши, совсем по-детски:

– Я же говорила, что он домашний кот!

Домашний кот горделиво прошествовал к койке и завалился на ней спать.

– Мне бы такую выдержку, – завистливо сказал Джей-Ти. – Впрочем, если бы я всю дорогу ехал за пазухой, как он…

– Заткнись, – миролюбиво посоветовала Мидори. – Уверена, ты в его возрасте пользоваться унитазом вообще не умел.

Спустя примерно час или полтора – часы у всех отняли – солдаты принесли еду. Вся она была в консервных банках, видимо, со складов базы Неллис. Набор получился дикий: моллюски в соевом соусе, кошерные огурчики, перепелки в вине, виноградный джем, паштет из печени с черносливом и рисовая каша. Скорее всего, в сумку побросали все, что стояло на ближайших складских полках. Помимо пищи, принесли и пластиковую бутылку с водой.

– По крайней мере, голодом нас уморить не собираются, – резюмировал Джей-Ти, вытирая губы и подцепляя пальцем джем.

– Роулинсон хочет выслужиться, – сказала Атика. – Привезти нас Мастеру в качестве гостинца. Естественно, пока он нас не тронет.

– Интересно, что он тут делает? Тоже ищет дохлых инопланетяшек? Ему-то они зачем?

– Может быть, грабит склады. Куда интереснее, как они так быстро сюда добрались, – сказал Ростислав. – Если не по воздуху, в чем я сильно сомневаюсь, то у нас появится шанс сбежать.

– Два раза снаряд в одну воронку не попадает, братан, – мрачно возразил Профессор. – Один раз мы от них уже удрали, что-то не верится, что это опять прокатит. Никто не против, если я вымою руку в унитазе, а то пальцы после джема липкие? Питьевую воду жалко… Крыс?

Кот поднял голову от консервной банки, которую выделили ему заботливые девушки, не пожалев ни моллюсков, ни паштета. Равнодушно глянув на рэпера, кот снова он занялся едой.

Джей-Ти оглядел спутников. Никто не возражал, и он направился к унитазу, шаркая по цементному полу своими «кроссовками» из рюкзака и напевая:

Теперь он вне закона, как Робин Гуд.
Настоящий герой во всем районе.
Если его поймают, он предстанет перед судом.
Но это не преступление, если тебя не поймали[1].

– Тебя-то как раз поймали, старина, – сказал Ростислав печально.

...Андрей Гумилев сидел на походной койке, застеленной толстым армейским одеялом, и читал текст на экране нетбука:

«Технологии, о которых вы уже знаете, привезли сюда существа из звездной системы Зета Ретикули 1 и 2 (Zeta Retuculi). Эти звезды находятся в созвездии Ретикули, видном только из Южного полушария. Зета Ретикули – это бинарная система, то есть в ней две звезды, и она удалена от Земли на расстояние в 30 световых лет. Существа прилетели с Ретикули-4, четвертой планеты Зета Ретикули-2. Именно так говорится о звездных системах в сообщениях, которые я читал. Они просто обозначают звезду и количество планет вокруг нее – от ближайшей к звезде до наиболее удаленной от нее. Например, наше Солнце было бы обозначено как «Sol», а Земля – как "Sol-3", так как она является третьей по счету планетой от Солнца. День на Ретикули-4 длится 90 земных часов.

Рост существ составляет 3–4 фута, вес – 25–50 фунтов. У них сероватого оттенка кожа и крупные голо-

[1] House of Pain, «It Ain't a Crime».

вы с большими миндалевидными глазами, длинные и тонкие носы, рты и уши. Волосяной покров отсутствует. Все данные в сообщениях, касающиеся этих существ, были помечены 6-значной цифрой, начинающейся на 1623. Так как я не имел ни малейшего представления, с чем в настоящий момент связана эта 6-значная цифра, то я не мог и вычислить, когда прилетели эти существа или, по крайней мере, когда они появились на Земле.

Существа рассказали, что уже давно периодически посещают Землю, и в качестве доказательства представили фотографии, которым, по их словам, более 10 000 лет.

До 1979 года в центре Невады между нами продолжался обмен материалами и информацией, пока не произошел конфликт, который резко затормозил реализацию проекта. Существа покинули Землю, но должны вернуться в момент времени, обозначенный как 1623... и я не знаю, что это за дата.

Имея в своем распоряжении оставшиеся после них материальные предметы, устройства и приспособления, а также переданную ими информацию, правительство США приступило к осуществлению программы Back-Engineering (восстановительной инженерии). В мае 1987 года несколько ученых установили реактор антивещества на одной из подземных стартовых установок испытательного полигона в Неваде, чтобы провести эксперимент. К несчастью, во время эксперимента было необходимо вскрыть реактор, что для них означало смерть. Всем остальным на полигоне они сказали, что будет произведен внеплановый подземный испытательный ядерный взрыв. В декабре 1988 года меня пригласили на место одного из этих ученых.

Инопланетяне сообщили информацию о том, как можно влиять на человеческий разум, чтобы усыпить (анестезировать) тело. Это можно сделать без физического контакта, из внешнего источника. Чтобы усыпление было полным, мозг должен находиться в рас-

слабленном состоянии, как при гипнозе. При наличии внешних стимулов, например возбуждающих наркотиков или громкой музыки, манипуляции с нервной системой оказываются неэффективными. Существа сообщили, что человек является продуктом регулируемой (управляемой) извне эволюции. По их словам, человечество как раса претерпело уже 65 генетических изменений. Они называют людей «сосудами», только я не знаю, для чего эти сосуды предназначены.

Я верен себе, и вы теперь понимаете, почему я не имею возможности документально подтвердить информацию, содержащуюся во второй части. Очевидно, что, если информация достоверна, реализация проектов будет иметь далеко идущие последствия, и не нужно быть физиком-ядерщиком, чтобы это ясно понимать».

– Прошу прощения, Андрей Львович. Отвлекаю? – В палатку заглянул Решетников.

– Нет, что ты. Заходи.

– Техники вовсю готовят вертолет к вылету, – сообщил Решетников, присаживаясь рядом. – Честно говоря, волнуюсь. Не пилотировал такую машину года два.

– Это же как велосипед, Константин Кириллович, – одобряюще улыбнулся Гумилев. – Если один раз научился, никогда уже не забудешь.

– Не скажи. Я вроде с детства машину вожу, помню, еще на батином «горбатом» «Запорожце» начинал. А недавно пришлось в… Неважно, где, но пришлось вести карьерный самосвал. Он высотой с трехэтажный дом, знаешь, наверно.

– Представляю, – сказал Гумилев.

– Вот и пришлось его вести, причем по сильно пересеченной местности. А на площадке ребята из… хорошие ребята, наши, им еще отстреливаться приходится. Употел весь, пока оторвались.

– Веселая у тебя жизнь, Константин.

– Не жалуюсь. Что читаешь?

– Доклад Боба Лазара.

– А, этот физик, специалист по двигательным системам?

– Да, человек, который устроил всю шумиху вокруг Зоны Пятьдесят один. Знаешь, что меня смущает?

– Что?

– Они слишком много рассказывают. Лазар и другие, бывшие сотрудники лабораторий на территории Зоны. В Штатах исчезали люди, которые знали об определенных вещах куда меньше. А этому хоть бы хны. Видеофильмы снимает, по конференциям уфологов ездит.

– Кажется, Вессенберг с ним даже немного знаком.

– Неудивительно.

– Напрасно ты так скептически к нему относишься. Вессенберг – уникальный специалист.

– Ладно, речь не о нем. Что-то здесь не так. С Зоной Пятьдесят один что-то не так. Слишком много информации.

– Разве это информация? – усмехнулся Решетников. – Такую информацию нужно, как говорится, делить на сто сорок. В основе своей – досужие фантазии, но из них можно вычленить те крупицы, которые попали туда не случайно. Чем мы и занимались. Та же схема подземных ярусов – скорее всего, липа. Но других данных попросту нет и быть не может. Ты же знаешь, что все разведки мира львиную долю чужих секретов черпают из обыкновенных газет и телепередач. Иной таблоид выдает в год оборонных тайн больше, чем купленный полковник Генерального штаба.

– Тебе, как полковнику, виднее, – подмигнул Гумилев и закрыл нетбук. – Пойдем обедать?

– Я, собственно говоря, затем к тебе и заскочил.

В столовой было пусто, только Миллерс что-то жевал в дальнем углу, читая газету. Повар-негр выглядел обиженным и заметно оживился, когда к нему пришел «русский бригадный генерал». Про Решетникова американские солдаты тихонько говорили «Кей-Джи-Би», и были недалеки от истины, но Гумилев вызывал гораздо большее почтение.

Они взяли по тарелке сосисок с бобами, грейпфрутовый сок, яблочный пирог и кофе. Миллерс похлопал рукой по свободному соседнему стулу, приглашая к себе. Субординация в группе присутствовала, но чинопочитание не приветствовалось.

– Учишь английский, Антон? – поинтересовался Решетников. Гумилев взглянул на шапку газеты, это оказалась «Лос-Анджелес таймс».

– Совершенствую, а не учу, – с достоинством сказал Миллерс.

– И что пишут?

– Террористы снова захватили самолет.

– Цитируешь кино «Москва слезам не верит»? – расплылся в улыбке Решетников, но Миллерс замотал головой:

– Нет, правда. В воздухе захватили «Эйрбас» «Люфтганзы», рейс в Сидней. Просят посадки в Тибете.

– Все ясно, – сказал Гумилев. – Когда они только с этим Тибетом угомонятся… Как будто забот мало.

– Кстати, нам всем следует сказать спасибо, что «Армагеддон» появился в не самых населенных штатах Америки. Если бы рвануло в Китае, тогда… – Решетников не договорил и принялся вилкой делить сосиску на равные кусочки. Он вообще был аккуратист.

Пообедали неторопливо, под конец трапезы вошел майор Магдоу. Он взял только сок, подошел к столику и деликатно осведомился, обращаясь к Гумилеву, как старшему:

– Можно к вам присоединиться, сэр?

– Милости просим, – сказал Гумилев. – Правда, мы уже уходим.

Магдоу сел напротив Гумилева.

– Вы не передумали насчет полета, сэр? А если не передумали, то уложитесь ли в график?

Грищенко опохмелил майора грамотно, Магдоу выглядел куда лучше, нежели утром, но явно и не перебрал. Опохмел – дело серьезное, перейдешь границу и не заметишь. Видать, домашние соленые огурчики сы-

грали свою положительную роль. Да и копченое сало в умелых руках тоже штука полезная.

– Не передумали. Иначе зачем бы я бил поклоны генералу Хардисти? С графиком тоже все просчитано. – Гумилев, конечно же, врал начальнику базы. Никакой высадки в Долине Смерти делать они не собирались, а намеревались сразу же двинуть к базе Неллис. Само собой, с определенной точки они перестанут отвечать на вызовы базы, когда там начнут беспокоиться. Лишь бы ПВО не вздумала принять экстренные меры. Но тут Гумилев надеялся, что американцы просто не посмеют сбить вертолет с русскими членами миссии ООН, скорее уж подумают, что во время посадки в Долине Смерти их вместе с вертолетом захватили местные. Лишний международный скандал Альянсу был совсем ни к чему.

– Пилотировать буду я, – на всякий случай напомнил Решетников.

– По-моему, вы что-то затеваете, – тем же спокойным и бесстрастным тоном сказал Магдоу.

Он посмотрел Гумилеву в глаза.

«Голубчик ты мой, – подумал Андрей, – я еще в школе в гляделки всех побеждал! Уж не знаю, чему вас там учат армейские психологи, только тут не выгорит».

И в самом деле, майор после длительной паузы отвел глаза и потупился.

– И как вы думаете, что именно мы затеваем?

– Я пока не знаю. Но я чувствую.

– Послушайте… – начал было Решетников, но Гумилев поднял руку:

– Стоп, стоп. Майор, я бы мог, конечно, оскорбиться, но не стану этого делать.

– И не нужно. Я не хотел вас оскорбить, я просто волнуюсь. Знаете, я раньше никогда не имел дела с русскими. Когда я учился на офицера, нас учили видеть в русских врагов. Со временем я понял, что это не так, но и друзей видеть в них готов не был. Нейтралитет… Да, сэр, пожалуй, это именно то самое слово. Но потом я увидел, как вы провожали своего погибшего друга.

Подумал, что вы приехали сюда для того, чтобы спасти американцев, тех, кто находится за периметром, да и всех остальных. Виктор мне тоже многое объяснил. Поэтому, сэр, если вы и в самом деле что-то затеваете, я буду смотреть на это сквозь пальцы. Ибо знаю, что плохого вы не сделаете. Честь имею.

Одним длинным глотком осушив стакан с соком, Магдоу встал, коротко поклонился и вышел из столовой.

Решетников и Гумилев переглянулись.

– Вот она, волшебная сила искусства, – сказал Гумилев. – Грищенке надо премию выписать.

– А про что он говорил-то, Андрей Львович? – с интересом спросил Миллерс.

– Ты же газету на английском читаешь! Совершенствуешься!

– Я читал только результаты хоккейных матчей. Они понятные. Ну и в заголовке на первой полосе: «Тибет», «Сидней», «Люфтганза», «terrorists»... – признался Миллерс и расплылся в широкой улыбке.

Гумилев не удержался и похлопал вертолет по теплому оливковому борту. Он любил хорошо сделанную технику. Конечно, в идеале Гумилев привез бы с собой вертолет российского производства, но этот тоже был хорош. К тому же в какой-то степени С-92 имел отношение к России – основатель фирмы «Sikorsky» Игорь Иванович Сикорский эмигрировал из страны в 1919 году, успев сконструировать там такие легендарные аэропланы, как «Русский витязь» и «Илья Муромец».

Когда в прошлый раз они вывозили обстрелянную взбесившимся роботом группу и растерзанное тело Дербенева, Гумилеву было не до любопытства. Сейчас он с интересом заглянул в двухместную кабину экипажа, размещенную в носовой части, оценил приборную доску с четырьмя многофункциональными дисплеями на жидких кристаллах.

Остальные тем временем грузились в грузопассажирский отсек через большую сдвижную дверь с пра-

вого борта. Здесь были все, кроме Синцова. Микробиолога своим волевым решением Гумилев отправил в Твин Фоллз, чтобы он с людьми академика Делиева продолжал заниматься экспресс-лабораторией и вакциной. Синцов обсуждать приказы руководства не привык, но уехал весьма опечаленный, увозя с собой второго «объекта «Б».

Вессенберг был сердит, как никогда. За пару часов до вылета, еще до общего подъема, Гумилев застал его разговаривающим по мобильному телефону. Мобильники были строго-настрого запрещены и оставлены в Москве. Связываться с родными и близкими разрешалось через аппарат в «Америтель Инн», звонки с которого отслеживались. Поблажки себе не сделал даже Гумилев – с Марусей он единственный раз поговорил именно из отеля, а с тех пор не мог туда вырваться, будучи занят подготовкой к вылету.

Эстонец говорил на своем языке и осекся на полуслове, когда обнаружил, что за ним наблюдает Гумилев. Андрей не знал эстонского, но что именно на полуслове, почему-то сразу понял. И еще понял, что Вессенберг испугался.

– Индро Юльевич, как я вижу, правила на вас не распространяются? – ехидно спросил Гумилев.

– Это приватный звонок, – торопливо выключая телефон, сказал Вессенберг.

– Насколько вы знаете, отсюда не разрешены никакие звонки. Если появится нужда – вас отвезут в Твин Фоллз.

– Это было срочно. У меня дома есть некоторые проблемы.

– Дайте сюда телефон, – велел Гумилев, протягивая руку.

– Вы не имеете…

– Дайте сюда телефон!!! – повысил голос Андрей.

Вессенберг нехотя протянул аппарат, дешевую допотопную модель «нокиа». Гумилев взял его, размахнулся и с размаху врезал о дверцу армейского грузовика.

Эстонец вздрогнул от удара пластмассы о металл и стука дробью разлетевшихся кусков телефона.

– Вы напрасно сделали это, – злобно произнес он.

– Идите в свою палатку и собирайтесь, – приказал Гумилев, повернулся, показывая, что дальнейший разговор не состоится, и ушел.

Потом он пожалел, что разбил аппарат или, в крайнем случае, не подобрал обломки. Можно было проверить, кому звонил Вессенберг. Решетников, которому Андрей нелицеприятно высказался по поводу его протеже, только развел руками:

– Он очень неорганизованный человек. Не любит ограничений и приказов.

– Ну и подарочек вы мне подсунули, Константин Кирилыч! – сказал Гумилев, со злости перейдя обратно «на вы». – И не начинайте снова эту волынку про уникального специалиста! Понятное дело, что я его уже никуда не отчислю. Не я назначал. Но если что, я вас предупреждал!

Сейчас Вессенберг стоял в стороне от остальных и протирал платочком свои очки. Автомат висел у него на плече, словно теннисная ракетка в чехле, а из-под каски болтались длинные волосы. В закрытом герметичном шлеме эстонец выглядел куда опрятнее, но поди ж ты, оказался полностью иммунным. Ему, Саничу и Гумилеву откровенно завидовали – еще бы, не таскать на себе тяжелый колпак, не дышать через фильтры...

Мимо КПП проехал черный автомобиль, и у Гумилева аж скулы свело. Федеральные агенты снова были тут как тут. У них определенно был источник в комендатуре, или... Нет, про это теперь думать не нужно. Однако появлялись они с редкой избирательностью.

– Простите, но у меня нет времени на беседу с вами, – заявил Гумилев, когда Маккормик и Ковальски подошли к вертолету. – Как видите, мы заняты.

В подтверждение его слов Лобачевский и Миллерс протащили мимо контейнер со снаряжением. Лоба-

чевский при этом специально наступил на ногу Маккормику и сделал вид, что не заметил. Агент с ужасом посмотрел на свой вычищенный ботинок, понесший тяжелую утрату.

– Мне кажется, или пересечение периметра на летательных аппаратах запрещено? – спросил он.

– Запрещено. Но мы имеем специальное разрешение генерала Хардисти.

– Могу я на него посмотреть? – Ковальски протянул руку. Гумилев некоторое время разглядывал ладонь агента и заметил глубокомысленно:

– Ваша линия жизни внушает мне серьезные опасения.

– Что?! – не понял Ковальски. Потом лицо агента вытянулось, и напарник поспешно потащил его за рукав плаща к машине, что-то еле слышно говоря. Гумилев улыбнулся – происшествие доставило ему небольшое удовольствие. Мальчишество, конечно, но какая у агента была рожа!!!

– Чего это они, Андрей Львович? – спросил Санич с таким серьезным видом, словно готов был тут же пристрелить обоих агентов, если они чем-то обидели Гумилева.

– Любопытствовали, Олег. Они всегда… любопытствуют…

С тем же вопросом подошел и майор Магдоу.

– Мне не нравятся эти люди, – сообщил он. – Я понимаю, что это ФБР, но им нужно заниматься другими делами.

– Вы уверены вообще, что они из ФБР?

– Да из ЦРУ они, – убежденно сказал Санич. – Я чую.

– Возможно, – согласился майор. Агенты тем временем сидели в машине и смотрели на погрузку. Маккормик что-то наговаривал на диктофон. – Хотя ЦРУ не имеет права заниматься оперативной деятельностью на территории США. В любом случае я свяжусь с командованием и уточню, не вышвырнуть ли их с территории базы.

– Да они сами уедут. Мы взлетим, и они сразу уедут.

– На будущее не повредит.

Гумилеву было немного стыдно перед майором. Магдоу был с ними честен, старался помочь… Вот и об агентах собрался «позаботиться», а ведь не знает того, что никакого будущего уже не будет. И если «Сикорский» все же вернется на базу много позже назначенного срока, сюда приедут не эти два агента-нюхача, а серьезные люди с большим количеством звезд на погонах. Впрочем, об этом Андрей пока не хотел и думать. Сначала надо добраться до Зоны Пятьдесят один.

– Андрей Львович, давайте в кабину! – крикнул Решетников. Огромный четырехлопастный винт, раскручиваемый двумя двигателями «Дженерал электрик», начал вращаться, постепенно ускоряясь и наполняя окрестности угрожающим свистом.

Гумилев поспешно пожал руку Магдоу и побежал к вертолету. Забравшись в кабину, он сел в подрагивающее кресло второго пилота и надел шлем. Панель управления перемигивалась огоньками, сияли жидкокристаллические дисплеи. На текущий момент все это являлось епархией Константина Кирилловича, а Гумилеву предназначалось командовать скорострельными автоматическими пушками и прочей оборонительно-наступательной машинерией.

Санич задвинул дверь грузопассажирского салона. Вертолет задрожал сильнее и стал подниматься. Внизу остались трепещущие от поднятого ветра палатки, ряд грузовиков и джипов, уцелевший «тигр» чуть поодаль, разинувшие рты солдаты и машущий рукой майор Магдоу. У своей приземистой черной автомашины торчали федеральные агенты Маккормик и Ковальски; длинные полы их плащей развевались, словно у вампиров.

Развернувшись, «Сикорский» полетел в сторону периметра, постепенно набирая крейсерскую скорость в триста километров в час. Все молчали, глядя через большие окна на расстилающуюся внизу утреннюю зелень. Внезапно Грищенко сказал:

– Что мы, словно на похороны?
И запел:

Главное, ребята,
Сердцем не стареть,
Песню, что придумали,
До конца допеть.
В дальний путь собрались мы,
А в этот край таежный
Только самолетом
Можно долететь.

Гумилев обернулся и вместе со всеми подхватил:

А ты улетающий вдаль самолет
В сердце своем сбереги,
Под крылом самолета о чем-то поет
Зеленое море тайги.

Дальше вступил Решетников, очень в тему, так как управлял машиной:

Летчик над тайгою
Точный курс найдет,
Прямо на поляну
Посадит самолет.
Выйдет в незнакомый мир,
Ступая по-хозяйски,
В общем-то зеленый
Молодой народ[1].

И бойцы снова грянули припев. Пели все, даже Вессенберг, который раскрывал рот нешироко и стеснительно, как обычно делают люди, плохо знающие текст. И Гумилеву стало радостно оттого, что рядом с ним эта команда. Константин Кириллович Решетни-

[1] Автор текста С. Гребенников, композитор А. Пахмутова.

ков, полковник, совсем не похожий на полковника при ближайшем рассмотрении. Верный и надежный Олег Санич, старый добрый Робокоп. Грищенко, с которым они шастали бок о бок по Баракам Ада, разыскивая пропавшую Еву и отбиваясь от диких морлоков. Оксана Иванова, похожая на задорного пацаненка. Сосредоточенный Нестор Тарасов, загадочно исчезнувший и загадочно возвратившийся, победитель робота-людоеда. Володя Лобачевский и Антоша Миллерс, чем-то неуловимо схожие между собой, хотя на первый взгляд абсолютно разные. Противный Вессенберг, который, наверное, в самом деле звонил в Псков маме или отцу, потому что собирался лететь туда, куда еще недавно даже не мечтал попасть. Бородатый и сердитый Артемьев, даже подпевавший с таким видом, словно от этого произойдет некая неприятность. Не хватало только Синцова и Дербенева.

Пропели последнюю строчку припева, и Решетников доложил:

– Периметр прошли. Мы уже на Закрытой Территории, но на самом ее краешке. Может, сядем, пока не поздно?

Это была, конечно же, шутка.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

База Неллис

Строения базы Неллис, разбросанные на берегу ярко-белого высохшего озера Грум, были видны издалека. Вертолет летел уже пару часов, и время запланированного контакта с парнями Магдоу давно прошло. Что творилось сейчас в Твин Фоллз, Гумилев даже не мог себе представить. Академик Делиев, наверное, бегает по холлу отеля «Америтель Инн» и басом кричит: «Что я скажу Владимиру Владимировичу?!» Магдоу скорбит, полагая, что их все же сбили, а федеральные агенты Маккормик и Ковальски торопливо строчат донесения своему руководству.

Когда Гумилев улетал из Москвы, он предупредил всех, чтобы в случае его исчезновения Марусе ничего не говорили. Папа в командировке, в Америке. Разумеется, по телевидению и в газетах сразу же начнут говорить о его пропаже, но и от этого Марусю должны были оградить. Потому что он обязан вернуться, вернуться во что бы то ни стало.

– Фигасе! – присвистнув, сказал Лобачевский. – Хорошо, что мы с ними не воевали.

– Не видал ты наших подобных объектов, – насмешливо заметил Грищенко. – Сказал бы: «Плохо, что мы с ними не воевали».

– Раздолье. Садись, куда хочешь, – повернувшись к Гумилеву, сказал Решетников.

Действительно, внизу простирались несколько взлетно-посадочных полос разной ширины и длины, вертолетная площадка, да и на ровном дне озера Грум «Сикорский» мог сесть без проблем.

– Идем вон туда, к тому... – начал было Гумилев, но тут заработал передатчик.

– Это база ВВС Неллис. Вызываю вертолет С-92, – сказал монотонный голос в наушниках. – Вызываю вертолет С-92.

В кабине вертолета все замерли.

– Я С-92, слушаю, – едва шевеля отчего-то моментально пересохшими губами, отозвался Решетников.

– С-92, немедленно садитесь на посадочную полосу. Ориентир – бензозаправщик. Вы его видите?

– Бензозаправщик вижу.

В самом деле, на широкой взлетно-посадочной полосе одиноко торчал бензозаправщик. Дальше стояли два больших «Боинга-737», а справа виднелась башня контрольно-диспетчерского пункта.

– Садитесь рядом с ним, ближе к административным зданиям, дальше от самолетов. В противном случае вы будете сбиты.

Решетников переглянулся с Гумилевым. Гумилев жестом показал, что нужно выполнять требования и садиться. Судя по манере ведения переговоров, в диспетчерской сидел не специалист по полетам, но расстрелять вертолет с земли при желании могли и дилетанты. Особенно имея под рукой весь арсенал военно-воздушной базы.

– Хорошо, – сказал Решетников, – мы садимся.

– После посадки не выходите из вертолета вплоть до особого распоряжения. К вам подъедет автомобиль.

– Роджер[1], – кивнул Решетников, словно собеседник его мог увидеть.

Диспетчер отключился.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – прокомментировал сзади собиратель русского фольклора Индро Юльевич Вессенберг.

Решетников тоже смотрел на Гумилева с укоризной.

– Как ты там говорил? «Пока проснутся, пока выскочат»...

---

[1] «Роджер» – «Вас понял» на летном слэнге.

– На базе в любом случае кто-то был. Военные, не военные… Кстати, ты согласен, что говорил непрофессионал?

– Согласен, – буркнул Решетников, подводя вертолет к указанной точке. – И что?

– А то, что это, выходит, не персонал базы. Случайные люди.

– Вот как потащат нас эти случайные люди на костер, шашлыки жарить…

Слухи о каннибализме, процветающем кое-где на Закрытой Территории, ходили давно и упорно. Гумилев в них верил, потому что антропофагия, по сути, далеко не самое очевидное свидетельство падения нравов. Чтобы сохранить свою жизнь, даже весьма цивилизованным людям иногда приходилось есть себе подобных. Чего стоила история 1972 года, когда уругвайская команда регбистов летела через Анды для участия в матче в Чили. Самолет потерпел крушение вблизи границы с Аргентиной. После нескольких недель голода и лишений оставшиеся в живых приняли решение съесть замерзшие тела своих умерших товарищей. Именно поэтому они и были спасены спустя два месяца.

«Сикорский» опустился метрах в двадцати от бензозаправщика, и Решетников выключил двигатель. Гул турбин утих, винт вращался все медленнее. От здания, около которого стояло несколько автомобилей, к ним уже ехали два открытых джипа, а из-за «Боингов» выходили вооруженные люди в камуфляже. Насколько помнил Гумилев, в этом здании помещалась комендатура базы Неллис, построенная в 2005 году, а за ним одинаковыми параллелепипедами белели казармы. Все выглядело запущенным, автомобили и «Боинги» стояли на спущенных шасси, там и сям виднелись следы коррозии и ржавчины. Военные ушли отсюда давно. Тогда кто были эти люди в камуфляже?

Джипы развернулись, из них высыпали автоматчики, потом неторопливо выбрался человек в фуражке.

Он двигался так, словно был поражен тяжкой болезнью. Приглядевшись, Гумилев понял, что так оно и есть: шея замотана бинтом, а кожа на лице была серой и безжизненной, как у несвежего покойника.

Человек помахал рукой, показывая, что нужно выходить, потом поднял один палец.

Ростислав Шибанов дремал, сидя на полу и прислонившись к стене. Рядом скорчился Джей-Ти, а на койках спали Мидори и Атика. Рыжий кот Крыс свернулся клубочком рядом с Мидори и чуть слышно похрапывал. Шибанов ни разу не видел, чтобы коты так делали.

Плеснув в ладонь немного воды из бутылки, Ростислав с горем пополам умылся, сделал несколько несложных физических упражнений и принялся осматривать камеру. Минут через десять он сделал неожиданное открытие: под койкой находилось вентиляционное отверстие. Это была квадратная дыра в стене высотой сантиметров двадцать, не загороженная ни сеткой, ни решеткой: заключенный через такое отверстие все равно бы не вылез.

– Ты чего там делаешь?! – удивился проснувшийся Джей-Ти, увидев торчащие из-под койки ноги Ростислава.

– Тут есть лаз, – пыхтя, отозвался Шибанов и вылез обратно. – Но маленький, разве что кот пролезет.

– Что вы расшумелись? – капризно спросила сверху Мидори. – Все равно делать нечего, дайте хоть поспать по-человечески, а не на травке под кустом!

– Слушай, Ми, – сказал Шибанов. – А может быть, нам выпустить Крыса?

– Зачем это?!

– Да просто я боюсь, что с нами ему придется худо. Если придется драться, или убегать, или... В общем, Крысу нужно уйти, пока можно.

– Да куда он уйдет-то, Расти?! – Мидори в недоумении свесила вниз голову.

– Под нижней койкой есть дырка. По размеру коту вполне подходит. Насколько я понимаю, за стеной – коридор. Выберется, найдет себе пропитание. Вокруг горы, долина. Будет ловить каких-нибудь тушканчиков или землероек, я не знаю точно, кто здесь живет. Коты быстро осваиваются на природе, а Крыс к тому же весьма условно домашний кот. Скорее дикий.

Мидори обняла продолжавшего спать и похрапывать кота.

– Расти прав, – подала голос Атика, которая, оказывается, тоже проснулась. – Мы потащили его с собой, а значит, несем за Крыса ответственность.

– Нельзя быть такими пессимистами! – дрогнувшим голосом сказала Мидори. – Я вот лично уверена, что мы отсюда выберемся!

Потом она поцеловала уворачивающегося кота в нос, спрыгнула с койки и сказала:

– Беги, маленький братец. Если все пойдет хорошо, мы еще встретимся. Ты ведь найдешься, правда?

Кот громко мяукнул, словно хотел сказать: «А как же?! Куда же я от вас денусь?»

Ростислав тихонько подтолкнул Крыса к вентиляционному отверстию. Кот оглянулся, еще раз мяукнул и покинул камеру.

Мидори тихо заплакала.

– Пойду я, – сказал Гумилев бойцам. – Они выглядят довольно организованно. Попробуем договориться.

– О чем? – уныло спросил Вессенберг, поблескивая стеклышками очков. – Я думаю, мы можем улетать домой и докладывать, что ничего не сделано. Или вы думаете, что эти люди с радостью отведут вас в секретные помещения?

– Индро Юльевич, мы рассматривали разные варианты развития событий. В том числе и такой. Это лучше, чем устраивать пальбу и положить всех на подступах к объекту. А сейчас извините, я не хочу их злить.

Спрыгнув на бетон взлетно-посадочной полосы, Гумилев зашагал к джипам и автоматчикам.

– Меня зовут полковник Роулинсон, и я представляю здесь Республиканскую Армию генерала Макриди, – сказал человек с внешностью мертвеца. Гумилев, конечно же, слышал о ней, но не думал, что все так серьезно. Это в самом деле были солдаты. В более-менее одинаковом, унифицированном обмундировании, со знаками различия, хорошо вооруженные. Здесь же стоял капитан.

– А я представляю специальную миссию ООН, которая размещается в городе Твин Фоллз, штат Айдахо. Мы занимаемся решением проблемы «Армагеддон», – с достоинством ответил Гумилев. – Меня зовут Андрей Гумилев.

– Русский?! – поднял редкие брови полковник Роулинсон. – В последнее время мне везет на русских...

– Что вы имеете в виду?

– Нет, ничего особенного, это сугубо личное... Позвольте приветствовать вас на базе Военно-воздушных сил Неллис.

– У вашей армии имеются военно-воздушные силы?

Гумилев постарался, чтобы этот вопрос прозвучал без сарказма и издевки. Видимо, у него получилось, потому что Роулинсон честно ответил:

– Нет, пока отсутствуют. Вы, верно, знаете, что над Закрытой Территорией летать не велено. Но база находится под нашим контролем, и мы надеемся, что рано или поздно вновь будем использовать ее по назначению. А вот что вас сюда занесло, мистер Гумилефф? Решать проблему «Армагеддон» на секретном объекте не совсем логично.

– Подозреваю, что меня сюда занесло то же, что и вас, полковник. Но давайте сначала уйдем с посадочной полосы куда-нибудь в помещение и там спокойно поговорим. Моим людям можно выйти из вертолета?

– Да, мы не причиним вам вреда. Простите, но... почему вы без маски? Я думал, что с учетом эпиде-

мии вы должны быть одеты в костюм биологической защиты.

– Я иммунный, – пояснил Гумилев. – Если вы не знаете, то человек может заразиться вирусом и заболеть, а может и не заболеть, но стать носителем, заражая других. Я же, к счастью, вирус вообще игнорирую – в моем организме он не уживается. У меня в группе еще двое таких, остальные в биозащите с фильтрами.

– Это любопытно, – сказал полковник с неподдельным интересом. – Получается, если провести тесты, многие из тех, кто сейчас заперт на Территориях, обретут свободу?

– Да, но аппаратура для проведения тестов пока слишком несовершенна. Такой объем работы проделать мы еще не можем. Полковник, я хочу напомнить – вы сказали, что моим людям можно покинуть вертолет.

– С одним условием – оружие они оставят внутри.

Гумилев вернулся к вертолету и, сдвинув дверцу, проинформировал своих бойцов:

– Это армия Макриди.

– Эти бандиты?! – вскинулся Санич.

– Пока они ведут себя вполне цивилизованно. Разрешили нам покинуть вертолет, но оружие оставить внутри.

– Я не согласен, – уперся Санич. – Андрей Львович, это же черт знает что такое! Сдаемся в плен, словно... словно...

Не найдя подходящего приличного слова, покрасневший Санич махнул рукой и отвернулся.

– Олег, устроить сейчас перестрелку на взлетной – самое глупое, что мы можем сделать. Нас сразу же положат. Мы же предусмотрели и такой вариант, помнишь?

Санич поморгал и положил М-4 на пол.

Под бдительными взорами автоматчиков Роулинсона они цепочкой прошли к зданию. Гумилев обратил

внимание, как Нестор Тарасов едва не споткнулся, увидев полковника. Он замедлил шаг, потом потряс головой, словно отгоняя морок.

Полковник с капитаном вошли вслед за ними, после чего Роулинсон распорядился:

– Долтри, мы побеседуем с мистером Гумилевым, а вы пока устройте остальных. Здесь есть что-то вроде конференц-зала, там им будет удобно.

– Да, сэр, – вытянулся капитан.

В коридоре метнулось что-то рыжее, и Гумилев с удивлением увидел кота. Тощий, ободранный, но с несомненным чувством собственного достоинства, он сел и уставился на Гумилева. Откуда он взялся на заброшенной базе? Хотя тут есть продовольственные склады, а где запасы продуктов, там и крысы с мышами. А где крысы с мышами, там сам Господь рассудил обитать котам. Пищевая цепочка.

– Мурзик, Мурзик... – тихонько позвал кота Гумилев.

Ему сразу вспомнился теплый пушистый комочек, принесенный Марусей утром в постель, и радостный крик дочки: «Папа! Папа! Он круче манула в стотыщпийсят раз!».

– Эх, Маруська... Скучаешь, наверно... – пробормотал Гумилев.

Кот не подходил, но смотрел в целом приветливо, как профессора смотрят на заядлых прогульщиков-студентов, неожиданно зашедших на лекцию.

– Кот, – констатировал Роулинсон. – Откуда бы ему тут взяться? Любите кошек?

– Есть такой грех, – сказал Гумилев.

– Проходите, пожалуйста, – Роулинсон широко распахнул дверь в скудно обставленный кабинет. В углу стоял пыльный американский флаг, на стене висел портрет бывшего президента США, какие-то дипломы с внушительными печатями в аккуратных рамках. На столе находилась семейная фотография: моложавый

мужчина в футболке с надписью «USAF»[1] на груди, рядом с ним – красивая брюнетка, которая держит на руках удивленного ребенка лет двух-трех, все позируют на палубе яхты, позади – зелено-голубой простор океана и разноцветные паруса. Полковник мимоходом смахнул фотографию в ящик стола, сел в кресло и указал на такое же кресло напротив.

Гумилев сел.

– А теперь поговорим неофициально, – предложил Роулинсон. – Курите?

– Нет.

– Я тоже. Пьете?

– В данный момент это излишне.

– А я немного выпью.

Полковник вынул из внутреннего кармана куртки плоскую флягу, обтянутую тисненой коричневой кожей, отвинтил крышечку и сделал несколько глотков. Он определенно был болен. Вблизи лицо Роулинсона представляло собой еще более отталкивающее зрелище, кроме того, Гумилев почувствовал запах. Запах гниения, сладковатый смрад, который полковник пытался замаскировать одеколоном или лосьоном. Рак? Эти бинты на горле…

– Итак, что вы здесь делаете? Я понимаю, что все эти вирусологические байки в данном случае никакого отношения к вашей экспедиции не имеют. Однако цель у вас серьезная, раз вам дали вертолет. Я уже давно не видел, чтобы над Территориями что-нибудь летало, кроме птиц. Попробую догадаться. Вас интересует Зона Пятьдесят один: летающие тарелки с Сириуса, законсервированные гуманоиды, кладезь вселенской мудрости. Верно?

– Верно, – согласился Гумилев, который с самого начала не собирался врать.

– Видите, угадал. Но возникает проблема: во-первых, мы представляем собой то, что можно называть пра-

[1] USAF – U.S. Air Force, Военно-воздушные силы США.

вительством, поскольку власть Североамериканского Альянса на Закрытую Территорию не распространяется. Во-вторых, мы прибыли сюда первыми.

– А вы уверены, что ваше правительство признанное? Я слыхал, что некий господин из Солт-Лейк-Сити, именующий себя Мастером, оспаривает это утверждение.

– Ах, Мастер... – протянул полковник. – Это сложный вопрос, находящийся в стадии решения. В любом случае у меня есть «во-вторых» – как я уже заметил, мы прибыли сюда первыми.

– И что вы собирались делать?

– Проникнуть туда, куда не велено, что же еще? И разобраться, что же тут прятали. А что-то, несомненно, прятали. Вы не были в убежище для персонала, а я был. Крайне жуткое зрелище. Видимо, когда объявили тревогу в связи с эпидемией, они загнали туда людей, а когда стало ясно, что дела плохи, пустили газ. Там тысячи мумий. А хозяин этого кабинета застрелился. Скелет мои солдаты вынесли. Я не знаю, куда делись остальные люди из командования базы. Мы здесь еще далеко не все обыскали, возможно, они лежат в виде мумий в другом убежище или даже живы и прячутся. Когда мы сюда прибыли, тут вертелись чокнутые, пришлось немного повоевать. Их становится все меньше и меньше. Думаю, дохнут с голоду, с едой-то проблемы. – Роулинсон сделал еще пару глотков из своей фляжки, откашлялся и продолжил: – А ведь вам повезло, мистер Гумилефф. Мы прибыли сюда как передовой отряд, поэтому со мной солдаты, а не ученые. Они могут ходить вокруг летающего блюдца с глазами, как шары для кегельбана, и цокать языком, но не более того. А вы, как мне кажется, привезли специалистов. Так не объединить ли нам усилия? Уверяю, правительство, которое я сейчас представляю, готово к сотрудничеству со всеми международными организациями, в том числе с ООН. Так давайте в качестве жеста доброй воли сделаем общим достоянием

то, что столько лет скрывало правительство уже несуществующих Соединенных Штатов.

Гумилев внимательно посмотрел на полковника. Отталкивающая внешность его не пугала, но словам Роулинсона Андрей не верил. Понятно, что «сотрудничество» продлится до поры до времени. Но Гумилев все равно сказал:

– Идет, полковник. Что от нас требуется?

– Да ничего особенного. Для начала – открыть вход на верхний уровень. У меня есть специалисты по системам безопасности, но они пока не справляются с задачей. Генератор мы запустили, так что компьютеры работают.

– Среди моих людей есть двое, кто в этом разбирается. – Гумилев имел в виду Решетникова и Миллерса, который помимо прочего специализировался как раз в данной области. Ребята Санича тем и были хороши, что каждый заменял собой трех-четырех человек.

– Тогда не будем терять времени, – поднимаясь из кресла, сказал полковник.

С системой, блокирующей двери верхнего уровня, Решетников и Миллерс справились минут за сорок.

– Не думал, что на таком объекте все так примитивно защищено, – удивлялся Константин Кириллович, бегая пальцами по клавиатуре. Гумилев и сам видел, что степень защиты весьма средненькая. Наверное, американцы больше полагались на труднодоступность самой базы и несколько радиусов наружной безопасности. Теоретически сюда не должен был проникнуть ни один нежелательный гость, потому и мудрить не стали. Он высказал свое предположение Решетникову, но тот покачал головой:

– И все равно, чересчур простенько. Где пресловутые магнитные карточки? Где сканирующие устройства для проверки отпечатков пальцев и рисунка радужной оболочки глаза?

Гумилев не знал, что ответить. Но тут тяжелые ворота раскрылись, шипя гидравликой, и глазам собравшихся предстала груда мумий, лежавших у входа. Одни были одеты в форму военнослужащих ВВС, другие – в белые халаты. Судя по длинным прядям волос, некоторые черепа принадлежали женщинам.

– Дверь заблокировали, а они остались внутри, – разъяснил Роулинсон, глядя на эту гекатомбу без каких-либо эмоций. – Кто-то покончил с собой, кто-то умер от голода... Полагаю, мы еще встретим такую картину ниже, и не раз.

И действительно, на втором уровне тоже лежали скелеты. И на третьем. Их обнаруживали не только у дверей, но и в лабораториях, за погасшими мониторами, за письменными столами... В одном месте кто-то в припадке безумия сокрушил несколько огромных экранов – все вокруг было усыпано стеклом.

Ничего секретного Гумилев пока не увидел. Конечно, покопаться в мозгах компьютеров было бы завлекательно, но, скорее всего, параллельно с уничтожением личного состава и персонала базы оказались уничтожены и данные, хранившиеся на серверах. Оставалось надеяться, что уцелели материальные доказательства. Если, разумеется, таковые вообще существуют.

Пока Решетников и Миллерс вскрывали двери на очередной уровень, Гумилев с полковником стояли у маленького электрокара, загруженного пластинами из легкого светлого металла. Поодаль торчали у стены автоматчики Республиканской Армии, а бойцы Гумилева расселись на офисных стульях, собрав их в одно место. И снова Гумилев поймал взгляд Нестора Тарасова. Ученый безотрывно наблюдал за Роулинсоном.

– Не раскроете ли еще одну тайну, полковник? – спросил Гумилев.

Роулинсон поскреб шелушащуюся щеку и кивнул:

– Валяйте.

– Как вы сюда добрались? На машинах?

– Этого я пока вам сказать не могу, – развел руками полковник, словно извиняясь. – Секретная информация.

– Хорошо, я не буду настаивать.

– Если вы боитесь, что я реквизирую у вас вертолет, то можете не переживать, нам он не нужен. В любом случае у меня слишком много людей, они туда не влезут. О, смотрите, они снова справились!

Решетников и Миллерс действительно справились. На сей раз за открывшейся дверью, оказавшейся особо толстой, скелетов не обнаружилось. Но даже если бы они там и лежали, никто бы не заметил, потому что внимание всех, от Гумилева до последнего солдата, сконцентрировалось на летающей тарелке, висящей посередине огромного зала.

Диск из тускло-серого металла метров тридцати в диаметре был укреплен на специальных держателях, подпирающих его края. На гладкой поверхности тарелки были видны несколько вмятин и трещин – очевидно, результаты столкновения с земной поверхностью. По всем имеющимся данным, хранящиеся в Зоне 51 космические корабли либо потерпели аварию, либо были сбиты.

Чуть дальше размещалась на таких же держателях «спортивная модель», которую описывал бывший сотрудник объекта Лазар: «Диаметр примерно 16 метров (52 фута). Внешняя обшивка похожа на металлическую и по цвету похожа на неотшлифованную нержавеющую сталь. Диск стоит на своем днище. Входной люк находится на верхней половине диска и только часть его переходит через центральный край диска».

По всему залу были расставлены какие-то агрегаты и их фрагменты. Выглядело все это так, что с первого взгляда становилось ясно – человеческий разум тут ни при чем. Причудливо изогнутые поверхности, полупрозрачные рычаги и шарниры, внутри которых были заключены мелкие детали. Одни

были словно склеены из шаров различных размеров, другие вообще казались бессмысленным нагромождением угловатых элементов, опутанных поблескивающими проводами, если только это в самом деле были провода.

Некоторые механизмы находились в полуразобранном состоянии. Рядом с ними лежали инструменты, на самодвижущейся колесной платформе стоял сварочный аппарат. Казалось, что люди ушли отсюда совсем недавно.

– Это правда... – выдохнул Вессенберг, бесцеремонно протиснувшись между Гумилевым и полковником. Он подбежал к большой тарелке, быстро поднялся по небольшому металлическому трапу и исчез внутри.

– Э... – Роулинсон потыкал в сторону НЛО пальцем. – Он, часом, не улетит?

– Это наш специалист именно по таким вещам, – успокоил полковника Гумилев. – Просто не верит своим глазам.

Гумилев и сам не верил своим глазам. До последнего он был уверен, что никаких тарелок в Зоне 51 нет, и здесь занимались лишь разработкой самолетов-невидимок и прочих совершенно земных, пусть и высокотехнологичных проектов. И вот – сразу два объекта. Не девять, как утверждалось в некоторых изданиях, но и двух вполне достаточно.

Решетников, который стоял рядом, сказал:

– Заметь, что внутреннее устройство объекта не соответствует тому, которое мы брали за основу. Уровни расположены совершенно не так.

– Что? – поинтересовался Роулинсон, русского языка не знавший. – Что он сказал?

– Здесь все не так, как обычно говорят, – сокращенно перевел Гумилев и отошел в сторонку.

Он стоял в смятении, потому что не представлял, как можно все это уничтожить. Величайшие открытия, путь в далекий космос – и все это взорвать, обрушить на грядущие перспективы человечества тысячи тонн

грунта?! Как выполнить такой приказ? Да и кто позволит ему это сделать?!

Вессенберг вылез из тарелки. Глаза его горели за стеклами очков.

– Здесь должен быть еще один уровень! – крикнул он по-английски. – Тот, где хранятся тела представителей внеземных цивилизаций!

– Давайте его откроем, – нетерпеливо сказал Роулинсон. Полковник держался спокойнее остальных, но и он заметно волновался.

С этой дверью возиться пришлось значительно дольше. Гумилев не выдержал и пришел на помощь Решетникову и Миллерсу.

– Я поражен, – шепнул он Константину Кирилловичу, подбирая код. – Скажи честно, ты верил?

– Я до сих пор не верю. Что делать-то будем с этим хозяйством, Андрей? Полковник уже нацелился наложить на него лапу.

– Но это не люди Мастера из Солт-Лейк-Сити. Это Республиканская Армия. Насчет нее не было никаких указаний.

– Не уверен, что самозваный генерал Макриди лучше Мастера…

– Макриди, насколько я понимаю, кто-то вроде собирателя земель. Не мракобес, в отличие от Мастера.

Неожиданно завыла сирена и замигали яркие красные огоньки на пульте, дверь стала медленно уходить в потолок. В образовавшуюся щель сразу, пригнувшись, бросился Вессенберг.

Когда проход открылся полностью, в зал вошли остальные и замерли.

Все выглядело так, как описывал бывший военнослужащий Дерек Хенесси. Стеклянные цилиндры метра под два высотой действительно стояли на постаментах из черного полированного камня, напоминающего мрамор. Внутри, в прозрачном зеленоватом растворе, плавали худые существа с длинными руками и складчатыми головами причудливой

формы. Их кожа серого цвета странным образом показалась Гумилеву похожей на болезненное лицо Роулинсона. Полковник как раз стоял рядом с одним из цилиндров и, прижавшись к нему лицом, смотрел в широко открытые глаза инопланетянина, черные, без зрачков.

Нашлось и то, о чем Гумилев не читал в изданиях уфологов и материалах, предоставленных «Илиаде» Решетниковым и его службой. Это был целый ряд прозрачных саркофагов, похожих на сосиски, к которым тянулись от кубических серебристых ящиков толстые гофрированные трубы. В них лежали гуманоиды с темно-зеленой кожей, имеющей текстуру змеиной чешуи. Трехпалые руки у одних были молитвенно сложены на груди, другие протянули их вдоль тел. Казалось, что они уснули и вот-вот проснутся... Гумилеву сделалось не по себе. Слишком много секретов раскрывалось одновременно. То, во что верили и на что надеялись миллионы людей. То, что миллионы других людей называли фантастикой, сказками, ересью и бредом.

– Думаю, ваша часть договора выполнена.

Резкий, надтреснутый голос полковника Роулинсона отрезвил Гумилева, и он вспомнил, что главные проблемы еще впереди.

– Что вы под этим подразумеваете?

– Ваши люди открыли вход на уровни и показали, что здесь хранится. Теперь пора исполнить мою часть договора.

Автоматчики подняли оружие.

– А я говорил, – печально прогудел Санич.

– Вы нам еще пригодитесь, – сказал полковник Гумилеву. – Вы, вот эти двое, которые работали с системами защиты. Специалист по НЛО. Остальные не нужны. Долтри!

– Да, сэр! – из-за спин автоматчиков появился капитан.

– Отведите их наверх.

– Есть. Исполняйте, сержант! – бросил Долтри своему подчиненному.

Гумилев бессильно наблюдал, как автоматчики оттеснили часть членов группы и вывели из зала. Они остались среди мертвых инопланетян впятером: он, Вессенберг, Решетников, Миллерс и Роулинсон. В дверях стояли автоматчики.

Полковник с сожалеющей миной пожал плечами:

– Я представляю правительство, а вы, к сожалению, вторглись сюда, не имея никакого разрешения. Как военный, я…

– …Вы меня обманули, в чем я, собственно, мало сомневался.

– Действуя в интересах своего государства, заметьте.

– Нет здесь никакого государства. Ваша Республиканская Армия – такая же фикция, как и Солт-Лейк-Сити Мастера.

– А вот тут вас ждет еще один неприятный сюрприз, мистер Гумилефф, – неприятно улыбнувшись, сказал Роулинсон. – Как вы изволили выразиться, я вас обманул. Но обманул, увы, не только в отношении договора. Я не имею никакого отношения к Республиканской Армии. Меня сюда прислал Мастер.

Гумилев не нашелся, что ответить на это. Он чувствовал себя оплеванным, раздавленным, втоптанным в грязь. Как последний дурак, привел людей в ловушку и своими руками ее захлопнул! Вариант с переговорами предусматривал осложнения, но попасть на удочку Мастера…

Он подвел и предал всех. Людей, которые собирали данные и готовили операцию «Илиада». Своих бойцов-безопасников. Ученых. Майора Магдоу.

Марусю.

Он подвел Марусю…

«Обещай мне, что ты будешь там себя хорошо вести, поможешь, кому надо, и прилетишь обратно. А злых, если попадутся, вы застрелите».

Вот и помог…

– Вас интересовало, как мы сюда добрались? Теперь я охотно расскажу, – продолжал тем временем полковник, наблюдая за реакцией Гумилева. – Подземная железная дорога из Лас-Аламоса на базу Неллис – вовсе не миф, как принято думать. С началом эпидемии ту часть, которая находится на территории Нью-Мексико, начиная со станции в Лос-Аламосе, военные взорвали. Но потом что-то не сработало, и промежуточная станция на территории штата Юта уцелела. Ей мы и воспользовались, благо энергетическая установка в поезде работала. Путешествие страшноватое, но быстрое.

Гумилев молчал. Потом спросил глухо:

– Что будет с теми, кого увели?

– Пригодятся, – ответил Роулинсон. – Солт-Лейк-Сити нужны рабочие руки. У вас там явно не дилетанты, всем найдется занятие. А теперь давайте тоже поднимемся наверх. Нужно многое обсудить, сюда вы еще успеете вернуться.

Полковник направился к выходу, за которым ждали оставшиеся автоматчики. Гумилев поплелся следом, но неожиданно поймал взгляд Решетникова. Константин Кириллович подмигивал ему и зыркал глазом куда-то влево. Что он там увидел?

На стене, совсем рядом с подъемной дверью, в квадратной рамке за стеклом краснела большая круглая кнопка. Такие обычно делают в различных учреждениях для вызова пожарных – «Разбейте стекло, нажмите кнопку». Здесь противопожарная система явно включалась автоматически. Тогда зачем бы такая кнопка?

– Ну что же вы? – через плечо окликнул их Роулинсон. – Еще насмотритесь, tovarishch.

Решетнев придержал за плечо некстати заторопившегося Миллерса. Снова зыркнул на кнопку.

И Гумилев понял.

В тот момент, когда блокировавшие дверной проем автоматчики расступились, пропуская Роулинсона, Андрей прыгнул вперед и с размаху ударил кулаком по

кнопке. Стекло разлетелось, кнопка легко подалась, и многотонная дверь моментально рухнула вниз. Полковник успел проскочить, а кто-то из автоматчиков замешкался и даже не вскрикнул. Его расплющило, словно муху. Из-под нижнего края двери осталась по локоть торчать рука. Пальцы ее судорожно подергивались.

Гумилев прислонился спиной к стене, успокаивая дыхание.

– Как жабы в банке, – красочно описал ситуацию Решетников и гулко постучал кулаком по двери.

– Да уж, Кирилыч... – сказал Гумилев, глядя на шевелящиеся пальцы покойника.

– В самом деле, не воевать же было с ними. Думали, договоримся. С самого начала затея была довольно авантюрная, но не спецназ же сюда посылать!

– А дверь-то они не откроют, – Миллерс произнес это почему-то с удовлетворением. – После автоматического закрытия – точно не справятся. Чайники.

– Чему рад-то, Антон? – горько усмехнувшись, спросил Гумилев. – Другого выхода здесь нет.

– Везде есть запасной выход, Андрей Львович, – оптимистично сказал Миллерс. – Нужно только поискать.

Вессенберг тем временем бродил среди капсул и цилиндров с пришельцами. Увлеченный человек, подумал Гумилев с завистью. Плевать ему сейчас, что они замурованы на сто метров под землей. Рядом – дело всей его жизни, теперь, как говорится, и помереть не жалко. Эстонец наклонялся над саркофагами, вглядываясь в лица трупов, дергал за провода и трубки, подключенные к цилиндрам, осматривал непонятные агрегаты, откуда они тянулись. То и дело Вессенберг озабоченно поправлял очки.

Потом он выпрямился и позвал:

– Идите сюда. Все идите сюда, скорее.

Гумилев, Миллерс и Решетников подошли.

– Что вы тут нашли, Индро Юльевич?

– Это фальшивка, – тонким срывающимся голосом сказал Вессенберг. Руки его дрожали, очки в тонкой золотой оправе сползли на кончик носа.

– Что?! – не понял Гумилев.

– Еще внутри тарелки я заметил много странного. Сначала я не понял, а потом догадался, немного позже. Снаружи и внутри все выглядело так, словно человека попросили сделать летающую тарелку, и он сделал летающую тарелку. Это не внеземной аппарат.

– Индро Юльевич... – осторожно начал было Гумилев, видя, как разнервничался бедный Вессенберг, но тот не дал ему договорить.

– Это фальшивка!!! – закричал не своим голосом эстонец, схватил металлическое кресло и с размаху хватил им по стеклянной колонне, в которой покоилось тело гуманоида. Стекло треснуло, наружу хлынул поток густой зеленоватой жидкости, а следом вывалился сам инопланетянин, всплеснув длинными руками и гулко шлепнувшись о кафельный пол.

Миллерс вскрикнул. Гумилев в ужасе отступил назад, словно намочившая ботинки жижа могла разъесть их и добраться до самой плоти. Решетнев тоже отшатнулся и пятился, пока не уперся спиной в большой металлический шкаф.

Вессенберг тем временем подскочил к лежащему гуманоиду, упал на колени прямо в струящуюся зелень и вспорол гладкий живот невесть откуда взявшимся ланцетом. Отшвырнул инструмент и принялся раздирать мышцы обеими руками, что-то неслышно бормоча.

Гумилев внезапно решил, что эстонец сошел с ума. Чтобы нейтрализовать его, пока Вессенберг не уничтожил другие ценные образцы, Андрей стал заходить сзади. Он уже изготовился броситься на Вессенберга, но вдруг увидел, что именно тот извлекает из распотрошенного нутра гуманоида.

Комки полиэтилена.

Большие куски поролона.

Какие-то пружинки.

Мусор.

– Это все фальшивка! – снова прокричал Вессенберг, не поднимаясь с колен и обернув к Гумилеву свое страшное перекошенное лицо. – Вся эта Зона Пятьдесят один – надувательство! Мы зря летели сюда, зря рисковали! Нас всех обманули!

Гумилев опустил руки. По растекшейся зеленой жидкости медленно плыл, разворачиваясь, извлеченный из резиновой утробы «пришельца» газетный комок с явственно видной шапкой «Лос-Анджелес Таймс» и датой – «15 октября 1957 года».

Книга третья

ПОДЗЕМЕЛЬЯ СМЕРТИ

Америка не знает, куда направляется,
но бьет рекорд скорости по дороге туда.
Лоренс Питер

ПРОЛОГ

Слуги Болон Окте

Юкатан, Мексика, 2014

– Еще раз притронешься к моему рюкзаку, и я вырву твое сердце, – сказал Гватемалец.

Махукутах вздрогнул. Он был уверен, что никто не видел, как он заглядывает в чужой вещмешок.

– Я искал карту, – пробормотал он, – думал, может, она у тебя…

– Мне все равно, что ты искал, Малыш, – фыркнул Гватемалец. – Повторять дважды я не стану, а сердце у тебя одно.

«Как, черт возьми, он узнал?»

Махукутах не произнес этого вслух, но Гватемалец без труда прочел его мысли и жестко усмехнулся.

– Мой нагуаль сказал мне, – он хлопнул коричневой ладонью по зеленому боку вещмешка, – и скажет снова, если ты окажешься таким идиотом, каким выглядишь.

Махукутах только зубами скрипнул. Будь на месте Гватемальца кто другой, ему бы не поздоровилось. Но с этим похожим на узловатый корень колдуном, единственным из Четверых, кто не пожелал назваться именем предка и прятал от товарищей свои амулеты, связываться было опасно. Махукутах не забыл, как Гватемалец наказал старосту в селении, где они остановились на ночлег на исходе третьего дня путешествия. День выдался тяжелым, и больше всего путникам хотелось спать. А староста, принимавший их в своем доме, как нарочно, все приставал с расспроса-

ми. Как там, в городе? (Странный вопрос, если учесть что ни один из Четверых не был горожанином.) Правда ли, что в Мехико-Сити ввели военное положение? Говорят, что из Эстадос Юнидос[1] в Мексику засылают специальные отряды прокаженных – так это или нет? На севере идет большая война – а кто с кем воюет? Ну и так далее.

Махукутаха, конечно, тоже раздражала болтовня недалекого деревенщины, но он терпел, потому что, если бы не староста, ночевать им в лесу. А вот Гватемалец, судя по всему, терпеть не собирался.

Пару раз он отмахнулся от старосты, как от надоедливого насекомого, а потом просто поднял руку и дунул сквозь растопыренные пальцы. И староста замолчал. Мгновенно, как будто выключили радио. Он разевал рот, таращил круглые глаза, пытаясь выдавить из себя хоть какой-то звук, – без толку. А Гватемалец усмехнулся, опрокинул стаканчик мескаля и вышел из комнаты.

И ведь не просто вышел, а исчез! Трое искали его по всей деревне не меньше часа, пока не нашли на берегу мелкого пруда – Гватемалец сосредоточенно пыхтел самокруткой и смотрел на звезды. Едва уговорили вернуться и снять заклятие со старосты. «А сами-то что?» – ехидно спросил проклятый колдун. Никто не ответил – ведь ответить означало расписаться в собственном бессилии.

И Махукутах, и Балам-Акаб, и Ики-Балам были сильными колдунами, иначе их не выбрали бы Слугами Болон Окте. Но ни один из них не сумел расколдовать старосту. В тот вечер Гватемалец явил им знак своего могущества, и этого оказалось достаточно, чтобы Махукутах, Балам-Акаб и Ики-Балам поняли – он сильнее их всех. Возможно, втроем они и справились бы... но, может, и нет. Да и зачем им объединяться? Четверо – не братья по крови. Все, что их связывает, – это служение Великому Губителю, Болон Окте. То служе-

[1] Estados Unidos – Соединенные Штаты (*исп.*).

ние, которое некогда помогло славному предку Два Тростника остановить орды варваров и спасти народ киче. Если Болон Окте потребует, они умрут за него, если прикажет – возведут пирамиду из черепов жертв. Но это не значит, что они заодно. Служение – дело одинокое, и если Четверо, пришедшие из разных уголков Центральной Америки, собираются вместе, то лишь потому, что Дверь, через которую приходит в мир Болон Окте, закрыта на четыре замка.

Поэтому никто ничего не сказал Гватемальцу, все молча признали его превосходство. Никто не потребовал, чтобы Гватемалец показал им свои амулеты. Никто не попросил, чтобы он показал своего нагуаля. Но в глубине души каждый, конечно, мечтал проникнуть в его тайну. Потому-то Махукутах и полез нынче утром в вещмешок.

Самое обидное – там ничего не было. То есть было, конечно: какое-то грязное белье, комикс без обложки, две банки консервированной ветчины, моток веревки. Но никаких амулетов, ни малейшего следа могучего волшебства. Махукутах испытал разочарование и стыд – он словно бы по ошибке залез в торбу бедного индейца, не имевшего отношения к миру магии. А теперь еще выяснилось, что Гватемалец прекрасно осведомлен о его, Махукутаха, чрезмерном любопытстве.

И хотя Махукутах не верил до конца в то, что Гватемалец и вправду может вырвать чье-то сердце, ему стало как-то не по себе. Перед глазами снова возник беззвучно открывающий рот староста. Мало ли что взбредет в голову этому Эль Локо[1]!

– Ладно, извини, – проговорил он через силу.

Но Гватемалец уже забыл об инциденте. Он смотрел вперед, туда, где над кромкой леса возвышалась бесформенная оплывшая груда древней пирамиды.

– Дошли, – тихо сказал Балам-Акаб. – Вот оно, место, которое зовут Холодной Дырой.

---

[1] El loco – безумец (*исп.*).

Махукутах почувствовал, как по позвоночнику проскребли маленькие острые коготки. Холодной Дырой называлось место из бабушкиных сказок. У колдунов ведь тоже бывают бабушки, рассказывающие сказки, в том числе и страшные. Бабушка Махукутаха, которого тогда звали просто Хуан, иногда упоминала о Холодной Дыре как о месте, где похоронена самая страшная колдунья из всех, что когда-либо жили на земле.

– Она была из рода Сестер Смерти – далеко на юге, на острове посреди большого озера, стоит храм этих Сестер, храм, построенный еще в те времена, когда на свете и людей-то не было, – говорила бабушка.

– А кто ж его построил, храм-то, – спрашивал маленький Хуан, – если людей не было?

– Думаешь, только люди горазды строить? – уклонялась от ответа бабушка. – Теперь уж его не отыщешь, а раньше к нему порой приходили храбрецы, да только мало кто возвращался…

В бабушкиной сказке колдунью брал в плен отважный воин из народа киче. Плененная колдунья выполняла все его приказы, помогала избавиться от врагов, но потом хитростью насылала на народ киче страшное проклятие. А поскольку убить ее было нельзя, то воин запирал ее в каменном склепе глубоко под пирамидой, где колдунья и сидела с тех пор – живая и жутко злая. Каменный склеп этот и назывался Холодной Дырой.

Маленький Хуан часто видел Холодную Дыру в детских снах. А когда подрос и стал учиться у колдуна, узнал, что бабушкина сказка – искаженная легенда о великом маге Два Тростника, Слуге Болон Окте, и его воспитаннике, молодом правителе из рода Ягуаров.

Но даже узнав это, даже став самым сильным колдуном во всем Чьяпасе, Хуан не предполагал, что настанет день, когда он возьмет имя Махукутах и отправится на поиски Холодной Дыры сам.

Случилось, однако, так, что глупцы-гринго незамеченными проникли в запретное место и каким-то образом разбудили спящее проклятие. Племя, жив-

шее неподалеку от Холодной Дыры, гналось за ними по пятам и уничтожило почти всех. Однако двоим удалось ускользнуть – они бежали в Эстадос Унидос морем и унесли с собой семена древней заразы. Может быть, и хорошо, что их сразу же выгнали за пределы Мексики – во всяком случае в первые годы эпидемии, уничтожавшей богатые города на севере, здесь все было спокойно. Но потом... потом в отдаленных селениях, затерянных в лесах, люди начали сходить с ума. Каким образом, почему? Никто не знал. На севере были непроницаемые кордоны армии и ООН, оттуда не мог проникнуть в Мексику никто, что бы там ни болтал глупый староста о специальных отрядах прокаженных. А зараза как будто просачивалась из-под земли. Пока она не трогала города, и это было счастье, потому что в двадцатипятимиллионном Мехико-Сити эпидемия безумия могла стать разрушительнее атомной бомбы. Когда Веселая Смерть добралась до Гватемалы, старейшины решили призвать на помощь колдунов.

Их было четверо – по одному от каждой стороны света. Каждый взял себе имя героя-первопредка, записанного в священной книге Пополь-Вух. Только один Гватемалец не стал называться другим именем, хотя по правилам надо было ему взять имя Балам-Киче. Но то ли он был слишком горд, чтобы следовать старым традициям, то ли считал, что без имени ему будет безопаснее. Старейшины поворчали, но не их дело – указывать колдуну, как ему поступать. Если колдун допустит ошибку, отвечать за нее придется не перед людьми, а перед самим Болон Окте.

Колдуны собрались в маленьком селении, затерянном в горных ущельях Гватемалы. Селение это стояло на костях древнего города, о котором ничего не знали археологи-гринго. Город был древним еще в те времена, когда здесь появились предки народа майя, и все его постройки ушли глубоко в землю. Но сила священного места до сих пор чувствовалась здесь, и потому

те, кто видит глубинную суть вещей, почитали эту ничем не примечательную с виду деревеньку.

– Вы – Слуги Болон Окте, – сказали старейшины колдунам. – Болон Окте дает вам силу.

– Силу дают нагуали, – возразил Балам-Акаб. – Болон Окте слишком далеко.

– Нет, – покачал головой один из старейшин, – Болон Окте близко. Предки предупреждали о его приближении.

Он достал откуда-то мятый лист бумаги с отпечатанным на дешевом принтере текстом.

«Закончится тринадцатое четырехсотлетие в день 4 Ахау 3 числа месяца К'анк'ин, случится тьма и нисхождение Болон Окте»[1].

– Этот день настал и прошел, – неприятным голосом сказал Ики-Балам. – Два года назад.

– Если бы Болон Окте сошел с небес, – добавил Балам-Акаб, – мир бы содрогнулся. Как содрогнулся он много тысяч лет назад, когда произошло первое Нисхождение.

– Он содрогнулся, только вы этого не заметили, – горько сказал старейшина.

– В тот день смерть коснулась Эстадос Унидос. – Старый индеец потряс листком, как будто это могло кого-то убедить. – То был ваш хозяин, Болон Окте. Мы не противились, потому что это не касалось нашего народа. Но теперь все изменилось. Болезнь убивает индейцев, как когда-то в прежние времена. Идите и молите Болон Окте, чтобы он отвел свою руку от нашего народа. Пусть губит гринго, если желает, но оставит в покое нас.

– Великий Губитель никогда не отводит руку, занесенную для удара, – мрачно ответил Балам-Акаб.

– Тогда есть ли смысл в вашем существовании? – спросил другой старейшина.

Гватемалец, до того молчавший, холодно усмехнулся:

---

[1] Текст на Монолите 6 из Тортугеро.

– Больше, чем в твоем, Эль Вьехо[1].

– Возможно. Но сейчас пришла пора это доказать. Мы просим вас исполнить то, о чем говорится в старых книгах. Если придет беда, Слуги Болон Окте должны отправиться в место, называемое Холодной Дырой, и молить своего владыку о милосердии.

– Отличное место для милосердия, – хрипло засмеялся Ики-Балам.

– Мы просим вас.

Колдуны молчали. Махукутах чувствовал, что надо как-то ответить, но как? «Мы согласны»? «Мы подумаем»? А кто он такой, чтобы говорить за всех?

И пока он раздумывал, за всех ответил Гватемалец.

– Пять тысяч долларов, – сказал он. – На каждого.

Ночью они долго спорили. Балам-Акаб считал, что даже если старейшины наскребут требуемую сумму, выполнить их просьбу все равно не получится.

– Это бессмысленно, – говорил он. – Эти глупцы не понимают, что Владыка не станет нас слушать. У каждого из нас хватает забот в своих родных местах. Надо было отказаться, Гватемалец.

– Иди и откажись, – буркнул южанин. – А я заберу твою долю.

Двадцать тысяч новых мексиканских долларов – большие деньги. На следующий день трое вооруженных индейцев на стареньком мини-вэне отправились в ближайший город и сняли все средства со счетов трех сельских общин. Когда они привезли деньги, никто из Четверых не нашел в себе сил отказаться.

Теперь, в двух шагах от Холодной Дыры, Махукутах думал о том, что не такая уж это огромная сумма, чтобы рисковать ради нее своей жизнью.

Но дело, конечно, не только в деньгах. Репутация гораздо важнее. Вернуться с поджатым хвостом, как

[1] El viejo – старик (*исп.*).

побитая собака, – и прожить остаток жизни с клеймом колдуна-неудачника. Махукутах видел таких. Позорное, унизительное зрелище. И совсем другое дело – снискать славу мага, остановившего руку Болон Окте.

Вот только Балам-Акаб был прав.

Остановить руку Болон Окте невозможно.

Храм был похож на оплывшую земляную гору. Склоны горы густо поросли кустарником, напоминавшим темно-зеленую шкуру огромного зверя. Метрах в десяти от земли шкура была подпорчена большой черной подпалиной – прямоугольником вырубленных и сожженных кустов.

– Работа гринго, – презрительно фыркнул Ики-Балам.

Присмотревшись, Махукутах разглядел уходившую в глубь земляной горы нору – наспех выкопанный тоннель, укрепленный деревянными подпорками. Рядом валялась расколотая пополам каменная плита. Сквозь трещину успели пробиться жесткие колючие метелки енотовой травы. Махукутах наклонился, разглядывая плиту – по краям ее видны были сколы, тут кто-то поработал ломом, причем не особенно заботясь о сохранности древнего монолита.

– Это гробница, – сказал Балам-Акаб. – Проклятие Веселой Смерти было спрятано в ней, и гринго вынесли его наружу.

Четверо переглянулись. В тоннель не хотелось лезть никому.

– Это не то место, – неожиданно произнес Гватемалец.

– Как это – не то? – подозрительно прищурился Балам-Акаб.

– Не то, и все. – Гватемалец подошел к плите и выразительно сплюнул на нее. – Просто яма в груде старых камней. Можете залезть туда, если хотите, – там нет ничего, кроме заплесневелых костей.

Почему-то после этих слов Махукутах испытал облегчение.

Солнце склонялось к закату, и от пирамиды тянулась, удлиняясь на глазах, холодная тень.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Ики-Балам.

– Мой нагуаль сказал мне, – ответил Гватемалец и усмехнулся. – Ваши, я вижу, молчат.

Это уже было похоже на оскорбление, и Балам-Акаб не выдержал.

– Можно подумать, ты болтаешь со своим нагуалем по мобильному.

– Нет, – усмешка Гватемальца стала еще более неприятной, – просто я, в отличие от вас, не шарлатан.

Прежде чем Балам-Акаб успел сообразить, что его оскорбили еще раз, Гватемалец круто развернулся и зашагал в сторону леса.

– Эй! – крикнул ему в спину Балам-Акаб, но Гватемалец даже не обернулся.

Он отсутствовал не меньше часа. За это время солнце уже успело спрятаться за стену леса, и развалины мертвого города окутали темно-фиолетовые сумерки. В этих сумерках коренастая фигура колдуна показалась Махукутаху ожившим деревом.

– Я нашел Холодную Дыру, – сообщил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Она там, в руинах старого дворца.

– Ты уверен? – осторожно спросил Махукутах.

Гватемалец на него даже не посмотрел.

– Сейчас мне надо пожрать, – сказал он. – Разведите, что ли, костер да поджарьте ветчину.

– Послушай, – голос Балам-Акаба звучал почти вкрадчиво, – тебе не кажется, что ты слишком раскомандовался?

Гватемалец хмыкнул и вытащил из своего рюкзака банку консервов.

– Мне вообще все равно, Ese[1]. Я собираюсь заработать немного денег. Я могу сделать это один, но тогда заберу все harina[2] себе. Если считаешь, что можешь найти

[1] Ese – парень (*мекс. сленг*).

[2] Harina – деньги (*мекс. сленг*).

Холодную Дыру сам, спуститься туда, сладить с мертвой старухой и предстать перед Болон Окте, – валяй. Только скажи своим дружкам, чтобы они позаботились похоронить тебя – я этой фигней заниматься не стану.

– Вот что, – сказал Ики-Балам, подходя к Гватемальцу со спины. В руках у него была тяжелая дубинка, которую он вырезал, ожидая возвращения южанина. – Ты, конечно, крутой, но нас трое, а ты один. Пора преподать тебе урок, Borraja[1].

Пока Гватемалец лазил по джунглям, они договорились, как будут действовать. Балам-Акаб схватил южанина за руки, Махукутах подсек ему ноги, а Ики-Балам взмахнул дубинкой.

И замер, не успев опустить ее на голову наглеца.

По поляне раскатился громовой рев.

Махукутах дернул головой, чтобы увидеть источник звука, и едва не обмочился от страха.

В десяти шагах от них стоял огромный ягуар, черный, как беззвездное небо.

– Слушайте меня внимательно, – сказал Гватемалец. – Я спущусь в склеп первым. Вы пойдете за мной только после того, как я крикну «можно!». Если вы ничего не услышите, бегите отсюда.

Он немного подумал.

– Или оставайтесь, мне все равно. Но если я все-таки крикну, вы должны спуститься и сесть по углам склепа. Потом каждый из вас попытается позвать своего нагуаля.

Махукутах вздрогнул. Его нагуалем был небольшой мирный опоссум, которому вряд ли понравится соседство с жутким ягуаром Гватемальца. Махукутах никогда не слышал о том, чтобы ныне живущие колдуны имели таких огромных и мощных нагуалей. Быть может, раньше, во времена, когда в этом городе жил легендарный Два Тростника…

[1] Borraja – задница (*лат.-ам. сленг*).

– Когда это произойдет, вы должны попросить у своих нагуалей ключи, – продолжал Гватемалец. – Взяв их, вы сообщите об этом мне. Тогда я сделаю так, что вы увидите дверь. В двери четыре замочные скважины. Очень важно, чтобы вы открывали замки по очереди. Начнешь ты, толстый.

Балам-Акаб шумно сглотнул слюну, но ничего не сказал. После неудачной попытки проучить южанина, едва не закончившейся гибелью трех колдунов, никто больше не осмеливался возражать Гватемальцу.

– Потом ты, Хрипун, – Гватемалец ткнул пальцем в сторону Ики-Балама. – Третьим ты, Чико.

Махукутах обреченно вздохнул. Он действительно был самым младшим из Четверых.

– Когда дверь откроется, я уже ничем не смогу вам помочь. – Гватемалец вытащил из кармана армейскую фляжку, отвинтил крышку и сделал большой глоток. – Если Болон Окте захочет разорвать вас на куски, значит, так тому и быть.

«А если он разорвет тебя?» – подумал Махукутах.

– Тот, кто останется жив, заберет все деньги. – Гватемалец с сожалением потряс опустевшую фляжку. – Это все, что я хотел вам сказать. А теперь пошли.

Все было в состоянии безвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто. Не было ничего, что существовало бы, что могло иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание[1].

Махукутах дрожал в темноте и холоде подземелья, повторяя про себя первые строки священной книги. Где-то рядом находились другие Слуги – он хорошо

[1] Пополь-Вух – священная книга индейцев-киче.

слышал прерывистое астматическое дыхание Ики-Балама, – но тьма вокруг была такой непроницаемой, что чувство одиночества давило на Махукутаха, как тяжеленная каменная плита. Если бы не маленький теплый нагуаль, угнездившийся у него на коленях, было бы совсем жутко. С другой стороны, где-то здесь, в темноте, скрывался и чудовищный ягуар Гватемальца. И осознание этого наполняло душу Махукутаха трепетом.

Только ничего не понимающие в колдовстве люди могут воображать, что магу неведомо ощущение страха. На самом деле страх – это чувство, которое посещает мага чаще прочих. Нельзя без страха заглядывать за грань бездны – а колдуны и маги все время балансируют на этой грани.

Пальцы Махукутаха сжимали ключ, принесенный нагуалем. На ощупь ключ был похож на длинный закругленный кремень – такой же гладкий и теплый. Кремень никогда не бывает холодным, потому что в нем заключена сущность огня. Махукутах понятия не имел, куда ему нужно вставить ключ: никакой двери перед собой он пока не видел. Откуда же она появится?

Тьма вокруг вдруг уплотнилась, стала почти осязаемой. Откуда-то ударил сильный порыв ветра, принесший с собой шум больших крыльев.

– Посланцы Шибальбы, – прошептал Махукутах.

В священной книге говорится о четырех посланниках подземного царства Шибальбы, преисподней, где властвуют жестокие боги, владельцы посохов из человеческих костей. У этих посланников вид сов, и имена их Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Какиш-Тукур и Холом-Тукур. Чаби-Тукур быстр, как стрела, у Хуракан-Тукура только одна нога, но есть крылья; у Какиш-Тукур красная спина, а у Холом-Тукура есть только голова, а ног нет. Каждый Слуга Болон Окте хотя бы раз в жизни видел этих ужасных сов с человеческими лицами и помнит леденящий взгляд их огромных немигающих

глаз. Махукутаху потребовалась вся выдержка, чтобы не упасть ниц, уткнувшись лбом в холодный каменный пол.

Но никаких сов он не увидел. Темнота с треском разошлась, как разрывается черный холст, и из разрыва выглянул желтый, лоснящийся от жира череп старухи с приклеенными к вискам длинными седыми космами.

– Вот и Черная Дверь! – крикнул невидимый Гватемалец. – Давай, Жирный, вставляй свой ключ в левую глазницу!

– Malparido![1] – воскликнул Балам-Акаб.

Что-то зазвенело, на мгновение в одной из глазниц черепа сверкнул кроваво-красный отблеск, отпечатавшийся на сетчатке глаза Махукутаха.

– Теперь Хрипун! – скомандовал Гватемалец. – В правую глазницу!

Ики-Балам завозился в своем углу. Громыхнула цепь.

«Следующий – я! – мелькнуло в голове Махукутаха. – Нужно будет дотронуться до этого черепа!»

– Малыш! Вставляй свой ключ старой хрычовке в рот!

Лучший колдун Чьяпаса протянул кремневый ключ и попытался засунуть его между челюстей черепа. Это оказалось непросто – они были крепко сжаты, – но Махукутах озверел и нажал сильнее. Несколько зубов вылетело и с костяным стуком упало на пол; ключ проскользнул в образовавшуюся дыру и канул в неизвестность.

«Я сделал это! – подумал Махукутах. Руку жгло адским холодом, как будто он подержал ее в банке с жидким азотом. – Никто не посмеет теперь сказать, что я струсил или отступил с полдороги...»

– Ну, и последний ключ, – хохотнул Гватемалец. Он вдруг оказался совсем рядом с Махукутахом,

[1] Труднопереводимое испанское ругательство.

в руке у него был небольшой топорик. Взмах блестящего лезвия – и топор вонзился прямо в темя старухи. Нижняя челюсть черепа отвалилась, и в уши Махукутаха ударил пронзительный, нечеловеческий вопль.

– Добро пожаловать в Дом Мрака, – проговорил Гватемалец, вытирая топор о штаны.

Череп рассыпался с мягким шелестом, словно был слеплен из песка. На его месте закрутилась, все расширяясь, воронка плотного воздуха. Там, с той стороны воронки, находилось непредставимое для смертного обиталище Великого Губителя, Черного Владыки, Болон Окте.

На миг перед глазами Махукутаха мелькнула огромная, в два человеческих роста, фигура с четырьмя мощными, мускулистыми руками и толстой, как бочонок, грудной клеткой. Видно, это был один из демонов, охранявших дорогу к обиталищу Болон Окте. Но прежде чем Махукутах успел как следует рассмотреть грозного демона, воронка коснулась колдуна и поглотила его.

Он оказался в месте, для которого не существовало названия в человеческом языке. Пространство, отдаленно напоминающее исполинскую пещеру, со стенами из темного бархата, подсвеченными серебристыми звездочками. Здесь было очень холодно. Махукутах чувствовал чье-то присутствие, но никого не видел. Куда ни посмотри, только темный бархат и серебряные звезды.

– Шибальба, – пробормотал Махукутах.

Звук его голоса раскатился по темно-фиолетовому пространству, колыхнув тяжелые завесы тьмы.

– Нет, – возразил кто-то рядом. – Слишком шикарно для преисподней. Скорее одно из тринадцати небес.

Махукутах повернул голову и увидел Гватемальца. Удивительно, но южанин тоже выглядел напуганным. Может быть, потому что рядом с ним не было нагуаля-ягуара?

– Где остальные? – прошептал Махукутах.

Гватемалец огляделся.

– Они не смогли пройти сквозь дверь, – решил он наконец. – А может, их разорвали на куски привратники... Даже странно, что ты здесь, Малыш. Не ожидал от тебя.

Прежде чем Махукутах успел преисполниться гордости, Гватемалец вдруг больно ущипнул его за руку.

– Ты что? – возмущенно воскликнул Махукутах.

– Смотри! Это сам Великий Губитель!

В глубине фиолетового пространства заколыхалась черная тень. Махукутах, чувствуя, как слабеют колени, непроизвольно отступил на шаг назад.

– Стой на месте! – зашипел Гватемалец. – И не смей скулить – Владыка ненавидит трусов!

Тень приблизилась, обрела четкие очертания. Махукутах охнул от неожиданности. Болон Окте, Черный Владыка, Дуновение Смерти почему-то принял вид... девушки-гринго!

У Болон Окте были длинные светлые волосы и разноцветные глаза – зеленый и синий. Бог был одет в черный комбинезон, наподобие тех, что носят бойцы отрядов специального назначения. Комбинезон выглядел настолько обыденно, что Махукутах даже засомневался, не перепутал ли он Владыку с живой девушкой, неизвестно как оказавшейся в этом странном месте. Но, взглянув в лицо Болон Окте, убедился, что это действительно аватар бога – кожа девушки была прозрачной, как дымчатое стекло, сквозь которое просвечивали голубоватые прожилки.

– Кто вы? – спросил Болон Окте приятным девичьим голосом.

– Мы – твои слуги, Владыка, – охрипшим от волнения голосом ответил Гватемалец. – Разве ты не помнишь меня?

«Ага, – подумал Махукутах, – значит, Гватемалец уже встречался с Великим Губителем прежде!»

Бог в облике девушки удивленно поднял тонкие брови.

– Вы – мои слуги? – озадаченно повторил он.

– Мы пришли молить тебя о милости, Великий Губитель…

– Почему вы обращаетесь ко мне как к мужчине? – перебил его Болон Окте.

Гватемалец смешался. В других обстоятельствах Махукутах испытал бы злорадное удовлетворение, но сейчас ему было не до того.

– Прости, Владыка… твои слуги слишком напуганы… если ты желаешь, мы будем обращаться к тебе как к женщине…

В разноцветных глазах бога мелькнуло нетерпение, и Махукутаху захотелось зажмуриться от страха.

– Как вы попали сюда и что вам нужно? – сердито спросил Болон Окте.

– Мы прошли через Черную Дверь, Владыка. Мой нагуаль сказал, что она откроется в том месте, где была похоронена заживо старая Сестра Смерти…

Болон Окте нахмурился еще больше. Потом пробормотал что-то на непонятном Махукутаху языке.

– Так это вы выпустили в мир вирус Армагеддона? – спросил он голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

Махукутах окончательно запутался. Что происходит? Играет с ними Великий Губитель, что ли?

– Нет, Владыка, – опустив взгляд, проговорил Гватемалец. – Твое проклятие выпустили в мир сумасшедшие гринго. Мы лишь хотели молить тебя отвести руку от народа киче. Пусть гринго вымрут все до единого, нам их не жаль. Но киче всегда были твоими верными слугами…

– И цоцили тоже, – вставил Махукутах. – Умоляем тебя, прости наши народы!

Но бог, похоже, разгневался не на шутку.

– И вы посмели явиться ко мне с такой пустяковой просьбой? – крикнул он.

У Махукутаха подкосились ноги, и он упал на колени. Гватемалец, белый как снег, попятился.

– Вы – ничтожные насекомые! – загремел бог. От того, что голос его оставался девичьим, было еще страшнее. – Вы заботитесь лишь о благополучии своих племен, не думая о том, что болезнь может уничтожить весь мир!

– Но, Владыка, – дрожащим голосом возразил Гватемалец, – ты ведь сам создал Веселую Смерть на погибель роду людскому...

– А ты что, умеешь читать мои мысли? – ехидно осведомился Болон Окте. – Или знаешь наперед все мои замыслы?

– Конечно нет! Я бы никогда не осмелился...

– То-то! – оборвал его бог. – Значит, вы хотели бы, чтобы вирус Армагеддона уничтожил все человечество, кроме ваших народов...

Он еще раз удивленно оглядел обоих колдунов с ног до головы. «А вдруг это не Болон Окте?» – мелькнула у Махукутаха крамольная мысль. За всю свою карьеру колдуна он ни разу не видел Бога Смерти воочию, только чувствовал его давящее присутствие. Здесь же никакого давления не было в помине – напротив, облик разноглазой девушки наводил на совсем не божественные мысли.

– Что ж, – задумчиво произнес Великий Губитель, – видно, придется вам хоть раз в жизни совершить коечто полезное. Ждите здесь.

Повернулся и исчез, словно растворившись в густых фиолетовых тенях. Махукутах и Гватемалец переглянулись.

– Я видел Владыку трижды. – Гватемалец облизнул пересохшие губы. – В первый раз он был как грозовая туча, закрывающая небо. Во второй – как штормящее безбрежное море. В третий – словно застывшая золотая молния. Но девушка... я ничего не понимаю...

– Может быть, это не он? – робко предположил Махукутах.

Гватемалец решительно мотнул головой.

– Черная Дверь ведет только в одно место, – сказал он. – В обиталище Великого Губителя.

Они еще пошептались, боясь сказать что-нибудь лишнее, – им казалось, что вокруг, за завесами темного бархата, скрываются невидимые шпионы. Потом Махукутах осторожно поднялся на ноги и отряхнул свои камуфлированные брюки.

– Мне кажется, он про нас забыл.

И тут же почувствовал, как что-то коснулось его плеча.

– Вы вернетесь домой, – сказал неслышно подошедший сзади Болон Окте. – А потом отправитесь на север, туда, где свирепствует болезнь.

Он протянул к Гватемальцу руку. На узкой девичьей ладони бога поблескивал тонкий металлический диск.

– Если вы и вправду мои верные слуги, – сказал Болон Окте, – вы отнесете это человеку, который сможет сделать добро из зла. Тогда ваши народы будут спасены.

– Что это за человек? – спросил Гватемалец. – И как мы его найдем?

– Это человек, у которого много лиц, – ответил бог. – А найдете вы его в городе Соленого Озера, когда над ним взойдет Солнце Смерти.

В Америке бывают трудные времена. Но мы переживали трудные времена в прошлом и, как я надеюсь, обязательно постараемся пережить их в будущем.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Карты на стол

– Это все фальшивка! – снова прокричал Вессенберг, не поднимаясь с колен и обернув к Гумилеву перекошенное лицо. – Вся эта Зона Пятьдесят один – надувательство! Мы зря летели сюда, зря рисковали! Нас всех обманули!

Гумилев опустил руки. По растекшейся зеленой жидкости медленно плыл, разворачиваясь, извлеченный из резиновой утробы «пришельца» газетный комок с явственно видной шапкой «Лос-Анджелес таймс» и датой – «15 октября 1957 года».

– Любопытно, – бесстрастным тоном произнес Решетников, присаживаясь на корточки. – Шестьдесят лет, стало быть, этому кукольному театру... А ведь были люди, которые нечто подобное подозревали.

– Что ты имеешь в виду? – мрачно спросил Гумилев, поддевая носком ботинка кусок поролона.

Тот откатился в сторону и развернулся в длину, словно белая гусеница.

– Да то, что все здесь – липа. Сверхсекретный объект, который стоило придумать – на страх и зависть врагам, тому же Советскому Союзу, на потребу налогоплательщикам, которые втайне верили, что на их кровные денежки здесь исследуют инопланетные технологии, призванные служить процветанию Америки... В конце концов, показывать президентам – как окончательное свидетельство их величия и всезнания. Тот же Клинтон так активно отрицал существование

секретных лабораторий в Зоне Пятьдесят один, что стало ясно – дыма без огня не бывает, коли уж сам президент так забеспокоился. А его сюда возили, это мы точно знаем. И, видимо, показали весь этот кружок «Умелые руки».

– Черт с ними, с фальшивыми инопланетянами, – в сердцах сказал Гумилев. – Как выбираться будем?

– Я согласен с Миллерсом – вряд ли они справятся с дверью. Повозятся и бросят. Поэтому рекомендовал бы искать другой выход.

– Полагаешь, он здесь есть?

– Ну, если бы это были настоящие инопланетяне – то вряд ли. А с учетом того, что здесь все фальшивое, – запросто. Кто ищет, тот всегда найдет.

Эстонец тем временем взобрался на металлический стол и сел там в позе лотоса, уставившись в одну точку. Судя по всему, Вессенберг переживал крушение надежд всей его сознательной жизни, и Гумилеву стало даже немного жаль ученого. Медитирует, бедняга, в себя ушел... То ли дело Миллерс – этот не унывал, а деловито возился в разбитой панели экстренного закрытия дверей. Пытался соединить какие-то проводки, бормоча себе под нос. То ли напевал, то ли ругался. То ли напевал что-то ругательное.

– Антон, брось ты это дело, – велел Гумилев. – Они, скорее всего, ждут нас с той стороны. Как минимум несколько человек оставили на всякий случай. Вдруг откроешь – начнут палить, все здесь и поляжем, словно куропатки... Будем искать другой выход, вот Константин Кирилыч дело говорит.

– А с этим что? – осторожно спросил Миллерс, кивая на безмолвного эстонца. – Он, часом, умом не повредился?

– Пусть пока сидит, не мешает же. Думаю, с ним все в порядке, переживает просто.

Втроем они принялись обшаривать огромное помещение в поисках вентиляционной шахты или запасного выхода. Однако ничего даже отдаленно похожего

в «кукольном театре» не обнаруживалось. С горя Гумилев пнул капсулу с плавающим внутри фальшивым инопланетянином, ушиб ногу, чертыхнулся и увидел кота.

Кот был давешний, рыжий и ободранный, с бандитской рожей. Он сидел на полу, закинув заднюю ногу за ухо, и сосредоточенно мыл брюхо языком. Почувствовав взгляд Гумилева (а коты это таинственным образом умеют), кот вздохнул и прекратил гигиенические процедуры, уставившись на человека.

– Кот, – растерянно произнес Андрей.

– Что? – не расслышал Решетников, пытавшийся открыть дверцу какого-то распределительного щита.

– Это же кот! – воскликнул Гумилев. – Я этого рыжего кота уже видел наверху, в коридоре базы. Приметный такой... Как он сюда попал?!

– Может, вместе с нами проскочил, – предположил Миллерс, с интересом разглядывая животное.

Кот встал на лапы, потянулся и хрипло мяукнул.

– Да ну. Так следом и шел, получается? Да и не видел я здесь никакого кота... Говорю же – приметный, яркий.

– Я тоже не видел, – подтвердил Решетников. – Кс-кс-кс!

Кот снова мяукнул и побежал куда-то вдоль стены.

– За ним! – поспешно крикнул Гумилев.

Впрочем, кот не торопился, он даже иногда останавливался на мгновение и оглядывался, чтобы проверить, не отстают ли люди. Люди не отставали, и кот привел их к едва заметной щели в стене. Юркнул туда, многозначительно мяукнув в последний раз, и исчез.

– Какой-то технический лаз, – со знанием дела сообщил Миллерс, осмотрев отверстие. – По-моему, можно отодвинуть вот этот лист. Сейчас попробую.

Безопасник решительно ухватился за край и с силой потянул. Вначале лист не поддавался, затем неожиданно со скрежетом отъехал в сторону, открывая квадратный проем шириной почти в метр.

Гумилев опустился на колени рядом с Миллерсом, заглянул внутрь, но ничего в темноте не увидел и включил фонарик на шлеме.

Коридор уходил вдаль, поворачивая затем под прямым углом вправо. Пол его был припорошен серой пылью, в которой отчетливо виднелись мелкие следы кошачьих лапок.

– Давайте, я слазию… то есть слажу… ну, в смысле, один схожу, Андрей Львович, чтобы проверить, чего там, – предложил Миллерс. – Вдруг тупик? Чего всем кагалом туда лезть?

– Давай, Антон, – согласился Гумилев.

Миллерс полез в проем и довольно шустро скрылся за поворотом. Слышно было, как он удаляется, громко пыхтя. Гумилев и Решетников переглянулись.

– Что-то они тут намудрили, эти американцы, – задумчиво пробормотал Решетников.

– Не рой другому яму, – вяло сказал Вессенберг, который неслышно слез со стола, подошел и стоял, прислонившись к стене чуть поодаль. Вышел, видать, из своей медитации.

– Что? – переспросил Решетников.

– Индро Юльевич у нас любит говорить пословицами, – пояснил Андрей.

Эстонец хотел что-то ответить, но тут из отверстия выполз Миллерс.

– Там комната, – деловито сообщил он, поднимаясь с колен и отряхиваясь от лохматых ошметков пыли. – Я дальше смотреть не стал, но вроде бы какой-то пост управления, все работает, свет горит… Несколько дверей, куда ведут – не проверял. Давайте за мной, Андрей Львович, вместе и разберемся.

– Видал, Кирилыч?! – с улыбкой кивнул Гумилев. – Командуют как хотят.

– Вы, Андрей Львович, зря шутите, – сказал Миллерс с некоторой обидой. – Это в другое время вы для меня начальник, а сейчас я за вас полностью отвечаю как сотрудник службы безопасности. Чего с вами слу-

чится – век себе не прощу. А уж Санич вообще башку с меня снимет и страшно сказать, куда приделает.

– Да ладно, ладно. Лезу я, лезу, – не стал спорить Гумилев, мимолетно подумав: «Эх, где сейчас тот Санич?!» Повернулся к эстонцу: – Индро Юльевич, вы с нами или пока здесь останетесь?

– С вами, разумеется, – мрачно произнес Вессенберг. – Здесь мне делать нечего.

– Вот и верно, – согласился Гумилев. – Вот и правильно. Тогда давайте-ка за Миллерсом, а там и мы с Константином Кирилычем.

Эстонец, ничего не говоря, скрылся в отверстии следом за Миллерсом. Гумилев помахал рукой Решетникову и сказал:

– До встречи на той стороне.

Почему-то Андрей почувствовал некоторое облегчение, когда обнаружил, что его надули. Может, успокоило то, что до него надули еще тысячи и десятки тысяч людей, причем далеко не последних. Может, то, что нашелся хотя бы какой-то выход, а значит, ситуация могла наладиться. Конечно, Гумилева волновало, что происходит с его людьми, оставшимися в лапах у Роулинсона, но он надеялся, что с ними все в порядке. При всей своей зловещей сущности полковник не производил впечатления идиота. Впрочем, таких людей как раз нужно опасаться куда больше, чем тех, кто на идиота похож с первого взгляда…

Помещение, куда выбрался в итоге Гумилев, в самом деле скорее всего являлось резервным постом управления. Огромные пульты помигивали огоньками, где-то гудели мощные вентиляторы, под низким потолком горели красноватые тусклые лампы. Миллерс уже возился с приборами, разбираясь, что к чему. Вессенберг с безучастным видом стоял рядом.

В противоположной стене Гумилев увидел несколько бронированных дверей.

– Попробую открыть, – тут же доложил Миллерс, деловито щелкая тумблерами.

– А где кот? – вдруг вспомнил про своего хвостатого проводника Андрей.

В самом деле, если кота в комнате нет, куда-то же он подевался?

– Кот вон туда шмыгнул, – показал пальцем Миллерс. – Там вентиляция, но труба очень узкая. В самый раз для кота. Человеку не протиснуться никак.

Вылезший из дыры Решетников тут же отправился помогать Миллерсу. Вессенберг огляделся и сел в ближайшее кресло с колесиками, подкатив его к себе ногой. В этот момент дальняя из дверей неожиданно с грохотом и лязгом открылась, и на пороге показался бородатый человек в замызганном лабораторном халате и совершенно неуместном в сочетании с ним армейском кевларовом шлеме. В руках человек держал огромный автоматический двенадцатимиллиметровый дробовик АА-12, весьма жуткую в ближнем бою штуку.

– Руки вверх! – громко крикнул бородач. – Кто вы такие?!

Гумилев решил, что врать бесполезно, к тому же человек с дробовиком не походил на головорезов полковника Роулинсона. Зато весьма смахивал на сумасшедшего, которых, как известно, лучше не раздражать.

– Мы представители специальной миссии ООН, – мирно сказал Андрей, поднимая руки. – Сюда попали случайно, потому что базу захватили террористы. Вот, пытаемся найти выход.

– Террористы... – с сомнением пробормотал бородач, поглаживая круглый магазин дробовика. – Что, черт возьми, вообще там произошло?! Я здесь сижу уже два года... или три года?! Откуда взялись террористы? Какая еще миссия ООН?

– Может быть, вы уберете свою гаубицу и мы побеседуем в более приятной обстановке? – предложил Гумилев, с тревогой отметив, что Миллерс, кажется, уже прикидывает, не бросить ли в бородатого незнакомца стулом.

Он не ожидал, что человек в шлеме согласится, рассчитывая всего лишь выиграть время и отвлечь внимание бородача. Но тот неожиданно кивнул.

– М-да... В самом деле, коммуникативность в этом случае наладится, вы правы. – Бородач хмыкнул и повесил дробовик на плечо, словно простое охотничье ружье. – Меня зовут Штреллер, доктор Захария Штреллер.

– Андрей Гумилев. – Гумилев пошел навстречу доктору, вглядываясь в его лицо и протягивая на ходу руку. Штреллер явно был не в себе: глубоко запавшие глаза тревожно поблескивали, кончик острого хрящеватого носа подергивался, словно принюхиваясь. Длинная спутанная борода свисала до самого живота, напоминая портреты Льва Толстого. – А это господа Решетников, Миллерс и Вессенберг.

Руку Гумилева доктор пожал с осторожностью, хотя две явно нерусские фамилии его еще более успокоили.

– Специальная миссия ООН, надо же, – покачал головой Штреллер и снял шлем. Повертев в руке, бросил на пол, шлем с грохотом откатился куда-то в угол. – Стало быть, ООН еще существует?

– Разумеется, существует. Вы не имели никакой связи с внешним миром с тех самых пор, как базу законсервировали?!

– Прозвучал сигнал тревоги... – Доктор наморщил лоб, пытаясь восстановить события в деталях. – Я как раз пришел на дежурство, когда прозвучал этот сигнал... Двери автоматически закрылись, я сделал все, что должен был сделать по инструкции, и принялся ждать особых распоряжений. Их не последовало. Жду до сих пор.

– Но как вы продержались столько времени? – недоверчиво спросил Решетников, снова занявшийся возней с пультом управления.

– Здесь есть резервный продовольственный склад, генераторы по-прежнему работают, насосы качают воду

из подземной реки... Что все же случилось? Ядерная война? Но датчики показывают, что уровень радиации наверху хоть и повышен, но все же не так высок, как должно было быть после атомной бомбардировки...

Гумилев вкратце рассказал доктору об эпидемии и о том, что происходило после нее на Закрытой Территории. Штреллер сокрушенно качал головой, изредка переспрашивал, словно не в силах поверить услышанному, нервно барабанил пальцами по прикладу дробовика.

Когда Андрей закончил повествование, доктор сказал:

– Почему-то я не удивляюсь. К этому все и шло, мир катился в пропасть.

– А как получилось, что вы оказались здесь совершенно один, мистер Штреллер? – уточнил Решетников.

– Изначально я был не один. Со мной был лейтенант Форсайт, но он застрелился спустя пару недель. Мне пришлось... э-э... утилизировать его труп.

Гумилев не стал интересоваться, как именно добрый доктор это сделал. Не съел, наверное, и ладно.

– Видите ли, лейтенант хотел выбраться наверх, у него там осталась семья... Но выбраться не мог, – пояснил Штреллер. – А вообще это уровень с особым доступом, здесь всегда находилось меньше сотрудников, чем на других. Простите, но почему вы спрашиваете? Разве вы не в курсе? Я полагал, что, как представители специальной миссии ООН, вы согласовали все нюансы с правительством Соединенных Штатов... – неожиданно забеспокоился доктор.

– Я же говорил: базу захватили террористы, – напомнил Гумилев.

– Ах да... Запамятовал. И что же вы собираетесь делать, сэр?

– Мы собираемся открыть двери, – ответил за Гумилева Миллерс. – Но тут все запаролено к чертовой матери, поэтому пока ничего не выходит. Может быть, вы, доктор, нам поможете?

– Давайте сперва перекусим, – радушно предложил Штреллер, – а потом уже я постараюсь решить вашу проблему.

– В самом деле, – кивнул Гумилев, – отчего бы нам и не перекусить?

Андрей понимал, что сейчас нужно следовать пожеланиям малость съехавшего доктора. Он прожил в подземелье базы с самого начала эпидемии и явно многое знал. В конечном счете, лишние полчаса или час ничего уже не решали.

Запасы у Штреллера и в самом деле оказались богатые – саморазогревающиеся консервы, сухари, вполне чистая на вид и вкус вода из крана, даже запечатанный картонный ящик бурбона «Джим Бим». Обитал гостеприимный доктор в жилом боксе – небольшом помещении со стенами, облицованными пластиковыми панелями «под дерево», и четырьмя койками. За сдвижной дверцей имелся совмещенный санузел – унитаз, биде и душевая кабинка, на полке стоял музыкальный центр с коллекцией компакт-дисков, преимущественно классики и старых блюзов. Тут же висел плазменный экран, на котором безмолвно бегали туда-сюда киношные ковбои.

– Я смотрел вестерн, когда услышал, что в зале кто-то ходит, – скромно пояснил доктор, выключая DVD-плеер. – Будьте как дома, прошу вас.

– Андрей Львович, – с нескрываемым намеком произнес Миллерс, подбрасывая на ладони бутылку бурбона.

– Понемногу, – не стал лютовать Гумилев.

Все выпили из пластиковых стаканчиков, доктор Штреллер отказался.

– Видите, я даже не распечатал коробку, – с гордостью заметил он. – Я не пил и не пью.

Гумилев мысленно оценил услышанное: доктор был либо человеком железной воли, либо еще более чокнутым, чем казался. Два года просидеть в одиночестве,

не представляя, что происходит наверху, и ни разу даже не напиться с горя!

Некоторое время все молча ели.

– Вы говорили, что постараетесь решить нашу проблему, мистер Штреллер, – напомнил Решетников, выскребая из контейнера остатки овощного гарнира.

– Да, точно; вам ведь нужно выбраться отсюда... – Доктор едва не хлопнул себя по лбу. – Идемте, я все вам покажу. Тот пульт, с которым вы возились, – дублирующий, его еще нужно активировать, а ведь все делается значительно проще.

Доктор подхватил прислоненный к койке дробовик и поднялся.

– Э-э... сэр, а у вас есть здесь такие же штуки? – аккуратно осведомился Миллерс, кивая на оружие.

– На складе, – подтвердил Штреллер. – Впрочем, вы можете взять мою винтовку. Мне она ни к чему, я даже никогда не бывал в тире.

– Спасибо, сэр, – учтиво сказал Миллерс, забирая у доктора оружие и проверяя, полон ли магазин. – Только это не винтовка, а автоматический дробовик... А где склад?

– Соседняя дверь, там открыто.

– Секундочку, Андрей Львович, я быстро, – предупредил Миллерс и исчез.

Вернулся он с таким же дробовиком и двумя автоматическими пистолетами. Дробовик вручил Решетникову, пистолеты – Вессенбергу и Гумилеву. Эстонец повертел оружие в руках с некоторым сомнением, но потом щелкнул предохранителем и сообщил:

– Готовь сани летом, а телегу – зимой.

– Точно! – поддержал ксенобиолога заметно повеселевший Миллерс. – Это вы правильно заметили, Индро Юльевич.

– Ну, идемте же, – сказал доктор и, ссутулившись, вышел первым из своего жилища. А когда он открыл следующую дверь, Гумилев едва удержался, чтобы не ахнуть.

В большом зале с низким потолком стояли несколько прозрачных капсул. Это были вовсе не те «музейные» цилиндры, как в фальшивом хранилище инопланетян, а куда более сложные устройства. Внутри виднелись тела существ, явно не имевших к старушке-Земле никакого отношения. Одни напоминали клубок беспорядочно спутанных щупалец, другие – гигантских личинок с хорошо развитыми челюстями и слабыми тонкими ручками, третьи издали казались человекоподобными, но при ближайшем рассмотрении выглядели пугающе уродливыми…

Вессенберг медленно приблизился к ближайшей капсуле и с благоговением уставился на тело одного из гуманоидов, на котором виднелись сильные повреждения, полученные, видимо, при катастрофе летательного аппарата.

– Боже, это же гуманоид Корсо, – прошептал Вессенберг.

Существо было ростом примерно с восьмилетнего ребенка и напоминало человека. Тельце гуманоида оказалось довольно тщедушным, руки и ноги – болезненно тонкими. На передних конечностях отсутствовал большой палец. При всем при этом существо обладало непропорционально огромной головой, которая по своей форме походила на электрическую лампочку. Подбородок едва намечен, челюсти неразвитые.

– И как этот дружок умудрялся удерживать свою голову «на плечах»? – поразился подошедший ближе Миллерс.

– Она полая внутри, легкая, – со знанием дела произнес Вессенберг.

Кожа у существа была серого цвета. Огромные, миндалевидной формы глаза, словно кошачьи, располагались на голове несколько под углом и почти сходились у крошечного носа. Но, в отличие от кошачьих, эти глаза были глубокого черного цвета, без каких-либо зрачков. Скорее они выглядели как инкрустация гематитом. Нос же едва выступал на поверхности лица.

Впалые щеки пришельца можно было разглядеть только сбоку. Ушей у существа не имелось, во всяком случае там, где они могли бы быть по земным меркам восприятия. Ни на лице, ни на теле не наблюдалось никакой растительности. Необыкновенно маленький рот больше походил на небольшую прорезь или углубление и, так же как и нос, очень слабо выделялся на нечеловеческом лице.

– Вот те раз… – еле слышно пробормотал Решетников. – А эти-то, похоже, настоящие…

– Здесь у нас хранятся тела и фрагменты тел существ, прибывших из других миров, – сухо, словно сто раз объяснявший это туристам экскурсовод, сообщил доктор Штреллер. – К сожалению, живым удалось добыть лишь одного, в шестьдесят седьмом году, но он умер от ран спустя полчаса. Как вы понимаете, земная медицина в данном случае была бессильна. Идемте в соседний зал, там у нас помещаются их летательные аппараты.

Оставив Вессенберга метаться от капсулы к капсуле, они прошли в следующий зал. Ничего общего с «кинематографической» (и Гумилев только сейчас в полной мере осознал ее фальшивость) тарелкой из «музея» тамошние аппараты не имели. Группа застыла, оглядывая огромное помещение. Миллерс даже разинул рот в совершеннейшем изумлении, чего за ним никогда не замечалось. Медленно, словно на экскурсии в музее, они пошли по периметру, всматриваясь в чуждые конструкции. Аппараты, собранные здесь, вызывали удивление и массу вопросов. Один походил на легендарный американский самолет F-117, скорее всего, с этого НЛО затем и «слизанный». Другой, изрядно покореженный, вообще напоминал огромную каплю расплавленного металла, расположенную горизонтально. Третий состоял из двух шаров диаметром метра по три, соединенных тонкой штангой. В углу, за металлическим ограждением, лежали рассортированные части разрушившихся при падении объектов.

– Какое богатство, – восхитился Решетников, – жаль, не на ходу. А то сейчас бы…

– Увы, – строго прервал его фантазии Штреллер, – это невозможно. Хотя некоторые принципы передвижения мне удалось разгадать. Например, изучение внутренней части вот этого аппарата выявило наличие отделения, похожего на атомный двигатель. Но этот процесс не похож на высвобождение энергии в наших атомных бомбах. Существует следующая теория: пролетая через атмосферу, летательный аппарат поглощает водород и в процессе индукции генерирует реакцию атомного синтеза. Чтобы аппарат двигался, воздух вокруг него должен быть ионизированным…

– Простите, что перебиваю, – вежливо прервал Штреллера Гумилев, поняв, что нужно остановить этот словесный поток сейчас, иначе очумевший от отсутствия общения доктор закатит им многочасовую лекцию, – а вы здесь все это время?..

– Я, собственно, военно-космический специалист, – скромно улыбнулся доктор Штреллер, солидно покашливая. – Чтобы не сойти с ума, я каждый день работал, занимался исследованиями. И добился очень многого. Все результаты моей работы – вот здесь. Записи, графики, снимки…

Доктор любовно похлопал ладонью по ноутбуку, лежавшему на столе.

– Есть еще несколько носителей плюс данные, собранные моими коллегами. Если мы эвакуируемся с базы, я считаю, что все это нужно забрать. В противном случае я отказываюсь…

– Конечно, заберем. Конечно, – торопливо пообещал Гумилев.

Доктор с рассеянной улыбкой принялся снимать с полок какие-то пухлые папки, и его пришлось остановить.

– Простите, но давайте возьмем лишь то, что необходимо. Остальное мы сможем забрать, когда вернемся.

– Разве мы не уничтожим базу?! – удивился Штреллер.

– Зачем? Я же говорю: возьмем самое важное, а за остальным приедем позже.

– Но вы говорили, что база захвачена террористами, – напомнил на сей раз доктор. – Я не уверен, что следует оставлять им подобные вещи. Если они попадут не в те руки...

В зал вошел Вессенберг. Эстонец зачарованно вертел головой, поблескивая очками. Пистолет он по-прежнему держал в руке.

– Это что-то неописуемое! – крикнул он, заметив Гумилева. – Я просто не ожидал такого увидеть!

– А вы уверены, что это не фальшивка? – осторожно спросил Миллерс.

– Абсолютно! Я уже сунулся в электронный микроскоп, с которым кто-то недавно работал...

– Это был я, – сказал доктор.

– Совершенно иная клеточная структура! Такое подделать невозможно, я гарантирую.

– Вы, видимо, ученый, мистер Вессенберг? – с уважением поинтересовался доктор, одергивая свой замызганный халат.

– Ксенобиолог, – солидно ответил эстонец.

– Помогите нам, Индро Юльевич, – попросил Гумилев. – А вы, доктор, отберите, пожалуйста, самое важное. Самое-самое.

– Вот носители. – Штреллер положил рядом с ноутбуком металлический чемоданчик. – Я думаю, этого достаточно. И я все-таки настоятельно советовал бы вам уничтожить базу. Если это достанется террористам...

– А что, базу так вот запросто можно уничтожить? – осведомился Решетников.

– Я ведь говорил, здесь резервный блок. Идемте.

Доктор подвел их к неприметному с виду пульту, закрытому непрозрачной крышкой. Набрал код на панели, откинул крышку.

– Вот это – система открывания дверей, – показал он.

Решетников и Гумилев переглянулись.

– То есть вы могли открыть двери и выйти? – недоверчиво спросил Андрей.

– Да, разумеется.

– В любое время?

– Господи ты боже мой… – уныло пробормотал доктор Штреллер, быстро пробежался пальцами по клавиатуре, нажал несколько кнопок, сняв с них защитные пластиковые колпачки. Где-то зашипела гидравлика. – Двери открыты.

Штреллер нажал другую кнопку.

– Теперь закрыты. Полагаю, не стоит пока оставлять их открытыми, мало ли что предпримут эти ваши террористы.

– Но почему вы не выбрались?! Столько времени… И несчастный лейтенант, который застрелился…

– Я выполнял инструкцию, – сухо сказал доктор. – Согласно инструкции я не имел права выйти наружу до получения информации. Когда появились вы, инструкция приказала долго жить, потому что стало ясно: база в прежнем ее виде уже не существует. А что до лейтенанта, то он все равно наверху сошел бы с ума, подцепив вирус.

М-да, а доктор-то совсем плох, подумал Гумилев. С одной стороны, сидел здесь, имея возможность в любой момент выйти на поверхность вместе с товарищем, с другой – поверил первым попавшимся людям, что они представляют собой специальную миссию ООН, вручил им секретные данные… Это, конечно, хорошо, было бы куда хуже, начни сумасшедший палить в них из своего дробовика. Как бы то ни было, выход открыт, хотя где-то впереди еще люди Роулинсона. Ладно, это следующий шаг, станем решать проблемы по мере их поступления.

– Спасибо, доктор, – сказал тем временем Решетников, рассматривая пульт. – А что вы говорили насчет уничтожения базы?

– Сейчас я несколько сомневаюсь, есть ли у вас необходимые для этого полномочия… – промямлил Штреллер, запустив пальцы в бороду.

– Мы же не собираемся ее уничтожать, – мягко, словно ребенку, в который раз повторил Гумилев. – Мы просто уточняем.

– Ах да, конечно... Секунду.

Штреллер извлек из кармана халата сложный бороздчатый ключ и вставил в отверстие сбоку пульта. Откинулась еще одна крышка, продемонстрировав небольшое табло с клавиатурой и два маленьких прибора, похожих на дистанционное управление для обычного телевизора.

– Вот. Активируется непосредственно на пульте. Можно уничтожить всю базу, можно – только подземные ярусы или же отдельные сооружения на территории. Управлять этим можно как с пульта, так и с этих маленьких переносных устройств.

– Отлично, – сказал Гумилев, осторожно беря легкий пластиковый приборчик. – А что насчет связи? Здесь есть связь с постройками наверху?

– Здесь есть всё, – с довольной улыбкой произнес доктор, снова что-то нажал и сделал приглашающий жест: – Говорите.

...Полковник Роулинсон, сидевший в башне КДП, едва не подскочил на месте, когда из покрытого пылью динамика на стене прогремел голос Гумилева:

– Полковник, вы меня слышите? Это Гумилев. Повторяю: полковник Роулинсон, вы слышите меня?

Роулинсон поискал микрофон; тот свисал со стены на пружинистом шнуре. Щелкнул кнопкой.

– Роулинсон слушает, tovarishch.

– О, я рад, что вы еще здесь, полковник. Видимо, пытаетесь проникнуть внутрь хранилища и секретных лабораторий?

– Нет, – соврал Роулинсон, хотя именно этим его люди в данный момент и занимались. Совершенно безуспешно. Полковник не смел вернуться к Мастеру с пустыми руками, прекрасно понимая, чем это может для него закончиться.

– Врете, – угадал Гумилев. – Ну да ладно, не в этом дело. Видите ли, полковник, как это частенько бывает в азартных играх – а мы же с вами играем в азартную игру, да?! – ситуация переменилась на прямо противоположную. Вы где сейчас находитесь?

– На башне КДП, – на сей раз Роулинсон сказал правду, ему было интересно, что же затевает русский.

– Чудесно. Стало быть, вы можете видеть из окна два пустых ангара чуть левее. Видите?

– Вижу. – Полковник начал раздражаться. Что он задумал?!

– Хорошо.

Коробки ангаров неожиданно окутались клубами дыма и пыли, оседая внутрь себя. Через миг до башни КДП долетел чудовищный грохот; одно из треснувших стекол вылетело и осыпалось на пол. Полковник присел за столом и прикрыл руками голову. Несколько тревожных секунд он ожидал, что взорвется и КДП, но больше ничего не произошло. Осторожно выглянув из своего укрытия, Роулинсон обнаружил, что оба ангара превратились в груды мусора и обломков. В помещение вбежал капитан Долтри.

– Вы живы, сэр?! – закричал он. – Что это было?!

– Вон отсюда, капитан! – хрипло рявкнул Роулинсон, отряхиваясь.

Капитан тут же исчез так быстро, как и появился.

– Как вам небольшая демонстрация наших новых способностей, полковник? – послышалось из динамика.

В голосе русского сквозило неприкрытое ехидство.

– Что это было, черт побери?! Вы нашли систему уничтожения базы?!

– А вы догадливы, полковник. Да, мы нашли систему. Резервный пульт. Полагаю, даже если вы сейчас активно займетесь деактивацией этой системы, у вас все равно не найдется достаточно времени, чтобы успеть до очередного взрыва. А ведь я и сам пока не знаю, что именно взорву. Может быть, центр инженерной поддержки или еще один ангар. А может

быть, электроподстанцию или вертолетную площадку. Или контрольно-диспетчерский пункт, где вы сейчас находитесь.

– Постойте, tovarishch, – сказал Роулинсон, вытирая пот со лба. – Раз уж вы со мной связались, следовательно, не исключаете возможности договориться. Вы, видимо, хотите попросить меня, чтобы я выпустил вас из заточения?

– Нет, полковник, не хочу. Дело в том, что из заточения мы уже выбрались самостоятельно.

Роулинсон злобно скрипнул зубами, а русский продолжал:

– Меня интересует сразу несколько вещей. Во-первых, что с моими людьми и где они находятся? Во-вторых, на каких условиях вы согласитесь выпустить нас с базы? И в-третьих, чего хочет Мастер?

Полковник осознал, что до сих пор стоит в неприличной позе – пригнувшись, с микрофоном в руке. Сел, поправил повязку на шее, откашлялся и начал:

– Ваши люди в безопасном месте. Я не скажу, в каком именно, чтобы вы не взрывали здесь все подряд без риска уничтожить своих. Уверяю, с ними ничего плохого не произошло... пока не произошло. С базы я вас выпущу, если вы сделаете то, о чем мы договаривались изначально, – предоставите нам полученные данные. Они нужны Мастеру, потому что у Мастера далеко идущие планы. Вы видите в нем некую мрачную фигуру, а на деле он пытается возродить цивилизацию. Американскую цивилизацию.

Динамик молчал. Роулинсон не стал торопить русского – видимо, тот отключил микрофон и советовался со своими.

– Хорошо, – сказал наконец Гумилев. – По поводу данных хочу вас разочаровать – все эти секретные лаборатории и то, что в них хранилось, оказалось банальной фальшивкой. Фальшивкой, которая создана для запудривания мозгов налогоплательщикам и паяцам из Белого Дома.

– Я вам не верю, tovarishch. – Роулинсон даже помотал головой, словно русский мог его видеть.

– Он говорит правду, мистер... э-э... Роллинз? – Это был незнакомый голос безо всякого акцента, явно настоящий американец.

– Роулинсон, – нервно поправил полковник. – Вы еще кто?

– Доктор Захария Штреллер, сотрудник базы. То, что вы обнаружили, не более чем чучела и макеты. Фикция.

– Этого не может быть, доктор. Это глупость. Зачем?!

– Мистер Гумилев вам все объяснил.

– Но погодите расстраиваться, полковник, – это снова говорил Гумилев. – Мы тут кое-что нашли. Кое-что настоящее. И, если вы в самом деле заботитесь о возрождении цивилизации... американской цивилизации... то мы готовы этим кое-чем настоящим с вами немного поделиться. С учетом наших нынешних возможностей мы могли бы вообще диктовать свои условия...

– ...Не могли бы, – мстительно перебил Роулинсон. – У меня ваши люди. А если вы возьметесь взрывать все подряд, то можете их угробить.

– Вероятно. Но с тем же успехом я могу угробить вертолет или станцию вашего подземного поезда, хотя и не знаю, где она находится... Впрочем, вот доктор Штреллер мне подсказывает, что он как раз прекрасно осведомлен. Поэтому, полковник, давайте сделаем друг другу кое-какие скидки и перестанем играть в солдатики.

– Я готов, – нехотя произнес Роулинсон.

В самом деле, русский играл более сильными картами. В конце концов, сюда всегда можно вернуться, а на первый раз привезти с собой нечто внушительное, что оценит Мастер. Опять же надо дождаться, пока русский со своей компанией вылезет наверх. Не оставит же он кого-то за пультом нажимать красные кнопки?

– Да, – словно читая мысли полковника, добавил Гумилев, – взрывать объекты на территории базы я могу

при помощи переносных пультов. Их два, один – у меня, второй – у одного из моих людей. Делайте надлежащие выводы, полковник, если вы вдруг уже прикинули, где посадить снайперов. И помните, что я способен взорвать и всю базу сразу. Тогда никто, включая меня и вас, отсюда не уйдет, не улетит и не уедет.

– Я ведь уже сказал: я согласен на ваши условия. Выходите.

– Когда мы выйдем, я извещу вас, – заключил Гумилев. – Прикажите вашим людям подняться наверх – если кто-то попадется мне в коридорах, я нажму на кнопочку. И предупредите их, чтобы не вздумали палить, когда я выйду к вам на переговоры. Помните про второй пульт. Так что солдаты, которые меня увидят, должны сразу же отвести к вам.

Пыльный динамик снова умер. Роулинсон отшвырнул микрофон, заплясавший на шнуре, и оглянулся, услышав шаги. В дверях снова маячил Долтри.

– Какого черта, капитан?!

– Русский, сэр. Один из тех, кого мы взяли в плен. Он очень хочет с вами поговорить.

– Мне некогда, – сердито бросил полковник. – Распорядитесь убрать людей из внутренних и подземных помещений базы. Русские, что закрылись у инопланетян, собираются выходить наверх, и ситуация такова, что нам придется принять их требования.

– Да, сэр, я распоряжусь... Но этот русский... Он был настойчив. Попросил напомнить вам, если вы откажетесь от беседы, о Мексике. И передать какую-то галиматью: «День Четыре Ахау Три Канкин. «Гленфиддиш». Скарабей».

Полковник Роулинсон хотел было выругаться в ответ на эту бессмыслицу, но понял, о чем речь, и остолбенел.

Я думаю, что если ты говоришь, что сделаешь что-то, но не делаешь этого, то это и есть добросовестность.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Друзья» встречаются вновь

Маккормик смотрел на лежащий перед ним металлический кругляшок. Кругляшок как кругляшок, размером с серебряный доллар, но вот беда – посередине кругляшка ярко мигала оранжевая лампочка, а сам он издавал противный, громкий, врезающийся в мозги звук, словно москит, пробравшийся в комнату и не дающий спать.

В фургончик вошел Ковальски с бутылкой ледяного пива в руке и замер с открытым ртом, собравшись было что-то сказать.

– «Крот», – коротко прокомментировал Маккормик.

– Я ни разу не видел, как эта штука работает… – промямлил Ковальски.

Кругляшок представлял собой мощный приемник, который получил сигнал от еще более мощного передатчика через военный спутник связи. Передатчик был у агента в группе Гумилева и включался в случае крайней опасности. К тому же он был одноразовым, передавал сигнал в течение десяти минут и безвозвратно отрубался. Поэтому Ковальски бросил бутылку, не обращая внимания на то, что пиво полилось под ноги, и кинулся к ноутбуку. Он быстро ввел код, соединился со штаб-квартирой и через пару минут уже знал, откуда именно поступил сигнал.

– База ВВС Неллис, – сказал Ковальски удовлетворенно. – Черт, Буч, я свое пиво разлил.

Кругляшок мигнул в последний раз, печально пискнул и затих.

– Почему я не удивляюсь?! – воскликнул Маккормик. – А я ведь говорил этим остолопам, что с русскими нужно что-то делать! Директор…

– Тс-с! – Ковальски поднес палец к губам.

– Да перестань ты! – продолжал бушевать Маккормик. Агент вскочил и принялся мерить шагами тесное пространство фургончика. – Не нужно было их никуда выпускать! Этот майор, он слишком много о себе возомнил! А генерал Хардисти?! Во имя Христа и его мамаши, он-то куда смотрел?! Или дело генералов у нас теперь выдавать идиотские разрешения всем, кто попросит?

– Хватит орать, – недовольно сказал Ковальски. – Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю сыграть ва-банк, Пол. Взять вертолет и полететь на авиабазу.

– Ты с ума сошел. Мало нам неприятностей на наши задницы, так еще и попремся на Закрытую Территорию?! Я не хочу подхватить этот хренов вирус!

– Я все предусмотрел, – поднял палец Маккормик. – Русские оставили здесь несколько специальных костюмов, в которых можно чувствовать себя спокойно относительно вируса. К тому же они и пулю вроде бы неплохо держат.

– А транспорт?

– Тут неподалеку есть частный аэродром. Я реквизирую у них вертолет.

– Да они же засудят Бюро. И потом, военные… как ты возьмешь костюмы?

– Уговорю майора Магдоу.

– Слушай, ты сумасшедший, – заявил Ковальски. – И я тоже сумасшедший, потому что готов подписаться под твоей авантюрой. Но давай действовать поскорее, потому что мы не знаем, что там происходит.

– Скоро узнаем, – мрачно пообещал Маккормик и засунул в карман бесполезный уже кругляшок-передатчик. – А этот «крот» – он вовсе не такой крутой парень, как мы думали, раз попался.

– Мы еще не знаем, куда именно и как именно он попался, – возразил Ковальски.

Маккормик не нашелся, что на это ответить.

Реквизировать небольшой «Белл» у хмурого одноглазого хозяина аэродрома оказалось не таким уж сложным делом – значки и удостоверения агентов ФБР чего-то еще да стоили в Америке.

– Куда полетите? – осведомился он, заправляя машину горючим.

– Государственная тайна, – отрезал Ковальски.

Одноглазый равнодушно пожал плечами и сплюнул.

– Надеюсь, Бюро мне заплатит, если угробит технику, – заметил он.

...Когда «Белл» приземлился на площадке базы Магдоу, сам майор уже был тут как тут. Не дожидаясь, пока лопасти винтов остановятся, он подбежал, пригибаясь, к вертолету и крикнул:

– Вы опять тут?!

– Мы опять тут, – подтвердил Ковальски, выбираясь из кабины. – Нам требуется ваша помощь, майор.

– Я не подчиняюсь ФБР, – сухо возразил Магдоу. – Более того, я бы советовал вам покинуть площадку. Гражданскому вертолету здесь делать нечего.

– Майор, прекратите шуметь, – примирительно сказал Маккормик. – Ваши русские попали в беду, судя по всему.

– Да, связи с группой нет, – признался Магдоу. – Но почему вы решили, что они именно попали в беду?

Агенты переглянулись.

– Дело в том, что там есть наш человек. Он подал сигнал SOS, право на который имел только в самом крайнем случае.

– А вы ушлые ребята, – с некоторым уважением произнес майор.

– Что есть, то есть, – не стал спорить Маккормик.

– И кто он, ваш человек? Я там со всеми знаком.

Агенты снова переглянулись.

– Сами не знаете, – правильно понял заминку майор.

Ковальски вздохнул.

– Хорошо, – продолжал Магдоу, – и какие у вас предложения? Судя по тому, что вы прибыли на этой мясорубке, а не приехали на своей красивой черной автомашине, вы собираетесь за периметр лететь. Не стоит напоминать, что это опасно и вас могут, к примеру, сбить?

– Не стоит, – покачал головой Маккормик.

– Что от меня-то требуется? – устало спросил майор.

Он выглядел далеко не лучшим образом, наверное, уже получил не один нагоняй от руководства, потому что разрешение разрешением, но связи-то с миссией нет…

– От вас требуются костюмы. Сами понимаете – за периметром вирус. А у русских были средства защиты.

– Ах, это… – Магдоу помассировал виски. – Да, думаю, три костюма там осталось.

– Три?

– Я ведь полечу с вами. Этот вопрос не обсуждается, господа. Иначе никаких костюмов вы не получите, пока сюда не явится ваше высокое начальство, да и то не факт.

Агенты переглянулись в третий раз.

– Хорошо, – сдался Маккормик. – В конце концов, вы военный, а мы летим не на прогулку. Лишний ствол нам очень даже не повредит.

– Кстати, о стволах, – напомнил напарнику Ковальски.

– Да, майор, о стволах. У нас только пистолеты и дробовики; не подкинете что-нибудь потяжелее из своего арсенала?

– Подкину, что с вами делать, – махнул рукой майор.

Подогнать гумилевские бронекостюмы по размеру оказалось делом несложным. Спустя примерно минут сорок оба агента и Магдоу погрузились в вертолет. За старшего майор оставил своего заместителя, капитана Левинсона, не вдаваясь в объяснения.

– Если вернемся, вам не избежать неприятностей, – предостерег Ковальски.

– Какая разница, – поморщился майор. – Я уже привык. И потом, еще нужно вернуться... На самом деле взять бы с собой еще несколько человек, у меня есть хорошие ребята, которые в огонь и в воду...

– Но у нас нет костюмов, – возразил Ковальски.

– То-то и оно, – развел руками Магдоу.

Через четверть часа летящий вертолет был обстрелян с земли из легкого оружия. Это был не «Сикорский», как у Гумилева, а обычная гражданская модель, и пули в некоторых местах насквозь пробили обшивку и плексигласовые окна. По счастью, никто не пострадал.

– А я предупреждал, – сказал майор, вглядываясь в проплывающий внизу безрадостный пейзаж. – Тут народец такой – могут и «стингером» долбануть.

Маккормик ничего не ответил, но на всякий случай поднял «Белл» повыше, словно это могло спасти от обстрела из ПЗРК. Ковальски вслед за майором посмотрел в окошко и поежился.

– А что вы делали, майор, когда все это началось? – неожиданно спросил он.

Магдоу задумался, подперев кулаком подбородок.

– А знаете, не помню, – с некоторым удивлением произнес он. – Совершенно не помню, что я делал... И потом, как разграничить, когда именно все началось? Когда мы узнали об этом из телевизионных новостей? Или когда наш полк послали перекрывать федеральную автотрассу?

– Люди часто не помнят, что делали, когда свершилось то или иное историческое событие, Пол, – вмешался Маккормик. – Или не хотят об этом рассказывать.

– Я видел телепередачу про ветерана Второй мировой, – добавил майор. – Ведущий спрашивал старичка, что тот делал, когда японцы напали на Перл-Харбор и раздербанили к чертовой матери почти весь наш тихоокеанский флот. Знаете, что ответил старичок?

– Что? – спросил Ковальски.

– «Я, – говорит, – пьяный валялся. Мы с парнями обыграли в бейсбол команду из соседнего городка, ну и отметили это дело. Очухался весь в блевотине, а папаша и говорит – вставай, сукин сын, у нас война с узкоглазыми».

Маккормик громко расхохотался, а Ковальски покачал головой:

– Ерунда. Такое не выпустили бы в эфир.

– А сюжет и не выпустили. Просто у меня приятель работает на телеканале, он мне показал.

– Вот видишь, – заметил Маккормик напарнику. – Да ты сам-то помнишь, чем занимался?

– Конечно. Сидел дома, читал «Ветер в ивах»[1].

– У тебя разве есть ребенок? – несказанно удивился Маккормик.

– При чем тут ребенок? Нет у меня никакого ребенка.

– А кому же тогда ты читал «Ветер в ивах»?!

– Я просто так его читал. Я очень люблю эту книгу.

– Интересно, что сказал бы психолог из Бюро, – покачав головой, пробормотал Маккормик и заложил крутой вираж.

Напарник обиженно посмотрел на него и отвернулся. Но долго молчать он не смог – видимо, нервное – и некоторое время спустя поинтересовался у Магдоу:

– Майор, а правда, что русские много пьют?

– Эти пили мало, – сказал Магдоу. – С другой стороны, я частенько вижу у нас в глубинке парней, которые всегда рады нализаться в лоскуты. Свиньи есть среди любого народа.

– Это точно, – философски кивнув, согласился федеральный агент.

Дальше они летели в тишине, если не считать монотонного гудения роторов, до тех пор, пока впереди не показались постройки базы Неллис, торчащие на берегу высохшего озера.

---

[1] «Ветер в ивах» – сказочная повесть шотландского писателя Кеннета Грэма. Впервые была издана в Англии в 1908 году и принесла автору известность. Сказка повествует о жизни и приключениях пяти персонажей: дядюшки Рэта (водяной крысы), мистера Крота, мистера Барсука, мистера Тода (жабы) и Выдры.

– Мне всегда было интересно, что они здесь на самом деле прячут. – Ковальски поправил лежащую на коленях М4. – В какой-то уфологической книжке я читал…

– Лучше бы ты еще раз перечитал «Ветер в ивах», – мрачным тоном перебил его напарник.

«Белл» немного снизился и сделал круг над авиабазой. Выглядела она покинутой, но на площадке стоял «Сикорский», принадлежавший гумилевской группе, хорошо знакомый и агентам, и тем более Магдоу. Возле вертолета виднелись человеческие фигурки в форме и с оружием; неожиданно они принялись стрелять в направлении «Белла».

– Твою мать! – изумленно воскликнул Маккормик и резко стал набирать высоту, уходя в сторону гор. – Они же палят в нас!

– Это еще что за ублюдки?! – возмутился Ковальски.

– Ну кто-то же вынудил вашего агента дать сигнал SOS, – рассудительно сказал майор. – Видимо, эти самые ублюдки. Возможно, уцелевший персонал базы. Или те, кто ее захватил. На Закрытой Территории полным-полно вооруженных людей.

– Будете вы нам рассказывать… – буркнул Ковальски, которому сделалось стыдно перед майором.

Пугаться выстрелов с земли не стоило, эти идиоты стреляли куда попало из своих автоматических винтовок, попасть в маленький юркий «Белл» у них практически не было шансов.

– Сядем вон там, – показал рукой Маккормик на небольшую площадку среди гор. – Недоумки на базе решат, что мы испугались и свалили прочь, а мы тихонько проберемся туда и посмотрим, в чем дело.

– Я бы не стал их так недооценивать, – сказал майор.

– У вас есть другие предложения, сэр? – ядовито осведомился агент.

– Боюсь, что нет.

– В таком случае мы садимся.

Пилотом Маккормик оказался классным и без проблем посадил вертолет на маленький пятачок. Потом

залез в карман бронекостюма и достал плоскую металлическую флягу.

– Предлагаю хлебнуть перед началом операции.

– Что это? – подняв бровь, спросил Магдоу.

– Всего лишь чистый джин, майор. «Бомбей», голубой сапфир. Ни тоника, ни льда у меня нет, но эту марку я предпочитаю пить чистой.

– И этот человек попрекает меня «Ветром в ивах», – съязвил Ковальски, отвинтил крышечку и сделал глоток. Потом передал ее майору, тот покачал головой.

– Лишнее. Если оставите мне на потом, когда все закончится, не откажусь.

– Не уверен, – покачал головой Маккормик, забрал фляжку, глотнул и спрятал ее обратно.

– Не уверены, что останется, или не уверены, что все закончится?

– Да ни в чем я сейчас не уверен, – честно признался федеральный агент и открыл сдвижную дверь вертолета. Спрыгнул на землю, за ним спустился Ковальски. Майор вздохнул и последовал за фэбээровцами.

– А ведь они попали, – уныло сказал Ковальски, осматривая вертолет.

– Кто?!

– Эти уроды из своих винтовок. Пробили бак. У нас нет топлива. Отлетались.

Под «Беллом» расплывалась огромная лужа.

– Черт с ним, – махнул рукой Маккормик, – если что, возьмем «Сикорский», он всех вытащит.

Ковальски огляделся. Справа от вертолета поднималась вертикально вверх скалистая стена, мечта альпиниста – скальная порода была гладкой, с геометрическими выступами и редкими жесткими кустиками, кое-где пробившимися из крошечных щелей. С другой стороны площадки, словно нарочно, чтобы укрыть ее от чужих глаз, было нагромождение валунов, поросших мхом и пышным кустарником. Кустарник на вид был колючим и неприветливым, поэтому Ковальски не стал лезть туда, опасаясь повредить скафандр.

– Ну что, не будем терять время? Пока эти уроды внизу не очухались и не удумали что-либо предпринять, – решительно скомандовал Магдоу и первый шагнул на едва заметную тропинку. Фэбээровцы двинули за ним, недовольно переглянувшись. В скафандрах было жарковато, и Магдоу почувствовал, что по виску стекает пот. «Черт меня дернул полезть в это пекло, во всех смыслах этого слова», – мысленно ругал себя майор, оскальзываясь на щебенке.

Маккормик и Ковальски, чувствуя себя не намного лучше, спускались следом по узкой тропинке вниз по склону, как вдруг из-за вертикально торчащего обломка скалы появился человек с автоматом в руках.

– Что за черт?! – воскликнул он, одновременно нажимая на спусковой крючок.

В ответ агенты открыли огонь, и человек покатился вниз, стукаясь каской о камни. Вскоре он затих. Фэбээровцы осторожно поднялись на ноги и с ужасом увидели, что майор Магдоу лежит возле тропинки, широко раскинув руки.

– Что с ним, Буч?! – спросил Ковальски, тяжело дыша.

– Готов, – констатировал Маккормик. – Черт, прямо в лоб… Я думал, эти русские шлемы крепче.

– Это биозащитный скафандр. Он от другого предохраняет.

Ковальски стащил с майора шлем, но дальше проверять не стал – дыра во лбу не оставляла сомнений. Агент перекрестился и пробормотал:

– Упокой, Господи, его душу…

– Не время для молитв, Пол, – поторопил его Маккормик, тревожно озираясь. – Хорошо, если этот хрен был тут один. А если их несколько? А если он успел позвать своих?

– Хорошо, хорошо, – недовольно сказал Ковальски, поднимаясь с колен. – Мы что, так и бросим его здесь?

– А что такого? Место ничуть не хуже и не лучше других. – Маккормик поднял винтовку майора и пове-

сил себе на плечо, потом вынул из гнезд на костюме магазины. – Идем, Пол. Если они хотят войны, они получат войну.

...Русский сидел перед Роулинсоном, и полковник внимательно его рассматривал. Человек как человек, достаточно молодой, но с какой-то... излишней серьезностью, умудренностью, что ли, в лице. Русский спокойно выдержал пристальный взгляд Роулинсона, мягко улыбнулся. Складывалось впечатление, что не он в плену у полковника, а совсем наоборот.

– Вы кто? – спросил Роулинсон.

Хотел сделать это внушительно, весомо, но чертово горло снова подвело, и вышло сорванное карканье. Боль в изуродованной трахее отозвалась по всему телу, полковник невольно поморщился.

– Меня зовут Нестор Тарасов, но это вам ничего не скажет, мистер Роулинсон.

– Тогда какого черта вы играете со мной в шарады? «Гленфиддиш», «скарабей»... Что вы знаете о Мексике и об экспедиции Либеропулоса? А самое главное, откуда? Хотя я догадываюсь... Этот русский, Нефедов, он, наверное, выжил?

Полковнику приходилось говорить громким хриплым шепотом, явно приближался очередной приступ. Роулинсон старался, чтобы солдаты в такие минуты его не видели, а уж русскому и подавно негоже... С другой стороны, он прекрасно понимал, что если сам порой побаивается смотреть на себя в зеркало, то каково другим? Полковник даже не предполагал, что все приведет к такому вот. Когда он выбрался из неглубокой могилы, обламывая ногти и выплевывая землю вперемешку с засохшей кровью, то искренне обрадовался тому, что жив. Жив вопреки всему. С того момента он часто не мог понять, а жив ли он вообще и что с ним происходит.

– Да, Нефедов выжил, – спокойно сказал русский. – Но, что самое любопытное, вы тоже выжили – после

досадного инцидента с покойным профессором Ломаксом, который вас… э-э…

– …Который меня зарезал, – закончил за русского Роулинсон. – Я привык называть все вещи своими именами, tovarishch.

Услыхав последнее слово, русский снова улыбнулся, мимолетно, словно припомнил пришедшуюся кстати старую шутку.

– Видите ли, – продолжал Тарасов, – я ученый, как вам, наверное, уже известно. Я специализируюсь в разных областях, в том числе и в медицине. Я хороший врач. Не простой, не обычный. А вы… Вы тяжело больны. Чтобы определить это, не нужен диплом. А чтобы вылечить – никакой диплом не поможет.

Неожиданно русский поднялся и прошелся туда-сюда. Поправил на стене какой-то древний, никому не нужный график в рамочке.

– И как поживает Нефедов? – спросил полковник, стараясь держать себя в руках и не обращать внимания на выходки русского. – Надеюсь, он в добром здравии?

– Более чем, – закивал Тарасов, снова садясь в кресло. – И часто вспоминает, как вместе с вами раскапывал захоронение в Мексике. Скарабей, черный порошок… А вы помните, когда на нас напали местные? Вы еще переводили с юкатанского языка, сказав, что «хренов Мэл Гибсон снял на этом языке свой чертов «Апокалипсис», такое кино про древних индейцев». А потом удирали через сельву, и Лафонсо Ченнинг сказал Нефедову: «Если снова прикроешь мою задницу, как тогда, в Тикрите, с меня бутылка бурбона. Любишь бурбон?» Нефедов сказал, что предпочитает скотч, и Ченнинг ответил: «Тогда тебе Чарли проставится». А потом вы постоянно приставали к Нефедову с ехидными разговорами о том, сколько людей убил злобный Сталин и не пора ли русским покаяться за преступления коммунистов…

Полковник остановившимся взглядом следил за русским. Он знал чересчур много. Допустим, Не-

федов что-то мог рассказать о той злополучной экспедиции, даже какие-то детали, но не в таких же количествах, не с такими подробностями… Здесь был какой-то подвох, Роулинсон чувствовал его, но не мог разгадать.

– Я понимаю, о чем вы думаете, Чарли, – просто сказал Тарасов, сложил руки на груди и нагнулся ближе к полковнику. Запаха разложения он словно не чувствовал. – Это мне вы должны скотч, Чарли.

Роулинсон молчал. Он просто не мог поверить в происходящее. Сидевший перед ним человек был моложе Игната Нефедова. Он совсем не был похож на Игната Нефедова. Он вообще никак не мог быть Игнатом Нефедовым.

– Какое пиво я пил? – превозмогая боль, спросил полковник.

– «Текате», – с готовностью ответил русский. – И жаловались, что оно имеет привкус мочи. А покойный Блэки советовал вам пить аутентичные напитки конкретных стран.

– Как погиб Леттич?

– Его застрелили, и он упал в костер.

– А незадолго перед этим…

– Незадолго перед этим он растянул связки. И я наложил ему повязку, гель с ибупрофеном.

Русский выжидающе смотрел на полковника, словно подначивал – ну, давай еще вопросы, давай, у меня на все найдутся ответы. И Роулинсон сдался.

– Я не могу в это поверить, – честно сказал он, – но мне приходится. Ты не оставил мне шансов, tovarishch. Полагаю, объяснять ты не станешь? Я вижу, это не пластическая операция. Тут что-то посерьезнее.

– Это сложно и долго. Возможно, когда-нибудь… Хотя в объяснение будет весьма сложно поверить. Я, например, тоже очень удивился, когда увидел вас тут живым. Потому что закапывали мы с Ченнингом определенно труп.

– Боюсь, я ничего вам не смогу разъяснить.

– Зато я смог бы. Мне приходилось встречать беспредметников, Чарли, но сейчас опять же не время говорить о том, что означает этот термин. А вот помочь я вам могу. Вы, верно, сильно страдаете из-за той раны?

– Страдаю?! – Полковник горько усмехнулся. – Страдаю?! Это состояние нельзя назвать страданием. Иногда я чувствую себя совершенно здоровым, пока... Пока не взгляну в зеркало. Иногда я чувствую себя так, словно я умер. Я почти не ем. Я много пью, но алкоголь на меня действует крайне редко. Лекарства, которые я смог найти, мне не помогают, а наши врачи в Солт-Лейк-Сити разводят руками.

– Можно мне снять ваши бинты? – склонив голову набок, попросил Тарасов. Да, именно Тарасов – полковник решил называть этого человека его новым именем, потому что это был Нефедов, но в то же время совсем не Нефедов. Так недолго и свихнуться, поэтому пускай остается Тарасовым.

– Снимай, tovarishch.

Русский поднялся, обошел стол и принялся разматывать бинты с горла Роулинсона. До сих пор полковник доверял это лишь своим медикам, а потом и вовсе наловчился делать все сам. Слой отходил за слоем, неприятно потрескивая.

– Черт... – Тарасов поморщился, отбросив бинты в сторону. – Еще хуже, чем я думал. Как вы ухитряетесь есть?

– Я же сказал – я почти не ем. Только пью, – просипел Роулинсон, которому без бинтов говорить стало еще неудобнее, чем с бинтами.

Русский осматривал горло, трогая его тонкими холодными пальцами. Присвистнул, поморгал и велел:

– Закрой глаза, Чарли.

Полковник послушно закрыл глаза и почувствовал, как русский обхватывает его шею обеими руками, словно намереваясь задушить. Ладони плотно легли на безжизненную липкую кожу, затем от них распростран-

лось тепло, странно покалывающее и успокаивающее. А потом вспыхнула боль, страшная боль, подобной которой Роулинсон не испытывал с того момента, как ему в горло вонзил кинжал сошедший с ума профессор Ломакс. Боль усиливалась, полковник взвыл, забился в кресле, пытаясь вырваться; сквозь звенящую пелену он слышал, как русский громко крикнул кому-то:

– Назад! Вон отсюда!

Наверное, охрана, подумал полковник с пугающим его самого равнодушием. Сейчас они его пристрелят.

Но никто не стрелял. Боль схлынула точно так же, как и пришла, безжалостные руки на горле разжались, звон в ушах прекратился. Роулинсон схватился за горло, и тут же раздался окрик:

– Не трогать!

Полковник осторожно открыл один глаз.

Русский стоял возле него, у дверей, наставив на него автомат, торчал один из охранников, второй выглядывал из коридора. Но слова Тарасова относились вовсе не к ним.

– Не трогать! – строго повторил русский полковнику. – А вы, чем маячить тут, принесите аптечку! Бинты, дезинфицирующее средство…

– Выполняйте! – подтвердил приказ Роулинсон.

Солдаты переглянулись, тот, что заглядывал внутрь, поспешно исчез.

– Ты тоже пошел вон отсюда! – велел полковник.

– Вы уверены, сэр?! – с сомнением покосился охранник на русского.

– Я приказываю, идиот!

Солдат, пятясь, вышел из помещения КДП, и только сейчас Роулинсон обратил внимание, что горло почти не болит, лишь немного саднит, как при ангине. Говорил он тоже не так, как раньше, – громко, внятно, без хрипов…

– Не спеши радоваться, – догадавшись, о чем думает полковник, сказал русский. – Случай очень запущенный, мне тебя еще лечить и лечить, Чарли.

– Спасибо, tovarishch.

– Я же говорю – рано радуешься. К тому же я буду откровенен – все, что я делаю, я делаю не просто так, не бескорыстно.

– Чего ты хочешь?

– Погоди немного, сейчас явится твой человек с аптечкой, я сделаю все, что необходимо, и тогда уже поговорим предметно.

– Я и так догадываюсь. Попросишь, чтобы я отпустил всех ваших людей? Боюсь, это не совсем в моей компетенции.

– А еще ты думаешь, что ничего не мешает забрать меня с собой безо всяких условий и заставить лечить, так? Я прекрасно изучил тебя еще по Мексике. Однако ты меня тоже знаешь неплохо. Я не добрый доктор Дулитл, к которому хоть сегодня приходи лечиться «и корова, и волчица, и жучок, и червячок»... Под пистолетным дулом я лечить не могу. Но, понимая, что ты тоже человек подневольный, я хочу предложить тебе сделку, которая устроит и меня, и тебя, и твоего хозяина.

– Если ты о Мастере, то он мне не хозяин, – возразил полковник, едва сдерживая желание ощупать горло. Так человек постоянно трогает языком лунку на месте удаленного зуба, хотя врачи-дантисты обычно велят не делать этого ни в коем случае. – Мы с ним скорее симбионты.

– Тем лучше, – улыбнулся Тарасов.

И в этой улыбке полковник наконец-то увидел именно ТОГО Нефедова, с которым вместе продирался через сельву, убегая от чокнутых аборигенов, пытавшихся уничтожить их за вскрытие древнего храма. Нефедова, который в чем-то изменился, но в чем-то остался прежним. И от этого он вовсе не стал менее опасным. Скорее, совсем наоборот.

Русский хотел тем временем добавить что-то еще, но тут появился медик. Он поставил на стол свою сумку и собирался ее открыть, но Тарасов цыкнул на бедолагу, и тот убрался восвояси.

– Где вы их только насобирали, – проворчал он, вскрывая хрустящую оболочку индивидуального перевязочного пакета. – Деревенщина…

– Других нет, – вздохнул полковник. – Выбирать, знаешь ли, не приходилось. Еще у нас полно черных, мормонов…

– Как это до вас до сих пор не добрался Макриди?

Тарасов принялся бинтовать шею, смазав ее чем-то ледяным и пахучим.

– По идее, люди Макриди ничем не отличаются от наших. Тот же сброд. Макриди и сам-то до Катастрофы торговал подержанными тачками, а вовсе не командовал дивизией. Однако, tovarishch, ему очень везет. И мне кажется, здесь кроется какая-то хитрость. Но черт с ним, с Макриди. Что ты там хотел предложить.

– А предложить… – Русский прервался на мгновение, чтобы закрепить конец бинта, и повторил: – А предложить я хотел вот что…

…Ростислав Шибанов сделал пару глотков воды и покосился на забинтованное плечо. Кровь вроде бы остановилась, местный коновал сделал свое дело исправно. Болеть тоже не слишком болело – наверное, болевой порог у хоккеиста вообще был выше, чем у обычного человека. Постоянные травмы, стычки, столкновения приучили тело не реагировать на ерунду. Однако на хоккейном корте в него ни разу не стреляли…

Он подошел к двери. Вынул из чехла фигурку Скорпиона, о котором совсем запамятовал. Нет, конечно, все это лишь совпадения. Случайное везение… Что может произойти сейчас? Стены обрушатся? Как там у Пушкина было: «Темницы рухнут, и свобода вас встретит радостно у входа, и братья…» Что подадут братья?! Вылетело из головы, а ведь учил же, пятерку заработал в свое время!

– Джей, ты, часом, Пушкина не читал? Это такой русский поэт.

– Чувак, с какой стати мне читать русских поэтов? Я и американских-то толком не помню.

– Напрасно, – наставительно сказал Ростислав. – Это классика. К тому же Пушкин был частично эфиоп.

– Не, братан, эфиоп – это не то. Эфиопия – это реггей, растаманы, Джа и прочие карибские дела. Я по такой музыке не особо прохожу, откуда мне знать вашего Пушкина. А для кого он писал тексты? Неужто для Боба Марли?!

– Ты неисправим, Джей, – махнул рукой Шибанов и вновь повернулся к двери.

Нет, сломать ее невозможно. Бывшую гауптвахту или что это было за помещение, строили без затей, но прочно. А может, это и не гауптвахта вовсе – есть она вообще в американской армии, то есть была ли?

Внезапно за дверью что-то зашебуршилось. Ростислав повернулся и прижал палец к губам, потом прислушался. Да, определенно кто-то возился с замком, звенел ключами. Перепились они там, что ли? Шибанов прижался ухом к железу двери, пытаясь уловить еще какие-то звуки и понять, сколько человек снаружи. Один? Нет, кажется, двое... Может, рискнуть?!

– Эй! – шепнул он, сунул Скорпиона в чехол и кивнул на дверь, показывая два пальца. Джей сразу же сообразил, на что намекает Ростислав, спрыгнул с койки и поднял одну из консервных банок, оставшихся неоткупоренными. Подбросил в ладони, чтобы легла поудобнее, и встал за дверным косяком.

Громко щелкнул открываемый замок, дверь отворилась, и на пороге появилась фигура в армейском защитном обмундировании. Джей-Ти с размаху врезал по шлему банкой и отскочил в сторону, тряся ушибленной рукой. Ростислав, словно пытаясь пробить защиту команды противника, бросился вперед, выставив здоровое плечо. Удар оказался сильным, но Шибанов удержался, а вот вошедший повалился навзничь обратно в коридор, и только теперь Ростислав увидел, что там стоит еще один человек. С ним он ничего не успел

сделать – в воздухе мелькнул приклад и обрушился на затылок хоккеиста. Последнее, что увидел Шибанов, была валявшаяся на бетоне сплющенная банка, из которой вытекал красный, как кровь, соус.

Это не загрязнение наносит вред окружающей среде, а те примеси, которые находятся в воздухе и воде.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Досадные потери и полезные приобретения

Андрей Гумилев держал пульт осторожно, словно гранату. По сути, это и была граната, и даже гораздо более опасная, чем обычная осколочная. Второй пульт, резервный, он передал Решетникову.

Носители с данными тащил Вессенберг – он, похоже, никому не собирался доверять эту почетную обязанность. Гумилев прекрасно понимал ксенобиолога, но сам почему-то не чувствовал особенной радости. Фальшивый «музей» его удивил значительно больше, а после обмана правда оказалась уже не столь поразительной. Конечно, со всем этим нужно будет разобраться, но для начала-то необходимо выбраться с базы. В противном случае их находка так и останется тайной за семью печатями…

Несколько контейнеров по согласованию с доктором Штреллером они все же подняли на мини-лифте. Гумилев рассудил, что их можно отдать Роулинсону, тем более, по словам все того же доктора, там не было ничего экстраординарного. Самое ценное находилось у Вессенберга.

– Андрей Львович, – окликнул Миллерс, когда они вышли в коридор и направились к лестницам. – Может, давайте, я вперед пойду? Проверю, что происходит… Мало ли что этот тухлый полковник выдумал. Вдруг там засада?

– Да нет, Антон, не будет там засады. При всех своих недостатках полковник на идиота не похож. Мы

ему наглядно продемонстрировали, что можем натворить.

– И все-таки не доверяю я ему… – буркнул Миллерс, нервно поглаживая цевье дробовика.

Спокойнее всех чувствовал себя доктор Захария Штреллер. То, с какой легкостью они покинули отсек, где доктор безвылазно сидел пару лет, окончательно убедило Гумилева в том, что бедолага спятил. Сейчас доктор, который остался в своем перепачканном халате, но зато снова напялил каску, шел чуть впереди и еле слышно напевал мелодийку из старой комедии «В джазе только девушки». Маленький Андрей в свое время смотрел усеченную версию в кинотеатре, куда он с друзьями пробирался нелегально, потому что на этот фильм детям до шестнадцати лет вход был запрещен.

Гумилев немного беспокоился, что у профессора может не оказаться иммунитета против вируса и выход наверх для него станет фатальным. С другой стороны, вариантов не было – не оставлять же Штреллера внизу, да он и не согласился бы. Оставалось надеяться, что те, с кем он встретится наверху, иммунны и носителями не являются. Хотя…

– Послушайте, доктор! – обратился к Штреллеру Андрей, притормаживая того за плечо.

– Да? – откликнулся бородач.

– Как я уже говорил, наверху была эпидемия. Вы все это время ни с кем не контактировали, и я не могу быть уверен, что вы иммунны и не заразитесь. Я предлагаю вам надеть мой костюм. Там специальные фильтры, вы будете в безопасности.

Сумасшедший или же нет, но доктор покачал головой.

– А как же вы?

– У меня как раз иммунитет. Мы научились распознавать тех, кто не восприимчив к «Армагеддону».

– Андрей Львович! – возмущенно сказал Миллерс. – Во-первых, костюм защищает не только от вируса, но и от пуль! Во-вторых, давайте тогда уж я…

– Что – ты? – перебил безопасника Гумилев. – Ты-то восприимчив! Зачем мне чокнутый охранник, который на меня же и кинется в случае чего? Да и потом, не так уж он от пуль и защищает.

Миллерс потупился, сообразив, что сморозил глупость. Потом вскинулся:

– Нет, но вот же…

– Да, Индро Юльевич тоже иммунный, но у него, к сожалению, другой размер. Мистер Штреллер в его костюм попросту не влезет.

Вессенберг внимательно смотрел на них, кажется, не понимая, о чем идет речь.

– Кому-то нужен мой костюм? – осведомился он.

– Нет-нет. Мы уже все решили, – сказал Гумилев и, не обращая более внимания на сердитое пыхтение Миллерса, быстро разоблачился, оставшись в легком зеленом комбинезоне из прочной ткани. Слава богу, поношенные туфли профессора Андрею подошли, иначе пришлось бы передвигаться босиком. – Отлично, – заметил он и помог доктору справиться с застежками шлема, запихать в который длинную бороду оказалось довольно сложно. Замигавший огонек показал, что фильтр включился. Штреллер заулыбался и показал большой палец.

– Напрасно вы все же, Андрей Львович, – не удержался от последнего замечания Миллерс и недовольно затопал вслед за доктором.

– Если я правильно понимаю, то доктор – единственный, кто на сегодня больше всех знает о здешних секретах. А значит, он ценнее тебя или меня, Антон, – серьезно сказал Гумилев. Молчание Миллерса явно означало, что безопасник так не считает.

– Ты в самом деле поаккуратнее, Андрей Львович, – попросил Решетников. – Костюм в самом деле пулю более-менее держал, а твой полупердончик ничего не сдержит.

– Я на рожон не полезу, Кирилыч, – пообещал Гумилев, одергивая свой зеленый «полупердончик».

Поднимались они совсем не так, как спускались, – узенькими лестницами, проложенными прямо по выдолбленным в скале вертикальным тоннелям. Переходы между этажами блокировались мощными дверьми, но доктор открывал их при помощи своего магнитного ключа-карты. Он снова что-то мурлыкал себе под нос, а однажды даже исполнил несколько танцевальных па. Мистер Штреллер явно нуждался в услугах хорошего психиатра, и чем раньше, тем лучше. Психиатр, а точнее, психолог, у Гумилева под рукой теоретически имелся – Петр Петрович Артемьев. Другое дело, что до Артемьева еще надо было добраться.

В мрачных коридорах подземных ярусов было безлюдно. По крайней мере в этой части полковник Роулинсон достигнутые договоренности выполнял. Оставалось верить, что и наверху их не встретят в штыки. Побоятся взлететь на воздух, голубчики...

– Может, вам помочь, Индро Юльевич? – спросил Гумилев у эстонца, потому что металлический чемоданчик выглядел довольно тяжелым, а Вессенберг, прямо скажем, был отнюдь не атлетического сложения.

– Ерунда... – отозвался ксенобиолог. – Я сам донесу.

– Как хотите. Я без бронекостюма, в отличие от вас, мне полегче было бы.

– Сам донесу, – повторил Вессенберг, на сей раз несколько раздраженно.

«Черт с ним, – решил Андрей, – пусть тащит, раз ему так хочется...»

Как и ожидал Гумилев, выбрались из-под земли они также вовсе не там, где спускались. Ангар, в котором находились главные ворота первого яруса, оказался южнее, а они вылезли внутри железобетонной будки, притулившейся к безрадостного вида постройкам непонятного назначения. Доктор Штреллер аккуратно закрыл за собой лязгнувшую дверь и сказал:

– Куда теперь? Где террористы?

– Полагаю, везде, – ответил Гумилев. – Давайте сделаем так: я отправлюсь на переговоры, а вы... Вы

сидите пока здесь. Если вдруг что-то опять взорвется – не волнуйтесь, я могу устроить небольшую демонстрацию силы. А вот если не вернусь через полчаса, тогда пытайтесь выбраться с территории базы самостоятельно и уходите на север.

– Неразумно, – сказал Решетников, поправляя на плече дробовик. – Почему именно вы?

– Я подозреваю, что Роулинсон будет разговаривать только со мной, – возразил Гумилев, отдал Кирилычу свой пистолет и, более ничего не объясняя, осторожно покинул будку.

Прячась за выступами зданий – на случай, если его заметит какой-нибудь чересчур бдительный снайпер, – Гумилев добрался до ангара и только там увидел первого солдата. Вернее, даже трех солдат – они стояли у электрокара, грузно припавшего на спущенные колеса, и что-то обсуждали.

– Эй! – окликнул Андрей. Солдаты обернулись. – Я – Андрей Гумилев, отведите меня к полковнику.

– Руки, – неуверенно сказал один из солдат, поводя стволом штурмовой винтовки. – Руки подними.

Гумилев поднял руки, сжимая в правой пульт и держа палец на кнопке. Если доктор Штреллер ничего не путал, следующей на воздух должна была взлететь автомастерская.

– Мы получили указания насчет вас, – сказал другой солдат, опасливо посматривая на пульт. – Идемте, сэр. Руки можете опустить. Не дури, Джейк. Этот парень может взорвать всю базу, если ему что-нибудь не понравится, это же русский, они все сумасшедшие.

Джейк нехотя опустил свое оружие и мотнул головой:

– Вперед.

Немного расслабиться Андрей смог, только войдя в помещение на башне КДП. За столом сидел полковник Роулинсон, выглядевший непривычно свежим и бодрым, а у окна… У окна стоял Нестор Тарасов.

– Нестор?! – обрадовался Гумилев. – Что с нашими? Где они?

– Все в порядке. Сидят под замком, их охраняют, но никакого вреда не причинят. Я уже обо всем договорился с полковником.

Гумилев недоуменно уставился на Нестора. С какой стати медик группы договаривается с полковником? Какие у него могут быть козыри? Или Тарасов попросту не тот, за кого себя выдает?! История с таинственным исчезновением и не менее таинственным возвращением…

– О чем вы договорились? Я не давал вам таких полномочий.

– К сожалению, так вышло. Полномочия мне дала ситуация. Видите ли, мы с мистером Роулинсоном старые знакомые. Это выяснилось совсем недавно, и мне, так сказать, пришлось брать быка за рога. Уверяю, до самого нашего появления на базе я и не представлял, что полковник вообще жив. Расставались мы с ним при весьма печальных обстоятельствах.

– Кстати, вы можете сесть, – вставил Роулинсон, указывая на свободное кресло.

Гумилев сел, водя большим пальцем по гладкой круглой кнопке на пульте. Он заметил, что Роулинсон внимательно наблюдает за его движениями.

– Допустим. И о чем же вы договорились?

– Поскольку ситуация патовая, выход один – разойтись с миром. Разумеется, вы должны поделиться с полковником добычей, которую вынесли из секретного хранилища. Назовем это законной долей Республики Солт-Лейк-Сити, которую представляет полковник. Это ваше предложение, как сказал мне полковник, и, на мой взгляд, это разумно. Республика сможет легализоваться и спокойно войти в мировое сообщество после того, как разработает лекарство от вируса «Армагеддон».

– Солт-Лейк-Сити разработает лекарство от вируса?! – удивленно поднял брови Гумилев. – Вообще-то

я предполагал, что этим занимается специальная миссия ООН, а также моя корпорация в России.

– А это уже вопрос этики, Андрей Львович, – все так же спокойно и рассудительно произнес Нестор. – Какая разница, кто именно разработает лекарство, если оно способно спасти миллионы людей и вновь сделать обитаемой огромную территорию, где на текущий момент царит абсолютная анархия? Я знаком с последними исследованиями – со слов того же Синцова, к примеру. Кое-чем занимался сам еще в России и могу сказать, что я достаточно близок к решению проблемы. Вкупе с той частью секретных данных с базы бывших Соединенных Штатов, что вы передадите Солт-Лейк-Сити, новому государству этого будет вполне достаточно для мирового признания.

Гумилев побарабанил по столу пальцами свободной левой руки. Разумеется, на первом месте для него стоял вопрос здоровья и безопасности людей. Прибыль, личная слава, даже престиж российской науки – это уже второстепенное. Но в данной ситуации ему очень многое не нравилось.

Не нравилось, что Нестор сделал все в его отсутствие.

Не нравилось, что в этом замешан полковник Роулинсон, человек с совершенно иными моральными принципами, чем у самого Гумилева.

Не нравилось, что лекарство в итоге приберет к рукам Мастер, у которого моральные принципы, если верить существующей информации, далеки даже от принципов Роулинсона.

Не нравилось, что сам он, Андрей Гумилев, с самого начала блефовал и не сможет взорвать базу со всеми, кто здесь находится…

Придется играть до конца.

– А если я не соглашусь? – поинтересовался он, стараясь выглядеть равнодушным.

– Вы не взорвете базу – здесь ваши люди, Андрей Львович, – сказал Тарасов именно то, о чем только

что подумал Гумилев. – Вы блефуете. Но у вас в самом деле хорошие карты на руках, и нет смысла рисковать. Я же сказал – ситуация патовая, и разрешить ее можно и нужно ко всеобщему благу.

– Быстро же вы нашли себе хозяев, – с горечью промолвил Гумилев.

– Хозяева мне ни к чему, Андрей Львович, – обиженно возразил Нестор. – Я сам по себе, вот в чем дело. И вы не можете отрицать, что я разрешил ситуацию к лучшему. Ведь нет же? Если не согласны, нажмите кнопку. Ну же.

И Гумилев нажал кнопку. Где-то недалеко грохнул взрыв, башня КДП слегка дрогнула; стало слышно, как гремит по бетону металл, словно идет железный дождь. Наверное, это падала припаркованная у мастерской автотехника, разбросанная взрывом.

Тарасов прижался к стене, заметно побледнев. Полковник втянул голову в плечи и схватился было за кобуру, но тут же понял всю глупость своих действий.

– Зачем вы это сделали?! – злобно воскликнул он.

– Не мог отказать себе в маленьком удовольствии, – сказал Гумилев. – Не волнуйтесь, это была всего лишь автомастерская. Ни моих людей, ни ваших там быть не могло.

– Это было глупо, – покачал головой все еще бледный Тарасов. Выглянув в окно, он подтвердил: – Да, действительно автомастерская. Была... И что же означает ваш демарш? Вы не согласны с нашим предложением?

– Отчего же. Согласен. Я ведь объяснил: не мог отказать себе в маленьком удовольствии напоследок. Что именно вам нужно из того, что мы вынесли с базы? Предупреждаю: мы и сами пока плохо представляем, что нам досталось.

– Это не важно, – сказал полковник. – Что бы там ни было, это в любом случае сенсация. Телепорт, аннигиляция, антигравитация, лекарство от рака, способ моментального приготовления гамбургеров – это в лю-

бом случае уникальный патент, деньги и признание. У нас есть ученые, которые разберутся. Любой секрет, который Штаты скрывали так долго, чего-то да стоит.

– Хорошо, полковник, – заключил Гумилев. – Мы отдаем вам несколько носителей с информацией и улетаем. Вернее, не носителей, а контейнеров. Входы на базу закрыты, в любой момент я могу запустить систему самоуничтожения. Помните об этом, если вдруг вздумаете послать туда своих специалистов.

– Я думаю, в этом нет нужды.

– Я тоже так думаю. Уверяю, обманывать вас мы не собираемся. Конечно, получается лотерея, и вы в самом деле можете вытянуть гипотетический секрет моментального приготовления гамбургеров.

– Черт с ним, – нетерпеливо сказал Роулинсон. – Гамбургеры так гамбургеры. Вам достанется все остальное, вы должны быть счастливы.

Гумилев прекрасно понимал ход мыслей полковника – разойтись в стороны с минимальными потерями, сохранив базу. Потом всегда можно будет сюда вернуться, тем более слова Гумилева про систему самоуничтожения, скорее всего, очередной блеф, и запустить ее издалека он не сможет. А затем, имея на руках даже одного мертвого инопланетянина, Солт-Лейк-Сити автоматически сделается влиятельным государством. Произойдет то, чего, собственно, и не должен был допустить Гумилев со своей миссией... Потому что добра это новоявленное государство никому не принесет.

Андрей молниеносно, как компьютер, просчитывал возможные варианты. Нет, предложенный Тарасовым был самым приемлемым. Действительно, группе Гумилева доставалось все остальное, вся база, возможность спокойно заниматься разработкой обнаруженного в секретных лабораториях. До тех пор, пока не вернутся люди Мастера. А они вернутся обязательно, потому что Солт-Лейк-Сити явно будет претендовать на всю Закрытую Территорию. А Североамериканский

Альянс с радостью на это согласится, да и все мировое сообщество тоже.

Так что же делать? Уничтожить базу? Но они вынесли наверх десятую, если не сотую часть…

– Решено! – Гумилев хлопнул по столу ладонью так неожиданно, что полковник даже подскочил в кресле. – Мы даем вам часть, э-э, добычи, как я и предлагал. В виде бонуса господин Тарасов отправляется в Солт-Лейк-Сити, если ему угодно продолжать исследования вируса именно там. Правда, я не могу гарантировать, что он окажется первым и единственным.

– Это уже частности, – махнул рукой Нестор, и в глазах его проскочила хитринка.

«Он что-то знает, чего не знаю я», – понял Гумилев. Ладно, сейчас не время гадать. Нужно действовать по обстоятельствам. Это очень не нравилось Андрею, привыкшему планировать действия на много ходов вперед. Но вся история операции «Илиада» складывалась наперекосяк, едва ли не с момента прибытия в Твин-Фоллз. Значит, надо нести свой тяжкий крест, спасать людей и по возможности решать основную задачу. А эти… Эти пускай уезжают на своем подземном поезде.

– Договорились. Дело в том, что мои люди начнут волноваться, если я не вернусь к ним в условленный срок. А он скоро наступит. За мной пусть никто не идет, иначе вы знаете, что будет. Встретимся через… через полчаса возле нашего вертолета, если вас устраивает место.

– О'кей, – кивнул Роулинсон. – Место устраивает.

Гумилев поднялся. Встал из-за стола и полковник, протянул руку, на которую Андрей посмотрел с удивлением и поинтересовался:

– Вы это серьезно, что ли?

Роулинсон убрал протянутую ладонь и закашлялся. Тарасов наблюдал за этой поучительной сценой с улыбкой.

– Вы только Санича не ругайте, – попросил он. – Он про меня ничего не знал, когда проводил проверку. Я и сам про себя не все знаю, как мне порой кажется.

– Какой же вы добрый и загадочный, господин Тарасов, – ехидно произнес Гумилев и вышел, не оглядываясь.

За ним в самом деле никто не потащился, если и наблюдали, то на расстоянии, издалека. Боялись, конечно же, – вдруг еще что-нибудь взорвет. Поэтому Гумилев совершенно спокойно добрался до будочки, где его с нетерпением ждали. Времени даром соратники не теряли – привезли на небольшой тележке контейнеры, извлеченные из мини-лифта.

– Все в порядке, – сообщил Гумилев. – Мы даем им часть материалов, которые подняли. Они убираются восвояси. Что делать дальше, честное слово, не придумал пока. То ли уничтожать базу, то ли попытаться поработать здесь, пока есть время… Но никто не знает, когда они вернутся. А они вернутся обязательно. Да, и еще: с ними Тарасов.

– Чего?! – вытаращил глаза Миллерс. – Тарасов с ними? В смысле, он что, предатель?!

– Пока и сам не понимаю, – честно признался Андрей. – Он сказал, что давно знает Роулинсона по каким-то совместным делам, и это, похоже, правда. Полковник его не то чтобы слушается, но принимает во внимание.

– Как же шеф прошляпил? – продолжал сокрушаться Миллерс.

– Ну, наш добрый доктор попросил меня не ругать Санича. Мол, тот ничего не знал и знать не мог об истинном прошлом Тарасова. Что, разумеется, не умаляет вины Олега, но сейчас мне не до того. Давайте понемногу выдвигаться, и будьте готовы к любым сюрпризам. Договоренности договоренностями, но всякое может случиться. Я уже устал от неожиданностей, честное слово.

Решетников наклонился и потряс за плечо Штреллера, который сидел и дремал, привалившись к стене.

– Алло! Мистер Штреллер! Проснитесь!

Доктор заморгал, зевнул и показал большой палец. Сумасшедший или нет, он выглядел самым спокойным из присутствующих.

– А где Вессенберг?! – Гумилев поискал взглядом эстонца.

– Только что сидел здесь… – в недоумении пробормотал Миллерс, оглядываясь по сторонам. – Вот на этом самом месте сидел… Вот же павиан волосатый…

– Что значит «только что»?! – рявкнул Гумилев. – Антон, ты сотрудник службы безопасности или баба базарная?! Что значит «только что»?!

– Но он в самом деле… Вот только-только…

– У меня не служба безопасности, а черт знает что… – Гумилев в сердцах врезал кулаком в стену и сильно ушиб руку, забыв, что он без костюма. И только теперь он заметил, что исчез не только эстонец-ксенобиолог.

Исчез чемоданчик с наиболее ценными материалами, которые они вынесли из подземного хранилища.

…Ростислав открыл глаза и увидел, как Джей-Ти стоит напротив двоих вооруженных людей в закрытых скафандрах и орет на них, потрясая кулаком:

– Вы что, совсем охренели?! Неужели не видно, что здесь сидят под замком мирные люди, которых какие-то уродские расисты запихнули в кутузку?! Но нет же, нужно ворваться сюда и врезать человеку по башке прикладом! Сначала это делают придурки из команды тухлого полковника, теперь – вы… Это что же, на хрен, останется от головы у человека, а?!

– Расти… Он пришел в себя!

Только теперь Шибанов обнаружил, что его голова лежит на коленях у жены. Атика погладила Ростислава по волосам и сказала:

– Это военные. С тобой все в порядке?

– Шея болит… Ч-черт… – Ростислав поднялся и повел плечами. – Военные, говорите? Чувствуется опыт…

– Простите, – хмуро сказал один из людей в скафандрах. – Сначала ваш товарищ стукнул меня по шлему, а потом вы накинулись… Вот Буч и среагировал. Я – Пол Ковальски, специальный агент Федерального бюро расследований. А это – Шон Маккормик, тоже

специальный агент ФБР. Мы не знали, что или кто нас ожидает за дверью. С нами был еще майор Армии США Магдоу, но он, к сожалению, погиб.

– Насколько мне известно, и ФБР, и Армия США находятся за границами Закрытой Территории, – с сомнением сказал Ростислав. – Откуда здесь могут взяться агенты ФБР? Сюда никто не летает и не ездит.

– Да жулики они! – встрял было Джей-Ти, но Шибанов аккуратно отстранил его.

– Мы здесь с... как бы понятнее выразиться... с не совсем официальной миссией, – нехотя объяснил Ковальски. – Скажем так, у нас специальное задание.

– Специальные агенты со специальным заданием, ага, – опять попытался влезть в разговор бывший рэпер, но Шибанов снова легонько оттолкнул товарища.

– На вас мы натолкнулись совершенно случайно. В коридоре сидел человек в форме, с оружием. Такие типы обстреляли наш вертолет на подлете к базе. Мы его нейтрализовали, обнаружили на поясе связку ключей, решили проверить, что или кого он охраняет.

– А кто вы-то такие? – подозрительно спросил молчавший до сих пор агент Маккормик.

– Мирные жители Закрытой Территории, – с ехидцей ответил Ростислав. – Вы, наверное, не в курсе, но есть и такие. Здесь не одни бандиты и зараженные.

– У вас на лице не написано, что вы не бандит, сэр, – парировал Маккормик. – По крайней мере, если человек сидит взаперти, это наводит на некие мысли.

– Разница в том, кто именно посадил человека под замок.

– Вы с ума сошли! – неожиданно выскочила из-за спины Шибанова Мидори. – Я что, по-вашему, тоже бандитка?!

– Не исключено, – гнул свою линию Маккормик. – А уж черно... э-э... вот этот господин так и подавно напоминает мне бурные времена, когда я еще служил простым патрульным в Атланте.

– Постой, Буч, – остановил напарника Ковальски, пристально всматриваясь в лицо Мидори. – Вы… Вы, часом, не снимались в фильме про девочку, которая попадает в волшебную страну, чтобы спасти своего отца? Кажется, производство студии Диснея…

– Снималась, – Мидори даже покраснела от смущения и удовольствия.

– Да-да-да! – обрадованно воскликнул Ковальски. – Мидори Инамото!

– На самом деле моя фамилия Сандзо, – призналась Мидори, – но продюсеры почему-то решили, что Инамото будет лучше. Родители не стали спорить. В кино свои законы.

– Буч, я ее узнал! Видал, а?! Настоящая кинозвезда! Я три раза смотрел этот фильм, прикинь, и неожиданно встречаю ее здесь! – продолжал радоваться Ковальски.

– Ты еще автограф попроси, – буркнул Маккормик и отошел в сторону.

Девушка проводила его презрительным взглядом и сказала:

– Выпустите нас отсюда, пожалуйста.

– Да на здоровье, – ответил Ковальски. – Беда в том, что у нас маленький вертолет, мы не сможем вас забрать.

– Пол, ты спятил? Мы в любом случае не смогли бы их забрать! – снова вспылил Маккормик. – Они же могут быть заразными! Носителями вируса!

– Да не нужно нас никуда забирать, – сказал Шибанов, чувствуя, что теряет контроль над разговором. – Мы сами выберемся. Дайте нам оружие. Да, я забыл представиться – меня зовут Ростислав Шибанов. Если что, я русский. Бывший хоккеист. Это – Профессор Джей-Ти, звезда рэпа.

Джей приосанился, но, не обнаружив никакой реакции со стороны фэбээровцев, разочарованно вздохнул. Впрочем, на фамилию Шибанова они тоже не среагировали.

– Это – моя супруга, Атика. Мы бродим по Территории с самого начала. Многое повидали, многому научились. Так что насчет оружия?

– База захвачена бандитами, – покачал головой Ковальски. – А нас всего трое… нет, уже двое. Вы можете нам помочь? Разумеется, о женщинах речь не идет, их мы отправим в безопасное место.

– Я не уверен, что такие есть. Тут периодически что-то взрывается, – предостерег Маккормик. Джей-Ти поторопился объяснить товарищу:

– Пока ты валялся в отключке, чувак, они там снаружи опять чего-то подняли на воздух.

– Мы пойдем с вами, – безоговорочно заявила Мидори. – Знаете, мы за последние годы кое-чему научились, сэр, как уже сказал вам Расти. И, вполне вероятно, сработаем получше некоторых специальных агентов.

…Связанный охранник с кляпом во рту лежал в коридоре на полу и испуганно глазел на покидающих вверенную ему камеру пленников. Джей-Ти мимоходом врезал ему по ребрам ногой – просто так, для профилактики.

– Джей, зачем ты?! – укоризненно сказала Атика.

– Уж больно противная рожа. В Солт-Лейке я на них насмотрелся, да и вы тоже. Нечего жалеть всякую падаль.

«Ингрэм» охранника Ковальски отдал Шибанову, винтовку покойного майора – Джею-Ти. Посовещавшись, агенты ФБР отдали Атике и Мидори свои «беретты»; японка тут же демонстративно проверила обойму, а потом картинно покрутила пистолет на пальце, словно в ковбойских фильмах. Маккормик только покачал головой, а Ковальски восхищенно присвистнул.

– Ты видел?! – толкнул он локтем напарника.

– Пол, ты меня начинаешь пугать, – проворчал агент.

Нагнав осторожно пробиравшихся по коридору Джея-Ти и Ростислава, Маккормик негромко и доверительно сказал:

– На базе, как я уже сообщил, находятся бандиты. Вы вообще в курсе, где находитесь?

– Зона Пятьдесят один, чувак, – пренебрежительно бросил бывший рэпер. – Тут дохлые инопланетяшки, летающие блюдца и все такое. Было еще кино «День независимости», там черный братан Уилл Смит раздолбал захватчиков из другой галактики; так он вертелся как раз на здешней базе. И президент тут был, помнится. А что такое? Можно посмотреть консервированных инопланетяшек?!

– Нет. У нас другая задача – не позволить террористам и бандитам захватить секретные лаборатории. Это может иметь необратимые последствия.

– Не понял, чувак… Так это что, типа, правда?! Я думал, специально для киношников придумано, ну, и для журналов для дебилов… – разинул рот Джей-Ти.

– Правда, – подтвердил Ковальски. – Сами понимаете, что мы не имеем права говорить об этом первым встречным, но в сложившихся обстоятельствах просто нет другого выхода.

– Конечно, лучше всего было бы высадить здесь дивизию морских пехотинцев, но у нас нет ни времени, ни возможностей, – добавил Маккормик. – И это большая удача, что мы наткнулись на вас. Собственно, нам нужно найти одного человека, у которого может быть при себе крайне важная информация. Мирового значения.

– Твою мать! – воскликнул Джей-Ти в восторге. – Как человек, который помер распятым на кресте и воскрес, словно Иисус, могу тебе авторитетно сказать, братан, что я ничего интереснее в жизни не слыхал! Мы спасаем мир? Я готов, только подмигни. Может, в этом цель моего существования и есть? Чувак, который меня вытащил с того света, ничего такого не говорил, но мало ли… Кстати, на нем был надет похожий скафандр, вот типа как у вас. Но он был русский, а вовсе не коп. Блин, а может, они все же оккупировали Америку, Расти?

Шибанов только таинственно улыбнулся, а Маккормик непонимающе уточнил у напарника:

– О чем это он?

– Не знаю... Но, должно быть, этот афроамериканец – очень религиозный человек, – предположил Ковальски и на всякий случай осенил себя крестным знамением.

На выходе из здания, в котором помещалась гауптвахта, они сняли еще одного часового. Разобраться с ним не составило труда – парень пытался за каким-то бесом отвинтить большущие настенные часы, положив автомат на стойку у входа. Правда, он успел заорать дурным голосом, но никто его не услышал. Связав и этого, уложили его за вышеупомянутую стойку и велели не дергаться. Парень туповато моргал, наверное, проклиная себя за мародерские наклонности.

– Вы хотя бы примерно представляете, сколько их здесь и кто они такие? – спросил Маккормик, имея в виду, разумеется, людей Роулинсона. Про группу Гумилева, насколько понимали агенты, никто из освобожденных ничего не знал, и это было им на руку.

– Человек двадцать – двадцать пять, не меньше. Возможно, мы всех просто не видели, – сказал Ростислав. – Это люди из Солт-Лейк-Сити, возглавляет их полковник Роулинсон, мне приходилось с ним сталкиваться не так давно. Практически правая рука тамошнего Мастера, насколько я понимаю.

– Ого! – покачал головой Ковальски. – Я-то думал, здесь только эти ученые...

– Что?! – переспросил Шибанов, резко обернувшись.

– У нас была информация, что на базе могут находиться ученые, – поспешил исправить ошибку напарника Маккормик. – Ну, которые здесь работали. Но база заброшена, видимо, персонал успели эвакуировать.

А люди Мастера решили поживиться чем-нибудь полезным. Им следует помешать.

– Это мы уже слышали, чувак! – нетерпеливо заявил Джей-Ти. Казалось, бывшему рэперу хочется рвать и метать. – Давайте решать, что делать дальше. Лично мне кажется, что как-то слишком тихо стало. Не видать ни одного урода, кроме тех, что нас стерегли, а раньше они тут так и бегали туда-сюда. Может, они свалили отсюда, на хрен, в свой поганый Солт-Лейк-Сити?

– Тогда бы они нас не оставили, – возразила Атика. – Роулинсон говорил, что Мастер ждет не дождется встречи.

– Когда мы подлетали, больше всего народу вертелось у контрольно-диспетчерской башни, – припомнил Ковальски. – Думаю, туда и нужно двигаться.

Ростислав Шибанов шел вслед за агентами ФБР, но на душе у него было неспокойно. Само по себе появление двух федералов ничего не значило – объект и в самом деле секретный, мало ли какое задание могли им дать. Но вот так, вдвоем, выступить против целой шайки хорошо вооруженных людей, пусть и не особых профессионалов в военном искусстве? Нет, здесь что-то нечисто. С другой стороны, их освободили из заточения, дали оружие. Пусть все идет как идет, решил Ростислав, а если запахнет жареным, всегда можно будет припереть фэбээровцев к стене и спросить об истинных намерениях. Тем более если им требуется помощь. Конечно, люди, которые имеют хоть какое-нибудь отношение к любому правительству, хорошо обучены врать. Но ложь от правды в их словах отделить тоже не так уж сложно.

Выглянув из-за угла, шедший в авангарде Маккормик отшатнулся и сделал остальным знак остановиться.

– Они возле КДП, как ты и предполагал, Пол, – сообщил он. – Там же посадочная площадка, на ней «Сикорский». Такое впечатление, что они чего-то ждут.

– Что ж, давайте и мы подождем, – предложил Шибанов. – Возможно, они сядут в вертолет и улетят.

– Ой ли… – с сомнением покачал головой Ковальски.

… – Что будем делать? – спросил Гумилев, оглядывая притихших членов отряда. – Время истекает, Роулинсон ждет свою часть материалов. Искать Вессенберга некогда.

– Ну так и отдайте ему пару контейнеров с разным барахлом, Андрей Львович, – тихо предложил Миллерс с виноватым видом. – А пару заберем мы.

– Переговоры с террористами не доводят до добра, – наставительно произнес доктор Штреллер. Никто не обратил на него внимания.

– Хорошо, выходим.

– Чертов павиан… – проворчал Миллерс. – Я ведь знал, что из-за него не миновать нам неприятностей.

– Неприятностей у нас уже накопилось столько, что на всех хватит, – отрезал Гумилев. – Нас ждут на взлетной полосе. Я иду первым, остальные – за мной, Антон замыкающим.

«Командую, словно у меня тут минимум взвод, – с горечью подумал Андрей, выходя из будки. – А всего-то растяпа безопасник, сумасшедший ученый и Кирилыч, который, кажется, немного сдал из-за всех передряг… Что же делать, в самом деле? Вернуться с Роулинсоном в хранилище, там же полно всего… Что ж, как вариант сгодится, а там уже будет зависеть от самого полковника. Плохо, что рядом с ним теперь Тарасов. Этот ренегат знает меня получше, чем Роулинсон, и может навредить… Эх, Санич, Санич, куда же ты смотрел? Да и Кирилыч со своим Вессенбергом не лучше… Тоже мне, заместитель по тарелкам… Взял и смылся в самый ответственный момент…»

Люди Роулинсона в самом деле ждали на взлетной полосе. «Сикорский» стоял поодаль, печально опустив лопасти винта. Самого полковника и Нестора не было видно – еще бы, начальство не опаздывает, начальство

задерживается. На всякий случай Гумилев поднял руку с пультом, демонстрируя его солдатам Солт-Лейк-Сити. Надо полагать, им уже втемяшили, что не стоит стрелять в человека, который может взорвать всю базу Неллис.

Ага, а вот и полковник.

Роулинсон шел к месту встречи в сопровождении капитана Долтри и Нестора Тарасова. Шел не спеша, всем своим видом показывая, что он тут главный. Интересно, подумал Гумилев, что с ним случилось? Уже не так напоминает труп, почти на живого человека похож...

– Идемте, что ж делать, – сказал Гумилев.

... – Кого-то ждут, что ли... – предположил Ковальски, наблюдая за действиями людей Мастера.

– Это полковник Роулинсон, с бинтами на шее, – сказал Шибанов. – Рядом с ним – капитан Долтри, его помощник. Третьего не знаю.

– А мне он кажется знакомым, – нерешительно заметил Джей-Ти, тоже осторожно выглянув из укрытия. – И скафандр как у вас... Черт, да не русский ли это, который меня с креста снял?!

Маккормик покосился на чернокожего рэпера с опаской – что это ему причудилось в Тарасове? Джей хотел что-то добавить, но их отвлек Ковальски:

– А вон еще группа! Буч, это они! Видишь?!

Видел не только Буч, видели все. Три человека опять же в скафандрах, как у фэбээровцев, еще один, впереди, – в зеленом комбинезоне. Вооружены. Катят небольшую тележку с какими-то ящиками.

– Вон Гумилефф. Посмотрим, что они будут делать, – сказал Маккормик.

Но люди, встретившись на взлетной полосе, ничего особенного не делали. Они долго и нудно переговаривались, размахивая руками, потом полковник Роулинсон что-то приказал своему капитану, и тот побежал к ангарам, вернувшись с парой автоматчиков, сопро-

вождавших небольшую группу, одетых в те же скафандры. Группа Гумилева, точно. Вроде бы все на месте.

– Черт их разберет в скафах, кто из них кто… – сердито проворчал Ковальски.

– Вон тот чувак точно снимал меня с креста, – продолжал настаивать негр. – Вы как хотите, но в него я стрелять не стану. Да и в других тоже не стану, если они с ним.

– Строго говоря, если тех парней разделить условно на плохих и хороших, то хорошие как раз вон те, в скафандрах, – сказал Маккормик.

Джей-Ти покачал головой и хмыкнул.

– Я пойду отлить, – сообщил он и удалился куда-то за угол.

Люди на взлетной полосе продолжали переговоры. Судя по всему, они пока так и не пришли к некоему общему решению.

– Смотрите, кого я поймал! – послышался голос рэпера. Он тащил, крепко ухватив за плечо, упиравшегося человека в скафандре без шлема, с длинными растрепанными волосами. На носу поблескивали золотые очки. В руках человек сжимал металлический чемоданчик, довольно большой и с виду весьма тяжелый.

– Хай, мистер Вессенберг! – радушно сказал Маккормик. – Какая встреча! Пол, посматривай за нашими друзьями, а я поговорю с мистером Вессенбергом.

– Вы что, знаете этого волосатого перца?! – удивился Джей-Ти.

– Что вы здесь делаете? – осведомился Маккормик. – Ваши все вон там, а вы, никак, решили удрать? А что у вас в руках?

– Личные вещи, – мрачно буркнул Вессенберг.

Глаза его бегали, видимо, эстонец лихорадочно просчитывал ситуацию. Уж на кого, но на агентов ФБР он никак не ожидал наткнуться.

– Что-то я сомневаюсь, что у него там зубная щетка и чистые подштанники, – сказал негр.

– Я тоже, – согласился с ним Маккормик. Вессенберг еще крепче прижал чемоданчик к груди. Федеральный агент решительно потянулся к нему, и в этот момент эстонец завопил:

– Назад! Назад!

Неизвестно откуда у него в руке оказалась граната, а выдернутое кольцо со звоном заплясало по бетону. Стандартная армейская М61, радиус уверенного поражения осколками – пятнадцать метров, то есть шансов выжить у присутствующих крайне мало, если учитывать еще и рикошет от стены…

– Отпусти его! – коротко велел негру Маккормик.

Джей-Ти осторожно выпустил плечо Вессенберга и сделал несколько мягких шагов в сторону.

– Послушайте, – миролюбиво начал Маккормик, вспоминая все, чему его учили на курсах переговорщиков. – Я федеральный агент Маккормик, представитель правительства Соединенных Штатов… то есть Североамериканского Альянса… Мы не собираемся причинить вам вред. Давайте успокоимся и поговорим обо всем…

– Назад! – перебил агента Вессенберг.

Он попятился и на втором шаге уперся спиной в стену. Испуганно дернулся от неожиданности и выронил гранату.

Маккормик реагировал моментально, но еще быстрее среагировал Шибанов. Бывший хоккеист продемонстрировал, что имел бы успех и на футбольном поле, изо всех сил поддав гранату ногой. Отлетев за сваленные грудой метрах в двадцати металлические контейнеры, М61 взорвалась, изрешетив железо осколками и не причинив никому вреда.

Дальнейшие события происходили с калейдоскопической быстротой. На взлетной полосе загрохотали выстрелы. Джей-Ти сбил с ног эстонца, навалившись на него всем телом и, видимо, полагая, что у него могут быть при себе еще гранаты. В «Сикорский» ударил залп из подствольника, угодив прямо в откры-

тую дверь; вертолет тяжело подпрыгнул на бетонке и тут же окутался дымом и пламенем. В чаду и суматохе все принялись разбегаться в стороны, причем группа Гумилева выбрала в качестве укрытия именно здание, за которым скрывались агенты ФБР и компания. Полковник Роулинсон со своими отступил в противоположную сторону, решив, видимо, что убраться отсюда будет разумнее, нежели ввязываться в бой. Тележку с ящиками они уволокли с собой. На бетонке осталось несколько убитых – судя по неестественным позам, именно убитых, а не раненых.

Выждав немного, Ковальски в азарте выпустил несколько очередей над головами бегущих к зданию русских. Маккормик метнулся к нему, чтобы остановить, но кто-то, бежавший впереди остальных, закричал:

– Три-два-два! Три-два-два! Прекратить огонь!

Маккормик оттолкнул напарника, который и без того уже опустил оружие, и тоже заорал:

– Не стрелять! Это свои!

Тяжело дыша, девушка в скафандре опустилась на одно колено и повторила:

– Три-два-два… Вот уж кого я не ожидала здесь увидеть…

«Три-два-два» было условным стуком – именно так стучал глубоко законспирированный «крот», работавший в группе Андрея Гумилева на ФБР, когда ночью приходил в их хай-тек фургончик и рассказывал о произведенном перепрограммировании робота «Итер».

Под прицелом нескольких стволов русские остановились. Те, кто был вооружен, не пытались сопротивляться и послушно сложили свои пушки по приказу Ковальски.

– Здравствуйте, господа, – сказал Андрей Гумилев. – Надеюсь, сейчас мы с вами на одной стороне?

У меня не аналитический склад ума. Вы в курсе, что я не трачу свое время, чтобы подумать о себе и о том, зачем я делаю то, что я делаю.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Спуск в темноту

Когда после прогремевшего взрыва началась суматошная перестрелка, Гумилев даже не удивился. Он почему-то ожидал, что все пойдет наперекосяк, ведь у них даже не было на руках козырей, кроме пультов управления дистанционным уничтожением объектов базы. А потом что-то рвануло, кто-то из людей Роулинсона случайно нажал на спуск, и началось.

Потеряли они только Артемьева. Бородатый психолог стоял ближе всех к вертолету, и кусок обшивки снес ему голову. Скафандр не помог... Раненых было несколько, в том числе Санич, который с перебитой ногой добежал до укрытия и даже дотащил Лобачевского. Сейчас он пытался при помощи Вессенберга разобраться со своей наполовину искусственной конечностью и определить масштаб повреждений; выглядел в целом бодро. Лобачевский же, который словил две пули в спину, чувствовал себя значительно хуже и только что потерял сознание. Им занимались Иванова и немного пришедший в себя доктор Штрелер, используя взятый у Ковальски медпакет.

Оплакивать потери было не время, хоть полковник со своими и скрылся в неизвестном направлении. Впрочем, почему в неизвестном? Скорее всего, он уже едет на своем секретном подземном поезде, тогда как они плотно застряли на базе.

– Три-два-два... – задумчиво повторил Гумилев. – И что это значит?

– Вы находитесь под юрисдикцией Североамериканского Альянса, – сказал Маккормик. – Все попытки противодействовать федеральным агентам будут расцениваться как…

– Да ладно вам, Маккормик. Или как там вас называют – Буч? – Гумилев устало вздохнул и обнаружил, что пульт управления уничтожением объектов до сих пор у него в руке. Видимо, американцы не восприняли его как оружие.

– Буч я только для друзей. А с вами мы находимся в несколько иных отношениях, – проворчал Маккормик. – Кто это с вами?

Агент кивнул на Штреллера.

– С нами доктор Штреллер, местный сотрудник. Помог нам освободиться. А с вами?

– Ростислав Шибанов, – сказал по-русски крупный парень, протягивая руку.

– Знакомое лицо… Вот только не могу вспомнить, – замялся Андрей.

– Я хоккеист.

– Точно! – закивал Андрей. – Точно, точно. Хотя лицо знакомо мне по рекламе. Ну, впрочем, оно и неудивительно… А девушки?

– Это моя жена, Атика. А это – Джей-Ти и Мидори, наши друзья. Мы сидели в местной тюрьме по милости старого приятеля, полковника Роулинсона. Агенты Маккормик и Ковальски нас любезно освободили.

– Раскроив тебе череп! – ехидно ухмыльнулся Джей-Ти.

– Очень рад, что встретил своих, – искренне улыбнулся Шибанов.

– Своих, – покрутил головой чернокожий. – Кругом эти русские. Я же говорил, что они захватили Америку. Похоже, ребята, вы опоздали.

Последнее было адресовано агентам ФБР. Ковальски скривился, но ничего не сказал.

– Ну вот, теперь мы… будем считать, что знаем друг друга, по крайней мере как кого зовут, – начал Гуми-

лев, – я думаю, на данном этапе у нас одна и та же задача, и, видимо, решать ее мы будем вместе. Что у нас есть? У нас... – Гумилев обернулся и посмотрел в сторону взлетной площадки, – у нас нет вертолета... Выбираться с базы не на чем. Предвидя вопросы – Роулинсон со своей бандой уехал на подземном поезде, который оказался вовсе не легендой. Впрочем, вы, наверное, о нем знаете больше, чем я.

– А я – еще больше, – вставил доктор Штреллер, который, оказывается, все слышал, хоть и возился с ранеными.

– Предлагаете объединиться и выбираться вместе? – с сомнением прищурился Маккормик. – А что делать с нарушением секретности на базе? И с данными, которые вы, а вернее, господин Вессенберг собирается отсюда вынести?

– Давайте вначале выберемся, а там уж решим, – предложил Гумилев. – К тому же Роулинсон тоже вывез секретные материалы, ну и... вас всего трое, и вы не сможете нас контролировать.

– Почему трое? – недоуменно спросил Решетников.

Гумилев кивнул на склонившуюся над Лобачевским Оксану.

– «Три-два-два» – это же пароль?

Оксана искоса посмотрела на Андрея, но ничего не сказала.

– Надо же, а я грешил на Вессенберга, на Тарасова... Хотя с Тарасовым по-прежнему не все ясно, да и вы, Индро Юльевич, меня изрядно заставили понервничать. Вы хоть понимаете, что Артемьев погиб из-за вас?!

Эстонец индифферентно пожал плечами.

– Так получилось. Я не хотел. Зато я спас бесценные знания.

– Ничего вы пока не спасли, – довольно грубо заметил Решетников, который, кажется, больше остальных тяготился своим нынешним положением военнопленного. – А вот Артемьева угробили. Договорились бы с полковником, не сбеги вы со всей добычей...

– Я спасал бесценные знания, – обиженно и угрюмо повторил Вессенберг. – Я действовал в интересах науки.

– Что ж, хорошо хоть, обошлось без признания, что вы работаете на разведку Эстонии, – невесело усмехнулся Гумилев.

Вессенберг не посчитал нужным ответить.

– А вот с тобой я просчитался, – сказал Санич, пристально глядя на Иванову. Та выдержала взгляд своего начальника. – Чего не хватало, Оксана? Денег?

– Теперь уже все равно, – вмешался Гумилев. – Раньше надо было думать, Олег. Когда проводили проверки, формировали группу… Тебе, Кирилыч, тоже минус. Но сейчас не время и не место устраивать расследования, хотя я догадываюсь, что тот же «Итер» в свое время взбунтовался не по собственной воле… Не так ли, Иванова?

Оксана продолжала молчать. Пришедший в себя Лобачевский злобно оттолкнул ее руку.

– Вам придется подчиниться, – резюмировал Маккормик. – Вы, по сути, преступники.

– А мы?! – поинтересовался Шибанов, стоявший рядом с агентом.

– С вами сложнее. Если вы и впредь будете оказывать содействие представителям правительства, то мы закроем глаза на то, что вы проникли на секретный объект. Разумеется, вам придется подписать ряд документов…

– А вот это вы зря, парни, – перебил агента ФБР Джей-Ти и без лишних слов стукнул его по затылку прикладом автомата.

Спустя секунду расстановка сил полностью изменилась.

– Сюда, – произнес доктор Штреллер, указывая на совершенно неприметное строение.

Это была даже не будка наподобие той, куда выводил секретный ход из хранилища внеземных артефактов и технологий, а просто сарайчик. Обычный сарай-

чик из гофрированных металлических листов, в таком обычно хранят какие-нибудь метлы или швабры.

Гумилев даже подумал, не чокнулся ли бедный доктор окончательно после всего увиденного наверху и перенесенного стресса, но Штреллер деловито подошел к домику и откинул кусок толстой резины, прикрывающий что-то наподобие дверного звонка. Он нажал квадратную кнопку, дверь открылась.

В сарае и в самом деле грудой были свалены уборочные инструменты: лопаты, грабли, пластиковые ведра...

– Сюда, – снова сказал доктор, указывая теперь на свободное от хлама пространство. Все послушно вошли внутрь и кое-как разместились, давая побольше места фэбээровцам с носилками. Джей-Ти недовольным тоном произнес:

– Что-то непохоже на секретный поезд, а, профессор?

– Я не профессор, – с достоинством возразил Штреллер, вынул свою магнитную карту и сунул в неприметную щель на одном из столбов, поддерживающих шиферную крышу. Пол тут же поехал вниз.

Металлические гладкие стены уходили вверх, а они все опускались и опускались, пока не остановились с легким толчком. Автоматически открылась дверь, и отряд оказался на сверхсекретной станции линии Лос-Аламос – Неллис с пересадкой в Юте.

...Четверть часа назад Андрей Гумилев несказанно удивился, когда чернокожий по имени Джей-Ти стукнул по голове агента ФБР Маккормика. Маккормик, до этого печального момента пребывавший в полной уверенности, что контролирует ситуацию, негромко всхлипнул и повалился на бетон. Коллега, агент Ковальски, среагировал правильно – стрелять ни в кого не стал, а резво подхватил Маккормика, чтобы тот не расквасил свою фэбээровскую рожу.

– Ненавижу федералов, – искренне сообщил Джей-Ти. – Я так и знал, что все этим кончится: «Вы проник-

ли на секретный объект», «Вам придется подписать бумаги»... А потом нас посадят в кутузку до скончания веков, чтобы мы не разболтали чего-нибудь журналистам. Или вообще прикончат на хрен, в кино обычно так и поступают.

Решетников тем временем скрутил не оказавшую сопротивления Иванову. Андрей даже не представлял, что с ней делать. Шпионка, из-за нее погиб как минимум один член группы – Дербенев, которого убил и пытался сожрать, как биомассу, сошедший с ума «энергетически автономный тактический робот», он же «Итер». Нет, не так: не сошедший с ума, а целенаправленно перепрограммированный Ивановой.

Тащить предателя с собой, подвергая опасности всю группу, казалось неправильным. С другой стороны, что теперь эта группа? Куча никак не связанных между собой людей, где от каждого можно было ожидать чего угодно. Да и неправильно было бросать ее без суда и следствия, поэтому в результате Иванова была невредима и находилась под пристальным вниманием майора Грищенко, а федеральные агенты даже приносили пользу, неся тяжелораненого Володю Лобачевского. В конце концов, и фэбээровцев можно просто отпустить на все четыре стороны. Не убивать же...

Гумилев успел коротко переговорить с Шибановым, который явно считался лидером своей маленькой группы. Бывший хоккеист заметно успокоился, когда понял, что против «своих» ему действовать не придется. О целях экспедиции Гумилева он расспросил осторожно, явно не желая получать лишнюю информацию, и поинтересовался, поможет ли Гумилев им выбраться за периметр. Андрей честно пообещал сделать все возможное, хотя пока и сам с трудом представлял, как это можно организовать. Самим бы выйти...

Тем не менее на Шибанова и его людей Гумилев мог полностью рассчитывать, несмотря на всю эксцентричность компании. Негр напоминал героя «черных»

комедий про гангстеров, а девушка-японка то и дело улыбалась улыбкой маленькой хитрой людоедки, не выпуская из рук оружие. Ее Гумилев, кстати, тоже вспомнил – юная актриса, надежда Голливуда. А вот красавицу жену Ростислава Шибанова Андрей не знал, хоть сам Ростислав и поведал ему, что она была известной фотомоделью. Этот бизнес был от Гумилева чересчур далек.

Как и следовало ожидать, станция подземного поезда во многом напоминала станцию метро, только чрезвычайно унылую. Выложенный темной гранитной плиткой перрон, покрытые шершавой бетонной «шубой» покатые стены, тоннель, уходящий в темноту, под потолком – ряд ламп, явно работающих сейчас не на полную штатную мощность. Все сделано довольно по-спартански – пара металлических лавочек с дырчатыми сиденьями, прикрученных к полу, на стене – аптечка и противопожарный щит. Ничего общего с любимым Гумилевым московским метрополитеном, скорее, его мини-версия, которую он видел в Новоафонской пещере в Абхазии.

Гумилев неожиданно вспомнил, что «Подземной железной дорогой» в свое время называлась тайная система организации побегов негров-рабов из южных рабовладельческих штатов США на свободный Север. Название произошло из-за применения в конспиративных целях железнодорожных терминов: маршруты побегов называли «линиями», конспиративные явки, где беглецы могли в безопасности остановиться в пути, – «станциями», проводников, переправлявших свой «багаж» в северные штаты, а зачастую и в Канаду, – кондукторами. Расстояние между двумя «станциями» составляло примерно один день пути. А во время войны во Вьетнаме «Подземной железной дорогой» условно называли пути побега в Канаду американцев, уклонявшихся от призыва в армию.

Тем временем Решетников направился к не замеченной Гумилевым двери в стене, а доктор Штреллер подошел к краю перрона и принялся тревожно всматриваться в темноту тоннеля. Его примеру последовал Грищенко, вначале посадив конвоируемую Иванову на лавочку – куда она в самом деле отсюда денется, как с той подводной лодки из поговорки.

Агенты ФБР поставили носилки с раненым Лобачевским на плиточный пол и перевели дух. Ростислав Шибанов и компания расположились у стены, о чем-то переговариваясь.

– Что там такое, доктор? – окликнул Андрей Штреллера. – Только не свалитесь, ради бога, не хватало нам еще одного переломанного…

Штреллер послушно вернулся и проговорил, поднеся указательный палец к губам:

– Тоннели… Про них рассказывали всякое.

– Что именно?

– Всякое, – значительно повторил доктор, погрозил пальцем и, отойдя в сторонку, сел на лавку рядом с Ивановой.

Шпионка покосилась на него и слегка отодвинулась.

– Что он имел в виду, Андрей Львович? – спросил Миллерс озабоченно.

– Да черт его знает. Парень, похоже, немного тронулся. Ты бы просидел в подземелье два года.

– Вообще-то у него была возможность выйти…

– Может, он такой дисциплинированный. Исполнял инструкцию.

– Ну-ну, – скептически произнес Миллерс, не спуская глаз с фэбээровцев. Дай волю – пристрелил бы, наверное.

– Никого там нету, по-моему, – сказал Грищенко, продолжая вглядываться в тоннель. – Темно, правда… Про московское метро тоже истории рассказывали, помню. В газете даже писали. Крысы-мутанты. Призраки. На «Авиамоторной» когда-то еще при СССР

эскалатор обвалился, так по ночам там привидения людей без рук видели, все в крови. Их в колеса вроде как затягивало, а колеса же зубчатые.

– Слушай, майор, тебя только не хватало со старушечьими россказнями! – возмутился Гумилев, которого невольно пробрал озноб. Показалось даже, что в черноте тоннеля что-то пошевелилось. Грищенко усмехнулся и отошел в сторонку, к доктору Штреллеру.

Решетников тем временем открыл дверь и позвал Миллерса:

– Антон! Тут, по-моему, генератор или что-то подобное!

Миллерс побежал к Решетникову. Оба скрылись внутри небольшого помещения, находившегося за дверью. Гумилев не выдержал и тоже направился туда.

– Что тут у вас? – спросил он, увидев, как Решетников и Миллерс возятся у пульта.

– Распределитель управления питанием, – с вымученной улыбкой сказал Решетников.

– И что это значит?

– Да то, что мы сейчас вырубим сеть и полковник Роулинсон на своем паровозике из Ромашково застрянет в тоннеле.

– Серьезно?! – поднял брови Гумилев.

– Серьезнее не бывает. – Решетников всмотрелся в разноцветную схему на мониторе и ткнул пальцем в сенсорный экран. Оранжевая извилистая линия погасла. – Вот как-то так...

– Поезд застрял в тоннеле?

– Угу... Стоит как миленький. Насколько я понимаю, миль десять отсюда. Может, немного меньше – датчики не работают, где-то обрыв, судя по всему, так что точное местонахождение поезда я не могу указать. Но скорость была маленькая, видать, боялись, что рельсы просели или обвал.

– Следовательно, мы их можем догнать, – задумчиво сказал Гумилев. – Если они и пойдут вперед, то не сразу, подождут немного – вдруг включится аварийное

питание, например. Могут послать небольшой отряд на ближайшую станцию, проверить, что случилось. Где у нас ближайшая станция? Мистер Штреллер, доктор! Где ближайшая станция подземки?

– А здесь и есть, – меланхолично произнес доктор, заглядывая в техническое помещение; видимо, он слышал разговор. – Им проще будет вернуться, чем идти вперед.

– Отлично! Тогда мы идем по рельсам вслед за ними, имея в виду, что можем на них наткнуться. Там есть токоведущий рельс?

– Есть, но я же его отрубил. Так что можно не бояться. Но на всякий случай, конечно, лучше не наступать. Он оранжевого цвета, – пояснил Решетников.

После перестрелки и гибели нескольких членов группы Кирилыч словно постарел лет на десять. В этом, наверное, и было его коренное отличие от Гумилева. Андрей старался отложить переживания на потом, когда все закончится, чтобы не занимать клетки мозга, не отвлекаться. Начнешь скорбеть по одним – можешь потерять других. Нет, Андрей ничуть не сомневался в опыте и выдержке Решетникова. Просто Кирилыч был совсем другим человеком. Другой формации, другого поколения.

– Как думаешь, кого оставить, чтобы потом запустить линию? Вот блок связи, из кабины машиниста можно запросить включение.

– А с ними связаться не пробовал?

– Пробовал – не работает на выход. Возможно, передатчик попросту выключен. Так кого оставим за главного?

– Намекаешь на себя? – прищурился Гумилев.

– Да нет, вот Антон тоже сумел бы... Да и любой другой сумеет, там объяснить несложно. Решай, Андрей Львович. Как скажешь, так и будет.

Гумилев задумался. Почему-то первой мыслью было оставить здесь своего «заместителя» Вессенберга, чтобы сидел тихо в комнатке, не мешал и ждал, пока с ним

свяжутся из кабины электровоза и прикажут включить питание. Но нет, Вессенберг был все же не боец, да и серьезно проштрафился, попытавшись исчезнуть с чемоданом. А оставлять следовало человека, на которого в случае чего можно положиться. Бог ведает, что здесь может произойти в их отсутствие.

Миллерса? Грищенко? Может, Кирилыча, в самом деле?

Или кого-то из шибановской команды? Вроде бы люди надежные, доверять им вполне можно…

– Мы ведь вернемся. Запустим поезд и сразу вернемся, – еле слышно пробормотал Андрей.

– Я и говорю: давай останусь.

– Нет, – сказал Гумилев. – Пускай останутся девушки и Лобачевский. Да, и Штреллер, разумеется.

– А за пультом-то кто? – не понял Решетников.

– Они и будут. Объясни им быстренько, что тут и как включается, в какие кнопки можно тыкать, а в какие – ни в коем случае, да и тронемся.

– Слушай, они ведь все-таки не наши, – усомнился Решетников.

– И что? Видел, какие у нас имеются «наши»? – криво усмехнулся Гумилев, имея в виду то ли Иванову, то ли Тарасова, то ли обоих сразу. – В тоннелях, возможно, стрелять придется. Вот и пускай девушки сидят здесь, в тепле и при свете. Если мы вернемся, стало быть, все отлично. Если нет – сумеют отсюда выбраться, раз уж столько продержались на Закрытой Территории.

– А этих двух гавриков из ФБР? С собой, что ли, возьмем?

– Не убивать же их, в самом деле. Связать? А толку? Пусть идут впереди, дорогу разведывают. Что-то насторожил меня наш подземный доктор… Еще и Грищенко со своими окровавленными призраками… А фэбээровцы с нами в одной лодке, даже при всей их хитровыкрученности.

– Если бы не они, мы бы уже за Периметром садились, – играя желваками, сказал Решетников.

– Поздно. И, если угодно, они наша гарантия. Мы здесь столько наворотили, что в любом случае придется улаживать сто вопросов с правительством Североамериканского Альянса. И два агента ФБР, которым мы помогли, придутся весьма кстати. Да еще разоблаченная шпионка на руках... Короче, Кирилыч, я думаю, так будет лучше всего. А потому пойду я переговорю с шибановскими ребятами, и двинем. Идемте, доктор. – Андрей взял за локоть Штреллера, который так и торчал в дверном проеме.

Решетников покивал и принялся возиться с пультом.

На перроне ничего не изменилось. Санич сидел на полу, дремал, что ли... Миллерс надзирал за фэбээровцами, Иванова, демонстративно отвернувшись, сидела на лавочке, Лобачевский, кажется, был без сознания, в медикаментозном сне. Плохо, что нарушена герметичность его бронекостюма... Биозащита должна была сработать и затянуть пулевое отверстие практически молниеносно, но вирус мог успеть проникнуть внутрь, ведь нет уверенности, что Шибанов или кто-то из его спутников не являются носителями... Ладно, все равно ничего не поделать. Пусть пока спит, а там поглядим.

Друзья Шибанова внимательно смотрели на появившегося из подсобки Гумилева. К ним Андрей и направился.

– Мы идем в тоннель, – сказал он. – Решетников остановил поезд полковника, они там сейчас маются в неведении, но рано или поздно догадаются послать кого-то назад, на станцию.

– Послушайте, Андрей Львович, – устало произнес Шибанов, щелкая туда-сюда предохранителем пистолета. – Я себя ощущаю клоуном. Сначала эти типы из ФБР навешали мне на уши лапши, уж простите за выражение. Теперь вы нас куда-то тащите... Давайте мы вернемся наверх. Как выбраться с базы, мы найдем – там полно брошенной техники, уж что-нибудь движущееся всегда сумеем собрать. Тем более никто

не знает – вдруг мы носители вируса? Вы об этом, конечно же, тоже думали, правда?

– Думал, – согласился Гумилев. – Но у меня осталось слишком мало людей. А задание не выполнено.

– А почему вы не спросите, нужно ли мне ваше задание? Нужно ли оно моей жене? Джею? Мидори? У нас с вами общего-то осталось лишь то, что мы оба из России. Поверьте, с Роулинсоном и тем более Мастером у меня свои счеты, но я предпочел бы спокойно уехать отсюда. На Закрытой Территории полно места. В конце концов, мы можем неплохо устроиться на базе и подождать, пока вы вернетесь на щите. Заодно сможем защитить Зону Пятьдесят один от поползновений парней из Солт-Лейк-Сити…

– У меня слишком мало людей, Ростислав, – снова сказал Гумилев. – А материалы, которые забрал с собой полковник, все-таки не должны попасть к Мастеру.

– Примерно то же самое мне говорили вон те милейшие ребята из ФБР. Только… не обижайтесь, Андрей Львович, но вы же собственными руками отдали полковнику те контейнеры. Знаете, если бы я в свое время не читал о вас в газетах, мог бы подумать, что вы такой же авантюрист, как и Роулинсон. Простите, но я привык все называть своими именами за эти два года, проведенные в аду.

– Ну хорошо, тогда и я буду все называть своими именами. Предлагаю поступить так: девушки пусть остаются здесь и запустят силовую установку, когда мы подадим сигнал…

– Э, нет, Андрей Львович. Мидори и Атика пойдут с нами, – замотал головой Шибанов. – Это не обсуждается.

– Вот как, – усмехнулся Гумилев, отметив про себя, что Ростислав уже не оспаривал тот факт, что ему самому придется идти с Гумилевым. – А если я…

– Ты не понял, брат, – вмешался в разговор подошедший Джей-Ти, устрашающе вращая глазами. – Это наши женщины. Мы за них…

– Погоди, – остановил рэпера Шибанов. – Гумилев прекрасно все понимает. И у него есть две возможности: принять наше предложение – или отказаться. Тогда мы просто уйдем.

Андрей поднял руку, чтобы привычно поскрести подбородок – он всегда так делал в минуты задумчивости. Этот хоккеист, конечно же, был прав. И Андрей чувствовал, что Шибанов не отступится. Если попытаться настоять на своем, возможно, случится конфликт, а конфликты – это то, чего сейчас меньше всего хотелось.

Поэтому Андрей коротко кивнул и бросил:

– Добро. Будь по-вашему.

Грищенко и Решетников, напряженно вслушивающиеся в разговор, с облегчением опустили автоматы. Слегка расслабился и негр, добродушно оскалив белоснежные зубы.

Шибанов и Джей-Ти отошли в сторону.

– Здесь еще какая-то дверь! – крикнул Миллерс, который, оказывается, не только успевал присматривать за агентами ФБР, но и решил проверить пустую будку охраны, темнеющую в конце платформы.

Сами обезоруженные агенты о чем-то совещались, присев на корточки возле носилок с Лобачевским.

– Ну так посмотри, чего там! – отозвался Решетников.

Санич, устроившись прямо на полу и привалившись спиной к стене, уже не дремал, а возился со своим поврежденным титановым коленным суставом, пытаясь вернуть ему подвижность.

Гумилев направился к нему.

– Ну как дела? – спросил он преувеличенно бодрым голосом.

– Хреново дела, Андрей Львович, – виновато развел руками Санич. – Пуля перебила шарнир. Если зафиксировать ногу в выпрямленном положении, скотчем там или бинтами, то идти смогу, но еле-еле… Короче, отвоевался я, похоже.

– Это уж не тебе решать, – твердо произнес Гумилев.

– Двое «трехсотых»[1] – это перебор, – покачал головой Санич. – Вся группа погибнет…

– Андрей Львович, есть две проблемы, – сказал Решетников, подойдя вплотную к Гумилеву.

– Всего две? – невесело усмехнулся Гумилев.

– Во-первых, кого мы все-таки оставим в диспетчерской, чтобы включить питание? – начал Решетников, не обращая внимания на иронию Гумилева.

– А во-вторых?

– Оружие. Точнее, патроны. У нас их осталось слишком мало. Кто знает, что ждет группу в тоннеле? Полоумный доктор намекал на что-то такое…

– Первая проблема – считайте, что и не проблема вовсе, – вдруг улыбнулся Санич. Кряхтя, он поднялся, стараясь не опираться на искалеченную ногу. – Я останусь. Делов-то! Жратвы тут навалом, опасности никакой. Забаррикадируюсь в диспетчерской, попробую отремонтировать сустав, вдруг чего-то да получится… В электропоезде есть устройство связи со станцией, вы же видели пульт. Как только подадите сигнал, я включу питание. А потом, когда все закончится, вы пришлете за мной вертушку.

Андрей сосредоточенно кивнул и молча пожал начальнику службы безопасности руку. Говорить он ничего не стал. Решетников скривился, но тоже промолчал.

Если с первой проблемой вопрос был решен, то как быть со второй, не знал никто. Гумилев велел всем собраться возле Санича, объявил о решении Олега остаться и попросил произвести подсчет боеприпасов. Люди принялись доставать патроны, гранаты, защелкали отсоединяемые магазины штурмовых винтовок.

Миллерс, возившийся в будке охраны, подошел последним. Он некоторое время наблюдал за тем, как идут подсчеты, а потом уверенно бухнул:

---

[1] На армейском сленге «трехсотый» – раненый, «двухсотый» – убитый.

– Ни к чему это все…

– То есть? – не понял Решетников.

– Там дверь… – Миллерс мотнул головой в сторону будки. – На ней надпись… «Резервный склад вооружения». Скорее всего, это для группы охраны станции. Мне кажется, сможем открыть.

«Пока нам везет, – подумал Гумилев, следом за остальными устремляясь к будке. – Но бесплатный сыр бывает понятно где. И вообще, все слишком похоже на ловушку. Такую огромную подземную ловушку, в которой все эти люди, и я в том числе, окончим свои дни… Черт, какая дрянь лезет в голову!»

Дверь, железная, крашенная унылой оливковой краской, которую почему-то так любят в армиях всего мира, была заперта на два замка – электромагнитный и кодовый.

– «Кажется, сможем открыть…» И как мы это сможем открыть?! – уныло спросил Вессенберг и сам себе ответил: – Только взрывчаткой.

– Док! – обратился Джей-Ти к Штреллеру. – Дайте-ка вашу пушку… А вы все отойдите!

Дождавшись, когда присутствующие отступят от двери, рэпер вскинул крупнокалиберный дробовик и несколько раз выстрелил чуть ниже панельки кодового замка. Грохот выстрелов ударил по ушам, тугое эхо запрыгало по станции, во все стороны брызнули осколки металла.

Распахнув дверь ударом тяжелого башмака, Джей-Ти довольно осклабился:

– Добро пожаловать!

– Лихо, – не мог не оценить Миллерс.

– Любую электронную цацку можно или взломать, или сломать, – пояснил Джей-Ти. – В данном случае ты бы провозился куда больше, взламывая коды.

Гумилев первым вошел в помещение и увидел в тусклом свете дежурного освещения штабеля ящиков и пластиковые контейнеры с маркировкой «U. S. Army».

«Пока нам везет», – снова подумал он, а мимо уже ломились возбужденные люди. Трещали доски, щелкали фиксаторы, на пол летели сорванные пломбы.

– Ого, вот это возьму я! – громогласно объявил Джей-Ти, потрясая ручным пулеметом LSAT.

– Странные патроны, – рассматривая пулеметную ленту, заметил Грищенко.

– Пластиковые гильзы, чувак! – со значением произнес Джей-Ти. – Хай-тек, понял? Я видел такой у парней в гетто, они грабили банки, прикиньте! Вбегают вот с такой штукой прямо в кассовый зал, и потом…

Шибанов громко кашлянул, остановив восторженный поток слов.

– Ладно, ладно. Никаких банковских грабителей. В журнале прочитал. Я выписывал несколько журналов про пушки и все такое, – с улыбкой сознался негр.

– Андрей Львович, – позвал Гумилева Решетников. – Тут три комплекта М202.

– Это что за зверь? – отвлекся от тяжелых мыслей Гумилев.

– Реактивный огнемет. Кино «Коммандос» со Шварценеггером в годы юности смотрели? Помните такой четырехствольный тубус, из которого девица подбила полицейский фургон?

– Смутно. Это хорошее оружие?

– Если бы в кино было как на самом деле, все люди, что ехали в фургоне, включая Железного Арни, поджарились бы! – довольно улыбнулся Решетников.

– Берем, – кивнул Гумилев и обратился к остальным: – Бронежилеты, каски, гранаты, фонари – все берем.

Мидори, сбросив на пол пластиковый контейнер, вытащила из него два револьвера, снабженных какими-то устройствами. В тонких девичьих руках оружие выглядело устрашающе большим.

– Отличный выбор, сестренка! – одобрил Джей-Ти. – Восьмизарядный «смит-и-вессон», модель триста двад-

цать седьмая, с присоединенным коллиматорным прицелом. Мечта каждого подонка в Эл-Эй[1]!

– Вы так хорошо разбираетесь в оружии? – удивился Вессенберг, только что зашедший в караулку.

Джей-Ти оглянулся на занятого примеркой амуниции Шибанова и сказал заговорщицким тоном, хлопнув эстонца по плечу:

– Я же все-таки вырос в гетто, чуваак!

В тревожном свете оранжевых ламп аварийного освещения отполированные колесами электропоездов рельсы казались раскаленными. Сплав, из которого они были изготовлены, не окислился и не корродировал за годы вынужденного простоя.

Полукруглый потолок тоннеля терялся во мраке, по бетонным стенам змеились толстые кабели в металлической оплетке. Изредка попадались обесточенные датчики движения и видеокамеры, укрепленные на кронштейнах и слепо таращившиеся объективами на отряд. Пахло сыростью, еле заметный ветерок холодил кожу.

– Мрачноватое местечко, – озираясь по сторонам, пробормотал Джей-Ти. – Похоже на подземелье Бэтмена.

– Главное, чтобы сейчас какой-нибудь Мистер Фриз[2] с ледометом не вылез, – ответил Шибанов, шаря лучом фонаря по серым стенам.

Отряд растянулся по тоннелю. Люди инстинктивно старались держаться левой стороны, чтобы быть подальше от маркированного оранжевой полосой контактного рельса, хотя тот сейчас ничем не угрожал им. В авангарде двигались Грищенко и Иванова, с момента своего разоблачения не сказавшая никому ни единого слова. Вооруженные армейскими штурмовыми винтовками M4 A1, облаченные поверх биоскафандров в новенькие бронежилеты Interceptor OTV

[1] Эл-Эй – сокращенное название Лос-Анджелеса

[2] Мистер Фриз – герой комиксов про Бэтмена, № 67 в списке 100 самых лучших комиксных злодеев по версии IGN.

и каски АСН, они казались заправскими спецназовцами, сошедшими с экрана голливудского боевика.

Следом шла группа Шибанова. Андрей Гумилев отметил, что эти ребята держатся спокойнее и увереннее других. Здесь никто судорожно не тискал оружие, а Джей-Ти так и вовсе взвалил пулемет LSAT на плечо, словно это была клюшка для гольфа. Но в его походке, как в движениях остальных, явственно читалась готовность в любой момент вступить в бой. Все же два года, проведенные на Закрытой Территории, давали о себе знать.

Федеральные агенты, молчаливо тащившие носилки с раненым Лобачевским и прямоугольные пусковые контейнеры реактивных огнеметов, двигались в середине отряда. Видимо, они полностью смирились со своей участью и сознавали, что с «гумилевцами» им даже во многом спокойнее и безопаснее. Рядом с ними ковылял Вессенберг.

Доктор Штреллер с равнодушным лицом шагал поодаль, держа свой дробовик стволом вниз. Гумилев давно решил, что ученый все-таки не в себе и на экстремальную ситуацию может среагировать неадекватно. Кажется, Решетников думал так же и на всякий случай контролировал Штреллера.

Замыкал шествие Миллерс, державший под прицелом агентов. Еще на складе он подобрал для себя жутковатую двуствольную бандуру – двенадцатимиллиметровый дробовик XM-26 LSS, установленный под стволом штурмовой винтовки M4A1. Порожденный милитаристской фантазией неизвестного конструктора-оружейника двуствольный комплекс годился как для ближнего боя, так и для стрельбы на дальние дистанции.

Сам Андрей конкретного места в походном ордере так и не выбрал. Он то выдвигался вперед, чтобы проверить разведчиков, то перебрасывался парой слов с Решетниковым. Скорее всего, это был наиболее правильный вариант – так он успевал понемногу контактировать со всеми.

За пятнадцать минут они прошли почти милю. Ничего не происходило, никакие призраки или подземные чудовища не тревожили отряд. Но Гумилев был уверен – это все именно что «пока».

Мысли, предчувствия отступили на второй план. Сейчас главное было – добраться до поезда, захватить похищенные Роулинсоном контейнеры и сорвать безумный план полковника. О том, что будет дальше, Андрей старался не думать. Куда кривая вывезет. Он прислушался к тихому разговору, который вели Шибанов, рэпер и девушки.

– Расти, братан, а что там за плита висела под потолком у входа в тоннель? – спросил Джей-Ти.

– Наверное, она должна перекрывать вход, – пожала плечами Мидори, встряв вперед Ростислава.

– Перекрывать – от кого? – Атика тревожно оглянулась. – Выходит, в тоннеле есть какая-то опасность?

– Может быть, просто на всякий случай? – предположила Мидори и развила свою мысль: – Ну, тоннель же длинный, сотни миль. Вдруг где-то случится какое-нибудь наводнение… или…

– Или террористы залезут? – закончил за нее Джей-Ти.

– Ага.

– В московском метро такие плиты есть на каждой станции, называются створами, – успокоил всех Шибанов. – Если начнется ядерная война, створы наглухо, герметично перекрывают тоннели. И станция превращается в бомбоубежище с автономной системой жизнеобеспечения. Наверное, здесь так же.

«Наверное, – согласился про себя Гумилев, слышавший весь этот разговор. – Вот только вся база Неллис сама по себе – отличное многоуровневое бомбоубежище. Зачем еще и станцию подземки отсекать от единственного – и абсолютно безопасного – пути к спасению? Может быть, девчонка права и в тоннеле существует что-то, чего следует бояться? Опять же, на станции хранился целый арсенал – для чего? Против кого?»

– Я что-то вижу! – раздался вдруг встревоженный голос Грищенко. – Лежит сбоку от рельсов, у стены. Что-то большое…

Отряд остановился. Грищенко и Иванова двинулись вперед – на разведку. Остальные развернулись в цепь, перегородив тоннель. Шибанов и Атика клацнули затворами, Джей-Ти отошел в сторону, присел на одно колено и вскинул пулемет, готовясь в случае чего прикрыть группу.

– Нравится мне этот парень, – прогудел Решетников, обращаясь к Гумилеву. – Вроде придурок придурком, а действует как заправский коммандос или «зеленый берет».

– Ну так! Гангстер! – с деланым восхищением отозвался Андрей.

– Гангстеры, Андрей Львович, – это обычные бандиты, как и у нас. Только в кино у них красивые перестрелки. А на деле – из-за угла пристрелить, машину взорвать, киллера нанять, на худой конец, со снайперкой. Какие там «зеленые береты»… Видимо, парня просто жизнь научила.

Джей-Ти покосился на русских, хотя и не мог понять, о чем они говорят.

– Это «двухсотый», труп, – донесся из темноты голос Грищенко. И сразу же за этой фразой прозвучала другая, изумленная: – Это не человек!

Я думаю, мы согласны, что прошлое прошло.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ужас подземных тоннелей

– Черт бы тебя побрал! Вот же дрянь… – испуганно выругалась Иванова.

Это были первые слова, которые она произнесла после своего разоблачения.

– Что там? Что?! – рявкнул Решетников.

– Идите сюда, – крикнул Грищенко уже более спокойным голосом. – Я такого никогда не видел…

Несколько секунд спустя группа сгрудилась вокруг находки. Гумилев, едва взглянув на труп, почувствовал, как по спине скользнула ледяная струйка. Мидори сморщилась от омерзения, Атика отвернулась. Джей-Ти с чувством выругался, помолчал и выругался снова, видимо, решив, что одного залпа брани тут недостаточно.

Неизвестное существо, издали действительно напоминающее человека, лежало на спине, запрокинув голову. Росту в нем было никак не меньше двух с половиной метров. Серая, лишенная волос кожа напоминала слоновью, огромная грудная клетка выпирала, как барабан. Мускулистые ноги заканчивались широкими ступнями, из узловатых пальцев росли загнутые когти.

Но самым жутким были руки мертвого монстра. Точнее, даже не сами руки, а их количество.

Рук оказалось четыре! Бугрящиеся мышцами, многосуставчатые, они казались конечностями исполинского краба, обтянутыми по прихоти неведомого демиурга все той же толстой пупырчатой серой кожей.

– Таких тварей в кино обычно делают при помощи компьютерной графики, – сказала Мидори, которая в мирное время снималась в фильмах ужасов.

– Даже я с перепою выгляжу лучше, – оценил рэпер. – По крайней мере, несет от меня поменьше.

От трупа в самом деле ощутимо воняло тухлятиной. На животе существа темнела огромная рваная рана, покрытая черной коркой запекшейся крови. Миллерс, присев, натянул перчатку, ухватил запрокинутую голову монстра за спутанные волосы и приподнял, вызвав новую волну ругательств. На людей смотрела совершенно звериная морда с оскаленными клыками. Громадные челюсти были приоткрыты, между желтых зубов виднелся распухший фиолетовый язык. Застывшие крохотные глазки, спрятанные под низким лбом, злобно посверкивали в свете фонарей.

– Индро Юльевич, – Гумилев обернулся к Вессенбергу, – кажется, это по вашей части? Вы же вроде еще и криптозоолог.

– По моей, по моей, – обрадованно закивал эстонец. – Позвольте…

Он единственный из всего отряда при виде жуткого трупа не потерял присутствия духа, а наоборот, загорелся самым что ни на есть научным интересом. Оттеснив Миллерса, Вессенберг присел на корточки, зажал фонарь зубами и принялся осматривать находку, тут же перепачкавшись в какой-то мерзкой слизи. Впрочем, криптозоолог на это внимания не обратил. Он заметно преобразился – деловитые точные движения, сосредоточенный вид. Глядя на него, Гумилев почувствовал себя не в старом заброшенном тоннеле, а в сверкающей хромом и стеклом операционной. Все участники похода брезгливо отступили подальше от воняющего монстра и слегка расслабились, почувствовав, что Вессенберг со своими научными изысканиями задержит их на какое-то время. Вессенберг действительно совершенно не собирался торопиться.

– Помогите мне перевернуть его на бок, – попросил он.

Все переглянулись; крякнув, Грищенко нагнулся и ухватился за скрюченную верхнюю лапу, к нему

присоединился Шибанов. Даже втроем они едва смогли сдвинуть с места огромную тушу.

– Сколько времени вам понадобится на осмотр? – поинтересовался Решетников.

– М-м-м... – Эстонец поднял голову. – Для предварительного исследования – часа два. Хорошо бы взять пробы и провести вскрытие!

– Пять минут, – отрезал Гумилев. – И без возражений. Если вам так уж интересно, положите образец в контейнер... Потом, если будет возможность, исследуете. Кхм, когда будет возможность, – поправился Андрей.

Вессенберг сердито засопел, но спорить не стал. Он не хуже других понимал, что чем скорее они настигнут Роулинсона, тем больше шансов выпутаться из этой передряги живыми и выполнить задание. А там в принципе можно и вернуться, чтобы распотрошить чудище, никуда не торопясь.

– Доктор, вы мне не поможете? – обратился Вессенберг к Захарии Штреллеру. – Эй, вы в порядке?

На Штреллера было страшно смотреть. Ученый побледнел, как покойник. Правой рукой тиская ствол дробовика, левой он беспрестанно крестился и бормотал себе под нос слова молитвы.

– Успокойтесь! – Гумилев ободряюще похлопал Штреллера по плечу. – Это существо мертво. Вы уже встречались с такими? Откуда оно? Это инопланетная форма жизни?

– Тьма пришла... – тихо произнес Штреллер. – Тьма... Порождения ее уничтожат род людской... Это все они! Они!!

– Кто «они»? – не понял Гумилев. – О ком вы?

– Они, алчущие запретного! Дьявол надоумил их! Дьявол! – Доктор отскочил в сторону и направил ствол на мертвое тело. – Всех убьют! Всех пожрут!

– По-моему, он окончательно сошел с ума, – сказал Вессенбергу Гумилев. Он повернулся к Решетникову и тихо приказал: – Кирилыч, отбери у доктора оружие, пока он не пострелял нас всех.

– Давно пора, – с готовностью кивнул полковник.

– Господь всемогущий! – продолжал тем временем кричать Штреллер. – Дай мне сил! Если пойду я и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня...[1]

Подошедший сзади Решетников ловко вывернул дробовик из рук ученого.

– Хватит уже! Успокойтесь!

– Дьявол... – тоскливо разглядывая опустевшие ладони, сразу скис Штреллер. – Дьявольское наущение...

– Вы слышите меня? – попытался растормошить его Гумилев. – Что это за существо?

Но Штреллер демонстративно обиделся, сложил руки на груди и отошел в сторону.

Потекли тоскливые минуты ожидания. Вессенберг обмерил труп, осмотрел его, постоянно бормоча что-то в диктофон, и взялся за нож, намереваясь вскрыть грудную клетку.

– Осталось две минуты! – напомнил профессору Гумилев.

– Майор! – позвал Решетников. – Пока профессор не искромсал нашего покойника, что можете сказать?

Грищенко, закинув автомат за спину, нехотя присел возле трупа, посветил фонарем, потрогал края раны, вскинул руку, намереваясь, видимо, понюхать пальцы, но вовремя вспомнил про скафандр и коротко ругнулся.

– Ну, я могу начинать вскрытие? – раздраженно спросил Вессенберг.

– Валяйте, – кивнул Грищенко, выпрямляясь. Он подошел к Решетникову и Гумилеву, виновато усмехнулся. – Я, конечно, не судмедэксперт...

– Давай, давай, – подбодрил его Решетников.

– Судя по окоченелости, смерть наступила часа два – два с половиной назад в результате проникающего ранения брюшной полости, задевшего жизненно важные

[1] Сошедший с ума Штреллер цитирует четвертый стих 22-го псалма Ветхого Завета, в иудаизме читаемый во время поминальной молитвы.

органы. Должна быть большая кровопотеря, но крови я почему-то не обнаружил. Судя по рваным, а не резаным краям раны, нападавшие были вооружены твердыми, острыми предметами – например, заточенными кусками арматуры.

– Нападавшие? Их было несколько? – уточнил Гумилев.

– Один человек не сумел бы причинить такому гиганту страшные увечья, – уверенно сказал Грищенко.

– А если это был не человек? – иронично улыбнулся прислушивающийся к разговору Штреллер. В этот момент он выглядел совершенно нормальным.

– Вам что-то известно? – повернулся к нему Решетников. – Вы встречались с подобными существами?

– Они – порождения зла! – сверкнул глазами Штреллер, мгновенно перестав казаться нормальным. – Тьма родила их! Они – часть ее. Из тьмы выходя, во тьму и возвращаются. И нас всех тоже поглотит тьма!

Грищенко невесело присвистнул. Гумилев скривился. Похоже, доктор Захария Штреллер все-таки нуждался в немедленной психиатрической помощи.

– Поразительно! – послышался возглас Вессенберга.

– Что там? – Гумилев оставил Штреллера и шагнул к эстонцу, вокруг которого сгрудились ребята Шибанова.

– Андрей Львович… – Вессенберг отбросил окровавленный армейский нож «Бокер орка». – У него двойной скелет… Внешний – из костей, а внутренний – титановый. На одном из ребер маркировка: «База Неллис, Зона Пятьдесят один, собственность правительства США». Он искусственный!

В наступившей оглушающей тишине отчетливо прозвучал смешок Штреллера.

– И еще… – упавшим голосом закончил Вессенберг. – Двойной скелет не помог. Кто-то выел у него все внутренние органы…

Теперь отряд двигался с повышенной осторожностью, что было неудивительно: зрелище дохлого чудо-

вища, которое кто-то убил и частично сожрал, не располагало к беспечности. Шибанов, внимательно следя за лучами фонарей разведчиков, изредка поглядывал на Атику. Девушка держалась молодцом, но после сообщения Вессенберга о выеденном изнутри искусственном монстре заметно побледнела. А вот Мидори продолжала шагать как ни в чем не бывало, похоже, эту девчонку жутковатое зрелище ничуть не тронуло. Джей-Ти подступил с расспросами к Штреллеру – мол, что за тварь, откуда, для чего?

– Док, вы тут что, суперсолдат выводили? Сдается мне, этого четырехрукого можно нашпиговать свинцом по самые яйца, но он ни фига не остановится!

– Порождения тьмы нужны, чтобы сдерживать ее исчадий! – заунывным голосом ответил Штреллер. – Господь всемогущ. Мы нарушили Его заповеди, мы предались дьяволу, и теперь кара Его обрушилась на нас.

Поняв, что от свихнувшегося ученого ничего не добиться, рэпер стал приставать к Решетникову:

– Офицер, вы-то точно знаете, что за зверушку мы нашли.

– Похоже, это штурмовой киборг первой волны, управляемый дистанционно, – задумчиво пробормотал полковник. – Вессенберг обнаружил у него в позвоночнике какие-то микросхемы.

– Что значит – первой волны? – вмешался в разговор Шибанов.

– Первой волны атаки, – пояснил Решетников. – Такие существа идеально подходят для захвата хорошо защищенных объектов: командных пунктов, узлов связи, бункеров. Ваш приятель прав – его не остановят несколько прямых попаданий в корпус. Жизненно важные органы этого монстра надежно упрятаны за двумя скелетами, да к тому же наверняка имеют дублирующие системы. По крайней мере сердец у него было два. В ближнем бою, в рукопашной схватке это страшный противник…

– И тем не менее кто-то одолел его около трех часов назад, – буркнул Гумилев. – Одолел – и наполовину сожрал.

Шибанов недовольно зыркнул на олигарха.

– При всем уважении, вы бы… – речь Шибанова прервала короткая очередь из М4. Стрелял Грищенко. Практически сразу же заработал и автомат Ивановой. Они били в темноту, и пули высекали искры из бетонного свода тоннеля. От адского грохота хотелось закрыть уши руками.

– Быстро – рассыпаться! – крикнул Решетников. – Огонь по команде!

Но тут стрельба неожиданно стихла.

– Здесь что-то было, – неуверенно крикнул Грищенко. – В воздухе. Но мы не попали… Или попали, но оно все равно смылось.

Гумилев широким шагом двинулся к разведчикам. Подумав, Ростислав присоединился к нему.

– Что значит «оно»? – спросил Гумилев, шаря фонарем по потолку и высвечивая выбоины, оставленные пулями.

– Там что-то летало, – Грищенко ткнул пальцем вверх. – Черное такое… Как тряпка.

Догадка сверкнула в голове Шибанова. Он прошел вперед метров на десять и посветил на свод тоннеля.

– Вон она, ваша тряпка, посмотрите, – позвал он Грищенко и Гумилева. – А вон еще пара болтается.

– У страха глаза велики, – улыбнулся Гумилев, разглядывая свисавшие с кабелей кожистые груши.

– Летучие мыши, – облегченно выдохнул Грищенко и засмеялся. – Помню, мы пацанами их ловили на платок.

– Это как? – живо заинтересовался негр.

– Это берешь платок белый, расстилаешь на травке ночью, мышь на него и бросается. Зачем – хрен ее знает. Но главное – ее сцапать, пока она когти не отцепила и не удрала.

– А потом чего? Ели их?

– Ага, с жареным лучком и картошечкой, – подмигнул майор.

– Сколько еще топать до этого поезда... – сварливо проворчал один из федеральных агентов, поднимая носилки.

– Миль пять–шесть, – ответил ему из-за спины Миллерс. – Может, десять–двенадцать. Вы парни крепкие, выдержите. Поди, в Куантико[1] и не такому учили.

– Индро Юльевич, как состояние Лобачевского? – спросил тем временем Решетников у Вессенберга.

Эстонец во время вынужденной задержки посчитал у раненого пульс, оттянул веко и посветил фонариком, проверяя реакцию зрачка.

– Стабильно тяжелое. Пока действуют препараты, опасаться нечего, но, чтобы поддерживать его в состоянии медикаментозной комы, нужны новые инъекции. Словом, и здесь время работает против нас.

– Значит, пойдем быстрее, – подытожил за всех Андрей Гумилев.

...Минут двадцать отряд двигался в полной тишине, нарушаемой лишь хрустом гравия под ботинками. За это время Ростислав вспомнил старую аксиому о том, что по шпалам идти очень неудобно, потому что они кладутся так, что шагать на каждую – коротко, а через одну – длинно.

Еще он насчитал шесть технологических проходов, уводящих в неведомые подземелья, два огромных зарешеченных устья вентиляционных шахт, несколько запертых железных дверей – и никаких признаков живых существ. Четырехрукий монстр и летучие мыши были, похоже, единственными обитателями тоннеля.

При этом Шибанов чувствовал тревогу. Все, что произошло с ними за последнее время, было слишком невероятным, чтобы закончиться хэппи-эндом. Повинуясь интуитивному порыву, Ростислав незамет-

[1] В Куантико, штат Вирджиния, находится Академия ФБР США.

но вытащил из чехла фигурку Скорпиона и стиснул ее в кулаке. Однако металлический защитник никак не отреагировал на это. Не было ни вибрации, ни волны холода. Стало быть, все в порядке и отряду ничто не угрожает. Атика, пристроившаяся сбоку, покосилась на мужа, но ничего не сказала.

Зато развлекал всех неугомонный Джей-Ти.

– Никогда не думал, что буду вот так с русскими шастать в подземельях. Ну ладно еще Расти, он толковый чувак. Видал я иных ниггеров, которые ему в подметки не годятся, хотя их считали крутыми. Но сейчас я словно в кино типа «Красный рассвет» – типа кругом оккупанты, а я им помогаю.

Втолковывал он это почему-то Вессенбергу, который на слова рэпера внимания не обращал и шел себе, обнимая металлический чемоданчик.

Никто ниоткуда не выскакивал, ни на кого не бросался.

«Да и откуда тут взяться живности? – начал рассуждать Шибанов со скуки. – Чем ей питаться? Кругом бетон, металл, камень... Летучие мыши, крысы? Они не бесконечные...» Далее его мысли перекинулись на ближайшее будущее: «Идти нам еще от силы минут сорок. Потом будет поезд, наверняка перестрелка – Роулинсон не из тех, кто сдается без боя, если только они не ушли по тоннелю вперед. Тогда нас будет ждать засада, рано или поздно... А вот что дальше? Дальше... Дальше... Эх, прикорнуть бы сейчас прямо на рельсах... Минуток шестьсот, от души...»

Споткнувшись о шпалу, Ростислав едва не упал. Он чувствовал неодолимое желание лечь. Сонная одурь заволокла мозг, глаза слипались, руки еле удерживали тяжелый автомат.

«Что это со мной? – лениво подумал Шибанов. – Устал? Отрава? Газ?»

Паука, внезапно выскочившего из темной дыры очередного технологического хода, он заметил краем глаза.

Паук и паук. Черный, волосатый. Около метра в диаметре брюшка…

Около метра?!

Пронзительный визг Мидори вырвал Ростислава из дурного полусна. Так визжать умеют только кинозвезды – может, их где-то специально этому учат?!

Шибанов успел оттолкнуть Атику, вскинул М4 и в упор расстрелял омерзительное создание. Рядом с ним Мидори, не переставая визжать, тоже палила в отвратную тварь. Паук, получив не менее пары дюжин пуль в толстое, покрытое длинными волосами туловище, задергался, но не подох, а достаточно шустро кинулся прочь.

Шибанов вскинул голову, огляделся и тут же вновь поднял автомат, ловя в прорезь прицела еще одну огромную членистоногую тварь, притаившуюся на уклоне стены тоннеля.

– Огонь! – заорал Миллерс, тоже приметивший монстров, и дважды выпалил из дробовика. – Огонь! Огонь!

Пауки напали на отряд внезапно. Дурманный морок, навалившийся на Ростислава, не обошел стороной и остальных. Люди слишком поздно заметили опасность. Не менее трех десятков огромных пауков, напоминающих амазонских птицеядов, укрупненных до размеров отъевшегося лабрадора, разорвали походный строй. Щелкая зазубренными челюстями, с которых капал прозрачный яд, они передвигались быстрыми короткими прыжками.

Тоннель наполнился грохотом выстрелов. Миллерс вертелся волчком, в упор расстреливая волосатых тварей. Решетников и Гумилев, встав спиной к спине, поливали пространство вокруг себя. Джей-Ти, уперев приклад пулемета в бедро, лупил длинными очередями в черный зев прохода, не давая другим паукам прийти на помощь собратьям. Мидори, вскинув руки с револьверами, походила на персонаж какого-то фантастического боевика.

Штреллер от схватки самоустранился, да у него и оружия-то не имелось. Усевшись на рельс, он закрыл глаза, превратившись в жутковатое бородатое подобие спящего Будды. Что интересно, пауки тоже не обращали на доктора ровным счетом никакого внимания.

Лазерные лучи целеуказателей «смит-и-вессонов» метались по головогрудям, спинам, лапам пауков. Гулко звучали выстрелы, крупнокалиберные пули впивались в тварей, отпугивая и раня их, но вовсе не разнося на куски, как хотелось бы ожидать.

Из тоннеля прибежали Грищенко и Иванова. Они вступили в бой, атаковав группу пауков, пытавшихся отсечь Шибанова и его спутников от основной части отряда.

– Раненого! – крикнул им Ростислав, сделав паузу между очередями. – Прикройте раненого, мы сами справимся!

Носилки с Лобачевским в самом деле оказались практически без защиты. Фэбээровцы, едва первая волна пауков выкатилась из дыры, оставили их и бросились бежать обратно по тоннелю. Вессенберг попытался пробиться к раненому, но его окружило сразу пять тварей, и ксенобиологу пришлось отступить к покатой стене тоннеля.

Таким образом, брошенный всеми Лобачевский мог и уже должен был по идее сделаться легкой добычей арахнидов, но когда Грищенко и Иванова добежали до него, оказалось, что ни один паук даже не подошел к носилкам.

Ростислав дернул рэпера за рукав.

– Валим отсюда!

– Сейчас, только угощу этих тварей напоследок!

Джей-Ти повесил дымящийся пулемет на шею, вытащил из кармана одну за другой пару гранат и по очереди бросил их в дыру прохода.

– Все, валим!!!

Два взрыва слились в один. Завизжали, рикошетя о стены, осколки. Клубы дыма, смешанного с пылью, выметнулись в тоннель.

– Надеюсь, это отобьет им охоту нападать на людей, – процедил сквозь зубы рэпер.

Бой закончился как-то внезапно. Еще секунду назад пауки были повсюду – и вдруг их не стало, только валялись на рельсах редкие омерзительные трупы со скрюченными волосатыми лапами. Многие подергивались, еле слышно урчали и скрежетали, то ли подыхая, то ли обмениваясь предсмертной информацией об опасных двуногих, влезших в тоннель.

– Потери? – вопросительно крикнул Гумилев, перезаряжая свой М4.

– Фэбээровцы сбежали, – тут же откликнулся Миллерс. – Я ранен. Тварь зацепила челюстями ногу.

– Держись, Антох, – ободряюще сказал Грищенко.

– Да я-то держусь… Только как бы вирус…

– Если ты сразу не обезумел, стало быть, в тоннеле вируса нет или ты сопротивляешься. Иванова, сделай ему перевязку.

– Женой своей покомандуй, – огрызнулась Оксана, но послушно вытащила из кармашка разгрузки индивидуальный пакет.

– Не надо, – покачал головой Миллерс и отстранился. – Я сам. Там пустяки, царапина. Цапнул. Вот только яд… Они ж, суки, ядовитые?

– Пауки всякие бывают, – успокоил его Вессенберг. – Как и люди.

Притормозивший отряд собирался вокруг раненых, оглядывался, кто-то громко хлебал воду из фляжек.

– Что будем делать с фэбээровцами? – хищно поинтересовался Решетников. – Они могут дойти до станции. Там Санич.

– Возвращаться все мы не можем. – Гумилев с чувством пнул дохлого паука и оглядел собравшихся вокруг него людей. – Придется разделиться… Хотя Санич отобьется. Оружия-то у них нет. Если они вообще не проскочат мимо, нужен он им…

– Тихо! – вдруг вскрикнул все так же сидящий на рельсе Штреллер. – Вы слышите? Они идут! Идут!

Исчадия тьмы! Судный день... И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником – твердыни ее. И будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов. И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками, и лешие будут перекликаться один с другим; там будет отдыхать ночное привидение и находить себе покой. Там угнездится летучий змей. Будет класть яйца и выводить детей и собирать их под тень свою; там и коршуны будут собираться один к другому[1]. И будет едом ужасом: всякий, проходящий мимо, изумится и посвищет, смотря на все язвы его. Как ниспровергнуты Содом и Гоморра и соседние города их, говорит Господь, так и там ни один человек не будет жить, и сын человеческий не остановится в нем[2].

– Да замолчите вы! – досадливо рявкнул Решетников. – Хватит проповедовать!

Штреллер злобно посмотрел на Решетникова, но заткнулся, принявшись водить пальцем туда-сюда по рельсу.

– Ненавижу кликуш, – пожаловался Кириллыч неизвестно кому. – Поубивал бы...

– Я в самом деле что-то слышу. – Атика взяла Шибанова за руку. – Как будто волна накатывается на галечный пляж...

Все замерли. Из тоннеля приближался непонятный шум. Он становился все громче, и одновременно с ним стала наползать знакомая сонная одурь.

– Это пауки! – первым сообразил Грищенко.

– Мать твою! – Джей-Ти начал торопливо менять ленту в пулемете. – Как же я ненавижу пауков!

– Можно подумать, остальные их любят, – ворчливо произнес Решетников и тут же заорал: – Не спать, не спать! Индро Юльевич, идите в центр!

Вессенберг, о чем-то вполголоса говоривший со Штреллером, вскинул голову.

– Стойте! – крикнул он. – Не надо...

[1] Исаия 34.

[2] Иеремия 49.

Его прервал дикий вопль, донесшийся из тоннеля. Он перекрыл все звуки, и в нем было столько ужаса, столько нечеловеческой тоски, что даже Джей-Ти скривился, будто и сам почувствовал эту боль.

– Огнемет! – указал на тубусы Решетников. – Грищенко, Иванова, Миллерс!

Безопасники подхватили и разобрали прямоугольные пусковые контейнеры, изготавливая их к стрельбе.

– Да послушайте же! – взмолился Вессенберг, мечась от Гумилева к Решетникову и обратно. – Не надо! Будет только хуже!

– А-а-а-а!! – вновь донеслось из тоннеля.

– Свет! – скомандовал Решетников. – Больше света!

Шибанов, Атика, Мидори и Гумилев направили свои фонари в тоннель, разгоняя липкую темноту. Жуткий шелест усилился. Потом послышался топот, и в полосах света возникла человеческая фигура в защитном скафандре, но без шлема.

Луч фонаря выхватил оскаленный рот, выпученные глаза, бледные щеки.

– Не стреляйте в меня-а-а!! – завизжал человек. – Бегите!

– Это Ковальски, – меланхолично произнес Грищенко, вскидывая тубус реактивного огнемета на плечо. – Второго, видать, уже съели. Я готов.

– Я тоже, – подтвердил Миллерс.

– И я. – Иванова присела на одно колено и огляну-лась.

– Приготовились! – скомандовал Решетников.

– Вон они! – пронзительно закричала Мидори, указывая рубиновым лучом целеуказателя в тоннель. – Волна!

Это и вправду была волна – несколько сотен гигантских пауков ползли по земле, по стенам, по потолку. Они приближались стремительно, настигая бегущего Ковальски.

– Падай, чува-ак! – Джей-Ти передернул затвор LSAT.

– Мы их не остановим! – растерянно пробормотал Вессенберг. – Не надо стрелять! Штреллер сказал…

– Помолчите, профессор! – оборвал его Гумилев. – Вы что, не видите…

– А-а-а-а!! – вновь истошно закричал Ковальски, чувствуя, что паучья орда настигает его. – Я не хочу…

Один из арахнидов резко прыгнул вперед и зацепился лапами за плечи агента ФБР. Потрясенные люди увидели, как над бритым черепом Ковальски появилась мерзкая, бугристая голова паука. Кривые челюсти разомкнулись – и впились в темя, легко пронзив кости.

Фэбээровец захлебнулся криком и упал. Несколько тварей принялись сноровисто раздирать тело на части. Остальные пауки накрыли их и покатились дальше сплошной волной.

– Огонь! – заорали одновременно Гумилев, Решетников и Шибанов.

Огненные стрелы расчертили тьму, реактивные струи затрепетали в воздухе. Ракеты ушли навстречу орде арахнидов и взорвались в самой гуще пауков, залив весь тоннель ослепительным пламенем.

Раскаленный воздух, смешанный с дымом, закрутился в спираль, поглощая тварей. Омерзительный запах гари ударил Шибанову в ноздри. Огненный смерч пронесся под потолком тоннеля, опалив лицо.

– На землю! – крикнул Ростислав и упал, увлекая за собой Атику.

Первый залп напрочь выжег авангард паучьей орды, но из глубины тоннеля ползли все новые и новые твари. Вновь взревели ракеты, а затем еще и еще! Пространство перед отрядом заволокло густым, едким дымом.

– Все, что ли? – растерянно спросил Вессенберг, но тут мгла зашевелилась, и уже не сотни, но десятки пауков бросились на людей, стремясь во что бы то ни стало добраться до вожделенной добычи.

Отшвырнув опустевшие тубусы, Грищенко, Иванова и Миллерс взялись за автоматы. Загрохотал пулемет Джея-Ти, затрещал «штайр» Атики. Шибанов поднял

М4 и жал на спуск до тех пор, пока последний арахнид не замер без движения.

– Мы справились, чува-аки! – восторженно выкрикнул Джей-Ти. – Что, уроды, съели?! Мать вашу, съели? Не по зубам вам ниггер, а?

– Успокойся, Джей. – Мидори пихнула рэпера локтем. – Если бы не русские, тобой бы уже обедали…

– Теперь-то вы наконец послушаете меня? – Вессенберг подскочил к Гумилеву, заглянул в лицо. – Этот вид похож на увеличенную копию паука-терафозы. Терафозы – активные охотники, они нападают только на движущиеся объекты, понимаете? Если бы мы просто стояли…

– После драки кулаками не машут, – устало сказал тот, наблюдая, как черный дым растягивает по тоннелю. – Да и ставить такие эксперименты на себе большого желания нет. Надо идти. Кирилыч, командуй!

– Лобачевского понесут Вессенберг и Штреллер, – объявил Решетников. – Шибанов, выдели человека в передовую группу. Миллерс, пойдешь замыкающим вместе со мной. Все, вперед.

– А ты, по ходу, счастливчик, чувак! – проходя мимо носилок со спящим Лобачевским, сказал ему Джей-Ти.

Они двинулись дальше, но теперь скорость продвижения отряда существенно снизилась. Люди были измотаны и подавлены. Тошнотворный запах горелой органики, стоящий в тоннеле, действовал на нервы. Кроме того, практически сразу Штреллер, а за ним и Вессенберг начали жаловаться, что им тяжело и нужен привал.

– О привале забудьте! – жестко сказал эстонцу Гумилев. – Неужели вам не ясно, что здесь нельзя останавливаться? Кстати, ваш коллега не сказал, какие еще сюрпризы могут ожидать нас в здешних подземельях?

– Какой он мне коллега! – с ненавистью посмотрев в спину Штреллера, проворчал Вессенберг. – Псих чертов!

– Доктор, – обратился к Штреллеру Гумилев. – Вы меня слышите?

– Запретный плод сладок! – объявил тот, не оборачиваясь. – Вкусивший его навек отравлен. Мы вкусили – и теперь расплачиваемся. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца.

– А ну-ка, позволь мне, – Решетников резко остановился, вытянул вперед руку. – Поставьте носилки!

Штреллер с Вессенбергом послушно опустили Лобачевского на гравий. Полковник приблизился и вдруг влепил бородатому доктору сильную оплеуху.

– Смотреть в глаза! – громко заорал Решетников. – Отвечать быстро, четко! Откуда тут эти твари? Ну?!

– Исчадия тьмы... – забормотал Штреллер.

Вторая оплеуха бросила его на землю.

– Не надо... – вполне осмысленно сказал доктор. Из разбитого носа на бороду закапала кровь. – Я... Я болен...

– Отвечай на вопрос! – Решетников навис над Штреллером, сжав кулаки. – Какие еще существа тут водятся? Откуда они?

– Я... скажу, скажу... – закивал доктор. Он с трудом поднялся, запрокинул голову, чтобы унять кровь.

– Я жду! – напомнил о себе Решетников.

– Да, да... На борту инопланетных кораблей были... Формы жизни... Биологический материал... ферменты, гормоны... клеточные соединения с уникальными свойствами. Я не биолог, поймите! Это все дьявол! Это он наущал тех, кто принимал решения! Генералы...

– Да-а, чува-ак, – обратился к Шибанову Джей-Ти. – Если ваше Кей-Джи-Би всегда так работает, я понимаю, почему ты сбежал в Штаты.

– Можно подумать, ваши работают иначе, – огрызнулся Ростислав.

– Я знаю, что имелось четыре программы… Штурмовые киборги, универсальные охранники, диверсанты и еще что-то, связанное с выживанием… – бормотал Штреллер.

Гумилев поморщился – методы Решетникова его не устраивали, но для церемоний точно времени не имелось.

– Универсальные охранники – это пауки?

– Нет! Нет! То есть да-а… – слабо кивнул Штреллер. – Им вживляли железы, вырабатывающие гормон роста, и постоянно облучали, чтобы добиться устойчивой мутации. А потом, в восемьдесят пятом, кажется, эксперимент вышел из-под контроля…

– Мозги у вас вышли из-под контроля, причем у всех, – буркнул Вессенберг. – Нет чтобы передать объекты нормальным ученым…

– Я не виноват! – тут же заверещал Штреллер. – Я вообще думал – это слухи, байки, ложная информация! А когда увидел этого… четырехрукое порождение тьмы…

Неожиданно, задрав бороду, доктор дико сверкнул глазами и простер руки над головой опешившего Решетникова. Голос его окреп и загремел:

– Тьму выпустили мы из многовекового заточения! Тьма явилась и ныне правит, пожирая людей, словно рыкающий лев безвинных агнцев. Дьявол пришел в мир! Свершилось великое пророчество святого Иоанна!

Гумилев подошел к Решетникову и положил руку на плечо:

– Такое ощущение, что он свихнулся сразу, как только его выпустили из заточения. Видимо, поперло все, о чем он думал эти два года…

– Да уж… – Решетников рассерженно сплюнул под ноги. – Грищенко! Подмени его. Двигаемся дальше.

– Расти, не нравятся мне эти истории про диверсантов, – сказал Шибанову Джей-Ти, тревожно всматриваясь во мрак. – Сейчас как выскочат какие-нибудь мно-

голапые черепашки-ниндзя, мать твою, да как начнут кромсать нас на кусочки…

– У нас в России говорят: «Не зови беду по имени», – усмехнулся Шибанов. – А еще говорят: «Бог не выдаст – свинья не съест». Тебе, что ли, бояться каких-то черепашек, Джей?

– Ты, конечно, прав, чувак, но все равно… – Рэпер тоскливо огляделся. – Стремно-то как, а? Даже на кресте мне не было настолько стремно…

Тоннель начал плавно поворачивать. Если бы они сидели внутри движущегося вагона, то вряд ли бы это заметили, а сейчас все было видно отчетливо: мягкий поворот, рельсы, уходящие в невидимое.

На стене были нарисованы через трафарет большие красные цифры «012». Отряд миновал несколько запертых дверей (они попадались систематически, но ни у кого не возникало даже мысли сходить и посмотреть, что же там за ними), каких-то ниш с металлическими ящиками, набитыми аппаратурой, и вышел к развилке. Рельсы здесь раздваивались. Из нового тоннеля, в который убегала дополнительная пара, тянуло холодом.

– Это зачем? – удивился Джей-Ти. – И куда нам дальше? Я все чаще начинаю думать, что следовало остаться наверху. У нашего долбанутого проповедника там полно жратвы, бухла и даже фильмы на дисках имеются.

– Скорее всего, здесь начинается объездной путь, – объяснил Решетников. – Чтобы встречные поезда могли разъезжаться. Эта дорога… – он махнул в сторону бокового тоннеля, – делает дугу и вновь соединяется с основной где-нибудь там, впереди. По крайней мере в гражданском метро все устроено именно так.

– Привал пять минут! – скомандовал Гумилев, понимая, что отряду нужно обдумать происходящее, и первым уселся на рельсы.

Повторять дважды не пришлось никому. Люди расселись прямо на рельсах, затрещали оболочки вскрываемых армейских сухпайков.

– Правильно я не пошел в армию, – прокомментировал Джей-Ти, громко чавкая. – Жратва у них дерьмовая.

– Антон, – окликнул Гумилев Миллерса. – Как твоя нога?

– Терпимо, Андрей Львович. – Бывший десантник отложил пакет с сухим пайком, закатал рваную штанину скафандра. – Чешется, правда, зараза. И распухла. Но антидот действует, у меня даже температура не поднялась. Меня другое беспокоит…

– Что?

– Вирус. Считайте, я уже заражен. Сколько мне осталось?

– Ты не думай об этом, – подбодрил Миллерса Гумилев. – Вирус обычно действовал почти моментально. В любом случае ты продержался довольно долго – даже если он мутировал или выдохся… Давай, поешь. Мы успеем. Все будет хорошо.

– Ваши бы слова – да Богу в уши… – вздохнул Миллерс, шурша оберткой НЗ. – Тьфу ты, – скривился он через секунду. – И здесь невезуха. Рис по-креольски с овощами – я что, веган?

– А у меня… – сидящая поодаль Мидори наморщила лоб, читая этикетку. – Та-ак… «Говяжья вырезка, крендельки с сыром, мягкий сыр, пшеничный хлеб, соус барбекю, лимонад, острый соус, чай с лимоном». Джей, а у тебя что?

– Собачье дерьмо! – разочаровано выпятил губу рэпер. – «Курятина с тайским соусом, отварной рис, мягкий сыр с перцем халапеньо, овощные крекеры, изюмно-ореховая смесь, кофе с ванильно-фруктовым ароматом, острый соус, сахар, сухое молоко, чай в пакетике». Ненавижу курятину!

– Меняемся. – Атика протянула ему свой паек. – Тут «Пирожок с бобами и рисом, кекс, печенье с фруктовой начинкой, сухофрукты, арахисовое масло, крекеры, острый соус и пикантный соус»[1].

---

[1] В состав пайков MRE армии США входят двадцать четыре набора продуктов .

– Вот это настоящая еда для черных парней! – одобрил Джей-Ти. – Арахисовое масло, да я бы им гадил, если бы мог!

Некоторое время все были заняты поглощением пищи. По тоннелю плыл сладковатый запах карбида, с помощью которого разогревались пайки.

– Андрей Львович! – вдруг сказал Грищенко, откладывая пластиковую ложку. – Рельсы поют!

– Что?

– Рельсы! Вот эти, новые. Что-то едет!

Отряд мгновенно рассыпался вдоль путей. Все залегли, защелкали затворы автоматов, лучи фонарей высветили рельсы, уходящие во второй тоннель. Шибанов прикидывал, достаточно ли расстояние от стенки тоннеля до рельсов, не затащит ли под колеса аэродинамическая струя... А что делать-то? Бежать в развилку? Так непонятно же, откуда именно едет!

Послышался приближающийся гул, шум колес, и из темноты выкатилось приземистое сооружение, похожее на небольшой броневик, установленный на железнодорожную тележку. Вместо башенки конструкцию венчал аппарат, напоминающий уличный светофор.

– Это что за хрень? – громогласно спросил Джей-Ти.

Ему никто не ответил.

Тележка докатилась до развилки и остановилась. С тихим гудением «светофор» поднялся вверх, развернулся. Вспыхнул мощный прожектор.

– Андрей Львович, – приподняв голову, позвал Гумилева Решетников. – Похоже, это какая-то следящая система. Или...

Договорить он не успел – из «светофора» выдвинулся черный граненый блок, укрытый небольшим козырьком. Отчетливо щелкнула опустившаяся заглушка.

– Это SGR-1, – упавшим голосом сообщила Иванова. – Боевой робот!

– Робот? – удивился Гумилев. – Тогда он не опасен. Эту штуку создали явно до Армагеддона. Согласно международным договорам, решение об открытии огня подобными аппаратами принимает оператор. Но на базе нет людей – персонал погиб. Сейчас компьютер робота определяет цели и посылает запрос на дальнейшие действия. Ответа, как вы понимаете, он не дождется. Можно подниматься. Кстати, неплохо было бы попытаться использовать тележку как средство передвижения. У нее явно автономное питание…

Произнося последнюю фразу, Андрей встал, закинул автомат за спину и шагнул к роботу. Луч прожектора немедленно высветил его высокую фигуру. Внутри «светофора» что-то прошелестело, на одной из консолей вспыхнул алый огонек…

– Ложись! – не своим голосом заорал Шибанов.

Он ничего не понимал в международных договорах, но обострившееся за два года скитаний по Закрытой Территории чутье подсказало ему – сейчас будет жарко.

Пулемет, спрятанный внутри граненого блока робота, оглушительно загрохотал. На рельсы посыпались, звеня, стреляные гильзы. Первая очередь прошла над головой Гумилева, гулко ударив в стену тоннеля.

– Ложись!! Это предупредительная была! – снова крикнул Ростислав.

Гумилев застыл на месте, словно не веря в то, что машина, не управляемая человеком, может причинить ему вред. Чья-то серая тень метнулась вдоль тоннеля. Джей-Ти начал стрелять, однако попасть в SGR-1 ему мешала закругляющаяся стена тоннеля.

Робот дал вторую очередь, и она, без сомнений, стала бы роковой для Андрея, но серая тень обернулась Антоном Миллерсом и прикрыла собой Гумилева.

Крупнокалиберные пули ударили в грудь десантника, швырнули его на Андрея, и они оба рухнули на рельсы. Подоспевшие Грищенко и Иванова с двух сторон расстреляли глазки «светофора», осле-

пив робота, а Решетников довершил дело выстрелом из подствольного гранатомета. Единственная имевшаяся в распоряжении отряда граната ударила в основание защищенного бронечехлом пулемета и повредила механизм наводки. Съехав на сторону, пулемет продолжил стрельбу и целых семь минут бестолково долбил в бетонную стену, выбив в ней здоровенную дыру.

– Антон! Антон!! – тряс Миллерса Гумилев. Бронежилет, надетый поверх скафандра, вроде бы выдержал удары пуль, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что вся грудь Миллерса представляет собой сплошное кровавое месиво.

– Я все равно не жилец… Вирус… – прошептал Миллерс.

Изо рта Миллерса хлынула кровь, он захрипел, выгнулся – и умер.

– Да что это за хрень такая?! – Джей-Ти подскочил к бронетележке и врезал ногой по колесу. Ушиб ногу, запрыгал по шпалам, отчаянно чертыхаясь.

Иванова подобрала горячую гильзу и посмотрела маркировку.

– Так и есть, – глухо сказала она. – Боевой робот SGR-1, разработан корпорацией «Самсунг». Такие стояли на границе между Северной и Южной Кореей. Оснащен видеокамерами, датчиками движения, лазерными дальномерами и активными приборами ночного видения на основе инфракрасных тепловизоров. Вся эта аппаратура позволяет обнаруживать нарушителей границы на расстоянии до двух миль…

– Типа «Итера», который ты перепрограммировала, – сплюнул Решетников. Лицо его было совершенно белым.

Иванова отшвырнула гильзу в сторону, она ударилась о стену и зарылась в гравий.

– Мать твою, и это дерьмо убивает людей? – удивился Джей-Ти. – А я думал, «Самсунг» – это только телики и телефоны…

– Робот SGR-1 комплектуется пулеметом «Дэу-К3» калибра семь шестьдесят два, – бесстрастно продолжила Иванова. – Копия бельгийского FN Minimi.

– Вижу, до хрена ты всего знаешь, – сердито произнес Джей-Ти.

– Андрей Львович, отпустите. – Грищенко попытался разжать руки Гумилева, все еще сжимавшие мертвое тело Миллерса. – Отпустите его.

– Что? – Гумилев словно очнулся, обвел отряд тяжелым взглядом. – Антона надо похоронить.

– Здесь – негде, – сказал Шибанов. – Возьмем с собой. Если сможем разобрать эту гробину!

Ослепленного, расстрелявшего все патроны робота разбирали минут двадцать. Своротив боевую часть, тот самый «светофор», Грищенко с Решетниковым и Вессенбергом повредили органы управления, и аппарат обесточился.

– Теперь это просто тележка. – Джей-Ти снова сплюнул.

– Катафалк, – подал голос Штреллер.

Ему никто не ответил.

Тело Миллерса водрузили на броню, рядом укрепили носилки с Лобачевским и покатили по рельсам к развилке. Скорбное шествие возглавляли Грищенко и Иванова, Шибанов с Вессенбергом и Гумилевым катили тележку, Джей-Ти, Решетников и девушки прикрывали отряд с тыла. Штреллер маячил в стороне, привычно бормоча себе под нос: «И побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! прими дух мой!» На доктора никто не обращал внимания.

– Почему он начал стрелять? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Гумилев. – Я изучал материалы по подобным системам, когда нашей корпорации предложили разработать для них искусственный интеллект. Они предназначены в первую очередь для обнаружения целей. Решение об открытии огня всегда принимает человек. Этого робота кто-то перепрограммировал! Но кто?

– Дьявол, явившийся из бездны, – хихикнул Штреллер.

– Боюсь, тут не обошлось без нашего забинтованного друга, – буркнул Джей-Ти.

– Стойте, – поднял вдруг руку Решетников. – Носилки!

– Что не так? – не понял Гумилев.

– Нельзя живого человека везти вперед ногами. Примета плохая. А Лобачевский жив…

– К черту приметы! – разозлился Андрей. – Тут все – одна сплошная плохая примета. Вперед!

Я не могу слышать вас, потому что не вижу.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сквозь страх

Тоннель начал ощутимо уходить вниз. Идти стало трудно, а тележку теперь пришлось не катить, а придерживать, чтобы она не уехала вперед, в тревожную тьму подземелья. Поезду хорошо, поезд ехал тут, притормаживая… Интересно, подумал Шибанов, зачем так? Может, сверху залегает скальная порода, и ее проще было обойти снизу, чем продолбить? Теперь уже не разобраться…

Тишина, схлынувшее напряжение после битвы с пауками и столкновения с роботом-пулеметом, мрак и полная неизвестность впереди вымотали людей. Вессенберг еле стоял на ногах, Мидори с трудом плелась, ухватившись за ремень Джея-Ти. Атика не жаловалась, но Шибанов давно забрал у нее рюкзак и разгрузочный жилет, набитый запасными обоймами к «Штайру» и медикаментами.

Безопасники из группы Гумилева чувствовали себя увереннее других – сказывалась подготовка, но и сам Андрей Львович держался так, словно был опытным спецназовцем.

Один раз, когда Ростислав оказался рядом с Гумилевым, тот внимательно посмотрел ему в глаза, но ничего не сказал. Однако спустя несколько минут он все же решился начать разговор.

– Скажите, Шибанов… – Гумилев замялся. – Нет, не то… Давайте начистоту: у вас есть предмет, так?

Ростислав дернул уголком рта, но ничего не ответил.

– Я не буду допытываться, что это за фигурка и какими свойствами обладает, – махнул рукой Гумилев. –

Намекните только: она помогает вам? Нам сейчас очень желательна помощь. Боюсь, еще одного местного сюрприза мы можем и не пережить…

Шибанов хотел ответить – мол, да, конечно, помогает, но вовремя прикусил язык. Дело в том, что Скорпион будто бы умер, если только этот глагол можно применить в отношении металлического предмета. Фигурка не помогала, не мешала… Это было странно. Но заставить Скорпиона что-то делать Ростислав не мог. Не умел.

– Сумасшедший доктор говорил что-то о диверсантах, которых пытались вывести в лабораториях базы, – сменил он тему. – Нам надо усилить бдительность.

– Спасибо за совет, – серьезно кивнул Гумилев. – Но вы не ответили на вопрос.

– И не отвечу. Если вы в курсе относительно фигурок, то должны понимать, что это очень личное.

– Вы даже не представляете, Ростислав, насколько я в курсе, – очень серьезно сказал Гумилев. – Но я так понимаю, что ваш предмет бесполезен…

– Он молчит, – неожиданно для себя процедил сквозь зубы Шибанов. – Молчит, хотя мог бы помочь. Вот, смотрите…

И, вытащив Скорпиона из чехла, Ростислав продемонстрировал его Гумилеву на раскрытой ладони. В свете фонаря предмет выглядел странно, даже пугающе – фигурка словно бы ожила, по металлическим лапкам скорпиона скользили блики, клешни сжимались и разжимались, трепетало жало на хвосте…

– Это добрый предмет, – уверенно сказал Гумилев.

– Вы откуда знаете? – Шибанов убрал Скорпиона. – Вообще-то в мифологии это существо относится скорее к темным силам.

– Это добрый предмет, – повторил Гумилев. – Я чувствую.

– Товарищ полковник! – позвал Решетникова Грищенко. – Тут на стене что-то типа семафора.

– Впереди станция, – внимательно рассмотрев укрепленный на кронштейне блок с двумя светодиодными глазками, сказал Решетников. – Машинист поезда получает сигнал – свободен путь или занят. На всякий случай приготовимся к бою. Мало ли что…

Олег Санич расположился в диспетчерской с максимальным комфортом. Пятилитровая пластиковая бутыль с водой, несколько упаковок печенья, консервы, галеты – хватит, чтобы не голодать несколько дней. Рядом на стол он положил гранаты, заряженную штурмовую винтовку и ручной гранатомет ММ-1 револьверного типа. В замкнутых помещениях это было страшное оружие. Обладающий им человек мог сдержать целый взвод, если не роту.

Усевшись на вертящийся стул, Санич вытянул искалеченную ногу, утвердив ее на тумбочке. Прямо перед ним находилась распахнутая дверь, ведущая на платформу. Через дверной проем он мог обозревать всю станцию. Вначале Олег хотел запереть дверь, но тогда неизвестный враг смог бы подобраться совсем близко, оставаясь незамеченным.

– Ловушка, – вслух произнес Санич. – Не-ет, господа хорошие, нам такой хоккей не нужен.

Начальник службы безопасности корпорации Гумилева бодрился, но на душе у него скребли кошки. Полученное повреждение коленного сустава привело к тому, что шеф ушел в трудный и опасный поход с другими людьми. Санич знал – он никогда себе не простит, если с Андреем что-то случится.

В древней Японии самурай, не сумевший сберечь в бою своего господина, совершал сеппуку. Олег в свое время внимательно изучил бусидо и в жизни старался придерживаться простых и суровых правил этого кодекса. Поэтому по правую руку от себя, рядом с потухшим дисплеем, он положил тяжелый пистолет «кунан» калибра 357 под патрон «магнум».

«Если с шефом что-то случится… – покосившись на пистолет, подумал Санич. – Но прежде я обязан

включить питание. Да уж, хуже нет, чем ждать и догонять».

Секунды тянулись невыносимо медленно. Они складывались в еще более тоскливые минуты. Закрытые матовыми панелями лампы дневного света под потолком диспетчерской тихонько гудели, и в царившей на станции тишине это гудение сводило Олега с ума.

Пустая станция, темный тоннель... А ведь совсем рядом находится гигантская база: коридоры, залы, лаборатории, ангары. Олег вспомнил о грудах мертвых тел, найденных группой в подземельях базы, и перед глазами встали оскаленные лица мумифицированных трупов. Взвинченный мозг немедленно провел аналогии, и из глубин памяти всплыли кадры виденных когда-то фильмов ужасов про оживших мертвецов.

– Бред! – Олег рассмеялся.

Смех подействовал отрезвляюще. Санич вспомнил один из неписаных законов спецуры: «Еда успокаивает. Сытый боец адекватно воспринимает реальность».

Вскрыв банку консервированной ветчины, Санич соорудил себе трехэтажный бутерброд, отсалютовал им своему отражению в темной поверхности дисплея и принялся за еду.

Он не успел съесть и половину, когда из тоннельного мрака выкатился заунывный, полный невыразимой муки стон. Отложив бутерброд, Санич схватил штурмовую винтовку М4, упер раздвижной приклад в плечо и прицелился в темный зев, готовясь в любую секунду открыть огонь.

Стон повторился. Олег закусил губу, постарался выровнять дыхание. Тьма колыхнулась, словно живая, и сквозь нее проступил неясный силуэт. Кто-то – или что-то? – медленно полз по рельсам, с трудом передвигая лапы...

Или руки?

«Стрелять сразу?» – подумал Санич и удивился этой мысли. Он был профессионалом, много лет прора-

ботал в системе и в подобных ситуациях действовал на рефлексах.

Существо медленно выползало из тоннеля. Олег медлил, нервно поглаживая указательным пальцем спусковой крючок.

– У-у-у-у… – простонало существо и без сил опустилось на землю, не дотянув до светового пятна от крайнего фонаря каких-нибудь полметра.

– Зараза! – выругался Санич, опуская ствол М4. – Эй!! Вы кто? Вам нужна помощь?

Он кричал громко, но его явно не слышали. Существо то ли потеряло сознание, то ли не понимало человеческую речь, то ли вовсе умерло.

– Надо идти, – сказал себе Олег, отложил автомат и двумя руками снял изувеченную ногу с тумбочки. – Надо идти, прах тебя побери…

Он поднялся, неловко двигая перемотанной скотчем ногой, заковылял к двери. На пороге оглянулся, подумал, вернулся и прибавил к висящей на шее М4 еще и тяжелый гранатомет, прокомментировав свое решение фразой:

– Береженого бог бережет!

Шаги Санича гулко раскатывались по станции. Доковыляв до края платформы, он посмотрел на неподвижно лежащее метрах в пяти существо и снова окликнул его:

– Эй! Вы слышите меня? Что с вами?

Серое пятно пошевелилось. Олег теперь ясно видел, что это человек. Одежда на нем превратилась в лохмотья, на плечах и спине темнели пятна крови.

– Мать твою…

– У-у-у…

Приподнявшись, человек повернул к Саничу чудовищно изуродованное лицо, но Олег все же узнал его. Перед ним был агент ФБР Буч Маккормик, один из ушедших вместе с Гумилевым в тоннель людей…

Промежуточная станция располагалась в огромной каверне естественного происхождения. Рельсы

шли вдоль выровненной стены и метров через сто исчезали в тоннеле. Справа возвышался перрон, за ним виднелась сложенная из бетонных блоков стена с железной дверью, снабженной штурвальным запором. По обе стороны от двери располагались амбразуры для ведения огня. Пещера простиралась вправо, и своды ее, украшенные сталактитами, терялись во мраке. Лучи фонарей не добивали до дальней стены.

– Тоннель впереди перекрыт выдвижной балкой. Это что-то типа автоматического шлагбаума, – сказал Грищенко, ходивший на разведку.

– Мы не сможем провезти через него тележку, – всматриваясь в сумрак, покачал головой Решетников. – Как убрать эту штуку?

– Скорее всего, убирает ее пульт управления, который находится на станции.

– Логично, – полковник оглядел группу и скомандовал: – Иванова! Грищенко! Проверить помещение. Шибанов, Джей-Ти – прикройте их.

– Вы Ивановой так доверяете? – тихо спросил Гумилев, когда Оксана ушла вслед за майором.

– А что с ней делать? Мы сейчас все в одной лодке.

Андрей задумчиво кивнул. В самом деле, поспешное бегство федеральных агентов явно не провоцировало Иванову бросить группу и уйти в темноту.

Четверка бойцов отправилась к перрону. Атика подошла к опершейся на тележку Мидори, хотела что-то сказать, но японка посмотрела на нее такими усталыми глазами, что девушка предпочла промолчать.

Гумилев внимательно следил за разведчиками. Постоянное чувство опасности, ставшее уже привычным за время странствий по тоннелю, сейчас словно вспыхнуло с новой силой. Стиснув рукоять автомата, Андрей скрипел зубами.

Он откуда-то знал – ничего не закончилось. Это проклятое подземелье еще не насытилось, оно жаждет крови. И вот-вот получит ее.

Бледная тень возникла у края перрона словно бы из ниоткуда. Андрей зашипел, прицелился. Он не разглядел, кто заступил дорогу разведгруппе, но сразу сообразил, что это враг.

Отчаянный женский крик, долетевший до оставшихся людей, заставил всех вздрогнуть. Сразу следом за ним загрохотал пулемет Джея-Ти, залаяли автоматы Шибанова и Грищенко. Крик перешел в вой.

– Не стреляй! – Решетников ударил ладонью по стволу гумилевского М4. – Зацепишь.

Пальба стихла. Группа возвращалась. Трое тащили одного.

– Иванова! – крикнул Вессенберг. – Ранена?

Женщина уже не выла – хрипела и странно, жутко булькала, словно пыталась напиться, но сжатое горло выталкивало воду.

– Хуже, – ответил из темноты Грищенко. – Обезболивающее, быстро!

Вессенберг достал индивидуальную аптечку, дрожащими пальцами выковырял из ячейки шприц-тюбик.

Дотащив раненую до тележки, Шибанов и Грищенко опустили ее на гравий.

– Что с ней? – попытался выяснить профессор, но набежавший Джей-Ти толкнул его в плечо и рявкнул:

– Коли! Быстрее!

Гумилев подошел ближе, склонился над Ивановой – и тут же отшатнулся.

У Оксаны не было лица. Совсем. Вместо него Андрей увидел пузырящееся кровавое месиво, из которого проступали сахарно-белые челюстные кости черепа. Вытекший шарик глаза висел на ниточке нерва, кожа на висках растрескалась и сползала к ушам неопрятными лохмотьями.

Вессенберг воткнул шприц-тюбик в бедро женщины. Иванова вдруг начала отчаянно колотить ногами по рельсам, вскинула руки, точно хотела схватить кого-то.

– Агония, – прошептал профессор.

– К-кислота… – заикаясь, сказал Шибанов. – Они плюются кислотой…

– Кто – «они»? – нахмурился Решетников.

– Призраки. Бледные призраки. Мы видели троих. Иванова шла первой и сразу получила заряд в лицо. Джей, кажется, срезал одного…

– Я точно попал, чувак! – подтвердил рэпер, отрываясь от фляжки. Вода стекала по его небритому подбородку. – Все брюхо ему разворотил, мать твою!

Иванова перестала дергаться, обмякла, вытянулась. Мидори вдруг громко, навзрыд, заплакала.

– Не надо скулить, сестра, – грубо утешил ее Джей-Ти. – Тут и без тебя сыро.

– Вот и карающий меч, – пробормотал Решетников.

– Какой еще меч?! – недоуменно спросил Гумилев.

– Который на гербе у нас, – отрубил Решетников и отошел прочь.

Санич стоял у края платформы и смотрел сверху вниз на умирающего Буча. С поврежденной ногой он даже не мог спуститься и облегчить страдания раненого уколом промедола.

Фэбээровец стонал, не переставая, и все пытался отползти как можно дальше от темной впадины тоннеля, словно даже в полубессознательном состоянии боялся чего-то, что может появиться оттуда.

Все его тело покрывали рваные раны, распухший лоб пересекал глубокий порез, одна щека была разодрана, и сквозь дыру виднелись окровавленные зубы.

– Убей меня! – вдруг очень внятно и четко выкрикнул Буч и закашлялся, брызгая кровью на рельсы.

Санич попятился, инстинктивно выставив толстый ствол ММ-1. Стрелять с такого расстояния из гранатомета было настоящим самоубийством – Олега посекло бы осколками. Собственно, он и не собирался, просто последняя просьба фэбээровца застала Санича врасплох.

Непонятный шум, похожий на звуки морского прибоя, выкатился из тоннеля и затопил станцию. Олег

побледнел. То, что до смерти изувечило Буча, теперь надвигалось на него, и Санич почувствовал, как у него взмокла спина, а руки сделались ледяными, словно он находился на сильном морозе без перчаток.

Нет ничего страшнее неизвестности, это аксиома. Но куда больший ужас у человека вызывает неизвестность, уже забравшая чью-то жизнь. Замершее на рельсах тело несчастного Буча красноречиво намекало Саничу о той участи, которая его ожидает.

Шум усилился. Олегу показалось, что он различает в нем отдельные щелкающие звуки. Выругавшись, Санич бросился назад по платформе, далеко выбрасывая вперед негнущуюся ногу и в такт шагам размахивая тяжелым гранатометом. Доковыляв до распахнутой двери диспетчерской, он обернулся и непроизвольно вскрикнул, увидев, как из тоннеля выплеснулась темная волна, сплошь состоящая из членистых лап, мохнатых тел и кривых челюстей.

Ввалившись в комнату, Санич захлопнул дверь, сделанную из легкого металла, и заклинил ручку замка одним из валявшихся рядом стульев. Переведя дух, он с тревогой посмотрел на небольшое окно в двери, закрытое матовым армированным стеклом. Это окно было самым слабым звеном его обороны. Если то, что выползло из тоннеля, – Олег все никак не мог сформулировать для себя, что это, – так вот, если оно сумеет разбить толстое, но отнюдь не бронированное стекло…

– Надеюсь, Гумилев жив… – неуверенно сказал Санич и рухнул в кресло у пульта. – Скоро они дойдут до поезда и дадут сигнал. Я включу…

Дверь затряслась, на нее посыпались беспорядочные удары. За стеклом мелькнула неясная тень, потом еще одна, и вдруг что-то сильно ударило в окно.

– Зараза! – с чувством произнес Санич, глядя на паутину трещин, разбежавшихся по стеклу. Отложив гранатомет, он взялся за М4. Замысел Олега был прост – когда то, что хочет добраться до него, разобьет окно, выстрелами из штурмовой винтовки очистить проем

от остатков стекла, а потом выпалить в окно из ММ-1. И если понадобится, сделать это несколько раз.

– Только попробуй сунуться сюда… – шептал он, следя за тем, как в стекло долбят и долбят то ли палками, то ли лапами. – Только попробуй…

Тело Ивановой погрузили на тележку рядом с Миллерсом и Лобачевским.

– Скоро мест не останется, – тихо пробормотал Грищенко.

– Не каркай! – оборвал его Решетников и повернулся к сидящему Штреллеру, раскачивающемуся из стороны в сторону. – Эта сволочь могла бы и предупредить, что в тоннелях еще полно всякой нечисти.

– Мы могли догадаться и сами. – Шибанов отстегнул магазин М4 и принялся набивать его патронами. – Створы на станции, системы слежения, самоходный робот-убийца… Да и доктор вел себя более чем подозрительно, а мы не обратили внимания.

– Кончилось время креста! – вдруг громко и отчетливо произнес Штреллер. – Иная сила будет властвовать над миром!

– Как не погнулись – о горе! – как не покинули мест кресты на Казанском соборе и на Исаакии крест[1]… – мрачно продекламировал Решетников.

– Тени, кресты и могилы скрылись в загадочной мгле, свет воскресающей силы властно царит на земле[2], – добавил Шибанов.

Полковник удивленно посмотрел на него.

– Что? Не ожидали, что хоккеист знает стихи Николая Гумилева? – Шибанов вставил последний патрон в магазин и со щелчком вогнал плоскую коробку в автомат. – Тогда алаверды – услышать такое от офицера безопасности для меня тоже было откровением.

Решетников засопел, потом неожиданно улыбнулся.

– Обидеть друг друга у нас не получилось.

---

[1] Из стихотворения Н. Гумилева «Мужик».

[2] Из стихотворения Н. Гумилева «Песнь Заратустры».

– Это точно. А скажите... Давно хотел спросить, но все как-то... Ваш начальник, он родственник тому Гумилеву или просто однофамилец?

– Родственник, – кивнул Решетников. – То ли внук, то ли правнук...

Он понизил голос, оглянулся, бросил косой взгляд на Гумилева, который, прильнув к биноклю, разглядывал противоположный край пещеры, и неожиданно быстро спросил:

– Кстати, Ростислав, что вы знаете о предметах?

– О каких... – начал было Шибанов и тут же сообразил, о чем спрашивает его Решетников. – Что знаю? Да ничего практически не знаю. Мой Скорпион, он... он как бы предупреждает меня об опасности. Иногда подсказывает, чего не надо делать. Вы сказали «о предметах»... Их что, много?

– Гораздо больше, чем вы можете себе представить, – загадочно ответил Решетников. – И они – лишь часть непонятной нам пока системы, в которую входят аномальные зоны, разбросанные по всей земле, линзы переходов, позволяющие перемещаться в пространстве и во времени...

– И кто все это создал?

– Мы не знаем, – вздохнул полковник. – Мало того, возможно, все это существует отдельно одно от другого, и предметы не связаны с теми же линзами. Просто есть существа... Когда вы сказали, что встретили «бледных призраков», я сперва решил, что это они и есть. Прозрачные...

– Прозрачные? Почему вы их так называете?

– Ну... – Решетников замялся. – Они реально имеют прозрачную кожу. Никогда не прибегают к насилию, это важный момент! Тем не менее прозрачные всегда появляются там, где люди используют силу предметов. Знаете, кстати, как их называли оккультисты Третьего рейха?

– Ну вот это профессиональному хоккеисту точно не может быть известно, – криво улыбнулся Шибанов.

– Высшие Неизвестные! – торжественно провозгласил Решетников. – Их считали истинными властелинами мира. Теория полой Земли предполагала…

– Кирилыч, – прервал его тираду подошедший Гумилев. – Что у тебя тут за лекция? Надо двигаться. Время работает против нас.

– Времени нет! – визгливо заорал неожиданно подкравшийся Штреллер. – Пространства нет! Ничего нет! Только смерть, смерть!

– Вот же козел! – как-то очень по-детски выругался Решетников и замахнулся на безумного доктора прикладом. – Заткнись, сволочь!

– Это мутанты, – вдруг вполне осмысленно произнес Штреллер, сделав несколько шагов назад. – Они почти разумны – за основу брались мужские и женские особи орангутангов. Клеточная структура слюнных желез и слизистой оболочки во рту изменена искусственно. Кислота, которой они плюются, по составу напоминает царскую водку. К сожалению, во время формирования этого аппарата перерождение затронуло щитовидную железу и костный мозг позвоночника. Начались мутации. Они привели к закреплению некоторых изменений в подопытных организмах. Колония этих существ под строгим контролем жила в изолированных пещерах. Их кормили, исследовали, им оказывали медицинскую помощь. А потом, когда все началось, была отправлена специальная команда, чтобы уничтожить мутантов.

Штреллер замолчал, затравленно вращая глазами.

– Я так понимаю, никто из этой команды не вернулся? – спросил Решетников.

– Их забрал дьявол! – знакомым, взвизгивающим тенором выкрикнул доктор. – Забрал прямо в ад! В ад!! Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут!

– Просветления случаются у него все реже. – Гумилев с грустью посмотрел на Штреллера. – Но для специалиста по космическим системам он поразительно хорошо осведомлен о секретных экспериментах, проводимых в Зоне Пятьдесят один.

– Вполне может быть, что этот доктор Захария Штреллер вовсе не тот, за кого себя выдает. – Решетников тоже внимательно посмотрел на безумца. – Я бы его связал от греха.

– А я бы греха на душу не взял, – отрезал Гумилев. – Мало ли что. Удирать придется, и как он тогда, связанный?

– Вот именно – мало ли, – проворчал Решетников, но спорить не стал. – А насчет Ивановой… Она, конечно, заслужила наказание, но не такое. Так что про карающий меч я слегка загнул. Ну судили бы ее, сколько там нынче дают за такие дела?

– Теперь уже некого судить, Кирилыч. Замяли, как говорится. Родным, если выберемся, выплатим все, что следует по нашим внутренним правилам, ничего озвучивать не станем – погибла в ходе выполнения задания.

– Правильно, Андрей Львович. Это справедливо, – кивнул полковник.

Оставив у тележки с раненым Лобачевским Вессенберга и Мидори – девушка наотрез отказалась идти на рандеву с плюющимися кислотой мутантами, – отряд двумя группами выдвинулся к станции.

Буквально в нескольких метрах тоннель расширялся вправо, открывая вход в огромную пещеру с подземным озером. Сразу же за входом пол пещеры резко обрывался вниз, а потолок поднимался вверх, образуя огромный зал, наполненный водяной пылью. Само озеро оказалось удивительно большим, над дальним его краем со свода пещеры спускались известняковые сталактиты, похожие на окаменевший водопад. Куда-то под этот каменный водопад и уходила водная спокойная гладь. Свет фонарей не позволял осветить весь зал. Но все же было заметно, что потолок здесь

очень неровен и неустойчив. Прямо над головами, грозя упасть, нависали огромные глыбы. Кое-где они уже упали и лежали, частично засыпанные песком, так что почти все пространство между рельсами и берегом подземного озера оказалось завалено камнями. Над грудами валунов то там, то здесь возвышались исполинские глыбы. Они серьезно осложняли продвижение – терялся визуальный контакт.

От озера веяло мертвой прохладой. В таких водоемах редко кто живет – разве что слепые рыбы да жуки, кое-какие микроорганизмы, рачки... Гумилев сразу вспомнил толкиеновского «Властелина Колец», одну из любимых в юности книг. Тот момент, когда отряд Хранителей находился у Врат Мории и из озера вылез Глубинный Страж. Андрей остановился и прислушался – не булькнет ли кто-нибудь в ледяной воде? Никто не булькал, и скользкие щупальца не лезли из глубины на берег. Покачав головой, Гумилев пошел дальше.

Шибанов, вместе с Атикой и Джеем-Ти двигавшийся вдоль берега, едва успел подумать, что бледные мутанты вполне могли бы устроить засаду на подступах к станции, чтобы покончить с вторгшимися в их владения людьми одним махом, как в воздухе что-то прошелестело. Раздался мокрый шлепок, и на глыбе песчаника рядом с головой Ростислава возникло пенящееся от химической реакции пятно.

– Осторожно! – крикнул Шибанов, предупреждая остальных и шаря прижатым к стволу М4 фонарем по камням. – Они здесь!

Бум! Бум! Бум!

Тот, кто пытался выбить армированное стекло в двери, явно не отличался высоким интеллектом, зато был очень настойчив. Санич, не спуская глаз с выгнувшегося мутного прямоугольника, покрытого трещинами, на ощупь нашел на столе бутыль с водой, открутил плоскую крышечку и сделал пару глотков.

«Стекло уже почти выбито, – отметил про себя Санич. – Скоро все и случится. Где же сигнал? Неужели они еще не дошли?»

Олег вспомнил, как в свою бытность курсантом училища погранвойск он получил три наряда вне очереди за то, что уснул на тумбочке. Майор Грабовец, перед строем объявляя о наказании, не мог удержаться от ехидства:

– Стоя у нас спят кони, верблюды – и курсант Санич.

Кличка «Верблюд» с той поры прилепилась к Олегу намертво. Он не обижался, полагая, что обида вызовет у острословов еще более яркую реакцию и желание подтрунивать над ним. Да и животное, в общем-то, неплохое – сильное, выносливое, умное. Не опоссум какой-нибудь, прости господи.

Не то чтобы Олег Санич имел что-то против опоссумов. Он вообще хорошо относился к братьям нашим меньшим. И лишь одно-единственное существо, обитавшее на земле, вызывало у него отвращение, смешанное с иррациональным страхом.

Одно-единственное.

Олег Санич с детства ненавидел и боялся пауков.

Плюющиеся смертельно опасной жидкостью твари засели за стеной. Время от времени бледные морды мутантов возникали в проемах амбразур и в сторону залегших за камнями людей летели чуть светящиеся в полумраке струи кислоты.

Там, куда они попадали, песчаник начинал шипеть и дымиться. По каверне полз удушливый запах. Гумилев вспомнил лицо несчастной Ивановой и содрогнулся.

– Шибанов! – крикнул он. – Ростислав! Какие будут соображения?

Ответ пришел через несколько мгновений, и не от хоккеиста.

– Надо добраться до двери! – Джей-Ти сейчас говорил без своих обычных словечек, что свидетельствова-

ло о серьезности положения. – И открыть ее вручную, там штурвал.

– Не выйдет, – прогудел Решетников из своего укрытия. – Заплюют на подходе…

И тут раздался глуховатый голос Шибанова.

– Сколько весит граната, кто знает? – спросил он.

– Какая? – Грищенко приподнялся над ноздреватой глыбой и тут же нырнул обратно – зеленоватая струя кислоты ударила в камень, разбрызгивая вонючие капли.

– У нас что, большой выбор? – сердито рыкнул Шибанов. – Вот эта, круглая, со склада на станции?

– М67? – Грищенко на мгновение задумался. – Граммов четыреста.

– Через какое время происходит взрыв? – задал очередной вопрос Шибанов.

– Через четыре секунды, – отозвался Грищенко. – Перед броском предварительно следует удалить предохранительное кольцо, прижав рычаг пальцами к корпусу гранаты…

– Это я знаю, – проворчал Шибанов. – Будьте готовы. Как только… Сразу бегите к дверям!

– Как только что?! – крикнул Гумилев. – Ты что задумал?

– Все будет нормально. Помолчите все, – донеслось из-за камней, где лежали шибановцы. Потом там началась какая-то возня, раздался возглас Джея-Ти, тоненько, негодующе вскрикнула Атика…

Шибанов поднялся в полный рост, держа пулемет LSAT двумя руками за тонкий ствол. Перемахнув через каменистый гребень, он очутился на открытой площадке в двадцати метрах от стены. Мутанты заверещали, и сразу несколько бледных лиц возникли в амбразурах. Забухали выстрелы – Джей-Ти и Атика прикрывали Ростислава.

– Дава-ай! – крикнул он, замахиваясь пулеметом, как клюшкой.

Джей-Ти, приподнявшись, выдернул кольцо и аккуратно, навесом, бросил под ноги Шибанову шарик

гранаты. Гумилев в это мгновение понял замысел хоккеиста и судорожно сглотнул, представив, что будет, если тот не попадет по гранате или промажет мимо бойницы.

Звучный, хлесткий удар! Граната свистнула в воздухе, выбила бетонную крошку из края амбразуры и канула внутри. Шибанов сразу после своего броска, который сделал бы честь любой звезде мирового хоккея, бросился под защиту камней, а то место, где он только что стоял, накрыли сразу несколько кислотных плевков.

– Есть! – заорал Джей-Ти. – Расти! Круто, чувак! Ты…

Его голос утонул в грохоте взрыва. Верещание мутантов словно отсекло. Дым и пыль выплеснулись из бойниц и потекли по каверне. Гумилев следом за Грищенко и Решетниковым устремились вперед, к двери. Втроем они выкрутили запорный штурвал, вскинули автоматы и замерли, готовые ворваться внутрь.

Подбежавшие Шибанов, Джей-Ти и Атика заняли позиции рядом. Вессенберг прижался к стене, собираясь поддержать группу огнем из дробовика Штреллера.

– Я открываю. – Атика взялась за рукоятку и потянула тяжелую плиту двери на себя, отступая в сторону.

Вопреки ожиданиям, дверь распахнулась очень легко, повернувшись на хорошо смазанных петлях. Гумилев собрался стрелять, но оказалось, что воевать практически не с кем. Большинство мутантов посекло осколками, лишь двое выжили и теперь пытались уползти в темноту, оставляя на гладком полу кровавые следы.

Вессенберг парой выстрелов добил тварей.

– Ну что ж, позвольте пожать вам руку. – Решетников улыбнулся Шибанову. – Вы совершили невозможное.

– Ерунда, – устало махнул рукой хоккеист. – Мы в Кирове, когда пацанами были, на коробке за школой тренировались все время. Бутылку под перекладину ворот подвешивали и с тридцати метров шайбу бросали. Клюшки – дрова, тяжелые. Кто попал – молодец.

Кто разбил – молодец два раза, и все его в кулинарии кормят – пирожные там разные, сок… Тогда я руку и набил. Потом, когда хоккеем начал заниматься, пригодилось.

– И сейчас пригодилось.

– Кто бы знал. – Шибанов покрутил в руках пулемет и отдал Джея-Ти.

– Чува-ак, ты мне ствол погнул! – обиженно крикнул рэпер.

Атика усмехнулась. Джей-Ти сообразил, насколько двусмысленно прозвучали его слова, и с ругательствами отбросил испорченное оружие.

Гумилев тем временем включил управление шлагбаумом, и стальная балка со скрежетом уползла в стену, открывая отряду путь.

– По моим прикидкам, до поезда нам осталось не больше мили. – Решетников с тревогой посмотрел в темноту. – Сколько людей у Роулинсона и чем они вооружены, мы не знаем. И не следует забывать, что у них тоже могли быть проблемы с подземными уродами… В любом случае полковник вряд ли будет сидеть сложа руки. Уж посты в тоннеле он выставит наверняка.

– Если нас заметят, то всех положат издали – в тоннеле негде спрятаться, – вздохнул Грищенко.

– Укроемся за бронетележкой, – предложил Шибанов.

– «Наши мертвые нас не оставят в беде», – процитировал Высоцкого Решетников. – Что ж, на том и порешим. Но нам все же надо попытаться обнаружить противника первыми!

– Я понял. – Грищенко вскинул автомат и отправился в тоннель.

Джей-Ти побежал за ним. Утратив пулемет, он вооружился прихваченным на станции модифицированным автоматическим пистолетом Браунинга «Хай пауэр».

– Штреллер, идите-ка сюда, – позвал Вессенберг топчущегося в тоннеле позади тележки доктора. – Нужно помочь толкать. Вы понимаете меня?

– А если не понимаете, придется пустить вам пулю в затылок и оставить здесь, – мимоходом бросил Решетников, выдвигаясь в тоннель следом за Джеем-Ти.

После его слов Штреллер сердито зыркнул на Вессенберга и послушно навалился плечом на бронированную стенку тележки.

– Симулянт, – не оборачиваясь, сказал Решетников.

– Дьявол заберет вас всех! – не очень уверенно прохрипел Штреллер.

– Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости, – парировал Решетников.

Вессенберг с уважением покивал и заметил:

– Цитата из Екклезиаста. Браво, господин полковник.

Шибанов, Мидори, Атика и Гумилев, приготовив оружие, прошли мимо и скрылись в темноте.

– Навались! – по-русски крикнул Вессенберг.

Тележка, пощелкивая подшипниками, покатилась по рельсам.

– Живые везут мертвых и завидуют участи их, – мрачно бормотал Штреллер себе под нос, то и дело спотыкаясь.

– Ну, один-то живой, – возразил Вессенберг.

– Все, все мертвы! – зловеще каркнул доктор.

– Что?! – Эстонец одним махом взлетел на тележку, посветил фонарем…

Лобачевский умер, так и не придя в сознание. Струя кислоты, выпущенная одним из мутантов, прожгла ему шею. В горячке боя никто этого не заметил. Вессенберг решил, что сообщит о смерти раненого потом, и втайне даже позавидовал Лобачевскому – пребывая в медикаментозной коме, он не мучился от боли, не страдал, перед смертью его мысли были спокойными и умиротворенными.

– Просто сон его стал вечным, – произнес Вессенберг, откинул забрало шлема и закрыл голубые глаза Лобачевского, слепо глядящие в темноту.

* * *

Электропоезд, на котором Роулинсон предполагал добраться до Солт-Лейк-Сити, представлял собой три вагона обтекаемой формы, соединенных между собой гармошками переходов. Передний и задний вагоны заканчивались покатыми кабинами, что позволяло поезду двигаться в любом направлении. В сущности, состав секретной линии походил на обычный современный поезд метро, только в миниатюре. Из отличий имелся также биотуалет, размещенный в середине состава.

Забравшись вместе с солдатами в вагон, Роулинсон прошел в кабину и сам закрыл двери.

– Господа, просьба соблюдать осторожность при высадке и посадке. Наш поезд отправляется. На всем маршруте следования вам будут предложены напитки и закуски... – начал балагурить один из солдат, разбитной малый по имени Грег, но Роулинсон так посмотрел на весельчака, что Грег мгновенно заткнулся и убрался в самый конец вагона, где сел на жесткий диван, обнял штурмовую винтовку М16 и прикрыл глаза.

Наверху осталось больше половины отряда, включая капитана Долтри. Чертов вертолет взорвался совсем рядом с ними, из команды Гумилева тоже кто-то пострадал, полковник сам видел, как отлетела в воздух оторванная голова, но почти всем русским удалось удрать. О судьбе оставшихся взаперти негра, хоккеиста и девушек Роулинсон предпочитал не задумываться, хотя прекрасно понимал, что они погибнут от голода, если не выберутся из заключения. Оставалось надеяться, что им помогут люди Гумилева. Не возвращаться же, в самом деле... Гуманизм есть гуманизм, но в такие минуты он ни к чему.

«На самом деле все они рады, что могут убраться отсюда, – подумал полковник, оглядев расположившихся в вагоне солдат. – Да чего там – я и сам счастлив до чертиков покинуть эту проклятую базу... Только русскому все нипочем. Расселся, точно он тут хозяин, даже ногу на ногу закинул. Не хватает только сигары...»

Нефедов, усмехнувшись неизвестно чему, вытащил из нагрудного кармана металлический футляр, а из него – толстую коибу[1] с золотым ободком. Звучно клацнула зажигалка «зиппо», голубоватый бензиновый огонек на мгновение выхватил из царящего в вагоне полумрака сосредоточенное лицо русского.

«Сволочь! – Роулинсон еле удержался от того, чтобы выбить сигару из пальцев Нефедова. – Мысли он читает, что ли?»

Выпустив клуб ароматного дыма, Нестор отсалютовал полковнику коибой.

– Угостить вас, мистер Роулинсон? У меня при себе имеется некоторый запасец.

– Я не курю и вам не советую, – отрезал полковник и резко повернул рукоять хода. Поезд дернулся, сорвался с места и начал набирать скорость. Тоннель полетел навстречу, лампы на его стенах замелькали с частотой стробоскопа – и слились в две сплошные огненные полоски.

– Отсюда до Солт-Лейка примерно пятьсот миль? – осведомился Нефедов.

– Вроде того, – усаживаясь напротив русского, пробурчал Роулинсон.

– А вы не боитесь, что поезд привезет вас... нас не туда? Все же железная дорога – это сложный организм. – Нефедов покрутил в воздухе сигарой. – Стрелки, развилки, семафоры всякие...

– Не боюсь, – ответил Роулинсон. – Эта дорога ведет именно в Солт-Лейк-Сити, на базу Дагуэй, я смотрел схему. В Нью-Мексико, на базу Лос-Аламос, проложен отдельный путь. Еще один тоннель ведет куда-то на восточное побережье. Вообще же вся эта подземная железнодорожная сеть строилась на случай ядерной войны с вами, tovarishch.

– Представляю, как в начале девяностых ваши стратеги и хозяева ВПК рвали на себе волосы, – улыбнулся

[1] Сорт кубинских сигар.

Нефедов. – Столько лет готовиться к противостоянию, вбухать миллиарды, триллионы долларов, разработать массу схем, гарантированно приносящих деньги, и вдруг лишиться всего – и противника, и возможности запускать лапы в военный бюджет!

Роулинсон скорчил кислую гримасу и ничего не ответил.

На этом разговор прекратился сам собой. Поезд, чуть покачиваясь, с ревом несся по тоннелю. Солдаты дремали, Нефедов рассеянно пускал дымные колечки, полковник смотрел вперед. Однажды ему показалось, что по стене скользнуло какое-то черное пятно, похожее на огромного паука, но он списал это на игру света и тени.

Электричество погасло внезапно. Собственно, ожидаемых отключений вообще не бывает, по крайней мере Роулинсон никогда в жизни не слышал, чтобы где-то в Штатах свет выключали, заранее предупредив об этом население. В результате чернокожие тут же бежали грабить магазины, благо сигнализация не работала, да и белые от них зачастую не отставали.

Вот и локальный блэкаут на трассе «Неллис – Солт-Лейк-Сити» наступил настолько неожиданно, что никто сперва не понял, что же произошло. В вагоне погас свет, одновременно погрузился во тьму и тоннель. Включились аварийные тормоза, поезд по инерции проехал еще несколько десятков метров, потом замедлил ход и остановился. Отовсюду надвинулась темнота, и полковник почувствовал себя крайне неуютно. Создавалось ощущение, что на хрупкие маленькие вагоны сейчас наступит огромная нога пещерного великана и раздавит их, к чертям собачьим, вместе с пассажирами.

– Что за черт? – выругался Нефедов, отбрасывая недокуренную сигару. Она описала в воздухе параболу и ударилась о покрытие пола, разбрасывая искры, словно фальшфейер. – Полковник, что происходит?

– Кто-то выключил питание, – раздраженно ответил Роулинсон и повернулся к загалдевшим солдатам. – Занять оборону вокруг состава!

Грохоча башмаками, бойцы полезли из вагона. Трое выдвинулись в хвост поезда, двое встали перед кабиной. Разгоняя мрак, на стенах тоннеля тускло затлели лампочки аварийного освещения.

– Проклятье! – Роулинсон был вне себя от злости. – Этот Гумилев, похоже, переиграл нас! Наверняка он и его люди добрались до диспетчерской.

– Что теперь делать? – деловито осведомился Нефедов.

– Пешком нам до Солт-Лейка не добраться. Придется ждать гостей.

– Вы уверены, что гости явятся?

– Непременно. Да и как они иначе выберутся с базы?

– Стало быть, скоро сюда явится Андрей Львович и его громилы. Будет весело.

– Я предпочел бы погрустить, – хмыкнул Роулинсон и спрыгнул на рельсы, вынимая из кобуры двадцатизарядную «беретту». – Идите сюда! – крикнул он.

Нефедов последовал за полковником. Он единственный из всей группы не стал доставать оружие. Оглядев мрачные своды тоннеля, Нестор покачал головой:

– Да уж, таких огромных мышеловок я еще не видел.

Мне кажется, война – это опасное место!
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мышеловка

Бум! Бум! Бум!

Стекло практически вывалилось из оконного проема. Санич убедился, что через пару ударов неизвестный противник получит доступ в диспетчерскую, и сжал влажными ладонями облитые пористой резиной рукоятки гранатомета. В основе конструкции ММ-1 лежала еще довоенная, тридцатых годов, разработка под названием «Manville machine projector». Это было револьверное ружье для полиции, стрелявшее патронами со слезоточивым газом.

После выстрела толстый барабан гранатомета поворачивался, и новая сорокамиллиметровая граната оказывалась в стволе. Оружие было простым и функциональным. С его помощью один человек в условиях городского боя мог уничтожить целую роту. Если повезет, конечно.

Вот только Саничу противостояли не люди.

Бум! Удерживаемые проволочками осколки стекла упали на пол. Олег вскинул гранатомет. В окно просунулась толстая, покрытая длинными волосками лапа со сдвоенным когтем на конце. Содрогнувшись от омерзения, Санич нажал на спуск.

Ту-дух! – сипло рявкнул гранатомет. Граната пролетела над лапой и канула в окне. Тотчас же за дверью грохнул взрыв, осколки с пронзительным воем рикошетили от стен станции.

– Получите! – выкрикнул Санич и снова выстрелил. – И распишитесь!

После третьего взрыва жуткая волосатая лапа исчезла. Наступила звенящая, тревожная тишина.

– Что, гады, съели? – ухмыльнулся Олег.

Дверь вздрогнула. Ее явно пытались подковырнуть снизу и открыть. С такими-то когтищами отчего и не попытаться…

Отложив ММ-1, Олег взялся за штурмовую винтовку и дал три короткие очереди прямо сквозь дверь. Выстрелы оглушили его, в диспетчерской повис кислый запах пороха. Пули М4 проделали в мягком металле двери десяток аккуратных отверстий. Возня за порогом сразу стихла.

Быстро поменяв оружие, Санич выстрелил из гранатомета и, когда эхо и дробный стук осколков затихли, прислушался.

На станции было тихо.

Неужели все? Боясь поверить, Олег приподнялся, опустил поврежденную ногу на пол и сделал шаг к двери.

Через пустой оконный проем он увидел часть перрона, на котором темнели какие-то кучи. Сделав еще шаг, Санич заметил в дальнем конце станции движение – словно темнота ожила и зашевелилась, медленно ползя к диспетчерской.

Подняв гранатомет на уровень глаз, Олег прицелился по стволу и выстрелил в эту шевелящуюся массу. Тудух!! Вспышка, взрыв…

Крепко прикусив губу, чтобы не закричать, Санич привалился к дверному косяку. Он впервые разглядел своих противников, разбросанных взрывом по перрону. Да, подозревал такое, но до конца, до упора не хотел верить. Но теперь он увидел их своими глазами.

Это были гигантские мохнатые пауки…

С того момента, как отключилось электричество, прошло уже очень много времени, но Роулинсон и его люди так никого и не дождались.

– Может быть, на станции случилась поломка? – предположил Нефедов. – А мы тут ожидаем нападения…

– Нет, это не поломка, я знаю, – упрямо заявил полковник. – Гумилев не из тех, кто отступает, не доведя дело до конца. Да и та компания во главе с русским хоккеистом…

– Шеф! – позвал Роулинсона один из солдат. – В тоннеле движение! Мы что-то слышим…

– Постарайтесь уцелеть, tovarishch! Вы нужны мне и Мастеру. Должен же я хоть что-то привезти из своей увлекательной поездки, – ехидно бросил полковник Нефедову и устремился к хвостовому вагону, размахивая «береттой». Следом за ним пробежали двое солдат, охранявших передний вагон.

Нестор хмыкнул, забрался в поезд и прошел к ящикам с материалами. Усевшись на ребристый металлический пол, он положил себе на колени один из пластиковых контейнеров, деловито щелкнул замками и принялся изучать содержимое. Нефедов был не из тех людей, кто теряет время даром…

Штурмовые винтовки людей Роулинсона загрохотали все разом. В ответ из темноты тоже раздались выстрелы. Шальная пуля пробила покатое стекло задней кабины и сочно поцеловала стойку вагона.

Нестор сполз еще ниже, оперся на локоть, продолжая рассматривать запечатанные в герметичные пакеты образцы тканей инопланетных существ. Он открыл уже три контейнера, и везде было одно и то же – биоматериалы, сопроводительные документы на английском, грифованные красными штампами «Top secret», какие-то колбы с мутной жидкостью, покоящиеся в специальных выемках, выстланных поролоном, компьютерные распечатки…

В четвертом контейнере Нефедов обнаружил наконец то, что искал, – пачку фотографий, вложенных в прозрачные файлы. Подсвечивая себе небольшим фонариком, он внимательно рассмотрел все снимки. На большинстве из них оказались запечатлены смазанные силуэты высоких человекообразных существ, одетых в серые балахоны.

И лишь на двух Нестор увидел четкие изображения. Это был один и тот же пришелец, стоящий возле большого мутного зеркала. С чуть пожелтевшего фотоснимка на Нефедова смотрел человек с прозрачной кожей, сквозь которую отчетливо просвечивали синеватые прожилки.

– Так вот каких инопланетян вы тут изучали, – с тихим смешком прошептал Нестор, захлопнул контейнер и прислушался к звукам стрельбы. Похоже, Гумилев и его ребята крепко прижали людей Роулинсона. Их М16 лишь изредка огрызались короткими очередями, тогда как из тоннеля густо летели пули. Они издырявили всю заднюю кабину поезда.

Неожиданно в вагон ввалился тот самый балагур Грег. Распластавшись на полу, он прохрипел:

– Мы потеряли троих. Полковник приказал отходить по тоннелю. Следуйте за мной, сэр…

«Значит, у Роулинсона осталось двое солдат, – быстро произвел в уме нехитрый подсчет Нефедов. – Что ж, похоже, его карта бита. Но встречаться с господином Гумилевым мне сейчас не с руки. Или попробовать разыграть оскорбленного ученого, которому всякие олухи мешают заниматься важным делом?»

Стрельба усилилась.

– Скорее! – завопил Грег, высунулся из вагона и со стоном рухнул на рельсы.

– Минус четыре, – спокойно произнес Нестор, не двигаясь с места.

Взрыв гранаты заставил его вжать голову в плечи. Сверху посыпались осколки стекла и пластика.

И стало тихо.

– Роулинсон! – донесся до слуха Нестора голос Гумилева. – Вы живы? Бросайте оружие!

– И без глупостей, – поддержал его Шибанов.

– Я… – простонал полковник. – Я… сдаюсь…

– Выходите с поднятыми руками! – загремел по всему тоннелю голос Шибанова.

– Я не могу. Я ранен... – глухо ответил Роулинсон.

– Где вы?

– Внизу... Между колесами...

У Нефедова сложилось впечатление, что Роулинсону не хватает воздуха. Однако покидать свое убежище и помогать полковнику Нестор не спешил. Судя по интонациям Гумилева и Шибанова, их еще не отпустила горячка боя, а значит, реакция на появление еще одного человека могла быть неадекватной.

– Вот он! – крикнул кто-то совсем рядом с поездом, и Нефедов узнал голос чернокожего рэпера, которого он снимал с креста. Тоже жив!

– Вылезайте! – рявкнул Гумилев.

– Не могу... – Роулинсон закашлялся. – Шибанов, помогите мне! Джей-Ти!

– Щас, бегу, – хмыкнул чернокожий рэпер.

«Похоже, у полковника задето легкое, – меланхолично отметил про себя Нефедов. – Исцелять будет непросто...»

Нефедов достал Скарабея и легонько сжал в руке. Он привычно поморщился, когда все тело скрутило ледяной судорогой, закрыл на несколько секунд глаза, сосредоточиваясь на предмете. Нужно было выходить, иначе разъяренный гибелью своих людей Гумилев и вправду мог пристрелить Роулинсона, а Нестору полковник нужен был живым и относительно здоровым.

– Э-э-эй!.. – как можно громче протянул Нефедов, поднимаясь с пола. – Не стреляйте! Алло, меня слышно? Это Нестор Тарасов! Не стреляйте!

– Ну и дела, чувак! – удивленно воскликнул Джей-Ти, и луч его фонаря заплясал по стенкам вагона. – Иногда они возвращаются! Я тебя помню, точно!

– Кончай причитать и тащи его сюда! – крикнул рэперу Гумилев. – Похоже, все крысы собрались в одном месте!

– Мне нужна помощь... – Роулинсон уже не говорил – сипел, надсадно кашляя после каждого слова.

Нефедов спрыгнул на гравий, прикрылся ладонью от слепящего луча фонаря.

– Я без оружия!

– Покажи руки! – потребовал Гумилев.

Нефедов послушно поднял руки, огляделся. В глубине тоннеля, там, откуда пришла группа Гумилева, виднелись три фигуры. Присмотревшись, Нестор узнал Вессенберга, остальных видел впервые. Позади них громоздилось какое-то сооружение на колесах.

«Стало быть, это все, кто уцелел из группы, – подумал он. – Что ж, злость Гумилева вполне обоснована. Интересно, а эти откуда взялись? Как там их назвал Роулинсон? Шибанов, Джей-Ти... Девушки... Ладно, пора заняться полковником».

– Роулинсон, вы слышите меня? – громко спросил Нефедов, пытаясь рассмотреть полковника между колес поезда.

– Да-а... – донеслось оттуда.

– У вас ранение в грудь?

Вместо ответа Роулинсон закашлялся.

– Он сейчас истечет кровью, – повернулся к Гумилеву Нестор. – А без него мы не сумеем выбраться наружу и вообще выполнить свои... гм... миссии. Ну и в целом – какая вам польза от того, что полковник погибнет?

– Плевать я хотел на вашу миссию! Из-за вас погибли люди...

– Если вы позволите, я все же окажу полковнику помощь, а потом объясню ситуацию...

Не дожидаясь ответа, Нефедов опустился на колени, согнулся и нашарил в темноте тело Роулинсона, которого уже покинули последние силы. Крепко сжав руку полковника, Нестор расслабился и представил, как целительная энергия Скарабея течет сквозь него, вливаясь в конечность раненого. Энергия эта представлялась Нефедову как некая очень холодная молочно-белая жидкость, густая, вязкая, не имеющая ни вкуса, ни запаха. Процесс исцеления начинался

после того, как тело больного, являющееся для жидкости полым сосудом, наполнялось ею, что называется, под завязку.

– Хр-р-р… – Роулинсон задергался, захрипел.

– Что он там делает? – спросил Гумилев.

– Наверное, лечит. – Джей-Ти присел на корточки и посветил под вагон фонарем. – Похоже, наш полковник вознамерился склеить ласты. Мать твою, у него вся морда в крови!

– Штреллер пропал, – перебил рэпера подошедший Вессенберг. – Когда началась стрельба, он был рядом со мной, а потом исчез…

– Удрал, – подтвердила Мидори. – Да и черт с ним, он ведь все равно чокнутый. Пусть теперь милуется со своими чудовищами в тоннелях.

– В самом деле… – согласился Гумилев. – Эй, Тарасов, долго вы еще будете возиться?

– Заканчиваю. – Нестор ответил с трудом – на него, как всегда после интенсивного лечения, накатила дурнота. Перед глазами плавали разноцветные кольца, в уши словно набили вату…

– Надо дать сигнал Саничу, чтобы включил питание. – Шибанов перекинул автомат в левую руку и легко запрыгнул в вагон.

– Стой! – Гумилев с досадой ударил кулаком по пластине сдвижной двери. – Сперва перенесем тела погибших в поезд. Их надо похоронить по-человечески…

– Полковник? – Нестор, отпустив руку Роулинсона, легонько толкнул его. – Вы в порядке?

– Кажется… Я могу дышать…

– Тихо, тихо! – выбравшись из-под вагона, Нефедов тяжело опустился на порожек. – Вылезайте. Господин Шибанов прав – нам надо убираться отсюда.

Роулинсон вылез на четвереньках и выпрямился во весь рост, с удивлением оглядывая себя.

– Невероятно! Как вы это все-таки делаете?!

– Top secret, – вспомнив грифы на документах, отшутился Нефедов.

Мрачно наблюдавший за всем этим Гумилев шагнул к Роулинсону.

– Я всего лишь выполнял свой долг… – нерешительно промямлил полковник, отступая назад.

– Итак, господин Гумилев, – Нефедов сделал полупоклон, – господин Шибанов, – последовал еще один полупоклон, – дамы, мистер Джей, профессор, – он по очереди раскланялся со всеми поименованными, – имею честь предложить вам план спасения…

– Прекращай этот цирк! – устало произнес Гумилев.

– Пусть скажет, – пожал плечами Шибанов. – Послушать можно. Джей, а ты будь другом, свяжи полковнику руки. И ноги, пожалуй, тоже.

…Когда Нефедов закончил говорить, в тоннеле воцарилась тишина.

– Мне не нравится идея вступить в переговоры с Мастером, – наконец сказал Гумилев. – Он сумасшедший…

– Вы даже не представляете, насколько он сумасшедший, – произнес Шибанов. – Но следует признать – план господина Нефедова реален.

– И самое главное – безальтернативен, – торжествующе усмехнулся Нестор.

– Индро Юльевич, ваше мнение? – повернулся к эстонцу Гумилев.

– Я соглашусь с Шибановым – план реален.

– Хитро закручено, – выпалил Джей-Ти. – Пожалуй, я тоже за. Ми, что скажешь?

Мидори дернула плечиком, давая понять, что не против. Все посмотрели на Атику.

– Господь помогает тем, кто сам себе помогает, – ответила девушка известной поговоркой.

– Стало быть, решено, – подвел черту Гумилев.

– Вы забыли спросить меня, – скрипуче сказал Роулинсон. – Поскольку я – ключевой персонаж во всей этой схеме, мне хотелось бы получить некоторые гарантии…

– Не в вашем положении рассуждать о гарантиях, – отрезал Шибанов. – У вас есть выбор, но это выбор между некоторой жизнью и немедленной смертью.

– Хорошо сказано, Расти, – одобрил Джей-Ти и самым бесцеремонным образом потащил полковника к поезду, то и дело поддавая ему под зад коленом.

– Грузим тела и связываемся с Саничем. – Гумилев закинул автомат за спину и вдруг обратился к Нефедову: – Я не знаю, что за игру вы ведете, но я буду внимательно следить за вами…

– Сюда, сюда! – донеслись вдруг из тоннеля истерические выкрики. – За мной, собачки! Вот тут еда, много еды! Сюда!!!

– Это голос Штреллера, – опознал Вессенберг. – Но что он кричит?

– Зовет кого-то… – Шибанов на всякий случай отодвинул Атику за спину. – Джей, посмотри, я прикрою…

Рэпер, недовольно бормоча что-то о большом количестве командиров, свалившихся на его черную голову, вытащил пистолет и двинулся вдоль стены тоннеля, постоянно оглядываясь, словно проверяя, в самом деле прикрывает его Ростислав или же нет.

Когда Джей-Ти прошел около сотни метров, Шибанов нетерпеливо окликнул его:

– Ну, чего там? Где этот придурок?

– За мной, собачки, сюда, сюда! – неслось из тоннеля.

– Это наш проповедник! – отозвался Джей-Ти. – Идет сюда.

– Один?

– Мать твою! – внезапно завопил рэпер, сорвался с места и стреканул обратно к поезду.

– Да что там?! – к встревоженному Шибанову присоединился Гумилев.

– Пауки! Он ведет пауков!! – Джей-Ти на бегу выстрелил.

– Быстро все в вагоны! – Ростислав подсадил Мидори, Атику, затолкал в двери Вессенберга. – Андрей, сигнал!

Гумилев бросился в кабину машиниста. Дождавшись Джея, Шибанов следом за ним запрыгнул в вагон и вручную закрыл дверь. Они прошли в хвост поезда и встали у разбитого взрывом гранаты стекла, приготовившись отбивать нападение арахнидов.

– Вессенберг говорил, что эти твари не нападают на неподвижные объекты, – заметил Шибанов.

– Чувак, док ведет их за собой. И он очень подвижен. – Джей-Ти кивнул на маячащую в тоннеле фигуру с длиной бородой. – Если ваш олигарх не заведет эту чертову колымагу, нам всем конец…

Не бывает людей, которые ничего не боятся. Этот нехитрый постулат Олег Санич уяснил еще в раннем детстве. Даже самый безбашенный, самый отъявленный во всем районе хулиган обязательно имеет свою кнопку, в данном случае – «кнопку страха». Он может бить стекла, грабить сверстников, драться на танцах, хамить милиции и писать на стенах матерные слова, но вот однажды ему доведется «зажать» в темном переулке очередного очкастого «ботана», а у того из-под пальто на плечо выберется вдруг ручная белая крыска, безобидная и даже милая. И как только гроза всего района увидит ее, нажмется сама собой «кнопка страха». Хулиган бросится прочь на подгибающихся ногах, задыхаясь и потея.

Такой неконтролируемый страх именуется «фобия». Ученые считают, что все люди подвержены фобиям, просто у большинства они схожи и просты – боязнь высоты, боязнь темноты, боязнь собак. Но есть фобии очень экзотические: коулрофобия, что означает боязнь клоунов, галеофобия – страх перед ласками и хорьками и даже гленофобия, то бишь опасение смотреть в глаза куклам.

Фобия Санича, его «кнопка страха», была не то чтобы очень редкой, но доставила ему немало неудобств в жизни. Конечно, с возрастом он научился контролировать эмоции и лишь бледнел, заметив на подушке

или на ножке стола очередного паука. Этот самоконтроль очень пригодился в Средней Азии, где курсанту погранучилища, а впоследствии офицеру ГРУ Саничу довелось столкнуться с совершенно экзотическими видами арахнид.

Но даже те огромные тарантулы и фаланги были мирными и безобидными козявками в сравнении с мохнатыми монстрами, ползающими по стенам и потолку станции. Стоило Саничу увидеть их, как невидимая рука нажала его «кнопку страха».

Сердце гулко забухало в ушах, руки и ноги ослабли. Привалившись плечом к стене возле двери, Олег глубоко вдохнул и понял, что воздух не поступает в легкие, потому что горло сдавил спазм. Беззвучно открывая и закрывая рот, словно рыба, он попятился к столу, слепо шаря вокруг себя руками. По пути ему подвернулся стул, и Санич с грохотом опрокинул его.

Шум, видимо, и привлек внимание тварей. Выставив перед собой толстый ствол гранатомета, он с ужасом вслушивался в приближающиеся царапающие звуки – пауки один за другим ползли к диспетчерской. Представив, как мерзкие членистоногие пытаются влезть в дверное окно, вспомнив покрытую толстыми волосками лапу с когтями на конце, Олег не сумел сдержаться. Запаниковав, он открыл беспорядочную стрельбу, выпуская в окно гранату за гранатой.

Ту-дух! Ту-дух! Ту-дух! Ту-дух! – лаял ММ-1, наполняя диспетчерскую сизым туманом отработанных пороховых газов. Грохот взрывов за дверью слился в непрекращающийся рев. Там бушевало пламя и свистели осколки. Эти звуки показались Саничу самой сладкой на свете музыкой, вернувшей ему ощущение безопасности. Увлекшись, Олег вошел в раж и захохотал.

– Жрите, жрите, сволочи!! – крикнул он, всаживая в окно очередную гранату.

Барабан ММ-1 был рассчитан на двенадцать зарядов. Санич выпустил уже десять, но на одиннадцатом

выстреле у него дернулась рука, и ствол гранатомета повело в сторону.

Граната ударила в косяк двери. Взрывная волна швырнула Олега на пол, осколки пробили бронежилет и впились в тело. Выбитая дверь улетела прочь, в диспетчерскую вполз едкий дым. Контуженый, истекающий кровью Санич с трудом приподнялся на локтях и, словно во сне, увидел, как через порог медленно переползает огромный черный арахнид.

Выпавший из рук гранатомет с последним зарядом валялся в паре метров от Олега. Штурмовая винтовка лежала на столе. Чтобы дотянуться до нее, нужно было хотя бы сесть. На это у Санича ушли последние силы, но он твердо знал, что не имеет права умереть, не выполнив приказ Гумилева. Поэтому Олег, не обращая внимания на острую боль, все же поднялся и стянул со стола М4. Едва оружие привычно легко в липкие от крови ладони, Санич выстрелил, стараясь попасть в уродливую головогрудь паука, снабженную острыми зазубренными челюстями. Откуда-то всплыло слово «хелицеры» – кажется, челюсти у паукообразных назывались именно так.

М4 дернулась в руках, выпустив короткую очередь. Пули прошли над пауком. Санич шепотом выругался и попытался прицелиться, но тут крадущийся паук вдруг совершил невероятный прыжок в сторону, оказавшись на стене. Вторая очередь ушла «в молоко». С трудом ворочая ставшей неожиданно очень тяжелой винтовкой, Олег пытался поймать паука в прорезь прицела, но тот передвигался со скоростью электрического разряда, оказываясь то на полу, то на тумбочке, то на потолке.

Зуммер вызова застал Санича врасплох. Ожил динамик на стене, и голос Гумилева, искаженный помехами, загремел в диспетчерской:

– Олег! Это Гумилев! Ты слышишь меня? Мы в поезде! Повторяю – мы в поезде! Срочно включай питание контактного рельса!

– Сейчас... – пробормотал Санич, отталкиваясь здоровой ногой от залитого кровью пола. – Сейчас, Андрей Львович...

Квадратная кнопка включения питания находилась рядом с темным монитором слежения. Тут же располагался микрофон, но Олег сразу понял, что ответить шефу он не успеет. Паук, спрыгнув с потолка, оказался совсем рядом с Саничем, и мгновение спустя его челюсти-хелицеры со скрежетом впились в титановую трубку ножного биомеханического протеза.

– Включаю!.. – выдохнул Олег, кулаком ударив по кнопке.

Пульт ожил, разноцветные огоньки побежали по схематическому изображению подземной дороги, иллюстрируя процесс подключения контактного рельса.

– Успел... – Санич повернул голову и потянулся за отложенной штурмовой винтовкой.

В этот момент паук, продолжавший терзать протез, бросил свое бесперспективное занятие, угрожающе вскинул мохнатые лапы, коротким прыжком перемахнул на грудь Олега и вонзил хелицеры ему в шею...

– Молодец! – похвалил своего начальника службы безопасности Гумилев, едва поезд тронулся. – Надеюсь, Санич продержится до нашего возвращения.

Он повернул ручку управления до отказа, внимательно следя за цифрами в окошечке индикатора скорости. Когда поезд разогнался до ста миль в час, Гумилев перевел ручку в положение «half-speed[1]», откинулся в кресле и спросил:

– Пауков было много?

– Прилично. – Шибанов с содроганием вспомнил, как мохнатые арахниды набросились на тела погибших, лежащие в тоннеле. Они выедали мягкие ткани, растаскивали кишки, отгрызали головы...

– А что Штреллер?

[1] Средний ход (*англ.*).

– Сукин сын, – через плечо Ростислава крикнул Джей-Ти. – Он такой же сумасшедший, как мы с вами! Не добежав метров десяти, этот ублюдок остановился и замер…

– То есть он навел на нас пауков специально? – удивленно вскинул бровь Гумилев.

– Похоже на то.

– Интересно, на кого он работал? – спросил Шибанов.

– Боюсь, этого мы уже никогда не узнаем, – вздохнул Вессенберг. – Хотя, скорее всего, ни на кого он не работал. Просто шизофреник. А что у шизофреника в голове, никогда не угадаешь.

– Не думал, что доведется управлять поездом, пусть и подземным, – сменил тему Гумилев, прикинув, что сам эстонец еще не так давно выглядел немногим более нормальным, чем чокнутый Захария Штреллер.

– Я тоже никогда не предполагал, что буду путешествовать по секретной железной дороге в компании с русскими олигархом и хоккеистом, – хохотнул Джей-Ти. Рэпер расположился на диване и чистил оружие. Мидори, Атика и Вессенберг сидели напротив. Развязанный Роулинсон лежал на полу, невидяще глядя в потолок. Нефедов торчал у передней двери, то и дело посматривая на часы.

– Боишься, что поезд выбьется из расписания? – с иронией спросил у него Джей-Ти.

– Боюсь, что мы приедем в Солт-Лейк за полночь, а это означает усиленные патрули и спящее командование, что в свою очередь может стать большой проблемой.

– Мастер никогда не спит, – вспомнив свое пребывание в Солт-Лейк-Сити, буркнул Шибанов.

– Тарасов, – окликнул Нестора Гумилев. – Если уж вы не тот, за кого себя выдавали, быть может, заодно расскажете и о том, какой у вас интерес во всем этом предприятии? – Он неопределенно взмахнул рукой.

– Я – ученый, Андрей Львович, – серьезно сказал Нефедов.

Роулинсон неожиданно расхохотался – точно закаркал ворон.

– Ученый, кха-кха-кха! Вы его больше слушайте! Ученый, это же надо…

– Заткнитесь, полковник! – Гумилев еле удержался, чтобы не пнуть Роулинсона, и снова спросил: – При каких обстоятельствах вы познакомились?

– Пусть он лучше расскажет, при каких обстоятельствах мы с ним расстались в прошлый раз! – опять встрял полковник.

– Андрей Львович, – глядя в голубые глаза Гумилева своими разноцветными глазами, твердо сказал Нефедов, – во многом знании многия печали…

– Меньше знаешь – крепче спишь! – осклабился Джей-Ти. – Точно, тут я согласен!

Поезд несся по тоннелю. Бесшовные рельсы обеспечивали плавность хода и относительно низкий уровень шума. Вагоны чуть покачивались, и многие из пассажиров начали клевать носом. Вессенберг затеял с Нестором разговор об инопланетных формах жизни, но тот не поддержал профессора. Натянув на глаза капюшон куртки, он улегся на диване и уснул.

Час спустя Гумилев растолкал его и вызвал в кабину машиниста, где уже находились Шибанов и Роулинсон. Следом за Нефедовым туда проследовал и Вессенберг.

Полковник после чудесного излечения от смертельной раны выглядел бодрым, но время от времени прикладывался к фляжке с виски. При этом от внимательного взгляда Нестора не укрылось, что на грязных бинтах Роулинсона проступили кровавые пятна.

– Через пару часов мы прибудем на станцию Солт-Лейк-Сити, – начал Гумилев. – Давайте еще раз обсудим наши действия.

– Да, по-моему, все ясно, – пожал плечами Шибанов. – Полковник проводит нас через охрану к Мастеру. Мы берем того в заложники и…

Роулинсон вдруг захихикал.

– В чем дело? – нахмурив брови, повернулся к нему Гумилев.

– Вы не сможете меня заставить! – быстро проговорил Роулинсон. – И убить меня вы тоже не посмеете. Я – ваша единственная надежда выжить. Поэтому будет вот как: когда мы прибудем на конечную станцию, я свяжусь с Мастером и сообщу, что нахожусь в заложниках. Требования, которые предъявляют захватившие меня люди, таковы: транспорт и безопасный коридор до границы Закрытой Территории. Взамен они отдают все материалы, добытые в Зоне 51. Я сопровождаю вас до северного берега Большого Соленого озера...

– Откуда такая самоуверенность? Что помешает мне вот прямо сейчас пристрелить вас и скинуть труп с поезда?

– Без меня вы не сумеете выбраться со станции на поверхность, – пожал плечами Роулинсон.

– Роулинсон, – вмешался в разговор Нефедов. – Вы обратили внимание, что исцелилась только ваша пулевая рана, а то, что мучает вас последние годы, осталось без изменений?

– Идите к черту! – проскрипел полковник.

– А ведь я бы мог... – Нефедов изобразил жестом, как он снимает с шеи Роулинсона бинт.

Полковник хмыкнул, но глаза его подозрительно заблестели.

– Только представьте, – вкрадчиво продолжил Нефедов, – всего один... ну максимум два сеанса – и вы сможете жить как нормальный, здоровый человек. Никаких бинтов, никаких мазей, никаких страданий... И чтобы все это произошло, вам надо всего лишь посодействовать нам. Это даже не предательство. В конце концов, кто он вам, этот Мастер? Смотрите, Роулинсон, для вас тут одни плюсы: вы становитесь здоровым и избавляете мир от отъявленного мерзавца. Опять же не факт, что вы настолько важный заложник, что Мастер будет стараться сохранить вас на наших услови-

ях... Может быть, вы себя переоцениваете. А мы вас оцениваем адекватно. Итак?

Полковник, внимательно выслушав Нефедова, неожиданно всхлипнул:

– Вы чудовище, tovarishch!

– Есть такое дело, – ухмыльнулся Нефедов. – Но я не услышал окончательного ответа в утвердительной форме. Вы будете действовать на нашей стороне?

– Да... – очень тихо, но вполне отчетливо произнес Роулинсон и вытащил фляжку. – А теперь идите все к черту. До Солт-Лейк-Сити еще два с лишним часа. Я отправляюсь спать...

Конечная станция секретной подземки выглядела совсем не так, как на базе Неллис. Внутри тоннеля здесь располагался еще один, меньшего диаметра. Едва поезд въехал в него, как позади опустилась круглая плита, украшенная с двух сторон знаками биологической и химической опасности и надписями «Caution hazard[1]».

– Что за фигня, чуваки? – удивился Джей-Ти.

Роулинсон снизошел до объяснений:

– На военной базе Дагуэй, с которой сообщается станция, проводились испытания оружия массового поражения.

Как ни странно, сейчас полковник выглядел значительно более трезвым, чем пару часов назад, хотя выпил за это время довольно приличную дозу.

– Что еще за Дагуэй? – Шибанов тревожно переглянулся с Гумилевым. – Вроде речь шла о Солт-Лейк-Сити.

– Военная база Дагуэй, – менторским тоном начал Роулинсон, – появилась в Юте во время Второй мировой войны. Перед Армагеддоном на базе насчитывалось свыше шести сотен строений различного назначения. Здесь разрабатывались самые токсичные в истории вещества,

[1] Внимание: опасность! (*англ.*)

например пресловутый «Ви-Экс», несколько молекул которого вызывают у человека паралич и мгновенную смерть. Кстати, в начале 2011 года на базе произошел инцидент, связанный с утерей пробирки «Ви-Экс». Тысяча четыреста сотрудников базы были заперты во внутренних помещениях, проверка шла три дня.

– Нашлась? – оглядывая внутренности герметичного тоннеля, спросил Нестор.

– Да, – кивнул Роулинсон. – А вот если бы кто-то вынес пробирку на поверхность и разбил ее над Солт-Лейк-Сити, город вымер бы в течение нескольких минут.

– И что же, эта дрянь лежит тут до сих пор? – поинтересовался Вессенберг.

– Думаю, да. Мы, правда, пока не нашли хранилища, но тут десятки километров подземных коммуникаций, бункеры, лаборатории…

– А вы бы в Ираке попробовали, – улыбнулся Шибанов. – Ну, американцы ведь всегда ищут химическое и биологическое оружие там, а не у себя дома.

– Ха-ха, tovarishch, – вяло оскалился Роулинсон. – Если хотели меня подколоть, то напрасно – о слабоумии наших военных у меня точно такое же мнение, как и у вас, притом сложившееся очень давно. Если хочешь что-то изгадить – попроси военных. Кстати, господа, имейте в виду, что база Дагуэй гораздо более автоматизирована, нежели Неллис. Нам придется пройти через несколько карантинных блоков со специальными тамбурами…

– И поэтому я на всякий случай привяжу вас к себе. – Шибанов вытащил из кармана разгрузки моток веревки. – Так всем будет спокойнее.

Поезд остановился, мягко ткнувшись в резиновую подушку, темнеющую в торце тоннеля. Звонко клацнули фиксаторы колесных пар, двери открылись, и Гумилев увидел залитый мертвенным светом ртутных ламп узкий перрон и одну-единственную дверь, также снабженную пиктограммами, предупреждающими о био- и химической опасности.

– Куда вы нас привезли, Роулинсон? – проворчал Вессенберг, выгружая из хвостового вагона контейнеры с образцами.

– В ад, господа, точнее, в его преддверие, – усмехнулся полковник и приложился к фляжке. Потом посмотрел ее на просвет и выбросил под колеса вагона.

Если база Неллис, а в особенности мрачные подземелья Зоны 51, походила на декорации к голливудским фильмам, то внутренние помещения базы Дагуэй напоминали не столько военный объект, сколько госпиталь или гражданскую больницу.

Стены, полы и потолки здесь были выкрашены в ослепительно белый цвет, повсюду горели синие дезинфекционные лампы, в сухом воздухе висел стойкий запах медикаментов. Пройдя через тройной тамбур со сменным давлением, нагруженная контейнерами группа очутилась в широком коридоре.

– Камеры слежения? – повертев головой, спросил Гумилев.

– Только снаружи, мы экономим электричество, – ответил Роулинсон. – Да и на что тут смотреть? Мы же не используем поезд как метро, один раз всего и прокатились… Как бы не в последний…

– Дальше куда? – деловито спросил Шибанов, дернув левой рукой веревку, другой конец которой был накрепко привязан к поясному ремню полковника.

– В конце будет холл, там есть переговорное устройство. По нему я должен сообщить Мастеру о возвращении.

– А где посты охраны?

– Наверху, – недовольно проскрипел Роулинсон. – Зачем они внизу, если выбраться можно только наверх? Что тут охранять?

– Кстати, а почему вы не охраняете станцию и нижние уровни? – заинтересовался Вессенберг.

– А зачем? Про пауков и других зверушек мы не знали, база Неллис стояла необитаемая. И потом, наши люди боятся спускаться в лаборатории Дагуэя надол-

го. Они верят, что тут бродят призраки тех, кто погиб, отравившись боевой химией, или умер от смертельных болезней во время испытаний. Народ любит суеверия…

– Призраки? – переспросил Нефедов. – Их кто-то видел?

– Видели несколько человек… – неохотно сказал Роулинсон. – И даже на камеру вроде бы засняли. Я смотрел запись… Да, какие-то фигуры, полупрозрачные, морды синие. Может, это и призраки, но сдается мне, что в глубинах Дагуэя мог оставаться кто-то из персонала. В любом случае все это было год назад. С тех пор и призраков вроде не появлялось, и те, кто их видел, померли или были убиты. Кстати, мы пришли – вот холл, надо только активировать переходной шлюз.

То, что полковник называл холлом, на самом деле представляло собой круглый белый зал. Из него крестообразно расходились в разные стороны четыре коридора, по стенам которых тянулись бесконечные двери.

– Там лифты, но они не работают, а вот там – хранилища медпрепаратов. Мы попытались их использовать, но оказалось, что здесь сосредоточены огромные запасы вакцины против лихорадки Эбола. У нас в штатах, слава Создателю, этой болезни нет.

– Но, видимо, предполагалось, что она может здесь появиться, – проворчал Вессенберг.

– Мать твою, вот уж точно дерьмо собачье! – Джей-Ти с отвращением сплюнул. – Эбола… Получается, здесь готовились к тому, чтобы лечить заболевших?

– Получается, что здесь готовились к бактериологической войне, – в тон ему сказал Шибанов.

– Вот переговорное устройство, – Роулинсон указал на панель интеркома, закрепленную на стене.

Красный огонек периодически мигал, показывая, что устройство исправно и подключено к сети.

Ростислав подвел полковника вплотную к панели. Мидори достала «смит-и-вессон» и приставила ствол к затылку Роулинсона.

– Помните: одно неверное слово – и вы труп, – предупредил его Гумилев.

Набрав нужный номер, полковник кивнул и, дождавшись, когда в динамике послышится гудок вызова, произнес:

– Хэлло! Здесь Роулинсон, вызываю Мастера.

– Мастер слушает. Вы вернулись, дружище?

– Так точно, сэр!

– Докладывайте!

– Мы нашли в Зоне Пятьдесят один интересующие нас объекты и вывезли с собой часть материалов.

Роулинсон замешкался, и Мидори кровожадно взвела курок.

– Потери? – спросил Мастер, немного помолчав – видимо, обдумывал поступившую информацию.

– Незначительные. Сэр, я думаю, вам необходимо взглянуть на наши трофеи.

– Ну так в чем же дело, полковник?

– Не уверен, что тащить все это в Цитадель – хорошая идея. Будет лучше, если вы подъедете сюда, сэр! Мы за это время поднимем груз со станции.

Мастер некоторое время молчал, видимо, взвешивая все «за» и «против», потом решительно пророкотал:

– Хорошо, Роулинсон. Думаю, вы правы и знаете, что делаете. Правда, у нас тут возникли кое-какие проблемы, однако… Да, я выезжаю. Но если эти материалы окажутся…

– Это настоящее сокровище, сэр! – скрипуче сообщил полковник. – Мы даже не предполагали, что нам настолько повезет. Это настоящий сюрприз, как на Рождество!

Шибанов и Гумилев переглянулись. До этого момента Роулинсон действовал точно по плану, но последняя фраза насторожила всех.

– Вы меня заинтриговали, полковник, – снова помолчав, сказал Мастер.

– Мы поднимем контейнеры на пост охраны и будем ждать вас, сэр!

– Еду. Конец связи! – И Мастер отключился.

– Сколько отсюда до Цитадели? – быстро спросил у Роулинсона Шибанов.

– Минут тридцать–сорок.

– Мы успеем подняться?

Полковник повернул голову и внимательно посмотрел в разноцветные глаза Ростислава.

– Конечно. Мы на минус пятом этаже. Подъем займет от силы пятнадцать минут. Это же лифт.

– Сколько охранников на посту?

– Трое.

– Мастер сказал: «У нас тут возникли кое-какие проблемы». Что он имел в виду? – внимательно глядя в глаза полковнику, спросил Гумилев.

– Откуда мне знать? Когда я уезжал из Солт-Лейк-Сити, все было в порядке. Точнее, все было, как обычно.

– А что имели в виду вы, говоря про Рождество?

– Увы, tovarishch, я имел в виду именно Рождество и только Рождество, – с печальной улыбкой сказал Роулинсон. – Если вы полагаете, что это кодовое слово, означающее, что я в опасности, то вы заблуждаетесь.

– Надеюсь, – кивнул Гумилев. – Надеюсь…

Контейнеры загрузили в лифт, воспользовавшись складными грузовыми тележками, стоявшими рядком у стены. Снова впавший в научную жадность Вессенберг настаивал на том, чтобы контейнеры не брать, но Гумилев быстро разъяснил ему, что в случае провала операции они все равно достанутся Мастеру, а наверху помогут отвлечь внимание. Мастер может сильно удивиться, обнаружив, что его встречают с пустыми руками.

Гумилев оглядел свою армию. Хотя это была уже не его армия – из первоначального состава уцелел только Вессенберг. Да еще Тарасов, который номинально тоже являлся членом отряда, хоть и оказался в итоге совсем не тем, за кого себя выдавал. Вот тебе, грустно

подумал Гумилев. Человеку в мозги никак не забраться... Проверки, тестирования, детектор лжи – и каков результат? А что бы он делал, не встреться в нужную минуту банда Шибанова? Сгинул в тоннелях подземной железной дороги?

Первый охранник попался им у самого лифта. При виде Роулинсона он быстро вытянулся и отдал честь, потом сообразил, что с полковником прибыли какие-то вовсе не те люди, но сделать ничего не успел – Роулинсон быстро ударил его в живот, а когда охранник согнулся, добавил ребром ладони по шее. Вессенберг оттащил в сторону сомлевшего вояку и быстро связал скотчем.

– Браво, полковник, – одобрил действия пленного Шибанов. – Так и дальше действуйте.

– Спасибо, tovarishch, – неприязненно отозвался Роулинсон.

Двое других охранников сидели в застекленной круглой кабинке поста охраны и играли в покер. Судя по всему, с дисциплиной в армии Мастера было не ахти, о чем охранники тут же пожалели – их автоматы висели на спинке свободного кресла, не дотянуться. Оба послушно подняли руки и были сноровисто обездвижены тем же Вессенбергом при помощи того же скотча.

– Шустро вы, Индро Юльевич, – похвалил эстонца Гумилев.

– Я в свое время изучал ветеринарию. Там, помимо прочего, учат правильно пеленать кошек для проведения им процедур, – пояснил Вессенберг.

Чемоданчик он так и таскал, в случае нужды кладя на пол и опираясь на него коленом.

Шибанов посмотрел на часы.

– Пора бы уже Мастеру приехать.

– Да, задерживается, – согласился с ним Гумилев. – Я так понимаю, вон те двери напротив – это второй лифт, на котором и спустится Мастер? – уточнил Андрей.

– Да, мы поднялись на одном, он спустится на другом. Видимо, раздельные лифты строились из соображений безопасности. Нельзя сразу с нижних уровней подняться на поверхность, но только миновав пост охраны.

– Разумно… – Гумилев выжидающе посмотрел на тусклый пластик лифтовой двери. Ему не давали покоя слова Роулинсона про Рождество. Как-то не гармонировали они с полковником, да и в переговорах с Мастером смотрелись неуместно…

– Делаем так! – решительно воскликнул Гумилев. – Контейнеры на тележке – сюда! Вы, полковник, станете рядом с ними. Ростислав, поскольку ты контролируешь полковника, спрячься вот тут, за выступом. Остальным рассредоточиться так, чтобы вас не было видно от дверей лифта!

Быстро и бесшумно команда укрылась за кабинкой поста охраны. Роулинсон растерянно стоял возле контейнеров, Шибанов подергал его за веревку:

– Полковник, постарайтесь выглядеть более естественно!

– Я стараюсь! – буркнул Роулинсон.

Над выходом из второго лифта замигали красные светодиоды – кто-то спускался.

– Общая готовность! – крикнул Гумилев.

Двери отворились, и из кабины высыпали несколько автоматчиков в полном снаряжении наподобие того, что использует спецназ SWAT. За ними вышел Мастер – он тоже был в боевом облачении, но сквозь бронированное стекло забрала Гумилев отчетливо увидел знакомое лицо и прядь седых волос, свисающую на лоб.

– Рад приветствовать вас, сколько бы вас тут ни было! – громко произнес Мастер, подняв руку величественным жестом. – Предлагаю не создавать ненужных эксцессов и поговорить, как приличествует цивилизованным людям.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – подумал Гумилев. – Вернее, Рождество».

– Как видите, я приехал сюда лично, хоть и в сопровождении охраны, – неторопливо продолжал Мастер. Если ему и тяжело было в бронежилете и прочей амуниции, виду он не подавал. – Тогда как вполне мог бы попросту уничтожить вас еще в тоннеле. Поверьте, это не составляет большого труда.

Роулинсон устало опустился на ближайший контейнер. Он вправе был рассчитывать на пулю в затылок, но, вероятно, надеялся, что убивать его ни к чему. В любом случае, поделать полковник ничего не мог.

– Хорошо, – Гумилев вышел из своего укрытия, опустив оружие. – Давайте поговорим, если угодно. Меня зовут Андрей Гумилев, я – руководитель специальной миссии ООН. Могу показать вам удостоверение.

Андрей остановился рядом с Роулинсоном и ждал. Мастер улыбнулся за щитком шлема:

– Вот как, ООН? Я ждал, что эта в общем-то никчемная организация рано или поздно пришлет когонибудь... Вот только мне странно, что вы не прилетаете в голубом вертолете[1], а вылезаете из тоннеля, связывающего сверхсекретные объекты, принадлежащие правительству Соединенных Штатов. Вернее, принадлежавшие – сейчас они находятся под юрисдикцией Республики Солт-Лейк-Сити. И все, что находится на территории этих объектов, принадлежит также Республике.

– Я этого не оспариваю, – утвердительно склонил голову Гумилев. – Правда, я не видел ни одного документа, позволяющего считать Республику Солт-Лейк-Сити правопреемником Соединенных Штатов Америки.

– Скоро такие документы появятся, и вы нам в этом поможете. Надеюсь, вы понимаете, что у нас благие цели?

– Цели – да, но о методах их достижения я готов поспорить.

---

[1] Разумеется, Мастер не слышал песни Крокодила Гены про волшебника в голубом вертолете; просто транспортные средства, принадлежащие Организации Объединенных Наций, обычно красят в белый и голубой цвета.

– О, методы… «Цель оправдывает средства» – это разве не ваш дядюшка Джо[1] говорил?

– Разочарую вас – подлинный источник неизвестен, но выражение появилось еще в пятнадцатом веке.

– Стало быть, оно проверено временем, – умело парировал Мастер. – К тому же мы здесь сидим, отрезанные от всего цивилизованного мира, и вынуждены устраивать свою судьбу так, как можем. Но давайте перейдем к делу. Я вижу несколько контейнеров и подозреваю, что это далеко не все из обнаруженного на базе Неллис, ведь так?

– Да, сэр, – неожиданно отозвался Роулинсон, так и сидевший на одном из ящиков. – Плюс с нами человек, который может разработать вакцину против вируса. Он творит чудеса!

Шибанов дернул за веревку, и полковник кубарем покатился со своего насеста. Мастер добродушно рассмеялся, наблюдая за этой картиной, но тут же осекся, прокашлялся и сказал:

– Пора заканчивать. Как вы, вероятно, слышали, у нас проблемы наверху. Поэтому я даю вам минуту на размышления. Надеюсь, что вы предпочтете мирно сдаться. Обещаю, что никому не причинят вреда.

– Даже мне?! – высунулся из-за опоры поста Джей-Ти.

– О, наш черный приятель! Никак не ожидал вас тут встретить! – неподдельно удивился Мастер. – Не хотите ли вы сказать, что вместе с вами…

– …Да, – перебил Шибанов, – вместе с ним и я. В прошлый раз я немного помял вашу машину, когда спасался бегством. Можете выставить мне счет из сервиса.

– Ладно вам, мистер Шибанофф! – махнул рукой Мастер. – Вы доставили мне много неприятных минут, как и ваши спутники, но я обещаю, что никто вас не тронет. Скажем так, я многое пересмотрел в своих взглядах на окружающий мир… Но время пошло!

---

[1] Дядюшка Джо – добродушная кличка Сталина, использовавшаяся американцами во время Второй мировой войны.

Гумилев оглянулся – рэпер все так же высовывался из-за опоры, остальных ни Мастер, ни его люди видеть не могли. Стало быть, они не знают, сколько противников им противостоят… Но любая перестрелка – это новые потери…

– Решайте, Андрей Львович, – негромко сказал Шибанов. – Как скажете, так и сделаем. Хотя я бы ему не доверял…

Неожиданно загудели моторы первого лифта, который связывал площадку поста охраны с подземной станцией. Мастер заволновался, отступая под прикрытие своих бойцов:

– Это еще кто?!

– Там никого не было! – закричал полковник, поднимаясь с пола. – Все, кто приехал, здесь!

Двери лифта открылись, и на площадку выскочил, истошно вопя и поливая все вокруг пулеметным огнем, доктор Штреллер.

Как только мы получим малейший намек, что кто-то думает о том, чтобы сделать что-то с кем-то из американцев и что-то с нашей родиной, знайте: мы не будем сидеть сложа ноги.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наверху

Пули рикошетили от скальной породы, от стальных балок и уголков, крошили пластик. Упав на пол и откатившись в сторону, доктор швырнул в сторону солдат Мастера ручную гранату. Вряд ли это было целенаправленным действием – судя по всему, Захария Штреллер сошел с ума окончательно и бесповоротно и врагами числил всех, попавшихся на пути.

– И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные, – визжал ученый. – Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть. И дивилась вся земля, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?![1]

Грохнул взрыв, зачирикали в воздухе осколки. Гумилев прыгнул за контейнеры, туда же резво забежал на четвереньках Роулинсон, благо длина веревки ему позволяла. Кто-то открыл огонь по Штреллеру, с треском разлетелась световая панель над лифтовой дверью.

– Прекратите! – не своим голосом заорал Нестор Тарасов. – Мы же перебьем друг друга!

[1] Откровение Иоанна Богослова; сумасшедший доктор здесь и ниже цитирует его не совсем точно.

– Стреляйте! Стреляйте! – кричал, в свою очередь, Мастер, пытаясь запустить лифт и ретироваться, но механизм включения не срабатывал – видимо, пуля или осколок перебили кабель.

Неудобно устроившись рядом с полковником, Гумилев быстро оценил обстановку. Среди его людей потерь вроде пока не имелось, они удачно попрятались за постом охраны. В щель между контейнерами Андрей видел пару фигур, лежавших неподвижно, – убитые или раненые бойцы Солт-Лейк-Сити... Штреллер затаился за выступом скалы и стрелял оттуда короткими очередями, выставляя ствол и не целясь. Достать его было сложно.

Перестрелка разгоралась – было уже не до дружественного огня, к тому же люди Мастера явно посчитали новую фигуру, вступившую в игру, дрянной шуткой пришельцев. Оставив надежды зацепить Штреллера, солдаты палили по спутникам Гумилева, те коротко и аккуратно отстреливались. Второй раз, подумал Гумилев... Второй раз – сначала на вертолетной площадке, когда переговоры почти увенчались успехом, теперь – здесь... и все из-за идиотских случайностей! Впрочем, в какой-то степени появление Штреллера им помогло. По крайней мере, Гумилев был согласен с Шибановым и доверял Мастеру значительно меньше, чем даже тому же полковнику Роулинсону.

– Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами! – верещал между тем доктор из-за своей скалы. – А вне – псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду!

Со стороны группы Мастера раздался выстрел из подствольника, словно выбило огромную пробку из бутылки с шампанским. Граната пошла хорошо и взорвалась метрах в двух над укрытием Штреллера. Тот замолчал на полуслове, но не погиб, а выскочил на открытое пространство. Всклокоченный и окровавлен-

ный, оглушенный взрывом и посеченный осколками и скальной крошкой, доктор с диким воплем выпустил последнюю очередь, и Гумилев, находившийся от него метрах в трех, выстрелил ему прямо в лоб. Доктора отшвырнуло назад, он грохнулся на пол, пулемет загрохотал куда-то вниз по узкой технической лесенке.

– Прекратите!!! – снова закричал Нестор, высунув из-за поста руку с белым платком.

Раздалось еще несколько выстрелов, и стало нереально тихо. Гумилев осторожно выглянул из-за контейнера и увидел, что Мастер стоит внутри лифтовой кабины и злобно тычет пальцем в кнопку. Рядом с ним скрючились, выставив автоматные стволы, двое солдат, еще двое или трое корчились и стонали на полу поодаль. Видимо, последняя очередь Захарии Штрелера стала фатальной. А может, и кто-то из ребят Шибанова постарался – Гумилев видел, как та же Мидори азартно палила из двух стволов.

Все было кончено.

Гумилев поднялся из-за ящиков и направился к Мастеру. Тот еще сильнее вдавил палец в кнопку, словно надеялся, что моторы оживут и лифт поползет наверх. Двое солдат отступили к задней стенке, прикидывая, погибнуть за босса или сдаться. Выбрав второе, они побросали оружие на дно лифта.

– Вот к чему приводят самоуверенность и показуха, – наставительно сказал Гумилев. Возможно, ситуация не совсем располагала к издевкам, но он просто не мог удержаться. – Остались бы наверху, услыхав про Рождество, послали бы отряд головорезов… Не знаю, чем бы это кончилось, но вы в любом случае считали бы себя хозяином положения. А теперь все не так, мистер…

– Называйте меня Мастером, – перебил тот, оставив бесплодные попытки запустить лифт.

– Как-то глупо, не находите? Мастер… Давайте уж я тогда буду называть вас по старой памяти сенатором, идет? Хотя вы давно уже никакой не сенатор.

– О'кей, – криво улыбнувшись, согласился Мастер.

Из укрытий повылезали ребята Шибанова, Тарасов и Вессенберг. В самом деле никто из них не пострадал, Андрей не ошибся. Все же проведенные на Закрытой Территории годы научили беречь себя… А вот спецподготовка, которую проходили и сотрудники его службы безопасности, и Решетников, не научила, получается.

Джей-Ти подошел к трупу доктора Штреллера и с опаской толкнул его ногой.

– Дохлый, – сообщил он с удовлетворением. – Видали, из чего этот торчок палил?! Подобрал мой пулемет с гнутым стволом, как-то его поправил…

– А сюда приехал, скорее всего, прицепившись к вагону где-нибудь снизу. Сумасшедшие обычно хитры и сильны, – добавил Вессенберг. Он все так же держал свой чемоданчик и тревожно посматривал на контейнеры, которые явно не хотел оставлять здесь и с удовольствием поволок бы наверх.

Атика вытащила из-за ящиков до сих пор сидевшего там Роулинсона и перерезала ножом веревку, соединявшую его с Ростиславом. Тут же вертелась Мидори с пистолетом, явно ожидая команды пристрелить негодяя. Нестор Тарасов осматривал раненых бойцов Мастера и задумчиво цокал языком.

– Что вы собираетесь со мной делать? – осведомился Мастер.

Он снял шлем, рассудив, очевидно, что эта тяжелая кастрюля в любом случае не поможет.

– Да что с вами делать… – незлобиво сказал Гумилев. – По-хорошему, судить вас надо, но я не уполномочен на такие акции, да и некогда. Будете с нами сотрудничать? Содействовать?

– Черта с два, – покачал седой головой Мастер. – Вы – русский. А я никогда не доверял русским. Вы патологически агрессивны и на генетическом уровне привержены тоталитаризму. Даже во Вьетнаме во время войны меня сбили русские…

– Я здесь представляю в первую очередь ООН, а не Россию, – объяснил Андрей. – А у ООН есть сведения, что режим, установленный в вашей так называемой республике, тоталитарный, если не сказать – фашистский. Это к вопросу о генетическом уровне... Поэтому мне в принципе без разницы, хотите вы с нами сотрудничать или нет. Судить вас будет ваш же народ, но не сегодня и даже не завтра. А пока неплохо бы выбраться наверх, согласны? И желательно без ущерба для нас, ибо он тут же может вылиться в ущерб для вас.

– Вы же представляете ООН, – ехидно прищурился Мастер. – И угрожаете?

– Я-то представляю ООН, а вон тот молодой человек представляет Соединенные Штаты, – Гумилев показал пальцем на рэпера, который с готовностью скорчил гнусную рожу. – Имеет такие же права, как и вы, сенатор.

– Только не в Республике Солт-Лейк-Сити, – возразил Мастер. – Наши законы...

– Твои законы аннулируются, понял меня, плесень?! – злобно рявкнул Джей-Ти. – А потом мы доберемся и до этого чертова Макриди, который меня вздернул на крест!

Мастер тихо засмеялся, пригладил седые волосы.

– Чего ржешь? – подозрительно поинтересовался негр.

– До Макриди добираться не надо. Скорее, Макриди сам доберется до вас. Когда я говорил полковнику о некоторых проблемах, я имел в виду именно его. Так называемая Республиканская армия находится в окрестностях Солт-Лейк-Сити и, похоже, готовится к штурму.

...Наверх они выбирались по техническим лестницам и колодцам. Лифт отказался работать даже после того, как Шибанов и мастер на все руки Вессенберг нашли повреждения в кабелях и восстановили их. Видимо, что-то где-то сгорело или заклинило.

Двоих пленных солдат и трех охранников оставили возиться с ранеными, благо на посту охраны имелся аптечный шкафчик. Мастер без особой охоты, но и не сопротивляясь, последовал за победителями. Несмотря на годы, по лесенке он взбирался уверенно. Снизу его страховал Шибанов; именно страховал, потому что никакой возможности удрать диктатор не имел. Да он и не стал бы – уж кем-кем, а дураком Мастер точно никогда не был. Во вьетнамском плену он нашел способ выжить, просидел там пять с половиной лет, но не сдался, хотя и подписал признание о своей преступной деятельности против вьетнамского народа. Именно там он получил несколько переломов и с тех пор не мог поднимать руки выше плеч, а потому сейчас карабкался по лесенке несколько странным образом – быстро перехватывая руками металлические прутья прямо перед собой.

Несмотря на все мольбы и стоны Вессенберга, Гумилев наотрез отказался тащить за собой контейнеры. Это было невозможно даже чисто технически: лифт не работал, а по лестницам неуклюжие ящики не поднять. Успокоился эстонец лишь после того, как осознал, что если им контейнеры не унести, то и другим не удастся. К тому же внизу, в поезде, оставались тела их товарищей, за которыми в любом случае необходимо было вернуться.

На всякий случай ксенобиолог отрубил и второй лифт, чтобы из подземного тоннеля не вылез, как выразился Индро Юльевич, «еще какой-нибудь Штреллер».

Если на базе Неллис вход в «метрополитен» был замаскирован под затрапезный сарайчик из гофрированных металлических листов, то здесь все было значительно помпезнее. Конечно, по техническим лесенкам они выбрались в технические же помещения, но затем, распахнув двойную дверь, оказались в подобии зала ожидания. Два ряда пыльных мягких кресел, у окрашенной в бежевый цвет стены – несколько автоматов с прохладительными напитками, жевательной

резинкой и чипсами. Сейчас, понятное дело, автоматы не работали. Под потолком висели плазменные панели, тоже покрытые толстым слоем пыли.

В «зале ожидания» никого не было.

– Сюда, – указал полковник Роулинсон.

– Прошу прощения, сенатор. – Ростислав упер пистолет в шею Мастера, чуть выше жесткого защитного воротника бронежилета.

– Бросьте, мистер Шибанофф, – укоризненно произнес Мастер. – Вы же понимаете, что я не собираюсь убегать.

– Я беспокоюсь о том, чтобы ваши люди правильно оценили угрожающую вам опасность.

– Они поймут, уверяю. А вы, мистер Шибанофф, не лыком шиты, – поговорку Мастер неожиданно произнес по-русски, пусть и весьма коряво. – Теперь я думаю, что напрасно вам устроил тогдашнюю проверку. Следовало оставить вас и ваших девушек у себя, достойное занятие нашлось бы. Даже ваш чернокожий приятель пригодился бы – не поверите, но у меня полным-полно бледнолицего отребья, идиотов, которые ему в подметки не годятся. К сожалению, поздновато.

– Да уж, – согласился Ростислав, – как-то совсем не время.

Во дворе, куда они вышли, стояло несколько открытых армейских джипов старого образца, которые обычно использует Национальная гвардия. Несколько солдат, бывших баклуши, вскочили при появлении своего главнокомандующего. Тут же обнаружили, что тот находится в плачевном положении, и первый лейтенант, видимо, бывший за старшего, нерешительно произнес:

– Сэр?!

– Эти люди со мной, – бесцветным голосом сказал Мастер.

Шибанов приветливо улыбнулся офицеру, не убирая пистолета.

– Да, сэр… Но…

– Я же сказал – они со мной! Не вздумайте устроить пальбу, Лайл! Сложите оружие.

– Да, сэр… – все так же нерешительно отозвался лейтенант.

Судя по бегающим глазам, он не прочь был записаться в герои и потому мог наделать глупостей, как это свойственно всем людям, стремящимся к подвигам. Порывы Лайла вовремя пресек Роулинсон, появившийся вместе со второй частью их небольшого отряда.

– Лейтенант, вы что, не слышите?! – прокаркал полковник. – Или хотите возглавить разведотряд и навестить Макриди?!

– Нет, сэр! – Офицер аккуратно извлек из кобуры пистолет и положил на подножку джипа. Солдаты последовали его примеру.

– Отлично, – буркнул Мастер. – Стоит кому-то приставить к твоей башке пистолет, и тебя сразу перестают слушаться подчиненные…

Разоруженных солдат загнали в здание над станцией и забаррикадировали выход, подогнав туда одну из машин. Разумеется, через какое-то время они найдут способ выбраться, но Гумилеву и Шибанову просто не хотелось тащиться в их компании в Цитадель. Отряд с удобством разместился в двух внедорожниках: первым управлял Роулинсон как знающий дорогу, за руль второго, не спрашивая разрешения, уселась Мидори.

Всю дорогу до Цитадели Гумилев совершенно по-детски вертел головой – интересно было, как люди здесь устроили свою жизнь. Судя по увиденному, устроили они ее терпимо, правда, суровый быт неуловимо напоминал Северную Корею. При виде военных джипов многие предпочитали от греха подальше скрыться в домах или руинах, а оставшиеся, заметившие Мастера и Роулинсона, кланялись.

– Не шибко у вас тут весело, – сказал Гумилев.

Мастер пожал плечами:

– Если бы у вас была возможность оказаться на моем месте, вы поняли бы, мистер Гумилефф, что в подобных ситуациях демократические формы правления не работают. Нужны лидеры, нужны строгие правила, система распределения жизненных благ, организации труда…

– Допустим. Но зачем вам понадобилось восстанавливать расовую сегрегацию?

– Мистер Гумилефф, вы меня поражаете! Да она никуда и не девалась! Когда в шестьдесят четвертом году президент Джонсон протащил закон о гражданских правах, все аплодировали. Но я что-то не видел, чтобы ярые сторонники этого закона тут же отдали своих дочерей замуж за чернокожих или же позволили сыновьям жениться на негритянках. Не знаю, что рассказывают там у вас в России, но у нас – и особенно на Юге – до сих пор любой белый двумя руками за равноправие, но в церкви старается сесть на скамью подальше от цветных.

На пересечении двух улиц стояла боевая машина пехоты «Брэдли». На стволе двадцатипятимиллиметровой автоматической пушки сушились чьи-то носки, единственный сидевший на броне боец едва не свалился, завидев в проезжающей машине Мастера.

– Не похоже на прифронтовой город, который вот-вот собираются брать штурмом, – усмехнулся Гумилев.

– Лучшие люди на линии обороны, – сухо ответил Мастер.

Полковник молча рулил и в разговор не встревал.

– Здесь те, кто исполняет полицейские функции.

– Боитесь восстания изнутри?

– Опасаюсь, – не стал спорить Мастер. – Всегда находится пятая колонна или просто идиоты, которые полагают, что при новых хозяевах им будет лучше. В случае с Макриди они наверняка прогадают.

Хозяин Солт-Лейк-Сити выглядел сейчас как экскурсовод, рассказывающий досужим туристам о местных достопримечательностях и укладе жизни аборигенов.

– По мне, так разницы никакой, – пожал плечами Гумилев, провожая взглядом очередных кланяющихся – пожилую негритянскую пару. Интересно, они оба являются иммунными или познакомились и поженились уже после Армагеддона? Скорее последнее… Вряд ли кому-то повезло сохранить семью – мужа, жену, детей… Куда больше людей просто нашли друг друга в этом безумии, как Шибанов и Атика.

Раньше Шибанов видел Солт-Лейк-Сити в основном ночью, когда они бежали из плена, угнав «Роллс-ройс» Мастера. Ночь и есть ночь – темно, уличного освещения не было, а покидали город они вообще под землей. Кстати, любопытно: покидали под землей, вернулись тоже под землей…

Цитадель выглядела более знакомой – все же к ней они подобрались при свете дня. На свою голову, как говорится… Тогда их встретил капитан Долтри, ныне лежавший где-то в тоннеле и, скорее всего, уже распотрошенный пауками-мутантами. Капитана было ничуть не жалко – дрянь человек, расист и придурок. Таких Ростиславу в скитаниях по зараженным штатам попадалось предостаточно, и в республике Мастера они могли найти применение. Судя по рассказу Джея-Ти, в армии Макриди дело обстояло не лучше, а сам Макриди был даже хуже Мастера. Бывший сенатор хотя бы пытался создать видимость государства, в котором имелось место для всех. У Макриди была именно армия, и ему требовались не граждане, а солдаты. Понятно, что армию надо обслуживать – потому Макриди и перестал грабить мелкие города и фермы, сменив цель на Солт-Лейк-Сити. А возможно, этих городов и ферм просто не осталось. Смяв их и оставшись без поставок, Макриди двинулся к единственному жизнеспособному оазису – Священному Городу Святых.

«А если кит на слона налезет, кто победит?» – вспомнился Ростиславу детский прикол. Примерно та же история происходила у него на глазах. Мастер и Ма-

криди, кит и слон, наконец-то сошлись в открытом противостоянии.

Ворота Цитадели открылись перед ними молниеносно – охрана опознала и Мастера, и Роулинсона. Как только они въехали внутрь, Шибанов снова приставил пистолет к шее бывшего сенатора США, дабы предупредить любые провокации с его стороны. Гумилев сделал то же самое с Роулинсоном. Ошарашенные взгляды солдат и офицеров говорили о многом, но делать глупости и стрелять никто не стал. Ростислав еще более укрепился во мнении, что подчиненные не слишком-то любят своих боссов.

– Это со мной. Ничего не предпринимать! – предупредил охрану Мастер.

– Наверх, – указал направление Роулинсон.

Они двинулись по широкой лестнице и поднялись в довольно аскетичную комнату: два кожаных дивана, письменный стол, на стенах – несколько фотографий, в основном черно-белые снимки каких-то молодых парней возле допотопных реактивных самолетов. Полковник тут же подошел к стене, отодвинул в сторону пластиковую карту Соединенных Штатов и открыл небольшой бар.

– Кто-нибудь хочет? – дружелюбно спросил он.

– Не время и не место, – отозвался было Гумилев, но Джей-Ти воскликнул:

– Йо, брат! И от тебя есть польза! Дай-ка мне вон ту бутылочку – это ведь, если я не ошибаюсь, старый кентуккийский вискарь?!

– Он самый, – с уважением сказал Роулинсон и бросил рэперу указанный сосуд. Джей-Ти тут же отвинтил пробку и сделал глоток.

– Джей! – предостерегающе произнесла Мидори.

Мастер тем временем по-хозяйски уселся в кресло за столом и поинтересовался:

– Что вы собираетесь делать дальше? Устраивать обещанный суд? По-моему, не время – без меня город возьмут войска Макриди, судить будет некого и некому.

– Кто руководит обороной сейчас? – жестко спросил Гумилев.

– Полковник Донован.

– Это еще кто? – обернулся к Роулинсону Андрей.

– Полковник Национальной гвардии, – пояснил тот, прихлебывая виски. – В смысле, настоящий полковник, не как я.

– Толковый офицер, – подтвердил Мастер. – Но один не справится.

– Как вы оцениваете расстановку сил? – продолжал спрашивать Гумилев.

– Силы примерно равны. Но у Макриди более профессиональная армия. Пока мы строили здесь мирное государство, они кочевали по штатам и воевали.

– «Мирное государство»... – скривившись, повторил вслед за Мастером Андрей. – Самолетов и вертолетов, я так понимаю, нет?

– Почему же? У нас есть вертолеты. Ваши, то есть те, кто за периметром, давно уже не трогают летающие цели внутри. Видимо, поняли, что никто не сунется во внешний мир... Потому у нас есть несколько боевых вертолетов, как и у Макриди. Но нет летчиков. Вся война идет на земле. У нас есть танки, но и у Макриди есть танки. У нас есть бронемашины, но и у Макриди есть бронемашины. У нас есть гаубицы – и у Макриди есть гаубицы. Разведывательные данные противоречивы, но в целом, как я уже сказал, силы примерно равны.

– Я был у Макриди, – слегка заплетающимся языком произнес Джей-Ти. – Чува-ак, там головорезы почище ваших проходимцев, даю зуб. Думай, что делать. Учтите и вы, мистер Гумилефф, я не хочу здесь сдохнуть. Один раз уже имел шанс, мне не понравилось, еле-еле удрал. Тут был базар про вертолеты – я уж лучше постараюсь свалить из города на летающей мясорубке, мне не привыкать шастать по пустыне.

– Никто никуда не сваливает, Джей, – сказал Шибанов. – Мы вместе. Или ты предлагаешь разделиться?

– Я ничего не предлагаю, брат. Я хочу раздолбать Макриди, но также хочу, чтобы этот седой хрен не остался в выигрыше.

– А он и не останется, – пообещал Гумилев. – Останется в выигрыше народ Солт-Лейк-Сити. Случайно или намеренно, но господин сенатор собрал здесь множество людей: как плохих, так и хороших. Хороших, я уверен, больше. И отдавать их банде Макриди я лично не собираюсь.

– В чем же дело, мистер олигарх? – Джею-Ти выпивка явно ударила по мозгам. – Звоните в ООН, где там их штаб-квартира, в Нью-Йорке? Пускай они присылают свои войска и зачморят бандитов.

– Джей, по-моему, тебе хватит, – холодным тоном сказала Мидори и отобрала у рэпера недопитую бутылку.

Мастер наблюдал за дискуссией с нескрываемым интересом.

– Я так понимаю, большинство на моей стороне?! – воскликнул он, не скрывая ликования. – Я плохой, но мерзавец Макриди еще хуже? Я вас понимаю – так во время Второй мировой рассуждал Рузвельт, думая, кому же помочь: Гитлеру или Сталину.

– Вот только не надо сравнивать, – предупредил Шибанов.

– Нет-нет, я и не пытаюсь! – поднял руки Мастер. – Но вы же согласны, мистер Шибанофф, что для Америки врагами были как коммунисты, так и фашисты? Президенту Рузвельту было очень сложно выбрать.

– Хватит исторических экскурсов, – отрезал Гумилев. – Да, сейчас мы на вашей стороне, хотя вы по-прежнему остаетесь нашим пленником. Никаких приказов и распоряжений без нашего ведома отдавать не будете. Свяжитесь для начала с этим, как его…

– Донованом, – подсказал Роулинсон.

– Да, полковником Донованом. Что там на подступах к городу, чем занят Макриди и все такое.

– Хорошо, – беззлобно согласился Мастер и вынул из ящика стола рацию.

Он нажал несколько кнопок, повернул рацию динамиком к собравшимся в кабинете. В динамике зашуршало.

– Да, сэр? Донован на связи.

– Я вернулся. У нас появилось несколько неожиданных союзников, – с этими словами Мастер подмигнул Шибанову. – Как обстановка?

– Они выжидают, сэр. По докладам разведчиков – подтягивают бронетехнику.

– Много?

– Оценки разные. Думаю, наша противотанковая оборона может справиться.

– Вы думаете... – Мастер помолчал. – Советуете ждать штурма?

– Мы можем нанести упреждающий удар, но... Сэр, может быть, нам стоит использовать «Чарли»?

Большой палец Мастера молниеносно скользнул на кнопку; он потряс замолчавшую рацию и озабоченно пробормотал:

– Что-то со связью... Помехи?

– Не трудитесь, сенатор, актер из вас никудышный. Что такое «Чарли»? – спросил Гумилев, бесцеремонно присаживаясь на краешек стола.

– Портативный ядерный заряд, – честно ответил Мастер после некоторого молчания.

– Ну ни хрена себе! – присвистнув, воскликнул подвыпивший Джей-Ти и свалился с дивана.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Путешествие с «Чарли»

Я главнокомандующий, понимаете? Мне не нужно что-либо объяснять – мне не нужно объяснять, зачем и что я говорю. И это самый интересный момент в работе президента.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Ростислав Шибанов прекрасно помнил оборону маленького городка Уотерхоул, где они жили некоторое время. Армия Макриди прихлопнула его буквально мимоходом. Но Уотерхоул представлял собой укрепленный форт, а Солт-Лейк-Сити, за исключением Цитадели, был обыкновенным городом.

Сейчас они стояли в круглой башне комплекса водоочистных сооружений. Для наблюдательного и командного пункта она подходила как нельзя лучше – толстые стены из армированного бетона, узкие окна-амбразуры, основание уходит в песчаниковый холм. У стены – приборы связи, чтобы Мастер мог получать сведения со всех участков грядущей битвы.

Мастеру принесли вертящееся кожаное кресло. Здесь никто не обращал внимания на отряд Гумилева – Шибанова. Видимо, считали, что это некие новоявленные союзники. Правда, на Джея-Ти посматривали с нескрываемым удивлением, потому что негры на командных должностях в Республике не использовались. Внизу, в траншее, их было предостаточно, но на командном пункте…

Мастер чувствовал себя вполне комфортно. Какой-то шнырь из сержантов притащил ему портативный холодильник с бутылками ананасового сока, и сейчас бывший сенатор сидел с запотевшим стаканом в руке.

Картину несколько испортила Мидори, которая без спроса взяла из «генеральского» холодильника бутылку, с громким хлопком открыла и принялась пить.

– Вижу какое-то движение, – сказал Гумилев, вглядывающийся в даль через мощную оптику армейского бинокля. – Пыль.

– Перегруппировываются перед атакой, – спокойно предположил Мастер. – Или просто маневрируют, мало ли… Они там постоянно перемещаются. Может, дурят нам голову.

Полковник Роулинсон сидел тут же; похоже, он снова чувствовал себя паршиво. Нестор Тарасов стоял за его спиной, как бы наготове. Второго полковника армии Солт-Лейк-Сити Джейсона Донована никто так пока и не видел – он находился где-то на переднем крае, в траншеях. Судя по докладам, это был толковый командир. Да и почему у Мастера должны были собраться одни подонки и дебилы? Любая централизация в подобных условиях привлекает самых разных людей.

Так думал Ростислав, глядя на их отряд. На их общий с Гумилевым отряд, потому что никто не решился бы сказать, кто здесь командир.

Шибанов не знал нюансов, но понимал, что Вессенберг чем-то проштрафился (видимо, тот случай, когда он ниоткуда появился со своим чемоданчиком, а затем устроил катавасию с гранатой), а симпатичный Тарасов вообще был не тем, за кого себя выдавал Гумилеву. С Роулинсоном у Тарасова были любопытные взаимоотношения – похоже, они давно и хорошо знали друг друга. Но, с другой стороны, Тарасов был именно тем человеком, который снял с креста и исцелил Джея-Ти. Ростислав давно уже отчаялся что-либо понять и решил, что разберется потом, когда им удастся отстоять Солт-Лейк-Сити.

Если удастся отстоять.

– Так, что вы там говорили про «Чарли», сенатор? – неожиданно спросил Гумилев, передавая бинокль стоявшей рядом Мидори.

– Портативный ядерный заряд, – сказал Мастер, сплетя пальцы рук на животе. – То, что обычно называли «ядерным чемоданчиком». Мощность – половина килотонны. Весит около шестидесяти килограммов. Не спрашивайте, где я его раздобыл, все равно там больше нет.

– Насколько я понимаю, «Чарли» предполагалось доставить в тылы Макриди?

– А что же с ним еще делать? Мы не самоубийцы. Хотя половина килотонны – это не так уж много. Тактическое ядерное оружие, не стратегическое.

– Я понимаю. – Гумилев поскреб подбородок с безбожно отросшей щетиной.

– Вы же знаете, что в свое время на севере кто-то взорвал несколько ядерных бомб куда большей мощности. Невада, вы там были, – продолжал Мастер. – Вообще я давно понял, что не так страшен черт, как его малюют. Ограниченная ядерная атака не причинит никому вреда. В той же Хиросиме или Нагасаки люди живут припеваючи.

– Давайте вернемся к «Чарли», – предложил Гумилев. – Что, если кто-то доставит чемоданчик в лагерь Макриди?

– Неужели вы серьезно?! – с нескрываемым возмущением воскликнул Вессенберг.

– Да, серьезно, – сухо ответил Андрей. – Итак, сенатор?

– Доставить не проблема, – широко улыбнулся Мастер, продемонстрировав результаты трудов хорошего стоматолога. – Проблема – выбраться назад. Замедление – десять минут. Из зоны поражения выйти нельзя, диверсант попросту не успеет.

– Уехать?

– Теплее, как говорят детишки. Но малореально. Вы еще скажите «улететь».

– С учетом вертолетов, которые есть как у вас, так и у Макриди, это тоже вариант. Но черт с ними. Уедем. У вас есть обмундирование Республиканской армии?

– Обычная форма Вооруженных сил США, – развел руками Мастер. – Здесь ее полно на армейских складах. У них есть собственные нашивки, но и этого добра хватает – полковник Донован натаскал из рейдов. Однако я не понимаю – вы что, собираетесь послать туда камикадзе?

– Почему же камикадзе? Умирать никто не собирается, разве что в самом крайнем случае. Где «Чарли»?

– Так я вам и сказал, – рассмеялся Мастер. – Сначала расскажите мне, что у вас за план, мистер Гумилефф.

На командном пункте наступила тишина – все смотрели на Андрея. Слышно было, как внизу, в траншеях, сержанты матерят ополченцев, а кто-то играет на губной гармошке унылый блюз.

– Ничего сверхсекретного, сенатор. – Гумилев уселся на пол по-турецки. – Несколько человек одеваются в форму армии Макриди. Потом мы выходим из города и пробираемся в их лагерь. Закладываем заряд и взрываем. Полагаю, даже профессиональная, кадровая армия разбежалась бы после такого, а эти – и подавно.

Мастер с любопытством посмотрел на Гумилева.

– Вы серьезно?

– Более чем.

– А что вам это даст? Вы же не готовы сложить за меня головы?

– А при чем тут вы, сенатор? – Гумилев все так же сидел по-турецки посередине комнаты, словно на пляже. – У меня есть свои обязательства. Если вы случайно оказались в зоне моих интересов, благодарите Господа. Или Сатану, кто там для вас ближе.

– Боже, очисти меня, грешного, ибо ничего истинно доброго я не сделал никогда пред Тобою, – забормотал неожиданно Мастер. – Но избавь меня от всякого зла, и да будет во мне воля Твоя, да неосужденно отверзу уста мои недостойные и восхвалю имя Твое Святое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

– Хорошо сказал, мужик! – воскликнул Джей-Ти. – Я однажды слыхал одного проповедника, тот, правда, был черный, но ты тоже крут! Но тот еще при этом плясал. Ты можешь сплясать?

Мастер неприязненно посмотрел на бывшего рэпера и почесал нос.

– Вы не против нашей вылазки? – уточнил Гумилев.

– Это наш самый последний шанс. Я имею в виду «Чарли», – серьезно сказал Мастер.

– А у вас есть разве иные шансы? Сесть на поезд и удрать с группой приближенных лиц на базу Неллис?

– Я этого не говорил, – насупился Мастер.

Как ни крути, он тоже был человеком чести, и Гумилев это понимал.

– И?!

– Берите, – сказал Мастер, пристукнув кулаком по столу. – Берите «Чарли».

– Вы останетесь под присмотром моих людей, – предостерег его Андрей.

– А то я не знал! Конечно, останусь. И если что-то пойдет не так, они меня пристрелят, не правда ли?

– С чего бы? Живите на здоровье – если провалится наша затея, вам все равно кирдык!

– Кирдык? – недоуменно переспросил Мастер, потому что слово прозвучало по-русски.

– Если мы не сможем уничтожить тылы Макриди, Солт-Лейк-Сити падет.

Мастер молчал. Он посмотрел на стену, где на черно-белой фотографии веселые молодые парни стояли возле реактивного истребителя на палубе авианосца.

– Хорошо, – сказал он. – Я дам вам «Чарли».

– А я пойду с вами, – неожиданно произнес полковник Роулинсон.

Пресловутый «Чарли» представлял собой обычный кожаный чемодан вполне разумных размеров, но слишком тяжелый для своих габаритов. Под кожей угадывался металл.

– Открывать его не нужно, – проинструктировал Гумилева смуглый человек с длинными усами, отрекомендовавшийся как майор Бенитес. – Вот здесь откидываете крышечку, вводите цифровой код, потом замедление, потом убегаете. Если успеете.

– Мы собираемся уехать, – сказал Гумилев.

– Уехать, может, и получится, – одобряюще закивал Бенитес, тряся усами. – Да-да, уехать – это вариант.

– А если его найдут до взрыва? – осведомился уже переодетый, как и все, в форму Республиканской армии Шибанов. Инструктаж слегка удивил бывшего хоккеиста: смертельное оружие привести в действие оказалось едва ли не проще, чем электрический паровозик для детской железной дороги.

– На здоровье. – Бенитес ухмыльнулся, обнажив на миг коричневые от жевательного табака зубы. – Отключить они его не смогут, а если попытаются уничтожить, то взрыв произойдет раньше времени.

– Кстати, а зачем вообще нужна такая штука? – поинтересовался Джей-Ти, осторожно трогая пальцем кожу чемодана. – Взрывать президентов?

– Все значительно проще, – покачал головой майор Бенитес. – Это инженерные фугасы, служащие для создания заграждений за счет образования воронок, завалов в горных массивах и зон разрушений и затоплений в сочетании с радиоактивными осадками. Разрабатывались фугасы и другого назначения. Когда еще Германия была разделена пополам, наши военные выдвигали идею создания по границе ГДР и ФРГ так называемого ядерно-минного пояса, который должен был подорваться по радиосигналу уже в тылу красных – в случае их наступления. Одна из конструкций предполагала, что в корпусе мины будут находиться куры, для того чтобы обеспечить необходимое тепло внутри устройства во время зимних холодов. Кур предполагалось закрыть внутри с запасом продовольствия и воды. Считалось, что птицы оставались бы живы в течение по крайней мере недели. Рассчитывалось,

что тепла, выделяемого курами, было бы достаточно, чтобы держать все необходимые компоненты ядерной мины в боевой готовности.

– А что, Германия была разделена пополам?! – удивился Джей-Ти. – За каким хреном? Слушайте, да вы чокнутые, как помойные крысы! Понаделали бесовских игрушек, засунули туда бедных кур... Нет чтобы сделать какой-то полезный прибамбас! И потом, ты сказал про радиосигнал. Почему мы не можем взорвать радиосигналом вот этот чемодан?

– Потому что эта модель была приспособлена для дистанционного взрыва, – терпеливо пояснил майор, – но у нас отсутствует передатчик. Изготовить его самим невозможно.

– Слушайте, – сварливо сказал Джей-Ти, – я умирал уже несколько раз, и мне этот процесс ни черта не нравится. Давайте привяжем эту ядерную хрень на спину гнилому полковнику, и пусть он бежит себе в тыл к Макриди.

– Джей, тебя никто не заставляет идти с нами, – миролюбиво произнес Ростислав. – Нам, собственно, и не нужно столько народу. Я и Андрей Львович, мы справимся вместе. Если вдруг одного убьют, другой запустит адскую машинку. Да вот еще и Роулинсон с нами.

– Черта с два! – противореча сам себе, заявил негр. – Стало быть, вы думаете, что старина Джей сдулся?! Я просто предложил разумный вариант, но если вы считаете, что белая башка варит круче черной, делайте как знаете. Если будем подыхать из-за вашей самонадеянности, я успею плюнуть вам вслед, когда черти потащат вас в ад.

– А тебя-то куда в конце концов потащат?! – удивился Шибанов.

– В рай, – не мешкая, отвечал рэпер. – Мне очень пойдут крылышки, на арфе я тоже сбренчу чего-нибудь... Правда, не знаю, что там насчет телок, самые хорошие как раз должны угодить в ад за грехи, но полагаю, что

парочка для меня всегда найдется. Если что, пожалуюсь Мартину Лютеру Кингу[1], думаю, он там котируется и замолвит пару словечек за черного брата.

Подумав немного, рэпер добавил:

– А еще я надеюсь, что мне там попадется чертов Макриди. И уж тогда я не позволю, чтобы он спокойненько зажарился на атомной бомбе, нет, чуваки! Я его отведу в укромный уголок, а потом…

И Джей-Ти принялся перечислять страшные кары, которые ожидают самозваного генерала.

Следить за Мастером остались Мидори, Атика, Нестор и Вессенберг. Андрей был уверен, что это более надежная охрана, чем даже если бы на командном пункте остался он сам.

Окружение Мастера относилось к присутствию чужаков по-разному – от открытой неприязни до скрытого дружелюбия. Далеко не все, конечно, понимали, что эти люди постоянно держат Мастера под прицелом, а из тех, кто понимал, далеко не все ему сочувствовали. В целом же все выглядело так, словно невесть откуда появившиеся союзники сидят вместе с главнокомандующим и президентом в одном лице на командном пункте и руководят обороной города. То, что даже в комнату для мальчиков Мастер отлучался исключительно в сопровождении длинноволосого типа в золотых очках, относили к особым условиям безопасности. Прибывших с подземной станции солдат, которые видели арест Мастера, Роулинсон распорядился отправить куда-то на юг – как понял Андрей, на дальний форпост. Раненых же поместили в госпиталь, где особенно болтать им было не с руки.

– А оно не рванет раньше времени? – уточнил Роулинсон, рассматривая ядерный чемоданчик.

[1] Самый известный афроамериканский баптистский проповедник, яркий оратор, лидер Движения за гражданские права чернокожих в США. Активно выступал также против колониальной агрессии США, в частности во Вьетнаме. За важный вклад в демократизацию американского общества в 1964 году Мартину была присуждена Нобелевская премия мира. Убит в 1968 году.

Полковник был на удивление трезв и рассудителен. На КП Нестор полечил его наложением рук (Гумилев положил себе на будущее разобраться во всей этой экстрасенсорике) и сменил бинты. Мельком Андрей заметил раны, глубокие и безобразные, как будто горло полковника кто-то жадно грыз и жевал.

– У нас все как в аптеке! – отозвался Бенитес с гордостью. – Плюс-минус миллисекунда. Я проверял таймер несколько раз, сэр!

Гумилев поднял чемоданчик за рукоять, поводил плечами – тяжело, но сносно. Он отказывался думать, что держит в руке смерть для многих сотен или даже тысяч людей. А с другой стороны – спасение для многих сотен или тысяч людей. У себя в корпорации он привык решать сложные, тяжелые вопросы, но не такого уровня. А после гибели в тоннелях почти всей группы безопасников…

В глубине души он надеялся, что в живых остался хотя бы верный Санич, напоминал себе, что при первом удобном случае нужно послать туда поезд, да и тела, хранившиеся в вагонах, похоронить по-человечески… Но к таким потерям Андрей не привык. И вину за них он полностью возлагал на себя. Да, он заплатит все, что полагается по контрактам, даже Ивановой – ведь ее родственники ни в чем не виноваты. Но люди погибли. А Кирилыч? Он вообще не входил в список службы безопасности, был прикомандирован…

Стоп, сказал себе Гумилев. Приедем домой (если приедем), тогда будем писать рапорты и отчеты. Сейчас нужно спасать тех, кого еще можно спасти.

Андрей совершенно не представлял, как он сможет вытащить за периметр тех же ребят Шибанова. Правила никто не отменял, ему и самому-то выбраться будет сложно. В Твин-Фоллз небось все на ушах стоят. А значит, необходимо выиграть войну. Чтобы Солт-Лейк-Сити стал площадкой для борьбы с вирусом, нормального контакта с иммунными и зараженными, чтобы все это наконец закончилось.

Конечно, можно устраниться от борьбы, связаться с ООН, потребовать немедленного вмешательства…

Вот только он прекрасно понимал, что никакого вмешательства не будет. Слишком велик страх перед вирусом, царствующим на Запретных Территориях. Никаких наземных операций – разве что авиация отутюжит позиции Макриди ковровой бомбардировкой. Но Гумилев отдавал себе отчет, сколько потребуется времени, чтобы подготовить такую операцию. И это в том случае, если ему удастся аргументированно объяснить, почему бомбить нужно именно армию Макриди…

За это время войска бывшего торговца подержанными автомобилями возьмут Солт-Лейк-Сити три раза.

Нет, решать проблему придется самому.

– Вы-то зачем с нами идете, полковник? – спросил Шибанов.

Роулинсон откусил заусенец с ногтя, сплюнул и сказал:

– А черт его знает. Зачем серийные убийцы перед тем, как их посадят на электрический стул, предлагают использовать их для медицинских опытов? К тому же я знаю местность, в отличие от вас.

Бенитес с интересом посмотрел на полковника, но ничего не сказал. Отойдя к маленькому столику в углу комнаты, он взял бутылку мескаля и сделал несколько больших глотков прямо из горлышка.

– Скоро не будет приличного мескаля, – с видом знатока сообщил он, разглядывая плавающего в бутылке червяка. – Некому делать хороший мескаль. В Мексике, может, все в порядке, хотя черт их знает… Да и кто сюда привезет мескаль из Мексики?

– Майор, идите к дьяволу вместе со своим мескалем, – пожелал ему Роулинсон.

– Э-э, полковник, – отозвался Бенитес, взмахнув бутылкой. – Я давно уже в его лапах, с тех пор как убил жену и сына, когда они бросились на меня и хотели загрызть. Если хотите, я взорву «Чарли» прямо сейчас, и все мы отправимся по месту назначения – в ад.

– Может, его и послать? – тихонько спросил у Шибанова Джей-Ти.

– Ага, и он рванет прямо у нас под носом. Нет-нет, человеку с суицидальными наклонностями такие вещи доверять нельзя.

Андрей взял тяжелый чемоданчик и при помощи усатого майора упаковал его в ранец с прочными ремнями.

– Давайте я понесу, – вызвался Шибанов.

– Все понесем, – сказал Гумилев, влезая в лямки и закрепляя их по своему росту, чтобы рюкзак не сползал. – Будем меняться, штука довольно тяжелая...

– Шестьдесят кило с небольшим, – подтвердил Бенитес.

Ничего особенного из оружия тащить с собой они не стали – укороченные автоматы, пистолеты. Поразмыслив, Андрей выдал автомат и полковнику; Джей-Ти сделал круглые глаза, но комментировать не стал. Разумеется, существовала вероятность, что Роулинсон может их перестрелять или сдать Макриди и сдаться сам, но очень незначительная. Роулинсона у Макриди прекрасно знали и вряд ли сохранили бы ему жизнь. Тем более при тамошних порядках, согласно которым Джею-Ти пришлось расплачиваться за давнишнее происшествие на дороге.

Они вышли за стены города и начали спуск по небольшому каменистому склону, помогая друг другу. Джей-Ти все-таки не удержался и съехал вниз на заднице, отчаянно чертыхаясь. Спустившийся следом Роулинсон протянул ему руку, чтобы помочь подняться, но негр только злобно зыркнул на полковника и встал сам, шумно отряхиваясь.

Роулинсон повел диверсантов по каким-то трещинам и оврагам, заросшим ползучей зеленью. Из-под ног стремительно разбегались мелкие ящерицы, однажды попался небольшой шакал, который тявкнул на людей и скрылся в расщелине. Гумилев припомнил, что именно в штате Юта, кажется, водятся, «собачки

прерий» – лохматые суслики, переносящие в том числе чуму. Хотя до чумы ли сейчас? В сравнении с древней бедой человечества, когда-то опустошавшей континенты, а затем легко побежденной антибиотиками, вирус «Армагеддон» был куда страшнее.

Сусликов они так и не увидели, зато обнаружили двух разведчиков Макриди. Не замечая противника, те расположились в небольшой низинке на отдых – что-то пили из фляжек, жевали коричневые полоски – видимо, вяленое мясо. Теоретически на них можно было напасть без особого труда, но зачем? Несмотря на то, что все диверсанты были в форме Республиканской армии, разведка могла почуять неладное и открыть огонь, а это совсем ни к чему. Да и что с ними потом делать? С собой не потащишь, обратно в Солт-Лейк-Сити – подавно, оставалось только прикончить. А смысл? Конечно, если удастся взорвать «Чарли», то погибнет несравненно больше бойцов Макриди, но те смерти будут в чем-то оправданными. А эти – нет. Пусть себе едят.

И Гумилев погрозил пальцем Джею-Ти, который уже снимал с плеча автомат.

Они двигались без остановок. Форсировали почти пересохшую речушку, потом перебрались через небольшое плато, когда-то ставшее ареной кровавой битвы: вокруг валялось не меньше десятка одетых в тряпье скелетов, ржавое оружие, стреляные гильзы, распотрошенные людьми или зверями рюкзаки и сумки.

– Может, мелкие банды поцапались, а может, чокнутые… – безразлично сообщил Роулинсон, поддевая ногой лежащий на земле «калашников» без магазина. – Тут чего только не творилось…

– Вы нам еще будете рассказывать, полковник, – не удержался Шибанов.

– Ах, да. Извините, tovarishch… – рассеянно сказал Роулинсон.

Гумилев подумал, что история происходившего на Закрытой Территории всегда будет покрыта белыми

пятнами. Вымершие и уничтоженные города, самозваные вожди и генералы, битвы, о которых никто никогда не узнает… А в целом все пришло к закономерному результату – схватке двух пауков в банке. Деваться им из банки некуда, приходится сражаться между собой. Победителю достанется все – то есть банка в безраздельное владение. И так получилось, что им пришлось выбирать, какой из пауков более мерзок, чтобы помочь второму…

– Полковник, а что вы будете делать после всего этого? – неожиданно для себя спросил Андрей.

Роулинсон привычным движением поправил бинты.

– После чего «всего этого»?

– Скажем, Макриди проиграет. Потом мы свяжемся с ООН, Тарасов разберется с вакциной, в периметре откроют коридор…

– А, вот вы о чем? Ну, во-первых, я не до конца уверен, что доживу до этих прекрасных дней. А во-вторых, если доживу, то вы вместе с господином хоккеистом сделаете все, чтобы засадить меня в тюрьму до скончания веков. Если мистер Тарасофф, как вы его называете, меня вылечит, то я могу просидеть долго. Лет двадцать, не меньше.

– Почему-то мне кажется, что с учетом экстремальных обстоятельств на многое придется закрыть глаза. Иначе придется сажать по тюрьмам десятки тысяч людей.

– Полагаете? – Роулинсон покосился на Гумилева с интересом. – Думаете, будет амнистия?

– Думаю, что валяться на пляже Флориды вас никто не отпустит, но и в тюрьму не посадят. Станете восстанавливать разрушенную инфраструктуру.

– Это ваш русский подход – отправлять на лесоповал или в рудники, tovarishch. У нас преступника всегда старались или сразу поджарить на электрическом стуле, или усадить в кутузку, чтобы он на деньги налогоплательщиков жрал там в три горла и качался на тренажерах. Но ход ваших мыслей мне нравится…

В самом деле, если с лекарством от вируса у вас выгорит, то ооновцы примчатся сюда на всех парусах расставлять свои палатки и раздавать мешки с гуманитарным рисом. Они это любят. Организация в целом никчемная, но впечатляет. Нам вот туда, между двумя скалами, – резко сменив тему разговора, указал направление Роулинсон. – И осторожно, там могут быть передовые посты.

Передовых постов за означенными скалами не обнаружилось, зато в долине внизу был прекрасно виден лагерь Республиканской армии. Судя по открывшейся картине, генерал Макриди готовился к штурму Солт-Лейк-Сити более чем серьезно. Разномастные танки и бронемашины, несколько зачехленных 105-миллиметровых буксируемых гаубиц М102, легкие безоткатные орудия, прицепленные к «хамви» в песчаном камуфляже… Несколько больших палаток, затентованные грузовики с тупыми квадратными мордами радиаторов, санитарные автомобили, множество самодельных средств передвижения типа багги, снабженных турельными пулеметами.

Сгруппировано все довольно глуповато, но ведь в этом мире фактически нет авиации.

– Когда мы обороняли Уотерхоул, Макриди не выделил на штурм и двадцатой части того, что тут есть, – мрачно произнес Шибанов, лежа рядом с Андреем на бугристой известняковой плите. «Чарли» сейчас был у него. – А ведь это даже не все его силы…

– Для того и существует наш план, – сказал Гумилев. – Основные силы будут уничтожены, если повезет – то и штаб. А без штаба и без самого Макриди остальные могут задуматься: а зачем рисковать и лезть на приступ Солт-Лейк-Сити?

– А половина килотонны у нас в рюкзаке – это много? – поинтересовался Джей-Ти. – Я ни хрена в этом не понимаю, сэр, я обычный музыкант. Ну, еще немножко гангстер, но у нас в гетто привыкли разбираться между собой без этих подлых конструкций – берешь

кастет, пистолет или там «узи», идешь и разбираешься. Все честно, как и должно быть между нормальными людьми.

– Половина килотонны – это немного, – не сдержав улыбки от очередного рассказа про гетто, пояснил Гумилев. – На Хиросиму американцы сбросили бомбу мощностью около пятнадцати килотонн.

– Про Хиросиму я читал, – закивал Джей-Ти. – До сих пор не понимаю, зачем наши это сделали. Все равно ваши большевики сразу же неслабо прижали япошек, так что они быстро задрали лапки. Притом красные сражались с военными, а наши бомбили мирные города.

Шибанов и Гумилев переглянулись: рэпер в очередной раз продемонстрировал, что куда более образован, нежели хочет казаться. Еще недавно он выдавал перлы типа: «Все знают, что, если бы не Гитлер, вы бы никогда не разгромили Наполеона! А Гитлера и его союзника Мао победили американцы». А теперь довольно здраво рассуждает о действиях США в войне с Японией…

– Я чего-то не то сказал? – подозрительно уставился на них Джей-Ти.

Шибанов засмеялся, а Гумилев ехидно заметил:

– Ты забыл, что на стороне японцев были Фидель Кастро и Человек-Паук.

– Чело… – начал было рэпер в недоумении, запоздало сообразил, что над ним прикалываются, и сплюнул.

– Если вы закончили веселиться, – сказал полковник, – тогда давайте спускаться в долину. Предлагаю добраться скрытно хотя бы вон до тех грузовиков, а там уже прикинуться своими и передвигаться открыто. Если выгорит…

– Я боюсь, что если увижу Макриди, то пристрелю его, – признался Джей-Ти.

– Тогда вся наша миссия пойдет насмарку, – сказал Андрей. – Так что потерпи.

– А если он меня узнает?

– Мы постараемся не вертеться вблизи от Макриди. В конце концов, мы же не гранату несем. Укрепим заряд где-то с краю, но так, чтобы взрыв накрыл бóльшую часть лагеря. Детонация боеприпасов, баки с горючим... – Гумилев помолчал, представляя описанное. – Здесь будет ад.

– В аду им всем самое место, – оскалился негр.

Намеченные ими как ближайшая цель грузовики REO стояли под небольшими деревцами, и возле них никого не было. Либо охрана хорошо замаскировалась, либо Макриди был уверен, что защитники Солт-Лейк-Сити прячутся в городских укреплениях и не планируют упреждающих вылазок. В принципе это было правильным: мелкие удары и диверсионные акции расстановки сил уже не изменили бы, а о наличии у Мастера портативного ядерного заряда Макриди, конечно же, не подозревал. Не следовало забывать и о том, что самозваный генерал в «прошлой жизни» был всего-навсего торговцем подержанными автомобилями. Его многочисленные победы, как и создание боеспособной армии с крепкой внутренней дисциплиной, иначе как чертовским везением вкупе со скрытыми талантами военачальника объяснить было нельзя. Мастер, который при всех своих минусах все же когда-то был кадровым военным и даже героем, это понимал, но противника опасался. И правильно делал.

Гумилев не видел армию Мастера, хотя знал, что там тоже есть и танки, и бронемашины, и гаубицы. Однако у Макриди все это смотрелось значительно серьезнее.

В тени деревьев они перевели дух, отряхнулись и привели себя в порядок. Старшим в четверке, согласно полученным нашивкам, был Гумилев – в звании капитана. Надеялись, что в Республиканской армии слишком много солдат, чтобы знать всех в лицо. Джей-Ти надвинул каску пониже, а полковник попытался как мог замаскировать свои бинты на горле воротником куртки.

– Постарайтесь вести себя естественно, – шепотом сказал Гумилев, оглядывая воинство. – Не стрелять, пока не станет ясно, что другого выхода нет.

– А что бы нам не положить снаряд прямо здесь? – предложил Джей-Ти. – Засунуть вон под грузовик, и все дела.

– Вон там, с противоположной стороны, стоят танки, – махнул рукой Гумилев. – Полкилотонны может не причинить им никакого вреда, если мы взорвем «Чарли» тут.

– Значит, надо было с той стороны и заходить, – проворчал негр.

– С той стороны нельзя, – возразил Роулинсон. – Нужно обходить всю долину, попадемся.

Выйдя из-за грузовиков, они прошли немного дальше, стараясь выглядеть максимально непринужденно для солдат, и оказались среди военно-лагерной жизни. Кто-то пил кофе, кто-то жарил на костерке дичь (в небольших тушках Гумилев опознал тех самых сусликов – «собачек прерии»), иные чистили оружие, возились в двигателях автомашин, снаряжали пулеметные ленты... Проходящий мимо офицер коротко козырнул Гумилеву, тот ответил. Судя по всему, никаких подозрений диверсанты пока не вызывали.

– Вон там нечто похожее на временный склад, – сказал Гумилев Ростиславу, не боясь, что в лагерном шуме его кто-то услышит. – Предлагаю идти туда.

– Не вопрос, – отозвался Шибанов.

Он почему-то с самого начала решил для себя, что вернется в Солт-Лейк-Сити. Вернется, потому что там осталась Атика. О том, что жена сейчас не сидит в шезлонге на берегу бассейна, а стережет хитрого и коварного врага, Шибанов старался не думать. Они справятся, там ведь рядом Мидори, да и двое из экспедиции Гумилева тоже чего-нибудь да сто́ят.

А ведь у самого Гумилева в Москве осталась дочь. Ростислав вспомнил, как Андрей Львович рассказывал

о ней во время тоскливого шествия по тоннелю. Кажется, Маруся… Да, точно, Маруся.

Странный все же человек этот олигарх. Не послал подчиненных, пошел сам. Другой бы смылся отсюда, используя любую возможность, а этот вначале полез в тоннель, потом схватился с Мастером (а ведь мог бы договориться, большие люди всегда сумеют найти компромисс, наплевав на окружающих), устроил эту вылазку… Что ему с победы над Макриди? Это же Америка, а не Россия, пусть бы и дальше грызлись между собой, раз уж так называемому мировому сообществу на Закрытую Территорию наплевать. Но нет, Гумилев болеет за местных, как за своих.

Странный, странный человек. Его и олигархом-то называть, наверное, неправильно. Ростислав помнил, что слово «олигархия» означает форму правления государством, при которой власть сосредоточена в руках узкого круга лиц – этих самых олигархов – и соответствует их личным интересам, а не всеобщему благу. Гумилев, возможно, властью обладал, и огромной, но уж никак не стремился ее использовать в личных интересах. Такой человек не стоял бы сейчас рядом с Шибановым, одетый в запыленную форму, прикидывая, куда установить ядерный заряд, имея притом реальные шансы погибнуть.

Деду бы Гумилев понравился, решил Ростислав.

Джей-Ти шел по небольшой «улочке», с одной стороны образованной рядом палаток, а с другой – строем бронетранспортеров с армейскими белыми звездами на бортах. Он уже почти успокоился и подумал, что операция пройдет как по маслу, как вдруг увидел человека, которого никак не ожидал увидеть.

Капитан Смоллвуд, с которым жизнь его сводила уже трижды, стоял возле палатки и разговаривал о чем-то с рыжеусым толстячком, сплошь перепачканным машинным маслом.

В первый раз Смоллвуд был обычным дорожным бандитом по кличке Гофер. Гофер означало Суслик

и весьма подходило тщедушному трусливому очкарику. Он с другими такими же подонками из только начавшей собираться армии Макриди пытался обобрать их на трассе, но вышло наоборот.

Гофер тогда уцелел и вторично встретился Джею-Ти в городке Уотерхоул. Тогда он уже именовался офицером Смоллвудом и приходил в городок, чтобы предъявить его защитникам ультиматум Макриди. Ультиматум защитники Уотерхоула не приняли, городок был сметен с лица земли, а Джею с друзьями с трудом удалось бежать. Где-то там осталась его девушка, Минни. Джей-Ти надеялся, что она жива…

В третий раз Смоллвуд оказался на пути Джея-Ти после того, как рэпер сбежал из камеры в Солт-Лейк-Сити, куда был брошен Мастером. Джея поймали солдаты Макриди, посчитали шпионом, а капитан Смоллвуд к тому же опознал его. В итоге Джея распяли на кресте, и если бы не помощь таинственного русского, Нестора Тарасова, которого полковник Роулинсон еще называл Нефедовым, то Джей так бы и сдох на том кресте. Иисусу было проще, за ним хотя бы присматривал отец…

Незадолго перед распятием Джей-Ти оставил Смоллвуду-Гоферу подарочек – выколол ему глаз куриной костью. Тогда капитан вроде бы тронулся умом – по крайней мере так сказал Джею Макриди, – но, видать, очухался. Глаз прикрывала повязка из плотной ткани цвета хаки. Правильно, подумал Джей, береги глаза – новые не вставишь!

Он на всякий случай отвернулся, чтобы капитан не видел лица. Сделал еще несколько шагов. Судя по тому, что вслед никто не стрелял и ничего не кричал, Смоллвуд не узнал ни его, ни Шибанова. Джей не стал ничего говорить Ростиславу – проскочили, и ладно.

Метрах в двадцати от складов они остановились.

– Прикройте, – коротко велел Шибанов. Диверсанты сгрудились вокруг него, словно о чем-то совещаясь.

Он снял с плеч рюкзак, открыл его. – Андрей Львович, теперь вы.

Код знали все, но Ростислав почему-то предпочел, чтобы его ввел Гумилев. Тот хмыкнул, опустился на колено и быстро набрал цифры, откинув крышечку. Включил замедление.

– Быстро-быстро уходим, – приказал он, задвигая рюкзак под днище БМП. – Вон к тем машинам, попробуем потихоньку взять одну.

Отряд торопливо двинулся к армейским «Хаммерам» и почти уже добрался до них, как послышался окрик:

– Стоять! Вы, четверо, ни с места!

«Не стрелять, пока не станет ясно, что другого выхода нет», – тут же вспомнил Ростислав слова Гумилева. Может, удастся выкрутиться? К ним приближались трое солдат и офицер, капитан с немного знакомым лицом и повязкой на глазу.

– Что такое? – спокойно осведомился Гумилев, останавливаясь и разворачиваясь к ним вполоборота. Джей-Ти встал за ним – кажется, он не хотел попадаться на глаза офицеру. Почему так знакомо лицо капитана? Кто бы это мог быть?

– Кто такие? – сухо спросил одноглазый, бесцеремонно разглядывая диверсантов. Ростислав представил, как на маленьком табло «Чарли» быстро сменяются красненькие циферки.

– Капитан Фарагут, – так же сухо представился Гумилев. – Со мной трое рядовых для исполнения специального задания.

– Какого задания? Кто приказал? Куда следуете? – наклонив голову набок, выдал очередь вопросов одноглазый.

– Вы не представились.

– Капитан Смоллвуд.

...Уотерхоул. Шибанов вместе с другими защитниками городка ждет, пока откроется массивная дверь и внутрь войдет парламентер от Макриди.

– А у вас здесь уютно, – сказал тогда парламентер, аккуратно складывая белый флаг и убирая его в карман куртки. Это оказался светлокожий человек средних лет с ухоженными усиками. Сейчас усиков у него не было, как и одного глаза. И очков в тонкой золотой оправе, которые он тогда носил, не было. Видимо, вставил в единственный глаз линзу.

– Лейтенант Дональд Смоллвуд, – представляется парламентер. – Командир мобильного отряда Республиканской армии. Я уполномочен от лица командующего Республиканской армией генерала Эрвина Макриди предложить вам сдаться. После капитуляции поселения мы обещаем сохранить всем жизнь. Все оружие, продукты питания, горючее, вода и прочее переходит в собственность Республиканской армии и будет распределяться согласно правилам, установленным в ней. Комендантом поселения буду назначен я.

Его выставили из города. Вполне возможно, потом он и стал комендантом, когда защитники погибли или покинули Уотерхоул… А теперь вот вырос до капитана…

– …Так вот, капитан, – жестко произнес Гумилев, глядя Смоллвуду на переносицу, – у нас приказ от генерала. Я не думаю, что суть специального задания я обязан раскрывать даже вам.

Андрей надавил на слово «даже», словно подчеркивая некий особый статус Смоллвуда. Возможно, многим такое польстило бы, но капитан явно не собирался прекращать разговор и отпускать их с миром.

– От генерала? – переспросил Смоллвуд. – И когда же генерал отдал этот приказ?

– Два часа назад.

Гумилев сказал наугад, потому что не представлял, где находится сейчас Макриди. Теоретически он должен был находиться в лагере. Следовательно, приказ мог отдать и пять минут назад, и полчаса… Но если он не в лагере, имело смысл назвать некий больший срок. Вот только устроят ли Смоллвуда два часа?

– Два часа назад... – задумчиво повторил Смоллвуд. Бывшие с ним солдаты – невозмутимый чернокожий и два белых парнишки лет по восемнадцать, не больше – молчали и не двигались, ожидая приказов. Один слегка поморщился: мол, чего это офицер пристал к парням, которые явно спешат с каким-то важным поручением?

– Вас что-то не устраивает? – уточнил Гумилев.

Шибанов едва заметным движением поправил ремень автомата так, чтобы он мог быстро и легко соскользнуть с плеча.

– Да, сэр, – заявил капитан Смоллвуд. – Генерал находится вне лагеря, и вы никак не могли получить приказ от него два часа назад, если были в тот момент вместе с ним. Но это не главное. Главное – что среди вас находятся как минимум двое шпионов Мастера, которых я знаю лично.

Не успел капитан Смоллвуд закончить фразу, как Ростислав шевельнул плечом. Автомат соскользнул в руку именно так, как он планировал, и короткая очередь заставила бойцов Смоллвуда пригнуться – Шибанов взял слишком высоко.

– За мной! – крикнул Гумилев, быстро пятясь к машинам, в то время как полковник Роулинсон хрипло заорал:

– Шпионы! Шпионы Мастера! Они в лагере!

Поскольку и гумилевцы, и местные были одеты в одинаковую форму, это вызвало ожидаемый переполох. Кто-то бросился в укрытие, за автомобили и бронемашины, кто-то схватил оружие. Шибанов тем временем выпустил еще одну очередь, теперь уже по противнику, и бросился бежать, отметив, что один из солдат повалился в траву. Смоллвуд, упав на колено, открыл огонь из пистолета. Роулинсон неожиданно вскрикнул и покачнулся. Его подхватил под руку Джей-Ти и потащил к «Хаммеру».

Гумилев уже забрался внутрь и с восторгом обнаружил, что ключ зажигания торчит, где ему положено.

Действительно, на кой черт опасаться угонщиков в военном лагере?

Двигатель взревел, перекрыв на мгновение все усиливающуюся пальбу. Стреляли в основном вверх, но Гумилев надеялся, что в суматохе солдаты Макриди прикончат и пару-тройку своих. Впрочем, здесь почти все станут мертвецами через несколько минут. Даже не мертвецами – пылью и пеплом... Заслужили ли они это?

К дьяволу, подумал Андрей, краем глаза подмечая, что Джей-Ти и Шибанов втискиваются в кабину, волоча за собой полковника. Извечный вопрос войны: а вдруг враг – хороший человек, у него семья, дети, он выращивает бегонии и любит золотых рыбок. Враг и есть враг, и эти люди идут в Солт-Лейк-Сити убивать и грабить.

«Хаммер» выкатился из общего ряда и резко свернул вправо. Гумилев увидел капитана Смоллвуда, продолжавшего стрелять с колена. Несколько пуль громко ударили в усиленное пулестойкое лобовое стекло, не принеся вреда. В следующий момент Смоллвуд отпрыгнул в сторону, а вот другому бойцу Республиканской армии повезло меньше – тяжелый автомобиль громко ударил его бампером, а потом переехал.

Машина им досталась не армейская, а переделанная из гражданской. Выбирать не приходилось, не было времени – Андрей влез в ближайшую, и слава богу, что там оказался ключ. Проходимость у гражданской версии «Хаммера», естественно, была ниже, чем у армейской, и удирать по пересеченной местности Гумилев не решился. Он отчаянно лавировал между ожившей техникой – кто-то пытался заблокировать путь, по кузову барабанил свинец.

– Я за пулемет, сэр! – крикнул Джей-Ти и полез было в люк, к турели. Его сдернул вниз Шибанов:

– Оторвемся немного, тогда будешь палить! А то башку прострелят!

«Хаммер» впритирку проскочил между двумя танками, с треском отлетели зеркала заднего вида, с омер-

зительным звуком железо проскрипело по железу. Сзади раздался взрыв – наверное, кто-то сдуру метнул гранату или выстрелил из подствольника, рискуя повредить свои же машины. Надерут ему одно место, если успеют…

Исковерканная танковыми траками грунтовая дорога уходила между двумя пологими холмами. Гумилев направил машину туда, через плечо спросив:

– Полковник, эта дорога нас устраивает?

– Вполне, – хрипло отозвался Роулинсон. – Ч-черт, горло сорвал…

– А идея с паникой и шпионами была хороша! – признал Шибанов.

– Что там у меня с плечом?

– Пуля попала в лопатку. Кажется, раздробила, но глубоко не ушла.

– Ч-черт… – снова выдохнул Роулинсон и, кажется, потерял сознание.

Джей-Ти все-таки полез к пулемету – над головой загрохотало. Андрей высунулся в окошко и оглянулся. Их преследовало несколько автомобилей – «Хамви», багги. Стреляли вслед, но поди попади, когда машина скачет по неровностям и ухабам… Это, видимо, понял и Джей-Ти, который перешел к иной тактике и принялся бросать на дорогу ручные гранаты. Для бронированных машин с пулестойкими шинами их осколки были не страшны, а вот багги слегка приотстали.

– Расти, давай твои гранаты сюда! – закричал Джей-Ти, раскидав свой запас. – И у полковника с олигархом возьми!

«Карманная артиллерия» сбила преследователей с толку и позволила оторваться на сотню-полторы метров. Под колесами коротко пророкотал бетонный мостик над пересохшим речным руслом, дорога резко вильнула и пошла вниз. Гумилев взглянул на часы.

– Уже скоро! – крикнул он. – Хорошо, что мы в низине, ударная волна не так зацепит!

На самом деле Андрей вовсе не был уверен, что, спустившись в низину, отряд окажется в относительной безопасности. Эпицентр находился слишком близко, плюс еще неизвестно, что у них там хранилось в лагере… Невольно Гумилев прибавил скорость, «Хаммер» опасно подпрыгивал, шел юзом.

– Поубиваешь! – с радостной улыбкой предостерег Шибанов. Парень явно считал, что они уже вырвались, что все позади.

– Не поубиваю! – отозвался Гумилев, притормаживая и объезжая брошенный на дороге ржавый минивэн. Со второстепенной дороги «Хаммер» выскочил на вполне приличное асфальтированное шоссе и помчался по нему. Ветер гудел, врываясь в открытые окна, Джей-Ти что-то орал – то ли пел, то ли ругался. Судя по хлопкам позади, разбросал свои последние гранаты, опять взялся за пулемет – на ровном шоссе в этом уже имелся смысл.

Гумилев снова взглянул на часы – ну, когда уже?! Что там говорил майор Бенитес про точность до миллисекунды? Или это его часы идут неправильно?

В этот момент и рвануло.

Земля ушла из-под колес «Хаммера», словно при землетрясении. Машину занесло, несколько мгновений она скользила боком практически над поверхностью шоссе, потом «Хаммер» грохнулся на трескающийся асфальт и закувыркался.

Андрей Гумилев врезался головой в потолок и потерял сознание.

Мы победим, чтобы уйти, когда дело будет сделано!
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Отступать некуда

...Ростислав Шибанов открыл глаза и не понял, где находится. Все тело ломило, словно его засовывали в бетономешалку. Даже после тяжелых матчей, когда соперники не столько играли в хоккей, сколько дрались и старались припечатать его к борту, Ростислав не чувствовал себя так плохо. В ушах звенело, он ничего не слышал, перед глазами плыли разноцветные пятна.

Ослеп?!

И оглох?!

Попытавшись подняться, Шибанов стукнулся спиной обо что-то железное. Пошарил вокруг руками – нащупал чье-то тело, испачкал руки в липком и горячем... Кровь?

Внезапно память выдала то, что зачем-то скрывала несколько секунд со времени его возвращения в реальность.

Они удирают на «Хаммере» от погони.

Взрыв. Ядерный взрыв портативного заряда.

«Хаммер» заносит, он начинает кувыркаться по шоссе, что-то не своим голосом орет Джей-Ти, с отвратительным хрустом сминается корпус внедорожника, вокруг все вспыхивает, и – стоп. Как будто оборвалась пленка во время демонстрации кинофильма.

Ростислав потряс головой, пытаясь хоть что-то увидеть сквозь цветную пелену или услышать сквозь назойливый звон. Может, при взрыве у него сгорели зрительные нервы? Лопнули барабанные перепонки?

В этот момент кто-то вцепился в руку Шибанова. Словно издалека, со дна глубокого колодца, послышалось:

– Бра-ат… Бра-ат!

– Я ничего не слышу! – отозвался Ростислав, подозревая, что орет во весь голос, как обычно делают внезапно оглохшие люди.

– Бра-ат… – Голос приблизился, бормотал прямо в правое ухо, стал заметно громче. – У тебя кровища течет из ушей. У меня по ходу тоже, всю рожу вымазал. Но я вижу. Ты вроде как целый, не знаю, что там внутри у тебя, но снаружи – целый. Блин, ну и приложило нас, Расти!

– Джей… – радостно выдохнул Шибанов.

– Я самый. Думал, из меня все кишки вытряхнет… Хорошо, что успел в люк обратно нырнуть, когда эта телега закувыркалась. Пулемет, на хрен, унесло, а могло и мою башку вместе с ним!

– Слушай, надо вылезти… Вдруг взорвется, – заволновался Шибанов.

Джей-Ти успокоил его:

– Это только в кино тачки взрываются почем зря. На самом деле редко. Но вылезать надо, вдруг эти уроды, что нас догоняли, живы? Придут и пошлепают нас, как в долбаном тире…

– А что с остальными?!

– Твой русский приятель вроде жив, но без сознания. Стонет, ты не слышишь, видать… А полковник готов.

– Роулинсон мертв?!

– Я ж говорю – готов. Мертвый, как Майкл Джексон. Шею, что ли, свернул… Ты как, выползешь сам? Вот дверца, она открыта… точнее, отвалилась, к чертовой бабушке. А я попробую вытащить олигарха.

– О'кей, вылезу, – пообещал Ростислав и пополз в том направлении, куда подтолкнул его заботливый Джей-Ти.

Только сейчас он почувствовал, какой горячий вокруг воздух. Густой, плотный… Наверное, полный ра-

диации. Но не о ней надо сейчас думать, сейчас надо выбираться отсюда...

Вывалившись на асфальт, Ростислав обнаружил, что с горем пополам может видеть. Вокруг все было мертвенно-красным, шарик солнца плавал в багровой пелене – наверное, взрыв поднял пыль и песок. Пейзаж подходил для фантастического фильма. Мидори бы понравилось.

Исковерканный «Хаммер» лежал на боку. Часто моргая и морщась от рези в глазах, Ростислав разглядел полковника – Роулинсон распростерся подле «Хаммера», шея его была согнута под углом, нереальным для живого человека. Дальше по шоссе чернели перевернутые машины преследователей, но что происходило возле них, Шибанов увидеть не сумел.

Джей-Ти выволок Гумилева наружу и подтащил к Ростиславу. Андрей уже открыл глаза и что-то говорил, шевелил губами.

– Что он там?! – громко спросил Шибанов.

– Зовет вроде кого-то, – пожал плечами бывший рэпер и устало опустился рядом. – Маруся... Это же русское имя?

– Дочку, – сказал Шибанов.

Джей-Ти отцепил с пояса флягу, отвинтил крышечку и сунул Ростиславу. Тот сделал несколько глотков горячей, словно из термоса, воды, вернул обратно. Джей пить не стал, поднес горлышко к губам Гумилева.

– Спасибо, – уже громче отозвался тот, отпив немного.

– Пойду разберусь, – сказал негр.

Поднявшись, он подобрал автомат и, шатаясь, направился к автомобилям преследователей. Шибанов нашарил чехольчик, вынул Скорпиона, подержал на ладони. Неужели снова помог?

Со стороны завала на шоссе послышались несколько коротких очередей. Видимо, Джей-Ти нашел выживших.

– Помогает? – с трудом произнес Гумилев, внимательно глядя на зловеще поблескивающую в багровых отсветах фигурку.

– М-м-м? – Шибанов нахмурился и наклонил голову ближе к Гумилеву.

Гумилев отмахнулся рукой, а Шибанов неожиданно кивнул, словно понял, о чем был вопрос.

– Мне его дед отдал. И велел никому не показывать. И не дарить. Сказал, что украсть или отобрать у меня его не смогут. А вот если я его сам кому-то подарю, беда будет. «Особенно если девке», – сказал дед.

– У деда фамилия тоже была Шибанов? – помолчав, поинтересовался Гумилев.

– А? Да… У деда? Шибанов. Александр Сергеевич.

– И что еще он рассказывал про Скорпиона? – Андрей старался говорить как можно громче, хотя от этого еще сильнее кружилась голова. – Кстати, он его показывать не велел, а ты мне показал, да и раньше не прятал…

– А пес его знает, – улыбнулся Ростислав и поморщился, потому что улыбка вызвала боль. Кожу на лице то ли обожгло, то ли стянуло коркой засохшей крови. – Дед говорил, что раньше эта фигурка принадлежала одному хорошему человеку, поэту. Потом он подарил его какой-то женщине, тоже поэтессе. Поэта убили во время революции – или чуть позже, я не совсем понял, дед фамилию не называл, сказал только, что «шлепнули как белогвардейский контрреволюционный элемент». А женщина уехала в Париж и дожила там до девяноста лет. Я так понимаю, дед думал, что если бы тот поэт не подарил Скорпиона, остался бы жив. Потому и меня предостерегал.

Гумилев задумчиво смотрел на Шибанова, приподнявшись на локте.

– А как он к деду попал? – крикнул он, подаваясь ближе к Шибанову, чтобы тот расслышал.

– Дед взял как трофей, у какого-то штандартенфюрера. Сказал, что «силой взял» и потому фигурка не работает. А у меня должна работать. Он же вроде как по наследству передал, подарил… Вы, по-моему, про

эти штучки куда больше меня знаете. И Решетников тоже… знал.

– Решетников?! – удивился Андрей. – Надо же…

– Постойте, – неожиданно осенило Ростислава. – Поэт, которого расстреляли за контрреволюцию, – это ведь… может быть, Николай Гумилев?!

– Н-у… Допустим. И что?

– Тогда этот предмет ваш.

И Шибанов решительно протянул Гумилеву металлическую фигурку. Тот даже отшатнулся.

– Не дури. Мне-то она зачем?

– Он мне часто помогал. Хотя я в него толком и не верил, думал – совпадения. Сколько можно, в конце концов. Сейчас вернемся в Солт-Лейк-Сити, я при первой возможности отсюда выбираюсь, с вашей помощью или же без, а вы… Вам нужнее, короче.

Гумилев покачал головой.

– Давай так: сначала мы дотащимся до вотчины Мастера, потом разберемся, что там происходит, а тогда уже продолжим разговор. Договорились?

– Договорились, – согласился Шибанов и спрятал Скорпиона в чехольчик.

– И давай на «ты», о'кей?

– О-о-о'кей! – радостно улыбнулся Ростислав.

Вернулся, шаркая ногами по растрескавшемуся асфальту, Джей-Ти.

– Им там похуже, чем нам, досталось. Пришлось троих добить. Все равно было не вытащить без специальных средств, ну, как у «девять-один-один» – ножницы такие, чтобы железо резать, и прочая фигня… Что мы-то собираемся делать? Вы тут шушукаетесь, может, придумали чего?

– Пойдем в Солт-Лейк-Сити. – Гумилев вытащил из кармана небольшую карту штата, развернул, ткнул пальцем. – Мы вот здесь, насколько я понимаю. Пойдем напрямик, мы же теперь без колес.

– Почему без колес? – белозубо заулыбался негр, словно готовясь выполнить занятный фокус. – Там

повыше валяется вполне целый багги. Водилу выкинуло и башкой об асфальт, аж каска слетела, а тачка вроде цела.

– А как же электромагнитный импульс?

– Это багги, сэр, – еще шире заулыбался Джей-Ти. – Там нет никакой электроники, это ж не «Ламборгини» или «Порше-турбо». Мотор да колеса.

– Вот я кретин! – неожиданно смутился Гумилев. Он кое-как поднялся с асфальта и помог встать Ростиславу. – Давайте попробуем, попытка не пытка.

...Багги они поставили на колеса без труда. Дикий с виду экипаж был сварен из металлических труб, образующих каркас, прямо под передним сиденьем располагался мотор, снятый невесть откуда. Примитивная система управления, пара приборов, еще два сиденья сзади – для пассажиров, вот и все транспортное средство. С такими Джей-Ти и Шибанов частенько имели дело во время странствования по Закрытой Территории. Удобно для передвижения по бездорожью и ремонтируется легко.

Поскольку машина планировалась как боевая единица, имелся и пулемет на шкворневой установке, но, как доложил Джей-Ти, патронов к нему не было. Впрочем, в пулемете большой нужды не имелось – сейчас всем не до стрельбы.

Попив еще воды из трофейных фляжек, снятых с трупов, они без труда завели двигатель багги. За руль уселся Джей-Ти, который чувствовал себя пободрее товарищей.

– Стоп, а полковник? – опомнился Ростислав, когда багги уже объезжал лежащий на боку «Хаммер».

– Не хоронить же его, – сказал Джей-Ти и прибавил скорость.

В Солт-Лейк-Сити они приехали даже быстрее, чем ожидали. Багровая мгла слегка рассеялась – видимо, взрыв все же был относительно маломощным, пыль понемногу оседала и разносилась ветром. Остановились, не доехав с милю, и закатили багги в кустарник, чтобы

ненароком не обстреляли свои. Дальше шли пешком. Ростислав видел уже совсем хорошо, а вот слышал еле-еле.

Почти сразу они наткнулись на патруль. Его командир, сержант с изрядной примесью индейской крови, видимо, был предупрежден и не скрывал восхищения.

– Я такого сроду не видел! – восклицал он, настойчиво угощая вернувшихся диверсантов виски. – Как полыхнуло! Я думал, весь мир рушится... Словно второе солнце взошло! После того как вы им так вломили, они не поднимутся! Вы герои, парни! Откуда вы вообще взялись, черти вас забери?!

– Мы – такой специальный спецназ, – врал Джей-Ти, прихлебывая спиртное; остальные от выпивки отказались. – Кино «SWAT[1]» видел? Так вот, они нам в подметки не годятся, чувак!

Когда их с триумфом провели мимо всех кордонов на командный пункт, Атика бросилась Ростиславу на грудь. Шибанов гладил ее по спине, стараясь удержаться на ногах и не упасть – на него снова накатила волна слабости. Потом он мягко отстранил жену и пробормотал:

– Нам надо в душ, к врачу... Радиация...

– Радиационное заражение при взрыве такого заряда минимально, – наставительным тоном промолвил майор Бенитес. – А справились вы отлично.

– Я не ожидал, – сказал Мастер. Он сидел в углу, в кресле, и держал на коленях карту. – То, что вы сделали для Республики...

– Хватит, сенатор, – довольно грубо перебил его Гумилев. – Нам нужен медик... А еще – дезактивация, одежда...

– Распорядитесь, майор, – велел Бенитесу Мастер.

Тот быстро ушел, Гумилев бессильно опустился на диван, которого раньше на КП не было – видимо, принесли в их отсутствие. Рядом плюхнулся Джей-Ти. Атика плакала, глядя на окровавленное лицо Ростисла-

[1] Американский боевик об элитном отряде спецназа. В России более известен под названием «Спецназ города ангелов».

ва, Мидори с интересом разглядывала сквозь амбразуру красное небо.

– Как обстановка, Индро Юльевич? – спросил Гумилев у Вессенберга.

Эстонец посматривал на вернувшихся с некоторой неприязнью, видимо, не одобрял использование ими ядерного заряда. Тем не менее он ответил:

– Я велел поднять со станции тела и поместить в рефрижератор.

– Искренне вас благодарю, – сказал Гумилев. – Я об этом совсем забыл… Что еще нового?

– Все в порядке. Сенатор не доставил нам никаких неприятностей, если вы это имеете в виду. К тому же вы теперь что-то вроде национальных героев.

Сказав это, Вессенберг щепетильно поджал губы. Точно, не нравилось ему то, что взорвали «Чарли». Негуманно, поди.

– Отлично, – назло жеманному ксенобиологу сказал Гумилев.

– Жаль, что вы потеряли Роулинсона, – без особенного, впрочем, сожаления сказал Мастер. – Как погиб полковник?

– Как герой, – не стал расписывать Андрей подробности смерти Роулинсона.

– Это был очень любопытный человек, – заметил Тарасов.

После прибытия в Солт-Лейк-Сити Нестор вел себя тихо, почти ни с кем не разговаривал. Такое впечатление, что он наблюдал, слушал, оценивал обстановку и все время о чем-то думал.

– Не спорю. Кстати, ты бы мог теперь заняться разработкой вакцины. Насколько я понимаю, есть серьезные мысли в этом направлении?

– Есть, – сказал Тарасов. – Если сенатор предоставит мне лабораторию…

– С удовольствием, с удовольствием, – с улыбкой развел руками Мастер. – У нас хорошие лаборатории, все, что нужно, будет к вашим услугам. Я распоряжусь.

Вернулся Бенитес в сопровождении человека с повязкой медика.

– Доктор Джарвис, – отрекомендовался тот. – Сейчас я провожу вас в душевую и там уже сделаю уколы антирадиатина.

– Отлично, – снова сказал Гумилев и неожиданно потерял сознание.

Очнулся он уже в душевой. Стены из легкомысленной розовой плитки, зеркала, где-то из плохо прикрытого крана капает вода. Доктор Джарвис с одноразовым шприцем в руке.

– Я сделал вам дополнительно укол общеукрепляющего, – сообщил врач.

Гумилев запоздало подумал, что вместо антирадиатина Джарвис вполне мог ввести им наркотик или яд, вырубив таким образом трех потенциальных противников Мастера. Но нет, у того были уже способы с ними разобраться, и экс-сенатор к ним не прибег. Да и девушки наверху плюс Вессенберг вряд ли оставили бы это без внимания.

– Спасибо, доктор, – сказал Гумилев и сел. Оказывается, с него уже сняли обмундирование и тяжелые ботинки.

– Вы схватили совсем небольшую дозу, – продолжал врач, – не больше пятидесяти миллизивертов, так что вам ничего не угрожает. Душем не злоупотребляйте, особенно горячим.

Шибанов и Джей-Ти уже плескались под тугими струями, фыркали. Пахло фруктовым ароматом шампуня.

– Андрей! – окликнул Ростислав. – А почему ты так представился Смоллвуду – капитан Фарагут?

– Первое, что в голову пришло! – отозвался Гумилев, крутя никелированные рукояти кранов. – Я в детстве очень любил Жюля Верна, «Двадцать тысяч лье под водой». Там был такой капитан корабля – Фарагут. Мне сразу и вспомнилось. А откуда Смоллвуд вас знал? Ведь он именно вас с Джеем имел в виду?

– Старые счеты. Мы встречались сразу после Катастрофы, а потом он приходил в качестве парламентера Макриди, когда они напали на городок Уотерхоул.

– Надеюсь, ублюдок там хорошо прожарился вместе со своим гадским генералом, – буркнул Джей-Ти.

– Смоллвуд ведь сказал – Макриди не было в лагере, – напомнил Андрей.

– Вот же черт!

Некоторое время они наслаждались покоем и горячей водой. Потом Гумилев вспомнил предостережение врача, да и голова немного закружилась. Тщательно закрыв воду, он принялся растираться висевшим на вешалке полотенцем. В этот момент в душевую вбежала Мидори. Андрей успел прикрыться, а Джей-Ти, как раз вышедший из-под душа, воскликнул:

– Крошка, ты не ошиблась дверью?!

– Нет, – хмуро сказала Мидори, уставившись на бывшего рэпера. – Мастеру только что сообщили: армия Макриди атакует с юга.

Мастер выглядел встревоженным. Пару минут назад на связь вышел некий подполковник Хольт и доложил, что Республиканская армия массированно наступает с юга, откуда ее никто не ожидал.

– Получается, даже если мы уничтожили главные силы, у Макриди остались люди и техника для обходного маневра… – сокрушенно сказал Мастер.

– Или он готовил его давно. Планировал ударить с двух сторон, – сказал Гумилев, приглаживая влажные после душа волосы. – У вас что, нет разведки?!

– Есть, но разведгруппы не уходят далеко от города… В любом случае мобильные отряды разведчиков неоднократно докладывали о формировании мощной группировки там, где мы ее и ожидали. С юга никаких вестей не поступало. Возможно, Макриди внезапно решил наступать именно там и перебросил часть войск в последние дни.

– Теперь уже не важно, – махнул рукой Гумилев. – Что вы собираетесь предпринять?

– Перебросить часть сил на юг, я отдал необходимые распоряжения. Полковник Донован уже отправился туда, помогать Хольту.

– Надеюсь, теперь они разберутся без нас, – меланхолично сказал Джей-Ти и уселся на диван. Он порылся в портативном холодильнике, выудил банку сока и принялся пить.

– Разумеется, – согласился с ним Мастер. – Можете отдыхать. Все сведения с переднего края будут поступать сюда, я ничего не собираюсь скрывать. Мистер Тарасофф, а вы, вероятно, хотели бы заняться своими делами? Насчет лаборатории я давно распорядился.

– Я немного подожду, – сказал Нестор, почесав нос. – Не хотелось бы отвлекаться на исследования в такой ситуации. Мало ли как пойдут дела.

И дела, конечно же, пошли самым отвратительным образом.

Почти сразу же после слов Нестора совсем близко затрещали автоматные очереди, накладываясь одна на другую. Потом послышалось приближающееся «чап-чап-чап» вертолетных лопастей, перекрытое громкой пальбой многоствольных пушек и шипением неуправляемых ракет, закончившимся целой серией взрывов. Пол задрожал под ногами, со стола полетела аппаратура связи, посыпались искры.

– Они атакуют с воздуха! – закричал Мастер. – Но как?! Вертолеты должны сбить из-за периметра!

– Обычное разгильдяйство! – крикнул в ответ Гумилев. – Сначала всех сбивали, потом сбивать стало некого, потому что никто не летал, вот и расслабились…

На командный пункт ворвался майор Бенитес в сопровождении автоматчиков:

– Сэр, они высадили десант, сэр!

– Занять оборону! – скомандовал Мастер и обратился к Андрею: – Может, вы мне дадите какое-то оружие?

– Ловите! – Гумилев бросил бывшему сенатору свой автомат, который тот ловко поймал на лету.

– Благодарю, – церемонно произнес Мастер.

Все поспешно вооружались, Джей-Ти напяливал бронежилет прямо поверх футболки.

– Сколько их? – спросил Мастер, проверяя магазин.

– Вертолетов было девять, один мы сразу сбили, остальные успели высадить десант, – докладывал Бенитес. – Думаю, до сотни. Может, больше...

– Короче, вы ни черта не знаете, – сердито заключил Мастер.

Оттолкнув незадачливого майора плечом, он вышел с КП, за ним поспешно последовали Шибанов и остальные, включая Нестора.

Во дворе шел бой. Гумилев сразу же укрылся за высоким парапетом балкончика, с которого во двор спускалась широкая лестница. Его примеру последовали другие.

Судя по суматошной перестрелке, в городе царила полная неразбериха. В небе мелькнул вертолет, пытавшийся уйти куда-то на север, тут же мелькнула яркая вспышка, вертолет разломился пополам и камнем рухнул вниз. Нельзя было понять, кто его сбил – защитники Солт-Лейк-Сити или же опомнившаяся служба ПВО Периметра. В любом случае вертолеты Макриди успели выполнить свое предназначение – высадили десантников и нанесли ракетный удар. В сочетании с неожиданным нападением с юга это вызвало панику, а паника чаще всего ведет к поражению.

Гумилев осторожно выглянул из-за парапета. Снующие внизу люди в форме были похожи друг на друга – поди рассмотри нашивки и отличи бойца Республиканской армии от защитника города. Словно в дополнение ко всему этому содому, с небес хлынул проливной дождь.

– Что делать будем?! – спросил Шибанов, присевший на корточки рядом.

– Отбиваться! Вариантов нет!

– Можно попробовать уйти из города по подземным коммуникациям, как мы в свое время!

– Бессмысленно! Куда мы уйдем? Да и отсюда пока не вылезти… Гони девушек назад на КП!

– Да уж, прогонишь их, – буркнул Шибанов.

Снова раздалось несколько взрывов, с юга донеслась артиллерийская канонада.

– Кажется, наши орудия, – прислушиваясь, сказал Мастер. – Донован и Хольт пока справляются.

– Сэр! – Из двери командного пункта опасливо высунулся связист. – Сэр, я восстановил связь! Полковник Донован докладывает, что им пока удается сдерживать противника! В городе пожары, идут стычки с десантниками! Есть данные, что основные силы десанта пробиваются сюда!

– А то я не вижу! – рявкнул Мастер. – Передайте Донована, пусть держатся! С десантниками мы разберемся, но если они отправят сюда хотя бы взвод, нам будет значительно проще!

Связист отдал честь и молниеносно скрылся внутри.

– А вы оптимист, сенатор, – с одобрением сказал Гумилев. – Полагаете, в самом деле отобьемся?

– Нам ничего другого не остается.

…Спустя десять минут солдаты, оборонявшие двор, стали понемногу отступать. Атакующие лезли через все щели, закидывали двор гранатами, и Ростислав прикинул, что такими темпами подкрепления они могут и не дождаться.

– Сейчас же на КП! – заорал он, когда Атика плюхнулась рядом с ним и протянула руку за обоймой для пистолета. – Бери Мидори и укройтесь там!

– А как же вы?

– Если дело пойдет так же, нам всем придется отступать туда!

В подтверждение его слов очередь пропахала глубокую борозду в железобетонной стене над их головами.

– Хорошо! – послушно сказала Атика. Она с трудом оттащила Мидори от узкой бойницы в парапете, через которую та выцеливала из подобранной М16 нападавших, и за руку поволокла к двери.

Ростислав подумал, что погибнуть сейчас, когда почти все наладилось, было бы глупо – после того, что пришлось им пережить за последние годы. Видимо, такие же мысли посетили и Джея-Ти – скалясь, негр помахал Шибанову рукой и крикнул:

– Если меня прикончат, выпроси у Мастера для меня медаль Почета[1]!

– Какая тебе разница, если тебя все равно прикончат?!

– Я же говорил, что собираюсь в рай! Может, там для кавалеров медали Почета есть льготы – лишняя бочка амброзии или новый диск Доктора Дре!

Громко рассмеявшись над собственной шуткой, рэпер быстро поднялся, выпустил несколько коротких очередей вниз и так же быстро спрятался обратно. Дождевые капли с шипением испарялись на раскаленной стали ствола.

В паре шагов от Ростислава на камни балкончика упал солдат, получивший пулю в лицо. Стараясь не смотреть на жуткую рану, Шибанов на четвереньках подполз к нему и вытащил из разгрузки полный магазин. Патроны подходили к концу.

Неожиданно изнутри командного пункта раздались громкие хлопки, наружу повалил едкий зеленоватый дым. Насколько понимал Ростислав, сработало несколько дымовых гранат. Что там случилось?

Не оглядываясь на происходящее во дворе, Шибанов вскочил и бросился внутрь. Он сразу же закашлялся, глаза отчаянно защипало, но среди дымовых клубов он рассмотрел несколько фигур, невесть откуда появившихся в помещении. Лица их скрывали уродливые респираторы, похожие на свиные рыла.

[1] Высшая военная награда США. Популярная компьютерная игра «Medal of Honor» названа именно в ее честь.

Разбираться времени не было – Ростислав выстрелил от живота, не целясь, потому что обеих девушек в секторе обстрела не увидел. Один из людей в респираторах схватился за шею и упал, остальные кинулись в разные стороны и открыли беспорядочный огонь по дверному проему. Ростислав грохнулся на пол, откатился, снова выстрелил. Кто-то коротко вскрикнул.

– Атика! – позвал Шибанов. – Где вы?

– Они вылезли через какой-то люк в полу! – отозвалась жена, не вдаваясь в детали. – Их пятеро!

– Уже меньше! – Ростислав прикинул, что одного свалил, второго, судя по крику, ранил – возможно, легко… Где там Джей, где Гумилев, Нестор, Вессенберг?! – Вы в порядке?!

– Расти, Атика ранена! – это уже был голос Мидори. – Она вырубилась…

– Я сейчас! – Шибанов вскочил, рискуя получить пулю, и в этот миг мир вокруг него обрушился стеной серого праха. Во второй раз за сутки Ростислав потерял сознание.

…Опять шел дождь.

Ростислав поймал губами каплю, открыл глаза.

На него пристально смотрел человек лет сорока пяти, одетый в военную форму. Бледное лицо с легкой щетиной, большие карие глаза, узкий подбородок, тонкие губы. Похож на киноартиста, подумал Шибанов и только теперь заметил на груди, над левым карманом, узкую нашивку с буквами «Ген. Макриди».

– Я вас знаю, – сказал генерал, убирая фляжку. – Вы – Шибанов, хоккеист. Я выиграл чертову уйму денег, когда поставил на ваш клуб в том матче с канадцами. Я ваш должник.

Шибанов попробовал пошевелиться, но не смог. Он даже рукой не мог шевельнуть.

– Что со мной?.. – с трудом прошептал он.

– О, ваши дела плохи. Я сторонник того, что людям нужно говорить правду, – доверительно сказал Макриди. – Насколько я понимаю, ваши сбили наш вертолет, один из последних, и этот крокодил врезался в командный пункт, где мы все находимся. У вас, наверное, поврежден позвоночник – ударило бетонным блоком, когда обрушился потолок у выхода. Я с трудом сдвинул блок, перетащил вас на ровное место, но больше помочь ничем не могу. Ведь при травмах позвоночника нужно лежать на ровном, точно?

– Что… что с моей женой?

– С женой? – Генерал озадаченно уставился на Ростислава, потом понимающе закивал. – Вот как, я не мог и подумать… Не буду скрывать, у нее дела ничуть не лучше. Две пули в грудь. Простите, я не знал, что это ваша жена.

– Расти, она жива! – послышался откуда-то сбоку голос Мидори. – Атика еще жива! Нужно найти врача!

– Трое моих лучших людей лежат под обломками, а самое главное – засыпало люк. Я не могу расчистить его в одиночку, а от вас толку мало, – с серьезным видом сообщил Макриди. – Вам, наверное, интересно, как и почему я здесь оказался? Все очень просто: Мастер был настолько глуп, что не знал о том, что в буквальном смысле творится у него под ногами. А под ногами у него был технический люк, накрытый сверху ковром. Через этот люк мы сюда и проникли, пока основные силы отвлекали охрану снаружи. Честно говоря, я на сей раз и сам поступил недальновидно, отправившись вместе со штурмовой группой. Очень уж хотелось увидеть выпученные глазки сенатора, когда я направлю на него пистолет.

Иллюстрируя свои слова, генерал показал Шибанову огромный автоматический пистолет.

– Но сенатора тут нет. Сбежал. А я оказался в ловушке. Разумеется, я отсюда выберусь, ведь Господь постоянно хранит меня и помогает во всех начинаниях. Надеюсь, что мои солдаты уже заканчивают

штурм и скоро начнут разбирать завал снаружи. Или нет, и тогда мне придется придумывать другой способ. Но прежде я хотел бы поговорить с вами о ваших глазах.

– О чем?! – не понял Шибанов.

– О ваших глазах, – терпеливо повторил Макриди. – У вас глаза разного цвета, как и у меня.

– Вы несете чушь… – сказал Ростислав.

Что вообще происходит?! Нужно как-то выбираться отсюда, найти врача, спасти Атику… Но он не мог даже пошевелить пальцем.

Неужели позвоночник сломан?

Неужели они обречены?

Поодаль тихо заплакала Мидори.

– Линзы, – пояснил Макриди. – Недалекие люди полагают, что разноцветные глаза – печать дьявола. Приходится избегать ненужных разговоров. Я мог бы решать этот вопрос иначе, но выбрал наиболее мягкий и гуманный способ. Так что же насчет глаз?

– Родился такой, – сказал Ростислав.

– Бывает и так, – тут же согласился генерал. – Но бывает и по-другому. Задам вопрос: у вас есть предмет? Или у вас был предмет?

– Какой еще… какой еще предмет…

– Вы все прекрасно знаете, – печально произнес Макриди. – Видите ли, я все равно заберу его, когда вы умрете. Или даже не стану этого дожидаться, хотя первый вариант предпочтительнее. Что за предмет? Как он действует?

– Предмет у меня, – неожиданно сказала Мидори.

Макриди резко повернулся.

– У вас? Так давайте же его скорее сюда. Иначе я могу причинить вред вашим друзьям, не говоря о вас.

– Возьмите, – просто сказала Мидори.

Генерал улыбнулся, словно добрый дядюшка, которого племянники приглашают поиграть в лошадку.

– Дайте предмет, мое дорогое дитя, – попросил он, поднимая руку с пистолетом.

Это был опрометчивый поступок. Мидори молниеносно развернулась, словно сжатая пружина, и выбитый ногой пистолет отлетел в сторону, упав где-то среди руин связной аппаратуры. Макриди отшатнулся.

– Вот как! – воскликнул он и хищно пошевелил в воздухе пальцами, разминая их.

– Вот так! – выкрикнула Мидори и бросилась на генерала.

Шибанов скрежетал зубами, потому что ничем не мог помочь. А Мидори приходилось тяжело: если вначале сработала внезапность, то сейчас она с трудом уворачивалась от ударов Макриди, который явно увлекался восточными единоборствами. Только что японка пропустила особенно опасный выпад, и ее левая рука повисла плетью.

– Весьма неожиданный спарринг! – комментировал генерал, легко перемещаясь среди обломков в лучах чудом уцелевшей лампы и света, пробивающегося снаружи через амбразуру. – Жизнь постоянно готовит нам приключения и испытания, ведь так, маленькая мисс? Или вы уже миссис? У современной молодежи такие гнусные нравы!

Макриди и Мастер стоили друг друга – оба такие же чокнутые, думал Ростислав, пытаясь сгруппироваться и приподняться на локтях. Позвоночник прошило острой иглой боли. Шибанов с трудом подавил крик.

– По-моему, достаточно! – заявил Макриди, неуловимым движением выхватил боевой нож и, уйдя от отчаянного приема Мидори, оказался у нее за спиной. Через мгновение острый кончик лезвия вонзился в ее горло. – У нас довольно разный стиль, не говоря об уровне подготовки, – деловито сказал генерал. – Дальше продолжать просто не было смысла, поверьте. Так что вы там говорили о предмете?

Мидори тяжело, со свистом дышала сквозь сжатые зубы.

– Я знаю... все охотятся за моим предметом. Всем нужен только он. Я-то знаю... – Макриди усмехнулся. – У вас предмет нейтрализующий его? Или... Или дополняющий? Ну? Ну? Говорите же! С чем вы к нам пришли?

Внезапно за спиной генерала появился Гумилев. Макриди резко обернулся, услышав шаги, и вздрогнул, увидев лицо Андрея.

– Мы пришли к вам с миром, – усталым голосом заявил Гумилев и обрушил на голову генерала увесистый камень. Мидори с криком отпрыгнула в сторону, а генерал повалился на колени, замер на несколько секунд, с удивлением размазывая струйки крови на лбу, и наконец завалился набок.

– Это была не самая мирная миссия ООН, – испуганно поглаживая шею, сказала Мидори.

– Добро должно быть с кулаками, – вздохнул Гумилев, отряхивая руки. – Так о каком предмете он говорил?

– А вам он нужен? – подозрительно прищурившись, спросила Мидори и опустилась на корточки рядом с телом Макриди.

– Единственное, что мне сейчас нужно, это холодный душ, – искренне улыбнулся Андрей, – и пара-тройка стейков.

Мидори принялась обшаривать карманы генерала. Вытащила какие-то документы, бумаги, бросила на пол. Потом расстегнула замок куртки – на шее Макриди, на витом шнуре, висел небольшой матерчатый мешочек.

Гумилев подошел к Шибанову и сжал в руке его ладонь.

– Ты как?

– Хреново, и Аттика ранена.

– Сейчас займемся вами. Держись.

Мидори подергала шнур, но тот оказался крепким. Тогда она подняла нож, который минуту назад приставили к ее горлу, и перерезала шнур. Вытряхнула из ме-

шочка на ладонь что-то металлическое, поднялась и подошла к Гумилеву и Шибанову.

– Смотрите.

На окровавленной ладошке Мидори лежало металлическое насекомое. Таракан? Нет, наверное, сверчок.

– По-моему, это теперь твое… – найдя в себе силы улыбнуться, сказал Ростислав.

Снаружи КП послышалась возня, и знакомый голос крикнул:

– Вы там живы? Есть кто-нибудь внутри? Расти, если ты живой, то отзовись, иначе я тебе ухо отъем, когда вытащу твою задницу из мусора!

Я хотел бы, чтобы вы знали, что, когда мы обсуждаем войну, на самом деле мы обсуждаем мир.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, ОНА ЖЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Исцеление

Андрей Гумилев наблюдал, как жители Солт-Лейк-Сити разгружают контейнер, только что опущенный вертолетом на площадку. Рядом с ним Индро Юльевич Вессенберг деловито протирал клетчатым платочком очки.

В Солт-Лейк-Сити все помаленьку налаживалось. После того как Макриди погиб, а силы атакующих захлебнулись на окраинах города, вялотекущая война длилась всего пару дней, после чего стороны задумались: а что, собственно, они делят? И пришли к перемирию. Город на переговорах представлял полковник Донован, оказавшийся вполне толковым политиком и гражданским руководителем, а помогал ему Андрей Гумилев.

Потом было много важных событий: выход на связь с Твин-Фоллз, где их давно считали погибшими, прямая линия с генеральным секретарем ООН, переброска в Солт-Лейк-Сити мобильных лабораторий со штатом сотрудников во главе с Синцовым, разработка опытных образцов вакцины… Работали без перерывов и выходных, тем более что с юга, из Мексики, поступали тревожные вести о новых очагах эпидемии. Вирус «Армагеддона» каким-то невероятным образом проник сквозь заградительные барьеры ООН и теперь свирепствовал в труднодоступных районах Центральной Америки.

И Синцов, и Тарасов практически не спали, проводя все свое время в лабораториях. Мастер не под-

вел, обеспечил все необходимое для работы. Что же касается Нестора, то для Гумилева он по-прежнему оставался загадкой. С одной стороны, он до сих пор не доверял ему до конца, с другой – не мог не оценить его таланты и ту самоотверженность, с которой Тарасов лечил людей. У него получалось – Гумилев, правда, подозревал, что обязан своими успехами Нестор главным образом предмету, – но это была штучная работа, требующая к тому же постоянного напряжения всех сил.

Тела погибших в тоннеле переправили в Россию, за исключением доктора Штреллера, которого похоронили здесь, на городском кладбище.

Кстати, выяснилось, что сумасшедший ученый, перед тем как покинуть базу Неллис, все-таки запустил механизм самоуничтожения. По крайней мере, специальная поисковая группа на вертолетах обнаружила на месте базы сплошные руины и просевшие вглубь воронки. Одна из них стала могилой для отважного Санича – станция подземной железной дороги была уничтожена вместе с другими объектами.

Тоннели, в которых обитали монстры, зачищать пока не стали, благо наружу они выбраться не пытались. Но в будущем с ними следовало разобраться, и Гумилев не хотел бы, чтобы образцы боевых тварей попали в плохие руки.

Мастера собирались судить, но чем закончится суд и когда он вообще состоится, было неясно – огромное количество адвокатов трудилось, пытаясь доказать, что бывший сенатор руководствовался исключительно благими намерениями, а преступления совершали его подчиненные, о чем он чаще всего не ведал. К тому же сейчас Мастер выступал в качестве одного из главных спонсоров разработки долгожданной вакцины, что серьезно усиливало его позиции.

Мидори улетела в Токио, как только прошла все разрешительные процедуры и обследования. Насколько знал Гумилев, она решила заняться созда-

нием компьютерной игры по мотивам их приключений на Закрытой Территории. Андрей искренне надеялся, что он как персонаж в игре присутствовать не будет.

– Хай, босс! – послышался жизнерадостный голос. Из переулка к Гумилеву спешил Джей-Ти с запотевшей бутылкой пива в руке. С ним были молодая симпатичная негритянка и пройдошистого вида чернокожий мальчишка в футболке размера на три больше, чем следовало, с изображением самого Джея-Ти на груди. – Хай! – повторил Джей, подходя и хлопая Гумилева по плечу. – Это моя жена, Минни. Мы с ней расстались еще во времена штурма Уотерхоула – помните, я рассказывал?! И прикиньте, она прибилась в Солт-Лейк и все это время находилась здесь! А это мистер Гумилефф, самый толковый русский после Расти!

– Очень приятно, мисс. – Гумилев поцеловал руку Минни, та смущенно захихикала.

– А это Шеммонд, – представил Джей мальчишку. – Он типа как наш сын теперь. Такое дело, мать погибла во время войны, а мы с ним подружились, когда я удирал от Мастера. Он мне шибко помог. Нашел оружие и лодку с мотором... правда, за лодку я до сих пор торчу бабки старине Брюсу, у которого Шеммонд ее упер. Поздоровайся с мистером, Шеммонд!

– Здорово, чувак! – солидно сказал Шеммонд, протягивая ладошку. Гумилев, смеясь, пожал ее.

– Чем собираешься заниматься, Джей? – спросил Гумилев.

– Открываю клуб, – расплылся в улыбке негр. – Довольно я уже побегал за последнее время с пистолетами и гранатами, пора снова взяться за микрофон. Заходите, босс, послушаете, как я тряхну стариной.

– Джей самый крутой, – встрял пацан. – После Фифти Цента.

– Но-но! – обиделся рэпер. – Вот я позову сюда Фифти, и мы с ним устроим дуэль, сам посмотришь, кто крутой, а кто нет!

– Забьемся на двадцать баксов! – обрадовался Шеммонд.

Нестор медленно брел по саду клиники, направляясь к своему излюбленному месту – каменной скамье у маленького фонтана, укрытой зарослями бугенвиллеи. Перед глазами у него плавали черные и красные круги. Скарабей, возвращавший здоровье даже безнадежно больным людям, отнимал у своего хозяина слишком много сил.

«Когда-нибудь он убьет меня, – подумал Нестор равнодушно. – Если только мне не удастся найти предмет, дарующий вечную жизнь... Проклятие чертовых майя оказалось слишком уж хитрым... и черный порошок несет смерть, и Скарабей, который призван исцелять, в конечном итоге приводит к тому же финалу. Не того я хотел, когда задумал эту авантюру».

Кто-то шагнул из кустов навстречу. Нестор настолько вымотался и отупел за последние несколько суток, что даже не успел испугаться.

Перед ним стоял индеец – невысокий, кряжистый, похожий на перекрученный узловатый корень. При взгляде на него Нестор сразу же вспомнил древний город в джунглях Юкатана и подземную гробницу, в которой они обнаружили кувшин с черным порошком.

– Что тебе нужно? – спросил он, отступая. Наткнулся на что-то спиной и обернулся – сзади стоял еще один индеец, помоложе и посильнее с виду. С тоской Нестор подумал о том, что пистолет остался лежать в верхнем ящике письменного стола в кабинете.

Индеец не ответил. Его рука скользнула в карман широких камуфлированных штанов – Нестор почти не сомневался, что там спрятан нож.

Но индеец не спешил вытаскивать руку. Его тонкие губы изогнулись в подобии жестокой усмешки.

– Мы наблюдали за тобой, – сказал он на ломаном английском. – Семь, даже восемь дней. Ты – тот, о котором говорил Болон Окте. Ты – человек, у которого много лиц.

– Превращаешься, как настоящий колдун, – одобрительно добавил тот, что стоял сзади. – Мы видели.

Нестор был ошеломлен. За последнюю неделю он действительно несколько раз прибегал к помощи Бабочки, на несколько часов принимая облик молодого, полного сил мужчины – такова была изобретенная им методика, позволявшая переносить нечеловеческие нагрузки. Но он готов был поклясться, что никто не видел его перевоплощений. И тут вдруг откуда ни возьмись эти индейцы! Да кто они такие?

– Кто вы такие? – хрипло спросил он.

– Мы – слуги Болон Окте, – сказал кряжистый. – Меня звать Гватемалец, а его – Малыш. Как тебя зовут, мы знаем.

Несмотря на весь драматизм происходящего, Нестор не мог не улыбнуться.

– И как же?

– Ты – Целитель, – с уважением произнес Гватемалец. – Болон Окте послал нас, чтобы мы помогли тебе остановить болезнь.

– Ребята, – сказал Нестор, – вы, кажется, что-то путаете. Этот ваш Болон Котэ…

– Окте, – сурово поправил его Малыш. – Великий Губитель.

– Ну ладно, Окте… он же вроде как бог смерти. На черта ж ему останавливать то, что должно уничтожить человечество?

– Никто не может знать замыслов бога, – серьезно ответил Гватемалец. – Мы не знаем, зачем ему это понадобилось, как не знаем того, зачем он, разговаривая с нами, принял облик прекрасной белой девушки. Но это не наше дело. Наше дело – передать тебе вот это.

Он наконец вытащил руку из кармана и протянул Нестору. Тарасов пригляделся – на коричневой корявой ладони лежал маленький серебристый диск.

– Смотри, – сказал Гватемалец, – если не сумеешь сделать добро из зла, наш хозяин до тебя доберется.

...Ростислав Шибанов положил на прикроватный столик кистевые эспандеры. Тело понемногу восстанавливалось, хотя передвигался он по-прежнему с помощью костылей. Впрочем, врачи утверждали, что костыли – это ненадолго. В хоккей Шибанову, скорее всего, играть уже не придется, но во всем остальном у него практически не будет ограничений.

Две пули, застрявшие в легком Атики, тоже успешно извлекли, и теперь она шла на поправку. Доктор Джарвис пообещал на днях поместить их в одну палату, предупредив, чтобы не слишком шалили.

– Йо, брат! – в дверь бесцеремонно ввалился Джей-Ти в сопровождении целого коллектива посетителей: Минни, маленького Шема, Вессенберга и Гумилева. – Извини, я не принес тебе цветов. Напомни, какие ты больше любишь?

– Кактусы, – смеясь, отозвался Ростислав. – Их поливать не нужно.

– Фу, – скривился Джей. – Неужели ты не насмотрелся на этих колючих ублюдков, пока мы шастали по пустыне?

Они ударились в воспоминания – вернее, ударились Джей и Ростислав, а остальные преимущественно слушали, только Шеммонд то и дело вопил: «Вот это да!» и «Джей, ты крут!» Наконец, в палату заглянул доктор Джарвис и, делано хмурясь, велел всем проваливать и не мешать человеку выздоравливать. К тому же к нему пришел еще один посетитель.

– Давай, брат, скорее вылезай из этой ветлечебницы! – пожелал на прощание Джей-Ти. Ростислав помахал всем рукой и попросил Гумилева:

– Останьтесь на секундочку…

Гумилев дождался, пока дверь закроется.

– Так чего ты хотел?

– Вот. – Шибанов протянул раскрытую ладонь, на которой лежал Скорпион. – Возьми, пожалуйста.

Андрей молчал.

– Возьми, – повторил Шибанов. – Это твое по праву.

Гумилев подставил ладонь. Скорпион мягко упал на нее.

– Не знаю, что сказать… Спасибо, – сказал он.

– Не за что, – улыбнулся Ростислав, которому стало почему-то несказанно легко.

В дверь настойчиво постучали.

– Да! Кто там еще? – с наигранной строгостью крикнул Шибанов.

Посетителем, как ни странно, оказался Нестор Тарасов. Его и посетителем-то в полном смысле этого слова трудно было назвать: Нестор лечил Ростислава своими хитрыми методами, после которых местные врачи только диву давались – такие повреждения позвоночника и такая быстрая регенерация!

– У вас сегодня, я смотрю, весело, – сказал Нестор, входя и присаживаясь на пластиковый табурет.

– Обхохочешься.

– Можно мы с господином Шибановым… – Нестор посмотрел на Гумилева и жестом дал понять, что разговор будет тет-а-тет.

– Не вопрос… – Андрей подмигнул Шибанову и вышел из палаты.

– Что случилось?

– Мы сделали ее.

– Кого? Чего?

– Сделали вакцину.

– Вакцину?! – почти выкрикнул Шибанов.

– Тссс… Я пока не готов обсуждать это со всеми.

– Почему?

– Это все очень странно. То есть даже при том, что все вообще странно и больше похоже на дурацкий

фантастический фильм, и надо сказать, что я уже привык ко всем неожиданностям…

– Не тяни!

– Хочется надраться, – неожиданно заявил Нестор.

– Успеешь еще… Рассказывай, что случилось.

– Мне передали диск… Какие-то… черт-те кто. Индейцы? Хрен знает. Маленький диск, вроде DVD, который можно топтать ногами, жечь в костре, бросить в электромясорубку – ему ничего не будет.

– Военные технологии?

– У индейцев? Ну, пусть так. Допустим… Самое интересное, что читается он на самых простых устройствах. На плеере может читаться.

– И что же там было, на этом диске?

– Формула вакцины. Правда, мы с Синцовым и сами уже подобрались к разгадке… но там была одна хитрая цепочка аминокислот… впрочем, это неинтересно. Главное – теперь у нас есть вакцина. И она работает.

– Нобелевка, считай, в кармане…

– Нобелевка – ерунда, – отмахнулся Тарасов. – Гораздо интереснее те перспективы, которые открываются перед нами…

– Перед нами? – нахмурился Шибанов.

– По-моему, наступило время, когда я могу серьезно обо всем поговорить.

– А до сих пор мы шутили?

– Как ты думаешь, почему я доверил тебе свою тайну? Только тебе, а не кому-нибудь другому?

Шибанов пожал плечами.

– Понятия не имею, если честно.

– У меня были основания довериться именно тебе.

– А у меня уже голова болит от загадок. Говори прямо.

– Как ты относишься к тому, чтобы стать Странником?

– Я уже достаточно странствовал… – все так же недоуменно сказал Шибанов.

– Я не в этом смысле. Начну издалека – у тебя ведь есть предмет?

– Был, – покачал головой Ростислав.

Нестор удивился, а потом хлопнул себя по коленям:

– Ты отдал его Гумилеву?!

– Только что, – подтвердил Ростислав, не видящий смысла что-либо скрывать. Он прекрасно понимал, что врачебные таланты Тарасова связаны не только с его познаниями или скрытыми способностями. – А у тебя тоже есть предмет?

– Э… Хм… – замялся Нестор. – Это очевидно.

– И что это?

Вместо ответа Тарасов достал из кармана маленькую коробочку и продемонстрировал Ростиславу металлического Скарабея.

– Понятно, – кивнул Шибанов. – И как это связано с предложением стать неким странником? Хотя давай сразу на чистоту – я не планирую заниматься чем-то, не посоветовавшись с Атикой…

– Уверяю, Атика всегда будет рядом, – сказал Нестор, глядя прямо в глаза Шибанову. – А теперь, если угодно, я объясню, кто же они такие – Странники…

…Гумилев вышел из больничного садика и направился к маленькой кофейне. Будучи занят делами, он не выспался, и следовало слегка взбодриться.

Новость, которую только что сообщил ему по телефону Синцов, стоила того, чтобы отметить ее бутылкой шампанского, но Гумилев не привык пить в одиночку. Что ж, у него еще будет время заказать шампанское всей команде, разрабатывавшей вакцину.

Нестор нашел-таки решение! Ай да Тарасов, ай да сукин сын! Не зря все-таки Андрей послушался своей интуиции и не шлепнул подозрительного ученого там, в подземельях, хотя несколько раз его так и подмывало это сделать. Получается, что вся миссия Андрея Гумилева заключалась в том, чтобы обеспечить условия наибольшего благоприятствования для эффективной работы гения-одиночки?

Нет, что-то здесь было не так. Андрей интуитивно чувствовал это. Ничего, подумал он, разберемся

и с этим. Вот высплюсь как следует и обязательно выясню, кто же такой на самом деле Нестор Тарасов...

Из припаркованного через дорогу маленького «Фольксвагена-жучка» за Гумилевым следили.

– Тебе приходит в голову то же, что и мне, Малыш? – спросил Гватемалец вполголоса, как будто человек за столиком мог его услышать.

– Неужели это тоже он? – прошептал его товарищ и ученик.

Махукутах сильно изменился за последние месяцы. Долгое путешествие на север, за защитный Периметр, закалило молодого провинциального колдуна из Чьяпаса, сделало его немногословным и суровым мужчиной. Но сейчас он был ошеломлен так, что на несколько мгновений превратился в прежнего наивного Малыша.

– Сходство большое, – задумчиво проговорил Гватемалец. – Жаль только, отсюда не разглядеть, какого цвета у него глаза.

– Я схожу, посмотрю, – вызвался Махукутах. – Заодно куплю нам по гамбургеру.

Гватемалец наблюдал, как Малыш идет к кофейне. Хорошо идет, подумал он, даже не смотрит в сторону человека в дорогом костюме, делающего заказ официантке. Так... подходит к стойке... расплачивается, берет гамбургеры, возвращается...

У столика, за которым сидел человек в костюме, Малыш споткнулся и уронил один гамбургер на землю. Наклонился, поднял его, извинился и заспешил к машине.

– Поехали отсюда, – нервно сказал он Гватемальцу, протискиваясь в салон. – Это он, Болон Окте. У него тоже глаза разноцветные.

– Давай сюда гамбургер, – сказал Гватемалец. – Да не тот, который ты извалял, другой. И вот что – пока мы не поедим, никуда отсюда не поедем. Какой смысл? Если он здесь, то уж наверняка знает, что и мы тоже

неподалеку. Приказ его мы выполнили, так что бояться нечего.

– Все равно. – Малыш поежился. – Как-то мне неспокойно…

– А мне, – с набитым ртом проговорил Гватемалец, – хотелось бы получить деньги.

– Какие деньги? – не понял Махукутах.

– Доллары, – пояснил Гватемалец. – За поход к Холодной Дыре мы получили гроши, которыми к тому же пришлось делиться с этими двумя дармоедами. Путешествие на север, по-моему, стоит гораздо дороже.

– И с кого ты собрался получать эти деньги? – с тревогой спросил Малыш.

– Знаешь, – сказал Гватемалец, вытирая выпачканные в майонезе руки о сиденье «жучка», – если бог носит такой костюм, сдается мне, он не обеднеет от каких-то пятидесяти штук баксов. На каждого, разумеется.

– Ты шутишь?

– Совсем нет. И знаешь, что я думаю, Малыш?

Малыш покачал головой.

– Боги не всемогущи. Даже такие, как Болон Окте. Люди… они маленькие, слабые, они, как муравьи… но их много. Их слишком много, малыш. Так много, что их не истребить никакому богу. Разве что только они погубят сами себя…

– Веселая Смерть, – сказал Махукутах.

– Ну да. Может, когда-то это и могло стереть с лица земли род людской. Но не сейчас. Потому что всегда найдутся люди, которых не берет никакая Веселая Смерть, а среди них обязательно отыщутся умники, которые справятся с любой напастью.

– Вроде нас с тобой, – подумав, сказал Малыш.

Гватемалец посмотрел на него и криво усмехнулся.

– Ну да. Вроде нас с тобой.

Официантка принесла кофе и булочки, Гумилев вдохнул чудесный аромат мокко, и в этот момент

на террасу кафе вошел человек. Он был одет в джинсовый комбинезон и водолазку с высоким воротом, а голову держал чуть-чуть набок, словно у него была повреждена шея.

– Здравствуйте, tovarishch, – произнес он скрипучим голосом. – Вы не против, если я присяду за ваш столик?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

www.etnogenez.ru
Литературно-художественное произведение

Юрий Николаевич Бурносов

АРМАГЕДДОН

Крушение Америки
Зона 51
Подземелья смерти

Руководитель проекта *Константин Рыков*
Редакторы *Вадим Нестеров, Полина Максимова, Владимир Дьяконов*
Выпускающий редактор *Дмитрий Гусев*
Арт-директор, автор обложки *Алексей Гонтов*
Компьютерная вёрстка *Галина Сенина*
Корректоры *Антон Нелихов, Наталья Витько, Майяна Аркадова*
Аудиоверсия: *Андрей Градобоев, Роман Галушкин*
Правовое сопровождение *Юлия Полянцева, Алексей Наказной-Хоменко*

Подписано в печать 04.12.2013 г. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 2000 экз. Заказ 3951.

ООО «Издательство «Этногенез».
Россия, 127055, Москва, Угловой пер., д. 4.
Тел/факс +7 (495) 660-04-67 (41).
www.etnogenez.ru

ООО «Издательство АСТ».
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

16+

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

Многопользовательская онлайн
стратегия по мотивам литературного
сериала «Этногенез»

ВОЙНА

ЭТНОГЕНЕЗ

www.voina.ru

111540=

Отряд археологов находит в непроходимой мексиканской сельве затерянный город майя. Там, в древней гробнице, ученые обнаруживают глиняный кувшин, запечатанный воском, и серебряную фигурку скарабея, который сдерживал хранившуюся в кувшине смерть. Вирус, получивший название «Армагеддон», превратил треть населения Соединенных Штатов в жаждущих крови безумцев. Эпидемию удалось локализовать, но несколько штатов превратились в Закрытую Территорию.

Русский хоккеист Ростислав Шибанов, фотомодель Атика, девочка-кинозвезда Мидори и чернокожий рэпер Профессор Джей-Ти пытаются вырваться из ада на земле, которым стали США.

Спустя два года команда ученых, возглавляемая Андреем Гумилевым, приступает к исследованию Закрытой Территории. И все это для того, чтобы спасти миллионы людей, раз и навсегда решив проблему вырвавшегося на свободу вируса «Армагеддон».

Собранные под одной обложкой три книги романа Юрия Бурносова «Армагеддон» образуют пятый из циклов литературного сериала «Этногенез» — самого грандиозного проекта в истории российской фантастики. «Этногенез» — самый масштабный проект в истории литературы! Он продлится несколько лет и не имеет аналогов. Каждая книга — это отдельная история, каждая серия — новый сюжет. Фрагменты собираются в одну мозаику — увлекательную и неожиданную. Вас ждут затерянные миры и их секреты, сакральные символы, захватывающие приключения, путешествия во времени и пространстве — в настоящее, прошлое, будущее. Читайте, верьте, участвуйте и складывайте пазл!

ЭТНОГЕНЕЗ

ISBN 978-5-904454-88-3

9 785904 454883

ЖАНРЫ

www.ast.ru

ВОЙНА
www.voina.ru

RUSSIA.RU
ДНИ.РУ
ВЗГЛЯД
ДЕЛОВАЯ ГАЗЕТА
СТАНЦИЯ 2.0
РАДИО БУДУЩЕГО
Available on the App Store